ДБ
20
Т67
ТРИ ВЕКА
— 6 —
М. 1913

ТРИ БУКВЫ.

29 иллюстр. на отд. лист.
Страниц 1922/XI 2/г.

ДБ
20
Т67
13
947
Т67
ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ
947
Т67

ТРИ ВѢКА

РОССІЯ ОТЪ СМУТЫ ДО НАШЕГО ВРЕМЕНИ

ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ В. В. КАЛЛАША

16 СЕН 1913
БИБЛІОТЕКА СЛУЖАЩИХЪ УПРАВЛЕНІЯ ЖЕЛ. ДОР.
№ 62956.

ТОМЪ VI

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

ф 158

ГПИБ
ФИЛИАЛ

ВЪ ИЗДАНІИ ПРИНЯЛИ УЧАСТІЕ:

проф. М. М. Богословскій, С. К. Богоявленскій, В. Н. Бочкаревъ, Н. Л. Бродскій, акад. А. Н. Веселовскій, Л. И. Гальберштадтъ, пр.-доц. Ю. В. Готье, Н. В. Давыдовъ, В. П. Дроздовъ, Д. А. Жариновъ, пр.-доц. А. И. Заозерскій, В. В. Каллашъ, проф. Н. Ѳ. Каптеревъ, А. А. Кизеветтеръ, проф. М. К. Любавскій, В. В. Нечаевъ, Н. М. Никольскій, проф. И. Х. Озеровъ, В. И. Пичета, проф. С. Ѳ. Платоновъ, пр.-доц. А. Е. Пѣсняковъ, проф. С. В. Рождественскій, П. Н. Сакулинъ, К. В. Сивковъ, И. М. Соловьевъ, В. Н. Сторожевъ, пр.-доц. Б. И. Сыромятниковъ, В. Я. Уланóвъ, Д. И. Успенскій, В. Е. Чешихинъ-Вѣтринскій и ***.

Госуд. публичная
ис. ческая
биб. о.е. РСФСР
420438

420438
19

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.

Москва.—1913.

Дб
20
Т67

БИБЛІОТЕКА СЛУЖАЩИХЪ
Управленія ж д
Фонтанка, 117.

XIX ВѢКЪ

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА

Политическіе процессы Николаевской эпохи.

Судьи декабристовъ вскорѣ убѣдились, что терроризировать либераловъ еще не значило устранить тѣ условія, которыми вызваны были дѣятельность тайныхъ обществъ времени Александра I и событіе 14 декабря 1825 г. Событія Западной Европы, въ родѣ революцій 1830 и 1848 гг., возбуждали не однихъ только польскихъ патріотовъ къ активнымъ выступленіямъ во имя свободы; вѣсти о нихъ незримо проникали сквозь рогатки и заставы „во глубину Россіи“, вызывая въ разныхъ частяхъ русскаго общества мысли и настроенія, далеко не мирящіяся съ Николаевскимъ режимомъ. Въ томъ же направленіи дѣйствовала и передовая западная мысль, памѣчавшая новые лозунги общественнаго и государственнаго строительства, на основахъ соціализма. Классическая цензура Николаевскаго времени и строгій надзоръ за ввозимой изъ-за границы „запрещенной“ литературой были безсильны изолировать нѣкоторые элементы русскаго общества и отъ этой „заразы“, распространяемой сочиненіями Сенъ-Симона, Луи Блана, Прудона, Фурье и др. „Преступныя идеи“ находили въ русскомъ обществѣ тѣмъ болѣе благопріятную почву, что условія русской дѣйствительности заставляли и камни вопіять. „Караванъ-Сарай солдатизма“ не только въ войскѣ, но и во всемъ управленіи, „неправда черная въ судахъ“, „мерзость крѣпостного права“, сыскъ и цензура, сковавшіе литературу и научную мысль,—все это способно было возбуждать острое чувство недовольства въ мало-мальски сознательныхъ умахъ, внѣ всякой зависимости отъ искусственной пропаганды. Самое дѣло

декабристовъ стало для многихъ завѣтомъ, звало наиболѣе возбудимые элементы къ продолженію ихъ дѣла и къ подражанію ему хотя бы во внѣшнихъ формахъ, иногда безъ разумѣнія сущности. Наиболѣе отзывчивою и въ это время, какъ всегда, оказалась молодежь, главнымъ образомъ университетская. Движеніе захватываетъ все болѣе и болѣе зрѣлыя по возрасту и развитію группы, несмотря на ужасающія по жестокости кары, налагаемыя услужливой юстиціей даже за дѣтски-наивныя увлеченія, не безъ педагогической цѣли: „Да послужитъ настоящее дѣло предостереженіемъ и спасительнымъ примѣромъ юношамъ, можетъ-быть, также заблуждающимся, но еще непреступнымъ. Да обратятъ, въ особенности родители, вниманіе на нравственное воспитаніе дѣтей...“ [1]) говорилось въ одномъ изъ такихъ драконовскихъ приговоровъ. Но не одни педагогическія соображенія заставляли императора Николая Павловича съ неумолимою жестокостью преслѣдовать самыя невинныя увлеченія, заявляя, что даже „одно вранье... въ высшей степени преступно и нестерпимо“ [2]). Дѣло декабристовъ на всю жизнь повысило чувствительность у столповъ Николаевскаго режима ко всему, что выходило за его рѣшетки и цѣпи. Событія Западной Европы съ ихъ отраженіями въ русской Польшѣ не могли не содѣйствовать повышенію этой чувствительности. Въ этой-то атмосферѣ и слѣдуетъ искать объясненія характерныхъ особенностей политическихъ процессовъ Николаевской поры.

Какъ ни талантливо было поставлено слѣдственное дѣло о тайныхъ обществахъ, въ связи съ дѣломъ декабристовъ, отъ взоровъ „Комитета о тайныхъ злоумышленникахъ“ ускользнули нѣкоторыя общества, раскинувшіяся по разнымъ уголкамъ Россіи.

Изъ нихъ наиболѣе кошмарнымъ по своей жестокости былъ такъ называемый „процессъ братьевъ Критскихъ“. Дѣтской, до глупости наивной игрѣ безусыхъ студентовъ въ тайное общество и заговоръ былъ приданъ серьезный характеръ общества потрясателей основъ, со всѣми тяжкими послѣдствіями для его участниковъ. „Заговорщики“, изъ которыхъ самому старшему было 21 годъ, а возрастъ большинства колебался между 16 и 19 годами, въ товарищескихъ бесѣдахъ вели разговоръ о величіи декабристовъ, проникались ненавистью къ монархическому правленію изъ стихотвореній Пушкина и Рылѣева, даже говорили о необходимости силою принудить императора дать конституцію, если онъ добровольно на это не согласится; при чемъ, по замѣчанію слѣдственной комиссіи, „едва ли (говорившій) понималъ значеніе этого слова“ (т.-е. конституція). Занимательна была также мысль „заговорщиковъ“ распространять свои потрясательныя рукописныя прокламаціи, кладя ихъ на подножіе памятника Минину и Пожарскому, вербовать членовъ среди студентовъ, избрать предсѣдателемъ своего тайнаго общества

---

1) Политич. процессы Николаевской эпохи. Петрашевцы. Изд. Саблина. М. 1907 г., стр. 8.

2) Ibid., 151 стр.

А. С. Пушкина, а руководство въ боевомъ выступленіи поручить обиженному Николаемъ I генералу Ермолову...

Наивность „заговорщиковъ“ была настолько очевидна, что комиссія высказалась въ томъ смыслѣ, что за неважностью самаго дѣла и за недостаткомъ фактовъ слѣдуетъ молодыхъ людей суду не предавать, вмѣнивъ имъ въ наказаніе трехмѣсячное содержаніе ихъ подъ арестомъ. Не такъ просто посмотрѣлъ на это дѣло Николай Павловичъ. Резолюція его на докладѣ комиссіи гласила: „Суду не предавать, а послать по два: въ Шваргольмъ, въ Шлиссельбургъ и въ Соловецкій островъ. Членамъ комиссіи объявить благодарность. 21 ноября 1827 г.“. И на основаніи этой резолюціи нѣсколько молодыхъ жизней было загублено [1])...

Гр. А. Х. Бенкендорфъ.

Этотъ процессъ юныхъ заговорщиковъ больше характеренъ для настроенія правительства, чѣмъ для общественныхъ движеній Николаевской поры. Въ такихъ кружкахъ отражались скорѣе смутныя настроенія эпохи, чѣмъ сознательная оппозиція общества. Да и то сказать: слишкомъ рано ударила желѣзная рука Николая I по этимъ оппозиціоннымъ зародышамъ, чтобы можно было по ихъ недоразвившимся формамъ опредѣлить то, во что бы они сформировались бы при болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Гораздо опредѣленнѣе по программѣ и зрѣлѣе по составу членовъ было общество, раскрытое въ Москвѣ въ 1831 г., по доносу студента Московскаго университета Полонина, извѣстное, по имени своего руководителя, подъ названіемъ кружка Сунгурова. Поскольку можно заключить по недавно напечатаннымъ извлеченіямъ изъ военно-суднаго дѣла надъ этимъ кружкомъ, сгруппировавшееся вокругъ отставного губернскаго секретаря Ник. Сунгурова (26 лѣтъ) общество считало себя „остаткомъ отъ 14 декабря 1825 г.“ и продолжателемъ дѣла декабристовъ. Отсюда цѣлью своей общество ставило введеніе въ Россіи конституціи. Намѣчались и средства къ достиженію этой цѣли—бунтъ, но не военный,

---

[1]) Данныя объ этомъ процессѣ напечатаны въ изд. В. М. Саблина: «Тайныя общества. Процессы Колесникова, бр. Критскихъ и Раевскихъ».

какъ это имѣли въ виду декабристы, а, главнымъ образомъ, при помощи „фабричныхъ“ и „черни“. Будучи, главнымъ образомъ, студенческимъ по составу [1]), общество это, естественно, должно было искать опоры своему выступленію внѣ своего слишкомъ невоинственнаго состава. Если вѣрить слѣдственному дѣлу, Сунгуровъ предлагалъ „во время оцѣпленія Москвы отъ холеры возмутить фабричныхъ рабочихъ и чернь, разбить питейные дома, освободить всѣхъ арестантовъ, захватить артиллерійскую роту и арсеналъ, раздать солдатамъ и черни деньги, взявъ таковыя изъ присутственныхъ мѣстъ, задавить московскаго генералъ-губернатора. Предписать губернаторамъ смежныхъ съ Москвою губерній выслать депутатовъ къ выслушанію конституціи, повѣсить противящихся, разослать по всѣмъ губерніямъ прокламаціи къ народу для возбужденія ненависти къ правительству, внушивъ для этого народу, что цесаревичъ Константинъ Павловичъ шелъ въ Россію съ польскими войсками для того, чтобы отобрать всѣхъ крестьянъ отъ помѣщиковъ, сдѣлать ихъ вольными, не брать съ нихъ и съ мѣщанства никакихъ податей и жить всякому для себя, кто какъ хочетъ, и что за это императоръ заключилъ цесаревича въ крѣпость; потомъ, составивъ шайку тысячъ въ пять человѣкъ, пойти въ Тулу и взять орудійный заводъ“ [2]). Таковъ планъ дѣйствій этого общества, если вѣрить слѣдственному матеріалу. Но, къ сожалѣнію, матеріалъ этотъ мало надеженъ, въ качествѣ средства освѣтить истинныя цѣли и тактику общества. Ненадеженъ онъ прежде всего потому, что подсудимые не всегда говорили правду, по вполнѣ понятнымъ причинамъ, да и слѣдователи часто далеки были отъ безпристрастія, подчасъ сознательно сгущая краски, затушевывая въ показаніяхъ одно и выдвигая другое, тоже по понятнымъ для того времени причинамъ. Сверхъ того, изъ такой огульной картины трудно выдѣлить то, что общество считало своими основными задачами, и что отходило на счетъ агитаціонныхъ средствъ и тактическихъ пріемовъ выступленія. Освобожденіе крестьянъ отъ помѣщиковъ, уничтоженіе подушной подати, созывъ народныхъ представителей (какъ будто только для выслушанія конституціи (?)) стоитъ здѣсь рядомъ съ грабежомъ питейныхъ заведеній и присутственныхъ мѣстъ, терроризированіемъ противящихся, обѣщаніемъ „житья для себя, кто какъ хочетъ“, и т. д., и невольно хочется думать, что введеніе конституціи, при чемъ едва ли только явочнымъ порядкомъ, чрезъ объявленіе ея депутатамъ, освобожденіе крестьянъ, податная реформа составляли главную жизненную цѣль общества, къ осуществленію которой оно стремилось; за это говоритъ также и то, что Сунгуровскій кружокъ сознательно считаетъ себя продолжателемъ дѣла декабристовъ; всѣ же другіе лозунги и пріемы

---

[1]) На 26 лицъ, привлеченныхъ къ слѣдствію, было 13 чел. студентовъ, 3—4 отставныхъ военныхъ, остальные—разночинцы гражданской службы, иностранцы-мѣщане и др.

[2]) «Русск. Арх.», 1912 г., XII, стр. 481—483.

(грабежъ, поднятіе рабочихъ, анархія) восходятъ или къ разряду агитаціонныхъ средствъ для привлеченія къ дѣлу широкихъ массъ, или являются плодомъ досужихъ вымысловъ сыщиковъ и обвинителей.

Не успѣло закончиться Сунгуровское дѣло, какъ недремлющее око политическаго сыска вновь объявило отечество въ опасности. На этотъ разъ Николаевская юстиція оказалась если не болѣе справедливою, зато болѣе прозорливою: въ неуловимыхъ формахъ зарождалась сила, которая съ тоіі поры въ своемъ неудержимомъ международномъ развитіи стала грозной не для одного только Николаевскаго режима, и не въ одной только Россіи. Открыто было, собственно, не общество, а зарожденіе мощнаго идейнаго теченія, которое чувствовалось, какъ настроеніе, какъ захватывающая своею искренностью мысль, но было неосязаемо, неуловимо для пріемовъ неразборчиваго сыска: для улавливанія этого духа, какъ увидимъ, потребовались подготовленные „образованные“ агенты сыска. А пока что, приходилось хвататься за соломинку, чтобъ дать видимую обоснованность тому процессу, въ которомъ фигурировалъ въ качествѣ обвиняемыхъ московскій студенческій кружокъ, во главѣ съ Герценомъ и Огаревымъ. Настроенія и мысли, сплотившія членовъ этого кружка, зародились тоже „на кровяхъ“ декабристовъ. Въ „Былomъ и Думахъ“ Герценъ вспоминаетъ: „Разсказы о возмущеніи (14 дек. 1825 г.), о судѣ и ужасѣ въ Москвѣ сильно поразили меня: мнѣ открывался новый міръ, который становился больше сре-доточіемъ всего нравственнаго существованія моего; не знаю, какъ это сдѣлалось, но, мало понимая или очень смутно, въ чемъ дѣло, я чувствовалъ, что я не съ той стороны, съ которой картечь и побѣды. Казнь Пестеля и его товарищей окончательно разбудила ребяческій сонъ моей души“. На университетской скамьѣ Герценъ, тяготившійся одиночествомъ, нашелъ совершенное пониманіе своихъ настроеній въ лицѣ Огарева, Сазонова, Сатина и др. Это было восторженное, какое-то романтическое сліяніе молодыхъ сердецъ на почвѣ общихъ переживаній и интересовъ.

Друзья горячо начали пропаганду среди университетской молодежи. „Что мы, собственно, проповѣдывали, — пишетъ Герценъ, — трудно сказать. Идеи были смутны: мы проповѣдывали французскую революцію, потомъ... сенъ-симонизмъ и тутъ же революцію, мы проповѣдывали конституцію и республику, чтеніе политическихъ книгъ и сосредоточеніе силъ въ одномъ обществѣ. Но пуще всего проповѣдывали ненависть ко всякому насилію, ко всякому произволу“. Но изъ этого розоваго туманнаго настроенія замѣтно выдѣляется тотъ „новый міръ“, учениками котораго называлъ Огаревъ себя и товарищей. Объ этомъ пишетъ и Герценъ: „Новый міръ толкался въ двери, наши души, наши сердца растворились ему. Сенъ-Симонизмъ легъ въ основу нашихъ убѣжденій и неизмѣнно остался въ существенномъ. Удобовпечатлимые, искренно-молодые, мы легко были подхвачены мощной

волной его и рано переплыли тотъ рубежъ, на которомъ останавливаются цѣлые ряды людей... Но не всѣ рискнули съ нами. Соціализмъ и реализмъ остаются и до сихъ поръ пробными камнями, брошенными на путь революціи и науки... Уже тогда, въ 1833 г., либералы смотрѣли на насъ исподлобья, какъ на сбившихся съ дороги". Этотъ „новый міръ" состоялъ, какъ извѣстно, въ ученіи Сенъ-Симона и его послѣдователей о пересмотрѣ задачъ дѣятельности во имя всеобщаго счастія. Въ этомъ же направленіи разрабатывалъ проблему соціализма и Фурье. Хорошо знакомый съ организаціей торговаго обмѣна, въ качествѣ профессіональнаго приказчика и конторщика, Фурье проводилъ мысль о сосредоточеніи производства и торговли въ рукахъ демократическаго государства и общества, въ цѣляхъ сохраненія труда, ненужно затрачиваемыхъ силъ и средствъ на посредничество. Устранить спекуляцію, монополію, посредничество—значитъ удешевить товаръ для его производителя. Обобществленіе фабрикъ, заводовъ, пекаренъ, жилищъ и т. п. приблизитъ общество къ справедливому распредѣленію благъ, достигаемыхъ трудомъ; замѣна частнаго хозяйства общественнымъ дастъ возможность рабочей массѣ культурно, съ большими удобствами и радостно пользоваться плодами своихъ трудовъ въ благоустроенныхъ общихъ жилищахъ (фаланстерахъ) съ залами для собраній, театромъ, читальнями и другими культурными усовершенствованіями, совершенно недоступными для рабочихъ массъ при существующей системѣ производства и торговли. Вотъ тотъ „новый міръ", восторженными апостолами котораго стали Герценъ и Огаревъ съ товарищами.

Но ихъ мечтѣ—„общество составить втайнѣ и втайнѣ шагъ за шагомъ распространять... соцьялизмъ" — было не суждено свершиться. По доносу шпіона, подслушавшаго нецензурныя пѣсни, распѣваемыя на пирушкѣ веселою отъ молодости и вина компаніей, въ составѣ которой были нѣкоторые члены кружка, было начато „Дѣло о лицахъ, пѣвшихъ въ Москвѣ пасквильные стихи". Но главное было не въ этихъ стихахъ, а въ томъ „смѣломъ вольнодумствѣ и въ расположеніи ума, готоваго къ противнымъ порядку предпріятіямъ", которое выяснилось изъ перехваченной переписки Герцена съ Огаревымъ и въ ихъ отвѣтахъ предъ слѣдственной комиссіей. Не было фактовъ, за которые можно было бы обвинять въ попыткахъ ниспроверженія государственнаго строя, но были духъ и настроеніе, опасные своими возможностями. Это и отмѣчалъ кн. Голицынъ въ докладѣ Бенкендорфу о характерѣ дѣла и его участниковъ: „Хотя не видно въ нихъ настоящаго замысла къ измѣненію государственнаго порядка, и сужденія ихъ, не имѣющія еще существенно никакихъ вредныхъ послѣдствій, въ прямомъ значеніи не что иное суть, какъ однѣ мечты пылкаго воображенія, возбужденныя при незрѣлости разсудка чтеніемъ новѣйшихъ книгъ, которыми молодые люди нерѣдко завлекаются въ заблужденіе, но за всѣмъ тѣмъ имѣютъ видъ умствованій непозволительныхъ какъ потому, что, укоренясь временемъ, мо-

гутъ образовать расположеніе ума, готоваго къ противнымъ порядку предпріятіямъ, такъ и потому, что люди съ такими способностями и образованіемъ, какія имѣютъ означенныя въ семъ разрядѣ лица, удобно могутъ обольщать ими другихъ“. Пророчество Голицына, какъ извѣстно, сбылось. Способности и сила духа „означенныхъ въ семъ разрядѣ лицъ“ не были заглушены даже Николаевскими пріемами подавленія духа жива у „безпокойныхъ людей“, и не только ссылка, которой были подвергнуты члены кружка, но и добровольное самоизгнаніе изъ отечества не помѣшали этимъ сильнымъ вѣрою въ свое дѣло людямъ „своими способностями и образованіемъ... обольщать другихъ“ даже „съ того берега“.

Но тотъ же духъ, который далъ жизнь юному Герценовскому кружку и закалилъ убѣжденія и характеръ такихъ бойцовъ за идею, какъ самъ Герценъ и Огаревъ, нашелъ свое новое воплощеніе на русской почвѣ въ крайне своеобразномъ идейномъ движеніи, захватившемъ болѣе зрѣлую среду, которая сгруппировалась вокругъ имени М. В. Буташевича-Петрашевскаго. Это была недюжинная по способностямъ личность и крайне оригинальный характеръ. Герценъ сравнилъ его съ уличнымъ мальчишкой (gamin), но такимъ, который идетъ умирать на баррикады, не заботясь о томъ, вспомнитъ ли о немъ кто-либо послѣ смерти, а послѣ побѣды забываетъ требовать для себя мѣста или ордена. „Онъ былъ уличнымъ мальчикомъ не по системѣ или заранѣе обдуманному намѣренію, онъ былъ имъ по природѣ“ [1]).

Это не совсѣмъ такъ. Не врожденное мальчишество подталкивало Петрашевскаго на эксцентричности, которыми изобилуетъ его біографія, а глубокое презрѣніе и нескрываемая иронія къ лицамъ и порядкамъ, гнетущимъ своимъ ничтожествомъ и произволомъ. Подъ его съ виду легкомысленными выходками всегда скрывалась защита права отъ его угнетателей. — Этотъ человѣкъ, смѣявшійся горькимъ смѣхомъ и рѣдко любимый людьми, могъ полюбить идею и всю свою жизнь беззавѣтно посвятить ей. Такой идеей, кромѣ идеи права человѣка, для него былъ прежде всего фурьеризмъ со всѣми выводами изъ него для русской дѣйствительности.

Въ намѣченномъ имъ въ 1842—43 гг. спискѣ темъ, занимавшихъ его въ это время, ясно сказывается уклонъ его интересовъ въ сторону фурьеризма. Сюда относятся: „Очерки состоянія Россіи, какъ государства, т.-е. одной изъ случайныхъ формъ ассоціацій человѣческихъ“ (картина ея несоотвѣтствія въ этомъ отношеніи), „О системѣ взаимнаго содѣйствія“, „О началахъ распредѣленія богатствъ или дивиденда между производителями“. Занимаютъ его въ это время и вопросы объ „образѣ устройства освобождаемыхъ крестьянъ“. Темы эти, по всѣмъ вѣроятіямъ, были навѣяны чтеніемъ упомянутыхъ уже нами соціалистовъ (Сенъ-Симона, Фурье, Консиде-

---

[1]) Семевскій. М. В. Буташевичъ-Петрашевскій. „Голосъ Минувшаго“, 1913 г., № 1, стр. 31

рана, Прудона, Луи-Блана): о богатой библіотекѣ Петрашевскаго изъ новѣйшихъ сочиненій по исторіи полит. экономіи и соціальнымъ наукамъ говорили и ею пользовались. Соціалистическія мысли Петрашевскаго становятся дѣйственными,—онѣ ищутъ своего общественнаго проявленія. Сначала Петрашевскій хлопочетъ о журналѣ, а потомъ, за неудачей, хватается за „Карманный словарь иностранныхъ словъ“, издаваемый Н. Кирилловымъ, подъ редакціей талантливаго В. Н. Майкова. Во второмъ выпускѣ этого словаря, за уходомъ Майкова, принялъ дѣятельное участіе и Петрашевскій, вливавшій въ первое попавшееся слово смыслъ захватившаго его ученія. Не только въ такія слова, какъ „Организація промышленности“, но и въ слово „Ораторство“ ухитрился Петрашевскій вложить ученіе Фурье. „Человѣку,—читаемъ мы подъ этимъ словомъ,—взятому въ отдѣльности, почти ничего невозможно совершить, но все возможно совершить въ обществѣ и обществомъ. Для него всегда трудъ уединенный и однообразный, не опредѣленный природнымъ влеченіемъ, будетъ всегда тяжкой казнью, и великая нравственная сила потребна, чтобы не пасть подъ ея гнетомъ“. По словамъ В. И. Семевскаго, авторъ выдвигаетъ въ этихъ словахъ одно изъ основныхъ положеній ученія Фурье—необходимость сдѣлать трудъ привлекательнымъ [1]). По словамъ Герцена, Петрашевскій ухватился за этотъ словарь не только съ тѣмъ, чтобы „изложить основныя начала соціалистическихъ ученій“, но и „перечислить наиболѣе важные параграфы конституціи, принятой французскимъ учредительнымъ собраніемъ, съ ядовитою критикой отнестись къ современному состоянію Россіи и назвать заглавія нѣкоторыхъ сочиненій—Сенъ-Симона, Фурье, Гольбаха, Кабе, Луи-Блана и проч. Основная идея системы Фейербаха изложена безъ обиняковъ подъ словомъ натурализмъ. Подъ словомъ ода Петрашевскій процитировалъ даже... стихотвореніе Беранже“. По замѣчанію Ѳ. М. Достоевскаго, данномъ на слѣдствіи, Петрашевскій настолько изучилъ систему Фурье въ подробности, что „Фурье мѣшаетъ ему смотрѣть самобытнымъ взглядомъ на вещи“. Все это намъ рисуетъ содержаніе идейныхъ интересовъ Петрашевскаго передъ выступленіемъ его на путь широкой и почти открытой пропаганды своихъ воззрѣній на своихъ пятничныхъ журфиксахъ.

Завсегдатаями этихъ журфиксовъ Петрашевскаго были молодые люди (отъ 20 до 39 лѣтъ, самому Петрашевскому во время суда было 28 лѣтъ), многіе изъ нихъ знакомые Петрашевскому по Лицею; между ними не было титулованной и чиновной знати, но много интеллигентныхъ, уже заявившихъ о себѣ въ то время силъ: достаточно назвать братьевъ Достоевскихъ, Н. Я.

---

[1]) Вопросъ объ участіи Петрашевскаго въ этомъ „словарѣ“, какъ и о самомъ словарѣ, подробно разработанъ въ новой, еще не конченной статьѣ В. И. Семевскаго: „М. В. Буташевичъ-Петрашевскій“, въ „Голосѣ Минувшаго“ за 1913 г., № 1 и 2.

Соколовъ. Гр. А. Х. Бенкендорфъ.

Сокольов. Гр. А. Х. Дебелкевобфр.

БИБЛІОТЕКА СЛУЖАЩИХЪ
Управленія ж д.
Фонтанка, 117.

Данилевскаго, Ахшарумова, Ап. Н. Майкова, Салтыкова, Момбелли, извѣстнаго впослѣдствіи педагога Толля и др.

Впрочемъ, вечера эти были довольно открытыми, и доступъ на нихъ не былъ закрытъ желающимъ. Не даромъ такъ легко проникъ туда агентъ Антонелли, вызвавшій у всѣхъ недовѣріе. По агентурнымъ свѣдѣніямъ, „въ тѣхъ собраніяхъ являлись каждый разъ новыя лица, и притомъ изъ разговоровъ ихъ было видно, что съ ними въ большей или меньшей прикосновенности находились разныя лица, которыхъ въ эти (наблюдаемыя шпіонами) шесть пятницъ налицо не было“. По образцу этихъ вечеровъ устраивались болѣе или менѣе постоянныя собранія „у литератора Дурова и тит. сов. Кашкина“, не считая частныхъ собраній, бывавшихъ, по агентурнымъ свѣдѣніямъ, у Плещеева, Нагорнаго, или Европеуса, у Кузьмина и Бѣлецкаго [1]). Эти вечера не только посѣщали, о нихъ писали въ междугородныхъ корреспонденціяхъ. Такъ, нѣкій Петровъ сообщилъ изъ Петербурга въ Москву своему корреспонденту о событіяхъ, имѣющихъ въ Петербургѣ общественный интересъ: „У насъ проповѣдь Нильсена и пропаганда Петрашевскаго, у насъ публичныя лекціи и фельетоны Плещеева“ [2]). Характеръ этихъ вечеровъ описанъ ихъ участниками.

Гр. А. А. Закревскій.

«Я посѣщалъ эти вечера,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ ген.-лейт. П. А. Кузьминъ,—съ весны 1848 г., и по совѣсти можно было сказать, что бесѣды на этихъ вечерахъ были не безынтересны для каждаго изъ присутствующихъ. Да и могло ли быть иначе, когда тутъ собирался народъ молодой, образованный, читающій, мыслящій; впечатлѣнія принимались живо; всякая несправедливость, злоупотребленія, стѣсненія, самоуправство глубоко возмущали душу каждаго; напротивъ, всякое стремленіе къ благу общественному или частному вызывало сочувствіе, въ какой бы формѣ стремленіе это ни высказывалось. Цензура, убившая въ то время всякую здравую мысль, не только не допускала гласнаго обсужденія печатно предметовъ общаго интереса, но воспрещала даже малѣйшій намекъ на то, что могло бы быть лучше, еслибы было иначе». Поэтому весьма естественно, что вездѣ, гдѣ собирались люди выше средняго уровня, «они прямо высказывали свои убѣжденія, совершенно противоположныя грустному положенію дѣлъ...»

---

[1]) Политич. процессы. Петрашевцы. 13 и 53 стр.

[2]) Ibid., 47 стр.

Слѣдственная комиссія на основаніи доносовъ и признанія подсудимыхъ заключала, что „на вечерахъ у Петрашевскаго разные государственные вопросы разсматривались въ духѣ соціализма, что тамъ разсуждали о пользѣ вооружить подчиненныхъ противъ начальства, чтобы ввести улучшенія въ административной части, что иногда разговоры касались и до устройства въ Россіи конституціоннаго правленія, что три главные предмета, обращавшіе на себя вниманіе собраній, были: свобода книгопечатанія, перемѣна судопроизводства и освобожденіе крестьянъ. Съ особенною рѣзкостью говорили о двухъ послѣднихъ Петрашевскій и Головинскій (студентъ, назначенный стряпчимъ въ Казань). Толь развивалъ вопросъ о религіи по системамъ Штрауса, Фейербаха и Базера“ [1]). Есть возможность возстановить и характеръ рѣчей, произносимыхъ на собраніяхъ на эти темы. Въ примѣчаніяхъ, обозначавшихъ вину подсудимыхъ, Ястржембскому ставятъ въ вину, что онъ на одномъ собраніи, „разбирая сочиненія Фурье, выражался о нихъ съ громкою похвалою; Прудона хвалилъ и находилъ недостатки; Ламартина разбиралъ съ самой дурной стороны. Потомъ выразился такъ: „Что онъ полякъ душей и тѣломъ, что за свободу Польши готовъ позволить выпустить себѣ всю кровь по каплѣ, но еслибы были увѣрены, что самостоятельность Польши вредна развитію общечеловѣческой идеи, то онъ первый бы однимъ взмахомъ топора отрубилъ ей голову“.

Тимковскій „на одномъ изъ собраній читалъ рѣчь въ похвалу коммунистскихъ и соціальныхъ системъ, совѣтовалъ изучать ихъ для примѣненія къ Россіи, приглашалъ всѣхъ дѣйствовать и распространять ихъ, въ особенности ученіе Фурье, предлагалъ солидарность, чтобъ подвигать другъ друга и, достигнувъ значительныхъ мѣстъ по службѣ, имѣть вліяніе на правительство, для осуществленія своихъ намѣреній. Въ заключеніе совѣтовалъ устроить кружки для пропаганды фурьеризма“ [2]).

Вопросъ о политической реформѣ не входилъ въ число „главныхъ предметовъ“, что вполнѣ понятно съ точки зрѣнія фурьеризма, видѣвшаго главную задачу въ переустройствѣ общества, а не въ политической реформѣ. „Форма правленія,— говорилъ фурьеристъ Кашкинъ,— недостаточна, чтобы провести человѣка къ осуществленію стремленія его къ счастью“. Поэтому единодушія въ этомъ вопросѣ между Петрашевцами не было: одни высказывались за республику (Момбелли), другіе—за конституціонный строй, третьи находили, что „правленіе не можетъ измѣниться вдругъ, но прежде должна быть диктатура, какъ необходимое слѣдствіе реформы“ (Головинскій); наконецъ, даже монархическое неограниченное правленіе можетъ не препятствовать желательнымъ реформамъ, если „на престолѣ будетъ человѣкъ любо-

---

[1]) Процессы, 122 стр.
[2]) Политич. процессы, 67 стр.

знательный, благомѣренный, преданный благу всего человѣчества; но съ негодными, недовѣрчивыми, всего опасающимися государями... и съ невѣжествомъ министровъ и всего правительства рѣшительно нѣтъ надежды на такое нововведеніе“ (Ахшарумовъ).

Впрочемъ, помимо идей фурьеризма, вообще между Петрашевцами, повидимому, не было единогласія. „Я не встрѣтилъ никакого единства въ обществѣ Петрашевскаго, никакого направленія, никакой общей цѣли, — пишетъ Достоевскій въ своемъ „показаніи“. — Положительно можно сказать, нельзя найти трехъ человѣкъ, согласныхъ въ какомъ - н. пунктѣ, на любую заданную тему. Оттого велись споры другъ съ другомъ; вѣчныя противорѣчія и несогласія въ мнѣніяхъ“. Оно и понятно. Вѣдь кружокъ Петрашевскаго не былъ сорганизованнымъ обществомъ, выносящимъ обязательныя для его членовъ рѣшенія, — попытка образовать такое общество была, но не удалась,—а это были собранія людей съ общимъ уровнемъ образованія и интересовъ, обмѣнивающихся въ горячихъ бесѣдахъ своими мнѣніями и впечатлѣніями, вынесенными изъ прочтенія однѣхъ и тѣхъ же книгъ, изъ наблюденія надъ общей всѣмъ дѣйствительностью. Но пропагаціонное значеніе этихъ собраній было несомнѣнно, рѣчи, здѣсь произносимыя, производили неотразимое впечатлѣніе на лицъ, даже не расположенныхъ къ воспринятію идей общества. Характерна въ этомъ отношеніи выписка изъ дневника нѣкоего Серебрякова: „Прочитавъ послѣднюю свою исповѣдь въ дневникѣ, — пишетъ онъ, — я нашелъ, что выразился довольно легко о имени Божьемъ. Это доказываетъ мнѣ и напоминаетъ, что я еще недавно посѣщалъ домъ г. Петрашевскаго, гдѣ поневолѣ заразился отъ нихъ безвѣріемъ“ [1]). Такъ именно смотрѣли на свои собранія и сами Петрашевцы, заботясь только о распространеніи своихъ взглядовъ бесѣдами, переводами соціалистической литературы, распространеніемъ ея между знакомыми въ столицѣ и въ провинціи. Это было распространеніе идей новаго ученія, а не вербовка членовъ тайнаго общества съ положительными задачами дѣятельности. Съ этой точки зрѣнія вполнѣ понятно нѣсколько саркастическое замѣчаніе Петрашевскаго слѣдователямъ, что „для изслѣдованія возникшихъ противъ него обвиненій надлежало бы назначить не слѣдственную, а ученую комиссію, которая могла бы разобрать всѣ предметы сихъ обвиненій въ видахъ науки“.

Нужно удивляться не тому, что администрація обратила, наконецъ, вниманіе на происходящее у Петрашевскаго, а тому, что, при открытой дѣятельности Петрашевцевъ, общество Петрашевцевъ могло свободно дѣйствовать въ теченіе 4 лѣтъ (съ 1845 по мартъ 1849 г.). И вниманіе-то администраціи было обращено не самою дѣятельностью Петрашевцевъ, а „запискою

---

[1]) Политическіе процессы Никол. эпохи, 47 стр.

Петрашевскаго о способахъ увеличенія цѣнности дворянскихъ или населенныхъ имѣній", розданною имъ на дворянскихъ выборахъ въ Петербургѣ въ 1848 г. По содержанію записка эта была настолько лойяльно-буржуазною, что только при тогдашней подозрительности администраціи изъ-за нея можно было „начать дѣло". Установленнымъ наблюденіемъ за Петрашевскимъ и была открыта дѣятельность Петрашевцевъ. Руководство сыскомъ было поручено д. с. с. Липранди, „человѣку рѣдкаго ума и весьма образованному", по отзыву его сослуживца. Къ тому же онъ когда-то самъ участвовалъ въ тайныхъ обществахъ Александровской поры, былъ другомъ В. Ѳ. Раевскаго и даже пострадалъ за желаніе стать въ ряды волонтеровъ итальянской народной арміи. „И этотъ Липранди,—негодуетъ С. Г. Волконскій въ своихъ запискахъ,—при такихъ предшествующихъ данныхъ, былъ тайнымъ усерднымъ сыщикомъ въ царствованіе Николая, былъ орудіемъ гоненія раскольниковъ, былъ орудіемъ разысканія едва установившагося общества соціалистовъ и, наконецъ, имѣлъ дерзость, уже при Александрѣ II, подать проектъ объ учрежденіи при университетахъ школы шпіоновъ, вмѣняя въ обязанность попечителямъ давать свѣдѣнія министерству о тѣхъ студентахъ, которыхъ употребляютъ они, чтобы имѣть данныя о мысляхъ и дѣйствіяхъ ихъ товарищей, а министерство этими данными руководствовалось бы, чтобы этихъ мерзавцевъ назначать и употреблять, какъ сыщиковъ и шпіоновъ въ обществѣ, и давать имъ по службѣ ходъ" [1]). Немудрено, что этотъ просвѣщенный и разносторонній сыщикъ, получивъ въ свое наблюденіе Петрашевцевъ, озаботился о пріисканіи „просвѣщеннаго" же агента.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что власти, и безъ того встревоженныя событіями Западной Европы 1848 г., были приведены „открытіемъ" Липранди въ большое смущеніе. „Я все прочелъ,—дѣло важно", положилъ Николай I резолюцію на докладѣ шефа жандармовъ А. Ѳ. Орлова. Принимая членовъ Государственнаго Совѣта, государь сказалъ: „не знаю, ограничивается ли заговоръ тѣми одними, которые уже схвачены, или есть, кромѣ нихъ, и другіе, даже можетъ быть, кто и изъ нашихъ". Тревога сверху передалась и обществу, которое, конечно, по-разному отнеслось къ „заговору". Баронъ М. А. Корфъ, занимавшій въ это время высокое положеніе въ Россіи, писалъ въ своихъ запискахъ: „Среди революціоннаго вихря, который... вдругъ весною 1849 г. съ новою силой охватилъ Западную Европу, въ Петербургѣ... всѣ были поражены разнесшеюся, какъ молнія, вѣстью объ открытомъ у насъ заговорѣ. Къ Россіи, покорной, преданной, богобоязливой, царелюбивой Россіи тоже прикоснулась гидра нелѣпыхъ и преступныхъ мечтаній чуждаго намъ міра. Сокрушительное дѣйствіе революціи вездѣ, въ теченіе года, оставило по себѣ однѣ развалины

---

[1]) „Записки С. Г. Волконскаго". Спб. 1901 г., стр. 318.

и потоки крови, не внеся даже тѣни улучшенія въ общественный бытъ и, несмотря ни на этотъ живой примѣръ ни на память событій 14 дек. 1825 г., нашедшихъ такъ мало сочувствія въ массахъ и такую быструю кару въ законѣ, горсть дерзкихъ злодѣевъ и ослѣпленныхъ юношей замыслила пріобщить и нашу дѣвственную націю къ ужасамъ и моральному растлѣнію Запада“ [1]).

Въ Москвѣ также отозвались на „открытіе“. Погодинъ записалъ въ своемъ дневникѣ: „Въ Петербургѣ захвачено 40 человѣкъ... Страшная тревога вездѣ“. Въ письмѣ къ гр. Блудовой Хомяковъ высказываетъ „свое мнѣніе“ о событіи: „Въ Питерѣ нашлись люди, которые хотѣли всѣхъ насъ перебить. Что за строгое боевое время!.. Что вамъ сказать про здѣшніе толки о вашемъ сѣверномъ коммунизмѣ? Слухи о намѣреніяхъ клубовъ внушаютъ негодованіе, а молодость клубистовъ— состраданіе... Вообще разсказы очень темны, а иные забавны. Я уже не говорю объ уничтоженіи всѣхъ церквей и пр. и пр. (очевидно, имѣется въ виду иносказательная рѣчь Ахшарумова о разрушеніи старыхъ столицъ и городовъ); но мнѣ довелось слышать отъ одной барыни, къ несчастью,не тетки моей, что клубисты хотѣли перерѣзать всѣхъ русскихъ до единаго, и для заселенія Россіи выписать французовъ, изъ которыхъ одинъ какой-то, котораго имени она не знаетъ, считается у нихъ Магометомъ“... [2])

Гр. В. А. Перовскій. Брюллова. (Румянц. музей.)

Тщательное разслѣдованіе дѣла привело слѣдственную комиссію къ успокоительному выводу: „Всѣ означенныя собранія, отличавшіяся вообще духомъ, противнымъ правительству, и стремленіемъ къ измѣненію существующаго порядка, не обнаруживаютъ единства дѣйствій; къ разряду организованныхъ тайныхъ обществъ они тоже не принадлежали, и чтобы имѣли сношенія въ Россіи, не доказывается никакими положительными данными. За всѣмъ тѣмъ, — старается комиссія ослабить успокоительное впечатлѣніе

---

[1]) «Русск. Стар.», 1903 г., № 4, стр. 39.
[2]) Политич. процессы Никол. эпохи. Петрашевцы, 154 стр.

отъ этого справедливаго вывода,—преступныя начинанія подсудимыхъ, при дальнѣйшемъ ихъ развитіи, могли бы имѣть вредныя послѣдствія для спокойствія государства, еслибы оныя не были своевременно предупреждены принятыми со стороны правительства мѣрами, тѣмъ болѣе, что превратныя мысли распространялись между многими лицами“ [1]). „Члены слѣдственной комиссіи,—поясняетъ упомянутый выше бар. Корфъ,—называли это заговоромъ идей, чѣмъ и объясняли трудность дальнѣйшихъ раскрытій: ибо, если можно обнаруживать факты, то какъ же уличать въ мысляхъ, когда онѣ не осуществлялись еще никакимъ проявленіемъ, никакимъ переходомъ въ дѣйствіе?“ Кажется, вопросъ о степени виновности носителей этихъ идей настолько ясенъ, что даже не юристъ могъ бы сдѣлать отсюда соотвѣтственный выводъ, и даже Липранди въ концѣ своего „мнѣнія“ заявилъ, что „съ идеями должно бороться не иначе, какъ только идеями“; но юстиція Николая посмотрѣла на дѣло иначе, и заключеніе военнаго суда, напоминающее традиціонное изреченіе законодателя Дракона, гласило: „хотя степень виновности подсудимыхъ различна, ибо одни изъ нихъ болѣе, другіе менѣе принимали участіе въ злоумышленіи, но какъ всѣ они суждены по полевому угол. уложенію, въ преступленіяхъ же государственныхъ, по тайной силѣ нашихъ законовъ, не постановлено различія между главными виновниками и соучастниками, то, на основаніи сего уложенія, генералъ-аудиторіатъ полагаетъ: подсудимыхъ, т.-е. Буташевича-Петрашевскаго“ и еще девятнадцать человѣкъ, въ числѣ которыхъ и Достоевскаго, „подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ“; при чемъ судъ „осмѣливается всеподданнѣйше ходатайствовать объ опредѣленіи имъ, вмѣсто смертной казни, наказаній по мѣрѣ вины“, и это при отсутствіи преступныхъ фактовъ, только за „мысли, когда онѣ не осуществились еще никакимъ переходомъ въ дѣйствіе“, скажемъ мы словами бар. Корфа. Государь смягчилъ наказаніе, но заставилъ подсудимыхъ пережить всѣ приготовленія къ смертной казни. 22 декабря обвиненныхъ прямо изъ тюрьмы, одѣтыхъ въ весеннее платье, въ которомъ они были арестованы, привезли на Семеновскую площадь, въ большой морозъ, и здѣсь, послѣ мучительно долгихъ приготовленій и разстановки въ ряды на эшафотѣ, стали читать изложеніе вины каждаго въ отдѣльности, становясь противъ каждаго изъ обвиненныхъ. „Чтеніе это,—вспоминаетъ Ахшарумовъ,—продолжалось добрыхъ полчаса, мы всѣ страшно зябли... По изложеніи вины каждаго, конфирмація оканчивалась словами: полевой уголовн. судъ приговорилъ всѣхъ къ смертной казни — разстрѣляніемъ, и 19 сего декабря государь императоръ собственноручно написалъ: „быть по сему“. Мы всѣ стояли въ изумленіи; чиновникъ сошелъ съ эшафота. Затѣмъ намъ поданы были бѣлые балахоны и колпаки—саваны,

---

[1]) Ibid., 54 стр.

и солдаты, стоявшіе сзади насъ, одѣвали насъ въ предсмертное одѣяніе“... Приговоренныхъ затѣмъ привязали къ столбамъ. „Раздалась команда: „клацъ“, а вслѣдъ за тѣмъ группа солдатъ... по командѣ направила ружья къ прицѣлу на Петрашевскаго, Спѣшнева и Момбелли.—Моментъ этотъ былъ поистинѣ ужасенъ. Видѣть приготовленіе къ разстрѣлянію, и притомъ людей близкихъ по товарищескимъ отношеніямъ, видѣть уже наставленные на нихъ, почти въ упоръ, ружейные стволы и ожидать—вотъ прольется кровь, и они упадутъ мертвые, было ужасно, отвратительно, страшно. Сердце замирало въ ожиданіи, и страшный моментъ этотъ длился съ полминуты... Барабанный бой... и вслѣдъ за тѣмъ увидѣлъ я, что ружья, прицѣленныя, вдругъ всѣ были подняты стволами вверхъ“... Въ привезенной флигель-адъютантомъ бумагѣ „возвѣщалось намъ дарованіе жизни и взамѣнъ смертной казни, каждому, по виновности, особое наказаніе“. Оно состояло: Петрашевскому каторжная работа „безъ срока“, двумъ — пятнадцатилѣтняя каторга, остальнымъ отъ 12 до 6 лѣтъ каторги, и отъ 4 до 2 лѣтъ каторги съ отдачей затѣмъ въ рядовые (Достоевскій), 6 человѣкамъ къ отдачѣ въ рядовые, и только одинъ Пальмъ (изъ 21 обвиняемыхъ), „во вниманіе къ раскаянію, вмѣнивъ въ наказаніе нахожденіе подъ слѣдствіемъ и судомъ и 8-мѣсячное содержаніе въ казематѣ“, былъ переведенъ „тѣмъ же чиномъ (поручикомъ) въ армію“.

Два послѣдніе процесса (кружка Герцена и Петрашевцевъ) связаны между собою общей идеей, лежавшей въ основѣ этихъ кружковъ; но между ними было разсмотрѣно еще одно политическое дѣло, не имѣющее ничего общаго по идеѣ съ двумя предшествующими, но, несомнѣнно, родственное идейнымъ теченіямъ, оживлявшимъ тайныя общества Александровской эпохи и отчасти юные кружки Николаевской поры. Я разумѣю образовавшееся въ 1845 г. въ Кіевѣ такъ называемое „Кирилло-Меѳодіевское братство“, возникшее изъ увлеченія украинофильствомъ. Вдохновителемъ этого общества былъ извѣстный историкъ Н. И. Костомаровъ, близко сошедшійся въ Кіевѣ, куда онъ былъ переведенъ преподавателемъ, съ мѣстной малороссійской интеллигенціей въ лицѣ Маркевича, Бѣлозерскаго, Тараса Шевченка, Гулака и др. Отъ увлеченія исторіей Малороссіи, открывшейся передъ нимъ въ архивахъ и живой дѣйствительности, захватившей своимъ энтузіазмомъ молодежь и названныхъ лицъ, молодой ученый пришелъ къ мысли объ основаніи общества, цѣлью котораго было, по словамъ Костомарова, „распространеніе идей славянской взаимности и будущей федераціи славянскихъ народовъ, на основаніи полной свободы и автономіи народностей... Помимо нашей воли, сталъ намъ представляться федеративный строй, какъ самое счастливое теченіе общественной жизни славянскихъ націй... Во всѣхъ частяхъ федераціи предполагались одинакіе законы, основные законы и права, равенство вѣса, мѣръ и монеты, отсутствіе таможенъ и свобода торговли,

всеобщее уничтоженіе крѣпостного права и рабства, единая центральная власть, завѣдующая сношеніями внѣ союза, войскомъ и флотомъ, но полная автономія каждой части по отношенію къ внутреннимъ учрежденіямъ, внутреннему управленію, судопроизводству и народному образованію". Если во всемъ этомъ слышатся знакомыя уже намъ мечтанія „Общества соединенныхъ славянъ" и федеральныя начала конституціи Н. Муравьева, вождя „Сѣвернаго общества", то и въ планѣ дѣятельности „Кирилло-Меѳодіевскаго общества" много схожаго съ тактикой „медленнаго дѣйствія во времени", какой придерживался „Союзъ Благоденствія", по крайней мѣрѣ, въ официальной части своей программы и въ умахъ умѣренныхъ членовъ. „Планъ нашего общества, — пишетъ Костомаровъ, — былъ приблизительно слѣдующій: вербовать наибольшее число членовъ между всѣми славянами и всѣхъ званій людей, преимущественно профессоровъ, учителей и литераторовъ, такъ какъ они всего болѣе могли имѣть вліянія на молодежь и подготовить ее къ будущей дѣятельности. Избѣгать насильственныхъ мѣръ, и, когда придетъ пора, противопоставить насилію — силу мысли, силу сплоченнаго народа". Это слишкомъ романтическое по своимъ отдаленнымъ задачамъ и непротивленческое по тактикѣ общество дальше горячихъ, восторженныхъ бесѣдъ и платоническихъ пожеланій не шло, да и не могло идти; но горячая проповѣдь хотя бы и безплодныхъ идей обратила вниманіе администраціи: нашелся и здѣсь „образованный агентъ" въ лицѣ студента Петрова, который записалъ подслушанныя за перегородкой рѣчи, дополнивъ записку разспросами у Гулака, и дѣло о „Кирилло-Меѳодіевскомъ обществѣ", какъ его окрестило III отдѣленіе за принадлежавшія членамъ общества кольца съ надписью „Кириллъ и Меѳодій 1846 г.", было готово. Судъ скорый, но далеко не разборчивый и немилостивый, постановилъ „заговорщиковъ" заточить отъ $3^1/_2$ лѣтъ (Гулака) до 1 года (Костомарова) въ крѣпость, а послѣ этихъ лицъ, какъ и Навроцкаго съ Бѣлозерскимъ, разослать на противоположные концы Россіи, подальше отъ Украйны, на гражданскую службу, съ ограниченіемъ для первыхъ двухъ печатать свои сочиненія и служить по учебному вѣдомству. Больше всѣхъ пострадалъ Т. Г. Шевченко за свои стихотворенія и, какъ человѣкъ „низкаго происхожденія", былъ отданъ въ солдаты съ запрещеніемъ писать и рисовать. Такъ не въ силу вины только, а во имя опасенія, что преступныя идеи могутъ когда-либо принести вредъ построенному „на кровяхъ" строю, Николаевская юстиція не только отрывала способныхъ людей отъ дѣла, къ которому они были подготовлены, но пыталась задавить самые ихъ таланты и способности...

В. Улановъ.

Сверчковъ.

Императоръ Николáй I.

Императоръ Николай I.

Сергѣевъ.

БИБЛІОТЕКА СЛУЖАЩИХЪ
Управленія ж. д.
Фонтанка, 117.
№9

Дворянство и крестьянскій вопросъ при Николаѣ I.

При мысли о Николаевской эпохѣ, невольно встаетъ въ воображеніи картина, нарисованная И. Аксаковымъ — Россія, стоящая во фрунтъ. Ближайшее изслѣдованіе не можетъ не внести въ это представленіе существенной поправки. Правда, общество при Николаѣ стояло во фрунтъ, но начальство далеко не всегда знало, что именно скомандовать передъ фронтомъ, растерывалось въ трудной задачѣ „подвигать не колебля, открывать пути не потрясая“. И въ концѣ-концовъ не получающій команды фронтъ разстраивался, приходилось ослаблять бдительность, сквозь пальцы смотрѣть на явленія, свидѣтельствующія о пробужденіи самодѣятельности, критическаго отношенія къ разнаго рода общественнымъ безпорядкамъ.

Въ первомъ ряду общественнаго фронта и при Николаѣ стояло, разумѣется, дворянство. Правительство продолжаетъ объявлять его главной опорой престола и отнюдь не скупится на узаконенія, касающіяся его корпоративныхъ или личныхъ правъ. Положеніе 6 декабря 1831 г., устанавливающее новый порядокъ „дворянскихъ собраній, выборовъ и службы по онымъ“, подвергается въ теченіе царствованія цѣлому ряду дополненій и разъясненій. При Николаѣ служба по выборамъ приравнивается къ службѣ государственной, дворянство получаетъ право ходатайствовать не только о своихъ со-

словныхъ нуждахъ, но и о всякихъ злоупотребленіяхъ, „хотя бы они происходили и отъ общаго какого-либо постановленія“, избирать не только засѣдателей, но и предсѣдателей гражданскихъ и уголовныхъ палатъ. Въ этихъ, какъ и во многихъ другихъ узаконеніяхъ, какими бы благопріятными для дворянъ они ни представлялись, изслѣдователи справедливо видятъ не столько льготы дворянству, сколько стремленіе использовать дворянъ со стороны ихъ служилой годности, превратить дворянское самоуправленіе въ орудіе государственныхъ интересовъ [1]). И тѣмъ не менѣе, придерживаясь осторожной политики палліативовъ, стараясь „предупреждать всякій ропотъ, всякое волненіе умовъ, боязнью или неудовольствіемъ производимое“, правительство не можетъ не считаться съ дворянскимъ настроеніемъ, съ воззрѣніями дворянъ на ту или иную мѣру. По разнымъ случаямъ государь вступаетъ въ бесѣду съ дворянствомъ, въ лицѣ его предводителей или депутатовъ. „Я говорю съ вами, какъ первый дворянинъ въ государствѣ“— такова извѣстная фраза Николая при его обращеніи къ смоленскимъ депутатамъ, въ 1847 г. „Первый дворянинъ“ не разъ беретъ на себя трудъ какъ бы отчитываться передъ дворянствомъ за свои дѣйствія, несмотря на то, что признаетъ себя монархомъ самодержавнымъ и самовластнымъ. Русская интеллигенція, та интеллигенція, которая выдвинула дѣятелей 14 декабря и Петрашевцевъ, была, по преимуществу, дворянской. И какъ ни старалось правительство воспитать дворянъ исключительно въ духѣ полной преданности престолу, эта преданность все чаще и чаще переплеталась съ пробудившимися стремленіями къ самоопредѣленію, къ самостоятельному рѣшенію тѣхъ или иныхъ общественныхъ или государственныхъ вопросовъ.

Общимъ ходомъ русской исторической жизни опредѣлилось то направленіе, въ которомъ болѣе всего работала дворянская общественная мысль Николаевской эпохи. Русская государственная власть, не будучи въ состояніи въ теченіе XVIII и XIX в. отнять у дворянъ ихъ первенствующее значеніе, не разъ, тѣмъ не менѣе, дѣлала попытки давить на это сословіе сверху, ограничивая его сословныя привилегіи. XVIII столѣтіе начинается въ этомъ отношеніи Петромъ и кончается Павломъ. Но, въ свою очередь, при каждомъ удобномъ случаѣ, дворянство у насъ, какъ въ З. Европѣ, становится на защиту своихъ сословныхъ интересовъ. При слабости правительственной власти реакція получаетъ характеръ политическій—дворянство мѣняетъ самую власть посредствомъ дворцоваго переворота; наоборотъ, при власти достаточно сильной, сумѣвшей создать себѣ нѣкоторую опору въ другихъ классахъ, ре-

---

[1]) А. Романовичъ-Словатинскій. „Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостного права“. Спб. 1870, стр. 203. С. А. Корфъ. „Дворянство и его сословное управленіе за столѣтіе 1762—1855 г.“. Спб. 1906, стр. 457, 474, 633. Общей инструкціей 1853 г. генералъ-губернаторамъ предписывается слѣдить, чтобы дворяне во всѣхъ губерніяхъ не находились во вредной праздности, но посвящали бы себя службѣ государственной—Вт. П.С.З. № 27243, § 6.

акція получаетъ характеръ соціальный, въ отвѣтъ на ослабленіе дворянства въ отношеніи политическомъ слѣдуетъ соотвѣтствующее усиленіе крѣпостного права. Но чѣмъ ближе къ Николаевской эпохѣ, тѣмъ менѣе цѣнности начинаетъ представлять для дворянъ крѣпостное право, тѣмъ болѣе затрудненій и неудобствъ встрѣчается на этомъ проторенномъ пути къ соціальному возвышенію. Владѣльцы крѣпостныхъ, дворяне, по извѣстному выраженію Павла, являлись даровыми полицмейстерами — это полицмейстерство становится все менѣе и менѣе легкимъ и почетнымъ; а затѣмъ — все замѣтнѣе и замѣтнѣе мѣняются хозяйственныя условія, и сама жизнь ставитъ вопросъ о предпочтительности вольнонаемнаго труда передъ подневольнымъ. Снова подчеркивая, въ рядѣ узаконеній, служилое значеніе дворянства, устанавливая для дворянъ новый стѣснительный порядокъ службы, привлекая органы дворянскаго самоуправленія къ обязательному участію въ цѣломъ рядѣ правительственныхъ учрежденій, Николаевская система не могла не возбудить въ дворянахъ нѣкотораго недовольства ихъ положеніемъ. Разумѣется, о дворцовомъ переворотѣ въ это время не могло быть и рѣчи: слишкомъ было разрознено дворянство, слишкомъ сильна государственная власть; но и другой путь къ возвышенію, въ направленіи усиленія крѣпостного права, тоже уже терялъ значеніе. Невольно навертывалась мысль—о созданіи новой основы соціальнаго возвышенія, въ дворянскомъ землевладѣніи, съ хозяйствомъ на болѣе или менѣе совершенныхъ началахъ. Въ секретномъ комитетѣ 6 декабря, на ряду съ вопросами, касающимися дворянскаго сословія, поднятъ былъ самимъ правительствомъ и вопросъ крестьянскій. Тѣ изъ дворянъ, которые, по своему общественному положенію или по образованію, могли отнестись критически или даже просто сознательно къ окружающимъ ихъ явленіямъ, именно въ обсужденіи крестьянскаго вопроса и проявили наибольшую долю той самодѣятельности, которая вообще, при Николаевскихъ условіяхъ, была имъ подъ силу. Дворянство Николаевскаго царствованія оставило намъ рядъ

Гр. П. Д. Киселевъ.

проектовъ и записокъ какъ объ ослабленіи, такъ и о полномъ упраздненіи крѣпостного права.

Въ настоящемъ изданіи мы не имѣемъ возможности подробно останавливаться на этихъ проектахъ и отсылаемъ читателя къ статьямъ В. Н. Бочкарева, а также В. Я. Уланова и В. П. Батуринскаго въ III томѣ юбилейнаго изданія „Великая Реформа“ [1]). Позволимъ себѣ только вкратцѣ напомнить содержаніе главнѣйшихъ изъ проектовъ и прослѣдить при этомъ ту эволюцію, которую обнаруживаетъ дворянская общественная мысль при Николаѣ.

Проекты освобожденія крестьянъ Николаевской эпохи можно разбить на три группы. Первая группа обнимаетъ собою проекты первыхъ пятнадцати лѣтъ царствованія, когда общественная инициатива, напуганная декабрьскимъ погромомъ, сказывается еще слабо, и все обсужденіе крестьянскаго вопроса вращается, главнымъ образомъ, около работъ открываемыхъ правительствомъ секретныхъ комитетовъ. Авторами проектовъ преимущественно являются представители крупной бюрократіи, отвѣчающіе на запросы сверху. Вторую группу составятъ проекты, примыкающіе къ закону объ обязанныхъ 2 апрѣля 1842 г. Не заключая въ содержаніи своемъ чего-либо существенно новаго, законъ этотъ далъ новый толчокъ къ обсужденію крестьянскаго вопроса, такъ какъ, приглашая отдѣльныхъ лицъ воспользоваться закономъ, правительство не могло отказать въ правѣ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія на законъ, а замѣчанія эти сами собоіі разрастались иногда до размѣровъ самостоятельныхъ проектовъ. Къ третьей группѣ отнесемъ проекты послѣдняго десятилѣтія царствованія. Какъ ни старается въ это время правительство усилить свою полицейскую бдительность, сороковые годы приносятъ въ дворянскую среду новыя вѣянія, усиленныя затѣмъ Крымской войной; возникаютъ кружки, развертываются русская литература и журналистика, а параллельно съ этимъ, въ экономической жизни, растетъ внутренній и внѣшній рынокъ, развивается фабрично-заводская промышленность, появляется первая русская желѣзная дорога. Обсужденіе крестьянскаго вопроса получаетъ болѣе независимый характеръ, проекты и записки о крестьянахъ какъ частныхъ лицъ, такъ и представителей бюрократіи базируются на болѣе прочныхъ, нерѣдко научно провѣренныхъ основаніяхъ, возникаютъ уже не изъ стремленія выказаться по тому или иному частному случаю, а изъ потребности авторовъ примѣнить на практикѣ идеи, связанныя съ ихъ общимъ міровоззрѣніемъ. Цѣнный матеріалъ для аргументовъ представляетъ при этомъ развитіе русской исторической науки. Проекты и записки по крестьянскому вопросу

---

[1]) В. Н. Бочкаревъ. „Дворянскіе проекты по крестьянскому вопросу при Николаѣ I.“ В. Я. Улановъ и В. П. Батуринскій. „Славянофилы и западники въ крѣпостномъ правѣ“. „Великая Реформа“, III, стр. 155 и 175.

этой третьей группы имѣютъ, во многихъ отношеніяхъ, весьма важное значеніе.

Въ связи съ дѣятельностью первыхъ секретныхъ комитетовъ — 6 декабря 1826 года и марта 1835, было подано нѣсколько записокъ отъ представителей высшей бюрократіи. Отмѣтимъ изъ нихъ записки Сперанскаго и Киселева. Тотъ и другой не идутъ въ сущности далѣе превращенія помѣщичьихъ крестьянъ въ наслѣдственныхъ арендаторовъ, но между точками зрѣнія обоихъ авторовъ та существенная разница, что, по мнѣнію Сперанскаго, повинности за предоставляемую крестьянамъ въ пользованіе землю опредѣляются добровольнымъ соглашеніемъ съ помѣщикомъ, а по проекту Киселева — закономъ, въ точномъ соотвѣтствіи съ количествомъ отводимой въ пользованіе земли. Отъ проекта Сперанскаго вообще вѣетъ холодомъ, малой заинтересованностью судьбою тѣхъ, которыхъ его проектъ касается ближайшимъ образомъ; наоборотъ, въ лицѣ Киселева выступаетъ передъ нами практическій дѣятель, видимо интересующійся судьбою крестьянъ, успѣвшій уже положить немало труда на улучшеніе ихъ быта въ Дунайскихъ княжествахъ. Въ запискѣ 1835 г. Киселевъ рекомендуетъ дозволить личнымъ дворянамъ и разночинцамъ пріобрѣтать землю подъ условіемъ опредѣленія крестьянскихъ повинностей закономъ, и такимъ же опредѣленіемъ крестьянскихъ повинностей должно обусловливаться учрежденіе майоратовъ и помѣщичьихъ фабрикъ и заводовъ. Въ слѣдующей запискѣ 1839 г. авторъ особенно подробно останавливается на критикѣ закона 20 февраля 1803 г. Освобожденіе крестьянъ съ предоставленіемъ имъ земли въ собственность и Киселеву кажется опаснымъ, такъ какъ поведетъ, съ одной стороны, къ обезземеленію дворянства, а съ другой — къ разоренію крестьянъ, которые, въ стремленіи къ освобожденію, будутъ предлагать за свободу непосильно большія суммы. Путь къ видоизмѣненію и усовершенствованію закона 20 февраля Киселевъ видитъ въ точномъ опредѣленіи отношеній крестьянъ къ землѣ. Въ малоземельныхъ губерніяхъ за нормальный предоставляемый крестьянину въ аренду участокъ признается 5 дес. 2000 кв. саж. на душу, въ многоземельныхъ — 8 дес. 1600 кв. саж. на душу — въ общемъ значительно больше, чѣмъ отводилось обыкновенно крестьянамъ по реформѣ 19 февраля. За свой надѣлъ крестьянинъ долженъ отрабатывать помѣщику огородъ и сѣнокосъ въ количествѣ, равномъ половинѣ данныхъ ему угодій; эта работа можетъ быть замѣнена и оброкомъ, по переводу ея на стоимость хлѣба, по среднему урожаю за 12 лѣтъ. Если крестьянинъ найдетъ обременительной работу или оброкъ на помѣщика при полномъ надѣлѣ, онъ, по соглашенію съ владѣльцемъ, можетъ получать и уменьшенный надѣлъ, но „до такого, однакожъ, количества земли, какое необходимо для обезпеченія продовольствія и уплаты податей“. Получивъ надѣлъ, крестьянинъ остается прикрѣпленнымъ къ землѣ, но получаетъ право

свободнаго передвиженія, если, съ размноженіемъ населенія, въ промышленныхъ губерніяхъ надѣлъ дойдетъ до 3 десятинъ, а въ земледѣльческихъ—до 4.

Къ проектамъ Сперанскаго и Киселева примыкаютъ проекты правителя дѣлъ комитета 1839—42 г. Ханыкова и члена комитета Тучкова. Въ проектѣ послѣдняго представляетъ нѣкоторый интересъ попытка разрѣшить вопросъ о выкупной операціи, примѣненной, правда, къ выкупу не земли, а личности крестьянъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда помѣщикъ извлекалъ значительный доходъ изъ крестьянскихъ промысловъ.

Интересную и, несомнѣнно, крупную фигуру по отношенію къ первому періоду представляетъ графъ Николай Семеновичъ Мордвиновъ. Матеріалъ, опубликованный въ „Архивѣ графовъ Мордвиновыхъ“, даетъ чрезвычайно цѣнныя данныя для характеристики общественныхъ и политическихъ взглядовъ графа, этого поклонника Англіи, послѣдователя Адама Смита и Бентама, хотя и настаивавшаго, по отношенію къ внѣшней торговлѣ, на протекціонизмѣ [1]). Нельзя не отмѣтить, что въ литературѣ по крестьянскому вопросу роль графа Мордвинова очерчена нѣсколько односторонне. Въ виду того, что онъ возражалъ противъ закона о вольныхъ хлѣбопашцахъ, противъ ограниченія числа дворовыхъ и установленія инвентарей, его почти не отдѣляютъ отъ людей, стоявшихъ на уровнѣ обычныхъ взглядовъ противниковъ освобожденія [2]). На дѣлѣ это не совсѣмъ такъ. Мордвиновъ безпрестанно повторяетъ о необходимости освободить крестьянъ и считаетъ, что безъ освобожденія крестьянъ немыслимъ въ Россіи никакой прогрессъ. Интересы Мордвинова — въ развитіи русскаго капитализма, въ переселеніи крестьянъ изъ деревни въ городъ; по его мнѣнію, „благосостояніе дворянъ, купцовъ и мѣщанъ зависитъ отъ благосостоянія крестьянъ, крестьянинъ же въ Россіи получаетъ доходы свои отъ земли и отъ работы рукъ своихъ въ городахъ; но когда произведенія земли упали въ цѣнѣ своей, и крестьянинъ не находитъ работы въ городахъ (что именно и получается при крѣпостномъ правѣ), „то крестьянинъ, обнищевая, влечетъ и прочія сословія въ недостатокъ доходовъ, кои прежде они получали. Съ освобожденіемъ крестьянъ эта взаимная зависимость прекратится, можно думать, ко благу дворянскаго и другихъ сословій, но раньше всего крестьянскаго же“ [3]). Правда, для освобожденія крестьянъ Мордвиновъ рекомендуетъ только одну мѣру — предоставленіе крестьянамъ права выкупа по опредѣленной таксѣ, и такса эта остается, повидимому, очень высокой, но параллельно съ установленіемъ

---

[1]) „Архивъ графовъ Мордвиновыхъ“, т. I—X. Спб. 1901—1903 г. О Мордвиновѣ см. также монографію В. С. Иконникова. „Графъ Н. С. Мордвиновъ“. Спб. 1873.

[2]) В. И. Семевскій. „Крестьянскій вопросъ въ Россіи во второй половинѣ XVIII и первой половинѣ XIX в.“, въ сборн. „Крестьянскій строй“, изд. кн. П. Д. Долгорукова и гр. С. Л. Толстого, стр. 264 — 265.

[3]) „Архивъ гр. Мордвиновыхъ“, т. IX, стр. 125.

выкупа по таксѣ выдвигается рядъ мѣръ къ народному обогащенію, что и должно помочь крестьянину заплатить за себя даже крупный выкупъ. Въ домашнихъ замѣткахъ, официальныхъ и полуофиціальныхъ запискахъ Мордвиновъ смѣло и съ открытыми глазами идетъ навстрѣчу новымъ экономическимъ потребностямъ Россіи, настаиваетъ на мѣрахъ, касающихся народнаго здравія, народнаго и государственнаго хозяйства, народнаго просвѣщенія. Крестьянская реформа, въ глазахъ Мордвинова, должна была произойти сама собой, какъ одно изъ звеньевъ общей грандіозной цѣпи хозяйственныхъ реформъ. Съ другой стороны, внѣ этой цѣпи, при сохраненіи въ Россіи прежняго экономическаго уклада, мѣры къ облегченію участи крестьянъ кажутся Мордвинову безсмысленными и даже вредными. Такъ, въ отвѣтъ на проектъ перваго комитета объ ограниченіи числа дворовыхъ, Мордвиновъ указываетъ на недостатокъ въ Россіи вольнонаемныхъ, а наряду съ этимъ — на невозможность для крѣпостного, безъ перевода въ дворовые и поддержки помѣщика, получить образованіе, возвыситься надъ общей крестьянской массой [1]).

Д. Г. Бибиковъ.

Въ 1837 г. было учреждено Министерство государственныхъ имуществъ, съ послѣдовавшимъ затѣмъ рядомъ мѣръ къ улучшенію быта государственныхъ крестьянъ. 2 апрѣля 1842 г. былъ изданъ законъ объ обязанныхъ. Не останавливаясь на нѣсколькихъ, болѣе или менѣе интересныхъ попыткахъ практическаго примѣненія закона, упомянемъ о тѣхъ новыхъ толкахъ и проектахъ, которые онъ вызвалъ въ дворянствѣ. Рѣзкое возраженіе на законъ представилъ смоленскій предводитель дворянства, князь Друцкой-Соколинскій, въ объясненіе причинъ того, почему никто изъ смоленскихъ дворянъ не воспользовался закономъ. Во-первыхъ, по мнѣнію Друцкаго-Соколинскаго, крестьянамъ, при ихъ непросвѣщенности, чрезвычайно трудно внушить понятіе о томъ, что земля отводится не въ собственность, а въ пользованіе; а, во-вторыхъ, какъ гарантировать правильное отправленіе крестьянскихъ повинностей, если, по закону, при взысканіи недоимокъ,

---

[1]) „Архивъ Мордвиновыхъ“, т. VIII, стр. 206, 235, 254, 668, 709. Т. IX, стр. 31, 46, 51, 72, 74, 125, 382 и др.

владѣлецъ не имѣетъ права касаться ни части земли, нужной для уплаты податей, продовольствія и посѣва, ни даже крестьянскихъ орудій и скота? При такомъ ограниченіи, при системѣ обязанныхъ крестьянъ и исправный работникъ, понявъ, что отъ неисправности по договору онъ ничего не потеряетъ, также можетъ сдѣлаться неисправнымъ. Друцкой-Соколинскій, представившій потомъ и самостоятельно нѣсколько проектовъ, допускалъ вообще освобожденіе, но безъ всякаго прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, съ правомъ помѣщика въ любой моментъ удалять отъ себя крестьянина, какъ обыкновеннаго работника по вольному найму. Въ болѣе широкихъ общественныхъ кругахъ толки о законѣ принимали различные оттѣнки сообразно съ мѣстными условіями: заранѣе обрисовывалась картина, которая во всей своей яркости развернется впослѣдствіи, въ работахъ губернскихъ комитетовъ. „Я не врагъ эмансипаціи крестьянъ,—говорилъ одинъ тамбовскій помѣщикъ,—нѣтъ человѣка, болѣе меня готоваго на эту мѣру... Но по состоянію нашего крестьянина необходимо: или отдать его въ полное распоряженіе помѣщика, или поставить его внѣ всякой зависимости отъ послѣдняго. Договоръ и контрактъ есть еще анахронизмъ для нашего крестьянина и долго останется такимъ; полумѣры, къ которымъ я причисляю и указъ 2 апрѣля, не приведутъ ни къ чему“. Врагъ полумѣръ, тамбовскій помѣщикъ смѣло высказывался за полное освобожденіе — безъ земли.

Дальнѣйшее теченіе Николаевскаго царствованія, расцвѣтъ сороковыхъ годовъ, связывается съ рядомъ явленій, при наличности которыхъ обсужденіе крестьянскаго вопроса должно получить еще болѣе серьезное значеніе. Значительно увеличивается количество представляемыхъ проектовъ и записокъ, и записки эти вообще становятся глубже и содержательнѣе. Бюрократія въ этотъ періодъ уже не ведетъ общества, наоборотъ, она сама въ своихъ запискахъ и проектахъ должна считаться съ общественнымъ мнѣніемъ, идти за нимъ.

Изъ записокъ, выдвинутыхъ представителями бюрократіи въ этотъ періодъ, отмѣтимъ прежде всего записку министра внутреннихъ дѣлъ Перовскаго, подъ заглавіемъ „Объ уничтоженіи крѣпостного состоянія въ Россіи“ 1845 г. Записка Перовскаго не свидѣтельствуетъ о какомъ-либо особомъ сочувствіи автора эмансипаціоннымъ идеямъ; но она интересна характеристикой того положенія Россіи, которое, по мнѣнію автора, неминуемо, независимо отъ его личныхъ симпатій или антипатій, должно привести къ освобожденію. Записка написана смѣлымъ, увѣреннымъ языкомъ, свидѣтельствующимъ объ убѣжденности и освѣдомленности автора. „Владѣльцы,—говоритъ Перовскій,—нынѣ уже вовсе не боятся утраты своего достоянія отъ дарованія людямъ свободы. Помѣщики сами начинаютъ понимать, что крестьяне тяготятъ ихъ и что было бы желательно измѣнить эти обоюдоневыгодныя отношенія. Къ сему повели мало-по-малу возвысившаяся цѣнность

Гр. И. И. Дибичъ-Забалканскій.

Гр. М. М. Анфиногенову

БИБЛІОТЕКА СЛУЖАЩИХЪ
Управленія ж. д.
Фонтанка, 117.
№ 3

и недостатокъ земель, неопредѣлительность крестьянскихъ обязанностей и возникающіе изъ этого раздоры, частые неурожаи и тяжкая обязанность кормить крестьянъ въ такихъ случаяхъ на свой счетъ... Сверхъ сего опыты обработки земель наемными людьми въ губерніяхъ: Саратовской, Тамбовской, Пензенской, Воронежской и другихъ показали, что тамъ, гдѣ нѣтъ недостатка въ рукахъ, владѣлецъ ненаселенной земли при подобномъ хозяйствѣ оставался въ выигрышѣ противу помѣщика". Освободить крестьянъ необходимо, но помѣщикамъ можетъ оказаться труднымъ „самый переворотъ", т.-е., другими словами, переходъ отъ старыхъ условій хозяйства къ новымъ. Задача законодателя—сгладить этотъ переходъ установленіемъ среднихъ отношеній, при которыхъ помѣщикъ оставался бы владѣльцемъ своей земли, а крестьянинъ могъ бы на извѣстныхъ условіяхъ ее обрабатывать; повинности ограничиваются инвентарями, которые „опредѣляютъ положительно, чего именно помѣщикъ можетъ требовать отъ крестьянина", а затѣмъ—къ инвентарямъ должны „примыкать постепенно, не въ видѣ новыхъ и важныхъ узаконеній, а въ видѣ добавочныхъ, объяснительныхъ статей, правила, ограничивающія произволъ владѣльца и дарующія крестьянамъ извѣстныя права". На все это отводится нѣсколько лѣтъ, а въ заключеніе должно послѣдовать и разрѣшеніе свободнаго перехода крестьянъ къ другимъ помѣщикамъ и въ иныя сословія, которое, послѣ всѣхъ указанныхъ мѣръ, „едва ли можетъ быть опаснымъ". Земля и въ запискѣ Перовскаго остается за помѣщикомъ, но помимо обычной ссылки на законность дворянскихъ правъ на землю, авторъ выдвигаетъ еще два аргумента практическаго свойства: первый—что надѣленіе крестьянъ землей при началѣ реформы логически потребуетъ и дополнительныхъ надѣленій, второй—что надѣленіе землей лишитъ дворянъ необходимыхъ рабочихъ.

Кн. И. Ѳ. Паскевичъ. Каніевскаго.
(Музей Александра III).

Записка Перовскаго выдается среди другихъ записокъ, поданныхъ въ это время, но въ ней, наряду съ положительными сторонами, есть и отрицательныя—въ вопросѣ о землѣ, въ чрезмѣрной осторожности проведенія реформы, въ утвержденіи, что вольность, по народному понятію, „заключается, собственно, въ совершенномъ безначаліи и неповиновеніи“ и т. д. Значительно большій интересъ представляютъ записка Заблоцкаго-Десятовскаго „О крѣпостномъ состояніи въ Россіи“ и статья его же „О причинахъ колебанія цѣнъ на хлѣбъ въ Россіи“. А. П. Заблоцкій-Десятовскій, магистръ физико-математическихъ наукъ,—представитель той части дворянской интеллигенціи, которая прошла черезъ университетъ и, по выраженію изслѣдователя, являлась enfant terrible своего сословія, въ смѣломъ отступленіи отъ разныхъ традиціонныхъ взглядовъ [1]). Работа по крестьянскому вопросу связывалась у Заблоцкаго-Десятовскаго со службою сначала въ хозяйственномъ департаментѣ Министерства внутреннихъ дѣлъ, а потомъ въ V отдѣленіи Собств. Его Имп. Вел. канцеляріи и Министерствѣ государственныхъ имуществъ. Результатомъ объѣзда внутреннихъ губерній по порученію Киселева и получилась записка „О крѣпостномъ состояніи“. Признавая недопустимость крѣпостного права съ точки зрѣнія этической, какъ источника всякаго рода злоупотребленій властью, авторъ, однакожъ, не надѣется на успѣхъ этого довода среди дворянской массы. Дѣло не въ безнравственности крѣпостного права, а въ томъ, что оно „неблагоразумно, невыгодно“ какъ съ точки зрѣнія государственныхъ, такъ и народно-хозяйственныхъ интересовъ. Слѣдуетъ цѣлый рядъ солидно подобранныхъ статистическихъ данныхъ въ доказательство предпочтительности вольнонаемнаго труда. Количество преступленій среди государственныхъ крестьянъ меньше числа преступленій среди крестьянъ помѣщичьихъ. Въ хозяйственномъ отношеніи крѣпостное право препятствуетъ правильному накопленію капиталовъ. Совершенная зависимость отъ произвола владѣльца и безнадежность освободиться отъ этой зависимости убиваютъ въ крестьянахъ склонность къ бережливости и прочному улучшенію своего быта... Этимъ легко объясняется, почему крестьяне даже у попечительныхъ владѣльцевъ живутъ, большею частью, „дурно и почему завѣдомо богатые изъ нихъ рѣдко пускаютъ въ оборотъ капиталы свои, но прячутъ ихъ тщательно на черный день“... Крѣпостное право необходимо прекратить законодательнымъ путемъ, хотя бы это и являлось своего рода coup d'état, несправедливымъ съ точки зрѣнія „условнаго права государственнаго“: таковъ характеръ всѣхъ преобразованій, и „ежели они совершаются съ благою цѣлью“... то „дѣлаются справедливыми по благости цѣли, какъ и все высокое, вѣчное, разрушающее во имя справедливости временное и условное“. Толкуютъ о

---

[1]) А. Романовичъ-Словатинскій, „Дворянство въ Россіи“, стр. 143.

предпочтительности добровольныхъ согла́шеній крестьянъ съ помѣщикомъ, но въ настоящее время такія соглашенія рѣшительно невозможны: ни помѣщикъ, ни крестьянинъ не имѣетъ еще правильнаго понятія о правахъ и обязанностяхъ. Договоры будутъ нарушаться и повлекутъ за собой нескончаемые безпорядки. Въ вопросѣ о землѣ Заблоцкій-Десятовскій полагаетъ, что помѣщики безъ всякаго убытка для себя могутъ отдать крестьянамъ часть земли, такъ какъ съ развитіемъ народнаго труда и увеличеніемъ народнаго богатства сильно возрастаетъ и цѣна на землю, и оставшаяся у помѣщиковъ часть будетъ стоить дороже, чѣмъ стоило все имѣніе до реформы. Въ 1847 г. Заблоцкій-Десятовскій выступилъ уже не съ запиской, предназначенной для небольшого круга лицъ, стоящихъ у власти, а съ серьезной и обширной журнальной статьей, разсчитанной на широкій кругъ читателей. Статья эта, напечатанная въ „Отечественныхъ Запискахъ“ (1847, №№ 5,6), озаглавлена „О причинахъ колебанія цѣнъ на хлѣбъ въ Россіи“. Крѣпостной трудъ, изъ цензурныхъ соображеній прикрытый въ статьѣ названіемъ „обязательной ренты“, понижаетъ, по мнѣнію автора, хлѣбныя цѣны, такъ какъ даетъ возможность хозяевамъ не сообразоваться съ условіями рынка. При обязательной рентѣ получается всегда почти избытокъ хлѣба, который, во что бы то ни стало, подлежитъ продажѣ. Притомъ цѣна, оставаясь въ среднемъ низкой, въ то же время претерпѣваетъ большія колебанія въ зависимости отъ случайныхъ условій. Статья Заблоцкаго-Десятовскаго, вызвавшая самое горячее одобреніе среди литераторовъ и молодежи, направлена противъ крѣпостного права съ точки зрѣнія его несоотвѣтствія русской экономической жизни.

Толки по крестьянскому вопросу пріобрѣтаютъ все большее и большее значеніе въ столицахъ, какъ и въ провинціи. Каждому сколько-нибудь интеллигентному дворянину приходится подумать на эту тему. Для обсужденія ея организуются кружки. Въ Тульской губерніи обсуждался крестьянскій вопросъ еще въ 1844 г., когда дворяне подали было свой проектъ освобожденія крестьянъ; въ 1847 г., при тульскомъ губернаторѣ Н. Н. Муравьевѣ-Амурскомъ, обсужденіе возобновилось—въ небольшомъ кружкѣ лицъ, принадлежавшихъ къ наиболѣе виднымъ и вліятельнымъ представителямъ мѣстнаго дворянства. Въ отвѣтъ на запросъ изъ Петербурга о дѣятельности кружка девять его членовъ обратились съ ходатайствомъ—объ учрежденіи въ губерніи офиціальнаго комитета по крестьянскому дѣлу. Ходатайство было отклонено, но члены кружка все-таки получили разрѣшеніе, подъ надзоромъ губернатора, совмѣстно обсудить условія освобожденія — каждому изъ членовъ для своего имѣнья. Это не помѣшало кружку приняться за выработку общаго плана. Во главѣ дѣла стали князь В. А. Черкасскій и Мясновъ. Какъ ни солидарны были члены кружка въ стремленіи къ эмансипаціи, но относительно общаго характера и способа проведенія реформы про-

исходили горячіе споры: членъ кружка Норовъ желалъ, по словамъ современницы, „сдѣлать выгодную финансовую операцію и тѣмъ поправить свои дѣла“, другой, гр. В. А. Бобринскій, „проповѣдывалъ какія-то отвлеченныя теоріи и увѣрялъ, что онъ давно изучаетъ вопросъ о рабствѣ и освобожденіи негровъ“[1]). Къ участію въ работахъ кружка кн. В. А. Черкасскій привлекъ своего брата Константина, а тотъ, въ свою очередь, рекомендовалъ брату своего знакомаго Н. В. Путяту. Константинъ Александровичъ жилъ въ Петербургѣ и, будучи au courant всего, что дѣлалось въ тульскомъ кружкѣ, распространялъ его взгляды въ кругу высшаго петербургскаго дворянства и бюрократіи.

Тульскій кружокъ такъ и не закончилъ своихъ работъ надъ проектомъ. 1848 годъ заставилъ Николаевское правительство снова затянуть нѣсколько распустившіеся поводья и отнести всякое общественное начинаніе по крестьянскому вопросу къ числу неблагонадежныхъ. Муравьевъ получилъ предписаніе немедленно пріостановить дѣятельность кружка. Шесть членовъ кружка представили было въ мартѣ 1848 г. новый проектъ, но онъ былъ отклоненъ губернаторомъ. Гр. Бобринскій пробовалъ протестовать противъ закрытія кружка, но Муравьевъ повторилъ высочайшее повелѣніе, Бобринскій уѣхалъ изъ Тулы, а у членовъ кружка были отобраны подписки, что впредь они заниматься крестьянскимъ вопросомъ не будутъ.

Если тульскіе дворяне рѣшались только ходатайствовать объ учрежденіи комитетовъ, то въ Ямбургскомъ уѣздѣ, Петербургской губ., дворяне самостоятельно учредили комитетъ изъ трехъ лицъ, обязавъ всѣхъ владѣльцевъ доставить этому комитету всѣ необходимыя для занятій свѣдѣнія. Подобные комитеты возникли и въ двухъ другихъ уѣздахъ Петербургской губ., Петербургскомъ и Царскосельскомъ. Изъ проектовъ сороковыхъ годовъ выдается своимъ радикализмомъ проектъ смоленскаго дворянина Вонлярлярскаго, который доходитъ до требованія немедленнаго освобожденія крестьянъ, съ передачей имъ, на началахъ обязательнаго выкупа, всей той земли, какая за ними была при крѣпостномъ правѣ. Чѣмъ ближе къ концу царствованія, тѣмъ болѣе чувствуется приближеніе какой-то новой поры, словно кончалась зима и въ воздухѣ пронеслось что-то весеннее. Тотъ же Аксаковъ, охарактеризовавшій такъ мрачно эпоху Николая, говоритъ о 1848 годѣ, какъ о времени, „когда исторія стала совершаться какъ-то воочію“, и пульсъ историческій забился „осязательно, слышимо для всѣхъ, сквозь всю нашу пошлую ежедневность“...[2]). Принятая въ кругу лицъ, близкихъ къ власти, дѣйствующихъ по иниціативѣ сверху, мысль объ освобожденіи широко рас-

---

[1]) „Воспоминанія Раевской“. „Русск. Арх.“, 1896, II, стр. 239. О кружкѣ, кромѣ того, Кн. О. Трубецкая. „Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго“. Москва, 1901, т. I, стр. 20—32. Князь Д. Д. Оболенскій. „Наброски изъ прошлаго“. „Историч. Вѣстникъ“, 1893, т. 54, стр. 605.

[2]) „И. С. Аксаковъ въ его письмахъ“, т. III, стр. XXI.

пространяется въ дворянской массѣ, вызываетъ къ жизни кружки и комитеты, съ явными попытками самостоятельно рѣшить вопросъ. Эволюція замѣтна и въ общемъ тонѣ, и въ содержаніи проектовъ. Чѣмъ ближе къ концу царствованія, тѣмъ тонъ записокъ увѣреннѣе, предложенія конкретнѣе, яснѣе необходимость отмѣны крѣпостного права; эмансипація, дотолѣ казавшаяся опасной и чрезвычайно трудной, болѣе и болѣе начинаетъ представляться мѣрой, осуществимой въ порядкѣ обычнаго законодательства. Въ отношеніи содержанія проектовъ—растетъ и крѣпнетъ мысль о необходимости предоставленія крестьянину земли въ собственность, на началахъ выкупа, при содѣйствіи казны. Работа дворянъ за Николаевское царствованіе въ значительной степени подготовила работу губернскихъ комитетовъ передъ реформой 19 февраля 1861 г. Пусть теоретически эта реформа пошла дальше Николаевскихъ проектовъ, на практикѣ она не могла не сдѣлать уступки этимъ проектамъ, явившимся яркимъ выраженіемъ новыхъ стремленій русскаго землевладѣльческаго класса средины XIX вѣка.

Д. Жариновъ.

А. И. Чернышевъ.

Экономическая и финансовая политика императора Николая I.

I.

Въ первой половинѣ XIX вѣка Россія переживала переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному. Это ясно обнаруживалось во всѣхъ сферахъ экономической жизни. Въ сельскомъ хозяйствѣ происходила усиленная интенсификація; помѣщикъ работалъ теперь не только для себя, но и для рынка, и при томъ не только внутренняго, но и внѣшняго; съ этой цѣлью имъ увеличивается барская запашка, но въ то же время барщинные крестьяне переводятся на оброкъ, такъ какъ подневольный, крѣпостной трудъ становится, очевидно, невыгоднымъ, и многіе помѣщики обращаются къ труду наемному; усиленно развивается коневодство и овцеводство; въ сельскомъ хозяйствѣ все чаще и чаще находятъ примѣненіе машины: въ 1820 году машинъ было ввезено въ Россію на 10 тысячъ рублей, а въ 1850 году уже на 2 милліона 221 тысячу рублей; цѣны на землю быстро растутъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ происходятъ крупныя перемѣны въ области торговли. Нашъ вывозъ, составлявшій въ 1822 году $50^1/_2$ милл. руб. сер., поднимается въ 1842 году до 82 милл. руб. сер.; ввозъ за то же время увеличивается еще больше: съ $41^1/_2$ милл. руб. сер. до 83 милл. руб. сер. Обороты Нижегородской ярмарки за 14 лѣтъ возросли болѣе, чѣмъ втрое: въ 1824 году на ней было продано товаровъ на $40^1/_2$ милл. руб., а въ 1838 г.—на 129 милл. 200 тыс. рубл. Не отставала въ своемъ ростѣ отъ

сельскаго хозяйства и торговли и промышленность. Первый свекло-сахарный заводъ возникъ у насъ въ 1802 году, а въ 1845 году свекло-сахарныхъ заводовъ было уже 206 съ производствомъ въ 484 тыс. пудовъ, а еще черезъ 3 года — 340 заводовъ съ производствомь въ 900 тыс. пудовъ. Общее число фабрикъ въ 1825 году было 5.261 съ 210.568 рабочими — въ среднемъ на 1 фабрику приходилось 40 рабочихъ [1]); числа эти непрерывно возрастали и достигли въ 1853 году такихъ размѣровъ: фабрикъ было 10.087, а рабочихъ на нихъ — 481.018, т.-е. на одну фабрику приходилось 47 рабочихъ. Согласно изслѣдованію проф. Туганъ-Барановскаго, наша фабрика въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія стала мельчать, и начала усиленно развиваться кустарная промышленность; среди купеческихъ фабрикъ въ это время видное мѣсто начинаетъ занимать фабрика помѣщичья, дворянская.

Какова же была экономическая политика правительства императора Николая I, какъ она реагировала на эти перемѣны въ хозяйственной жизни страны? Всѣ изслѣдованія единогласно свидѣтельствуютъ, что никакой опредѣленной экономической политики правительство императора Николая I не имѣло. По словамъ Бунге [2]), „неподвижность составляла характеристическую черту финансоваго управленія 1823—42 гг“; эти слова вполнѣ приложимы и къ экономической политикѣ правительства 1825 — 55 гг. Охрана стараго порядка—вотъ что лежало въ основѣ всей дѣятельности императора Николая I; онъ не чуждался реформъ, но при непремѣнномъ условіи, чтобы основные устои русской жизни остались незыблемыми; задумывались даже коренныя реформы, но ставилось непремѣнное условіе, чтобы онѣ осуществлялись такими мѣрами, которыя „отнюдь не имѣли бы вида какой-нибудь перемѣны“. Общая политика правительства 1825 — 55 гг., конечно, отразилась и на его дѣятельности въ области экономической жизни страны.

Тотъ бюрократизмъ, которымъ была проникнута вся государственная дѣятельность императора Николая I, ярко сказался на его экономической политикѣ. Все мѣстное управленіе попрежнему оставалось исключительно въ рукахъ чиновниковъ, и ни одного шага въ сторону развитія самодѣятельности мѣстнаго населенія сдѣлано не было. Въ 1833 году въ ряду мѣстныхъ учрежденій появились губернскія дорожныя комиссіи, соединившіяся въ 1848 году со строительными комиссіями; въ 1834 году были основаны „общія губернскія комиссіи народнаго продовольствія“, а въ 1851 году—комитеты о земскихъ повинностяхъ (въ составѣ ихъ были въ небольшомъ числѣ представители дворянства и городовъ). Но всѣ эти учрежденія ни на шагъ не подвинули впередъ развитія народнаго хозяйства, которое было предоставлено своей собственной судьбѣ. Россія была въ то время по преимуществу земледѣльческой страной, преобладающимъ занятіемъ населенія было сельское

---

[1]) *Туганъ-Барановскій.* „Русская фабрика въ ея прошломъ и настоящемъ“, т. I, стр. 76—77.
[2]) „Р. Вѣстн.“, 1864, II, стр. 364.

хозяйство; но правительство императора Николая I ничего не дѣлало для того, чтобы содѣйствовать интенсификаціи этого хозяйства: оно не поощряло введенія машинъ, не оказывало агрономической помощи населенію; вся его дѣятельность сводилась лишь къ выдачѣ ссудъ помѣщикамъ да къ поддержанію вывоза сырья высокими таможенными пошлинами. Народное хозяйство во второй четверти XIX вѣка переживало тяжелый кризисъ, и правительство стало въ сторонѣ отъ него, въ положеніи зрителя. Правда, еще 20 февраля 1801 года былъ изданъ законъ объ агрономической помощи населенію, согласно которому вездѣ были установлены должности губернскихъ агрономовъ или „наставниковъ“, заводились губернскія опытныя поля и крестьянскія хозяйства въ удѣльныхъ деревняхъ [1]). На практикѣ все свелось къ тому, что былъ назначенъ всего одинъ „наставникъ“ въ Смоленскую губернію, а въ 1803 году самая должность губернскихъ агрономовъ была упразднена. Въ послѣдующіе годы все содѣйствіе правительства развитію сельскаго хозяйства ограничивалось рекомендаціей руководствъ по сельскому хозяйству и всякихъ суррогатовъ хлѣба. Такъ, въ 1822 году была разослана имъ же брошюра съ описаніемъ изобрѣтенія аптекаремъ Бранденбургомъ „средства печь хлѣбъ съ примѣсью исландскаго моха“; такой хлѣбъ особенно рекомендовался, „какъ вспомогательное средство къ прокормленію народа въ случаѣ неурожаевъ“; въ 1835 г. было рекомендовано и разослано предводителямъ дворянства „Наставленіе о заведеніи четвертаго или овощнаго поля“. Въ 1840 году было рекомендовано средство нѣкоего Риттера, жителя Полтавской губерніи, который нашелъ, что „выжатая на сахарномъ заводѣ свекловица и высушенная, вкусомъ и видомъ ближе всего подходитъ къ ржаной мукѣ, а спеченный изъ нея хлѣбъ можетъ быть употребляемъ съ величайшею пользою“ [2]).

Такимъ образомъ въ области сельскаго хозяйства правительство императора Николая I не проводило никакой опредѣленной политики, потому что не имѣло ея, и жизнь шла своимъ чередомъ: мѣнялись формы сельскаго хозяйства, вводились новыя системы обработки, усиливалась производительность земли и проч., но все это происходило не подъ вліяніемъ правительственнаго воздѣйствія, не благодаря помощи соотвѣтствующихъ вѣдомствъ, а въ силу естественнаго развитія страны, дѣлавшей быстрый и рѣшительный шагъ въ сторону капитализма. Такъ же мало и слабо правительство эксплоатировало другіе виды добывающей промышленности; многія природныя богатства Россіи лежали втунѣ и не приносили и сотой доли того дохода, который они могли приносить. Гр. Канкрину обычно ставится въ большую заслугу преобразованіе Горнаго и Лѣсного институтовъ и созданіе сельскохозяйственнаго Горы-горецкаго института; но этихъ мѣръ было слишкомъ

---

[1]) Ст. г. Рожкова въ I т. „Исторія Россіи въ XIX в.“, изд. Гранатъ.

[2]) Ibid., стр. 168.

Баронъ Клодтъ.

Императоръ Николай I.

Барона Клодта. Имп. Николай I.

БИБЛІОТЕКА СЛУЖАЩИХЪ
Управленія ж. д
Фонтанка, 117.
№ 4

мало для того, чтобы значительно подвинуть впередъ разработку естественныхъ богатствъ страны. Поэтому, напримѣръ, въ доходахъ 1850 года государственныя регаліи—чеканка монеты, почтовая регалія, телеграфная, горная и проч.—составляли всего 7,1%, изъ которыхъ самая незначительная часть падала на регалію горную; государственныя имущества (дороги, лѣса и проч.) въ доходахъ того же года составляли еще меньше — 2,7% [1]).

Если мы обратимся къ политикѣ правительства императора Николая по отношенію къ промышленности обрабатывающей, то мы встрѣтимся тутъ съ большой двойственностью. Развитіе промышленности было, разумѣется, выгодно въ интересахъ государственнаго фиска, но, съ другой стороны, оно вело къ разрушенію старыхъ основъ хозяйственной жизни, нарушало часто интересы господствующаго сословія—дворянства; въ то же время оно было небезопасно съ полицейской точки зрѣнія: оно создавало кадры рабочихъ, представлявшихъ постоянную опасность для прочности существующей системы государственнаго и общественнаго порядка. Отсюда и происходила двойственная политика правительства 1825—1855 гг. по отношенію къ обрабатывающей промышленности.

Гр. Е. Ф. Канкринъ.

Съ одной стороны, послѣ изданія запретительнаго тарифа 1822 г. правительство неизмѣнно держалось въ таможенномъ вопросѣ протекціонистской точки зрѣнія; тарифъ этого года подвергался потомъ измѣненіямъ, но это все были частичныя поправки, которыя къ тому же часто имѣли въ виду не столько интересы промышленности, сколько интересы казны, и совсѣмъ не считались съ интересами потребителей въ данномъ случаѣ, въ томъ числѣ и съ интересами дворянства; такъ, польское возстаніе 1831 г. вызвало повышеніе всѣхъ пошлинъ на $12^1/_2$%, затѣмъ надбавка въ пошлинахъ была сдѣлана по тарифу 1841 года, тоже запретительному. При этомъ были высокія пошлины и

---

[1]) Милюковъ. «Очерки по исторіи русской культуры», вып. I, стр. 152.

на товары, не производившіеся въ Россіи. Если же иногда — въ 1825 году, въ 30-хъ годахъ — пошлины на ввозимые товары понижались или разрѣшались къ ввозу товары, ранѣе запрещенные, то это или были предметы роскоши, потребляемые имущими классами населенія—какао, кофе, пряности, кружева, или предметы, нужные для промышленности (олово, ртуть, свинецъ и проч.), но не для рядового потребителя. Съ другой стороны, правительство понижало въ интересахъ земледѣльческаго класса пошлины на вывозимое сырье. Стараніями Канкрина таможенный доходъ съ 11 милл. руб. въ 1824 году поднялся до 26 милл. руб. въ 1842 году [1]). Къ мѣрамъ поощренія промышленности относятся и такія, какъ устройство по почину Канкрина промышленныхъ выставокъ, устройство дорого стоящихъ образцовыхъ заведеній, въ родѣ Александровской мануфактуры, прямая денежная помощь фабрикантамъ и проч. Въ цѣляхъ же развитія промышленности Канкринымъ былъ учрежденъ въ Петербургѣ Технологическій институтъ. Такимъ образомъ самый ходъ экономической жизни Россіи, интересы казначейства и страхъ передъ все усиливающейся къ невыгодѣ Россіи конкуренціи съ Западной Европой заставляли правительство императора Николая покровительствовать русской обрабатывающей промышленности. Но, съ другой стороны, правительство не сочувствовало ея росту, иногда прямо боялось его. Яркимъ выразителемъ взглядовъ правительства на этотъ вопросъ былъ гр. Канкринъ. По его мнѣнію, „фабричное производство порождаетъ въ низшемъ классѣ безнравственность, униженіе, тупость, бунты, домогательство высшей платы“. Поэтому по соображеніямъ „моральнаго“ свойства онъ не симпатизировалъ фабрикѣ; не сочувствовалъ онъ и развитію капитализма, такъ какъ капитализмъ создаетъ пролетаріатъ.

При такомъ отношеніи къ капитализму и промышленности понятна та двойственность политики правительства императора Николая, которая была указана выше. Понятно и то, что въ вопросахъ промышленной политики часто брала верхъ исключительно полицейская точка зрѣнія. Такъ, въ 1848 г. въ виду революціи на Западѣ возникъ вопросъ о политической опасности скопленія фабричныхъ рабочихъ въ Москвѣ, и московскій ген.-губернаторъ Закревскій предложилъ поэтому запретить впредь открытіе новыхъ фабрикъ и заводовъ, а на существующихъ фабрикахъ—не допускать расширенія производства посредствомъ увеличенія числа станковъ, печей и рабочихъ. Эти предложенія Закревскаго получили одобреніе императора Николая [2]).

Характерно въ то же время, что, когда въ вопросахъ промышленности сталкивались интересы дворянства и купечества, то правительство становилось на сторону перваго. Въ 40-хъ годахъ стала усиленно развиваться кустарная промышленность въ тѣхъ производствахъ, которыя не требовали особыхъ

---

[1]) Ладыженскій. «Исторія русскаго таможеннаго тарифа», стр. 209.
[2]) Туганъ-Барановскій, стр. 179.

техническихъ усовершенствованій (напримѣръ, въ бумаготкацкомъ), составляя этимъ сильную конкуренцію фабрикамъ: такъ, въ Шуйскомъ уѣздѣ, Владимирской губерніи, на фабрикахъ было 1.200 станковъ, а въ крестьянскихъ избахъ—до 20 тыс., во всей же губерніи на фабрикахъ было 18 тыс. станковъ, а въ деревняхъ—80 тыс. Жалобы фабрикантовъ на невыгодность для нихъ такой конкуренціи не имѣли никакого успѣха, такъ какъ существованіе этой кустарной промышленности было въ интересахъ дворянства, облагавшаго своихъ крестьянъ, занимавшихся ею, повышеннымъ оброкомъ; въ то же время кустарная промышленность не представляла той политической опасности, которою угрожала промышленность фабричная, и потому, естественно, правительство не принимало никакихъ мѣръ для устраненія этой конкуренціи. Точно такъ же правительство обычно не вмѣшивалось въ отношенія хозяевъ и рабочихъ на вотчинныхъ, помѣщичьихъ фабрикахъ, но оставляло роль простого зрителя, если дѣло касалось фабрикъ поссессіонныхъ, купеческихъ: въ нихъ вводились особыя „положенія“, касавшіяся заработной платы, продолжительности труда и проч., и неисполненіе ихъ фабрикантомъ грозило ему освобожденіемъ рабочихъ, приписанныхъ къ его фабрикѣ; правила же, выработанныя въ 30-хъ годахъ для фабрикъ вотчинныхъ, имѣли необязательный характеръ, и предводители дворянства должны были только „внушать“ ихъ помѣщикамъ, такъ какъ Комитетъ министровъ нашелъ, что непосредственное вмѣшательство правительственной власти въ отношенія помѣщика къ крѣпостнымъ неудобно [1]). Заработная плата на поссессіонныхъ фабрикахъ была обычно выше, чѣмъ на вотчинныхъ. Впрочемъ, въ 1835 г. интересы промышленности заставили нѣсколько отступить отъ безусловной защиты привилегій помѣщиковъ: закономъ 24 мая этого года рабочимъ было воспрещено уходить съ фабрики до истеченія срока найма и требовать досрочной прибавки платы, а помѣщикамъ—владѣльцамъ наемныхъ фабричныхъ рабочихъ — отзывать съ фабрики своихъ крѣпостныхъ до истеченія срока отпускныхъ свидѣтельствъ.

Что касается торговой политики правительства имп. Николая I, то уже было указано, что оно стремилось достичь перевѣса вывоза надъ ввозомъ, за что гр. Канкрина называли „русскимъ Кольберомъ“, и это достигалось системой покровительственныхъ таможенныхъ тарифовъ. Торговые обороты Россіи за 1825 — 55 г. увеличились въ нѣсколько разъ, но ростъ этихъ оборотовъ былъ бы еще больше, еслибы не отрицательное отношеніе къ желѣзнымъ дорогамъ, которое проявляло правительство этой эпохи въ лицѣ гр. Канкрина, и такое же въ сущности его отношеніе къ развитію пароходства (послѣдствія чего ярко сказались, напримѣръ, въ войну 1854—55 гг., когда русскій парусный флотъ совершенно не былъ въ состояніи соперни-

---

[1]) См. ст. Туганъ-Барановскаго въ III т. «Великой реформы», изд. Т-ва Сытина.

чать на морѣ съ паровыми судами англо-французской эскадры); при дурномъ состояніи транспорта развитіе внутренней торговли шло медленнѣе и менѣе правильно, чѣмъ это было бы возможно при другихъ условіяхъ; и въ половинѣ XIX вѣка она все еще носила ярмарочно-караванный характеръ.

Такимъ образомъ, въ экономической политикѣ 1825—55 гг. нельзя усмотрѣть какой-либо опредѣленной системы, какой-либо планомѣрности и послѣдовательности. Подчиняясь духу времени, правительство не могло не содѣйствовать развитію капитализма, но въ то же время оно боялось послѣдствій этого развитія: развитіе капитализма кореннымъ образомъ измѣняло всѣ хозяйственные обороты страны, колебало основы существующаго порядка, и настоятельно требовало отмѣны крѣпостного права, какъ главнаго тормоза на своемъ пути.

Главной опорой существующаго порядка было попрежнему дворянство, но и для него, какъ землевладѣльческаго класса, правительство не сдѣлало въ сущности ничего, чтобы облегчить ему переходъ къ новымъ формамъ хозяйственной жизни и къ тѣмъ крупнымъ перемѣнамъ, которыя должна была принести съ собой отмѣна крѣпостного права, а необходимости этой отмѣны и притомъ въ близкомъ будущемъ не могло отрицать и правительство имп. Николая. Единственное же реальное воспособленіе дворянству со стороны правительства заключалось въ льготномъ пріемѣ его имѣній въ залогъ, благодаря чему передъ 1861 г. заложенныхъ дворянскихъ имѣній оказалось на $425^1/_2$ милл. рубл.

Въ области финансовой политики передъ имп. Николаемъ I стоялъ цѣлый рядъ трудныхъ задачъ: нужно было достичь равновѣсія въ бюджетѣ, нарушеннаго въ предшествующія царствованія, изыскать новые источники доходовъ для покрытія все возраставшихъ расходовъ, упорядочить денежную систему и преобразовать самую технику финансоваго управленія. Какъ же правительство 1825—55 гг. справилось съ этими задачами?

Министръ финансовъ Канкринъ, вступая въ управленіе финансами въ 1823 году, считалъ необходимымъ „изворачиваться естественными доходами государства, избѣгая новыхъ займовъ, особливо заграничныхъ“. Однако, цѣлый рядъ причинъ заставилъ Канкрина отказаться отъ этого благого намѣренія: наслѣдіе прошлаго, въ частности еще войны 1812 года (Канкринъ въ 1823 году говорилъ, что въ то время „не всѣ еще раны 1812 года зажили“), чрезвычайно активная и дорого стоившая внѣшняя политика имп. Николая, польское возстаніе 1831 года, и проч., все это нарушало равновѣсіе бюджета и не давало возможности „извернуться“ естественными доходами государства; расходы постоянно превышали доходы, и дефициты слѣдовали одинъ за другимъ.

Такимъ образомъ сведеніе концовъ съ концами обычными доходами государства оказалось невозможнымъ; нужно было изыскать чрезвычайные

доходы. Оставляя Министерство финансовъ, Канкринъ ставилъ себѣ въ заслугу, что онъ ввелъ только одинъ новый налогъ — на табакъ; преемники Канкрина ввели до 1855 года тоже только одинъ новый налогъ (въ 1848 г.)— на сахаръ. Это, конечно, факты, но, съ другой стороны, надо имѣть въ виду, что многіе налоги при Канкринѣ были повышены: былъ повышенъ подушный сборъ на государственныя земскія повинности, т.-е. на почтовые, дорожные, полицейскіе, этапные и т. п. расходы, съ 17 коп. до 96 коп., была повышена цѣна гербовой бумаги, введенъ цѣлый рядъ шоссейныхъ сборовъ, проектировалось повышеніе подушнаго оклада, но имп. Николай не согласился на это; наконецъ, какъ уже было указано, въ царствованіе имп. Николая не разъ повышались таможенныя пошлины, и такимъ образомъ тяжесть обложенія, падавшаго на каждую душу, нисколько не уменьшилась; въ частности же, что касается крестьянъ, то для нихъ эта тяжесть увеличивалась и безъ повышенія государственныхъ повинностей: ростъ помѣщичьяго оброка въ 1825—55 гг. это — фактъ, документально извѣстный, и это-то обстоятельство и мѣшало правительству усиливать прямое обложеніе, падавшее на помѣщичьихъ крестьянъ; взять лично съ нихъ было больше нечего, а уменьшить доходъ помѣщика правительство не хотѣло. Затѣмъ интересы казны заставили Канкрина принять мѣру, вызывавшую почти всеобщее осужденіе и принципіально не одобрявшуюся и имъ, — возстановленіе винныхъ откуповъ (въ 1827 году), которые содѣйствовали усиленію народнаго пьянства. Въ самой системѣ налоговъ за тридцатилѣтіе, 1825—55 гг., не произошло никакой перемѣны: косвенные налоги продолжали господствовать надъ прямыми, какъ это было и раньше; значеніе ихъ въ бюджетѣ даже выросло: въ 1825 г. они сосствляли 46,5% доходовъ, а въ 1850 г.—51,6% [1]). Такимъ образомъ ни Канкринъ, ни его преемники не обнаружили никакого творчества въ области налоговъ, все осталось по-старому, а потому и не удиви-

Гр. М. С. Воронцовъ.

[1]) Милюковъ, вып. I, стр. 152.

тельно, что обычными доходами „извернуться“ было нельзя: въ то время какъ государственные доходы съ 113 милл. р. сер. въ 1825 году повысились до 200 милл. рубл. въ 1850 году, государственные расходы за это же время повысились съ $111^1/_2$ милл. рубл. сер. до $284\ ^1/_2$ милл. [1]).

Итакъ, нужны были чрезвычайные доходы, и правительство обратилось къ займамъ, внѣшнимъ и внутреннимъ. Заключеніе внѣшнихъ займовъ затруднялось застоемъ промышленности и торговли на Западѣ, тамошней реакціей, наконецъ, слухами о завоевательныхъ планахъ Россіи. Что касается займовъ внутреннихъ, то успѣшному заключенію ихъ мѣшало слабое еще капиталистическое развитіе Россіи, а затѣмъ существованіе кредитныхъ учрежденій, которыя принимали въ неограниченномъ числѣ вклады до востребованія, уплачивали 5% годовыхъ и выдавали вкладные билеты, принимавшіеся за наличныя деньги при платежахъ въ казну и при частныхъ разсчетахъ: такимъ образомъ немногіе еще въ то время свободные капиталы находили испомѣщеніе, и потому нужно было или реформировать, или упразднить эти кредитныя учрежденія, но правительство въ силу цѣлаго ряда причинъ не могло на это пойти. Несмотря на все это, при Канкринѣ было заключено внѣшнихъ займовъ на 104.940.000 рубл. сер. нарицательныхъ, и за нихъ было выручено въ дѣйствительности 92.202.946 рубл. сер., т.-е. 87,86% [2]). Но такъ какъ только расходы по войнамъ съ Персіей, Турціей, въ Польшѣ и на Кавказѣ Канкринъ исчислялъ въ 529 милл. рубл. асс. съ лишкомъ, т.-е. въ 151 милл. р. сер. съ лишкомъ, то, очевидно, что внѣшнихъ займовъ не хватало на покрытіе всѣхъ расходовъ. И, дѣйствительно, пришлось обратиться къ займамъ внутреннимъ и позаимствованіямъ изъ кредитныхъ учрежденій: изъ банковыхъ установленій было позаимствовано, напримѣръ, 104.418.835 рубл. сер. Всего займовъ (всякихъ) за время Канкрина было заключено на 321.975.999 рубл. сер., и государственный долгъ въ 1843 г. равнялся 462.269.415 рубл. сер. Условія заключенія займовъ Канкринымъ большинство изслѣдователей считаетъ удачными и видитъ въ этомъ личную его заслугу. При преемникѣ Канкрина, гр. Вронченко, государственный долгъ увеличился на 256 милл. рубл. сер.

Такимъ образомъ равновѣсіе въ бюджетахъ 1825—55 гг. достигнуто не было, новые постоянные и вѣрные источники дохода не были найдены: государство жило не по средствамъ, и потому задолженность его быстро увеличивалась. Бюджетное равновѣсіе нарушалось, главнымъ образомъ, усиленными военными расходами этого царствованія — въ 1833 году, напримѣръ, на расходы по военному и морскому министерствамъ было назначено болѣе половины обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ, а потомъ эти

---

1) Ibid., стр. 134 и 152. Мигулинъ („Русскій государств. кредитъ“) даетъ иныя цифры.
2) Мигулинъ, стр. 123.

расходы увеличились еще болѣе; одной изъ причинъ отставки Канкрина въ 1844 году было его несогласіе на увеличеніе расходовъ по случаю войны съ горцами на Кавказѣ, которая была постояннымъ источникомъ дефицитовъ; Канкринъ говорилъ, что надо или окончить ее разомъ, или совсѣмъ прекратить. Преемники Канкрина на посту министра финансовъ были сговорчивѣе, и росту военныхъ расходовъ потомъ препятствій не было.

Техника финансоваго управленія въ періодъ 1825—55 гг. улучшилась немного. Дѣлопроизводство и отчетность въ финансовомъ управленіи улучшились, сократилась нѣсколько бумажная переписка—по Департаменту податей и сборовъ было отмѣнено въ 1831 году болѣе 10 тыс. лишнихъ вѣдомостей въ годъ, повысился образовательный цензъ чиновниковъ, но все дѣло составленія росписей велось прежнимъ порядкомъ, такъ какъ, по словамъ г. Яснопольскаго [1]), „періодъ, начавшійся паденіемъ Сперанскаго и вплоть до реформы 1862 года, не даетъ намъ въ области бюджетнаго законодательства *ни одного* акта, который имѣлъ бы какое-либо принципіальное значеніе для дѣла составленія нашихъ государственныхъ росписей“. Однимъ изъ главныхъ недостатковъ тогдашняго бюджета было то, что накоплялись крупныя средства „внѣ государственнаго бюджета въ рукахъ отдѣльныхъ министерствъ, преслѣдовавшихъ часто свою собственную политику, независимую отъ общей политики государства“; различныя вѣдомства сплошь и рядомъ не давали министру финансовъ свѣдѣній о своихъ капиталахъ и доходахъ, и вотъ, когда въ 1848 году было повелѣно представить свѣдѣнія о такихъ капиталахъ и доходахъ, то они должны были представляться не министру финансовъ, а самому Государю, который уже отъ себя передавалъ ихъ министру финансовъ для соображеній и доклада ему же. „Повидимому,—говоритъ г. Яснопольскій,—такой путь считался въ данномъ случаѣ болѣе надежнымъ“. Вообще внѣбюджетные капиталы были очень велики.

Великая княгиня Елена Павловна.

---

[1]) «Очерки русскаго бюджетнаго права», стр. 136.

Другимъ недостаткомъ тогдашняго бюджетнаго дѣла было постоянное нарушеніе смѣтъ, съ чѣмъ долго и совсѣмъ безуспѣшно боролся, казалось, всесильный имп. Николай. Начиная съ 1823 г., одно за другимъ слѣдуютъ Высочайшія повелѣнія съ наистройжайшимъ запрещеніемъ не смѣть выходить за предѣлы смѣтъ, но самый фактъ чуть не ежегоднаго изданія такихъ повелѣній вплоть до 1849 года, когда, по предположеніямъ г. Яснопольскаго, очевидно, увидѣли ихъ безплодность и потому больше не издавали, ясно указываетъ, какой результатъ они имѣли. Государственный бюджетъ въ эту эпоху составлялъ, какъ и раньше, строжайшую тайну, и даже Государственный Совѣтъ, почти отстраненный отъ разсмотрѣнія бюджета, многаго не зналъ: въ 1850 г. съ согласія имп. Николая отъ него былъ скрытъ дефицитъ въ росписи въ 38 милл. рубл. (она была и утверждена потомъ императоромъ безъ дефицита), а въ 1851 году отъ Совѣта были скрыты чрезвычайные военные расходы на этотъ годъ въ суммѣ 10,2 милл. рубл.

Наиболѣе положительной и удачной мѣрой въ области финансовой политики имп. Николая была проведенная во многомъ по его иниціативѣ и во многомъ вопреки взглядамъ Канкрина реформа денежнаго обращенія. Ассигнаціи, принесшія столько вреда нашимъ финансамъ, были уничтожены, главной монетной единицей сталъ серебряный рубль, затѣмъ были выпущены кредитные билеты, ходившіе (до начала Крымской кампаніи) по нарицательной цѣнѣ. Проведеніе этой реформы должно быть признано безусловно удачнымъ и составляетъ положительную страницу въ исторіи царствованія имп. Николая. Ничего болѣе крупнаго и серьезнаго при тогдашней бюрократической системѣ управленія и существованіи крѣпостного права достичь было нельзя: финансы страны самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ ея экономическимъ положеніемъ и соціальными условіями жизни, и потому безъ реформы въ области этихъ послѣднихъ и въ экономической жизни страны невозможно было и оздоровленіе финансовъ; съ другой стороны, какъ говоритъ г. Янжулъ [1]), „хорошіе финансы возможны лишь при хорошемъ управленіи, и наоборотъ“.

К. Сивковъ.

---

1) «Основы финансовой науки», стр. 3.

И. Ѳ. Паскевичъ, Императоръ Николай I и И. И. Дибичъ.

Лубочная картина.

БИБЛІОТЕКА СЛУЖАЩИХЪ
Управленія ж д
Фонтанка, 117.

Внѣшняя политика Россіи въ царствованіе императора Николая I.

I.

Вступленіе на престолъ императора Николая Павловича ознаменовалось въ области русской внѣшней политики наступленіемъ эры большой опредѣленности и рѣшительности дѣйствій. Русская дипломатія какъ бы высвобождалась отъ отяготѣвшаго на ней бремени долгаго и противорѣчиваго политическаго прошлаго почившаго государя. Распадалась сѣть личныхъ связей и личной вражды, личныхъ обидъ и личной благодарности; исчезала горечь обманутыхъ надеждъ и разсчетовъ, и отходили неотвязные призраки невыполненныхъ обязательствъ. Новый императоръ стоялъ внѣ этого тяжелаго прошлаго, внѣ всякаго политическаго прошлаго вообще; какъ совершенно новый человѣкъ на политической аренѣ, онъ имѣлъ за собой главное преимущество этого положенія: свободу дѣйствій. Его первымъ дипломатическимъ актомъ было торжественное заявленіе, что онъ намѣренъ продолжать дѣло своего предшественника, но съ оговоркой: съ того пункта, на которомъ тотъ его оставилъ. Эта оговорка была очень существенной. Ею указывалось на фактическое содержаніе политики Александра, но не на ея окраску. Стремленіе къ разрыву съ Турціей, къ возобновленію наступательной политики

на нижнемъ Дунаѣ, на Черноморскомъ побережьи и на азіатской границѣ, въ политикѣ Александра осложнялось личной борьбой его за главенство въ Священномъ Союзѣ. Въ политической тенденціи, въ этомъ наиболѣе существенномъ пунктѣ, между почившимъ и новымъ императорами не было значительнаго различія; но то, что для Александра было то дѣломъ личнаго чувства, то разсчетомъ разума, то политическимъ средствомъ, то политической цѣлью, для его преемника было непреложнымъ убѣжденіемъ, органической окраской міровоззрѣнія, неотъемлемой, неотдѣлимой. Александръ сдѣлался реакціонеромъ, Николай былъ имъ. Абсолютистскіе взгляды новаго императора были безпримѣсны и никогда не могли смущать его противорѣчіемъ съ другими идеологическими построеніями. Въ противоположность брату, онъ стоялъ на твердой принципіальной почвѣ. Однако Николай не былъ и доктринеромъ; человѣкъ дѣйствія, и онъ не отказывался отъ компромиссовъ, когда это было выгодно и не обязывало къ слишкомъ опаснымъ по опредѣленности отступленіямъ отъ основной тенденціи. Первые же шаги его во внѣшней политикѣ показали, что онъ умѣетъ, когда нужно, быть, какъ сказали бы позже, оппортюнистомъ. Если русская политика стала болѣе увѣренной, то болѣе надежной—даже съ точки зрѣнія европейской реакціи—она не сдѣлалась. Первому пришлось убѣдиться въ этомъ Меттерниху: Николай началъ со сближенія съ Англіей, въ ущербъ русско-австрійскимъ отношеніямъ.

Главной унаслѣдованной заботой русской дипломатіи было греческое дѣло. Этотъ вопросъ былъ поставленъ въ русской политикѣ исключительно ложно. Основной причиной греческаго возстанія и быстрыхъ и прочныхъ его успѣховъ было вліяніе Россіи. Завоеванія Екатерининскаго царствованія и послѣдовавшее за ними экономическое развитіе новыхъ черноморскихъ областей Россіи вызвали небывалый расцвѣтъ греческой морской торговли. Изъ десяти судовъ, плававшихъ подъ русскимъ флагомъ, девять принадлежало грекамъ. Приливъ средствъ, развитіе прочныхъ торговыхъ сношеній съ культурными центрами придали національному возрожденію грековъ прочную основу. Уже съ конца XVIII вѣка можно отмѣтить въ исторіи греческаго народа результатъ связи съ экономической дѣятельностью Европы: сильное вліяніе европейской политической жизни. Крупнѣйшую роль, сыгранную въ пробужденіи Греціи русско-турецкими войнами, усугубило въ области идейной вліяніе великой революціи. Но связь между эллинскимъ движеніемъ и Россіей не утрачивалась. Потеря престижа Россіи, обусловленная ошибками императора Александра, не была безусловной. Русская черноморская торговля оставалась вовлеченной въ судьбу греческаго дѣла. Наконецъ ошибки дипломатіи не могли уничтожить сознанія единовѣрія между Россіей и православной Греціей и традиціонныхъ симпатій русскаго общества ко всякой борьбѣ на Балканскомъ полуостровѣ противъ турецкаго ига. Такимъ образомъ, интересы и симпатіи Россіи повелительно требовали

БИБЛІОТЕКА СЛУЖАЩИХЪ
Управленія
Фонтанка, 117.

довершенія начатаго ею же дѣла. Въ пониманіи императора Николая Павловича этотъ вопросъ, однако, связывался прежде всего съ подготовкой разрыва съ Турціей; это и былъ пунктъ, на которомъ оставилъ свое дѣло Александръ. Само же греческое возстаніе было не болѣе, какъ преступнымъ мятежомъ, которымъ можно воспользоваться, такъ какъ оно создаетъ затрудненія для Турціи, но поддерживать не слѣдуетъ больше, чѣмъ то необходимо для собственныхъ интересовъ Россіи. Полусвободную Грецію, лишенную дипломатическаго представительства, Николай готовъ былъ еще допустить. Вассальная зависимость ея отъ султана возстановляла бы попранный принципъ и въ то же время давала бы возможность вести въ Греціи политику религіознаго протектората, которая обосновывала вліяніе Россіи на Ближнемъ Востокѣ. Отреченіе же отъ всякаго содѣйствія грекамъ отдало бы ихъ, а затѣмъ и вліяніе на ближневосточныя дѣла и ближневосточную торговлю въ руки англичанъ. Николай I не колебался.

17 марта 1826 г. Турціи былъ предъявленъ ультиматумъ съ требованіемъ возстановить положеніе дунайскихъ княжествъ, какимъ оно было до 1821 г., и дать сербамъ обѣщанныя по Бухарестскому договору вольности, а 23 марта былъ подписанъ послѣ переговоровъ съ официальной въ тотъ моментъ покровительницей грековъ Англіей секретный протоколъ, гарантировавшій устройство Греціи въ видѣ вассальнаго княжества. Иниціатива этого акта исходила отъ Англіи. Британское правительство, предвидя неизбѣжность русско-турецкой войны, опасалось, что она облегчитъ грекамъ возможность освободить отъ турокъ очень обширныя области, особенно острова, т.-е. что на Средиземномъ морѣ возникнетъ новая значительная морская держава, свободная отъ англійскаго вліянія. Согласіе Николая, обусловливавшееся аналогичными по государственному эгоизму соображеніями, получить было нетрудно. Такъ изъ собственныхъ интересовъ Россіи и Англіи возникъ актъ, раскрѣпощавшій Грецію, хотя пока и условно. По отношенію къ Портѣ смыслъ договора былъ тотъ, что она лишалась возможности разсчитывать на Англію въ случаѣ столкновенія съ Россіей, и, съ другой стороны, ей открывалась надежда путемъ уступокъ Россіи найти у русскаго императора поддержку при рѣшеніи греческаго вопроса: Меттернихъ, прежде всего боявшійся потрясеній на Балканахъ, именно и указывалъ Портѣ на возможность поддержки Николая, совѣтуя вступить въ переговоры съ Россіей. Онъ еще не былъ освѣдомленъ, что англійская дипломатія стремилась предотвратить осложненія на Ближнемъ Востокѣ, чтобы обезпечить себѣ свободу дѣйствій на Пиренейскомъ полуостровѣ, гдѣ поддерживала конституціоналистовъ противъ покровительствуемой Франціей и Австріей католической партіи. Императоръ Николай заявилъ, что готовъ оказать поддержку англійской дипломатіи въ этомъ вопросѣ, но съ условіемъ, чтобы Англія, въ свою очередь, признала за Россіей право на такое же преобладающее вліяніе въ Турціи, какое сама имѣетъ въ виду обезпечить

себѣ на Пиренейскомъ полуостровѣ. Онъ настаивалъ, чтобы европейскимъ державамъ былъ сообщенъ протоколъ 23 марта и чтобы при этомъ было заявлено, что Россія и Англія, принимая на себя посредничество между Турціей и Греціей, рѣшили довести это дѣло до конца, не останавливаясь, при необходимости, передъ вооруженнымъ давленіемъ. Такимъ образомъ Николай хотѣлъ получить и получилъ отъ договора съ Англіей ту санкцію разрыва съ Турціей, которой такъ упорно и неудачно добивался Александръ отъ Священнаго Союза. Англійское правительство согласилось на предложенный размѣнъ компенсаціями: конецъ 1826 г. ознаменовался, съ одной стороны, сообщеніемъ державамъ протокола 23 марта, съ другой—вступленіемъ англійскихъ во́йскъ въ Лиссабонъ и переходомъ власти въ Португаліи къ конституціоналистамъ. Россія еще осенью пожала первые плоды своего сближенія съ Англіей: турецкіе уполномоченные подписали 23 сентября въ Аккерманѣ конвенцію, укрѣпившую привилегированное положеніе придунайскихъ княжествъ, давшую Сербіи почти одинаковое съ ними положеніе и предоставившую русскимъ подданнымъ полную свободу торговли въ турецкихъ портахъ и водахъ. Но центральный вопросъ—греческій—оставался нерѣшеннымъ.

Немедленно по оглашеніи протокола 23 марта начала опредѣляться въ связи съ этимъ событіемъ перегруппировка европейскихъ державъ. Меттерних офиціально высказалъ, что только султанъ можетъ даровать права своимъ подданнымъ, и монархи Европы должны дать ему возможность сдѣлать это въ видѣ акта его свободной монаршей воли. Къ этому взгляду присоединилась Пруссія. Австрія, конечно, прежде всего опасалась дальнѣйшаго натиска Россіи на Ближній Востокъ, и потому требовала, въ видѣ компромисса, чтобы образованіе греческаго государства во всякомъ случаѣ сопровождалось гарантіей цѣлости Оттоманской имперіи. Николай категорически отказалъ въ этомъ. Онъ пользовался не только очевидной необходимостью для Англіи идти вмѣстѣ съ Россіей, но и тѣмъ, что Франція, имѣвшая до этого времени черезъ своихъ добровольцевъ-офицеровъ серьезное вліяніе на руководительство военными дѣлами грековъ и теперь замѣтно утрачивавшая его въ пользу англичанъ, начинала ревниво слѣдить за ростомъ англійскаго престижа и склонна была поэтому войти въ ту комбинацію, которая обезпечивала бы ей надзоръ за русскими и англійскими дѣйствіями. Меттерниху удалась было временная диверсія: онъ предложилъ созвать въ Лондонѣ конференцію изъ представителей пяти державъ. Крайніе торіи, бывшіе у власти, далеко не сочувствовали возникновенію греческаго государства и готовы были пойти навстрѣчу предложенію Меттерниха, имѣвшему цѣлью выиграть время. Но смерть главы министерства, лорда Ливерпуля, передала власть Кэннингу, склонявшемуся къ убѣжденію сдѣлать принципъ свободы орудіемъ британской политки. Подъ австрійскимъ вліяніемъ, Порта не да-

вала представителямъ Россіи и Англіи никакого отвѣта. Надежды турокъ справиться съ возстаніемъ поднялись, потому что имъ удалось овладѣть Аѳинами; султанъ отвѣтилъ отказомъ на русско-англійскія требованія. Положеніе грековъ было настолько тяжело, что только немедленное вмѣшательство могло спасти ихъ. Между тѣмъ въ учетѣ соглашенія съ Англіей Николай очень далеко ушелъ отъ первоначальныхъ заявленій своихъ о равнодушіи къ „бунтовщикамъ“; политическое вліяніе въ временной греческой республикѣ было обезпечено за Россіей, которая приложила свою руку и къ обнародованію новой конституціи, и къ избранію президентомъ гр. Каподистрія. Противъ принципіально-легитимистской позиціи Австріи, защищавшейся ею отъ опасности русскаго натиска на Турцію, Николай, готовя этотъ натискъ, подписалъ 23 іюля 1827 г. союзный договоръ съ морскими державами, Англіей и Франціей; этотъ союзъ былъ купленъ у Англіи поддержкой конституціоннаго принципа въ Португаліи; цѣлью союза было содѣйствіе торжеству, несомнѣнно, революціонной идеи на югѣ Балканскаго полуострова. Это блестящее доказательство внутренней несостоятельности Священнаго Союза было дано самымъ могущественнымъ представителемъ абсолютизма, императоромъ Николаемъ Павловичемъ. Договоръ 23 іюля произвелъ въ Европѣ сильнѣйшее впечатлѣніе, не оставшееся безслѣднымъ.

Въ началѣ августа заключенный тремя государствами трактатъ былъ принятъ Греціей и сообщенъ Портѣ. Турки медлили отвѣтомъ, опираясь на совѣты и обѣщанія Австріи. Въ концѣ августа союзники приступили къ болѣе энергичнымъ мѣрамъ, установивъ наблюденіе за турецко-египетскимъ флотомъ, перевозившимъ въ Грецію войска. Командовавшій имъ сынъ египетскаго паши, Ибрагимъ, прекратилъ перевозку и, сосредоточивъ свой флотъ въ Наваринской бухтѣ, заключилъ съ греками перемиріе. Въ первыхъ дняхъ октября онъ возобновилъ наступательныя дѣйствія. Адмиралы русско-англо-французскаго флота потребовали, чтобы турецко-египетскій флотъ покинулъ греческія воды. Ибрагимъ-паша не исполнилъ этого требованія, 8 октября союзный флотъ перешелъ въ наступленіе и уничтожилъ почти всѣ турецко-египетскія суда.

Между тѣмъ въ Европѣ произошли событія, временно оживившія въ Меттернихѣ надежду выдвинуть австрійское вліяніе въ противовѣсъ вновь возраставшему престижу Россіи. Неожиданная смерть Кэннинга, вернувшая къ власти крайнихъ торіевъ, готовившееся во Франціи паденіе кабинета Виллеля, сторонника союза съ Россіей, наконецъ, новыя осложненія на Пиренеяхъ благопріятствовали, казалось, его видамъ. Еще наканунѣ Наваринской битвы онъ надѣялся создать организованное противодѣйствіе Россіи; съ этой цѣлью онъ началъ хлопотать въ Константинополѣ, чтобы Турція предложила Австріи посредничество. Но австрійскій дипломатъ не принялъ въ соображеніе личнаго характера султана Махмуда. Этотъ человѣкъ, раз-

стрѣлявшій въ іюнѣ 1826 г. янычаровъ, не выносившій ни малѣйшаго противорѣчія отъ своихъ министровъ, былъ менѣе всего способенъ къ благоразумной уступчивости. Вмѣсто того, чтобы начать, по совѣту Меттерниха, затяжные переговоры при посредничествѣ Австріи, онъ потребовалъ отъ Россіи, Англіи и Франціи удовлетворенія. Разрывъ сталъ неизбѣжнымъ, и въ концѣ ноября русскій, англійскій и французскій уполномоченные покинули Константинополь. Султанъ обратился къ своимъ мусульманскимъ подданнымъ съ призывомъ къ борьбѣ противъ Россіи, которую онъ обвинялъ въ содѣйствіи всѣмъ волненіямъ среди райи. Результатомъ этого воззванія были повсемѣстные погромы христіанъ. Само турецкое правительство бросило вызовъ Россіи: игра Николая Павловича была выиграна. Въ концѣ декабря 1827 г. онъ предложилъ своимъ союзникамъ поручить ему воздѣйствіе на Турцію рядомъ рѣшительныхъ мѣръ. Между тѣмъ новая перемѣна въ англійскомъ правительствѣ, еще усилившая его консервативный характеръ, привела къ власти Веллингтона и Пиля, принципіальныхъ противниковъ возникновенія греческаго государства. Меттернихъ еще разъ сдѣлалъ попытку разстроить тройственный союзъ, но опять потерпѣлъ неудачу вслѣдствіе противодѣйствія новаго французскаго премьера Мартиньяка. Общественныя симпатіи къ грекамъ были такъ сильны во Франціи, что, ради укрѣпленія своего престижа, кабинетъ рѣшилъ принять активное участіе въ дѣлѣ ихъ освобожденія—посылкой оккупаціоннаго корпуса въ Морею. Этимъ шагомъ Мартиньякъ хотѣлъ достигнуть еще другой цѣли: создать хотя бы нѣкоторый противовѣсъ русскимъ планамъ, въ существо которыхъ проникали уже всѣ. Всѣмъ было ясно, что въ основѣ занятой Россіей позиціи между реакціонной и умѣренно-консервативной группировками дипломатій лежитъ стремленіе на Ближній Востокъ. Послѣднія сомнѣнія, если они оставались у кого-нибудь, были вскорѣ разсѣяны: Николай объявилъ своимъ союзникамъ, что, въ виду манифеста султана, Россія объявитъ Турціи войну, не считаясь болѣе ни съ какими соображеніями. Англія, опасаясь быть отодвинутой въ сторону отъ событій, принуждена была отказаться отъ желанія ограничить свободу дѣйствій Россіи и согласиться на французское предложеніе объ оккупаціи Мореи. Меттернихъ въ видѣ послѣдняго средства предложилъ признать независимость Греціи, предвидя, что на такое рѣшеніе вопроса Николай не согласится; австрійскій министръ хотѣлъ только вовлечь его въ переговоры и тѣмъ предотвратить войну. Кромѣ того, онъ послалъ въ Петербургъ гр. Зичи, чтобы воздѣйствовать на легитимистскія чувства императора, указавъ ему на главнаго врага, революцію, поднимающую голову въ Европѣ. Николай нѣсколькими словами разрушилъ иллюзію Меттерниха, что на него можно подѣйствовать такимъ пріемомъ; съ почти грубой откровенностью онъ объяснилъ, что заботится о грекахъ, мятежникахъ и бунтовщикахъ еще менѣе, чѣмъ Австрія, что

монархической идеѣ онъ неизмѣнно вѣренъ, но теперь рѣчь идетъ объ отмщеніи Турціи за честь Россіи, задѣтую манифестомъ султана. Россія должна имѣть преобладающее вліяніе въ Константинополѣ; это—цѣль войны, и цѣль эта будетъ достигнута, хотя бы послѣдствіемъ было паденіе Оттоманской имперіи.

Въ этомъ замѣчательномъ эпизодѣ сказались основы политическаго облика Николая Павловича: спокойная увѣренность въ себѣ и горделивое чувство своей силы. Призывъ Меттерниха отказаться отъ натиска на Востокъ во имя борьбы съ революціей для него не имѣлъ того угрожающаго смысла, какъ для его предшественника. Для Александра такой призывъ звучалъ бы угрозой его положенію во главѣ Священнаго Союза, звучалъ бы скрытымъ подозрѣніемъ въ искренности его легитимизма, наконецъ, пугалъ бы его возможностью военныхъ осложненій въ Европѣ, опасностью, передъ которой онъ отступалъ съ 1815 года. Не менѣе послѣдовательный и убѣжденный противникъ буржуазно-революціонной идеологіи, чѣмъ австрійскій министръ, Николай былъ неуязвимъ для тѣхъ подозрѣній и запугиваній, которыми смущался Александръ, и поэтому спокойно оцѣнивалъ ихъ по ихъ дѣйствительному отношенію къ обстоятельствамъ. Внутренняя убѣжденность, можно бы сказать, спокойствіе совѣсти непоколебимаго абсолютиста, давала ему громадное преимущество въ дипломатической борьбѣ съ его австрійскимъ недругомъ-единомышленникомъ. Декабрьскія событія 1825 г. обострили реакціонную тенденцію въ русскомъ императорѣ, но въ то же время поселили въ немъ вѣру въ физическую силу, какъ въ конечный факторъ политической борьбы. Врагъ революціонныхъ началъ, онъ въ это время чувствовалъ себя достаточно сильнымъ для борьбы съ ними, для простѣйшей физической борьбы; поэтому, ненавидя и презирая революцію, онъ пока еще ея не боялся. И эта психологическая его черта, вѣра въ свою силу, вернула теперь русской внѣшней политикѣ давно отлетѣвшій отъ нея духъ отважнаго дерзанія; это и сказалось въ рѣшеніи Николая форсировать желанія союзной Англіи и упорное противодѣйствіе Австріи, не заботясь, пострадаетъ ли отъ этого внѣшняя форма единенія монарховъ Европы. Императоръ былъ принципіально готовъ въ случаѣ надобности подавить революцію въ Европѣ вооруженной силой (въ отвѣтъ на представленія Меттерниха онъ уже тогда полунасмѣшливо предложилъ вооруженную помощь австрійскому императору, на случай возмущенія его подданныхъ). И, готовый всегда обратить русскую армію противъ возможной революціи, онъ спокойно отдѣлялъ собственную политику Россіи, политику ея интересовъ, отъ политики принциповъ. Здѣсь не было никакого внутренняго противорѣчія Сильнѣйшій монархъ Европы, онъ считалъ себя главной опорой монархическаго принципа, но со всѣми преимуществами этого первенства силы и наиболѣе существеннымъ изъ нихъ: возможностью заставлять другихъ считаться съ этой

силой. Онъ это сдѣлалъ уже и раньше 1828 г. въ двухъ столкновеніяхъ съ Персіей, встревожившихъ Англію: не считаясь съ недовольствомъ англичанъ, Николай довелъ обѣ войны до разгрома персидскихъ войскъ и до выгоднаго для Россіи Туркманчайскаго мира.

2 апрѣля 1828 г. былъ изданъ манифестъ о войнѣ съ Турціей. Военныя дѣйствія начались одновременно на азіатской границѣ и на Дунаѣ. Очень удачная кампанія въ Азіи не могла имѣть серьезнаго политическаго значенія. Все зависѣло отъ успѣховъ русскихъ войскъ въ наступленіи на Балканскій полуостровъ. Но успѣха здѣсь-то и не было. Уже взятіе Варны далось съ неожиданно большимъ трудомъ. Дѣйствія противъ укрѣпленнаго лагеря подъ Шумлой, закрывавшаго доступъ за Балканы, были совершенно неудачны; не удалась и осада Силистріи. Поздней осенью русской арміи пришлось при очень тяжелыхъ условіяхъ отступить въ придунайскія княжества. И въ этотъ моментъ опредѣленно сказалась обрисованная выше основа характера Николая. Придавая русской политикѣ утерянную ею рѣшимость, онъ исходилъ, какъ мы уже говорили, изъ чувства своей силы. Потускнѣло это чувство, и Николай обнаружилъ отсутствіе внутренней стойкости, отсутствіе пассивной силы сопротивленія, которой такъ богата была женственная природа Александра. Неустойчивый въ условіяхъ мира, Александръ былъ стоекъ и упоренъ при военныхъ неудачахъ; Николай этимъ свойствомъ не обладалъ. Осенью 1828 г. онъ пытался заключить съ Турціей миръ черезъ посредство датскаго посланника. Между тѣмъ положеніе въ Европѣ складывалось очень благопріятно для него. Извѣстія о русскихъ неудачахъ ободрили Меттерниха. Австрія заняла уже агрессивное положеніе, былъ объявленъ рекрутскій наборъ. Но попытка австрійской дипломатіи создать коалицію противъ Россіи показала, что ей не на кого опереться въ Европѣ. Веллингтонъ былъ связанъ внутренними осложненіями, ирландскимъ возстаніемъ; Франція опредѣленно ждала разрыва съ Австріей, чтобы нанести ей ударъ со стороны Италіи. Наконецъ, Пруссія начинала освобождать свою политику отъ австрійскаго вліянія; она вновь стала искать себѣ опору въ стремленіи германскаго народа къ національному единству и дѣятельно работала въ это время надъ созданіемъ таможеннаго союза, какъ базы политическаго объединенія. Сильно смягчивъ борьбу съ либерализмомъ, тайно заигрывая съ нимъ, берлинскій дворъ ускользалъ отъ воздѣйствія Австріи. Кромѣ того, на ходъ прусской политики не оставалась безъ вліянія личная близость короля Фридриха-Вильгельма III съ императоромъ Николаемъ, женатымъ на одной изъ его дочерей. Единственнымъ результатомъ сочувствія англійскаго кабинета тайнымъ планамъ Меттерниха былъ лондонскій протоколъ 16 ноября 1828 г. объ отправкѣ Англіей и Франціей уполномоченнаго въ Константинополь для переговоровъ о греческомъ дѣлѣ; но все значеніе этого протокола уничтожалось введенной въ него по требованію Франціи оговоркой

Императоръ Николай I, великіе князья: Александръ Николаевичъ, Константинъ и Михаилъ Павловичи.

Лубочная картина.

БИБЛІОТЕКА СЛУЖАЩИХЪ
Управленія
Фонд
№ 117.

необходимости согласія русскаго императора. Николай обусловилъ свое согласіе предварительнымъ установленіемъ программы требованій, которыя должны быть предъявлены Турціи. 22 марта 1829 г. представители трехъ союзныхъ державъ подписали въ Лондонѣ новый протоколъ, согласованный съ желаніями Россіи. Въ іюнѣ было выяснено, что Турція не желаетъ подчиниться. Къ великому недовольству явныхъ и тайныхъ противниковъ Россіи, дѣло было все же рѣшено побѣдой русскихъ войскъ. Кампанія 1829 г. была проведена блестяще. Въ Азіи Паскевичъ занялъ почти всю турецкую Арменію, въ Европѣ Дибичъ, смѣнившій Витгенштейна, разбилъ при Кулевчѣ перешедшихъ въ наступленіе турокъ, взялъ Силистрію и, переваливъ черезъ Балканы, въ началѣ августа былъ уже подъ Адріанополемъ. Передовые отряды русской арміи показались въ окрестностяхъ Константинополя. Казалось, исполненіе мечты Потемкина и Александра I близко. Порта, а вмѣстѣ съ нею и противники, и союзники Россіи въ страшной тревогѣ начали хлопотать о заключеніи мира какою бы то ни было цѣной. Русскій императоръ, недавно мечтавшій овладѣть Константинополемъ, какъ бы шелъ навстрѣчу желаніямъ Европы, предложивъ прусскому королю посредничество еще до появленія Дибича близъ турецкой столицы. Дѣло было въ томъ, что военный успѣхъ былъ ненадеженъ, и Николай это зналъ: войска были истощены двухлѣтней кампаніей, потерями въ бояхъ и болѣзнями. Походъ Дибича на Адріанополь былъ отважной мистификаціей: его 20-тысячный отрядъ, почти не обезпеченный связью съ остальной арміей, подвергался громадной опасности, такъ какъ паша Скодры велъ уже съ запада противъ него большія свѣжія силы. Но рѣшительность Дибича ошеломила Европу и Турцію и дала Россіи окончательную побѣду. Въ первыхъ числахъ сентября въ Адріанополѣ былъ подписанъ мирный договоръ и заключена дополнительная къ нему конвенція, обезпечившіе Россіи значительную часть ея новыхъ завоеваній на азіатской границѣ, свободный проходъ для торговыхъ судовъ, русскихъ и дружест-

Гр. К. В. Нессельроде.

венныхъ Россіи державъ, черезъ проливы, свободу торговли для русскихъ подданныхъ во всей Турціи и по Черному морю и военную контрибуцію. Вновь подтверждались привилегіи придунайскихъ княжествъ и Сербіи; срокъ избранія господарей измѣнялся съ семилѣтняго на пожизненный; кромѣ того, въ обезпеченіе уплаты контрибуціи, русскія войска оставались въ Болгаріи и княжествахъ. Наконецъ, судьба Греціи рѣшалась присоединеніемъ Турціи къ протоколу 23 марта.

Русская дипломатія могла торжествовать. Поколебленный стараніями Наполеона престижъ Россіи въ Константинополѣ былъ возстановленъ. Будущее развитіе придунайскихъ княжествъ и Сербіи обезпечивалось подъ русской эгидой. Греція была фактически обязана Россіи конечнымъ успѣхомъ борьбы за независимость. Торговому вліянію Россіи въ Турціи былъ открытъ полный просторъ. Но въ Петербургѣ смотрѣли на этотъ успѣхъ, только какъ на отправную точку. 4 сентября въ засѣданіи секретнаго комитета подъ предсѣдательствомъ императора обсуждался вопросъ о мѣрахъ на случай паденія Оттоманской имперіи. Комитетъ призналъ, что паденіе Турціи желательно съ точки зрѣнія интересовъ Россіи; судьба Константинополя, по мнѣнію комитета, должна быть въ этомъ случаѣ рѣшена такъ, чтобы проливы не попали въ обладаніе какой-либо сильной державы. Подъ такой державой, конечно, подразумѣвалась Англія. Экономическій антагонизмъ Россіи и Англіи на Востокѣ опредѣлялся съ такой очевидностью, что политическія послѣдствія его представлялись Николаю и его совѣтникамъ неизбѣжными, несмотря на союзныя пока отношенія между обѣими державами. И Россія, и Англія возвращались къ прежнимъ позиціямъ: Россія къ натиску на Турцію, Англія—къ охранѣ ея.

Побѣда Россіи вызвала полный разбродъ въ тройственномъ союзѣ. Между русской и англійской дипломатіей завязалась глухая борьба. Греки, стремясь къ полной независимости, просили о разрывѣ вассальной связи съ Турціей. Россія на этотъ разъ не препятствовала имъ; наоборотъ, увѣренная теперь въ своемъ вліяніи на греческое правительство, она поощряла національныя стремленія грековъ, предлагая расширить ея территорію до Артскаго залива; цѣль была ясна—географически приблизить новое государство къ находившимся во власти Англіи Іоническимъ островамъ. Противъ окончательнаго освобожденія Греціи не высказались ни Франція, ни Англія; въ Англіи разсчитывали, что въ независимомъ греческомъ государствѣ легче будетъ создать противовѣсъ русскому вліянію, чѣмъ при сохраненіи его связи съ Турціей, гдѣ Россія будетъ всесильной. На почвѣ второго предложенія сразу вскрылась непримиримость русскихъ и англійскихъ интересовъ. Великобританія протестовала такъ рѣшительно, что Николай уступилъ. Еще бо̀льшія тренія возникли по вопросу о замѣщеніи престола вновь созданной монархіи. Когда англійскій кандидатъ Леопольдъ Саксенъ-Кобургскій отка-

зался отъ греческой короны, Россія выставила своего кандидата, принца Оттона баварскаго. Ему была обезпечена поддержка Австріи. Группировка державъ, очевидно, мѣнялась.

Если между Россіей и Англіей возникли такія серьезныя тренія, то русско-французскія отношенія приняли зато болѣе, чѣмъ когда-либо съ 1815 г., дружественный характеръ. Съ конца іюля 1829 г. во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, а съ ноября во главѣ французскаго правительства сталъ кн. Полиньякъ; это былъ завзятый реакціонеръ, и назначеніе его вызвало большую радость въ Меттернихѣ и Веллингтонѣ, испуганныхъ политикой императора Николая. Они не подозрѣвали, что новый министръ Карла X убѣдилъ своего монарха предложить русскому императору соглашеніе о раздѣлѣ Турціи и о территоріальныхъ измѣненіяхъ въ Европѣ съ цѣлью возвращенія Франціи Бельгіи, Люксембурга и нѣкоторыхъ другихъ завоеваній на Рейнѣ. Основной цѣлью плана Полиньяка было отвлечь вниманіе французскаго общества отъ внутреннихъ дѣлъ. Послѣ андріанопольскаго мира проектъ этотъ былъ доведенъ до свѣдѣнія Николая. Онъ не отказался обсуждать его. Съ осени 1829 г. велись тайные переговоры. Россія явно поощряла внѣшнюю политику французскаго правительства, принимавшую тѣмъ болѣе опредѣленный завоевательный характеръ, чѣмъ ярче развивалась въ странѣ реакція.

Такимъ образомъ, послѣ пятнадцатилѣтняго періода европейскаго мира и сравнительнаго внутренняго спокойствія европейскія монархіи вновь выдвинули на первое мѣсто свои государственные интересы. Неизбѣжныя противорѣчія ихъ подкопали и обрушили зданіе Священнаго союза. Когда грянула іюльская революція, въ Европѣ не было уже ни одной сколько-нибудь прочной группировки державъ.

II.

Императоръ Николай Павловичъ, получивъ извѣстіе объ іюльской революціи, конечно, усмотрѣлъ въ ней casus foederis и обратился къ своимъ союзникамъ съ предложеніемъ общаго вооруженнаго вмѣшательства. Но ему пришлось немедленно убѣдиться, что Священный союзъ, какъ союзъ государей противъ революціи, фактически пересталъ существовать. Англія, главная опора всѣхъ европейскихъ коалицій съ 1793 по 1815 г., привѣтствовала переворотъ, такъ какъ паденіе Карла X и восшествіе на престолъ „короля-гражданина“ знаменовали для нея разрывъ франко-русскаго сближенія съ его широкими планами. Пруссія, опредѣленно искавшая въ своей германской политикѣ поддержки общественнаго мнѣнія, иначе говоря, поддержки либеральной части общества, не хотѣла рисковать своимъ положеніемъ и отказывалась предпринимать что-либо противъ Франціи, если „фран-

цузы не перейдутъ Рейна", т.-е. не дадутъ прямого и пріемлемаго для обще-ственнаго мнѣнія повода къ войнѣ. Наконецъ, Меттернихъ, самъ предло-жившій было коалицію сѣверныхъ державъ противъ Франціи, опредѣлялъ въ запискѣ къ Нессельроде основнымъ принципомъ союза осторожность и осмотрительность по отношенію къ новому французскому правительству, все же принявшему обликъ монархіи; очевидно, восточная политика Россіи ослабляла и эту прочнѣйшую, казалось, точку опоры противореволюціоннаго союза. Съ гнѣвомъ и отвращеніемъ Николай Павловичъ былъ принужденъ вслѣдъ за другими державами признать послѣдствія революціоннаго пере-ворота; онъ сдѣлалъ это, впрочемъ, съ оговоркой о томъ, что Россія вмѣстѣ съ своими союзниками будетъ попрежнему поддерживать договоры 1815 г.

Отношеніе русскаго правительства къ восточному вопросу издавна измѣ-нялось въ зависимости отъ его авторитета въ Константинополѣ. Когда этотъ авторитетъ стоялъ высоко, приближаясь къ протекторату, русская дипло-матія заботилась объ его сохраненіи и поэтому оберегала Турцію отъ воз-можныхъ потрясеній. Когда же одерживало верхъ чье-либо соперничающее вліяніе, Россія ставила вопросъ о раздѣлѣ. Этому давнему курсу былъ вѣ-ренъ и Николай. ПослѣУнкіаръ-Искелесскаго договора онъ являлся охра-нителемъ неприкосновенности Турціи, не отказываясь въ тайныхъ своихъ планахъ ни отъ одной возможности ея раздѣла, если обстоятельства измѣ-нятся. На этотъ разъ русской восточной политикѣ придали особую окраску дѣйствія Австріи. Меттернихъ, встревоженный ростомъ русскаго вліянія въ Турціи, можетъ-быть, выступилъ бы противъ русской политики, но ему болѣе чѣмъ когда-либо необходима была поддержка Николая въ Европѣ. Не только борьба съ революціей, но и положеніе дѣлъ въ Германіи, гдѣ Пруссія закончила организацію таможеннаго союза, ставили Австрію въ необходимость искать опоры въ Россіи. Чтобы согласовать и осущест-вить эти двѣ задачи, Меттернихъ рѣшилъ пойти до извѣстной степени навстрѣчу восточной политикѣ императора Николая. Съ этой цѣлью онъ устроилъ осенью 1833 г. свиданія монарховъ въ Теплицѣ и Мюнхенгретцѣ. Въ результатѣ ихъ явилось соглашеніе (6 сентября), по которому Австрія и Россія гарантировали османскую династію, при чемъ Россія приняла посредничество Австріи передъ Европой при исполненіиУнкіаръ-Искелес-скаго договора и обѣщала на случай, если поднимется вопросъ о раздѣлѣ, дѣйствовать въ согласіи съ другими державами. По европейской политикѣ было принято рѣшеніе, направленное противъ провозглашеннаго Англіей и Фран-ціей принципа невмѣшательства; трактатъ между императорами Николаемъ и Францемъ и королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ устанавливалъ право союзныхъ государей призывать въ случаѣ внутреннихъ безпорядковъ на по-мощь союзныя войска. Если же какая-нибудь держава воспротивится оказа-нію такой помощи, союзники признаютъ ее общимъ врагомъ. По существу,

такимъ образомъ, главныя недоразумѣнія между Россіей и Австріей, или, говоря о дѣйствующихъ лицахъ, между Николаемъ Павловичемъ и Меттернихомъ, устранялись. Священный союзъ еще разъ возобновлялся въ видѣ союза абсолютныхъ государей. Правда, Пруссія очень неохотно присоединилась къ союзу; какъ показали событія, прусская дипломатія разсчитывала, впрочемъ, что всѣ неизбѣжныя послѣ соглашенія реакціонныя мѣры общественное мнѣніе поставитъ на счетъ Австріи. Взамѣнъ поддержки Россіи въ дѣлѣ поддержанія реакціи, Австрія брала на себя предотвратить ея разрывъ съ морскими державами, въ чемъ и успѣла, убѣдивъ французское и англійское правительства, что послѣ мюнхенгретцкаго соглашенія она является постоянной, такъ сказать, посредницей между Россіей и Портой. И, дѣйствительно, въ началѣ 1834 г. Николай Павловичъ по представленію Австріи согласился эвакуировать занятыя съ 1828 г. придунайскія княжества. Нельзя не отмѣтить, что эта серьезная уступка была имъ сдѣлана именно въ той области, гдѣ русскіе интересы прямо сталкивались съ австрійскими. Очевидно, сближеніе съ единственной теперь въ Европѣ безусловно консервативной державой пріобрѣтало въ глазахъ Николая особую цѣну. И на немъ начинало тяготѣть бремя политическаго прошлаго, отъ котораго онъ былъ свободенъ при восшествіи на престолъ: не прекращавшіяся революціонныя движенія, явное покровительство борьбѣ съ абсолютизмомъ со стороны Англіи, сомнительное поведеніе Пруссіи роковымъ образомъ сближали съ Австріей государя, пережившаго 25 декабря 1825 г., польское возстаніе и вѣрившаго въ возможность крестьянскаго возмущенія въ Россіи. Контръ-революція 30-хъ годовъ въ Германіи пользовалась его полнымъ сочувствіемъ и моральной поддержкой. Въ этихъ особенностяхъ его отношеній съ державами Запада Европы надо искать объясненія кажущимся противорѣчіямъ его восточной политики.

Гр. С. С. Уваровъ.

Начало 1834 года, когда казалось, что въ Европѣ образовались какъ бы естственныя группировки, было въ дѣйствительности исходнымъ пунктомъ новой перестановки державъ. Иниціаторомъ ея былъ Людовикъ-Филиппъ. Возведенный на престолъ революціей, „король-гражданинъ“ прежде

всего хотѣлъ укрѣпить свою династію и поэтому стремился примирить законныхъ монарховъ Европы съ ея революціоннымъ происхожденіемъ. Въ первые годы своего царствованія онъ могъ опираться только на Англію. Но британская поддержка была черезчуръ своекорыстной. Англія парализовала французскую политику въ Египтѣ и Алжирѣ, Англія была одной изъ главныхъ противницъ Франціи въ бельгійскомъ вопросѣ, на Пиренейскомъ полуостровѣ Англія оспаривала и, наконецъ, почти разрушила вліяніе Франціи. Унаслѣдованныя стремленія Франціи къ африканскому побережью, къ стратегическимъ базамъ сѣвера и къ Пиренейскому полуострову сталкивались съ основными принципами англійской политики. Единеніе между „морскими державами“ могло быть въ эту эпоху только временнымъ, пока одна изъ сторонъ шла на уступки во имя какого-либо первенствующаго интереса. Рѣшительное соперничество раздѣляло на Востокѣ Россію и Англію. Русскія войска продвигались въ Азію; царь Николай уже намѣчалъ тревожное для англичанъ завоеваніе средней Азіи и, добиваясь отъ дважды побѣжденной Персіи союзнаго договора, убѣждалъ шаха напасть на Афганистанъ. Разногласія между Россіей и Франціей въ ближневосточной политикѣ были сравнительно менѣе важны. Взятая сама по себѣ политика интересовъ должна бы привести къ франко-русскому союзу противъ англійской политики колоніальныхъ захватовъ, нѣкоторые изъ которыхъ, напримѣръ, занятіе Адена, уже тогда представлялись важными событіями для міровой торговли. Но на сближеніе государствъ въ эту эпоху могущественно вліяли причины иного порядка. Ненависть Николая къ Людовику-Филиппу, выражавшаяся даже въ мелочныхъ придиркахъ, побуждала русскую дипломатію къ стремленію разслоить англо-французское согласіе путемъ сближенія съ Англіей. Англійскій конституціонализмъ — этого нельзя не подчеркнуть — не представлялся руководящимъ европейскимъ консерваторамъ угрозой порядку на континентѣ; въ ихъ глазахъ онъ былъ освященнымъ традиціей фактомъ особаго рода,—фактомъ столь же спеціально британскимъ, какъ и островное положеніе Англіи. То, что претило Николаю въ французскомъ правительствѣ, не раздражало его въ Англіи. Таковы были предпосылки русско-англійскаго сближенія второй половины 30-хъ годовъ. Ради него Николай пошелъ, какъ мы увидимъ, даже на нѣкоторыя уступки въ восточномъ вопросѣ.

Личное міросозерцаніе императора Николая привело его въ свое время къ сближенію съ Австріей. За это сближеніе было заплачено дорогой цѣной: мюнхенгретцкое соглашеніе по восточному вопросу пробивало брешь въ исключительномъ авторитетѣ Россіи въ Турціи, пріобщая къ достигнутымъ ею выгодамъ Австрію. Личные же взгляды императора опредѣлили и его позицію въ дѣлѣ разъединенія англо-французскаго союза. Предуказанное имъ сближеніе съ Англіей было куплено еще болѣе дорогою цѣной. Уже заключенный съ согласія императора англо-турецкій торговый договоръ уничтожалъ

то начало преимущественнаго положенія, которое, при отсталости русской промышленности по сравненію съ Западомъ, было единственной гарантіей хотя бы нѣкотораго преобладанія русской торговли. Установленіе таможеннаго и юридическаго равноправія для всѣхъ иностранцевъ, торгующихъ въ Турціи, вводило свободную конкуренцію, въ которой побѣда, а за нею и вліяніе неизбѣжно отходили къ болѣе развитымъ странамъ и прежде всего къ Англіи. Но этотъ договоръ подготовлялъ только будущее. Серьезный ущербъ понесенъ былъ Россіей на востокѣ и немедленно.

Призвавъ въ 1833 г. русскихъ къ Константинополю и утвердивъ затѣмъ Ункіаръ-Искелесскій договоръ, султанъ Махмудъ разсчитывалъ съ помощью Россіи черезъ нѣкоторое время отомстить Магомету-Али. Этотъ разсчетъ не оправдался. Общій строй европейской политики заставлялъ Россію особенно заботиться, чтобы не возобновлялась борьба между Турціей и Египтомъ, грозившая важнѣйшими послѣдствіями, такъ какъ она задѣвала жизненные интересы ряда великихъ державъ. Этимъ пользовалась Англія; видя въ Магометѣ-Али кліэнта Франціи, она ничего не имѣла противъ замѣшательства, въ которомъ могло рухнуть его могущество и которое дало бы ей возможность активно вмѣшаться въ восточныя дѣла, такъ какъ всѣ державы были бы вовлечены въ него обязательной поддержкой султана со стороны Россіи. Такая позиція давала Англіи громадное вліяніе на Махмуда, несмотря на обезпеченныя договоромъ преимущества Россіи. Осложненность русской политики отразилась на ней тяжелымъ ударомъ, когда въ 1839 г. султанъ рѣшился, наконецъ, возобновить военныя дѣйствія противъ Магомета-Али. Въ первыя же недѣли войны опредѣлился ея исходъ. Турецкія войска терпѣли пораженіе за пораженіемъ. Для Россіи наступалъ casus foederis, ея обязательство помочь союзнику вступало въ силу. Этого момента и ждали въ Англіи. Иниціатива противодѣйствія исходила отъ Пальмерстона. Онъ предложилъ Франціи совмѣстныя дѣйствія противъ Россіи: стянуть эскадры къ Дарданелламъ и форсировать проливъ, если русскія суда покажутся въ Босфорѣ. Но Франція хотѣла одновременно и ослабить русское вліяніе въ Турціи, и поддержать Магомета-Али. Это побудило Францію склониться на другое предложеніе, исходившее изъ Вѣны: Меттерних предлагалъ созвать въ Вѣнѣ конференцію шести великихъ державъ съ цѣлью замѣны русскаго протектората общеевропейской гарантіей цѣлости Оттоманской имперіи. Для русской дипломатіи проектъ Меттерниха былъ, очевидно, непріемлемъ; выхода изъ своего ложнаго положенія Россія могла искать только въ не менѣе ложномъ положеніи Франціи, что и было сдѣлано, какъ только позволили обстоятельства. Такими обстоятельствами оказались новыя неудачи Турціи: пораженіе турецкой арміи при Незибѣ (12 іюня) [1])

[1]) 18 іюня султанъ Махмудъ умеръ отъ огорченія, оставивъ престолъ 16-лѣтнему Абдулъ-Меджиду.

и измѣна всего турецкаго флота, ушедшаго при явномъ содѣйствіи начальника французской эскадры изъ Дарданеллъ, чтобы передаться Магомету-Али. Порта готова уже была согласиться на всѣ требованія побѣдителя, когда (14 іюля) по почину Меттерниха посланники пяти державъ послали ей ноту, въ которой заявляли о солидарности Европы въ восточномъ вопросѣ и просили не принимать никакого рѣшенія, пока не выяснятся результаты „сочувствія державъ“. Участіе Россіи въ этой нотѣ, какъ бы уже устанавливавшей замѣну русскаго протектората совмѣстнымъ покровительствомъ державъ, объяснялось тѣмъ, чтоУнкіаръ-Искелесскій договоръ могъ оказаться теперь ловушкой для Россіи: для сохраненія въ полной силѣ русскаго престижа на основаніяхъ, установленныхъ договоромъ, пришлось бы послать флотъ въ Босфоръ въ случаѣ приближенія египетскихъ войскъ къ Константинополю, а это грозило или полнымъ разрывомъ съ морскими державами, или паденіемъ Турціи; поэтому нужно было принять мѣры, чтобы остановить движеніе войскъ Ибрагима-паши. Съ этой цѣлью рѣшено было обратиться къ державамъ съ предложеніемъ воздѣйствовать на Магомета-Али. Союзная эскадра, по русскому проекту, должна быть послана въ Александрію, а не въ Константинополь. Несомнѣнно, что, придя къ такому рѣшенію, дипломатія императора Николая предрѣшала вопросъ о коллективной гарантіи цѣлости Оттоманской имперіи и отрекалась отъ исключительнаго протектората. Впрочемъ, и срокъУнкіаръ-Искелесскаго договора истекалъ черезъ два года, и едва ли можно было разсчитывать возобновить его при создавшихся отношеніяхъ. Гр. Нессельроде съ полной ясностью обрисовалъ вытекавшія отсюда новыя задачи русской политики въ докладѣ 3 августа. Россія, покровительствуя Турціи, охраняла съ 1833 г. ея существованіе, какъ залогъ своей собственной безопасности. Тѣ же побужденія могли бы руководить и восточной политикой Австріи. Морскія же державы имѣютъ въ виду такъ перестроить отношенія на Востокѣ, чтобы проливы были открыты для нападенія на Россію. Тѣ гарантіи, которыхъ хотятъ Франція и Англія, обезпечивали бы не Россію со стороны Чернаго моря, а Турцію отъ Россіи. Но кризисъ можетъ быть разрѣшенъ — безъ опасности для Россіи — только соглашеніемъ между султаномъ и египетскимъ вице-королемъ при посредствѣ державъ. Не могло быть сомнѣнія, что Австрія, Англія и Франція предложатъ Россіи дать вмѣстѣ съ ними гарантію такого соглашенія. Между тѣмъ подъ этой гарантіей скрывалось бы основаніе общаго соглашенія, обезпечивающаго неприкосновенность Турціи въ смыслѣ, желательномъ для западныхъ державъ. Отказаться отъ участія въ этой гарантіи невозможно, потому что иначе морскія державы привлекутъ Австрію къ гарантіи цѣлости Турціи безъ участія Россіи, т.-е. прямо направленной противъ русскихъ интересовъ. Нессельроде предложилъ пойти навстрѣчу желаніямъ западныхъ державъ, но обусловить переходъ отъ русскаго протектората къ общей гарантіи огра-

БИБЛІОТЕКА СЛУЖАЩИХЪ
Управленія ж д.
Фонтанка, 117.
117

Императоръ Николай I.

ченіемъ ея дѣйствія турецко-египетскимъ договоромъ и признаніемъ полнаго закрытія Дарданеллъ для военныхъ судовъ въ военное и мирное время за ненарушимую норму международнаго права. Главнымъ препятствіемъ къ осуществленію этого плана были хлопоты кн. Меттерниха о созывѣ конференціи. Его происками рѣшено было противопоставить непосредственные переговоры съ Англіей. Съ этой цѣлью въ Лондонъ былъ посланъ бар. Брунновъ. Въ длившихся съ августа 1839 г. по іюль 1840 г. переговорахъ русскому предложенію пришлось столкнуться съ двумя противоположными точками зрѣнія, выставленными Меттернихомъ и Пальмерстономъ. По толкованію австрійскаго министра Черное море являлось закрытымъ турецкимъ моремъ. Какъ бы забывая, что большая часть побережья уже перешла къ Россіи, онъ указывалъ, что суверенитетъ Турціи на Черномъ морѣ позволяетъ рѣшать вопросъ только условно, въ зависимости отъ того, находилась ли во время войны Турція въ союзѣ съ Россіей или ея противниками. Въ послѣднемъ случаѣ Турція имѣла бы право впустить иностранный флотъ въ Черное море и запереть выходъ изъ него для русскаго флота. Поэтому соглашеніе между Россіей и морскими державами, по мнѣнію Меттерниха, могло быть заключено только или при признаніи вѣчнаго нейтралитета Порты, или при ограниченіи права Россіи переводить эскадры изъ Чернаго въ Бѣлое море и обратно. Такая постановка вопроса имѣла цѣлью, конечно, породить неразрѣшимыя затрудненія между Россіей и Англіей. Однако Пальмерстонъ пренебрегъ этой приманкой и выставилъ свое, очень ясное положеніе: въ силу обычнаго морского права, имѣющаго въ Англіи силу закона, право на прибрежныя воды ограничивается тремя милями разстоянія отъ берега; Порта владѣетъ обоими берегами проливовъ, ширина ихъ не достигаетъ шести миль, поэтому она имѣетъ безусловное право закрывать ихъ. Признаніе этого права ея международнымъ принципомъ достаточно обезпечило бы Россію; если Турція въ союзѣ съ Россіей, она закрываетъ проливы для непріятельскихъ судовъ, если она сохраняетъ нейтралитетъ, его всѣ обязаны уважать. Это было, конечно, не то, чего желали въ Петербургѣ и что надѣялись получить въ виду все возраставшаго расхожденія между Франціей и Англіей. Брунновъ вернулся въ Петербургъ за новыми инструкціями. Въ Англіи находили, что русское предложеніе опредѣляетъ слишкомъ дорогую цѣну за отказъ отъ договора 1833 г. Кабинетъ Мельбурна готовъ былъ на соглашеніе съ Франціей, несмотря на противодѣйствіе Пальмерстона. Но это оказа-

Кн. А. С. Меншиковъ.

лось невозможнымъ, потому что Людовикъ-Филиппъ, полагаясь на дружбу Австріи и Пруссіи, не хотѣлъ идти противъ общественнаго мнѣнія, требовавшаго отъ правительства энергичной поддержки Магомета-Али и негодовавшаго на англійскія интриги въ Алжирѣ. Вернувшись въ Лондонъ, Бруннов встрѣтилъ бо́льшую готовность британскаго кабинета принципіально признать проливы закрытыми. Различіе между русской и англійской точками зрѣнія, однако, оставалось очень серьезнымъ: Россія требовала закрытія Дарданеллъ, опасаясь нападенія французскаго и англійскаго флотовъ на свои черноморскіе берега; Англія же хотѣла закрыть Босфоръ, чтобы обезпечить отъ русскаго флота столицу Турціи и Средиземное море. Послѣ долгихъ переговоровъ, во время которыхъ Бруннову пришлось уступать позицію за позиціей въ виду непремѣннаго желанія государя заключить конвенцію, состоялось англо-русское соглашеніе, къ которому присоединились Порта, Австрія и Пруссія. По этому акту (лондонская конвенція 3 іюля 1840 г.) четыре великихъ державы принимали на себя защиту престола султана; дѣйствія съ этой цѣлью производятся всѣми державами сообща и одновременно всѣми ими прекращаются. Проливы должны быть закрыты для военныхъ судовъ, кромѣ того случая, когда Турція вступаетъ сама въ войну. Такимъ образомъ, теряя всѣ выгодыУнкіаръ-Искелесскаго договора, Россія не добилась полнаго закрытія проливовъ, какъ нормы международнаго права, и условно согласилась допускать англійскій флотъ въ проливы одновременно съ входомъ въ нихъ русской эскадры. Пруссія приступила къ конвенціи, главнымъ образомъ, въ силу общей перемѣны въ ея политикѣ со вступленіемъ на престолъ Фридриха-Вильгельма IV (7 іюня). Австрія — потому, что боялась остаться внѣ соглашенія. Вопросъ о закрытіи Дарданеллъ, составлявшій, по словамъ Нессельроде, „вопросъ чести“, вопросъ, рѣшенный государемъ „безповоротно разъ навсегда“, былъ рѣшенъ по тщательному соображенію „со всѣми мнѣніями, видами и даже надеждами англійскаго министра“. Разгадка крайней уступчивости императора Николая была въ томъ, что, выводя Россію изъ рискованнаго положенія, въ которое ее поставила самая блестящая его дипломатическая побѣда, договоръ 1833 г., онъ готовъ уже былъ измѣнить свою восточную политику, перейти къ обычному въ случаѣ умаленія русскаго престижа въ Константинополѣ курсу, къ планамъ раздѣла. И разсчитывалъ создать опору для этихъ плановъ въ сближеніи съ Англіей.

Уже въ 1843 г. эта перемѣна курса проявилась во время визита императора королевѣ Викторіи въ предложеніи англійскому правительству разсмотрѣть возможность паденія и раздѣла Оттоманской имперіи. Возобновленное въ послѣдніе дни 1852 г., то же предложеніе было прелюдіей къ Крымской войнѣ. Но отношеніе англійскаго правительства къ восточному вопросу существенно опредѣлялось въ связи съ вопросомъ о морскихъ путяхъ. Борьба съ Франціей изъ-за Египта, широко развернувшаяся къ 1840 г., была

прежде всего борьбой за будущія экономическія возможности. Борьба съ Россіей изъ-за проливовъ имѣла то же значеніе. Договоръ 1833 г. ставилъ Турцію въ положеніе стража проливовъ противъ западныхъ флотовъ. Цѣлью договора 1840 г., съ англійской точки зрѣнія, было закрыть для русскаго флота Эгейское море. Поэтому англійская политика съ большей чѣмъ когда-либо опредѣленностью начала выдвигать принципъ охраны неприкосновенности и цѣлости Оттоманской имперіи. Очевидно, ея цѣли и стремленія рѣзко расходились съ планами императора Николая. Но для него это обнаружилось только много позже, въ 1853 г. Пока онъ могъ обольщать себя иллюзіей, что отказъ отъ договора 1833 г. открылъ для Россіи широкія перспективы на Ближнемъ Востокѣ.

Французское правительство узнало о лондонской конвенціи только черезъ два дня послѣ ея подписанія. Взрывъ негодованія пронесся по Франціи. Глава кабинета Тьеръ рѣшилъ отвѣтить на вызовъ открытой поддержкой Магомета-Али. Еще разъ изъ-за египетскаго вопроса, иначе говоря, морского торговаго соперничества Франціи и Англіи, готова была вспыхнуть европейская война. Столкновеніе, однако, не состоялось по тремъ причинамъ, которыхъ не предвидѣлъ Тьеръ: англо-австрійскій флотъ парализовалъ дѣйствія египетскихъ войскъ; національное движеніе въ Германіи, на которое онъ также разсчитывалъ, обратилось въ возбужденіе противъ „наслѣдственнаго врага“; наконецъ, Людовикъ-Филиппъ боялся и не хотѣлъ войны. Результатомъ ихъ были паденіе Тьера и переходъ власти къ умѣренно-консервативному кабинету „мира“ съ Гизо на посту министра иностранныхъ дѣлъ. Начались переговоры о присоединеніи Франціи къ лондонской конвенціи. Въ французскихъ проектахъ измѣненія конвенціи и въ отношеніи къ нимъ державъ ярко сказались противорѣчія ихъ интересовъ. Франція желала ввести въ договоръ гарантію неприкосновенности и цѣлости Турціи—противъ этого возстала Россія. Противъ предложеннаго ею признанія путей въ Азію черезъ Суэцъ и Евфратъ свободными или нейтральными возстала Англія. Эти затрудненія оказались, конечно, неустранимыми. Тѣмъ не менѣе, 1 іюля 1841 г. была подписана новая конвенція, подтвердившая принципъ закрытія проливовъ для военныхъ судовъ всѣхъ націй, кромѣ того случая, когда Турція находится съ кѣмъ-либо въ войнѣ. Ограничивая въ этомъ отношеніи суверенитетъ султана, конвенція, несмотря на нежеланіе Россіи, содержала упоминаніе объ охранѣ его „владѣтельныхъ правъ“. Такимъ образомъ, отсутствіе возможности и рѣшимости принять на себя всѣ послѣдствіяУнкіаръ-Искелесскаго договора, побудившее Николая Павловича отказаться отъ борьбы съ Англіей изъ-за протектората надъ Турціей, приводило къ совмѣстному съ другими державами наблюденію за нею, т.-е. къ положенію, въ которомъ Россія теряла свободу дѣйствій. Одна изъ самыхъ неудачныхъ и пагубныхъ кампаній русской дипломатіи, лондонскіе переговоры начала

40-хъ гг. возвращали Россію къ положенію 1823 г. Глухая борьба за выходъ изъ этого тупика была неизбѣжна; при противоположности интересовъ Россіи и морскихъ державъ, она должна была привести къ войнѣ.

III.

Присоединеніе Франціи къ конвенціи 40 года только предотвратило войну, но не уничтожило причинъ расхожденія между нею и Англіей. До 48 года вся европейская политика была окрашена ихъ соперничествомъ „Сѣверныя державы“, т.-е. Россія, Пруссія и Австрія, неоднократно пользовались этой борьбой для реакціонныхъ выступленій, которыя были бы невозможны, еслибы „четверной союзъ“ существовалъ въ дѣйствительности. Самыми яркими изъ такихъ выступленій была безпощадная борьба съ поляками въ Галиціи и прусской Польшѣ и, правда, неудачная, поддержка „католической“ реакціи противъ „радикаловъ“ въ Швейцаріи. Для Германіи, для Италіи, вездѣ вообще, гдѣ шло броженіе, международная конъюнктура слагалась одинаково: Англія поддерживала либеральное движеніе, сѣверныя державы подавляли его (за исключеніемъ Пруссіи въ Германіи); Франція, стремясь къ сближенію съ абсолютными монархіями, молчаливо попускала всѣ ихъ реакціонныя мѣропріятія. Конецъ этому положенію положилъ 1848 годъ.

Грозный сорокъ восьмой годъ, въ большихъ и мелкихъ отраженіяхъ повсемѣстно возсоздававшій, казалось, на Западѣ французскія событія конца XVIII вѣка, былъ годомъ великаго торжества для императора Николая Павловича. Онъ одинъ изъ всѣхъ монарховъ континентальной Европы устоялъ противъ бури. Основная черта его личности, вѣра въ рѣшающее значеніе силы, больше чѣмъ когда-либо окрашивала его дѣятельность. Онъ былъ готовъ послать русскую армію на борьбу съ революціей всюду, гдѣ возстали народы. Всѣмъ поколебленнымъ монархіямъ онъ предлагалъ свою поддержку. Онъ чувствовалъ свою силу и рвался осуществить свою, какъ онъ былъ искренне убѣжденъ, историческую миссію. Онъ остался одинъ, но это было одиночество самаго могущественнаго человѣка въ Европѣ. Только мимолетно и безъ серьезнаго разсчета писалъ онъ королевѣ Викторіи: „Что осталось непоколебленнаго въ Европѣ? Россія и Великобританія. Не естественно ли заключить отсюда, что нашъ тѣсный союзъ, можетъ-быть, призванъ спасти міръ!“ Но никакого „тѣснаго союза“ не было, и миссія „спасенія міра“ цѣликомъ выпадала на долю императора.

Берлинская конвенція 1833 г. устанавливала принципъ вмѣшательства во внутреннія дѣла союзныхъ государствъ, но только по приглашенію. Николай не сомнѣвался, что, въ отвѣтъ на его предложенія, у него будутъ просить помощи оба его союзника. Готовностью къ вооруженной борьбѣ съ

„духомъ времени“, увѣренностью въ близости этой борьбы звучалъ его манифестъ къ народу о западныхъ событіяхъ. Но ему суждено было испытать немалое разочарованіе. Пруссія, спасая свое положеніе въ Германіи, отказалась отъ помощи русскихъ штыковъ. Новое австрійское правительство также, очевидно, уклонялось отъ реставраціи съ помощью иностранной арміи. Пока пришлось ограничиться вмѣшательствомъ въ шлезвигъ-голштинское дѣло, когда путемъ угрозы ввести въ Силезію русскія войска Николай добился возвращенія датскому королю этихъ областей, и военной оккупаціей придунайскихъ княжествъ, гдѣ также вспыхнула революція. Примѣчательно, что по настоянію императора султанъ лишилъ населеніе княжества разныхъ правовыхъ гарантій, дарованныхъ имъ въ свое время по требованію Россіи. Но, наконецъ, часъ борьбы съ „врагомъ“ пробилъ. Начавшаяся повсемѣстно реакція подняла духъ австрійскихъ государственныхъ людей. Поборовъ революцію въ Австріи, они обратились къ Николаю Павловичу за помощью противъ венгерскаго возстанія. Русскія войска перешли границу, и черезъ два мѣсяца Венгрія была разгромлена. Всей грозной силой своей императоръ поддержалъ Австрію и въ возстановленіи Германскаго союза на началахъ акта 1815 г., а также въ низведеніи Пруссіи на предопредѣленное ей тогда мѣсто въ союзѣ. Въ результатѣ Николай Павловичъ пріобрѣлъ благодаря событіямъ 48 года престижъ вершителя судебъ Европы.

Гр. К. В. Нессельроде. (Моск. Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ.)

Вновь укрѣпившись въ сознаніи своей силы, обновивъ въ дни европейской революціи свою горделивую самоувѣренность, императоръ неизбѣжно долженъ быть вернуться къ восточнымъ планамъ. Ближайшій поводъ для вмѣшательства во внутреннія дѣла Турціи дали тѣ же событія 48 г. Въ Турцію бѣжали многіе участники венгерскаго возстанія, венгры и поляки. Россія и Австрія потребовали выдачи ихъ. Англія, всесильная тогда въ Константинополѣ, настаивала на отказѣ въ удовлетвореніи этого требованія. Франція присоединилась къ ней. Англійская эскадра прошла черезъ Дарда-

неллы въ Мраморное море. Императоръ Николай Павловичъ принужденъ былъ убѣдиться, что жертва выгодами договора 33 г. не обезпечила даже исполненія лондонской конвенціи. Англія противопоставляла силу первой же его попыткѣ вернуться на Востокъ къ политикѣ силы. Но иниціаторомъ дальнѣйшаго противодѣйствія его восточнымъ планамъ явился Наполеонъ III. Съ его появленіемъ во главѣ Франціи, сначала въ роли президента, а затѣмъ на императорскомъ тронѣ, французская политика возвратилась къ использованію самаго дѣйствительнаго нѣкогда своего орудія политическаго и экономическаго проникновенія на Востокъ, протектората надъ католиками въ Оттоманской имперіи. Въ стремленіи опереться на всѣ элементы „порядка" въ странѣ, Наполеонъ, дѣятельно поддерживая католическую церковь, связывалъ свою внѣшнюю политику съ внутренней. Но въ то же время, выдвигая роль Франціи на Востокѣ, какъ покровительницы католиковъ, онъ опредѣленно шелъ на столкновеніе съ Россіей, покровительницей православныхъ подданныхъ Турціи, традиціонно использывавшей это покровительство въ политическихъ цѣляхъ. Такимъ образомъ, Наполеонъ связывалъ восточный вопросъ съ борьбой противъ Николая Павловича, „вершителя судебъ Европы", съ борьбой буржуазнаго либерализма противъ абсолютизма. На этой почвѣ имъ было подготовлено и осуществлено сближеніе съ Англіей. Для великобританскаго правительства въ завязавшейся борьбѣ выборъ позиціи былъ предрѣшенъ. Противопоставляя Турцію Россіи въ видѣ гарантіи своихъ морскихъ путей отъ русскаго флота, Англія не могла идти навстрѣчу русскимъ планамъ раздѣла. Рѣшающимъ моментомъ поэтому были не затяжные споры о правахъ католиковъ и православныхъ на Святыя мѣста (т. н. споръ о „ключахъ"), или другіе внѣшніе поводы конфликта, а стремленіе Англіи ограничить, остановить всякое движеніе Россіи на Ближній Востокъ. Это сказалось въ самомъ замѣчательномъ эпизодѣ періода до Крымской войны въ судьбѣ предложенія императора Николая приступить къ переговорамъ о раздѣлѣ Турціи.

Николай Павловичъ ясно чувствовалъ въ началѣ 50-хъ годовъ противодѣйствіе всѣмъ его планамъ, связанность всѣхъ его дипломатическихъ предпріятій. Въ основѣ этого глухого натиска на него было возобновившееся сближеніе Франціи съ Англіей. Онъ сдѣлалъ попытку разрубить гордіевъ узелъ, запутанный на Востокѣ стараніями Наполеона при содѣйствіи англійской дипломатіи. Въ послѣднихъ числахъ декабря 1852 г. и второй разъ въ началѣ февраля 1853 г. онъ предлагалъ англійскому послу сэру Гамильтону Сеймуру планъ раздѣла Турціи. Англіи онъ предлагалъ Египетъ и Критъ. Отвѣтъ посла долженъ былъ бы разрушить иллюзіи, приведшія Николая Павловича къ крымской катастрофѣ. „Англіи нужно въ Египтѣ только обезпеченіе быстраго и свободнаго сообщенія между метрополіей и Индіей", сказалъ лордъ Сеймуръ. Очевидно, что главной заботой Англіи

была охрана морскихъ путей, а главной угрозой имъ было бы морское могущество державы, которая, располагая проливами, грозила бы движенію по Эгейскому морю, и, переваливъ за Кавказъ, могла бы черезъ Персію проникнуть къ Персидскому заливу, и такимъ образомъ вышла бы и въ Азіи на морскіе пути будущей Индійской имперіи, т.-е. Россія. Соглашеніе между Россіей и Англіей въ началѣ 50-хъ гг. было бы возможнымъ только при отказѣ Николая Павловича отъ наступательной политики на Востокѣ. Въ противномъ случаѣ бывшіе налицо элементы коалиціи противъ него должны были придти въ дѣйствіе. Но императоръ вѣрилъ въ свою силу; черезъ 7 дней послѣ его второго разговора съ Сеймуромъ кн. Меншиковъ предъявилъ Турціи требованіе принять полный политическій протекторатъ Россіи надъ ея православными подданными. Четыре съ половиной мѣсяца испуганная Порта вела переговоры. Къ серединѣ лѣта турецкіе министры, получивъ надежду на французскую и англійскую помощь, перестали проявлять уступчивость, и переговоры были прерваны. 22-го русскія войска заняли дунайскія княжества. Англійская и французская эскадры немедленно вошли въ Мраморное море.

Однако событія, казалось, оправдывали увѣренность Николая въ успѣхѣ его новаго движенія на Востокъ. Торійское министерство лорда Эбердина хотѣло, какъ выяснилось, избѣгнуть войны съ Россіей, опасаясь ея послѣдствій на континентѣ; австрійское правительство было слишкомъ связано своими отношеніями съ Николаемъ; Наполеонъ III воздерживался отъ слишкомъ отвѣтственныхъ самостоятельныхъ выступленій. Турція, не получивъ немедленной помощи и видя недѣйствительность морской англо-французской демонстраціи, униженно просила у Австріи посредничества. Казалось, можно было торжествовать побѣду: начавшіеся въ Вѣнѣ переговоры уже подготовляли ее. Но все величественное зданіе, уже рисовавшееся Николаю Павловичу, внезапно рухнуло, когда проекты соглашенія случайно были преждевременно опубликованы. Противъ императора возстала сила, которую онъ отрицалъ и презиралъ—общественное мнѣніе Европы. Въ Англіи оно принудило министерство отречься отъ всего, содѣяннаго въ Вѣнѣ. Французская буржуазія, поддерживая политику Наполеона, направленную противъ Николая Павловича, давала надежную опору общественнаго мнѣнія готовившемуся англо-французскому союзу. Наконецъ, въ Пруссіи и Австріи, на полное содѣйствіе которыхъ разсчитывалъ императоръ, только правительства были на его сторонѣ, но и то условно; русскій контроль тяжело ощущался вѣнскимъ и берлинскимъ кабинетами, уже оправившимися отъ паники 1848 г. Кромѣ того, существенныя противорѣчія русскихъ и австрійскихъ интересовъ на Ближнемъ Востокѣ предрѣшали далеко не дружественный нейтралитетъ Австріи въ готовившемся столкновеніи. Когда серьезные успѣхи русскихъ войскъ подъ Башкадыкларомъ (19 ноября 1853 г.) и русскаго

флота (разгромъ турецкаго флота въ Синопскомъ сраженіи 18 ноября) вы-звали рѣшительную уже враждебность Франціи и Англіи, и Николай Павло-вичъ обратился въ Берлинъ и Вѣну, ему пришлось убѣдиться, что Пруссія боится Франціи и потому не двинется на помощь ему, а Австрія готовится „удивить міръ неблагодарностью“ и намѣрена выставить войска для наблю-денія за Балканскимъ полуостровомъ. Ближайшія событія показали, что Австрія готова отъ словъ перейти къ дѣлу. На агитацію русскихъ агентовъ среди балканскихъ славянъ и возобновленіе военныхъ дѣйствій за Дунаем она отвѣтила мобилизаціей почти двухсоттысячной арміи къ нашей границѣ и требованіемъ выхода русскихъ войскъ изъ княжествъ. Императоръ отвѣтилъ рѣзкимъ отказомъ, но черезъ нѣсколько дней дунайская армія начала отсту-пленіе. Наконецъ, для Николая Павловича положеніе стало яснымъ. Требо-ваніе объ очищеніи княжествъ, подкрѣпленное австрійской мобилизаціей, исходило отъ четырехъ великихъ державъ. Онъ былъ покинутъ всѣми. 9 фев-враля 1854 г. манифестъ объявилъ народу, что государь приглашаетъ его на борьбу за „угнетенныхъ братьевъ“, за православіе, противъ врага христіан-ства, на сторону котораго стали Англія и Франція. Такое освѣщеніе причинъ войны было неожиданнымъ со стороны Николая, все свое царствованіе отно-сившагося къ славянскому движенію, какъ къ проявленію революціоннаго духа. Это свидѣтельствовало о начавшемся разочарованіи его въ основахъ его политики. Военныя неудачи превратили разочарованіе въ тяжелую внутрен-нюю драму. Сознаніе силы смѣнилось сознаніемъ безсилія. Для императора Николая это было моральной катастрофой. Какъ бы для того, чтобы усилить ея трагичность, судьба послала ему въ это время смерть. Изумительный ге-роизмъ защитниковъ Севастополя затягивалъ конечную неудачу. Императоръ Николай не дожилъ до нея. Но онъ успѣлъ выпить чашу разочарованія до дна; результатъ проигранной войны уже выяснялся: англійская дипломатія уже выставила принципъ закрытія для всѣхъ военныхъ судовъ не проли-вовъ только, а всего Чернаго моря, т.-е. ограниченіе суверенитета Россіи. Къ этому предположенію, предопредѣлявшему Парижскій трактатъ, присо-единилась Австрія, императоръ которой далъ слово не допускать униженія достоинства Николая Павловича. Это было послѣднимъ ударомъ иллюзіямъ императора. Въ сознаніи безсилія, въ сознаніи тяжелаго униженія онъ окон-чилъ свои дни, оставивъ исторіи Европы память о сильной волѣ, подавляв-шей „духъ времени“ и сломленной имъ, а внѣшней политикѣ Россіи—тяже-лое наслѣдство ликвидаціи Крымской войны.

Л. Гальберштадтъ.

Великій князь Александръ Николаевичъ.

ВСЕМИРНЫЙ ЗАГОВОР ЗАГОВОРЩИКОВ.

БИБЛІОТЕКА СЛУЖАЩИХ
№ Управленія ж. д.
Фонтанка, 117.

Законодательство императора Николая I.

„Въ томъ-то и бѣда наша: коснуться одной части считаютъ невозможнымъ, не потрясая цѣлаго, а коснуться цѣлаго отказываются потому, что, дескать, опасно тронуть 25 милл. народу. Какъ же изъ этого выйти?“ — „Очень просто, — возразилъ я, — не трогать ни части, ни цѣлаго: такъ мы, можетъ-быть, дольше проживемъ!“

Изъ записокъ ст.-секр. бар. *М. Корфа.*

Царствованіе императора Николая Павловича, по существу, явилось не только продолженіемъ, но, во многомъ, и повтореніемъ ему предшествовавшаго — Александровскаго. Принявъ, такъ сказать, изъ рукъ декабристовъ историческое завѣщаніе и наслѣдіе начала XIX столѣтія, правительство Николая I вмѣстѣ съ тѣмъ восприняло и ту программу, разрѣшить и провести которую въ жизнь тщетно стремились Александръ и его сотрудники. Конечно, эпоха Александра I далеко оставляетъ за собой Николаевское царствованіе и по яркости и значительности озарившихъ ее историческихъ событій, и по размаху задуманныхъ и возвѣщенныхъ, хотя и не удавшихся реформъ, и, наконецъ, по общественному оживленію „дней Александровыхъ прекраснаго начала“, поддержанному либеральными обѣтами и выступленіями конституціоннаго правительства 1809 и 1818 г. Событія, которыми открывались оба царствованія, начавшіяся государственными переворотами 11 марта 1801 г. и 14 декабря 1825 г., также въ значительной мѣрѣ должны были опредѣлить крупное различіе въ настроеніи и направленіи правительственной политики въ томъ и другомъ случаѣ. Въ то время, какъ переворотъ

11 марта былъ совершонъ въ интересахъ и въ пользу преемника трагически погибшаго императора Павла, возстаніе 14 декабря было направлено противъ Николая Павловича, вынужденнаго, по его собственнымъ словамъ, вступить на престолъ „цѣною крови своихъ подданныхъ“ (au prix du sang de mes sujets). Неудивительно, что при такихъ условіяхъ въ то время, какъ воцареніе Александра I было встрѣчено — по свидѣтельству современниковъ—„всеобщимъ и искреннимъ восторгомъ“ „почти безумной радости, охватившей всѣхъ“ и увлекшей самое правительство на путь реформаторскихъ начинаній и многообѣщающихъ деклараціи, правленіе Николая I началось кровопролитіемъ и казнями, событіями, которыя наложили неизгладимую печать на все его царствованіе. Мрачныя воспоминанія о „друзьяхъ“ 14 декабря всю жизнь преслѣдовали императора, равно не довѣрявшаго и обществу, и бюрократіи, и „своимъ“ близкимъ людямъ, со стороны которыхъ онъ постоянно опасался новыхъ „проказъ“ или „предательскаго“ удара. Этимъ и объясняется, почему Николаевское царствованіе обратилось въ эпоху полнаго застоя въ общественной и государственной жизни Россіи. Ни взадъ, ни впередъ — таковъ былъ охранительный девизъ правительства 1825 г., боявшагося всякаго движенія, открытаго слова, свободнаго жеста. Казалось, „мертвая зыбь“ разлилась по всей странѣ и повергла ее въ какое-то оцѣпенѣніе. Охранительное настроеніе правительства должно было при этомъ упрочиться тѣмъ болѣе, что событія, послѣдовавшія за декабрьскимъ возстаніемъ—іюльская революція во Франціи, польское возстаніе 1830 г. въ Россіи и, наконецъ, роковой 1848 г.—только усилили испугъ и подозрительность власти, трепетавшей своей собственной тѣни.

Однако при всемъ томъ нельзя сказать, чтобы Николаевскому правительству была вовсе чужда преобразовательная идея, сознаніе необходимости очередныхъ реформъ, стучавшихся въ двери исторіи. Несмотря на крайне неблагопріятныя ауспиціи, при какихъ открылось царствованіе Николая, несмотря на рѣзкій поворотъ въ сторону реакціи русскаго общества и власти, совершившійся еще при его предшественникѣ, новое правительство начало съ того же, съ чего началъ и Александръ I—съ „секретной“ постановки въ первую очередь вопроса о государственной и соціальной реформѣ, т.-е. съ вопроса объ утвержденіи въ странѣ незыблемыхъ основъ законности и о ликвидаціи крѣпостного права. Но, сознавая настоятельную и серьезную необходимость упорядоченія „безобразнаго зданія“ имперіи и усматривая въ крѣпостномъ правѣ „зло для всѣхъ ощутительное и очевидное“, правительство Николая въ то же время боялось „прикоснуться“ къ существующему строю даже частично, смутно угадывая роковыя для него самого послѣдствія перваго же серьезнаго шага на пути реформы. Инстинктъ самосохраненія, обостренный событіемъ 14 декабря, заставлялъ государственную власть особенно крѣпко держаться за прero-

гативу самодержавія и искать вмѣстѣ съ тѣмъ поддержки въ тѣхъ слояхъ общества, которые столь же крѣпко держались за прерогативу крѣпостного права. Здѣсь, именно, и замыкался тотъ „порочный кругъ“, въ которомъ суждено было вращаться правительству 1825 г. Оно живо ощущало, и ему давали это постоянно чувствовать, какъ тѣсно и неразрывно связаны между собой самодержавіе, сословное раздѣленіе и крѣпостное право. И дѣйствительно, при малѣйшей попыткѣ самаго скромнаго преобразовательнаго начинанія ему вскорѣ приходилось убѣждаться, что, касаясь чего-либо одного, нельзя было не задѣть и всего цѣлаго. Обветшалое зданіе имперіи или требовало основательной перестройки, или же его, въ самомъ дѣлѣ, не слѣдовало трогать. Правительство Николая I, заранѣе отказавшись отъ какихъ-либо коренныхъ преобразованій, тѣмъ самымъ, очевидно, обрекало себя на совершенное творческое безплодіе. Ему пришлось при такихъ условіяхъ занять вполнѣ безнадежную позицію во всѣхъ вопросахъ современной ему исторической дѣйствительности и растратить свои силы на „Сизифову работу“ въ бюрократическомъ подпольѣ секретнѣйшихъ „комитетовъ“. Изолировавъ себя отъ общества, котораго оно боялось и которому открыто не довѣряло, правительство, въ концѣ-концовъ, стало на мертвую точку и, не смѣя двигаться само, напрягало всѣ усилія къ тому, чтобы задавить или, по крайней мѣрѣ, пріостановить всякое движеніе мысли и общественныхъ силъ въ странѣ. Охрана status quo — вотъ все, что оставалось ему дѣлать: „не трогать ни части, ни цѣлаго“. При этомъ пресловутый престижъ власти требовалъ, чтобы власть эта имѣла видъ „твердой власти“, чтобы никакихъ „уступокъ“ общественному мнѣнію не было допущено. Разъ утвердившись на подобной точкѣ зрѣнія, Николаевское правительство послѣдовательно и съ возрастающей настойчивостью стремилось насадить въ странѣ покой кладбища, казарменный режимъ и полицейско-бюрократическую субординацію. И его усилія не пропали даромъ. „Русское правительство — это... осадное положеніе, сдѣлавшееся нормальнымъ состояніемъ общества“, такъ характеризовалъ „Россію 1839 г.“ извѣстный въ свое время маркизъ де-Кюстинъ. И этотъ отзывъ едва ли можно признать преувеличеннымъ, особенно, если распространить его на вторую половину Николаевскаго царствованія, когда охранительно-консервативная политика власти превратилась въ агрессивно-реакціонную, а Россія — по выраженію нашего историка Соловьева — въ „Николаевскую тюрьму“. По существу царствованіе Николая I и въ этомъ отношеніи напоминаетъ предшествующее. Начавшись нѣкоторыми неувѣренными преобразовательными попытками, оно завершилось самой мрачной реакціей: на мѣсто Аракчеевыхъ, Магницкихъ, Руничей явились Уваровы, Бенкендорфы, Бутурлины. Но иначе и не могло быть. Отказавшись заранѣе отъ всякаго движенія впередъ, имп. Николаю не оставалось ничего иного, какъ топтаться на мѣстѣ, повторяя по-своему зады Александровскаго правленія.

Отмѣченныя нами выше тенденціи и характерныя черты Николаевской эпохи нигдѣ, быть-можетъ, не сказались такъ ярко и полно, какъ именно въ ея законодательной дѣятельности, для которой въ равной мѣрѣ является типичнымъ и показательнымъ какъ то, что вошло тогда въ положительный законъ, такъ и то, что не получило офиціальной санкціи и навсегда осталось „секретомъ“ правительства. Эпоха императора Николая I и въ томъ, и въ другомъ смыслѣ даетъ намъ довольно богатый и особенно поучительный матеріалъ.

Какъ уже было указано, правительство 1825 г. приняло въ свои руки власть съ яснымъ сознаніемъ необходимости серьезныхъ преобразованій. Оно прямо поставило своей задачей — продолжить порвавшіяся рефо[illegible]мы начала XIX столѣтія. Съ этой, именно, цѣлью и былъ учрежденъ императоромъ Николаемъ извѣстный „негласный“ Комитетъ 6 декабря 182[illegible] г., которому въ первую же очередь было поручено „обозрѣть настоящее положеніе всѣхъ частей управленія, дабы изъ сихъ соображеній вывести правила къ лучшему ихъ устройству и исправленію“. Новое правительство было одушевлено при этомъ самыми лучшими стремленіями: „я желаю,— заявилъ Николай Павловичъ 13 декабря 1826 г.,—положить въ основаніе государственнаго строя и управленія всю силу и строгость законовъ“. При этомъ императоръ счелъ своимъ долгомъ торжественно возвѣстить въ манифестѣ 13 іюля 1826 г.: „Мы не имѣемъ, не можемъ имѣть другого желанія, какъ видѣть отечество наше на самой высокой степени счастья и славы, Провидѣніемъ ему предопредѣленной“.

Но, выдвигая такимъ образомъ на первый планъ реформу государственную, всѣхъ частей управленія, правительство это въ то же время ставило рядомъ съ ней и другой не менѣе острый вопросъ о крѣпостномъ правѣ, высказывая твердое намѣреніе начать офиціальный „процессъ противъ рабства“, съ тѣмъ, чтобы такъ или иначе „положить конецъ“ сему „злу, для всѣхъ ощутительному“, самое происхожденіе котораго Николай „не могъ себѣ объяснить иначе, какъ хитростью и обманомъ, съ одной стороны, и невѣжествомъ — съ другой“ (рѣчь 1847 г.).

Совершенно очевидно, что обѣ названныя проблемы самымъ тѣснымъ образомъ преемственно связывали начало Николаевскаго царствованія съ первой половиной Александровской эпохи, когда вниманіе государственной власти было также поглощено подготовкой широко задуманныхъ преобразованій, направленныхъ къ исцѣленію самыхъ застарѣлыхъ недуговъ русской жизни. И эту связь прежде всего поспѣшило установить само правительство, принявшее одновременно на себя роль и наслѣдника предшествовавшаго царствованія и какъ бы душеприказчика „декабристовъ“. Отмѣченный фактъ сказался прежде всего въ томъ, что Комитету 6 декабря повелѣно было заняться въ первую голову „пересмотромъ и разборомъ бумагъ,

найденныхъ въ кабинетѣ покойнаго государя“ и относящихся къ предмету занятій Комитета. Такимъ путемъ возстановлялась порванная нить преобразованій начала XIX ст., и тайному совѣщанію предстояло высказать свое мнѣніе по вопросу о томъ, „1) что предполагалось, 2) что есть, 3) что кончить оставалось бы“. Но на ряду съ указаннымъ матеріаломъ, извлеченнымъ изъ кабинета Александра I, вниманію Комитета — довольно неожиданно — былъ предложенъ къ руководству также и составленный дѣлопроизводителемъ Слѣдственной Комиссіи о декабристахъ А. Д. Боровковымъ „Сводъ показаній членовъ злоумышленнаго общества о внутреннемъ состояніи государства“. Этотъ любопытный „сводъ“, сдѣлавшійся какъ бы настольной книгой императора Николая, къ которой нерѣдко „прибѣгалъ“ также и предсѣдатель Комитета министровъ, В. Кочубей, былъ принятъ Комитетомъ 6 дек. вмѣстѣ съ прочимъ матеріаломъ, какъ полезное пособіе въ его занятіяхъ. По этому поводу мы находимъ даже въ одномъ изъ журналовъ Комитета (№ 29) весьма характерную отмѣтку. Члены Комитета признаются, что „тамъ (въ Сводѣ) содержатся многія истины, на кои правительство отчасти обратило уже вниманіе, но существующее дѣйствительно зло весьма увеличено, чего и ожидать надлежало отъ людей, желавшихъ прикрыть свой умыселъ благовиднымъ предлогомъ. Какъ бы то ни было,— резюмируетъ журналъ, — Комитетъ положилъ извлечь изъ сихъ свѣдѣній возможную пользу при будущихъ трудахъ своихъ“. Такъ, по странному капризу судьбы, казненнымъ и жестоко гонимымъ декабристамъ суждено было превратиться въ секретныхъ консультантовъ правительства 1825 г., къ голосу которыхъ послѣднее готово было прислушаться послѣ того, какъ оно покончило съ ними свои личные счеты.

Но если правительство Николая изъявляло готовность стать на путь реформы, довершить то, что „кончить оставалось“, и даже готово было поучиться многимъ истинамъ у своихъ противниковъ, то, съ другой стороны, оно само вырывало изъ-подъ себя всякую почву для дѣйствительной реализаціи своихъ же собственныхъ замысловъ, заранѣе обрекая ихъ на полную неудачу. Послѣднее обстоятельство объяснялось той принципіальной постановкой вопроса о реформѣ, которую получилъ онъ въ Комитетѣ 6 декабря. Въ данномъ случаѣ приходится отмѣтить важное отличіе въ самомъ планѣ реформы, какъ она первоначально ставилась въ „Неофиціальномъ комитетѣ“ 1801 г. при Александрѣ I и въ келейномъ „Комитетѣ 6 декабря“. Александръ и его „тайные“ совѣтники и сотрудники отлично понимали, что для того, чтобы покончить разъ навсегда съ „деспотизмомъ нашего правительства“, необходимо ввести народно-представительныя учрежденія, какъ истинную гарантію закономѣрнаго государственнаго строя. Полагая предварительно начать реформу преобразованіемъ различныхъ частей администраціи, члены Неофиціальнаго комитета, однако, поставляли конечной цѣлью своего

плана перестройки всего зданія имперіи—„couronner ces différentes institutions par une garantie offerte dans une constitution réglée d'après le véritable esprit de la nation". Правда, это увѣнчаніе зданія отсрочивалось Комитетомъ на неопредѣленное время, въ томъ убѣжденіи, что „возможное созданіе конституціи могло бы быть лишь послѣдствіемъ предварительной работы" усовершенія „всѣхъ отраслей администраціи", но, несмотря на это, уже самая постановка означенной выше руководящей цѣли сообщала не только извѣстное единство и широту задуманнымъ преобразованіямъ, но и заранѣе предопредѣляла характеръ и направленіе подготовительныхъ мѣръ и реформы административной. Такимъ образомъ, „усовершая и исправляя" старыя и вводя новыя „установленія", Комитетъ 1801 г. надѣялся „постепенно" приблизить государственный строй Россіи къ „формамъ истинно монархическимъ", т.-е. конституціоннымъ. Совершенно иначе была поставлена задача Комитета 6 декабря. Правительство императора Николая сразу и рѣшительно отсѣкло всѣ „мечтательныя предположенія о мѣрахъ для измѣненія коренныхъ государственныхъ постановленій" (Журн. Ком., № 2), подчеркнувъ особенно рѣзко, что цѣлью работъ Комитета должно быть вовсе „не полное измѣненіе существующаго порядка управленія, но его усовершеніе посредствомъ нѣкоторыхъ частныхъ перемѣнъ и дополненій" (ibid., № 34), да притомъ еще такихъ, которыя „отнюдь не имѣли бы вида какихъ-либо перемѣнъ"! Говоря иначе, принципъ неограниченнаго самодержавія объявлялся теперь незыблемымъ основаніемъ предстоящей реформы. Въ противоположность своему предшественнику, Николай I былъ непримиримымъ врагомъ конституціонной монархіи: „я понимаю республику (говорилъ онъ въ бесѣдѣ съ мар. де-Кюстиномъ): это — правительство прямое и искреннее, или, по крайней мѣрѣ, могущее таковымъ быть; я понимаю абсолютную монархію, потому что я самъ глава подобнаго порядка вещей, но я не понимаю представительной монархіи. Это — правительство лжи, обмана, подкупа; и я скорѣе бы хотѣлъ отступить до Китая, нежели когда-либо принять эту форму правленія... Я навсегда покончилъ съ этою ненавистною политическою машиною. Больше,— закончилъ императоръ, очевидно, намекая на Польшу,—я конституціоннымъ государемъ не буду!" И дѣйствительно, достаточно пересмотрѣть любопытную переписку Николая I съ его братомъ вел. кн. Константиномъ въ 1826 г. по поводу коронаціи въ Варшавѣ, или по вопросу о преданіи суду замѣшанныхъ въ дѣлѣ 14 декабря поляковъ, чтобы убѣдиться въ томъ, какихъ усилій стоило государю соблюденіе „de formes obligatoires" (§ 45) и гарантирующихъ требованій (ст. 156) конституціонной хартіи 1815 г. Одно только напоминаніе о польскихъ „депутатахъ" уже раздражало императора и заставило его однажды обронить въ одномъ изъ своихъ писемъ, по адресу „ses députés", замѣчательную реплику — „аминь, аминь, разсыпься!" (Сб. Р. И. Об., т. 131, стр. 256).

Понятно, что при такихъ условіяхъ уже не могло быть мѣста никакимъ иллюзіямъ на счетъ того, что „россійская конституція одолжена будетъ бытіемъ своимъ не воспаленію страстей и крайности обстоятельствъ, но благодѣтельному вдохновенію верховной власти“, о чемъ еще такъ недавно мечталъ М. М. Сперанскій, теперь заживо погребенный со своими „проектами“ въ Комитетѣ 6 декабря. Глухая стѣна абсолютизма на этотъ разъ стала рѣшительно поперекъ дороги государственнаго и культурнаго возрожденія Россіи... Это и былъ тотъ тупикъ, въ который безнадежно уперлись преобразовательныя начинанія Николаевскаго правительства. Такимъ образомъ то, что для конспиративнаго правительства 1801 г. являлось лишь средствомъ къ цѣли — административная реформа — въ Комитетѣ 1826 г. превратилось уже въ самую цѣль безъ какихъ-либо заманчивыхъ перспективъ въ будущее.

Однако, несмотря на столь крупное принципіальное различіе, указанное нами въ программахъ того и другого правительства, въ дѣйствительности оба они были гораздо ближе другъ къ другу, чѣмъ это можетъ казаться съ перваго взгляда. Фактически, въ сферѣ реальной политики, они, можно сказать, положительно заявили себя единомышленниками. Благодаря роковой тактической ошибкѣ, допущенной заговорщиками „Неофиціальнаго комитета“, рѣшившими въ порядкѣ самодержавія насаждать конституціонныя начала въ странѣ, имъ пришлось, въ концѣ-концовъ, по мѣрѣ того какъ главная цѣль отодвигалась все дальше и дальше, подмѣнить органическую реформу „реформой различныхъ частей администраціи“ и въ заключеніе завершить свои благія начинанія совершеннымъ преобразовательнымъ банкротствомъ. Задача конституціоналистовъ Комитета 1801 г. свелась такимъ путемъ къ совершенно неразрѣшимой проблемѣ: „установить свойства, какія должно имѣть управленіе въ Россіи, чтобы оно было сколь можно близко къ монархическому (т.-е. конституціонному) и не разрушало бы, однакоже, настоящаго порядка“. Говоря иначе, они задались цѣлью сочетать самодержавіе съ законностью и стремились при этомъ произвести самую реформу такъ, чтобы, по существу, никакой перемѣны не произошло. Но вѣдь, именно, въ точно такомъ же смыслѣ ставился вопросъ объ „усовершеніи“ государственнаго управленія и въ Комитетѣ 1826 г. Впрочемъ, сходство не ограничивалось только даннымъ пунктомъ. И то, и другое правительство одинаково относилось съ крайнимъ недовѣріемъ не только къ образованному обществу и народу, но и къ своимъ собственнымъ агентамъ, превращая свои преобразовательные замыслы и работы, въ полномъ смыслѣ слова, въ заговоръ противъ самого себя.

Та же „государственная тайна“ должна была окутывать и подпольную работу Комитета 6 декабря, болѣе всего боявшагося „публичной“ огласки, „народной молвы“, „превратныхъ толковъ“, такъ что самое существованіе

Комитета тщательно скрывалось даже отъ гг. министровъ! Конспирація эта шла такъ далеко, что правительству Николая приходилось подчасъ сочинять завѣдомо вымышленныя названія для своихъ многочисленныхъ „комитетовъ“, чтобы замести только свои преобразовательные слѣды. Такъ, учреждая въ 1839 г. особый комитетъ по вопросу объ измѣненіи быта крѣпостныхъ крестьянъ, правительство, „съ цѣлью отклоненія всѣхъ подозрѣній и догадокъ“, наименовало его „комитетомъ для уравненія земскихъ повинностей въ западныхъ губерніяхъ“...

И этотъ постоянный страхъ „произвести“ своимъ „прикосновеніемъ“ къ существующему строю „опасныя заблужденія“, своимъ движеніемъ дать толчокъ движенію общественной мысли и самодѣятельности, положительно гипнотизировалъ Николаевское правительство.

И тѣ же самыя опасенія, съ тѣми же роковыми ихъ послѣдствіями, встрѣчаемъ мы также и въ вопросѣ о крѣпостномъ правѣ, вокругъ и около котораго столь же безнадежно кружили оба „эмансипаторскихъ“ правительства, какъ бы повторявшія другъ друга въ своемъ мертворожденномъ законодательствѣ о „свободныхъ“ и „обязанныхъ“ хлѣбопашцахъ и прочихъ тому подобныхъ мѣрахъ. Несмотря на то, что уже для многихъ современниковъ и сотрудниковъ Александра I было совершенно очевидно, что „опасность“ въ крестьянскомъ вопросѣ „заключается не въ освобожденіи крестьянъ, а въ удержаніи крѣпостного состоянія“, тѣмъ не менѣе, „неофиціальное“ правительство 1801 г. положительно приходило въ трепетъ при одной мысли только объ „улучшеніи или упрощеніи экономическаго быта“ крестьянъ, какъ осторожно именовалъ освободительную реформу Лагарпъ. Приступая „къ усчастливливанію Россіи“, правительство начала XIX ст. сразу, однако, поспѣшило проникнуться мыслью, что въ крестьянскомъ вопросѣ необходимо дѣйствовать особенно осторожно, „par des gradations insensibles“, т.-е. „постепенно, безъ шума и тревоги, а главное—безъ малѣйшаго посягательства на права собственности“ помѣщиковъ, „всячески притомъ избѣгая словъ: свобода, воля, освобожденіе“. Боясь раздражить помѣщиковъ или взволновать крестьянъ, правительство Александра I полагало такимъ образомъ провести свою реформу какъ бы контрабаднымъ способомъ, такъ, чтобы ее не замѣтили ни тѣ, ни другіе.

Буквально то же самое повторяется и при Николаѣ Павловичѣ. Таинственныя, келейныя совѣщанія, обиліе проектовъ, и въ послѣднемъ итогѣ рядъ законовъ-псевдонимовъ. Ничто, быть-можетъ, поэтому такъ не характерно для политики по крестьянскому вопросу этой эпохи, какъ замѣчательныя слова самого государя, сказанныя имъ въ засѣданіи Государственнаго Совѣта 30 марта 1842 г. „Нѣтъ сомнѣнія,—сказалъ императоръ,—что крѣпостное право въ нынѣшнемъ его положеніи у насъ есть зло, для всѣхъ ощутительное и очевидное, но прикасаться къ нему теперь было бы дѣ-

ломъ еще болѣе гибельнымъ“. Этотъ классическій силлогизмъ можетъ служить, собственно говоря, лучшей характеристикой общаго направленія всего Николаевскаго царствованія. Сознаніе негодности устарѣлой государственной машины Россійской имперіи и вопіющаго „зла“ крѣпостного права учитывалось, въ концѣ-концовъ, правительствомъ 1825 г., какъ аргументъ въ пользу сохраненія status quo. Вотъ почему, начиная неоднократно съ вопроса о реформѣ, оно всегда кончало ничѣмъ или сводило на-нѣтъ свои же собственныя „усовершенія“. И въ этомъ нетрудно убѣдиться.

Прежде всего въ данномъ случаѣ особенно поучительна судьба Комитета реформы 6 декабря 1826 г. [1]). Какъ мы видѣли, на него возложена была отвѣтственная задача не болѣе, не менѣе, какъ переустройства „всѣхъ частей управленія“ съ тѣмъ, чтобы „въ основу государственнаго строя“ при этомъ были положены „вся сила и строгость законовъ“. Комитетомъ былъ заслушанъ по этому поводу цѣлый рядъ записокъ и разсужденій гр. Кочубея, Балугьянскаго, Гурьева и др., были пересмотрѣны учрежденія Государственнаго Совѣта, Сената, Министерствъ и спеціально Комитета министровъ, составлены, наконецъ, проекты новаго ихъ „образованія“. Спрашивается, какія же начала были положены въ основу этой обширной и довольно интенсивной работы? По существу тѣ же самыя, какія намѣтилъ себѣ и Неофиціальный комитетъ 1801 г. и какія были развиты М. Сперанскимъ въ его извѣстной „Запискѣ объ устройствѣ судебныхъ и правительственныхъ учрежденій въ Россіи“ 1803 г. На сей разъ былъ отброшенъ лишь конечный „идеальный образецъ управленія“ по типу „истинно монархическаго“ государства, къ которому довлѣлъ проектъ 1803 г., но ближай-

Гр. И. И. Дибичъ-Забалканскій.

[1]) Въ составъ этого комитета, какъ извѣстно, входили: кн. В. П. Кочубей, М. М. Сперанскій, кн. Илья Васильчиковъ, гр. П. А. Толстой, И. И. Дибичъ, кн. А. Н. Голицынъ и дѣлопроизводитель Д. Н. Блудовъ. Два первыхъ члена Комитета явились при этомъ живымъ соединительнымъ звеномъ Александровскаго и Николаевскаго правительства реформы.

шая задача осталась та же: „облечь управленіе самодержавное всѣми, такъ сказать, внѣшними формами закона, оставивъ въ существѣ его ту же силу и то же пространство самодержавія“. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ душой въ Комитетѣ 1826 г. вновь долженъ былъ сдѣлаться незамѣнимый М. М. Сперанскій, умудренный опытомъ Александровскаго царствованія, когда ему приходилось отъ проекта 1803 г. переходить то къ плану общаго преобразованія 1809 г., то къ проекту Сенатовъ 1811 г., то сочинять конституціи, то приспособлять конституціонные принципы къ самодержавной монархіи. Принявъ теперь вмѣстѣ съ прочими членами Комитета то положеніе, что „верховное начало въ Россіи есть государь самодержавный, соединяющій въ особѣ своей власть законодательную и исполнительную и располагающій неограниченно всѣми силами государства“ (ср. Записку 1803 г., стр. 184, и Журн. Ком., № 3, стр. 9), Сперанскій попытался еще разъ провести столь излюбленный имъ принципъ „раздѣленія властей“ черезъ всю систему государственныхъ учрежденій Россіи. И вотъ въ Комитетѣ вновь раздаются забытыя рѣчи на тему о томъ, что „было бы нужно положить конецъ сему равно неправильному раздѣленію и смѣшенію вѣдомствъ“, благодаря которому и Государственный Совѣтъ, и Правительствующій Сенатъ, и Комитетъ министровъ „занимаются предметами однородными“, вторгаясь одинъ въ компетенцію другого и стирая всякую грань между властью правительственной, законодательной и судебной. Въ спеціальной исторической запискѣ „О государственныхъ установленіяхъ“ въ Россіи со времени Петра Великаго, представленной Комитету, Сперанскій показываетъ, какъ это „начало смѣшенія властей, та же преклонность къ привлеченію всѣхъ дѣлъ въ одно безотчетное установленіе въ разныхъ видахъ и подъ разными именами, всегда проявлялось и болѣе или менѣе всегда превозмогало“ въ системѣ русскаго государственнаго управленія. И внимая своему ментору, члены Комитета вынуждены были не только согласиться съ этой неотразимой исторической критикой „государственныхъ установленій“ имперіи, но и принять ту положительную часть программы Сперанскаго, которая имѣла въ виду создать „внѣшнія формы“ правового строя въ странѣ, сохраняя въ то же время незыблемыми его основы. Въ результатѣ Комитетъ вмѣстѣ со Сперанскимъ пришелъ къ тому выводу, что означенная цѣль наилучшимъ образомъ можетъ быть достигнута посредствомъ формальнаго разграниченія понятій закона, учрежденія и устава. Самое же различіе этихъ понятій Комитетъ полагалъ въ томъ, „что закономъ опредѣляются права, обязанности и вообще отношенія государства къ правительству и другъ къ другу, учрежденіемъ — цѣль, образованіе и кругъ дѣйствій какого-либо мѣста, правительствомъ установленнаго или утвержденнаго, уставомъ же — форма и порядокъ сихъ дѣйствій“. Въ прямомъ соотвѣтствіи съ настоящимъ раздѣленіемъ должна была быть перестроена и система высшихъ государствен-

ныхъ учрежденій имперіи. Такъ, всѣ „новые законы, уставы и учрежденія“, а равно и дополненіе законовъ должны были впредь „предварительно поступать на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта“, при чемъ даже и тогда, когда они „поставлялись лишь на время въ чрезвычайныхъ случаяхъ“; Сенату, „какъ верховному судилищу“, предоставлялось только право „объясненія“ законовъ, но безъ какихъ-либо дополненій или измѣненій ихъ смысла; наконецъ, министры „не должны были имѣть права ни дополнять, ни объяснять законы“, они могли лишь дополнять и объяснять уставы и учрежденія подъ непремѣннымъ условіемъ, однако, чтобы толкованія ихъ „не были противны цѣли“ самыхъ уставовъ. Контроль Государственнаго Совѣта при этомъ долженъ былъ явиться гарантіей того, что ни одинъ министръ „не рѣшится“ уже болѣе „выступить изъ предначертанныхъ ему предѣловъ“. Въ тѣхъ же цѣляхъ Комитетомъ 6 декабря проектированы были и уничтоженіе Комитета министровъ, и раздѣленіе Сената на Сенатъ правительственный и Сенатъ судный.

Нетрудно видѣть, что вся эта программа представляла изъ себя не что иное, какъ возвращеніе къ преобразовательнымъ проектамъ Сперанскаго 1803 и 1811 гг. и повтореніе его аргументаціи, развитой имъ въ теоретической части его плановъ 1803 и 1809 г.г. Такимъ образомъ „конституціонная“ контрабанда проникла и въ Комитетъ 6 декабря. Правда, официально, вопросъ хотя бы и объ отдаленномъ „увѣнчаніи зданія“ былъ теперь снятъ съ очереди въ Комитетѣ, но Сперанскій не отказался, повидимому, отъ мысли пристроить къ самодержавію нѣкоторыя внѣшнія формы конституціонныхъ учрежденій съ тѣмъ, чтобы такимъ путемъ, на всякій случай, подготовить „преобразованія политическія“, „если желательно, чтобы сіи послѣднія когда-либо у насъ возникли съ прочной пользой и безъ потрясеній“, какъ писалъ онъ еще изъ „ссылки“ гр. Кочубею.

Однако всѣмъ этимъ благонамѣреннымъ проектамъ не суждено было получить никакого движенія. Да если бы даже они его и получили, цѣль, поставленная Комитетомъ, все равно не была бы достигнута. Планъ Комитета являлся чистой утопіей. Совмѣстить несовмѣстимое было невозможно, ибо то, что предполагалось раздѣлить—законъ и правительственный указъ—въ системѣ государственныхъ учрежденій, намѣченныхъ Комитетомъ, вновь безнадежно смѣшивалось имъ въ лицѣ верховнаго носителя власти, который, по мнѣнію самихъ же членовъ комитета, долженъ былъ оставаться „не только средоточіемъ, а соединеніемъ всѣхъ властей въ отношеніяхъ политическомъ и гражданскомъ“. А разъ власть монарха оставалась неограниченной, то совершенно очевидно, что никакія „внѣшнія формы“ не могли гарантировать законномѣрнаго правительства, такъ какъ все равно онѣ не могли его связать юридически и разъ навсегда. Собственно говоря, это отлично понималъ и Сперанскій, когда еще въ 1809 г. онъ откровенно высказался

въ своемъ „планѣ“ о „невозможности частныхъ исправленій“ въ системѣ государственнаго строя Россійской имперіи и энергически поддерживалъ проектъ коренного преобразованія. „Къ чему гражданскіе законы,—спрашивалъ онъ тогда,—когда скрижали ихъ каждый день могутъ быть разбиты о первый камень самовластья“?.. „Какимъ образомъ установить, — вопрошалъ онъ еще раньше,— истинную министерскую отвѣтственность тамъ, гдѣ отвѣчать некому, и гдѣ и отвѣчающій и вопрошающій составляютъ одно лицо и одну сторону?.. Какимъ образомъ можно основать монархическое управленіе по образцу, выше нами предложенному, въ странѣ, гдѣ половина населенія находится въ совершенномъ рабствѣ, гдѣ сіе рабство связано со всѣми почти частями политическаго устройства?“ И Сперанскій давалъ тогда на эти роковые вопросы ясный и опредѣленный отвѣтъ: „я смѣю быть увѣреннымъ“, говорилъ онъ, „что вопросы эти не разрѣшимы и что одно время разрѣшить ихъ можетъ..., ибо гдѣ законъ самъ не стоитъ на твердомъ основаніи, тамъ и отвѣчать передъ нимъ нельзя“. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ принципы реформы, выставленные и принятые Комитетомъ 6 дек., не только не удостоились аппробаціи Николая I, но и самимъ Комитетомъ не были и не могли быть проведены послѣдовательно въ его преобразовательныхъ проектахъ. Такъ, напр., осудивъ и похоронивъ Комитетъ министровъ, какъ учрежденіе, систематически узурпировавшее власть Сената и Государственнаго Совѣта, Комитетъ 6 дек., однако, возстановилъ его подъ другимъ именемъ въ формѣ особаго „совѣщанія министровъ“ внѣ Сената, хотя по составу своему „совѣщаніе“ это мало чѣмъ отличалось отъ того „средоточія министерствъ“, какимъ по новому проекту долженъ былъ явиться Сенатъ „правительствующій“. Столь же непослѣдовательнымъ оказался Комитетъ и относительно Государственнаго Совѣта. Согласно „непреложному правилу“ раздѣленія вѣдомствъ, Комитетъ не могъ уже допустить стараго порядка, въ силу котораго „доклады“ Сената на Высочайшее имя восходили черезъ Совѣтъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ „при нынѣшнемъ неустройствѣ части судной“ онъ не рѣшился и отказаться отъ прежней мѣры. И вотъ выходъ найденъ: рѣшено составить изъ членовъ же Государственнаго Совѣта, но опять-таки внѣ его, особую „комиссію“, черезъ которую дѣла изъ Сената и должны будутъ впредь восходить на заключеніе государя. Такимъ образомъ, тамъ, гдѣ въ теоріи Комитетъ полагалъ „раздѣлять“, въ противность себѣ, онъ въ то же время на практикѣ создавалъ какія-то двусмысленныя учрежденія (Сенатъ внѣ Сената и присутствіе Государственнаго Совѣта внѣ Совѣта), которыя должны были вернуть и поставить государственную машину на старые рельсы. Но еще поучительнѣе, быть-можетъ, является въ данномъ случаѣ примѣръ съ проектомъ Судебнаго Сената, который, въ качествѣ „верховнаго судилища“, былъ призванъ стать на стражѣ законности и независимаго суда. Въ проектѣ Сенатовъ Сперанскаго 1811 г., положенномъ въ основаніе проекта Комитета,

первоначально предполагалось: 1) пополнить Судебный Сенатъ въ его личномъ составѣ членами „по избранію дворянскаго сословія“ (§ 32—36), 2) ввести принципъ несмѣняемости сенаторовъ (§ 38) и 3) сообщить рѣшеніямъ Сената окончательный, безапелляціонный характеръ (§ 170 и 174). Однако всѣ эти благія предначертанія разлетѣлись въ прахъ, какъ только Комитетъ началъ приспособлять „непреложныя“ правила къ „существующему строю“. Безъ дальнихъ размышленій Комитетъ прежде всего рѣшительно постановилъ: §§ 33—7 „исключить изъ учрежденія по принятому Комитетомъ правилу, чтобы всѣ вообще члены Судебнаго Сената назначаемы были по непосредственному усмотрѣнію Его Императорскаго Величества“.

Но, „не признавъ удобнымъ допустить къ присутствію въ Сенатѣ членовъ по выборамъ“, члены Комитета взамѣнъ этого—совершенно серьезно—согласны были нѣсколько понизить бюрократическій цензъ сенаторовъ и ввести въ Сенатъ сверхъ особъ „3 класса“ также еще и дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ. Такой мѣрой авгуры Комитета 6 дек. полагали поднять профессіональное достоинство Сената, открыто признавъ, что до сихъ поръ послѣдній „нерѣдко пополнялся людьми, не имѣющими навыка въ дѣлахъ гражданскихъ, не знающихъ ни отечественныхъ законовъ (!), ни даже языка (!)“. Этотъ блестящій аттестатъ, выданный Комитетомъ представителямъ высшей бюрократіи „преклонныхъ уже лѣтъ“, живо напоминаетъ намъ подобный же отзывъ о г.г. сенаторахъ самого Николая I, писавшаго въ 1827 г., что „среди всѣхъ членовъ перваго департамента Сената нѣтъ ни одного, котораго можно было бы не только что послать съ пользою для дѣла, но даже показать безъ стыда!“ (produire sans honte). Почему, однако, при такихъ условіяхъ члены Комитета полагали, что введеніе „чиновниковъ 4-го класса“ въ Сенатъ, въ званіи „присутствующихъ“, должно было поднять это учрежденіе въ его высокомъ призваніи—это осталось тайной „преобразователей“,—тайной, которой не могъ разгадать и самъ императоръ. Одно только было ясно, что г.г. бюрократы не желали допускать въ свою среду представителей хотя бы только и одного дворянскаго общества. Свою собственную прерогативу они блюли съ такимъ же рвеніемъ, какъ и прерогативу своего монарха. Тѣ же мотивы заставили членовъ Комитета отвергнуть, въ концѣ-концовъ, и начала несмѣняемости сенаторовъ и окончательности рѣшеній Сената. Комитетъ отлично понималъ, что „право не быть лишеннымъ мѣста своего противъ воли, безъ судебнаго изслѣдованія и приговора, есть первое основаніе сей независимости судовъ, по справедливости столь высоко цѣнимой въ образованнѣйшихъ государствахъ Европы“. „Но, съ другой стороны“... примѣръ Европы и „непреложность“ принциповъ, провозглашенныхъ Комитетомъ 6 дек., по его же признанію, оказывались не ко двору. Члены Комитета съ удивительной откровенностью и на сей разъ заявляли, что „несмѣняемость“ для русской бюрократіи начало опасное: „иные

члены и самыхъ высшихъ судовъ нашихъ нерѣдко, по легкости (!) харак тера, привычкѣ къ невниманію или побужденію страстей, бываютъ готовы отступить отъ предписаннаго имъ законами долга", а потому они и положил сохранить за Высочайшей властью право „праведнаго гнѣва", т.-е. право безъ суда смѣщать г.г. сенаторовъ. „Благонамѣренное правительство не должно лишать себя сего способа обуздывать людей, не совершенно твер дыхъ въ правилахъ чести"...

Не могъ, наконецъ, примириться Комитетъ и съ представленіемъ Сенатѣ, какъ „верховномъ судилищѣ". Признать рѣшеніе Сената не подле жащимъ обжалованію — это значило въ его глазахъ посягнуть на цѣлость власти монарха. Именно такъ ставился данный вопросъ еще въ 1811 г. когда проектъ Сперанскаго былъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ, и большинство членовъ его (13 противъ 9) высказалось противъ предложенія автора законопроекта, усмотрѣвъ въ соотвѣтствующихъ статьяхъ новаго учрежденія Сената „Судебнаго" прямое посягательство на самодержавную власть государя. Для Комитета допущеніе „жалобъ на Высочайшее имя" также являлось положеніемъ совершенно безспорнымъ, поэтому онъ и поло жилъ опустить въ § 170—174 проекта слова, что жалобы на рѣшенія отдѣ леній и департаментовъ Сената „нигдѣ не пріемлются".

Уже на основаніи приведенныхъ примѣровъ мы можемъ убѣдиться, сколь безнадежно ставился въ Комитетѣ 6 дек. вопросъ о преобразованіи государственнаго управленія. Идея законности, во имя которой былъ начатъ самый пересмотръ „всѣхъ частей" правительственной машины имперіи, всякій разъ ставила членовъ Комитета лицомъ къ лицу съ прерогативой само державнаго монарха, а такъ какъ эта послѣдняя призналась священной и неприкосновенной, то и всѣ поиски гарантій оказывались тщетными.

Совершенно понятно, что при подобныхъ условіяхъ ничего положитель наго въ результатѣ работъ Комитета 6 дек. получиться не могло, и въ то время какъ въ Комитетѣ велись дебаты о „непреложныхъ", хотя и не при ложимыхъ на практикѣ, „правилахъ", правительство продолжало свою разру шительную работу надъ недостроенной храминой Александровскихъ учре жденій, послѣдовательно разъясняя ихъ и въ порядкѣ кодификаціи исправляя „редакцію" ихъ положеній. Съ указанной точки зрѣнія особенно поучитель ной представляется при Николаѣ I судьба Комитета министровъ, съ одной стороны, и Государственнаго Совѣта—съ другой.

Что касается Комитета министровъ, то слѣдуетъ замѣтить, что ни одно учрежденіе не вызвало противъ себя такихъ справедливыхъ нападокъ въ Комитетѣ 6 дек., какъ именно этотъ незаконный придатокъ къ системѣ учрежденій, проектированныхъ Сперанскимъ. И дѣйствительно, мы не должны забывать, что Комитетъ министровъ явился у насъ тѣмъ самымъ органомъ власти, которому суждено было безповоротно опрокинуть едва только намѣти-

вшуюся въ Россіи, съ начала XIX в., систему государственныхъ установленій и изъ органа временнаго чрезвычайнаго превратиться въ маховое колесо всей правительственной машины имперіи. Дѣйствуя въ тѣсномъ единеніи съ государемъ, Комитетъ министровъ de facto стиралъ всякую грань между верховнымъ и подчиненнымъ управленіемъ и такимъ путемъ, прикрывая своихъ членовъ безотвѣтственностью монарха, способствовалъ упроченію въ Россіи такъ называемаго „министерскаго деспотизма“. Но, перелагая въ Комитетѣ свою отвѣтственность непосредственно на государя, министры въ то же время, дѣйствуя его именемъ, сумѣли не только ускользнуть отъ всякаго легальнаго подчиненія и контроля со стороны Государственнаго Совѣта и Сената, но и поставили, въ концѣ-концовъ, эти „государственныя сословія“ въ зависимое отъ себя положеніе. Изъ Комитета Высочайшимъ именемъ они нерѣдко объявляли выговоры и замѣчанія Сенату, пересматривали дѣла, уже рѣшенныя Сенатомъ, и даже „судили“ гг. сенаторовъ. Тщетно императоръ Николай протестовалъ во имя законности противъ явнаго стремленія Комитета „все относить на государя“. Строгіе окрики и резолюціи государя—„держаться закона и никогда сего не забывать“, „я уже не разъ приказывалъ съ представленіями, противными закону, не смѣть отнюдь входить“, „когда законъ есть, должно его соблюдать безъ исканія предлоговъ къ неисполненію“ и т. п.—не могли помочь дѣлу. Объяснялось это не только тѣмъ, что Комитетъ министровъ продолжалъ сохранять свою прежнюю позицію и крайне неопредѣленную компетенцію, но, главнымъ образомъ, тѣмъ, что самъ государь—вопреки своимъ напоминаніямъ о „законѣ“—продолжалъ по своему усмотрѣнію разрѣшать въ Комитетѣ самыя разнообразныя дѣла, не только обходя установленный законный порядокъ, но нерѣдко и вовсе не считаясь съ дѣйствующимъ правомъ. „Государь, по политическимъ видамъ, — замѣчаетъ новѣйшій историкъ Комитета министровъ,—считая нужнымъ принять нѣкоторыя мѣры, обращался иногда къ Комитету министровъ съ требованіемъ, чтобы Комитетъ указалъ ему легчайшіе пути для приведенія въ дѣйствіе задуманныхъ государемъ мѣропріятій.., независимо отъ того, согласно ли оно вполнѣ съ закономъ или нѣтъ“. Говоря иначе, Комитетъ долженъ былъ изыскивать „легчайшіе пути“ обходить законы! Въ указанномъ смыслѣ Николай I однажды прямо даже далъ понять Комитету, что онъ вовсе не намѣренъ соблюдать „всей строгости закона“ въ борьбѣ, напр., съ политическимъ движеніемъ въ странѣ, и въ этомъ отношеніи прямо вынуждалъ у Комитета угодныя ему резолюціи. Неудивительно, что Комитетъ министровъ при Николаѣ все болѣе и болѣе проникался этой своеобразной точкой зрѣнія политической „цѣлесообразности“ и не церемонился ни съ законами, ни съ правами населенія. Особенно характерно въ данномъ случаѣ, напр., отношеніе Комитета къ университетской автономіи того времени (по уст. 1804 г.), когда онъ въ 1826, 1832 и 1833 г.г. не допустилъ,

согласно представленію окружныхъ попечителей, очередныхъ выборовъ трехъ ректоровъ и распорядился съ Высочайшаго соизволенія собственною властью. И чѣмъ далѣе, тѣмъ это вторженіе Комитета въ сферу законнаго порядка становилось все шире и шире, такъ что, въ концѣ-концовъ, Комитетъ превратился въ своеобразный органъ политическаго законодательства и надзаконнаго управленія. И если мы вспомнимъ, что событія Николаевскаго царствованія и его эпохи не разъ побуждали государя (въ 30 и 40 г.г.) усиливать чрезвычайныя полномочія Комитета, то намъ станетъ совершенно ясно, почему Сенатъ и Государственный Совѣтъ должны были стушеваться предъ лицомъ довѣреннаго органа императора,—органа, вклинившагося, такъ сказать, среди учрежденій, между которыми ему не было мѣста. Такъ, то самое учрежденіе, которое и при Александрѣ I, и Комитетомъ 6 дек. обречено было на уничтоженіе, какъ учрежденіе, въ корнѣ подрывавшее начало „раздѣленія властей“, это то именно учрежденіе и оказалось при Николаѣ I самымъ устойчивымъ и вліятельнымъ. И такъ дѣло обстояло не только относительно одного Комитета министровъ. Николаевское правительство, забросивъ вообще свои „коренныя“ государственныя учрежденія, всегда и во всемъ предпочитало дѣйствовать черезъ разнаго рода „комитеты“ и тому подобныя установленія, находящіяся въ непосредственной зависимости отъ самого государя. Николай I, дѣйствительно, правилъ Россіей черезъ комитеты и свою „канцелярію“. Вмѣсто проектированной въ Комитетѣ 6 дек. и не лишенной извѣстной стройности и единства системы государственныхъ учрежденій, которая, какъ предполагалось, должна была ввести въ русло „законности“ государственную жизнь имперіи, мы видимъ при Николаѣ I какое-то безобразное нагроможденіе всевозможныхъ бюрократическихъ закоулковъ и застѣнковъ, съ помощью которыхъ власть пыталась въ административномъ порядкѣ разрѣшить то, чего ей не удалось разрѣшить въ порядкѣ законодательной реформы.

Съ этой точки зрѣнія прежде всего бросается въ глаза знаменательная эволюція „Собственной Его И. В. Канцеляріи“, установленія, первоначально довольно скромнаго. Но уже съ 1826 г. начинается необыкновенно интенсивный ростъ этой Государевой канцеляріи. Въ указанномъ году при ней сначала появляется „второе“, кодификаціонное отдѣленіе, а затѣмъ и знаменитое „третье“ — подъ начальствомъ шефа жандармовъ, сосредоточившаго въ своихъ рукахъ высшую государственную полицію. Въ 1828 г. образуется уже „четвертое“ отдѣленіе Вѣдомства импер. Маріи, въ 1836 г.—„пятое“, по устройству государственныхъ крестьянъ и, наконецъ, въ 1843 г. „шестое“ — по дѣламъ Закавказскаго края! Такимъ образомъ правительство открыто игнорировало свои собственныя общія учрежденія (Г. Совѣтъ, министерства) и предпочитало, обходя ихъ, справляться болѣе упрощенными, домашними средствами. Но отмѣченнымъ чрезвычайнымъ развитіемъ цар-

Таврическій дворецъ въ началѣ XIX в.

Историческій музей.

Гравюрист Иван Иванович Щедровский

В. XIX в.

БИБЛИОТЕКА СЛУЖАЩИХЪ
№ 19

ской канцеляріи дѣло не ограничилось. Рядомъ съ ея „отдѣленіями“ столь же успѣшно плодились и множились и всякіе иные „комитеты“. Таковъ былъ, напр., Комитетъ 14 мая 1826 г. по устройству учебныхъ заведеній, печальной памяти Бутурлинскій (цензурный) комитетъ 2 апр. 1848 г., цѣлый рядъ секретныхъ комитетовъ (9) по крестьянскому вопросу и т. д.

Однако, изобрѣтая одинъ за другимъ излюбленные свои „комитеты“, правительство Николая I не забыло и о „коренныхъ“ учрежденіяхъ. Такъ, въ 1842 г. оно издало новое положеніе Государственнаго Совѣта. Тщетно, конечно, стали бы мы искать въ этомъ типичномъ продуктѣ Николаевскаго законодательства какого-либо отраженія преобразовательныхъ предположеній Комитета 6 дек. Новое положеніе, по существу, не вводило сколько-нибудь серьезныхъ измѣненій въ учрежденіе Г. Совѣта 1810 г., однако, внесенныя имъ поправки, иногда чисто редакціонныя, все же настолько поучительны, что заслуживаютъ быть отмѣченными.

Н. Н. Муравьевъ.

Прежде всего слѣдуетъ указать, что при пересмотрѣ учрежденій Госуд. Совѣта изъ текста его теперь было тщательно вытравлено все, что хотя намекомъ напоминало скрытые замыслы „конституціоннаго“ правительства 1809 г. Работа эта началась еще при первомъ изданіи Свода законовъ и только завершилась въ 1842 г.

Въ первую очередь кодификаторы поспѣшили замѣнить въ текстѣ закона подозрительное для нихъ выраженіе „державная власть“, сознательно введенное Сперанскимъ, болѣе опредѣленнымъ терминомъ „самодержавная власть“ (ст. 88), а также не замедлили уничтожить и цѣлый отдѣлъ подъ рубрикой „коренные законы“ Г. Совѣта, размѣстивъ отдѣльно его статьи по разнымъ главамъ новаго учрежденія. Послѣдняя деталь, какъ и первая поправка, очевидно, били въ одну и ту же цѣль, особенно, если мы вспомнимъ, что авторъ „плана“ 1809 г. и учрежденія 1810 г. понималъ подъ законами „коренными“ такъ наз. законы органическіе, основанные — по его словамъ — „на началахъ неподвижныхъ и неизмѣняемыхъ, съ коими всѣ другіе законы должны быть соображаемы“. Примириться съ такими законами самодержавіе Николая I не могло даже и на бумагѣ. По тѣмъ же мотивамъ въ учрежденіи 1842 г. не найдемъ мы и столь нашумѣвшей въ свое время формулы „внявъ мнѣнію Г. Совѣта“, которая, по точному смыслу учрежденія 1810 г., должна была сопровождать обнародованіе всѣхъ „зако-

новъ, уставовъ и учрежденій“ (§ 73). Любопытно отмѣтить, что въ изданіи Свода Законовъ 1832 г. мы еще встрѣчаемъ эту формулу, учрежденіе же 1842 г. покончило съ ней навсегда. Правительство имп. Николая I правильно усмотрѣло въ ней тотъ тайный смыслъ, который въ нее хотѣлъ вложить Сперанскій, когда ему пришлось приспособлять конституціонныя начала къ самодержавной конституціи 1810 г. Вопреки мнѣнію Н. М. Коркунова, Сперанскій, именно, съ умысломъ вставилъ эту формулу, столь возмутившую въ свое время Карамзина, въ учрежденіе Г. Совѣта первоначальной редакціи. „Два года тому назадъ,—писалъ Сперанскій имп. Александру во всеподданнѣйшемъ отчетѣ своемъ 1810 г.,—умы самые свѣтлые едва представляли возможность (!), чтобы россійскій императоръ могъ съ приличіемъ сказать въ своемъ указѣ: „внявъ мнѣнію Совѣта“; два года тому назадъ сіе показалось бы оскорбленіемъ величества. Слѣдовательно, пользу сего учрежденія должно измѣрить не столько по настоящему, сколько по будущему его дѣйствію. Тѣ, кто не знаютъ связи и истиннаго мѣста, какое Совѣтъ занимаетъ въ намѣреніяхъ вашихъ, не могутъ чувствовать его важности; они ищутъ тамъ конца, гдѣ полагается еще только начало“. Итакъ, Г. Совѣтъ былъ, въ глазахъ Сперанскаго, первымъ камнемъ въ томъ зданіи, „планъ“ котораго составлялъ секретъ правительства: это былъ первый шагъ къ началамъ „истинно-монархическимъ“. Поэтому-то имп. Николай и стремился такъ послѣдовательно пресѣчь зло въ самомъ корнѣ, отрубить всѣ молодые побѣги новыхъ инородныхъ началъ, привитые къ старому стволу самодержавной монархіи. Но обработка Г. Совѣта на этомъ, конечно, не остановилась. Въ первоначальной редакціи учрежденія Г. Совѣта мы встрѣчаемъ въ § 29 п. 10 упоминаніе объ „отчетахъ всѣхъ министровъ“, которые подлежатъ разсмотрѣнію и „предварительному уваженію Г. Совѣта“, прежде чѣмъ поступятъ на Высочайшее усмотрѣніе. Какъ ни была призрачна выраженная въ этой статьѣ идея контроля Совѣта надъ министрами, тѣмъ не менѣе, смыслъ ея и цѣль были совершенно ясны. Учрежденіе 1842 г. исправляетъ и въ данномъ пунктѣ положеніе 1810 и 1832 гг., вовсе опуская соотвѣтствующую рубрику (10) § 29. Но съ особеннымъ вниманіемъ новое учрежденіе останавливается на тѣхъ статьяхъ стараго, гдѣ говорится о резолюціяхъ или „мнѣніяхъ“ Совѣта (§ 53—55). Въ учрежденіи 1810 г. рѣчь идетъ, какъ извѣстно, только о мнѣніи большинства, и только это мнѣніе вносится, согласно точному смыслу закона, въ журналъ для поднесенія Государю, при чемъ къ журналу могутъ быть приложены по особому заявленію также и особыя мнѣнія членовъ Совѣта, „не согласившихся съ общимъ мнѣніемъ“. При такихъ условіяхъ становится понятной и самая формула „внявъ мнѣнію Г. Совѣта“, ибо у Совѣта можетъ быть только одно мнѣніе. Смыслъ закона ясенъ: государю на утвержденіе и заключеніе подносится только мнѣніе большинства. Такова, очевидно, была мысль Сперан-

скаго, который поэтому не упомянулъ ни о мнѣніи меньшинства, ни о правѣ государя утвердить послѣднее или даже просто положить свою самостоятельную резолюцію. Однако уже изъ практики Г. Совѣта при Александрѣ I мы знаемъ, что государь нерѣдко присоединялся къ мнѣнію меньшинства Совѣта. И эта практика все болѣе и болѣе постепенно укореняется, такъ что уже при Николаѣ I въ 1827 г. устанавливается даже особая форма указовъ на случай утвержденія государемъ мнѣнія меньшинства или постановленія особой резолюціи. Тѣмъ не менѣе, въ Сводѣ Законовъ 1832 г. статьи учрежденія 1810 г. сохраняютъ еще свою прежнюю редакцію.

Учрежденіе 1842 г. производитъ, наконецъ, и въ данномъ случаѣ рѣшительную ломку буквы закона. Теперь по ст. 81 въ журналъ Совѣта вносятся уже д в а мнѣ н і я, меньшинства и большинства, вмѣстѣ съ тѣмъ положительно указано, что государь не связанъ ничьимъ мнѣніемъ и можетъ присоединиться къ любому изъ нихъ или же положить собственную резолюцію. На всѣ эти случаи теперь устанавливаются и особыя формы высочайшей санкціи (ст. 81, 108—119). Такъ чутко и ревниво относилось правительство Николая I къ своей прерогативѣ. Какъ ни эфемерны были „гарантіи“ закономѣрности въ конституціонныхъ намекахъ учрежденія 1810 г., тѣмъ не менѣе, императоръ Николай не могъ терпѣть самаго ихъ „духа“. Двусмысленность и недоговоренность конспиративныхъ статей первообразнаго начертанія Г. Совѣта его раздражали въ такой же мѣрѣ, какъ и близкаго ему историографа, котораго такъ возмущала пресловутая формула „внявъ мнѣнію“. Отмѣтимъ, наконецъ, что „разъясненіе“ Г. Совѣта сопровождалось и нѣкоторымъ измѣненіемъ самой его компетенціи. Это выразилось прежде всего въ томъ, что отъ Совѣта были отдѣлены комиссія законовъ и комиссія прошеній, а съ 1843 г. изъ вѣдѣнія его изъяты были и всѣ новые законы (ихъ дополненіе и измѣненіе), относящіеся до части военной. Наряду съ этимъ, вопреки принципу „раздѣленія властей“, столь любезному Комитету 6 декабря, расширились постепенно, съ одной стороны, судебная функція Совѣта, съ другой — его административныя полномочія (стр. 23).

Такимъ образомъ Г. Совѣтъ былъ окончательно сдвинутъ съ той его позиціи, которая предназначалась ему по учрежденію 1810 г. Понятно, что при такихъ условіяхъ ему пришлось болѣе всего пострадать, именно, какъ учрежденію законосовѣщательному. Комитетъ министровъ, какъ мы знаемъ, и личные доклады министровъ государю создавали уже весьма удобную почву для перехода законодательной функціи Совѣта къ власти правительственной. Но къ тому же въ еще большей степени былъ склоненъ и самъ императоръ. Такія высочайшія повелѣнія, какъ повелѣніе 1851 г., разрѣшавшее министрамъ „за общимъ ихъ подписомъ“ представлять непосредственно на собственное „б л а г о у с м о т р ѣ н і е государя“ всякое „новое положеніе, касающееся предметовъ двухъ или нѣсколькихъ вѣдомствъ“

помимо Совѣта, открывали еще большій просторъ въ указанномъ выше направленіи.

Наконецъ соображенія политическаго свойства, инстинктивная боязнь гласности, „излишнихъ разговоровъ“ заставляли нерѣдко правительство обходить Совѣтъ въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось проводить въ жизнь такія мѣры, которыхъ конфузились даже и Николаевскіе дѣльцы. Такъ случилось, напр., когда имп. Николай изъявилъ свою волю, чтобы „Г. Совѣтъ постановилъ законъ, чтобы крѣпостныя дѣти отнюдь не были отдаваемы для воспитанія въ такія учебныя заведенія, въ коихъ они могли бы получить образованіе, превышающее состояніе ихъ“. Однако предсѣдатель Совѣта, гр. Кочубей, убѣдилъ государя издать этотъ „законъ“ въ порядкѣ высочайшаго распоряженія, помимо Совѣта, мотивируя свое предложеніе весьма деликатнымъ соображеніемъ: „я смѣю думать, что такое распоряженіе и потому было бы удобнѣе(!), что оно произвело бы менѣе огласки. Законъ, изданный Совѣтомъ, сдѣлался бы всей Европѣ извѣстнымъ, произошли бы разные толки и пр.“. Доводъ показался убѣдительнымъ, и „удобное“ распоряженіе послѣдовало 19 авг. 1827 г., безъ того, чтобы кому-либо пришла мысль стать на защиту правъ Совѣта. Но, еслибы даже такая смѣлая мысль и пришла кому-нибудь въ голову, какъ это было, напр., съ кн. Васильчиковымъ, возставшимъ противъ изданія указа о дворовыхъ людяхъ въ томъ же порядкѣ высочайшаго распоряженія, то столь наивный законникъ могъ всегда услышать изъ устъ монарха напоминаніе: „да, неужели же, когда самъ я признаю какую-нибудь вещь полезною или благодѣтельною, мнѣ непремѣнно надо спрашивать на нее сперва согласія Совѣта?“

Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда государственная власть Николаевской эпохи все же пыталась слѣдовать законными путями, ею самою же установленными, дѣло, въ концѣ-концовъ, обстояло нисколько не лучше. Въ указанномъ смыслѣ съ Г. Совѣтомъ одинаково мало считались и тогда, когда его вовсе обходили, и тогда, когда съ нимъ имѣли дѣло. Эпизодъ съ проектомъ министра финансовъ Канкрина въ Совѣтѣ особенно типиченъ въ данномъ случаѣ. Когда проектъ министра въ Совѣтѣ былъ отвергнутъ, Канкринъ, прежде чѣмъ мнѣніе Совѣта поступило къ государю, поспѣшилъ заручиться благопріятной резолюціей послѣдняго. Произошелъ конфликтъ, при чемъ министръ финансовъ усиленно развивалъ тотъ взглядъ, что императоръ вовсе не обязанъ справляться съ „мнѣніемъ“ Совѣта: „это есть высочайшее оскорбленіе самодержавной власти,—заявилъ онъ, Совѣтъ мѣсто совѣщательное, куда государь посылаетъ только то, что самому ему разсудится, а тутъ изъ Совѣта хотятъ сдѣлать камеры и мѣсто соцарствующее“. Однако, хотя Николай Павловичъ на этотъ разъ и вернулъ дѣло въ Совѣтъ, но только для того, чтобы дать почувствовать сему „сословію“ все его ничтожество. Въ засѣданіи Совѣта, гдѣ долженъ былъ вновь раз-

сматриваться злополучный проектъ, отъ государя была прислана записка съ лаконическимъ и твердымъ заявленіемъ: „желательно мнѣ, чтобы принято было“... Такимъ образомъ теперь съ Совѣтомъ повторилась та же самая исторія, что и съ Сенатомъ при Александрѣ I, когда въ 1803 г. по иниціативѣ гр. Северина Потоцкаго Сенатъ осмѣлился было не принять распоряженія военнаго министра,—распоряженія, заранѣе уже одобреннаго государемъ. Роль Канкрина тогда взялъ на себя Державинъ, энергически ополчившійся на защиту правъ монарха, который—по его мнѣнію—„революціоннымъ“ протестомъ Сената „какъ бы въ какомъ народномъ правленіи (!) сравненъ (былъ) со всѣми гражданами“. Въ итогѣ, какъ извѣстно, послѣдовало „разъясненіе“ Сената, и послѣдній былъ урѣзанъ въ своихъ полномочіяхъ (ук. 21 марта 1803 г.). Тотъ же поучительный исходъ, при аналогичныхъ условіяхъ, имѣло и столкновеніе министра финансовъ Гурьева съ Г. Совѣтомъ въ 1810 г., когда въ результатѣ остраго конфликта довѣреннаго министра съ учрежденіемъ послѣдовалъ именной указъ 22 марта, ограничившій бюджетныя права Совѣта и открывшій широкую возможность министру финансовъ безконтрольнаго распоряженія государственными средствами, опираясь исключительно на „непосредственное повелѣніе“ государя.

То же безсиліе, непрестанные страхи и колебанія и полную неспособность къ положительному творчеству обнаруживаетъ правительство императора Николая и въ сферѣ соціальныхъ реформъ. Его законодательная немощь особенно рельефно должна была сказаться на крестьянскомъ вопросѣ, гдѣ ему пришлось вновь подойти, только съ другого конца, къ той же проблемѣ о своемъ собственномъ существованіи. Крѣпостное право, какъ соціальный институтъ и сословная привилегія „благороднаго дворянства“, представляло собой тотъ историческій фундаментъ, на которомъ зиждилось все государственное зданіе имперіи XVIII — XIX вв. Здѣсь именно и находятъ свое оправданіе и мертворожденное законодательство императора Николая I по крестьянскому вопросу, и та своеобразная его постановка, въ силу которой реформаторскія попытки правительства въ данномъ случаѣ должны были разбиться о стѣну сословности и базированнаго на ней монархическаго принципа.

Девять „безгласныхъ комитетовъ“, по выраженію бар. Корфа, не считая Комитета 6 декабря 1826 г., почти непрерывно засѣдали въ теченіе всего царствованія императора Николая, обсуждая злополучную проблему о „преобразованіи крѣпостного права“ или, что то же, о „нечувствительномъ возведеніи крестьянъ отъ состоянія крѣпостного до состоянія свободы“. Вопросъ при этомъ сразу получилъ совершенно безнадежный характеръ, такъ какъ, поставивъ на очередь задачу объ отмѣнѣ крѣпостного права, хотя бы и постепенной, правительство твердо рѣшило при этомъ не задѣвать чьихъ-либо правъ! Въ бесѣдахъ съ бар. М. Корфомъ по этому поводу

императоръ неоднократно выражалъ ту мысль, „что онъ считаетъ долгомъ и обязанностью постепенно идти къ облегченію сего состоянія, потомъ къ его уменьшенію и, наконецъ, если Богъ поможетъ, къ совершенному даже когда-нибудь истребленію, но именно только постепенно, безъ всякихъ крутыхъ и потрясающихъ чьи-либо права мѣръ“. Апеллируя такимъ образомъ въ настоящемъ случаѣ въ послѣдней инстанціи къ Божьему произволенію, государь въ то же время менѣе всего позволялъ себѣ въ данномъ вопросѣ прибѣгать къ свой монаршей прерогативѣ. „Я, конечно,— говорилъ онъ,—самодержавный и самовластный, но на такую мѣру (какъ прямое въ законѣ ограниченіе власти помѣщика) не рѣшусь, какъ не рѣшусь и на то, чтобы приказать помѣщикамъ заключать договоры“ съ ихъ отпущенными крестьянами. Еще яснѣе высказался по вопросу объ освобожденіи крестьянъ „сверху“ Николай I въ засѣданіи Г. Совѣта 30 марта 1842 г., когда имъ было сдѣлано твердое заявленіе въ томъ же смыслѣ. „Я никогда на это не рѣшусь,— сказалъ императоръ,— считая, что, если время, когда можно будетъ приступить къ такой мѣрѣ, вообще еще далеко, то въ настоящую эпоху всякій помыселъ о томъ былъ бы не что иное, какъ преступное посягательство на общественное спокойствіе и на благо государства. Пугачевскій бунтъ доказалъ, до чего можетъ доходить буйство черни“. Совершенно очевидно, какихъ законодательныхъ плодовъ возможно было ожидать отъ Николаевскаго правительства въ крестьянскомъ вопросѣ, при тѣхъ основаніяхъ, какія полагало оно во главу „реформы“, стремясь къ „постепенному улучшенію крѣпостного состоянія крестьянъ безъ вреда для помѣщиковъ и безъ потрясенія внутренняго спокойствія“. Безнадежность позиціи императора Николая въ вопросѣ о „преобразованіи крѣпостного права“ именно тѣмъ и объяснялась, что для него была совершенно ясна интимная связь интересовъ „помѣщиковъ“ — дворянъ, этой исконной „опоры“ престола, съ „внутреннимъ спокойствіемъ“ и „благомъ государства“. Въ Комитетѣ 1846 г., гдѣ вновь былъ поставленъ вопросъ „объ уничтоженіи крѣпостного состоянія въ Россіи“ и гдѣ, по поводу доклада Перовскаго, былъ намѣченъ рядъ „невидимыхъ мѣръ“, члены комитета пришли, въ концѣ-концовъ, къ тому заключенію, что разрѣшеніе вопроса о крѣпостномъ состояніи представляетъ непреодолимыя трудности, ибо, съ одной стороны, „основаніемъ Россіи (по мнѣнію комитета) было и должно быть самодержавіе“, съ другой же — власть помѣщиковъ надъ крѣпостными всегда являлась „орудіемъ и опорой самодержавной власти“. Этимъ, по существу, было все сказано. Неудивительно поэтому, что всякій разъ, когда правительство Николая I приступало къ изданію какой-либо мѣры съ цѣлью „облегченія“ крѣпостного состоянія, оно кончало обычно стереотипными деклараціями или подтверждающими, что „вся безъ исключенія земля принадлежитъ дворянину помѣщику; это вещь святая,

и никто къ ней прикасаться не можетъ", или же предписывающими строго наблюдать, чтобы „крестьяне оставались въ безпрекословномъ повиновеніи законной власти своихъ помѣщиковъ" (Выс. пов. 3 апр. 1842). Отмѣченная тенденція тѣмъ болѣе должна была упрочиваться, что въ концѣ 40-хъ г.г. новая вспышка революціоннаго движенія на Западѣ сдѣлала особенно чувствительнымъ Николаевское правительство къ вопросамъ охраны „внутренняго спокойствія" государства и своей собственной власти. Въ этомъ отношеніи особенно характерны были манифестъ „на страхъ врагамъ" 14 марта 1846 г. и тѣсно связанная съ нимъ рѣчь государя 21 марта, обращенная къ депутатамъ Петербургскаго дворянства. „Забудемъ всѣ непріятности одного къ другому,—говорилъ тогда государь. — Подайте между собой руку дружбы, какъ братья, какъ дѣти родного края, такъ, чтобы послѣдняя рука дошла до меня, и тогда, подъ моею главою, будьте увѣрены, что никакая сила земная насъ не потревожитъ". Заключая въ такихъ словахъ союзъ братства съ первенствующимъ сословіемъ въ странѣ, государь, „какъ первой дворянинъ имперіи", торжественно отказывался, и на этотъ разъ уже окончательно, отъ тѣхъ „непріятностей", которыя тщетно готовилъ онъ въ своихъ комитетахъ россійскому дворянству. Страхъ „потревожить" существующій строй, этотъ вѣчный страхъ, преслѣдовавшій, какъ зловѣщая тѣнь, правительство 1825 г., долженъ былъ теперь похоронить реформу соціальную, какъ похоронилъ онъ и реформу государственную. Поэтому и въ данной области законодательныя попытки Николаевскаго правительства или не шли далѣе его секретныхъ комитетовъ, или же оказывались совершенно безплодными.

Великій князь Михаилъ Павловичъ.
(Моск. Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ).

Уже въ Комитетѣ 6 дек. 1826 г. вполнѣ выяснилась эта безнадежная судьба соціальнаго законодательства имп. Николая I, несмотря на то, что самъ государь въ крестьянскомъ вопросѣ находилъ многое „не только нужнымъ и желательнымъ, но совершенно необходимымъ" и даже окончательно предрѣшеннымъ. Какъ ни были скромны

предложенія М. Сперанскаго, высказанныя имъ въ его запискѣ о „крѣпостныхъ людяхъ“, представленной комитету, гдѣ имъ былъ намѣченъ рядъ мѣръ для „постепеннаго перехода изъ крѣпостного въ свободное состояніе“ (запретъ продажи крестьянъ безъ земли, ограниченіе числа дворовыхъ людей, опредѣленіе повинностей крѣпостныхъ, обезпеченіе ихъ землей и т. д.), тѣмъ не менѣе, мѣры эти не на шутку перепугали дворянское общество и самихъ реформаторовъ. Поэтому комитетъ, какъ извѣстно, прежде всего поспѣшилъ подмѣнить вопросъ о „преобразованіи“ быта крѣпостныхъ (помѣщичьихъ) крестьянъ вопросомъ объ „устройствѣ казенныхъ крестьянъ“, якобы ради „образца для частныхъ владѣльцевъ“. При этомъ какъ члены комитета 6 дек., такъ и члены послѣдующихъ комиссій рѣшительно утвердились на той точкѣ зрѣнія, что въ этомъ деликатномъ вопросѣ не слѣдуетъ вообще прибѣгать ни къ какимъ „рѣшительнымъ и крутымъ“ мѣрамъ или устанавливать что-либо обязательное, но достаточно ограничиться „мѣрами побудительными“ и поощрительными. Но даже и при такой постановкѣ вопроса комитетъ находилъ невозможнымъ вырабатывать что-либо въ пользу однихъ только крестьянъ, боясь обнародовать особнякомъ какое-нибудь положеніе о нихъ, такъ какъ — по мнѣнію комитета — крѣпостные „легко могутъ возмечтать, что правительство ими только одними и занимается“, пренебрегая интересами другихъ сословій. При такихъ условіяхъ, чтобы не вызвать „съ одной стороны неудовольствій и ропота..., а съ другой — ложныхъ надеждъ и дерзкихъ желаній, особенно же не поколебать права собственности (!), сего, такъ сказать, краеугольнаго камня всякаго политическаго (!) порядка“, комитетъ рѣшилъ замаскировать законъ, относящійся до крестьянъ и дворовыхъ, изданіемъ новаго положенія о состояніяхъ, прикрывъ такимъ образомъ опасную законодательную контрабанду цѣлымъ рядомъ постановленій, „благопріятныхъ для иныхъ состояній“. Само собой разумѣется, что комитетъ въ особенности полагалъ удобнымъ „воспользоваться симъ случаемъ для изъявленія дворянству новыхъ знаковъ вниманія правительства“. Такъ, въ силу исторической логики, начавъ съ вопроса объ облегченіи участи крѣпостного населенія, комитетъ кончилъ вопросомъ о новыхъ льготахъ сословію рабовладѣльцевъ. Что вопросъ по существу здѣсь шелъ вовсе не объ „иныхъ состояніяхъ“, а именно о сохраненіи добрыхъ отношеній самодержавнаго правительства съ первенствующимъ сословіемъ, это ясно изъ тѣхъ разсужденій, которыя имѣли мѣсто по сему поводу въ комитетѣ, и еще болѣе изъ тѣхъ результатовъ, къ какимъ привели комитетскіе дебаты. Прежде всего, конечно, комитетъ поспѣшилъ „съ полнымъ чувствомъ вѣрноподданническаго долга“ установить тотъ принципъ, что „новый законъ“, охраняя существенныя права всѣхъ сословій, не долженъ давать никому „никакихъ правъ политическихъ“, т.-е. что „новый законъ“, ничего существеннаго не давая, не долженъ и ничего отни-

мать. Такъ, вмѣсто идеи „реформы“ явилась уже идея „охраны“ правъ существующихъ. И дѣйствительно, комитетъ очень скоро пришелъ къ тому заключенію, что въ отношеніи духовенства, напр., никакихъ „новыхъ знаковъ вниманія“ со стороны правительства не требуется. То же самое произошло и съ людьми „средняго состоянія“, которые не только не получили никакихъ льготъ, но должны были даже въ угоду дворянскимъ интересамъ понести явный ущербъ своимъ правамъ, такъ какъ съ введеніемъ института „именитаго“, „потомственнаго“ и „личнаго“ гражданства они въ значительной мѣрѣ утрачивали права на пріобрѣтеніе дворянства. Впрочемъ, по существу, столь своеобразное „вниманіе“ къ интересамъ людей „средняго рода“ являлось не столько результатомъ прямого посягательства на ихъ „права и преимущества“, сколько рефлексомъ новыхъ милостей дворянскому сословію, „столь необходимому въ составѣ монархическаго правленія“. Такимъ образомъ, если и было какое-нибудь „состояніе“, которому комитетское правительство готово было оказать нѣкоторое „благодѣяніе“, то такимъ состояніемъ являлось—какъ выше уже было указано—только дворянство. И комитетъ положительно выражалъ надежду, что такимъ путемъ ему удастся „усилить въ дворянствѣ ревность къ службѣ государя и утвердить обоюдно необходимую связь его съ престоломъ“. Комитетскимъ политикамъ нетрудно было, конечно, найти и ту почву, на которой этотъ вожделѣнный союзъ могъ быть еще разъ закрѣпленъ. Еще со временъ Екатерины дворянство, въ лицѣ своихъ депутатовъ 1767 г., настойчиво заявляло свою претензію превратиться въ замкнутое привилегированное сословіе, закрывъ тотъ путь вступленія въ его ряды, какой былъ проложенъ Петровской „Табелью о рангахъ“, „дабы достоинство дворянское, которое единственно государю жаловать надлежитъ, не было уподлено“, какъ мотивировали свое домогательство ярославскіе дворяне. На эту, именно, точку зрѣнія и стали члены комитета 6 дек., принявъ на себя миссію огражденія „дворянства отъ непріятнаго ему и вреднаго государству прилива разночинцевъ“. Николаевское правительство восприняло, такимъ образомъ, завѣтъ Александровскаго Государственнаго Совѣта, высказавшаго въ свое время характерную сентенцію: „чѣмъ болѣе затрудняется возведеніе въ дворянство, тѣмъ сіе полезнѣе будетъ для государства“. При такихъ условіяхъ комитетъ 6 дек. не нашелъ ничего лучше, какъ санкціонировать претензію дворянскихъ „наказовъ“ 1767 г., признавъ единственнымъ способомъ пріобрѣтенія дворянства вновь—высочайшее пожалованье.

Такова была та рамка „закона о состояніяхъ“, въ которую предполагалось вставить „мимоходомъ“ новый законъ о крѣпостныхъ людяхъ, спроектированный Сперанскимъ и сильно урѣзанный комитетомъ. Но поучительнѣе всего была самая судьба законопроекта. Послѣдній былъ внесенъ въ Г. Совѣтъ, принятъ имъ, удостоился верховной санкціи, но такъ и остался не

обнародованнымъ и не получилъ силы закона. Изданіе его было признано „неблаговременнымъ“, и четырехлѣтніе труды комитета 6 дек. были погребены въ бюрократическомъ подпольѣ. „Законъ о состояніяхъ“ оказался въ полномъ смыслѣ слова мертворожденнымъ закономъ. По существу, такова же была судьба и прочихъ Николаевскихъ комитетовъ по крестьянскому вопросу (ком. 1844 г. о „дворовыхъ людяхъ“ и пр.), за немногими исключеніями, о которыхъ скажемъ ниже. Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда правительство имп. Николая I вмѣщало свои преобразовательныя мечтанія въ законъ, дѣло было не лучше. Оно и въ данномъ отношеніи обладало рѣдкой способностью обращать свои собственные законы въ мертвую букву или бумажные законы.

Такъ случилось прежде всего съ самымъ крупнымъ изъ законоположеній имп. Николая I,—закономъ объ „обязанныхъ крестьянахъ“ 2 апрѣля 1842 г., появленіе котораго знаменовало собой сознательную реакцію, въ интересахъ дворянства, противъ „вреднаго начала“ ук. 1803 г. о „вольныхъ хлѣбопашцахъ“, выразившагося въ „отчужденіи отъ помѣщиковъ поземельной собственности“ въ пользу вольноотпущенныхъ крестьянъ. Поэтому было рѣшено, что „законъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ нужно дополнить, дабы открыть помѣщикамъ новый способъ освобождать крестьянъ своихъ съ землею, безъ чувствительнаго ущерба въ имуществѣ своемъ и доходахъ“. Въ результатѣ получался крупный шагъ назадъ: крестьяне по зак. 42 г. могли получить личную свободу, но подъ условіемъ новаго ихъ прикрѣпленія къ землѣ помѣщика. Въ довершеніе всего, законъ 2 апрѣля, отмѣнивъ или, лучше сказать, замѣнивъ собой зак. 1803 г., оказался фактически и самъ упраздненнымъ, такъ какъ примѣненіе его, при отсутствіи какихъ-либо обязательныхъ требованій, въ самомъ законѣ поставленныхъ, было отдано правительствомъ на произволъ помѣщиковъ, буде они „сами сего пожелаютъ“. Та же судьба постигла и другой законъ, такъ же первоначально, казалось, направленный въ пользу крѣпостного крестьянства, именно, зак. 8 ноября 1847 г., которымъ помѣщичьимъ крестьянамъ предоставлялось право выкупаться на свободу „вмѣстѣ съ землею“ въ случаѣ продажи дворянскихъ имѣній съ аукціона. Какъ извѣстно, этотъ „возмутительный“ законъ, вызвавшій ожесточенныя нападки со стороны крѣпостниковъ, былъ также очень скоро разъясненъ правительствомъ, которое не рѣшилось его прямо отмѣнить, боясь этимъ самымъ поколебать престижъ власти. Выходъ былъ найденъ очень простой. 19 іюля 1849 г. было опубликовано новое „положеніе“ о продажѣ имѣній съ публичнаго торга, 186 ст. котораго—въ отмѣну закона 8 ноября—обусловила выкупъ крестьянъ непремѣннымъ согласіемъ на то самого „владѣльца“ (XIV Прод. Св. Зак., т. X, ст. 49). То же случилось и съ зак. 3 марта 1846 г., который призналъ за крѣпостными право на пріобрѣтеніе недвижимостей..., но поставивъ опять-таки

непремѣннымъ условіемъ осуществленія этого права „согласіе“ помѣщика. Тотъ же смыслъ носили и законы 1829 и 1837 г.г., вводившіе институтъ опеки въ случаѣ „злоупотребленія“ помѣщиками ихъ господскими правами. Правительство поручило надзоръ за такими помѣщиками самимъ же дворянамъ, въ лицѣ ихъ выборныхъ органовъ (исправника и предводителей), сохранивъ въ то же время запрещеніе въ законѣ крѣпостнымъ жаловаться на своихъ господъ, а за этими послѣдними—право наказывать своихъ рабовъ по своему усмотрѣнію, лишь бы только отъ того не послѣдовало опасности для жизни крѣпостныхъ.

Рескрипты на имя мин. вн. дѣлъ Ланского, въ которыхъ рекомендовалось помѣщикамъ христіанское обращеніе съ ихъ „подданными“, конечно, являлись слишкомъ утопической гарантіей.

Такъ Николаевское правительство умѣло въ корнѣ уничтожить и безъ того тощіе плоды своего собственнаго законодательнаго творчества. Связавъ тѣснѣйшимъ образомъ свои собственныя судьбы съ интересами дворянства, оно разъ навсегда въ крестьянскомъ вопросѣ провозгласило для себя „волю“ этого сословія священной и обязательной.

Единственнымъ, хотя и очень скромнымъ просвѣтомъ на темномъ фонѣ соціальнаго законодательства Николаевской эпохи могутъ быть отмѣчены развѣ только двѣ реформы—устройство казенныхъ крестьянъ въ связи съ учрежденіемъ въ 1837 г. Министерства государственныхъ имуществъ и введеніе инвентарей въ юго- и сѣверо-западномъ краѣ. Впрочемъ, что касается первой реформы, то она носила, главнымъ образомъ, чисто административный характеръ и въ общемъ мало мѣняла существо самаго дѣла. Положительныя ея черты были связаны скорѣй съ личностью самого ея вдохновителя, гр. Киселева, просвѣщеннаго бюрократа и поборника крестьянской эмансипаціи, чѣмъ съ самымъ учрежденіемъ 30 апр. 1838 г., проникнутымъ насквозь духомъ начальственной опеки и мелочной регламентаціи. Большаго, конечно, въ Николаевскую эпоху сдѣлать и нельзя было, а Киселевъ, несомнѣнно, поднялъ и упорядочилъ бытъ казенныхъ крестьянъ, и въ этомъ была его неоспоримая заслуга. Не слѣдуетъ, конечно, забывать и того, что реформа Киселева облегчалась тѣмъ, что она являлась, въ извѣстномъ смыслѣ, отводомъ реформы быта крестьянъ помѣщичьихъ, и творцу Министерства госуд. имуществъ не приходилось непосредственно посягать на права владѣльцевъ „крещеной собственности“. Нѣкоторымъ противорѣчіемъ высказанной нами выше мысли является, однако, какъ будто инвентарная реформа конца 40-хъ и нач. 50-хъ г.г., когда правительство рѣшилось, дѣйствительно, посягнуть на права помѣщиковъ. Однако это противорѣчіе только кажущееся. Мотивъ политическій игралъ вообще, какъ мы видѣли, въ исторіи отношеній Николаевскаго правительства къ крестьянскому вопросу весьма видную роль, связывая органически интересы самодержавія съ со-

словными интересами дворянъ-помѣщиковъ. Но въ коренной Россіи эти отношенія слагались иначе, чѣмъ на юго-западной украинѣ. Здѣсь, у себя дома, правительство въ лицѣ дворянства создало свою исконную опору и, въ концѣ-концовъ, можно сказать, какъ бы попало въ плѣнъ къ первенствующему „благородному“ сословію, тамъ, въ Западномъ краѣ, правительство, напротивъ, вело сознательную борьбу съ владѣтельнымъ полонизмомъ, стремясь опираться противъ него на крѣпостную народную массу русскаго крестьянства. Инвентарная реформа такимъ образомъ облегчалась здѣсь соображеніями окраинной внутренней политики правительства, которое заняло въ Западномъ краѣ совершенно иную позицію относительно мѣстнаго дворянства, чѣмъ въ центрѣ государства. Такимъ образомъ и реформа Киселева, и реформа инвентарная оказались возможными по одному и тому же основанію, такъ какъ они прошли въ той плоскости государственныхъ интересовъ, гдѣ правительство чувствовало себя менѣе связаннымъ основными претензіями коренного „россійскаго“ дворянства.

Приведеннаго обзора важнѣйшихъ законоположеній Николаевскаго правительства по крестьянскому вопросу, которому имъ было удѣлено особенно много вниманія, совершенно достаточно, чтобы понять общій духъ и направленіе правотворчества интересующей насъ эпохи. Что касается другихъ мелкихъ узаконеній того же царствованія, налагавшихъ крошечныя заплаты на вопіющія прорѣхи такъ называемаго крѣпостного права, границы котораго по существу продолжали оставаться безпредѣльно широкими, то они не могли измѣнить въ основахъ того ощутительнаго для всѣхъ „зла“, бороться съ которымъ правительство имп. Николая оказалось совершенно безсильно. Такіе указы, какъ указъ 15 фев. 1827 г. (о залогѣ и продажѣ имѣній, въ коихъ остается земли менѣе $4^1/_2$ дес. на душу) или 2 мая 1833 г. (запретъ продажи к—нъ съ публичнаго торга безъ земли и съ раздробленіемъ семей), а также воспрещеніе отдавать крестьянъ въ работы на горные заводы, ограниченія въ правѣ помѣщиковъ ссылать крѣпостныхъ въ Сибирь и т. п. распоряженія скорѣе только раздражали сословіе рабовладѣльцевъ, чѣмъ реально подвигали наболѣвшій исторически вопросъ къ его роковой развязкѣ. Эти легкія царапины скорѣй бередили рану, чѣмъ облегчали органическій недугъ русской жизни. И правительству, дѣйствительно, за каждую свою попытку подобнаго рода приходилось расплачиваться той монетой, которая въ данномъ случаѣ являлась самой удобной и для него самого. Вотъ почему оно вынуждено было продолжать ту дворянскую политику, которая красной нитью проходитъ черезъ всю нашу исторію XVIII и XIX вв. И правительство имп. Николая все время твердо стояло на точкѣ зрѣнія культивированія сословныхъ привилегій и прежде всего, конечно, дворянскихъ. Мы уже видѣли, что правительство Николая I въ указанномъ направленіи охотно шло навстрѣчу стремленіямъ дворянства.

Именно въ этихъ цѣляхъ изданъ былъ имъ законъ 1845 г., возвысившій чины, сообщавшіе потомственное дворянство, а равно и указъ 1848 г.—о заповѣдныхъ имѣньяхъ. Сюда же можно было бы отнести и ук. 1831—36 г.г., повысившіе имущественный цензъ дворянскихъ собраній. То же стремленіе сказалось и въ законодательныхъ актахъ 1831—32 гг., когда, желая выразить особое „вниманіе“ дворянству, правительство сравняло „службу по выборамъ дворянства“ со службой государственной, пожаловавъ дворянскихъ предводителей „мундиромъ Министерства Внутр. дѣлъ“.

Правда, правительство вмѣстѣ съ тѣмъ значительно стѣснило дворянскую автономію, предписавъ губернаторамъ наблюдать, „чтобы дворяне во всѣхъ губерніяхъ не находились во вредной праздности и посвящали бы себя службѣ государственной“ (ук. 1835 г.). Но это уже была общая-органическая тенденція государства стараго порядка, которое не мирилось съ общественной самодѣятельностью ни въ какихъ формахъ и стремилось все подчинить опекѣ центральной государственной власти, привыкшей видѣть въ подданныхъ слѣпое орудіе своихъ велѣній, послушный инструментъ „правительственныхъ видовъ“. Николаевское правительство, особенно подозрительно относившееся ко всякому движенію общественныхъ силъ, склонно было въ этомъ отношеніи все сводить къ государственной „баршинѣ“. „Мы всѣ на службѣ“—любилъ повторять императоръ. Въ этомъ смыслѣ облаченіе по иниціативѣ правительства сословныхъ представителей дворянства въ мундиръ М. В. д. было глубоко знаменательно и символично, какъ и настойчивое стремленіе имп. Николая превратить вновь россійское дворянство въ служилое государственное сословіе. Отсюда и берутъ свое начало попытки правительства 30—40-хъ гг. регламентировать дворянскую службу (ук. 1837 г. о службѣ въ провинціи) и вмѣшиваться въ сословную жизнь дворянства путемъ усиленія соотвѣтствующихъ полномочій губернаторовъ и участія самой верховной власти въ выборахъ дворянскихъ предводителей. Тѣ же тенденціи—

Великая княгиня Марія Павловна.

углубленіе сословнаго раздѣленія и мелочная регламентація — столь же ярко обнаружены были Николаевскимъ правительствомъ и при введеніи имъ новаго Петербургскаго городового положенія 1846 г. Согласно этому „положенію“, организація городского столичнаго самоуправленія представляла изъ себя какую-то странную копію сословно расчлененной Николаевской Россіи. Подъ одной крышей этой своеобразной муниципіи механически были сведены представители различныхъ сословій, которые, однако, не только не сливались здѣсь въ единое учрежденіе, но, напротивъ, самымъ рѣзкимъ образомъ (по „отдѣленіямъ“) были обособлены другъ отъ друга внутренними непроницаемыми перегородками и при этомъ еще были поставлены въ іерархическія отношенія одно къ другому. Законодатель, казалось, принялъ съ своей стороны всѣ необходимыя мѣры, чтобы поселить въ городскомъ управленіи постоянную рознь—divide et impera—и такимъ путемъ обезсилить „городское“ общество. Дѣло при этомъ осложнялось, а начала самоуправленія извращались еще болѣе благодаря широкому вмѣшательству мѣстной администраціи въ дѣятельность городскихъ учрежденій, которыя всецѣло теперь подпали власти короннаго „начальства“. Наконецъ тѣ же самыя начала подчиненія Николаевское правительство развивало и въ сферѣ управленія губернскаго, гдѣ въ теченіе 30—50 г.г. появляется цѣлый рядъ спеціальныхъ „комиссій“—дорожныхъ, строительныхъ, продовольственныхъ и иныхъ—призванныхъ обслуживать мѣстные земскіе нужды и интересы. Оставаясь вѣрно самому себѣ, правительство и здѣсь по преимуществу стремилось опираться на главныхъ „блюстителей неприкосновенности верховныхъ правъ самодержавія“, губернаторовъ и генералъ-губернаторовъ (наказъ и положеніе 1837 г., 1845 и 1853 г.г.) за счетъ мѣстныхъ „выборныхъ“ элементовъ, среди которыхъ по прежнему главное мѣсто было отведено дворянству. Впрочемъ, несмотря на то, что и въ данномъ вопросѣ Комитетъ 6 дек. 1826 г. отлично сознавалъ „крайнюю необходимость исправить недостатки мѣстнаго управленія и потребность для сего коренного объемлющаго всѣ части преобразованія“, тѣмъ не менѣе, въ концѣ-концовъ, и въ этой области, какъ во всѣхъ прочихъ, Николаевское правительство не только не сдѣлало ни шагу впередъ, но даже, напротивъ, или продолжало топтаться на мѣстѣ, или же успѣло податься назадъ.

И, дѣйствительно, какъ бы ни казалась намъ при первомъ взглядѣ многообразной и хлопотливой законодательная и прожектерская „суета суетъ“ Николаевской эпохи, тѣмъ не менѣе, общій результатъ ея былъ глубоко безнадеженъ. Несмотря на ясный „преобразовательный“ наклонъ ея въ сторону исторически назрѣвшихъ и неотвратимыхъ потребностей государственной и народной жизни, правительство 1825 г. безысходно уперлось въ тупикъ политической и сословно-дворянской реакціи, устремивъ всѣ свои помыслы къ тому, чтобы сохранить то неустойчивое равновѣсіе, въ которомъ

оно непрерывно пребывало. И оно мучительно билось, сохраняя видъ твердой власти, въ томъ „порочномъ кругѣ“, гдѣ вся его дѣятельность была заранѣе обречена на полное безплодіе. Какъ-нибудь „прожить“, „не трогая ни части, ни цѣлаго“, положившись на Провидѣніе и „судъ времени“, какъ выражался в. к. Константинъ Павловичъ, вотъ тотъ послѣдній выводъ, къ которому пришло это правительство.

И съ этой точки зрѣнія ничто, быть-можетъ, не характеризуетъ лучше общее направленіе и законодательное „творчество“ данной эпохи, какъ тотъ величественный монументъ, который воздвигло себѣ правительство имп. Николая I, трудами М. Сперанскаго, въ 1830—32 гг. Мы разумѣемъ изданіе „Полнаго собранія законовъ“ (45 т.) и „Свода законовъ Россійской имперіи“ (15 т.)—гигантскій трудъ, честь „совершенія“ котораго выпала на долю все того же неутомимаго автора „Плана всеобщаго государственнаго образованія“, еще въ 1803 г. положительно высказавшаго мысль „объ изданіи законовъ, не новыхъ и не современныхъ, но прежнихъ, въ порядокъ и ясность приведенныхъ“. Эта „простая и механическая операція“ и была возложена въ 1826 г. имп. Николаемъ на Сперанскаго. Правда, въ планѣ проектированной кодификаціи россійскаго законодательства Сперанскій предложилъ правительству завершить составленіе „собранія“ и „свода“ законовъ изданіемъ „уложенія“, которое бы не только систематизировало дѣйствующіе законы, но и внесло бы въ нихъ необходимыя дополненія и поправки, однако государь рѣшительно отвергъ всякую мысль о реформѣ въ правѣ и строжайше предписалъ „не создавать новыхъ законовъ, но привести въ порядокъ старые“. Любопытно, что, поручая Сперанскому отвѣтственную задачу кодификаціи, имп. Николай, однако, далеко не довѣрялъ ему, опасаясь, какъ бы подъ изящнымъ перомъ талантливаго кодификатора „подъ видомъ законовъ старыхъ не вкрались законы новые“. Поэтому императоръ не только взялъ все дѣло кодификаціи подъ свое „непосредственное руководство“, но и назначилъ начальникомъ II отдѣленія Собственной канцеляріи извѣстнаго Балугьянскаго, которому онъ наказалъ бдительно наблюдать за Сперанскимъ: „Смотри же,—сказалъ государь,—чтобы онъ не надѣлалъ такихъ же проказъ, какъ въ 1810 году; ты у меня будешь за него въ отвѣтѣ“. Государь намекалъ этими словами на проектъ „Уложенія“, составленный Сперанскимъ при имп. Александрѣ I, когда ему, какъ кодификатору, было предъявлено до крайности преувеличенное обвиненіе, будто бы въ своемъ проектѣ гражданскаго Уложенія вмѣсто русскихъ законовъ онъ далъ „переводъ Наполеоновскаго кодекса“. Такимъ образомъ Николаевское правительство, отказываясь отъ всякаго пересмотра и исправленія „существующихъ“ законовъ, поставило своей цѣлью, такъ сказать, „подморозить“ Россію въ томъ ея положеніи, въ какомъ она пребывала въ данный историческій моментъ. Не мѣняя „ни единой литтеры“ въ текстѣ „стараго за-

кона“, оно и въ настоящемъ случаѣ боялось прикоснуться къ тому „національному“ достоянію, которое въ значительной своей массѣ представляло уже или совершенно устарѣвшія нормы права, восходившія ко временамъ ц. Алексѣя Михайловича, или странное сочетаніе развалинъ прошлаго и обломковъ институтовъ и учрежденій, живыхъ свидѣтелей недавно было начатыхъ, но незавершенныхъ реформъ. И, конечно, никакое искусство Сперанскаго не могло, въ концѣ-концовъ, привести въ стройную правовую систему эту разсыпанную храмину временъ, какой бы „систематическій“ порядокъ ни стремился придать ей кодификаторъ. И если мы вспомнимъ что Сводъ Законовъ появился всего за четверть вѣка до того момента, когда началось уже широкое преобразовательное движеніе „Эпохи великихъ реформъ“ и произошелъ великій сдвигъ въ жизни русскаго народа, то намъ станетъ совершенно ясно, что Сводъ Законовъ съ его національно-историческими основами, зачатый въ грѣхѣ реакціи, уже устарѣлъ въ самый моментъ своего изданія. Это, дѣйствительно, скорѣе былъ надгробный памятникъ, который успѣла заживо поставить себѣ Николаевская Россія, чѣмъ кодексъ, которому предстояло направить русскую жизнь по руслу „закона“ и ея истинныхъ національныхъ потребностей. Въ этомъ смыслѣ Сводъ Законовъ сильно запоздалъ своимъ появленіемъ, завершивъ почти полуторастолѣтнюю исторію попытокъ имперскаго правительства привести въ извѣстность правовую наличность страны, накопленную въ процессѣ безпорядочнаго законодательнаго и „указнаго“ творчества.

Конечно, трудъ Сперанскаго не пропалъ даромъ. Какъ бы то ни было, но приведеніе въ извѣстность и систематическая обработка колоссальнаго законодательнаго матеріала (30.920 актовъ собрано только въ I пол. соб. зак.), который до тѣхъ поръ пребывалъ въ совершенно хаотическомъ состояніи, при всякихъ условіяхъ, представлялось дѣломъ очевидной практической полезности, не говоря уже о томъ толчкѣ, какой былъ данъ изданіемъ кодификаторскихъ трудовъ Сперанскаго русской научной мысли вообще и отечественной наукѣ права въ особенности. Но въ настоящемъ случаѣ въ нашу задачу не можетъ входить оцѣнка „Собранія“ и „Свода“ съ этой, именно, стороны. Мы имѣли въ виду отмѣтить лишь значеніе кодификаціонныхъ трудовъ Николаевскаго правительства въ общей связи съ его законодательной дѣятельностью, какъ одно изъ типическихъ выраженій его руководящей законодательной политики. И мы могли еще разъ убѣдиться въ томъ, насколько послѣдовательнымъ — при всѣхъ своихъ противорѣчіяхъ — оставалось и въ данномъ случаѣ это правительство безплодныхъ начинаній, правительство „страха, и запрещенія, и обузданія, и конечнѣйшаго запрещенія“, говоря колоритнымъ языкомъ перваго русскаго царя.

Б. И. Сыромятниковъ.

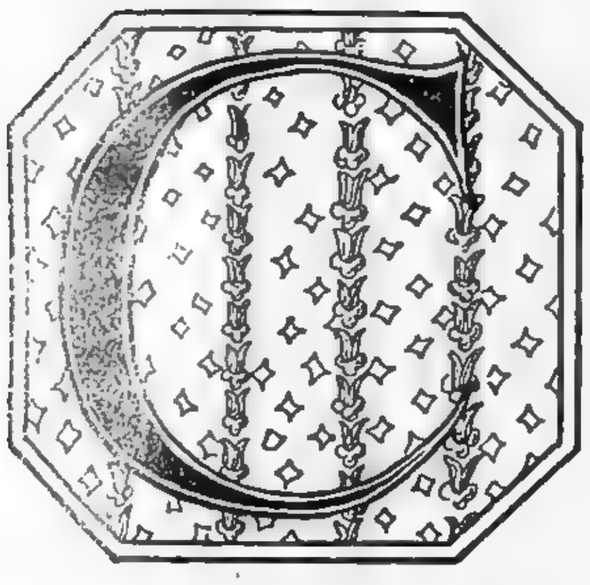
Гатчинскій дворецъ въ началѣ XIX в. Историческій музей.

Гдьянский дворец вр начдуф XIX в.

Исторический музей.

БИБЛІОТЕКА СЛУЖАЩИХЪ
Управ... ж. д.
№10 ...нтника ...17.

Императоръ Александръ II.



даю тебѣ мою команду, но, къ сожалѣнію, не въ такомъ порядкѣ, какъ желалъ, оставляя тебѣ много трудовъ и заботъ. Такими словами, по свидѣтельству имп. Александра II, напутствовалъ его передъ своею смертью имп. Николай I. Дѣйствительно, „команда“, какъ выразился очень характерно для себя имп. Николай, была не въ блестящемъ состояніи; ему не удалось, какъ онъ того хотѣлъ, передать сыну „Россію устроенной, счастливой и спокойной“. Съ одной стороны, тяжелая война съ сильными противниками, съ другой—внутренняя слабость государства, требовавшая коренныхъ реформъ; дальнѣйшіе оттяжки и палліативы были уже, очевидно, невозможны. Такимъ образомъ передъ имп. Александромъ II сразу всталъ, какъ нѣчто неотложное и неизбѣжное, цѣлый рядъ вопросовъ, отъ которыхъ послѣдовательно и неуклонно отмахивались въ предшествующія 30 лѣтъ. Судьба предназначила ему стать реформаторомъ, но подготовила ли она его къ этому въ должной степени?

Имп. Александръ II родился 17 апрѣля 1818 года въ Москвѣ, въ Кремлевскомъ Николаевскомъ дворцѣ. Онъ былъ первымъ сыномъ вел. князя Николая Павловича. Черезъ 10 дней послѣ рожденія маленькій вел. князь былъ уже назначенъ шефомъ л.-гв. Гусарскаго полка, что уже какъ бы предопредѣляло тотъ военный характеръ воспитанія, которое онъ полу-

чилъ. И дѣйствительно, первымъ его воспитателемъ (съ 1824 года) былъ капитанъ Мердеръ, ротный командиръ состоявшей въ завѣдываніи вел. князя Николая школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и бывшій одно время дежурнымъ офицеромъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ. Уже изъ этого назначенія воспитателя видно, что вел. князь Николай хотѣлъ дать своему сыну военное воспитаніе. Факты изъ жизни вел. князя Александра указываютъ, что это было дѣйствительно такъ. 6-ти лѣтъ онъ уже присутствовалъ на маневрахъ гвардейскаго корпуса (въ сопровожденіи Мердера), а любимой его забавой въ это время были военныя игры; въ седьмую годовщину своего рожденія онъ былъ произведенъ въ чинъ корнета, съ зачисленіемъ въ л.-гв. Гусарскій полкъ. Во время большого коронаціоннаго парада въ Москвѣ (30 іюля 1826 года) онъ скакалъ на флангѣ лейбъ-гусарскаго полка, затѣмъ „бойко подъѣхалъ къ императору и граціознымъ и увѣреннымъ движеніемъ остановилъ коня“ [1]). Подобныя выступленія вел. князя Александра, повторявшіяся часто и потомъ, вызвали такія строки въ дневникѣ его воспитателя Мердера: „Желалъ бы очень убѣдиться, что частыя появленія его высочества на парадахъ, видя, что изъ парада дѣлаютъ государственное дѣло, не будутъ имѣть для него дурныхъ послѣдствій. Легко можетъ ему придти мысль, что это, дѣйствительно, дѣло государственное, и онъ можетъ тому повѣрить“. Подобныя же опасенія испытывалъ другой его воспитатель В. А. Жуковскій (назначенный на эту должность въ 1826 году, черезъ 2 года послѣ назначенія Мердера); по поводу появленія своего воспитанника на московскомъ парадѣ во время коронаціи онъ писалъ императрицѣ слѣдующее: „Эпизодъ этотъ совершенно излишній въ прекрасной поэмѣ, надъ которою мы трудимся. Ради Бога, чтобы въ будущемъ не было подобныхъ сценъ... Къ тому же эти воинственныя игрушки не испортятъ ли въ немъ того, что должно быть первымъ его назначеніемъ? Долженъ ли онъ быть только воиномъ, дѣйствовать единственно въ сжатомъ горизонтѣ генерала? Когда же будутъ у насъ законодатели? Когда будутъ смотрѣть съ уваженіемъ на истинныя нужды народа, на законы, просвѣщеніе, нравственность? Государыня, простите мои восклицанія, но страсть къ военному ремеслу стѣснитъ его душу; онъ привыкнетъ видѣть въ народѣ только полкъ, въ отечествѣ—казарму...“

Но имп. Николай держался на этотъ вопросъ совсѣмъ другихъ воззрѣній. Однажды, по словамъ Мердера, онъ сказалъ ему: „Я замѣтилъ, что Александръ показываетъ вообще мало усердія къ военнымъ наукамъ. Я хочу, чтобы онъ зналъ, что я буду непреклоненъ, если замѣчу въ немъ нерадивость по этимъ предметамъ; онъ долженъ быть военный въ душѣ,

---

[1]) С. С. Татищевъ. „Имп. Александръ II“. Т. 1. Стр. 10.

безъ чего онъ будетъ потерянъ въ нашемъ вѣкѣ. Мнѣ казалось, что онъ любитъ однѣ только мелочныя подробности военнаго дѣла". На замѣчаніе Мердера по поводу послѣдней фразы, что это происходитъ отъ того, что „у насъ вообще обращаютъ болѣе вниманія на мелочи военной службы, чѣмъ на предметы истинно важные", имп. Николай отвѣтилъ сообщеніемъ черезъ нѣсколько дней плана военныхъ наукъ, которыми долженъ былъ заняться наслѣдникъ: съ 1833 года, т.-е. съ 15 лѣтъ, онъ долженъ былъ заняться изученіемъ фортификаціи и артиллеріи.

Черезъ годъ преподаваніе военныхъ наукъ было еще усилено, а преподаваніе естественной исторіи прекращено. Были и другія отступленія отъ „Плана Ученія" Жуковскаго, утвержденнаго имп. Николаемъ, и потому ко дню совершеннолѣтія въ 1834 году наслѣдникъ прошелъ слѣдующее: изъ Закона Божія—священную исторію Ветхаго и Новаго Завѣта, церковную исторію и введеніе въ катихизисъ; изъ всеобщей исторіи—древнюю и исторію среднихъ вѣковъ; изъ русской исторіи—до воцаренія дома Романовыхъ; изъ математики—ариѳметику, алгебру и начальную геометрію; изъ естественной исторіи—общее обозрѣніе природы въ ея происхожденіи и элементахъ; изъ физики—о тѣлахъ вообще и о твердыхъ тѣлахъ въ особенности, статику и динамику; изъ военныхъ наукъ—начала фортификаціи и артиллеріи.

Императоръ Александръ II.

Другой помѣхой правильному воспитанію своего питомца—кромѣ усиленнаго вовлеченія его въ военное дѣло, Жуковскій считалъ частые переѣзды съ мѣста на мѣсто, такъ какъ они не имѣли, по его словамъ, никакого

воспитательнаго и образовательнаго значенія; по мнѣнію же Жуковскаго, даже прогулки наслѣдника должны были соединяться „съ наставительною цѣлью, будучи посвящаемы осмотру общественныхъ заведеній, зданій, кабинетовъ, мануфактуръ и проч.“. Съ 1829 года по 1838 г. цесаревичъ Александръ 3 раза побывалъ за границей, преимущественно въ Берлинѣ, но большая часть времени его пребыванія тамъ посвящалась военнымъ упражненіямъ и празднествамъ, такъ какъ и жизнь Берлинскаго двора носила тотъ же военный характеръ, который господствовалъ при Петербургскомъ. Неудивительно, что военное дѣло и потомъ было для имп. Александра II однимъ изъ самыхъ любимыхъ.

Въ 1837 году вел. князь Александръ предпринялъ въ сопровожденіи Жуковскаго путешествіе по Россіи, но оно совершалось такъ быстро и съ такими короткими остановками въ главныхъ городахъ, что, по словамъ Жуковскаго, это было „чтеніемъ книги, въ которой великій князь прочтетъ пока только одно оглавленіе, дабы получить общее понятіе о ея содержаніи“. Къ тому же программа посѣщеній почти вездѣ была одна и та же: торжественный въѣздъ, парадъ, осмотръ казармъ, обѣдъ или балъ и торжественный выѣздъ.

Оба первые воспитатели вел. князя, Мердеръ и Жуковскій, безусловно имѣли значительное и благотворное вліяніе на своего воспитанника, стараясь заложить въ немъ начала гуманности, долга и справедливости; усилія ихъ были направлены на то, чтобы онъ, выражаясь словами Жуковскаго, „на чредѣ высокой не забылъ святѣйшаго изъ званій: человѣкъ!“ Но Мердеръ вслѣдствіе болѣзни долженъ былъ оставить свои обязанности въ 1833 году и уѣхать за границу (онъ умеръ тамъ въ 1834 году); Жуковскій тоже былъ при немъ не до конца его воспитанія и къ тому же не постоянно, замѣстители же того и другого въ педагогическомъ дѣлѣ были въ лучшемъ случаѣ не ниже ординара. А между тѣмъ въ характерѣ вел. князя Александра, по свидѣтельству обоихъ названныхъ воспитателей, были такія черты, которыя требовали къ себѣ самаго серьезнаго вниманія и съ которыми они постоянно боролись. Отмѣчая въ немъ здравый и живой умъ, Жуковскій находилъ въ немъ недостаточность настойчивости, постоянства и дѣятельности, Мердеръ же по этому поводу писалъ: „Великій князь, отъ природы готовый на все хорошее, одаренный щедрою рукою природы всѣми способностями необыкновенно здраваго ума, борется теперь (въ 1828 г.) со склонностью, до сихъ поръ его одолѣвавшею, которая, при встрѣчѣ малѣйшей трудности, малѣйшаго препятствія, приводила его въ нѣкоторый родъ усыпленія и бездѣйствія“. Не разъ вел. князь Александръ говорилъ Мердеру, „что онъ не желалъ бы родиться великимъ княземъ“, и тотъ въ 1829 году записалъ въ своемъ дневникѣ, что чувство долга развито въ великомъ князѣ очень сильно, но что у него недостаетъ настойчивости, чтобы побѣдить лѣность ума. На то же жаловался въ этомъ году и

Жуковскій. Повторялись такія жалобы и въ слѣдующіе годы, а въ 1831 году Мердеръ, перечисляя по требованію имп. Николая недостатки цесаревича, присоединилъ къ вышеназваннымъ еще надменность, неподатливость при исполненіи приказаній и страсть спорить, доказывающую желаніе быть всегда правымъ. „Все это, по словамъ Мердера, имѣетъ началомъ гордость“ [1]). И изъ воспоминаній воспитателей вел. князя Александра не видно, чтобы имъ удалось вполнѣ искоренить въ ихъ воспитанникѣ эти недостатки, но вотъ что писалъ о немъ Тьеръ, видѣвшій его уже въ 1870 году въ Царскомъ Селѣ: „Государь этотъ—благороднѣйшій въ мірѣ человѣкъ, прилежный къ дѣламъ, понимающій въ нихъ толкъ и исполненный откровенности и прямодушія. Онъ подтвердилъ мнѣ слова своего министра, сказавъ, что самъ войны не поведетъ, но послужитъ намъ опорой въ переговорахъ и сдѣлаетъ все отъ него зависящее, чтобы Франція принесла возможно меньшія жертвы, земельныя и денежныя. Онъ честно сдержалъ слово“.

Великая княгиня Марія Александровна. Брюллова (Музей Александра III).

Образованіе цесаревича послѣ достиженія имъ совершеннолѣтія въ 1834 году продолжалось съ перерывами еще 3 года, при чемъ въ этотъ промежутокъ времени онъ, между прочимъ, слушалъ 6 мѣсяцевъ лекціи Сперанскаго о законахъ. Весной 1837 года кругъ образованія наслѣдника, предначертанный въ „Планѣ Ученія“ Жуковскаго, былъ признанъ завершеннымъ, и потомъ лишь въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ 1838 года онъ былъ занятъ тремя высшими науками: военной, финансовой и дипломатической. Высшую стратегію и военную политику ему преподавалъ генералъ баронъ Жомини, въ кругъ вопросовъ государственнаго финансоваго управленія его ввелъ гр. Канкринъ (тогдашній министръ финансовъ а съ внѣшней политикой Россіи знакомилъ старшій совѣтникъ Министерства иностранныхъ дѣлъ, баронъ Брунновъ. На этомъ закончились ученіе наслѣдника (въ апрѣлѣ 1838 года) и его теоретическая подготовка къ будущимъ, выпавшимъ на его долю высокимъ обязанностямъ.

---

[1]) Татищевъ, назв. соч., стр. 15.

Но имп. Николай считалъ необходимымъ и практически подготовить сына къ управленію государствомъ (самъ онъ такой подготовки не имѣлъ, такъ какъ его не готовили къ занятію престола). Съ этой цѣлью цесаревичъ Александръ на 16-мъ году жизни былъ назначенъ присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ, а черезъ годъ назначенъ членомъ Синода (4 іюня 1835 года); затѣмъ въ 1841 году онъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта и финансоваго комитета, въ 1842 году—членомъ Комитета Министровъ и Кавказскаго комитета. Въ послѣдніе годы царствованія имп. Николая, онъ во время отсутствія отца замѣнялъ его, а также исполнялъ за границей разныя дипломатическія порученія. Наконецъ ему было поручено предсѣдательство въ двухъ секретныхъ комитетахъ по крестьянскому дѣлу; работа здѣсь могла бы быть особенно полезной для будущаго реформатора, но извѣстно, каковъ былъ результатъ работъ всѣхъ секретныхъ и секретнѣйшихъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу въ царствованіе имп. Николая I, и въ какомъ направленіи велась вся ихъ работа; поэтому естественно, что въ этихъ комитетахъ цесаревичъ Александръ не могъ найти ни нужныхъ ему свѣдѣній, ни полезныхъ и знающихъ людей; имп. Николай I не хотѣлъ отмѣны крѣпостного права, хотя и сознавалъ его вредъ, и сообразно съ этимъ подбирался составъ комитетовъ, которые въ силу этихъ причинъ не могли пойти далѣе несущественныхъ палліативовъ. Одинъ изъ комитетовъ, въ которомъ участвовалъ великій князь Александръ, принялъ даже прямо реакціонную мѣру—лишилъ крѣпостныхъ права выкупаться на волю при продажѣ имѣній съ аукціона. Левшинъ (товарищъ министра вн. дѣлъ при гр. Ланскомъ) въ своихъ запискахъ прямо говоритъ, что наслѣдникъ Александръ Николаевичъ при жизни своего отца былъ „защитникомъ старинныхъ дворянскихъ правъ“.

Наибольшую долю своего вниманія и труда въ бытность наслѣдникомъ цесаревичъ Александръ долженъ былъ посвящать военнымъ вопросамъ, какъ командиръ различныхъ частей (до гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ включительно), и какъ главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній. Военная служба вызывала многочисленныя поѣздки по Россіи, но всѣ онѣ сводились, главнымъ образомъ, къ смотрамъ войскъ, осмотрамъ крѣпостей и т. п., такъ что не могли дать болѣе близкаго знакомства съ государствомъ, съ народомъ, его бытомъ и нуждами.

Что же дали вел. князю Александру его воспитаніе и жизнь при отцѣ по достиженіи имъ совершеннолѣтія? Воспитаніе, веденное Мердеромъ и Жуковскимъ, дало немало благотворныхъ результатовъ. Бывшая въ цесаревичѣ чувствительность, развившаяся, вѣроятно, въ значительной степени подъ вліяніемъ Жуковскаго, съ годами перешла въ сознательную гуманность; имп. Александръ II обычно производилъ на всѣхъ очень благопріятное впечатлѣніе своей мягкостью въ обращеніи, примирительными

нотами, которыя онъ старался вносить въ житейскія отношенія (см. выше отзывъ Тьера). Уже въ 14 лѣтъ, по словамъ проф. К. И. Арсеньева, преподававшаго цесаревичу статистику и исторію Россіи, онъ „скорбѣлъ о разныхъ преградахъ къ свободному развитію новой, лучшей жизни для народа“. Во время перваго своего путешествія по Россіи онъ изъ Тобольска обратился къ имп. Николаю съ просьбой о смягченіи участи политическихъ ссыльныхъ — декабристовъ.

Затѣмъ, благодаря стараніямъ его воспитателей, въ немъ стали исчезать апатія и вялость, на которыя они неоднократно жаловались, и, если въ немъ не выработалось закаленнаго характера, способнаго противостоять разнымъ вліяніямъ, то ему во всякомъ случаѣ нельзя отказать въ наличности воли и извѣстной рѣшительности, что особенно ясно обнаружилось въ проведеніи имъ крестьянской реформы.

Знанія вел. князя Александра, данныя ему Жуковскимъ и его сотрудниками, судя по его „Плану Ученія“, не были, повидимому, обширны, и его біографы ничего не сообщаютъ о томъ, чтобы онъ потомъ самъ послѣдовательно пополнялъ ихъ, но зато они давали довольно прочный фундаментъ, сложенный по опредѣленной системѣ. Государственная дѣятельность вел. князя Александра въ бытность его наслѣдникомъ престола еще мало намъ извѣстна, но то, что мы о ней знаемъ, не позволяетъ заключить, что она дала ему хорошую практическую подготовку къ будущей преобразовательной дѣятельности. Что касается взглядовъ вел. князя Александра на различные текущіе вопросы тогдашней дѣйствительности, то и о нихъ мы знаемъ не много. Можно, однако, сказать, что онъ не обнаруживалъ (особенно послѣ 1848 года) никакихъ особыхъ либеральныхъ воззрѣній при жизни своего отца. Объясняется ли это тѣмъ, что онъ ихъ не высказывалъ, какъ не согласующіяся съ тогдашней системой управленія, или что онъ ихъ не имѣлъ, сказать теперь трудно; но во всякомъ случаѣ и въ крестьянскомъ вопросѣ, и въ отношеніи къ просвѣщенію онъ занималъ очень умѣренную позицію и не шелъ дальше своего отца; въ этомъ отношеніи характерно его письмо отъ 19 октября 1849 года къ генералу Назимову по поводу назначенія его на постъ попечителя Московскаго учебнаго округа: „Мѣсто, которое вы будете занимать,—писалъ онъ въ немъ,—весьма важно, въ особенности въ наше время, гдѣ молодежь воображаетъ, что она умнѣе всѣхъ и что все должно дѣлаться, какъ ей хочется, чему, къ несчастью, мы видимъ столько примѣровъ за границею; къ этому и г.г. профессора команда не легкая. Надзоръ за ними, и самый бдительный, необходимъ. Да внушитъ вамъ Господь Богъ силу и умѣнье исполнить новыя обязанности, на васъ возлагаемыя, съ успѣхомъ, т.-е. къ полному удовольствію государя... Перекрестясь, принимайтесь смѣло за дѣло“. Учрежденіе извѣстнаго Бутурлинскаго комптета для высшаго надзора

за духомъ и направленіемъ печатаемыхъ въ Россіи произведеній произошло повидимому, не безъ непосредственнаго участія вел. князя Александра; а этимъ комитетомъ, по иниціативѣ предсѣдателя его Д. П. Бутурлина, проектировалось даже цензурованіе Акаѳиста Покрову Богородицы съ цѣлью исключенія изъ него въ ряду другихъ и стиха такого содержанія: „Радуйся, незримое укрощеніе владыкъ жестокихъ и звѣронравныхъ“. Съ другой стороны, въ бытность наслѣдникомъ онъ отказался однажды передать имп. Николаю проектъ подготовительныхъ мѣръ къ отмѣнѣ крѣпостного права.

Немудрено поэтому, что вступленіе на престолъ имп. Александра II внушало консервативной партіи, близкой ко двору, самыя радужныя надежды, либералы же считали, что ни на какое движеніе впередъ, напримѣръ, въ крестьянскомъ вопросѣ, теперь разсчитывать не приходится, хотя однѣми изъ первыхъ его мѣръ были отмѣна Бутурлинскаго комитета, возстановленіе свободнаго выѣзда за границу и отмѣна ограниченій, установленныхъ для университетовъ послѣ 1848 года, что въ широкихъ кругахъ общества сразу создало имп. Александру II ореолъ либеральнаго правителя.

Не могли воздѣйствовать въ либеральномъ направленіи на вел. князя Александра и родственныя связи за границей, такъ какъ ни прусскій король, ни другіе нѣмецкіе родственники сами не были либералами, и система имп. Николая I была и ихъ системой. Поэтому пребываніе за границей, сводившееся къ тому же обычно, какъ и поѣздки по Россіи, къ парадамъ и маневрамъ, и бесѣды съ нѣмецкими государями и принцами могли только поддерживать тѣ охранительныя начала, которыя господствовали при Петербургскомъ дворѣ и въ которыхъ росъ и воспитывался вел. князь Александръ.

Придворная среда, окружавшая его, будучи подобрана имп. Николаемъ, тоже, естественно, не заключала въ себѣ либеральныхъ элементовъ. Къ либераламъ не могутъ быть причислены и Мердеръ съ Жуковскимъ. Послѣдній, напримѣръ, въ письмахъ 1848 г. къ наслѣднику Александру Николаевичу, упорно твердилъ о самобытныхъ русскихъ началахъ, говоря въ одномъ изъ нихъ: „Для меня теперь стало еще яснѣе, что ходъ Россіи не есть ходъ Европы, а долженъ быть ея собственный“. Въ одномъ письмѣ 1850 г. онъ защищалъ смертную казнь, возставая только противъ ея публичнаго совершенія. Защита „самобытныхъ началъ“ переходила часто у него въ апологію существующаго строя 1830—50-хъ годовъ. Только гр. Киселевъ представлялъ въ этомъ отношеніи исключеніе, такъ какъ обладалъ болѣе прогрессивными убѣжденіями, чѣмъ другіе министры имп. Николая I. И, дѣйствительно, уже ставъ императоромъ, Александръ II могъ сказать, приступая къ разрѣшенію крестьянскаго вопроса, что около него не было людей, которые сочувствовали бы этому дѣлу и могли бы быть надежными и убѣжденными помощниками

Это еще болѣе увеличиваетъ заслугу имп. Александра II въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Вся его предшествовавшая жизнь и дѣятельность не подготовили его къ реформаторской дѣятельности; предыдущее 30-лѣтнее царствованіе не приготовило для этого ни людей, ни средствъ; наоборотъ, къ людямъ опредѣленно прогрессивнымъ и рѣшительнымъ въ родѣ Н. А. Милютина и ко всякому широкому общественному движенію оно воспитало въ немъ какое-то инстинктивное недовѣріе,—и, тѣмъ не менѣе, реформа была начата сейчасъ же по заключеніи Парижскаго мира 1856 года. „Крестьянскій вопросъ,—сказалъ имп. Александръ лѣтомъ 1857 года гр. Киселеву,—меня постоянно занимаетъ. Надо довести его до конца. Я болѣе чѣмъ когда-либо рѣшился и никого не имѣю, кто помогъ бы мнѣ въ этомъ важномъ и неотложномъ дѣлѣ“. Реформа шла не во всемъ такъ, какъ этого требовали интересы крестьянства; имп. Александръ II, считаясь съ упорной и вполнѣ опредѣленной оппозиціей дворянства, на что онъ неоднократно жаловался въ рѣчахъ, обращенныхъ къ самому дворянству, дѣлалъ уступки въ интересахъ этого сословія—такъ, напр., онъ утвердилъ уменьшеніе предѣльныхъ размѣровъ надѣла и введеніе дворового надѣла, установленныя крѣпостническимъ большинствомъ Государственнаго Совѣта; правительство приступило къ дѣлу реформы безъ опредѣленнаго плана и въ самомъ ходѣ работъ вырабатывало свою точку зрѣнія,—но, несмотря на все это, инициатива въ этомъ дѣлѣ, рѣшимость довести его до необходимаго конца, постоянное участіе въ немъ, выражавшееся въ опредѣленныхъ и рѣшительныхъ выступленіяхъ въ нужные моменты,—остается за имп. Александромъ II. Признавъ въ силу условій момента, что „лучше начать уничтожать крѣпостное право сверху, нежели дождаться того времени, когда оно начнетъ само собой уничтожаться снизу“, онъ осуществилъ это намѣреніе, выступая время отъ времени съ направляющимъ словомъ.

Императрица Марія Александровна.

Однако, потомъ онъ не сумѣлъ настоять на послѣдовательномъ проведеніи реформы въ жизнь. „Онъ (Государь),—писалъ Н. А. Милютинъ кн. Черкасскому,—искренно желаетъ, какъ по всему видно, добросовѣстнаго введенія реформы; она, т.-е. дворня, хотя и привыкла ставить вопросъ личнаго вліянія выше всѣхъ другихъ, но на этотъ разъ хранитъ, очевидно, затаенную надежду передѣлать то, что сдѣлано, на свой ладъ. Кто выйдетъ побѣдителемъ?“ Исторія царствованія имп. Александра II показываетъ, что побѣди-

телемъ очень часто выходила она, т.-е. дворня по терминологіи Милютина. Мало подготовленный къ гласному, общественному разрѣшенію вопросовъ государственной важности, имп. Александръ II, тѣмъ не менѣе, вступилъ на этотъ путь. Тутъ были колебанія и отступленія—первоначально для разсмотрѣнія крестьянскаго вопроса былъ созданъ традиціонный секретный комитетъ; рескриптъ на имя ген.-губ. Назимова не велѣно было первоначально обнародывать, и т. п., но, тѣмъ не менѣе, проведеніе крестьянской реформы было первымъ случаемъ послѣ Екатерининской комиссіи 1767 года, когда общество, хотя и не во всемъ его объемѣ, было привлечено къ разрѣшенію важнѣйшаго соціальнаго вопроса. Если позиція правительства при этомъ не была выдержана до конца, то это не только свидѣтельство недостатка воли и твердости, но и доказательство другого: имп. Александръ II былъ чуждъ доктринерства, и не держался разъ принятой точки зрѣнія во что бы то ни стало и чего бы это ни стоило; его участіе въ ходѣ крестьянской реформы показываетъ, что онъ, не вмѣшиваясь активно въ борьбу мнѣній, разгорѣвшуюся вокругъ этого вопроса, стремился быть объективнымъ посредникомъ, старался найти ту равнодѣйствующую, которая примирила бы интересы помѣщиковъ и крестьянъ; и если онъ не всегда ее находилъ или находилъ не тамъ, гдѣ это слѣдовало, то нельзя отрицать того, что онъ ея искалъ.

Въ своей рѣчи 28 января 1861 года, обращенной къ членамъ Государственнаго Совѣта, имп. Александръ II, между прочимъ, сказалъ: „Взгляды на представленную работу могутъ быть различны. Поэтому всѣ различныя мнѣнія я выслушаю охотно, но я въ правѣ требовать отъ васъ одного: чтобы вы, отложивъ всѣ личные интересы, дѣйствовали не какъ помѣщики, а какъ государственные сановники, облеченные моимъ довѣріемъ“. По поводу отношенія имп. Александра къ преніямъ въ Главномъ комитетѣ одинъ хорошо освѣдомленный современникъ писалъ: „Императоръ остается безмолвнымъ и безстрастнымъ и не позволяетъ догадываться, которому изъ различныхъ мнѣній Его Величество симпатизируетъ. Вообще нужно сказать, что веденіе Императоромъ всего этого дѣла дѣлаетъ ему величайшую честь“. Опасность при проведеніи реформы могла быть двоякая: можно было создать революцію и справа — со стороны дворянства, и слѣва — со стороны крестьянства. Указывалось не разъ, что онъ особенное недовѣріе чувствовалъ къ крестьянству (къ этому должны были его пріучить весь режимъ царствованія его отца и многочисленные крестьянскіе бунты этого царствованія), но не меньшее недовѣріе, и по вполнѣ основательнымъ причинамъ, онъ чувствовалъ къ дворянству [1]); онъ немало потратилъ труда, чтобы убѣдить дворянство

---

[1]) Не случайно, повидимому, послѣдними словами Я. И. Ростовцова къ имп. Александру II были: „Государь! Не бойтесь!“

въ неизбѣжности реформы и не напрасно старался изобразить дѣло такъ, какъ будто оно само и добровольно содѣйствовало отмѣнѣ крѣпостного права—этимъ онъ лишалъ его права на оппозицію.

Сдѣлавъ первый шагъ, на который не рѣшался его отецъ, имп. Александръ II сдѣлалъ и слѣдующіе, вытекавшіе изъ него: реформа 1861 года повлекла за собой цѣлый рядъ другихъ реформъ, кореннымъ образомъ измѣнившихъ и во многомъ улучшившихъ русскую жизнь. Не все и тутъ съ принципіальной точки зрѣнія было выдержано, но многое изъ того, что было сдѣлано тогда, и сейчасъ еще является (послѣ реакціи 80-хъ — 90-хъ годовъ) далеко не вполнѣ достигнутымъ. У насъ очень мало данныхъ для того, чтобы судить о роли имп. Александра II въ проведеніи реформъ, послѣдовавшихъ за отмѣной крѣпостного права — его роль въ этой реформѣ выяснена значительно полнѣе, но можно сказать, что и тутъ онъ искалъ равнодѣйствующей различныхъ мнѣній и взглядовъ. Такую же позицію онъ занималъ и во время русско-турецкой войны 1877—78 г.г., прибывъ къ дѣйствующей арміи и единолично не вмѣшиваясь въ распоряженія командующихъ лицъ. По словамъ С. П. Боткина, онъ „держалъ себя безукоризненно, не вмѣшиваясь иначе, какъ добрымъ совѣтомъ“.

Г. П. Павскій.

Но отсутствіе необходимой послѣдовательности и твердости имп. Александръ II обнаружилъ и въ вопросѣ объ установленіи въ Россіи представительнаго образа правленія. Въ 1863 году по его повелѣнію особое совѣщаніе разсматривало Валуевскій проектъ новаго учрежденія Государственнаго Совѣта съ выборными гласными, а въ августѣ этого года онъ, по словамъ Леруа Болье, говорилъ Н. А. Милютину, что не имѣетъ отвращенія къ представительному правленію, но что только не можетъ дать его полякамъ, которые бунтуютъ, не давая его вѣрноподданнымъ русскимъ, а этихъ онъ еще не считаетъ зрѣлыми для конституціи. Когда же московское дворянство 11 января 1865 года составило очень умѣренный адресъ (большинствомъ 270 противъ 36 голосовъ), въ которомъ просило „довершить государственное зданіе созваніемъ общаго собранія выборныхъ людей отъ земли русской, для обсужденія нуждъ, общихъ всему государству“, а также „второго собранія изъ представителей одного дворянскаго сословія“, то государь отвѣтилъ на это отказомъ въ рескриптѣ на имя министра внутреннихъ дѣлъ, при чемъ,

хотя рескриптъ былъ составленъ въ очень спокойномъ тонѣ, но съ указаніемъ, что не дѣло дворянства касаться такихъ вопросовъ. Но вотъ что говорилъ имп. Александръ по поводу этого адреса нѣсколько мѣсяцевъ спустя звенигородскому предводителю дворянства Голохвастову, энергично стоявшему за этотъ адресъ въ московскомъ дворянскомъ собраніи. „Что значила вся эта выходка? — сказалъ государь. — Чего вы хотѣли? Конституціоннаго образа правленія?“ Получивъ отъ Голохвастова утвердительный отвѣтъ, государь продолжалъ: „И теперь вы, конечно, увѣрены, что я изъ мелочного тщеславія не хочу поступиться своими правами! Я даю тебѣ слово, что сейчасъ, на этомъ столѣ, я готовъ подписать какую угодно конституцію, еслибы я былъ убѣжденъ, что это полезно для Россіи. Но я знаю, что сдѣлай я это сегодня, и завтра Россія распадется на куски. А вѣдь этого и вы не хотите. Еще въ прошломъ году вы сами и прежде всѣхъ мнѣ это сказали“. (Государь имѣлъ тутъ въ виду адресъ московскаго дворянства по поводу польскаго возстанія.) Этотъ разговоръ происходилъ въ 1865 году, а въ послѣдующіе годы всякое стремленіе земствъ къ объединенію, отъ котораго еще далеко было до конституціи, встрѣчало непреодолимыя затрудненія. Тѣмъ не менѣе, въ началѣ 1881 года имп. Александръ II утвердилъ извѣстный „проектъ“ гр. Лорисъ-Меликова; конечно, „проектъ“ Лорисъ-Меликова не былъ еще конституціей, но онъ былъ шагомъ къ ней, за которымъ неизбѣжно должны были послѣдовать другіе, чего не могъ, разумѣется, не учитывать имп. Александръ II. Шагъ этотъ онъ сдѣлалъ въ силу тѣхъ или другихъ причинъ и такимъ образомъ сошелъ, повидимому, съ той позиціи, на которой стоялъ въ 1863—65 годахъ. Въ этомъ отношеніи онъ является противоположностью своему отцу, который доктринерски держался разъ принятаго пути. Отъ многаго пришлось отвыкнуть имп. Александру II изъ того, что онъ усвоилъ при своемъ отцѣ. Жизнь брала свое, и онъ пошелъ навстрѣчу ей, хотя и не вполнѣ увѣреннымъ шагомъ. Имп. Александръ II понялъ тотъ историческій моментъ, въ который ему приходилось дѣйствовать, и своими преобразованіями сдѣлалъ болѣе безболѣзненнымъ переходъ Россіи отъ старыхъ формъ жизни къ новымъ.

К. Сивковъ.

Общественное движеніе въ царствованіе Александра II.

Царствованіе императора Александра II въ цѣломъ было временемъ реформъ и всесторонняго роста и развитія страны, особенно разительныхъ въ сравненіи съ застоемъ предыдущаго царствованія. Реформы завершали собою давній процессъ постепеннаго раскрѣпощенія сословій и личности гражданъ отъ государства. Соціальный сдвигъ, произведенный крестьянскимъ освобожденіемъ и другими преобразованіями, вызвалъ наружу небывалый подъемъ производительныхъ силъ страны. Всесторонне разрослись и народно-образовательныя средства. Возникли два новыхъ университета и другія высшія учебныя заведенія; создано среднее образованіе женщинъ и положено начало высшему ихъ образованію; земствами создана народная начальная школа. Земства и преобразованные города являются новою школою общественности. Вслѣдствіе всего этого небывало растетъ вниманіе всѣхъ общественныхъ круговъ къ совершающимся въ странѣ преобразованіямъ, къ ея новымъ нарождающимся и развивающимся потребностямъ. Ростъ печати, общей и спеціальной, столичной и провинціальной, въ свою очередь, расширяетъ и углубляетъ это вниманіе общества къ жизни родины. Такъ создана была почва для разнообразнаго и широкаго общественнаго оживленія и подъема. Но вслѣдствіе ряда причинъ, преимущественно вслѣдствіе уста-

рѣлой организаціи государства, неспособной ужиться съ новыми вѣяніями и условіями, естественное развитіе общественныхъ интересовъ превратилось въ оппозиціонное освободительное и революціонное движенія.

I.

Послѣ достаточно угрюмаго, пугающаго, жесткаго тона всего предыдущаго царствованія, новое легко могло привлечь сердца и упрочить симпатіи къ представителю верховной власти. Признаки, что наступилъ поворотъ, что предстоятъ важныя событія и реформы, были несомнѣнны. Быстро расцвѣтаютъ самыя радужныя надежды, и выразитель ихъ К. Д. Кавелинъ уже въ январѣ 1856 г. пишетъ: „Здѣсь, въ Петербургѣ, общественное мнѣніе расправляетъ все болѣе и болѣе крылья. Нельзя и узнать больше этого каравань-сарая солдатизма, палокъ и невѣжества“.

Первые два-три года новаго царствованія могутъ быть названы медовымъ мѣсяцемъ зарождающагося общественнаго мнѣнія. Въ печати, въ беллетристикѣ и стихахъ, въ разговорахъ и письмахъ выдающихся людей улавливается совершенно общее чувство увѣренности въ предстоящемъ обновленіи. Энтузіазмъ былъ созданъ простымъ ослабленіемъ узды, лежавшей на печати и на всѣхъ проявленіяхъ общественности: реальныхъ признаковъ обновленія собственно еще и не было.

Возникаютъ, однако, новые журналы („Русскій Вѣстникъ“ и друг.) и оживаютъ прежніе: „Современникъ“ и „Отечественныя Записки“. Размножается „обличительная“ литература и пр. Зарубежныя „изданія“ Герцена, его „Полярная звѣзда“ и съ половины 1857 г. „Колоколъ“, получаютъ распространеніе и вѣсъ. Требованія Герцена въ этотъ моментъ — освобожденіе крестьянъ, уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній, просторъ печатному слову — являются объединяющимъ лозунгомъ. Чрезъ изданія Герцена опредѣленно высказывался теперь западническій либерализмъ сороковыхъ годовъ. Въ то же время возникаетъ и распространяется литература „записокъ“, въ которой высказываются и славянофилы (К. Аксаковъ, Кошелевъ), и въ ближайшей практической программѣ дня западники и славянофилы сходятся.

Наибольшей интенсивности упомянутый энтузіазмъ достигаетъ послѣ опубликованія извѣстныхъ рескриптовъ 20 ноября 1857 г., которыми предстоящее освобожденіе крестьянъ было поставлено гласно на очередь дня.

Представители литературы и общественности сливаютъ свои голоса въ дружномъ хвалебномъ хорѣ Освободителю. Прошумѣлъ въ Москвѣ банкетъ дѣятелей литературы. Извѣстенъ свѣтлый гимнъ Ивана Аксакова „На новый 1858 годъ“: „День встаетъ багрянъ и пышенъ“. Знаменитую статью Герцена „Черезъ три года“, начинающуюся словами: „Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!“ со слезами на глазахъ читаетъ молодое поколѣніе (Крапоткинъ).

Наиболѣе лѣвый изъ журналовъ, „Современникъ“, въ лицѣ Некрасова и Чернышевскаго, горячо привѣтствуетъ Александра II. Радикалъ Чернышевскій неоднократно подчеркиваетъ стремленія правительства къ прогрессу и необходимость объединенія всѣхъ благомыслящихъ людей и вопросъ о политической реформѣ находитъ преждевременнымъ. Въ статьѣ о рескриптахъ Чернышевскій говорилъ, напр.: „благословеніе, обѣщанное миротворцамъ и кроткимъ, увѣнчаетъ Александра II счастьемъ, какимъ не былъ увѣнчанъ еще никто изъ государей Европы, — счастьемъ одному начать и совершить освобожденіе своихъ подданныхъ“.

Но уже въ декабрьской книжкѣ журнала за тотъ же 1858 г. Чернышевскій напечаталъ прозрачное покаяніе въ своемъ увлеченіи. Онъ съ досадою и стыдомъ за свою „глупость“ изображаетъ себя въ положеніи человѣка, обрадовавшагося, что дорогихъ ему людей угощаютъ отличнымъ обѣдомъ, и вдругъ узнавшаго, что обѣдъ достанется имъ очень солоно: „Какъ я былъ глупъ, что хлопоталъ о дѣлѣ, для котораго не обезпечены всѣ условія!..—восклицаетъ онъ.—Лучше пропадай вся эта провизія, которая приноситъ только вредъ любимому мною человѣку, лучше пропадай все дѣло, приносящее вамъ только разореніе“. „Современникъ“, въ лицѣ Добролюбова, желчно преслѣдуетъ теперь либеральную легкомысленную фразу: „Въ настоящее время, когда“... Крайнее выраженіе либеральнаго общественнаго мнѣнія уже теперь ставитъ вопросъ о политической реформѣ, какъ необходимой гарантіи успѣшнаго хода реформъ; только эта гарантія обезпечитъ ихъ общій планъ, послѣдовательное проведеніе и соотвѣтствіе нуждамъ народа и общественному мнѣнію.

Этотъ поворотъ въ настроеніи крайней лѣвой общественнаго мнѣнія былъ созданъ всѣми обстоятельствами того года. Наиболѣе льготное для крестьянъ освобожденіе съ землею, а, слѣдовательно, и созданіе новыхъ общественныхъ условій для развитія страны могли быть проведены лишь съ чрезвычайными треніями, подрывавшими и суживавшими значеніе реформъ. До самаго момента подписанія акта 19 февраля шла неутомимая и неугомонная, болѣе или менѣе потаенная, но дѣйствительная борьба интригъ и вліяній противъ реформы. Уже съ этого момента Александра II систематически пугаютъ призракомъ революціи и страхами конституціи. Все это отражается въ обществѣ неувѣренностью и сомнѣніями въ искренности правительства Александра II.

На основаніи рѣчи государя въ г. Твери во время объѣзда губерній, ожидали, что депутатамъ дворянства будетъ дано широкое право участія въ работѣ Главнаго комитета по крестьянскому дѣлу. Но они были допущены лишь въ качествѣ экспертовъ, отвѣчающихъ на задаваемые имъ вопросы, и въ однѣ только редакціонныя комиссіи. Противники освобожденія, консервативно настроенные, были въ числѣ депутатовъ перваго призыва въ меньшин-

ствѣ, но и консерваторы и прогрессисты возбудили гнѣвъ верховной власти. Первые своими записками (Шидловскій и Безобразовъ) вызвали подозрѣніе въ стремленіи высшаго дворянства къ олигархіи; адресъ же пяти либеральныхъ депутатовъ, съ Унковскимъ во главѣ, былъ названъ государемъ въ письмѣ Ростовцеву „ни съ чѣмъ несообразнымъ и дерзкимъ до крайности“, и подписавшіе его получили выговоры черезъ губернаторовъ.

Между тѣмъ здѣсь были высказаны впервые основныя черты того широкаго, позднѣе все крѣпнувшаго земско-дворянскаго либерализма, на который правительству былъ бы прямой расчетъ опереться въ своихъ преобразовательныхъ намѣреніяхъ. Этотъ весьма умѣренный либерализмъ справедливо считалъ, что развитіе государственной жизни должно быть поставлено во всякомъ случаѣ (съ чѣмъ соглашалась даже и крѣпостнически настроенная часть дворянства) внѣ случайныхъ настроеній бюрократіи, и безъ того безмѣрно сильной, а теперь, съ ослабленіемъ помѣстнаго значенія дворянства, получающей новое усиленіе. Адресъ говорилъ, что отечеству предстоятъ два пути: „Одинъ мирный и правомѣрный; другой путь — насилій, борьбы и печальныхъ послѣдствій“; указывалъ на необходимость реорганизаціи администраціи, полиціи и суда и всеподданнѣйше просилъ „даровать крестьянамъ полную свободу съ надѣленіемъ ихъ землей въ собственность посредствомъ немедленнаго выкупа и образовать хозяйственно-распорядительное управленіе, общее для всѣхъ сословій, основанное на выборномъ началѣ“; къ этому присоединялись пожеланія о преобразованіи суда, съ введеніемъ присяжныхъ, и о полномъ просторѣ „печатной гласности“.

Судьба адреса и отношеніе правительства къ депутатамъ вызвали въ широкихъ слояхъ наиболѣе передового дворянства ясное оппозиціонное настроеніе.

Въ концѣ 1859 года и началѣ 1860 года, вопреки предупредительному циркуляру предводителямъ, въ дворянскихъ собраніяхъ говорились болѣе или менѣе яркія рѣчи и принимались резолюціи и адреса, показавшіе расхожденіе наиболѣе просвѣщенной части дворянства съ правительствомъ, не желающимъ слышать голоса страны и сословій въ непосредственно ихъ касающемся дѣлѣ. Особенно шумно было тверское собраніе съ тѣмъ же Унковскимъ во главѣ. Здѣсь впервые вслухъ было заявлено Европеусомъ („петрашевцемъ“), что „пользованіе правами не есть исключительная привилегія одного сословія, но исполненіе обязанности“ въ отношеніи общества, и что если дворянство въ данный моментъ одно можетъ протестовать противъ произвола бюрократіи, то оно и обязано это сдѣлать; съ этимъ согласилось и собраніе, протестовавшее на имя государя противъ лишенія его циркуляромъ права голоса въ собственномъ дѣлѣ. Тверской инцидентъ вызвалъ кары для Унковскаго, Европеуса и Головачева. Но одновременно аналогичные инциденты разыгрались въ дворянскихъ собраніяхъ въ Рязани,

Императоръ Александръ II.

Νικηφόρου Λαζικοῦ Η΄.

БИБЛІОТЕКА СЛУЖАЩИХЪ
Управ... ж. д.
...17.

Орлѣ, Владимирѣ, Вологдѣ, Ярославлѣ и пр. „Ссылка Унковскаго и Европеуса была огромная политическая ошибка, нанесшая нынѣшнему царствованію неисчислимый вредъ“, писалъ объ этомъ вскорѣ собиратель матеріаловъ по исторіи реформы, сенаторъ Хрущовъ. Это было, дѣйствительно, такъ, потому что тогдашнее настроеніе этой части общества вовсе не касалось еще принципа неограниченности самодержавія, и, какъ видимъ, оно вовсе не было только крѣпостнической фрондой, какъ полагало правительство, смѣшивая воедино всѣ оттѣнки самостоятельно подымаемыхъ голосовъ. Особенно характерны по своему благородному, независимому тону и въ то же время по настоящему государственному пониманію момента, кромѣ шаговъ тверского дворянства, заявленія владимирскаго. Здѣсь высказаны та же боязнь преобладающаго, все захватывающаго вліянія ничѣмъ не ограниченной бюрократіи (рѣчь П. С. Безобразова), готовность отказаться отъ сословныхъ правъ и преимуществъ, дабы, не касаясь правъ самодержавія, получить „одно общее со всѣми сословіями назначеніе свободныхъ гражданъ“ (рѣчь Протопопова) и пожеланія— строгаго раздѣленія властей, общаго управленія для всѣхъ сословій, введенія всесословнаго земства, преобразованія полиціи, суда, отвѣтственности должностныхъ лицъ и пр.

Императоръ Александръ II.

Между тѣмъ скончавшагося Ростовцева смѣнилъ въ качествѣ предсѣдателя редакціонныхъ комиссій Панинъ, и работа редакціонныхъ комиссій подверглась болѣе или менѣе существеннымъ и несчастнымъ искаженіямъ. При полной неосвѣдомленности общества реформа прошла свои послѣднія стадіи, вызывая глухое тревожное ожиданіе самыхъ тягостныхъ событій.

Когда, наконецъ, 5 марта было опубликовано Положеніе 19 февраля 1861 года, результатъ самоотверженной работы лучшихъ дѣятелей редакціонныхъ комиссій, но также и тяжелаго, уродующаго давленія реакціонно-настроенныхъ сановно-бюрократическихъ высшихъ сферъ, этотъ величайшій

законодательный актъ русской исторіи XIX вѣка былъ встрѣченъ невольнымъ молчаніемъ печати, тупымъ страхомъ крѣпостниковъ предъ невѣдомыми ожидаемыми грозами и подозрительнымъ недовѣрчивымъ вниманіемъ, казавшимся особо загадочнымъ, народныхъ массъ. Немногіе современники встрѣтили радостно этотъ день, какъ своего рода „Нынѣ отпущаеши“. Въ числѣ ихъ Герценъ первый привѣтствовалъ Александра II именемъ Царя-Освободителя, но „Колоколъ“ вскорѣ занялся безпощаднымъ критическимъ разборомъ Положенія 19 февраля. Обвиненія „Колокола“ (№ 96, 1861 г.) сводились къ положеніямъ: „Старое крѣпостное право замѣнено новымъ. Вообще крѣпостное право не отмѣнено. Народъ... обманутъ“. Того одушевленія, съ какимъ общество и печать праздновали конецъ 1857 и начало 1858 года, въ 1861 году не оставалось уже и слѣда. Разрывъ правительства не только съ широкими кругами общественнаго мнѣнія, но и съ умѣренной оппозиціею наиболѣе вліятельнаго общественнаго класса былъ совершенно явенъ.

II.

Печать цензурнымъ гнетомъ была теперь оттолкнута въ область общихъ вопросовъ, чистой теоріи, въ сферу отвлеченной мысли объ обществѣ. Благодаря этому въ широкихъ кругахъ быстро пріобрѣли вѣсъ и популярность публицисты, ставившіе вопросы жизни наиболѣе обще и рѣзко. Корифеями молодежи становятся Добролюбовъ и Чернышевскій съ ихъ враждою къ дворянскому либерализму и старому барству, и нѣсколько позднѣе Писаревъ.

Характеръ новыхъ общественныхъ настроеній опредѣлялся существеннымъ образомъ измѣненіемъ состава русской интеллигенціи. Она стала въ эти годы окончательно всесословною, въ противоположность недавнему преобладанію въ составѣ ея дворянскаго сословія. Какъ извѣстно, „пришелъ разночинецъ“, и въ общихъ чертахъ знаменитый расколъ между отцами и дѣтьми былъ расколомъ дворянской и разночинной интеллигенціи. Среди послѣдней революціонный Базаровскій типъ интеллигентнаго пролетарія, „мыслящаго реалиста“, былъ признанъ (Писаревымъ) отнюдь не карикатурою новаго молодого поколѣнія, а ея положительнымъ идеаломъ, и получилъ дѣйствительно широкое распространеніе. Къ этой новой интеллигенціи, къ образованному обществу и къ его наиболѣе подвижной части, къ молодому учащемуся поколѣнію, и обращены въ первую голову и радикальная проповѣдь журналистики, и первая агитаціонная литература.

Эта первичная подпольная агитація исходила отъ весьма немногочисленнаго круга революціонно настроенныхъ умовъ. Изъ нихъ первое мѣсто всѣми приписывалось (насколько основательно, доселѣ спорно) Чернышевскому, замѣнившему въ симпатіяхъ молодежи Герцена.

Общественное возбужденіе той поры называли „воздушной революціей“. Оно, дѣйствительно, было не глубоко, но объ углубленіи его и расширеніи позаботилась наступившая теперь реакція, когда реформы совершались какъ бы по инерціи первоначальнаго порыва, все слабѣвшаго. Возбужденіе обусловливалось преувеличенными представленіями о томъ, что реформа принята народомъ враждебно. Это мнѣніе поддерживали такіе факты, какъ извѣстные безпорядки въ Безднѣ, Казанской губерніи. Съ 1863 года, когда должны были кончиться временно-обязательныя отношенія, ожидали широкаго народнаго движенія. Эту иллюзію не только питала заграничная агитаціонная литература (въ агитаціонный органъ превратился теперь и „Колоколъ“ Герцена), но ее раздѣляли и довольно, казалось бы, проницательные умы, напримѣръ, Чернышевскій. Между тѣмъ „земля приняла Положеніе“, по выраженію Тургенева. Но плохо освѣдомленная о дѣйствительномъ настроеніи массъ столичная радикальная интеллигенція охотно принимала желаемое за дѣйствительное и торопилась намѣтить будущую роль образованнаго общества, въ особенности молодого поколѣнія.

Первыя прокламаціи этой эпохи, воззванія „Великорусса“, весьма сдержанны и довольно умѣренны въ выраженіяхъ. Онѣ показываютъ, съ одной стороны, преувеличенное мнѣніе о значеніи для правительства общественнаго мнѣнія, съ другой стороны, свидѣтельствуютъ о серьезномъ сознаніи авторами воззваній взятой на себя отвѣтственности. „Надобно образованнымъ классамъ взять въ свои руки веденіе дѣлъ изъ рукъ неспособнаго правительства“, говорилось въ первомъ номерѣ первой подпольной въ Россіи напечатанной прокламаціи; здѣсь выдвигался проектъ адреса государю съ ходатайствомъ о созывѣ представителей русской націи, чтобы они составили конституцію для Россіи (одновременно предполагался и созывъ представителей польской націи въ Варшавѣ), высказывалась мысль о повсемѣстномъ образованіи комитетовъ для всеобщей подачи заявленій о созывѣ представителей и, въ концѣ-концовъ, въ качествѣ крайняго средства, указывалось обращеніе „патріотовъ“ къ народу, съ которымъ „будемъ говорить уже не такимъ языкомъ, не о такихъ вещахъ“.

Высказанную „Великоруссомъ“ мысль о созывѣ народныхъ представителей въ началѣ 1862 года повторилъ всеподданнѣйшій адресъ тверского дворянства. Этотъ замѣчательный адресъ указывалъ на крайнюю опасность временно-обязанныхъ отношеній; признавалъ кровнымъ грѣхомъ „жить и пользоваться благами общественнаго порядка на счетъ другихъ сословій“; просилъ переложить и на дворянство часть государственныхъ податей и повинностей, „соотвѣтственно состоянію каждаго“; объявлялъ беззаконіемъ исключительное право дворянства „поставлять людей для управленія народомъ“ и просилъ распространить его на всѣ сословія; всеобщій разладъ выставлялся „лучшимъ доказательствомъ, что преобразованія, требующіяся

нынѣ крайнею необходимостью, не могутъ быть совершены бюрократическимъ порядкомъ. Мы увѣрены, что всѣ преобразованія остаются безуспѣшными потому, что предпринимаются безъ спроса воли народа. Созваніе выборныхъ всей земли русской представляетъ единственное средство къ удовлетворительному разрѣшенію вопросовъ, возбужденныхъ, но не разрѣшенныхъ Положеніемъ 19 февраля". Адресъ, подписанный 112 лицами, сопровождался также протоколомъ, въ которомъ дворянство выразило пожеланія относительно введенія независимаго гласнаго суда, установленія гласности во всѣхъ отрасляхъ государственнаго и общественнаго управленія и категорически высказалось за необходимость „собранія выборныхъ отъ всего народа безъ различія сословій" въ интересахъ созданія „свободныхъ учрежденій". Адресъ и заявленіе нѣсколькихъ тверскихъ мировыхъ посредниковъ о томъ, что они не могутъ дѣйствовать въ духѣ Положенія 19 февраля, не имѣли дальнѣйшихъ послѣдствій, кромѣ гоненій противъ ряда лицъ. Съ теченіемъ времени такого рода голоса становятся все рѣже, открывая дорогу все болѣе и болѣе не сдержаннымъ голосамъ безотвѣтственной подпольной агитаціи.

Затихавшее адресное движеніе послѣднимъ отголоскомъ своимъ имѣло въ 1865 году подачу адреса московскимъ дворянскимъ собраніемъ. Этотъ адресъ былъ отчасти выраженіемъ политической тенденціи реакціоннаго дворянскаго меньшинства, желавшаго въ олигархическихъ правахъ дворянства найти себѣ компенсацію за уничтоженіе крѣпостного права. „Призванному Вами, Государь, къ новой жизни земству, при полномъ его развитіи, суждено навѣки упрочить основу и крѣпость Россіи, — говорилось въ адресѣ. — Довершите же, Государь, основанное Вами государственное зданіе созваніемъ общаго собранія выборныхъ людей отъ земли русской для обсужденія нуждъ, общихъ всему государству. Повелите Вашему вѣрному дворянству съ этою же цѣлію избрать изъ среды своей лучшихъ людей", и далѣе неопредѣленно намекалось, что дворянство, бывшее всегда твердою опорою престола, наиболѣе пригодно для осуществленія новыхъ началъ. Въ отвѣтъ на это рескриптъ на имя Валуева категорически опредѣлилъ, что верховная власть впредь не желаетъ слышать никакихъ подобныхъ заявленій: „Никто не призванъ принимать на себя, передъ Мною, ходатайство объ общихъ пользахъ и нуждахъ государства", говорилось въ этомъ рескриптѣ, положившемъ тогда конецъ всѣмъ конституціоннымъ заявленіямъ общественныхъ организацій.

Между тѣмъ сдержанныя прокламаціи „Великорусса" были быстро опережены, что касается увѣренности въ близкой кровавой борьбѣ съ правительствомъ, воззваніемъ Михайлова и Шелгунова „Къ молодому поколѣнію". Оно скептически относилось ко всякимъ надеждамъ на образованное общество и переносило ихъ на молодежь. Въ смыслѣ рѣзкости и рѣшительности

тона въ особенности далеко пошла одинокая прокламація „молодой Россіи“; вышедшая изъ маленькаго кружка молодежи съ Зайчневскимъ во главѣ. прокламація эта обращалась къ массамъ, но до нихъ, конечно, не дошла, и заключалась призывомъ .въ. честь соціальной республики, имѣя лозунгомъ просто избіеніе „императорской партіи“. Это было смутное и неопредѣленное время, періодъ студенческихъ волненій, начала политическихъ процессовъ (дѣло Михайлова, потомъ Чернышевскаго, арестованнаго въ 1862 г., процессъ лицъ, обвиненныхъ въ сношеніяхъ съ лондонскими агитаторами и др.), загадочныхъ петербургскихъ пожаровъ, время тревожнаго броженія въ Польшѣ, которое окончилось быстро подавленнымъ возстаніемъ 1863 года. Тонъ агитаціонной печати, повышаясь въ рѣзкости, тогда упалъ до легкомысленныхъ призывовъ „къ топорамъ“, до неопредѣленнаго смутьянства, до подложныхъ манифестовъ и граматъ.

Императрица Марія Александровна.

Возникшая тогда революціонная группа приняла названіе „Земли и Воли“. Едва ли она обнимала нѣсколько десятковъ единомышленниковъ. Но ей принадлежатъ первыя попытки (очень неудачныя) связать революціонное броженіе въ столицахъ съ агитаціей въ провинціи. Какъ кажется, важную роль въ настроеніи общества играла и сторонняя агитація; можетъ-быть, было преувеличено, но едва ли подлежитъ вполнѣ отрицанію подстрекательство со стороны польскихъ національно-революціонныхъ элементовъ, бившее на умноженіе смуты. Возникали также слухи и подозрѣнія въ двусмысленной роли Третьяго Отдѣленія, напримѣръ, въ дѣлѣ о пожарахъ.

Совершенно ясно, что все это хаотическое броженіе было нетрудно подавить. Но было бы нетрудно и лишить его опоры стойкимъ шагомъ по пути реформъ, вплоть до „увѣнчанія зданія“ народнымъ представительствомъ, что своевременно открыло бы свободный путь къ общественному строительству и къ созданію новыхъ культурныхъ цѣнностей для всѣхъ множившихся работоспособныхъ элементовъ. Однако репрессивный путь былъ признанъ единственно возможнымъ въ отношеніи всего этого пестро-разнокалибернаго броженія еще не сознавшихъ себя силъ. Общественное движеніе стало все болѣе загоняться въ подполье, и тамъ въ 1866 году впервые вспыхиваетъ

зловѣщій огонь террора. 4 апрѣля этого года послѣдовалъ выстрѣлъ Каракозова въ Александра II.

Покушеніе Каракозова было личнымъ его дѣломъ, противъ котораго рѣшительно возставали ближайшіе его по кружку друзья. Что касается самого этого кружка, судимаго по дѣлу такъ называемыхъ Каракозовцевъ, то въ его настроеніяхъ и разговорахъ (ими все и ограничивалось) на первомъ планѣ были невинныя по существу стремленія къ новымъ культурнымъ формамъ общежитія да окрашенныя радикализмомъ и соціальнымъ утопизмомъ неопредѣленныя мечтанія о новой производительной и общеполезной работѣ въ средѣ интеллигенціи въ городахъ, и селахъ, и въ народѣ. Лишь въ болѣе тѣсномъ кружкѣ, который предполагалъ руководить этимъ движеніемъ, шло обсужденіе болѣе острыхъ вопросовъ, заходила рѣчь о прямой соціалистической и революціонной пропагандѣ и проектировался въ особенности фантастическій планъ освобожденія изъ Сибири Чернышевскаго. На него эта молодежь смотрѣла, какъ на своего прямого учителя, и для освобожденія предполагалось не отступить даже предъ какой-то загадочной экспропріаціей. Въ процессѣ Каракозовцевъ, такимъ образомъ, въ понятіе политическаго заговора было слито значительное разнообразіе настроеній и уклоновъ молодой мысли. Здѣсь, какъ въ эмбріонѣ, угадываются всѣ особенности послѣдующаго все болѣе широкаго революціоннаго движенія: и всесословный составъ революціонныхъ силъ, и стремленіе ихъ вширь, въ провинцію, и высоко безкорыстное самоотверженное стремленіе участниковъ отдать свои силы на служеніе народу, и соціально-утопическая окраска, и, наконецъ, такіе уклоны подполья, какъ фанатизація до устремленія на террористическій актъ, даже готовность пойти ради идеальной цѣли на жестокую уголовщину.

Докладъ комиссіи М. Н. Муравьева, разслѣдовавшей дѣло Каракозовцевъ, констатировалъ широкое распространеніе революціонныхъ идей. Ликвидація организаціи Каракозовцевъ сопровождалась поэтому сугубыми гоненіями на печать, являвшуюся и позднѣе многократно отвѣтчицей за проявленія революціоннаго движенія (были закрыты „Современникъ“ и „Русское Слово“), а также даны новыя инструкціи всѣмъ властямъ. На имя Предсѣдателя Комитета Министровъ князя Гагарина отъ 13 мая 1866 г. былъ данъ рескриптъ, отождествлявшій даже сомнѣвающихся въ превосходствѣ Положенія 19 февраля съ „врагами общественнаго порядка“. Далѣе рескриптъ всей администраціи рекомендовалъ „имѣть въ виду содѣйствіе тѣхъ другихъ, здравыхъ, охранительныхъ и доброжелательныхъ силъ... Эти силы заключаются во всѣхъ сословіяхъ, которымъ дороги права собственности, права обезпеченнаго и огражденнаго закономъ землевладѣнія, права общественныя, на законѣ основанныя и закономъ опредѣленныя, начала общественнаго порядка и общественной безопасности, начала государственнаго единства и

прочнаго благоустройства, начала нравственности и священныя истины вѣры". Только эти силы рекомендовались „при назначеніи должностныхъ лицъ по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія".

Таковъ языкъ, съ какимъ отнынѣ власть постоянно обращается къ обществу. Продолжая все же по частямъ реформировать Россію, создавая земство и городское управленіе и т. д., правительственная власть дѣлала это въ мѣру непосредственной необходимости улучшенія старой государственной машины, но рѣшительно отрѣзывала возможность компромиссовъ и мирной эволюціи самодержавно-бюрократическаго государства въ государство правовое, конституціонное. Даже весьма скромные проекты введенія общественнаго выборнаго элемента въ Государственный Совѣтъ, которые развивалъ было министръ Валуевъ, были рѣшительно отклонены. Въ отношеніяхъ къ обществу была начата болѣе или менѣе неразборчивая борьба со всѣми свободолюбивыми теченіями. Общество судорожно содрогалось вслѣдствіе отсутствія „закономъ опредѣленныхъ правъ", вслѣдствіе отсутствія „прочнаго благоустройства", а отъ него ждали все же, какъ видно, содѣйствія въ борьбѣ правительства съ крамолой, т.-е. съ крайне рѣзкимъ и нецѣлесообразнымъ, можетъ-быть, но дѣйствительнымъ выраженіемъ тайныхъ мыслей и стремленій самого общества. И такъ мало-по-малу все болѣе широкіе круги общества, не имѣя прямой возможности чрезъ печать и устно въ правильно организованныхъ учрежденіяхъ и собраніяхъ говорить о насущнѣйшихъ своихъ нуждахъ, привыкли видѣть, несмотря на всѣ эксцессы революціоннаго подполья, въ вожакахъ студенческихъ безпорядковъ, въ преслѣдуемыхъ писателяхъ, въ таинственныхъ агитаторахъ и революціонерахъ — героевъ, молчаливо признанныхъ представителей своихъ лучшихъ и завѣтнѣйшихъ идеаловъ. Имена Чернышевскаго, Михайлова, Писарева, Серно-Соловьевича и проч. становятся во святыхъ.

Изоляція правительства, такъ создавшаяся, обострила всѣ противоположности и ожесточила самую борьбу.

III.

Къ семидесятымъ годамъ въ русскую общественную жизнь уже широко вливалось новое поколѣніе, не знавшее суровой ферулы Николаевскаго царствованія. Сознательная жизнь новаго поколѣнія расцвѣтала въ періодъ небываланаго общественнаго оживленія и радужныхъ надеждъ второй половины 50-хъ годовъ. Новое поколѣніе воспитано не въ тѣсныхъ кружкахъ сороковыхъ—пятидесятыхъ годовъ, съ ихъ отвлеченными умственными интересами, но захвачено огромною соціальною реформою, освобожденіемъ крестьянъ и идеями гражданскаго порядка, радикальною и соціальною проповѣдью Добролюбова, Чернышевскаго, Писарева и другихъ. Иначе говоря, выдвига-

лось поколѣніе все болѣе и болѣе требовательное въ общественномъ смыслѣ слова, властно рвавшееся къ дѣятельному участію въ усложнявшейся и ширившейся всенародной жизни. Когда на это поколѣніе обрушились репрессіи за общественно-политическую агитацію, стала быстро развиваться и расти политическая эмиграція. Это уже не одиночки Бакунинъ, Герценъ, Огаревъ, Сазоновъ, Энгельсонъ, а эмиграція десятковъ и сотенъ лицъ, и они задаются не только мыслью освободительной „проповѣди“, что считалъ дѣломъ своей жизни Герценъ, а рвутся къ прямой и дѣятельной борьбѣ съ правительствомъ. Въ Швейцаріи теперь группируются не только люди революціоннаго слова, но и люди дѣйствія.

Извѣстно, что эта массовая эмиграція имѣла чрезвычайно острыя столкновенія съ Герценомъ. Послѣдній казался слишкомъ умѣреннымъ. Кумиромъ молодежи за границей въ теченіе ряда лѣтъ является бунтарь по крови, неутомимый агитаторъ Бакунинъ. Онъ, овладѣвъ Огаревымъ, повернулъ „Колоколъ“ въ сторону прямой революціонной агитаціи, побудилъ Герцена вступить на скользкій путь содѣйствія польскому возстанію, самъ участвовалъ въ трагикомической экспедиціи Лапинскаго, и къ концу 60-хъ годовъ былъ неустаннымъ проповѣдникомъ бунтовъ и вспышекъ во имя будущаго царства безгосударственнаго соціализма, противъ чего, наконецъ, незадолго до смерти рѣшительно запротестовалъ Герценъ („Письма къ старому товарищу“). Вслѣдъ за „Колоколомъ“, изданіе котораго пріостановилось, возникаетъ гораздо болѣе рѣзкая и революціонная журналистика въ Швейцаріи: „Народное Дѣло“, особенно „Народная Расправа“ и другія изданія, фанатически проповѣдующія близость соціальной революціи.

Вмѣстѣ съ мечтательными представленіями о соціально-революціонной зрѣлости русскаго мужика, чрезъ Бакунина и бакунистовъ въ ряды эмиграціи и революціонно-настроенной интеллигенціи вливался духъ непримиримаго фанатическаго бунтарства, готоваго на всякія средства. Это особенно выразилось въ извѣстномъ дѣлѣ С. Г. Нечаева. Загадочная личность его странно соединяла отталкивающія черты авантюризма съ героическимъ фанатизмомъ. Онъ приглашаетъ въ „Народной Расправѣ“, въ виду близкаго народнаго возстанія, обратить всѣ силы молодежи на уничтоженіе всѣхъ препятствій къ такому возстанію, видя таковыя въ различныхъ категоріяхъ правительственныхъ лицъ, капиталистовъ и продажныхъ правительству литераторовъ. Правила организаціи, составленныя Нечаевымъ, дышатъ мрачнымъ пафосомъ. Отказываясь отъ какого бы ни было плана будущаго строительства, его „максималистская“, какъ говорятъ теперь, программа заявляла въ концѣ: „наше дѣло — страшное, полное, повсемѣстное и безпощадное разрушеніе“ всего, что связано съ государствомъ, „но соединимся съ дикимъ разбойничьимъ міромъ, этимъ истиннымъ и единственнымъ революціонеромъ въ Россіи“. Авторъ этого бреда пользовался крайне неразборчиво всѣми

средствами, не исключая обмана товарищей, и сорвался на нелѣпомъ и жестокомъ убійствѣ заподозрѣннаго въ шпіонствѣ.

Это фанатическое максималистское бунтарство, во имя непродуманной соціальной утопіи, захватило немногихъ, но было лишь крайнимъ зловѣщимъ выраженіемъ тогдашнихъ революціонныхъ теченій. Но соціально-утопическій духъ и надежды на народъ становятся все болѣе широкимъ настроеніемъ революціонизировавшейся интеллигенціи. Еще въ лицѣ Добролюбова и Чернышевскаго эта интеллигенція перестала возлагать какія-либо надежды на образованное общество, на просвѣщенныхъ представителей дворянскаго класса, на всѣхъ либераловъ — „постепеновцевъ“. Послѣ разочарованія въ надеждахъ и на молодежь, какъ на какую-то самостоятельную революціонную силу, и на „мыслящій пролетаріатъ“ Писарева, всѣ упованія были перенесены на простой народъ, на крестьянство и отчасти на городскихъ рабочихъ, какъ ближайшихъ выходцевъ его, еще не утерявшихъ связи съ мнимо-соціалистическими устоями крестьянской жизни, общиной и артелью. Такъ создалось народничество, въ отличіе отъ православно-мистической славянофильской народности, атеистическое соціально-революціонное народничество, провозвѣстниками котораго вслѣдъ за Герценомъ, Добролюбовымъ и Чернышевскимъ являются философъ П. Л. Лавровъ, съ его знаменитыми „Историческими письмами“, этимъ катихизисомъ молодежи семидесятыхъ годовъ, и крупная публицистическая сила „Отеч. Записокъ“ Некрасова и Салтыкова, Н. К. Михайловскій; должно упомянуть и менѣе талантливаго народника, уже совершеннаго утописта, Юзова-Каблица. Всѣ они подводили теоретическіе устои подъ идеальный порывъ „отдать долгъ народу“ и расплатиться за „цѣну прогресса“. Новое соціально-утопическое настроеніе охватило уже не десятки и сотни молодежи, какъ было въ 60-хъ годахъ, а сотни и тысячи, въ томъ числѣ много женщинъ. Съ самаго конца 60-хъ годовъ шли въ народъ на свой страхъ отдѣльныя лица и кружки,

Великій князь Константинъ Николаевичъ.

„Чайковцы“, „Долгушинцы“ и проч., одни, одушевленные мыслью жить трудовою жизнью народа, служить ему своими знаніями и въ то же время узнать у самого народа, каковъ его идеалъ лучшей соціальной жизни, другіе — съ готовою мечтою о возможности соціальной революціи, едва ли не завтрашній день, лишь бы усвоено было народомъ нѣсколько агитаціонныхъ книжекъ.

Бакунину и Нечаевщинѣ зарубежная русская демократическая печать противопоставила въ это время тактическую программу Лаврова. Она была развиваема въ журналѣ „Впередъ“. Сходясь съ Бакунинымъ въ представленіи о болѣе или менѣе дальнемъ анархическомъ исходѣ соціальной революціи, Лавровъ провозглашалъ: „Перестройка русскаго общества должна быть совершена не только съ цѣлью народнаго блага, не только для народа, но и посредствомъ народа“. Отрицая программу либеральныхъ конституціоналистовъ, какъ враждебную народному благу, не совѣтуя вступать съ ними въ союзъ, Лавровъ, тѣмъ не менѣе, считалъ нужнымъ и для народниковъ помогать осуществленію началъ свободы. Но центръ тяжести переносился на крестьянство. Спеціально русскими цѣлями онъ называетъ „развить нашу общину въ смыслѣ общинной обработки земли и общиннаго пользованія ея продуктами, сдѣлать изъ мірской сходки основной политическій элементъ русскаго общественнаго строя, поглотить въ общественной собственности частную, дать крестьянину то образованіе и то пониманіе его общественныхъ потребностей, безъ котораго онъ никогда не сумѣетъ воспользоваться своими легальными правами, какъ бы они широки не были, и никакъ не выйдетъ изъ эксплуатаціи меньшинства, даже въ случаѣ самаго удачнаго переворота“. Началу народной революціи должны предшествовать долгая подготовка и предварительная пропаганда, пока революція не явится, какъ плодъ долгаго развитія и созрѣванія народной мысли.

Около вопросовъ тактики возникла обширная полемика въ средѣ революціонной интеллигенціи и эмиграціи. Она кончилась тѣмъ, что и бакунисты, и лавристы ранней весной 1874 года одинаково хлынули въ „народъ“, подымать „новь“ народной мысли о лучшемъ будущемъ (романъ Тургенева), „внести въ сознаніе народа идеалы лучшаго, справедливѣйшаго общественнаго строя, или же уяснить ему тѣ идеалы, которые уже коренятся въ немъ безсознательно“ (рѣчь С. И. Бардиной, типичной представительницы мирныхъ пропагандистовъ).

Въ отпоръ движенію „въ народъ“ правительство произвело настоящую всероссійскую облаву на пропагандистовъ. Движеніе было изъ деревни оттѣснено снова въ городъ, въ прежнюю среду городской интеллигенціи и отчасти рабочихъ. Но впечатлѣніе, произведенное этимъ движеніемъ на общество и правительство, было громадное. Впервые пропаганда была обнаружена одновременно (по официальнымъ даннымъ) сразу въ 37 губерніяхъ

центральной Россіи, Поволжья и Юга. Идеалистическій подъемъ большинства пропагандистовъ привлекалъ къ нимъ глубокія симпатіи общества. Поражалъ разнообразный составъ пропагандистовъ: не только зеленая молодежь, но и люди съ положеніемъ въ свѣтѣ, отставные офицера, помѣщики, чиновники, дѣвушки дворянскихъ, даже аристократическихъ семействъ порывали со всѣми традиціями и выгодами своего положенія, „опрощались“ и тяжко рисковали ради великодушной идеи. Этотъ массовый порывъ былъ особенно трогателенъ въ сравненіи съ оргіей дѣлечества и погони за наживой, которая разыгралась тогда на почвѣ усиленнаго желѣзнодорожнаго строительства, учрежденія банковъ и торгово-промышленныхъ акціонерныхъ предпріятій и т. п., когда сатирикъ Салтыковъ констатировалъ приходъ хищника — „чумазаго“, „ташкентцевъ“ и иныхъ типовъ, съ одной стороны, хищническаго первоначальнаго накопленія капиталовъ, съ другой—разложенія стараго порядка. На призывъ пропагандистовъ народъ откликался весьма слабо. Но образованное общество охотно имъ помогало, давало средства и убѣжища отъ преслѣдованія полиціи. Характерною чертою движенія были также довольно простодушный характеръ конспираціи и, наконецъ, отсутствіе какого-либо дѣйствительнаго центральнаго руководящаго распорядительства. Лишь съ трудомъ привлекши къ дѣлу 770 человѣкъ, могло правительство создать общій процессъ 193, ликвидированный только въ 1877 году.

IV.

Разгромъ агитаціоннаго движенія 1874 года повелъ за собою централизацію и болѣе конспиративное объединеніе уцѣлѣвшихъ и новыхъ лицъ, постепенно вовлекаемыхъ въ революціонное движеніе. Явный индиферентизмъ народной массы, съ одной стороны, ростъ полицейской охраны и усиленіе реакціоннаго давленія на общество, съ другой стороны, снова все болѣе толкаютъ людей въ подполье. Возникающіе здѣсь новые кружки складываются, въ отвѣтъ на объединенно дѣйствующую полицейскую систему преслѣдованій, въ объединенную партію, уклоняющуюся все болѣе въ сторону политической борьбы,—борьбы поневолѣ тайной и, наконецъ, террористической.

Къ концу 1876 года были выработаны программа и уставъ тайнаго общества, принявшаго въ качествѣ названія давній девизъ „Колокола“ и перваго революціоннаго объединенія шестидесятыхъ годовъ: „Земля и воля“. 6 декабря общество уже заявило о себѣ демонстраціею на Казанской площади, далеко не внушительною. Но крайне суровый приговоръ арестованнымъ участникамъ демонстраціи и затѣмъ рядъ политическихъ процессовъ 1877 года, въ томъ числѣ упомянутый процессъ 193, въ связи съ естественнымъ возбужденіемъ времени войны, сильно взбудоражили образован-

ное общество. Послѣ выстрѣла Вѣры Засуличъ въ петербургскаго градоначальника (индивидуальный протестъ противъ наказанія розгами, примѣненнаго къ одному изъ заключенныхъ въ домѣ предварительнаго заключенія) и послѣ оправданія покушавшейся судомъ присяжныхъ (31 марта 1878 г.), правительственныя репрессіи усиливаются еще болѣе. Политическіе процессы не передаются больше присяжнымъ, административная ссылка съ долголѣтнимъ предварительнымъ заключеніемъ становится обычной и т. д. На югѣ, параллельно распространенію взглядовъ о необходимости въ первую очередь добиться политической свободы, какъ необходимой предпосылки соціалистической борьбы, начинаетъ развиваться терроръ, какъ система. Возникаютъ вооруженныя сопротивленія, идутъ убійства прокуроровъ и жандармовъ, на которыя власти отвѣчаютъ казнями по приговорамъ военныхъ судовъ, и т. д.

Въ теоріи „Земля и Воля“ еще ставила своею задачею работу въ средѣ народа, который одинъ можетъ сокрушить старый строй. Отъ имени „Земли и Воли“ дѣйствовалъ, напр., Стефановичъ въ Чигиринскомъ уѣздѣ, готовившій въ немъ крестьянское возстаніе. Но это была авантюра, обманно пользовавшаяся именемъ царя, не одобренная другими революціонерами. Въ общемъ же на дѣлѣ всѣ выдающіяся силы партіи уже поглощены терроромъ.

Послѣ Липецкаго съѣзда группы революціонеровъ лѣтомъ 1879 года возникаетъ „Исполнительный Комитетъ“, а „Земля и Воля“ распадается на не имѣвшую серьезнаго значенія группу „Черный передѣлъ“, отрицавшую терроръ, и партію „Народной воли“ съ „Исполнительнымъ комитетомъ“, ея фактическимъ главою. Центральной задачей революціи теперь фактически поставлены неумолимый — до уступки со стороны правительства — терроръ и захватъ власти, т.-е. народники пришли къ якобинству „Набата“ (органъ П. Н. Ткачева, 1875—77 г.), съ которымъ вначалѣ полемизировали.

Съ теоретической стороны, если не считать оправданій террора, программа „Народной воли“ была довольно зрѣлымъ и продуманнымъ явленіемъ. Однимъ изъ сотрудниковъ ея изданій былъ Н. К. Михайловскій, авторъ „политическихъ писемъ соціалиста“, теперь признавшій первенствующее значеніе политической свободы. Партія заявляла, что „только народная воля можетъ санкціонировать общественныя формы, что развитіе народа прочно только тогда, когда оно идетъ самостоятельно и свободно, когда каждая идея, имѣющая воплотиться въ жизнь, проходитъ предварительно черезъ сознаніе и волю народа“. Поэтому члены партіи считали своимъ долгомъ произвести насильственный политическій переворотъ, съ цѣлью передачи власти народу, и для выраженія народной воли собрать учредительное собраніе, составленное изъ представителей народа, избранныхъ свободно, всеобщей подачей голосовъ и снабженныхъ наказами избирателей. Въ этомъ собраніи партія предполагала предложить рядъ основныхъ реформъ, во главѣ

которыхъ поставлено было образованіе народнаго представительства, составленное на тѣхъ же началахъ и имѣющее полную власть во всѣхъ общегосударственныхъ вопросахъ (даже не предусматривалось образованіе республики); затѣмъ слѣдовали въ программѣ самое широкое развитіе демократическаго самоуправленія и основныя политическія свободы, а также „принадлежность земли народу и система мѣръ, имѣющихъ передать въ руки рабочихъ всѣ заводы и фабрики“. Для достиженія цѣлей партіи предполагалось развить широкую агитацію въ странѣ и подготовить народное возстаніе. Но, стремясь къ скорѣйшему перевороту и фантастическому захвату власти, партія фатально повлеклась по пути терроризма: рѣдѣвшіе быстро ея ряды, смыкаясь тѣснѣе, стремились скорѣе проявить всю скоплявшуюся въ отдѣльныхъ членахъ энергію, опытъ и фанатизмъ политической ненависти и мести; при громадномъ напряженіи полицейско-охранительныхъ силъ агитаціонная дѣятельность всякаго рода была парализована.

Въ результатѣ началось нѣчто безпримѣрное въ исторіи по энергіи и упорству сотни революціонеровъ. Но эта была не соціальная борьба и не политическая дѣятельность, а охота на Александра II, о чемъ можно повторить старое изреченіе, что было это не только преступленіемъ, но и ошибкой. Революціонное движеніе было сильно, какъ констатировала сама власть въ процессѣ 193, широкою поддержкой со стороны образованнаго общества. Тогда общество видѣло въ революціонерахъ просто идеалистически настроенныхъ людей, громогласно протестующихъ противъ того, что непосредственно затрогивало все общество и народъ. Законченная программа „Народной воли“, съ ея соціалистической окраской, уже не могла вызывать сочувствія въ массѣ землевладѣльческаго и торгово-промышленнаго класса. Наконецъ систематическій терроръ, тѣмъ болѣе направленный лично противъ Александра II, пугалъ и отталкивалъ всѣхъ, кто не охваченъ былъ фанатическимъ ослѣпленіемъ ненависти и психологіею изолированнаго и самодовлѣющаго революціонерства.

Тѣмъ не менѣе, правительство чувствовало свою изолированность и слабость въ борьбѣ съ неутомимою и вездѣсущею „крамолою“ и, наконецъ, снова заговорило, какъ послѣ покушенія Каракозова, что ждетъ общественной себѣ поддержки (конецъ 1878 г.). Между тѣмъ сознаніе необходимости политической свободы захватило теперь уже гораздо болѣе широкіе и глубокіе круги, нежели прежде.

Земское и отчасти городское самоуправленія были тогда, при всѣхъ ограниченіяхъ ихъ свободнаго процвѣтанія, школою для развитія въ странѣ устойчивыхъ общественныхъ навыковъ, которые могли бы противодѣйствовать этимъ ужаснымъ уклонамъ политической мысли. Свое дѣло, капля за каплей, день за днемъ, дѣлали и либеральная печать, и радикальная журналистика, несмотря ни на какія стѣсненія. Старое славянофильство выродилось

тогда большею частью въ болѣе или менѣе реакціонный націонализмъ. За-то западничество заняло теперь позицію защиты „великихъ реформъ“ цар-ствованія Александра II отъ напора реакціи, со своимъ выдержаннымъ орга-номъ постепеновцевъ „Вѣстникомъ Европы“. Это либерально-демократиче-ское, хотя и не революціонное движеніе было тѣснѣе связано съ новыми дѣятельными общественными силами, въ особенности съ земствомъ, нежели дворянскій конституціонализмъ начала 60 годовъ. Наконецъ возникъ консти-туціонно-демократическій „земскій союзъ“, объединеніе земцевъ и людей свободныхъ профессій. Онъ пытался вести переговоры съ революціонерами, предвидя, что террористическая тактика не можетъ повести ни къ чему доброму, и искалъ средняго пути конституціонной реформы, даруемой свыше подъ давленіемъ организованнаго общественнаго мнѣнія. Сами революціонеры въ этомъ отношеніи были готовы на уступки. Но правительство, требуя себѣ содѣйствія у политически созрѣвавшаго общества, нисколько не желало счи-таться съ его мнѣніемъ, и получило отвѣтъ, ранѣе, конечно, не мыслимый. Земства, харьковское, черниговское, тверское, отозвались, что общество без-сильно. „Не обладая чувствомъ, заставляющимъ подчиняться закону,—гово-рилось, напр., въ адресѣ Черниговскаго земства,—не имѣя гарантій въ законѣ, не имѣя общественнаго мнѣнія, обуздывающаго всякія личныя, несогласныя съ общественными интересами стремленія, лишенное свободы критики воз-никающихъ среди него идей,—русское общество представляетъ разобщен-ную, инертную массу, способную поглощать все, но неспособную къ борьбѣ. Поэтому земство Черниговской губерніи съ невыразимымъ огорченіемъ кон-статируетъ свое полное безсилье принять какія-либо практическія мѣры въ борьбѣ со зломъ“.

Тогда въ высшихъ сферахъ подъ страхомъ „крамолы“, добравшейся уже до Зимняго дворца (взрывъ 4 февраля 1880 г.), снова всплылъ проектъ Валуева, а затѣмъ вновь возникшій проектъ великаго князя Константина Николаевича о введеніи въ Государственный Совѣтъ выбраннаго отъ земствъ элемента, что считалось вверху огромною уступкою общественному мнѣнію. Но проекты были до нельзя близоруки и даже наивны (напримѣръ, страхъ предъ адвокатурой, представители которой ни подъ какимъ видомъ не должны были попасть въ число выборныхъ членовъ). Въ концѣ-концовъ, по мысли наслѣдника, была создана указомъ 12 февраля 1880 г. верховная распорядительная комиссія, и глава ея, графъ Лорисъ-Меликовъ, сдѣланъ диктаторомъ.

Наступила такъ называемая „диктатура сердца“. Сущность ея сводилась къ нѣкоторому смягченію полицейскаго гнета надъ обществомъ, которое вздохнуло свободнѣе. Было преобразовано ненавистное III Отдѣленіе въ Департаментъ полиціи, даны кой-какія ничтожныя льготы печати, нѣсколько ограничена административная ссылка. Общество было порадовано отставкой

графа Д. Толстого, который введеніемъ въ среднюю школу формальнаго „классицизма“ сумѣлъ омертвить ее и вызывалъ настоящую ненависть къ ней воспитанниковъ и родителей. Но въ то же время энергичное преслѣдованіе революціонеровъ и конституціонныхъ заявленій въ земствѣ и въ печати продолжалось неуклонно, хотя втайнѣ и разрабатывался проектъ объ участіи выборнаго элемента въ предварительной подготовкѣ законовъ (т. н. „конституція“ Лорисъ-Меликова). Михайловскій назвалъ „диктатуру сердца“— „лисій хвостъ и волчій ротъ“. Въ концѣ-концовъ народовольцы, пріостановившіе было террористическія дѣянія, возобновили свою работу, и 1 марта 1881 года Александръ II былъ убитъ динамитной бомбой.

Цареубійство было и самоубійствомъ „Народной воли“. За нимъ не послѣдовало никакой революціи, а пріобрѣли небывалую силу реакціонеры съ гр. Д. Толстымъ и Побѣдоносцевымъ во главѣ. Вскорѣ было объявлено, что новый Монархъ твердо будетъ отстаивать неограниченность самодержавія, и партія потеряла всю почву подъ ногами. Убійство царя-освободителя, какимъ, несмотря на весь ходъ реакціи, продолжали его считать и котораго свято чтили широкія массы, для послѣднихъ осталось совершенно непонятнымъ и приписывалось врагамъ освобожденія крестьянъ.

Цесаревичъ Николай Александровичъ.

Подвергнувшись конечной судьбѣ подпольныхъ организацій, предательству и провокаціи, „Народная воля“ была черезъ два-три года окончательно ликвидирована и уничтожена. Началось неудержимое, попятное движеніе государственности и гражданственности. Заодно съ „крамолой“ было задавлено и всякое общественное движеніе.

Главнымъ изъ обстоятельствъ, обрушившихъ на Александра II роковую катастрофу, надо считать полную неспособность окружавшей его среды учесть правильно положеніе вещей. Въ этомъ отношеніи поразительно сходство характеристикъ высшихъ представителей власти, которыя дѣлались, напримѣръ, Кавелинымъ въ самомъ началѣ царствованія, до вступленія на

путь разрѣшенія крестьянской реформы, и Валуевымъ—уже тогда, когда въ разгарѣ былъ терроръ. Съ позорнымъ равнодушіемъ къ будущему эти люди систематически выставляли лично государя иниціаторомъ всякихъ репрессій, вдохновителемъ жестокихъ приговоровъ, виновникомъ полицейскаго произвола и т. п. (напр., вышеуказанные рескрипты Валуеву и Гагарину, назначеніе по Высочайшему повелѣнію болѣе или менѣе суровыхъ каръ оправданнымъ участникамъ процесса 193, военные суды и тому подобныя мѣры). Эти совѣтники систематически связывали всякое расширеніе политическихъ правъ общества и тѣмъ болѣе конституцію съ самымъ существованіемъ монархіи и даже Россіи. Тамъ, гдѣ было широкое общественное движеніе, сознанная необходимость преобразованія Россіи въ правовое государство, они указывали только „неистовство крамолы“, съ которою предполагалось справиться исключительно физическими мѣрами устрашенія. Этимъ было создано единственное въ исторіи личное столкновеніе царя и „крамолы“. Государю, несомнѣнно, глубоко благожелательному, но слабому волею, легко подчинявшемуся вліяніямъ и людямъ, игравшимъ на его опасеніи лишиться престола и подвергнуть риску самую цѣлость Россіи, эта игра вліяній стоила жизни, а странѣ — пріостановки ея развитія надолго. Задачи же, властно поставленныя временемъ и ростомъ страны на очередь, не разрѣшимыя безъ коллективнаго ума народнаго представительства, остались не разрѣшенными, безнадежно запутанными.

Ч. Вѣтринскій.

Кн. П. Д. Горчаковъ.

Перовъ. Пластуны. Музей Александра. III.

БИБЛІОТЕКА СЛУЖАЩИХЪ
Управленія Ж. д.

Крестьянская реформа.

I.

Различными путями и со все возрастающей силой вливалась въ сознаніе русскаго общества и правительства мысль о необходимости уничтоженія крѣпостного права. Гуманизирующія идеи освободительной мысли Запада, начавшія просачиваться въ крѣпостную атмосферу Россіи уже во второй половинѣ XVIII в. [1]), находятъ себѣ искренній отзвукъ въ русской публицистикѣ, художественной и научной литературѣ.

Подвергшійся гоненію уже при Екатеринѣ II за острую постановку въ „Путешествіи“ Радищева, крѣпостной вопросъ дѣлается одною изъ темъ болѣе навязчивыхъ идей въ русской литературѣ, чѣмъ болѣе эту послѣднюю гонятъ за нее. Ему съ одинаковымъ успѣхомъ служитъ и открыто негодующій голосъ публициста-гражданина „съ того берега“ [2]), и вынужденно-рабій языкъ русской публицистики [3]), и художественные образы Григоровича и И. С. Тургенева, стихотворенія Хомякова, на ряду съ подпольными пѣснями Рылѣева и Шевченка. Заложенная въ нихъ освободительная мысль незамѣтно всасывалась въ сознаніе читающаго общества и цензирующаго прави-

---

[1]) См. выше статью: „Наказъ и Комиссія по составл. проекта Уложенія“.
[2]) Герценъ.
[3]) См., напр., „Молву“ за 1857 г., 23 авг., передовая статья.

тельства, пробуждая однихъ, безпокоя другихъ. „Мерзость крѣпостного права“ не только бичуется въ русской литературѣ; борьба съ нимъ становится боевымъ кличемъ тайныхъ обществъ и идейныхъ теченій русской мысли первой половины XIX в. Декабристы, кружокъ Сунгурова, Петрашевцы, Кирилло-Меѳодіевское братство, равно какъ славянофильство и западничество — всѣ единодушно пропагандировали словомъ, дѣломъ и даже своими страданіями законность и святость идеи освобожденія. Общества и кружки эти были уже реальными и мощными побѣгами не только въ русскомъ самосознаніи, но и въ практическомъ творчествѣ общественной самодѣятельности, имѣвшей на косную крѣпостническую массу пробуждающее значеніе и бывшей для правительства несомнѣннымъ симптомомъ назрѣвшей реформы. Не даромъ „первый помѣщикъ Россіи“, Николай I, въ теченіе всего своего царствованія, не забывалъ завѣтовъ своихъ „друзей 14 декабря“, какъ онъ называлъ декабристовъ, и, преслѣдуя гласное обсужденіе крѣпостного вопроса, самъ много разъ приступалъ къ нему въ тайникахъ бюрократическихъ канцелярій.

Впрочемъ, мысль о необходимости отмѣны крѣпостного права питалась не однѣми только гуманизирующими идеями, проводимыми въ жизнь глубоко-совѣстливыми людьми и кружками; въ мірѣ крѣпостныхъ отношеній съ наглядностью обнаруживались теперь такія явленія, которыя были воочію опасны для покоящагося на немъ государственнаго и общественнаго порядка. Здѣсь имѣются въ виду прежде всего убійства крѣпостными помѣщиковъ, крестьянскіе бунты и волненія, чѣмъ дальше, тѣмъ больше усиливающіеся и принявшіе къ концу царствованія Николая I эпидемическій, массовый характеръ. „Духъ недовольства“, „духъ неповиновенія“, на который жаловались помѣщики и который пыталось массовыми порками и разстрѣлами искоренить правительство, помѣщиковъ часто заставлялъ ходатайствовать о пріобрѣтеніи въ казну ихъ имѣній, а правительство ставилъ въ тяжелую необходимость воевать съ народомъ, во имя поддержанія крѣпостническихъ устоевъ, не только тогда, когда отъ этого „духа“, дѣйствительно, страдали интересы крѣпостниковъ, но и тогда, когда этотъ „духъ“ становился поддержкой государства въ борьбѣ съ внѣшнимъ врагомъ. Таковы были разстрѣлы и наказанія крестьянъ, массами устремившихся записываться въ ополченія, во время Крымской войны, въ надеждѣ получить свободу за свою ратную службу. По справедливому замѣчанію г. И. Игнатовичъ, „правительство, не могущее даже въ острый моментъ борьбы съ внѣшнимъ врагомъ располагать народными силами,—правительство, принужденное вести борьбу на два фронта—съ внѣшними врагами и преданнымъ себѣ населеніемъ, при чемъ борьба съ послѣднимъ диктовалась единственно охраною неприкосновенности крѣпостного права, такое правительство не могло не поставить себѣ задачею, по окончаніи внѣшней войны, устранить средо-

стѣніе между собою и населеніемъ, т.-е. уничтожить крѣпостное право“ [1]). Да и помимо этого соображенія, память о Пугачевщинѣ освѣжалась все новыми и новыми впечатлѣніями изъ донесеній о крестьянскихъ волненіяхъ. Эти явленія предреформенной поры были и для общества, и для правительства слишкомъ грозными симптомами, чтобы съ ними можно было не считаться.

Обнаружился къ этому времени и еще очень важный аргументъ въ пользу отмѣны крѣпостного права: крѣпостной подневольный трудъ, удовлетворявшій требованіямъ натуральной системы хозяйства, сталъ невыгоднымъ для владѣльцевъ земельнаго капитала, когда расширившійся внѣшній, а главнымъ образомъ внутренній рынокъ предъявилъ сельскому хозяйству, работающему на сбытъ, запросы на усиленную доставку лучшихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ, при конкуренціи предложенія. Люди, сознательно относившіеся къ условіямъ современной имъ хозяйственной практики, сами видѣли и другимъ внушали мысль о несоотвѣтствіи рабскаго труда требованіямъ капиталистическаго производства. Въ 1847 г. въ „Земледѣльческой газетѣ“ была напечатана смѣлая по тому времени статья Кошелева въ защиту свободнаго труда. „Взглянемъ на барщинную работу,— пишетъ авторъ:—придетъ крестьянинъ сколь возможно позже, осматривается и оглядывается сколь возможно чаще и дольше, а работаетъ сколь возможно меньше,— ему не дѣло дѣлать, а день убить. Съ этою работою сравните теперь работу артельную, даже работу у хорошаго подрядчика. Здѣсь все горитъ; матеріаловъ не наготовишься; времени проработаютъ они менѣе барщинскаго крестьянина, отдохнутъ они болѣе его; но надѣлаютъ они вдвое, втрое... Войдите въ мануфактуру, гдѣ работаютъ по наряду (невольный трудъ), даже гдѣ въ видѣ поощренія дается нѣкоторая задѣльная плата. Что вы тамъ найдете? Инструменты непремѣнно въ худомъ видѣ, ибо работники ихъ не берегутъ, они за нихъ не отвѣчаютъ; можно этихъ людей наказать, но нельзя прогнать. По этой же самой причинѣ работа проводится и трудно, и неотчетливо; что же касается до сработаннаго количества, то вѣрно едва въ половину противъ вольнаго работника. Какая разница войти въ мануфактуру, истинно на коммерческой ногѣ устроенную. Какъ тамъ одинъ передъ другимъ боится переработать, такъ тутъ они другъ друга одушевляютъ и подстрекаютъ. Вычетъ заставляетъ каждаго, строже всякаго надсмотрщика, наблюдать за чистотой работы. Собственная выгода будитъ его до свѣта и освѣщаетъ ему вечеромъ“... Эти соображенія Кошелева не были теоретическими. Многіе фабриканты воспользовались закономъ 1840 г., разрѣшавшимъ для нихъ давать свободу поссессіоннымъ крестьянамъ. Заявляя объ этомъ, владѣльцы Фряновской шелковой фабрики писали: „По

---

[1]) Великая реформа 1861—1911 гг., т. III, стр. 58.

совершенной невыгодности производить работы посредствомъ поссессіонныхъ рабочихъ, коихъ содержаніе обходится дороже сравнительно съ вольнонаемными и падаетъ на цѣну издѣлій, желаемъ мы ихъ уволить отъ фабрики".

Есть признаки, указывающіе, что и въ сельскомъ хозяйствѣ крѣпостной трудъ не былъ достаточенъ для удовлетворенія нуждъ этого хозяйства. Въ Новороссійскомъ краѣ и въ другихъ частяхъ Россіи встрѣчается вольнонаемный трудъ наряду съ барщиннымъ. По словамъ кн. А. В. Мещерскаго, московскаго предвод. дворянства, „въ степныхъ, черноземныхъ помѣстьяхъ, при крѣпостномъ правѣ требовался постоянно для своевременной быстрой уборки хлѣбовъ и травъ дополнительный вольнонаемный трудъ выходившихъ туда ежегодно на лѣтнія полевыя работы крестьянъ изъ густонаселенныхъ украинскихъ губерній" [1]). Въ черноземной полосѣ крѣпостное право было стѣснительнымъ въ другомъ отношеніи: оно связывало помѣщиковъ въ ихъ стремленіи расширять свои барскія запашки за счетъ крестьянскихъ надѣловъ. Невыгода владѣнія крѣпостными здѣсь ясно обнаружилась въ томъ, что земли, не заселенныя крестьянами, цѣнились выше заселенныхъ. Поднявшійся въ цѣнѣ черноземъ, дававшій помѣщику товаръ для открывшагося внутренняго рынка на хлѣбъ, при крѣпостномъ правѣ, естественно, ускользалъ изъ рукъ помѣщика, вынужденнаго волей-неволей оставлять его подъ надѣлами своихъ крестьянъ. И не только съ этой точки зрѣнія крѣпостной трудъ не можетъ считаться для помѣщика даровымъ; обязанность помѣщика содержать крестьянъ въ голодные годы очень чувствительно отражалась на кошелькѣ помѣщиковъ не одной только черноземной полосы. Изложенныя обстоятельства были для многихъ помѣщиковъ естественнымъ побужденіемъ желать развязки съ крѣпостнымъ правомъ. „Одна привычка, одна восточная лѣнь,—восклицаетъ Кошелевъ,—удерживаетъ насъ въ освобожденіи себя отъ крѣпостныхъ людей. Почти всѣ мы убѣждены въ превосходствѣ труда свободнаго передъ барщинскою работою, вольной услуги передъ принужденною, а остаемся при худшемъ, зная лучшее" [2]).

И самое русское законодательство, всегда, въ концѣ-концовъ, вынужденное идти по пути назрѣвшихъ общественныхъ и государственныхъ интересовъ, медленно, озираясь и упираясь, но методически подтачивало устои крѣпостного права, шагъ за шагомъ разрушая его начала и формы. Напомнимъ здѣсь такіе акты законодательства, какъ законъ императора Павла о трехдневной барщинѣ, напомнившій крѣпостникамъ, что государство не отказалось окончательно отъ своихъ правъ на опредѣленіе отношеній между крестьяниномъ и крѣпостникомъ и можетъ во имя государственныхъ интересовъ оградить закономъ рабовъ отъ произвола ихъ господъ; далѣе, законъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ (1803 г.), изъявшій землевладѣніе изъ числа

---

[1]) Рожковъ. „Историч. и соціол. очерки", ч. II, стр. 5.

[2]) В. Я. Улановъ. „Славянофилы". Помѣщ. въ юбил. сборникѣ „Великая реформа", т. III, стр. 184—185.

БИБЛІОТЕКА СЛУЖАЩИХЪ
Управленія ж. д.
Фонтанка, 117.

привилегированныхъ правъ дворянства и признавшій за гражданскі неправоспособнымъ рабомъ право вступать въ юридическія сдѣлки съ своимъ господиномъ; далѣе, законъ объ обязанныхъ крестьянахъ (1842 г.), которымъ, въ концѣ-концовъ, разрѣшилось крестьянское законодательство Николая I, установивъ принципіально положеніе, что при освобожденіи крестьянъ личность освобождаемаго не подлежитъ выкупу.

Всѣ эти и подобные законы и заботы правительства о крѣпостныхъ, не имѣя непосредственныхъ важныхъ практическихъ послѣдствій для уничтоженія крѣпостного права, помимо принципіальной подготовки къ реформѣ, косвенно вліяли и на общество, прививая мысль, что „существующій порядокъ владѣнія душами не можетъ оставаться неизмѣннымъ“, вызывая тревогу у крѣпостниковъ, надежды у искреннихъ сторонниковъ идеи освобожденія и возбуждая толки и ожиданія у крѣпостной массы.

Н. А. Милютинъ.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ въ царствованіе Николая I и особенно при воцареніи Александра II общественная атмосфера была плотно насыщена ожиданіями реформъ. По словамъ одного современника, „сами помѣщики увѣряютъ, что нигдѣ эти слухи (объ освобожденіи) не распространялись такъ быстро, не повторялись такъ часто, какъ въ настоящее царствованіе (Николая I). Большинство убѣждено въ томъ, что эти слухи, эти толки рождаетъ не что иное, какъ духъ времени, противъ котораго не можетъ устоять никакая человѣческая сила“. Во всемъ усматривались тѣ или иныя знаменія грядущаго переворота: правительственныя распоряженія, ничего общаго съ крестьянскимъ вопросомъ не имѣющія, принимались за мѣры къ освобожденію; робкіе шаги и намеки власти развертывались въ общественномъ сознаніи въ видѣ опредѣленныхъ проектовъ и плановъ реформы; прямыя отрицательныя заявленія и репрессивныя мѣры правительства вызывали усиленную обходную работу. Всѣ знали, что Александръ II, еще въ бытность свою наслѣдникомъ, проникся реакціоннымъ направленіемъ Николаевскаго режима, и, тѣмъ не менѣе, въ его воцареніи видѣли начало новой жизни, эру назрѣвшихъ реформъ. „Въ это время, — говоритъ К. Д. Кавелинъ, — общественное мнѣніе расправляло все болѣе и

болѣе крылья. Нельзя было и узнать болѣе этого караванъ-сарая солдатизма, палокъ и невѣжества. Все говоритъ, все толкуетъ вкривь и вкось, иногда и глупо, а все-таки толкуетъ и черезъ это, разумѣется, учится. Если лѣтъ пять-шесть такъ продлится,—общественное мнѣніе, могучее и просвѣщенное, сложится, и позоръ недавняго еще безголовья хоть немного изгладится". Изъ этого-то горнила общественнаго оживленія и напряженныхъ ожиданій и вылилось дѣйственное убѣжденіе наверху, что „лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собой начнетъ отмѣняться снизу". Впервые правительство Александра II высказалось въ нерѣшительныхъ, правда, выраженіяхъ въ пользу внутреннихъ реформъ въ манифестѣ, оправдывавшемъ позорный для Россіи исходъ Крымской войны, окончательно вскрывшей предъ императоромъ всю несостоятельность и дряблость крѣпостного строя, одного изъ незыблемыхъ началъ Николаевскаго режима.

Крѣпостники заволновались отъ неопредѣленныхъ обѣщаній манифеста, въ которыя каждый могъ вложить смыслъ въ мѣру своихъ желаній и опасеній. Собравшіеся въ Москву предводители дворянства чрезъ московскаго ген.-губернатора гр. Закревскаго просили государя успокоить ихъ насчетъ тревожныхъ слуховъ. Но рѣчь государя по этому поводу была рѣшительнымъ переходомъ черезъ Рубиконъ въ крестьянскомъ вопросѣ. „Я считаю нужнымъ объявить вамъ,—сказалъ государь предводителямъ дворянства,—что я не имѣю намѣренія сдѣлать это (т.-е. освободить крестьянъ) теперь. Но, конечно, господа, сами вы знаете, что существующій порядокъ владѣнія душами не можетъ оставаться неизмѣннымъ... Прошу васъ, господа, подумать о томъ, какъ бы привести это въ исполненіе. Передайте слова мои дворянству для соображенія". Но словами дѣло ограничиться не могло. Въ концѣ 1856 г. былъ организованъ особый „секретный комитетъ", по образцу комитетовъ Николаевскаго времени. Въ него вошли или люди, совершенно неподготовленные къ вопросу (напр., Я. И. Ростовцевъ), или завѣдомые крѣпостники (Орловъ, Муравьевъ и др.), которые приложили всѣ старанія, чтобы дѣло отложить въ долгій ящикъ. „Многіе изъ участниковъ (этой кампаніи),—разсказываетъ въ своихъ запискахъ Левшинъ,—ласкали себя надеждою, что дѣло уснетъ, но послѣдствія показали, что государь вовсе неодинаково съ ними думалъ, и что дѣлу предстоялъ такой скачокъ, такое salto mortale, отъ котораго все государственное управленіе могло пойти вверхъ дномъ".

Дѣло въ томъ, что во время коронаціи, въ концѣ 1856 г., Левшину было поручено „позондировать" собравшихся въ Москвѣ предводителей дворянства относительно ихъ взглядовъ на освобожденіе. Только представители Литовскаго дворянства, которому предстояло введеніе невыгодныхъ для нихъ инвентарныхъ правилъ (опредѣляющихъ экономическія отношенія крѣпост-

ныхъ къ помѣщикамъ), отнеслись болѣе сочувственно къ бесѣдамъ Левшина. На слѣдующій годъ отъ дворянъ Ковенской, Виленской и Гродненской губерній былъ поднесенъ государю адресъ, въ которомъ дворянство просило объ освобожденіи крестьянъ безъ земли, какъ это было сдѣлано въ Курляндской губерніи. Тщетно большинство секретнаго комитета настаивало на сохраненіи выработаннаго имъ затяжного хода реформы. Государь послѣдовалъ мысли Ростовцева, Ланского и Блудова, предлагавшихъ немедленно отвѣтить на адресъ Литовскаго дворянства официальнымъ заявленіемъ, что правительство непоколебимо рѣшило приступить къ реформѣ на условіи обезпеченія для крестьянъ прочной осѣдлости. Ланской получилъ приказъ составить соотвѣтственный рескриптъ въ три дня, каковой и былъ подписанъ государемъ 20 ноября 1857 г., въ одну ночь напечатанъ и 21 ноября разосланъ въ копіяхъ по всей крѣпостной Россіи губернаторамъ и предводителямъ дворянства для освѣдомленія ихъ „о началахъ, какими правительство руководится въ тѣхъ случаяхъ, когда дворянство само вызывается содѣйствовать новому устройству быта поселянъ“. Въ такомъ же порядкѣ и аналогичный по содержанію рескриптъ былъ данъ 5 декабря 1857 г. на имя петербургскаго генер.-губернатора въ отвѣтъ на старую забытую просьбу дворянства Ямбургскаго и Петергофскаго уѣздовъ объ открытіи комитетовъ для разработки инвентарныхъ правилъ въ Петербургской губерніи.

Эти два рескрипта не даромъ взволновали крѣпостниковъ: они были дѣйствительно крупнымъ и рѣшительнымъ шагомъ въ ходѣ крестьянской реформы, главнымъ образомъ, потому, что они перенесли дѣло реформы изъ мути секретныхъ комитетовъ на общественную арену. Разработка матеріаловъ поручалась теперь не министру, обязанному дѣйствовать „безъ огласки“ и „не стѣсненному срокомъ“ доставленія матеріаловъ, какъ этого требовалъ затяжной планъ секретнаго комитета, а учреждаемымъ въ каждой губерніи по желанію дворянъ комитетамъ, обязаннымъ въ шестимѣсячный срокъ (а не въ безграничный, какъ хотѣлось крѣпостникамъ) выработать „подробный проектъ объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ“,—чѣмъ вопросъ выносился изъ тайниковъ комитета, хотя на узкую, но все же общественную арену разработки, гдѣ работа „безъ огласки“ была сама собой немыслимымъ дѣломъ; эта сторона рескриптовъ и явилась самымъ тяжкимъ ударомъ для расчетовъ крѣпостниковъ.

Оцѣнили по достоинству эти рескрипты и сторонники освобожденія. Московская интеллигенція отмѣтила появленіе рескриптовъ торжественнымъ банкетомъ въ Купеческомъ собраніи, на которомъ было произнесено 7 восторженныхъ рѣчей. Ораторы единодушно отмѣчали важность правительственнаго шага, призывали благословеніе на государя, но въ то же время въ очень осторожныхъ, больше описательныхъ выраженіяхъ упоминали объ освобожде-

ніи, такъ какъ открыто говорить и писать объ этомъ возбранялось. Самая смѣлая рѣчь была сказана представителемъ московскаго купечества В. А. Кокоревымъ, который и получилъ за нее выговоръ изъ Петербурга. Это былъ инцидентъ, характерный для бюрократіи, у которой, видимо, Севастополь не подорвалъ самоувѣренности. И печать въ лицѣ даже оппозиціонныхъ органовъ заговорила торжественнымъ, восторженнымъ языкомъ. „Ты побѣдилъ, галилеянинъ“ — было эпиграфомъ къ статьѣ Герцена, одной изъ яркихъ по силѣ чувства статей, напечатанныхъ имъ въ „Колоколѣ“. „Имя Александра II, — писалъ Герценъ, — принадлежитъ исторіи. Еслибы его царствованіе завтра же кончилось — все равно, — начало освобожденія сдѣлано имъ, грядущія поколѣнія этого не забудутъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ могъ безнаказанно остановиться. Нѣтъ, нѣтъ,—пусть онъ довершитъ начатое, пусть полный вѣнокъ закроетъ его корону... Гнилое, своекорыстное, алчное противодѣйствіе закоснѣлыхъ помѣщиковъ, ихъ волчій вой—неопасны. Что они могутъ противопоставить, когда противъ нихъ власть и свобода, образованное меньшинство и весь народъ, царская воля и общественное мнѣніе?“. И крѣпостники, дѣйствительно, чувствовали себя подавленными. Изъ провинцій шли тревожныя вѣсти и опасенія дворянъ и администраціи о возможныхъ потрясеніяхъ. „Надобно было употребить всю силу воли, чтобы сбросить съ себя невольное вліяніе тѣхъ страховъ и ужасовъ, которые рисовались въ воображеніи губернскихъ предводителей и даже губернаторовъ“, пишетъ Я. А. Соловьевъ, читавшій донесенія о впечатлѣніи, произведенномъ рескриптами. Не спокойнѣе отнеслись къ факту и столичные крѣпостники.

Изъ подобнаго „волчьяго воя закоснѣлыхъ помѣщиковъ“ правительство заключило, что ему не дождаться, когда дворянство *само* вызовется содѣйствовать новому устройству поселянъ“, и рѣшило оказать нѣкоторое давленіе. Первымъ прислало свой адресъ нижегородское дворянство, поддавшись порыву, вызванному вдохновенной рѣчью своего губернатора, А. Н. Муравьева. Правительство поспѣшило отвѣтить на этотъ адресъ очень теплымъ рескриптомъ, послѣ чего гр. Закревскому было замѣчено о неприличіи дальнѣйшаго молчанія московскаго дворянства, которое вслѣдствіе этого вынуждено было нехотя тащиться по стопамъ нижегородцевъ, за что и получило довольно прозрачный упрекъ въ данномъ ему рескриптѣ. Послѣ этого адреса посыпались, какъ изъ рога изобилія: въ промежутокъ времени отъ 9 марта по 6 іюля было дано 75 рескриптовъ.

Крестьяне чутко прислушивались къ происходящему и во многихъ мѣстахъ волновались, отказываясь отъ барщины.

При подобномъ настроеніи помѣщичьихъ крестьянъ и началась дѣятельность губернскихъ комитетовъ, призванныхъ развить основанія рескриптовъ и составить подробный проектъ объ устройствѣ и улучшеніи

Аничковскій дворецъ въ началѣ XIX в.

Историческій музей.

Анциковский уводсгир

Адрес жительства

БИБЛІОТЕКА СЛУЖАЩИХЪ
Управленія ж. д.
№ 117.

быта помѣщичьихъ крестьянъ данной губерніи. Съ 14 января 1858 г. по 19 апрѣля того же года было открыто 48 комитетовъ. Выборы были свободны отъ давленія сверху, и дворяне могли послать въ комитеты самыхъ подходящихъ защитниковъ своихъ интересовъ. Желая нѣсколько смягчить ожидаемый односторонній составъ носителей дворянскаго своекорыстія, правительство оставило за собою право назначенія двухъ членовъ губернскихъ комитетовъ изъ опытныхъ мѣстныхъ помѣщиковъ, сочувственно относившихся къ начинаніямъ правительства. По крайней мѣрѣ, крѣпостники слали гр. Ланскому обидчивыя заявленія, будто въ назначеніи членовъ отъ правительства „дворянство видитъ недовѣріе къ себѣ: посредствомъ этихъ членовъ губернаторы какъ будто будутъ присутствовать въ самыхъ дворянскихъ комитетахъ“. Во время дѣятельности губернскихъ комитетовъ члены ихъ разбились на двѣ партіи — „плантаторовъ“ и „либераловъ“, часто съ промежуточными настроеніями, но въ числѣ либераловъ не всегда были члены отъ правительства. Регуляторомъ, распредѣлявшимъ составъ комитета на „либераловъ“ и „плантаторовъ“, былъ болѣе или менѣе сознательный учетъ своихъ интересовъ въ связи съ назрѣвшею потребностью реформы. Вообще говоря, во всѣхъ комитетахъ, за исключеніемъ одного, подавляющее большинство принадлежало къ „плантаторамъ“, а меньшинство—къ либераламъ разной окраски; но было бы большою погрѣшностью слить большинство и меньшинство отдѣльныхъ комитетовъ въ двѣ большія однородныя по своему составу группы, изъ которыхъ одною покрывались бы „плантаторы“, а другою—„либералы“. А. А. Корнилову удалось наглядно показать, что „либералы“ одного комитета скорѣе походили на „плантаторовъ“ другого, и—наоборотъ, въ зависимости отъ особыхъ экономическихъ условій каждаго района, создававшихъ не одинаковыя отношенія дворянства къ разнымъ сторонамъ реформы. Возьмемъ хотя бы вопросъ о выкупѣ земли и личности крѣпостного. Въ черноземныхъ губерніяхъ имѣнія, не занятыя крѣпостными, цѣнились

Великая княгиня Елена Павловна.

дороже, чѣмъ заселенныя, тогда какъ въ нечерноземныхъ, наоборотъ, главную цѣнность представляли крѣпостные, а не земля. Поэтому въ вопросѣ о безвозмездномъ освобожденіи личности естественными либералами будутъ помѣщики черноземныхъ губерній, которые, чтобы освободить отъ крестьянъ дорогой черноземъ, готовы были не только „развязаться съ ними“, но и великодушно „дать имъ по рублю, напоить водкой и отслужить еще на радостномъ прощаньи молебенъ“, какъ своеобразно выразились „либералы“ Кирсановскаго уѣзда; но зато отпустить безвозмездно крестьянина для помѣщика, скажемъ, нечерноземной полосы Тульской или Смоленской губерній значило остаться на неплодородныхъ поляхъ, безъ рабочихъ рукъ, приносившихъ доходъ ремеслами и отхожими промыслами. Въ вопросѣ же о надѣленіи крестьянъ землею роли помѣщиковъ той и другой полосы мѣнялись: смолянинъ не поскупился бы продать по хорошей цѣнѣ бывшему крѣпостному побольше неплодородной земли, и поэтому въ вопросѣ о крестьянскихъ надѣлахъ былъ гораздо „либеральнѣе“ помѣщика-орловца или курянина, для котораго уменьшить надѣлы крестьянъ до минимума значило оставить въ своихъ рукахъ цѣнный капиталъ. Уже эти соображенія даютъ основаніе думать, что проекты комитетовъ будутъ въ большинствѣ своемъ разрѣшать крѣпостной вопросъ односторонне, въ интересахъ дворянства. Такъ и было на самомъ дѣлѣ, если не считать проектовъ либеральнаго меньшинства и проекта большинства Тверского комитета съ Унковскимъ во главѣ. Желая разрѣшить крѣпостной вопросъ какъ можно выгоднѣе для себя за счетъ крестьянъ, освобождаемыхъ лично безплатно, по волѣ царя, комитеты пытались возмѣстить безплатную потерю дарового труда чрезмѣрною оцѣнкою усадебной и полевой земли, уступаемой крестьянамъ. По словамъ кн. Черкасскаго, „усадьбы цѣнятся жестоко: отъ 200 до 600 руб.“ десятина; въ другихъ мѣстахъ оцѣнка усадебной десятины доходила до тысячи рублей.

Бросая общій взглядъ на дѣятельность губернскихъ комитетовъ, мы должны не забывать, что это были учрежденія строго сословнаго характера по своему составу, принужденныя къ тому же дѣйствовать въ тѣсныхъ рамкахъ правительственнаго контроля и директивъ, при фиктивномъ представительствѣ крестьянскихъ интересовъ тѣми же дворянами, въ лучшемъ случаѣ, дальновидными и сознающими равнодѣйствующую интересовъ освобождаемыхъ другъ отъ друга сословій. Ожидать отъ этихъ учрежденій объективно-справедливаго разрѣшенія крестьянскаго вопроса было бы наивной вѣрой въ способность сословія отрѣшиться отъ своихъ интересовъ, традицій и связаннаго съ ними специфическаго эгоизма. Великая заслуга губернскихъ комитетовъ для крестьянскаго вопроса была уже въ томъ, что съ ихъ учрежденіемъ вопросъ колоссальной общественной и государственной важности былъ выведенъ изъ тайниковъ канцеляріи на общественную арену, изъ комитетовъ просачивался въ литературу, интеллигентное общество, въ крестьян-

скую массу, будя общественную мысль, питаясь ею и дѣлая отступленіе на пути къ реформѣ невозможнымъ. Другой не менѣе важной заслугой губернскихъ комитетовъ было то, что ими былъ подготовленъ обширный матеріалъ, правда, очень односторонній и далеко не объективный, но все же способный даже погрѣшностями своими направить мысль законодателя на правильное пониманіе максимальныхъ притязаній дворянства и минимальныхъ интересовъ крестьянъ. Здѣсь же была въ отдѣльныхъ проектахъ намѣчена радикальная постановка разныхъ сторонъ реформы, и изъ нихъ безпристрастный законодатель могъ извлечь принципіально цѣльный планъ реформы не только въ его соціально-экономическихъ, но и въ политическихъ слѣдствіяхъ. Наконецъ, работы въ комитетахъ подготовили опытныхъ дѣятелей, которые потомъ, при разработкѣ „положеній“ въ центральномъ учрежденіи, своими указаніями немало содѣйствовали нормальной постановкѣ вопроса, ведя за собой такихъ дѣятелей поневолѣ, какъ гр. Ланской, члены Главнаго комитета и др., о неподготовленности или недоброжелательствѣ которыхъ по отношенію къ реформѣ намъ пришлось говорить выше.

Губернскіе комитеты закрывались постепенно съ окончаніемъ составленія своихъ проектовъ объ „улучшеніи быта крестьянъ“. Въ концѣ 1859 года закончили свои работы послѣдніе комитеты.

II.

Реформа перешла въ новую стадію своего развитія, когда 17 февраля 1859 г. было утверждено государемъ постановленіе объ образованіи Редакціонныхъ комиссій „для составленія систематическихъ сводовъ изъ всѣхъ проектовъ губернскихъ комитетовъ и для начертанія проектовъ общаго положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, и другихъ законоположеній, до этого предмета относящихся“.

Первоначально была мысль учредить двѣ комиссіи, изъ которыхъ одна, состоящая только изъ чиновниковъ, должна была выработать общія положенія; на обязанности другой, въ составъ которой, кромѣ чиновниковъ, предполагалось пригласить экспертовъ изъ мѣстныхъ дѣятелей — дворянъ, лежало составить мѣстныя положенія, исходя изъ общихъ началъ, выработанныхъ первой комиссіей. Но послѣ назначенія предсѣдателемъ этихъ комиссій Я. И. Ростовцева, человѣка, чуждаго по духу канцелярской закваски, и по прибытіи экспертовъ,—лицъ, ближе знакомыхъ съ бытомъ губерній и съ мѣстными потребностями, — обѣ комиссіи сливаются въ одну. Общія и мѣстныя положенія составляются вмѣстѣ, „разгородки падаютъ, свѣжій элементъ, не принадлежащій канцеляріямъ, обращаетъ и представителей правительства въ живыхъ людей и свободныхъ дѣятелей. Редакціонныя комиссіи

чрезъ своихъ предсѣдателей—Я. И. Ростовцева, а по его смерти—гр. В. Н. Панина, становятся въ непосредственныя, а въ началѣ дѣятельности перваго изъ нихъ—въ почти ежедневныя сношенія съ верховной властью, пріобрѣтая на все время своихъ занятій независимое отъ всей служебной іерархіи и самостоятельное положеніе, что и доставляетъ имъ возможность привести къ окончанію многосложный трудъ". Такъ характеризуетъ Редакціонныя комиссіи одинъ изъ участниковъ ихъ, Н. П. Семеновъ. Дѣйствительно, это было учрежденіе, необычное для бюрократическихъ формацій Петербурга.

Характеръ его полномочнаго предсѣдателя, составъ и взаимоотношенія членовъ, характеръ обсужденія и самые матеріалы, легшіе въ основу его работъ,—все это дѣлало Редакціонныя комиссіи необычайно воспріимчивымъ и чувствительнымъ органомъ къ живымъ потребностямъ общества, къ болѣе или менѣе радикальнымъ и безпристрастнымъ рѣшеніямъ крестьянскаго вопроса. Несомнѣнно, не простою случайностью было, что государь назначилъ предсѣдателемъ Редакціонныхъ комиссій не чиновника (С. М. Жуковскаго), какъ проектировалъ министръ Ланской, а „человѣка посторонняго", громаднымъ достоинствомъ котораго было уже то, что онъ чуждъ былъ бюрократическаго самомнѣнія и опредѣленности, былъ новичкомъ въ крестьянскомъ вопросѣ, склоннымъ незамѣтно для себя проникаться чужими волей и мыслями, если они направляли Якова Ивановича, по его мнѣнію, къ „справедливому рѣшенію" порученнаго ему великаго дѣла, къ которому онъ относился съ благоговѣніемъ. Обладая громаднымъ довѣріемъ государя и полномочіями, Ростовцевъ сумѣлъ отрѣшиться отъ мысли о непогрѣшимости своихъ убѣжденій и мнѣній.

Незаурядnымъ для бюрократическаго шаблона былъ и составъ членовъ по ихъ непринужденности, независимости и солидной дѣловитости, и не только потому, что въ составъ комиссій въ лицѣ членовъ—экспертовъ изъ неслужащихъ дворянъ—дѣятелей вошелъ „не принадлежащій канцеляріямъ свѣжій элементъ, который, по мнѣнію Н. П. Семенова, обратилъ и представителей правительства въ живыхъ людей и свободныхъ дѣятелей": въ это время въ самой средѣ правительства были „живые люди и свободные дѣятели", призванные взамѣнъ бездарныхъ Левшиныхъ и на помощь занятымъ Ланскимъ. Такимъ „чиновникамъ", какъ Н. А. Милютинъ, Я. А. Соловьевъ, М. Н. Любощинскій, нечему было учиться у такого „непринадлежащаго канцеляріямъ элемента", какъ М. П. Позенъ, А. Д. Желтухинъ и др., которые внесли въ комиссіи беззавѣтную преданность дворянскимъ интересамъ. Несмотря на то, что Редакціонныя комиссіи состояли изъ чиновниковъ-дворянъ и изъ дворянъ-экспертовъ, значительное большинство ея членовъ искренно стремилось разрѣшить вопросъ безобидно для крестьянъ.

Расширенію и направленію въ радикальную сторону этихъ воззрѣній немало содѣйствовали чуткость и совѣстливое отношеніе членовъ Редакціонныхъ комиссій къ проявленіямъ общественной мысли, какія бы формы она ни принимала. И здѣсь нужно отмѣтить важную заслугу Ростовцева, который обставилъ Редакціонныя комиссіи полной возможностью знать, что думаютъ и пишутъ по крестьянскому вопросу не только въ Россіи, но и за границей, не только въ благонадежной прессѣ и благонамѣренными людьми, но и въ литературѣ, почему-либо не стѣсняющейся началами рескриптовъ и министерскихъ разъясненій, директивами Ростовцева и т. п. рамками. Любопытную подробность запротоколилъ Н. П. Семеновъ въ засѣданіи комиссій отъ 23 марта. Ростовцевъ сказалъ: „Я долженъ сообщить вамъ, что изъ III отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, по особому разрѣшенію, будутъ присылать въ комиссіи одинъ экземпляръ „Колокола“ (Герцена) для того, чтобы мы все знали, что объ насъ будутъ писать за границей; я буду васъ просить, чтобы вы и изъ „Колокола“ заимствовали и приняли въ соображеніе все, что только можетъ быть полезно и примѣнимо къ исправленію нашихъ трудовъ и усовершенствованію проекта положеній“. У Арапетова вырвались слова: „Какъ, неужели заимствовать у Герцена?“ Ростовцевъ отвѣчалъ: „Что намъ за дѣло до личностей? Кто бы ни сказалъ полезное, мы должны воспользоваться“. Солидный вкладъ въ труды Редакціонныхъ комиссій внесли рукописные проекты частныхъ лицъ по крестьянскому вопросу, которыхъ оказалось къ апрѣлю 1859 г.—331; въ числѣ ихъ было нѣсколько забавныхъ, вызывающихъ веселое настроеніе, но рядомъ съ ними были и такіе, какъ проекты Хомякова и Кошелева, которыми члены комиссій не только вводились въ сущность реформы въ ея разумной постановкѣ, но и въ которыхъ могли найти солидную аргументацію людей знанія и опыта противъ неразумности „алчнаго воя крѣпостниковъ“.

Редакціонныя комиссіи, проработавъ надъ выработкой проекта реформы годъ и 7 мѣсяцевъ съ необычайною интенсивностью, вынуждены были въ концѣ своей работы завершать ее, вслѣдствіе смерти Я. И. Ростовцева, при менѣе благопріятныхъ для дѣла условіяхъ, при недоброжелательствѣ новаго предсѣдателя гр. В. Н. Панина и начавшемся реакціонномъ настроеніи высшей власти. 10 окт. 1860 г. Редакціонныя комиссіи были закрыты съ замѣтною поспѣшностью, при чемъ высочайшимъ повелѣніемъ предписывалось: „Передать всѣ неоконченныя работы въ вѣдѣніе и распоряженіе государственнаго секретаря“. Впрочемъ, неоконченными были мелочи технической работы: нѣкоторыя бумаги не были подшиты, нѣкоторые печатные экземпляры матеріаловъ не разосланы по назначенію, и т. п.; весь же трудъ, легшій въ основу Положенія 19 февраля 1861 г., всецѣло принадлежалъ Редакціоннымъ комиссіямъ. Трудъ этотъ поступилъ на разсмотрѣніе въ Главный комитетъ и Государственный Совѣтъ, гдѣ и былъ принятъ съ

измѣненіемъ цифръ платежей и надѣловъ въ пользу помѣщиковъ. Въ Главномъ же комитетѣ было прибавлено къ „Положеніямъ“ комиссій право, предоставленное помѣщикамъ, слагать съ себя всѣ обязательства относительно временно обязанныхъ крестьянъ уступкою имъ „въ даръ“ одной четверти установленнаго для данной мѣстности надѣла. „Этого постановленія въ проектѣ Редакціонныхъ комиссій не было: такой надѣлъ получилъ впослѣдствіи названіе сиротскаго или нищенскаго“ (Н. П. Семеновъ). Съ этими оговорками можно разсматривать труды Редакціонныхъ комиссій за одно съ содержаніемъ „Положенія 19 февраля“, какъ законодательный актъ, устраивавшій судьбу десятка милліоновъ помѣщичьихъ крестьянъ.

III.

Актомъ 19 февраля объявлялась свобода крѣпостнымъ людямъ: личность и трудъ, какъ предметъ собственности, вычеркивались изъ законодательства, и крѣпостники теряли право владѣть человѣкомъ безъ вознагражденія (какъ увидимъ, номинально). Крестьяне освобождались съ землею, за которую помѣщикамъ слѣдовало вознагражденіе. Слѣдовательно, съ этого момента между помѣщикомъ и крестьяниномъ устанавливаются отношенія, главнымъ образомъ, поземельныя. Помѣщики лишились права владѣнія, пользованія и распоряженія почти половиною ихъ земли, которая была отдана въ безсрочное пользованіе крестьянъ, и хотя титулъ собственности на эту землю (въ угоду рескрипту) былъ сохраненъ за помѣщиками, но все содержаніе этого права было сведено единственно лишь къ праву получать извѣстную, опредѣленную правительствомъ ренту. „Такимъ образомъ, явился видъ собственности на вещь безъ права владѣнія, пользованія и распоряженія ею“ (И. Иванюковъ), по крайней мѣрѣ, въ теченіе переходнаго періода, который могъ быть безконеченъ. Для исхода изъ этого, безусловно, неопредѣленнаго и новаго состоянія установлены права и обязанности для обѣихъ связанныхъ поземельными отношеніями группъ населенія. Суммируя эти права и обязанности, находимъ, что „помѣщикъ“, по своему выбору, могъ: а) сохранить за собою опредѣленный доходъ (оброкъ) съ крестьянскихъ надѣловъ; б) по соглашенію съ крестьянами продать имъ на началахъ выкупа часть или всю надѣльную землю; в) даже безъ такого согласія заставить ихъ выкупить всю надѣльную землю, наконецъ, г) по добровольному соглашенію съ крестьянами подарить имъ не менѣе $^1/_4$ выс-

Великая княгиня Елена Павловна.

шаго или указнаго надѣла. Въ первомъ случаѣ крестьяне остаются во временно-обязанныхъ отношеніяхъ къ помѣщику; во всѣхъ остальныхъ крестьяне изъ временно-обязанныхъ переходятъ въ разрядъ крестьянъ-собственниковъ (Л. Ходскій). Такимъ образомъ, выкупъ по одностороннему требованію помѣщика или по добровольному соглашенію между помѣщикомъ и крестьянами былъ единственнымъ средствомъ распутать непривычныя отношенія между земледѣльцемъ и землевладѣльцемъ. Но это средство было отдано Положеніемъ всецѣло въ руки „собственника надѣла“. Считалъ помѣщикъ для себя выгоднымъ разорвать временно обязательныя отношенія, онъ заставлялъ крестьянъ приступить къ выкупу ихъ надѣловъ; заявляли крестьяне желаніе пріобрѣсти надѣлы въ собственность,—они сейчасъ же встрѣчались съ доброю волею помѣщика, который, впрочемъ, въ своихъ условіяхъ былъ ограниченъ minimum'омъ надѣла и maximum'омъ повинностей, слѣдовательно, реализація выкупа всецѣло была въ рукахъ помѣщиковъ, и отъ помѣщиковъ зависѣло оставить выкупную операцію на бумагѣ или осуществить ее. Это была уступка рескрипту, обѣщавшему оставить за помѣщикомъ право собственности на всю землю; но, стоя на почвѣ законности, авторы „Положенія“ вполнѣ учли, а отчасти и создали тѣ жизненныя побужденія, которыя должны были заставить помѣщика требовать отъ крестьянъ выкупа.

Однимъ изъ такихъ побужденій былъ общераспространенный взглядъ на временно-обязанный періодъ, какъ на время „осаднаго положенія“ деревни, когда объявленный свободнымъ крестьянинъ все же оставался „обязаннымъ“ помѣщику оброкомъ, а въ первое время и барщиной,—взглядъ, имѣвшій свое оправданіе въ мѣстныхъ бунтахъ и недоразумѣніяхъ по объявленіи манифеста. Развязаться поскорѣе съ неминуемымъ дѣломъ и вмѣсто ежегоднаго выколачиванія оброковъ съ рискомъ недоимокъ прямо получить цѣнныя бумаги и деньги отъ казны для многихъ казалось наименьшимъ зломъ.

Кромѣ того, лишаясь дарового труда, помѣщики сразу же почувствовали нужду въ капиталѣ для найма рабочихъ, для заведенія болѣе интенсивныхъ хозяйственныхъ формъ обработки земли и т. д. Единственно подходящимъ способомъ добыть деньги въ это время было согласиться на выкупную операцію, потому что кредитныя учрежденія вслѣдствіе неудачныхъ финансовыхъ мѣръ правительства (усиленный выпускъ бумажныхъ денегъ) сократили свои дѣла и въ видѣ давленія на ускореніе выкупа одно время перестали давать ссуду подъ имѣнія, не подвергшіяся выкупу. Впрочемъ, послѣдняя мѣра имѣла обоюдуострыя послѣдствія, такъ какъ задерживала развитіе задолженности помѣщиковъ казнѣ; а между тѣмъ эта задолженность больше всего ускоряла выкупъ, предоставляя правительству возможность путемъ перевода дворянскаго долга на выкупаемыя имѣнія превращать

этотъ долгъ въ выкупные платежи безъ выпуска особыхъ процентныхъ бумагъ, какими приходилось правительству расплачиваться съ помѣщиками, добровольно обращавшимися къ нему за содѣйствіемъ къ выкупу своихъ крестьянъ. Насколько банковыя ссуды помѣщикамъ облегчали финансовую сторону выкупной операціи, видно изъ того, что „по балансу выкупной операціи по 1-е января 1881 г. на 748.531.385 руб. выкупной ссуды приходилось 302.666.578 руб. долгу помѣщиковъ бывшимъ кредитнымъ учрежденіямъ“ (Л. В. Ходскій).

Но особенно сильнымъ побужденіемъ для помѣщика понуждать крестьянъ къ выкупу былъ интересъ, который помѣщики могли извлечь изъ выгодныхъ для нихъ и часто разорительныхъ для крестьянъ условій выкупной операціи. Нѣтъ худа безъ добра, и это экономическое побужденіе, заставившее помѣщиковъ ликвидировать временно обязанныя отношенія такъ, что къ 1880 г. 85% крестьянъ превратилось въ крестьянъ-собственниковъ и только 15% оставалось временно-обязанными, позволило правительству въ 1881 г. принять мѣры къ обязательному выкупу надѣловъ и этихъ 15% временно-обязанныхъ крестьянъ. Въ этомъ фактѣ нѣкоторые готовы даже находить косвенное оправданіе тѣмъ несправедливымъ урѣзкамъ и переоцѣнкамъ въ интересахъ помѣщиковъ, какія были допущены при опредѣленіи надѣловъ и платежей частью въ Редакціонныхъ комиссіяхъ, а главнымъ образомъ въ Главномъ комитетѣ.

При установленіи нормы надѣла Редакціонныя комиссіи признали за безобидную для крестьянъ норму существующій надѣлъ до 1859 г.

Но такъ какъ эти „существующіе надѣлы“ могли быть или слишкомъ велики, или ничтожно малы, въ зависимости отъ того, занимался ли помѣщикъ запашкой барской земли, или жилъ оброками съ розданной крестьянамъ почти всей своей земли, то во избѣжаніе этой обоюдуострой несправедливости Редакціонныя комиссіи установили высшую и низшую нормы существующаго надѣла. Высшая норма была для разныхъ мѣстностей даже одного и того же уѣзда неодинакова въ зависимости отъ числа крестьянъ и количества земли даннаго имѣнія.

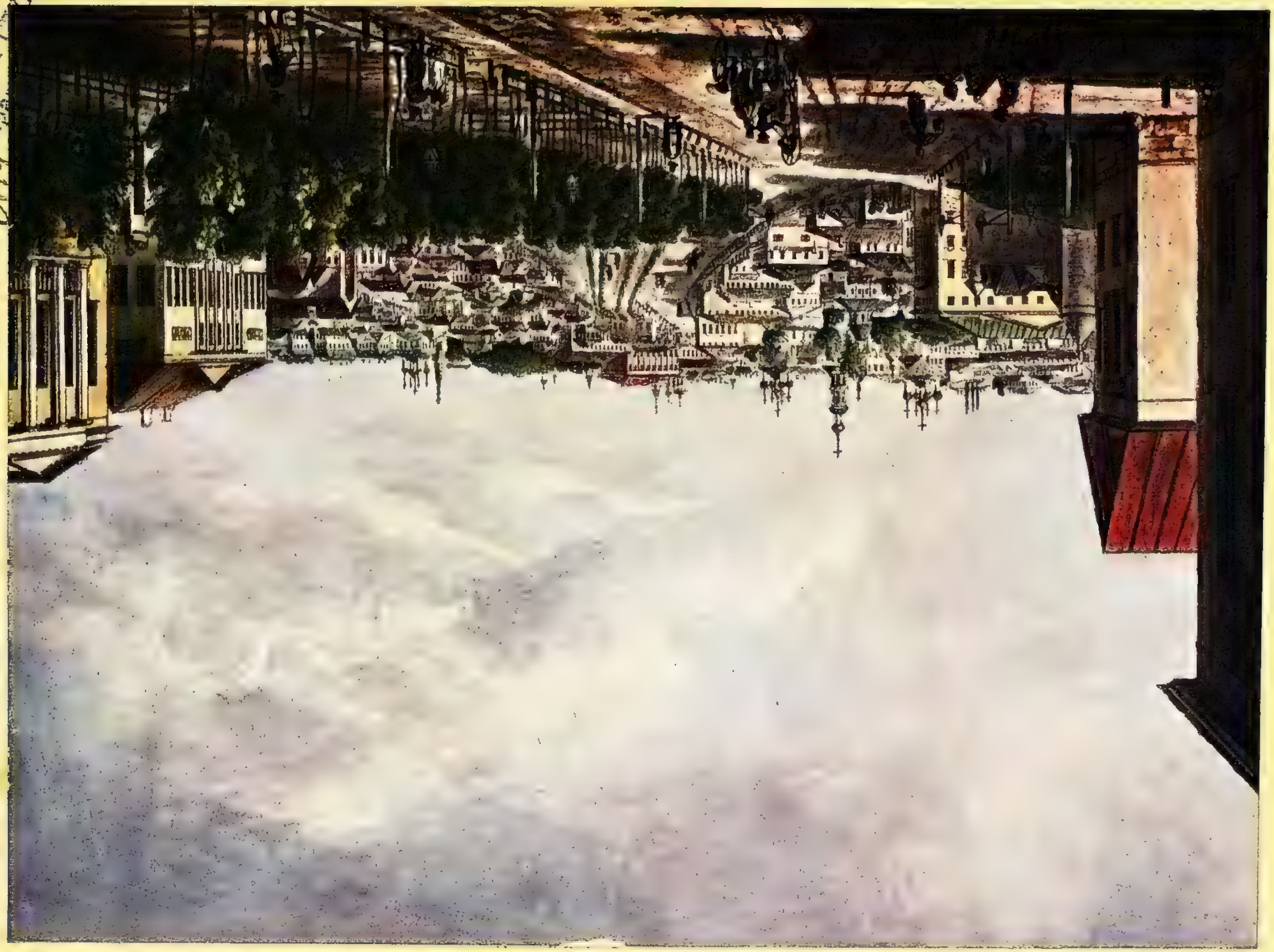
При опредѣленіи размѣра надѣловъ Редакціонныя комиссіи раздѣлили Европейскую Россію на 4 полосы и опредѣлили для каждой изъ нихъ минимальную и максимальную цифру высшаго надѣла, а именно: 1) въ черноземной полосѣ высшій надѣлъ колебался съ промежуточными цифрами между $2^2/_4$—6 десятинами на ревизскую душу; 2) для нечерноземныхъ губерній къ сѣверу и сѣверо-востоку отъ черноземной полосы высшій надѣлъ былъ больше сравнительно съ черноземными, а именно, отъ $3^1/_4$ до 8 десятинъ, благодаря большему количеству свободныхъ земель, меньшему числу населенія, а равно и меньшей плодородности земли; 3) въ степной полосѣ высшій надѣлъ колебался между $6^1/_2$ — 12 д.

Петровскій бульваръ въ Москвѣ въ началѣ XIX в. Исторический музей,

Исторический музей

Петровский бульвар в Москве в начале XIX в.

БИБЛИОТЕКА СЛУЖАЩИХЪ



съ промежуточными цифрами; 4) что же касается до юго- и сѣверо-западной полосы Россіи, то minimum высшаго надѣла здѣсь былъ равенъ $2^3/_4$ (для губ. Екатеринославской, Херсонской), возвышаясь до $10^1/_2$ десятинъ (въ Волынской губ.).

Устанавливая эти цифры, Редакціонныя комиссіи выразили „опасенія что принятыя ими нормы наибольшихъ надѣловъ малы и ни въ какомъ случаѣ дальнѣйшему пониженію подлежать не могутъ“. Несмотря на это категорическое заявленіе, комиссіи въ періодъ дѣятельности своей подъ предсѣдательствомъ гр. Панина, послѣ повѣрки предположенныхъ надѣловъ на мѣстахъ и подъ вліяніемъ оппозиціи призванныхъ изъ губерній депутатовъ дворянства, понизили высшія нормы надѣловъ въ 73 уѣздахъ разныхъ губерній въ размѣрѣ отъ $^1/_4$ до 2 десятинъ. Но этимъ торжество крѣпостниковъ не ограничилось: Главный комитетъ и Государственный Совѣтъ произвели новыя сокращенія въ высшихъ надѣлахъ отъ $^1/_4$ до $3^1/_2$ десятинъ... И, наконецъ, въ послѣдней редакціи „Положенія“ 19 февраля также были произведены измѣненія въ комиссіонныхъ нормахъ. Въ общемъ „пониженіе высшаго надѣла имѣло мѣсто въ 107 уѣздахъ или частяхъ ихъ, т.-е. въ $46^0/_0$“ (Иванюковъ).

С. С. Ланской.

Мы все время говорили о высшемъ надѣлѣ, не касаясь низшаго, потому что послѣдній составлялъ $^1/_3$ высшаго для каждой мѣстности, и такимъ образомъ стоялъ въ пропорціональной зависимости отъ высшаго и опредѣлялся имъ. Итакъ, въ одномъ и томъ же уѣздѣ крестьянскій надѣлъ могъ равняться $2^3/_4$ десятинъ въ одномъ имѣніи, а въ другомъ сосѣднемъ могъ составлять $^1/_3$ этой цифры, т.-е. $^{11}/_{12}$ десятины=2.200 саженямъ. Высшій и низшій надѣлы были только нормами, за которыя не должны переходить существующіе надѣлы ни вверхъ, ни внизъ. При реализаціи „Положенія“ 19 февр. обыкновенно брали существующій надѣлъ крестьянина, данный ему помѣщикомъ еще въ крѣпостное время, и сравнивали его съ высшей и низшей нормой опредѣленнаго для данной мѣстности надѣла, и если существующій надѣлъ оказывался больше опредѣленнаго „Положеніемъ“ высшаго, то излишекъ

отрѣзали въ пользу помѣщика; когда же существующій надѣлъ былъ ниже $^1/_3$ высшаго для данной мѣстности, то отъ помѣщичьихъ земель отрѣзали части для восполненія этой трети надѣла. Въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ существующій надѣлъ стоялъ между низшей и высшей нормой для данной мѣстности, онъ оставался неизмѣннымъ, кромѣ того случая, когда крестьяне соглашались принять отъ помѣщика въ безвозмездный даръ $^1/_4$ высшаго надѣла, иначе говоря, когда они отказывались въ пользу помѣщика отъ нормальнаго надѣла, довольствуясь ничтожною частью земли съ тѣмъ, чтобы недостающую уступленную помѣщику часть своего надѣла арендовать затѣмъ у него же по высокой цѣнѣ. Четвертной надѣлъ былъ ловушкой, разсчитанной на несообразительность крестьянъ, которымъ съ перваго раза могло показаться даже „милостью“ со стороны помѣщика получить безъ всякаго вознагражденья кусочекъ земли и развязаться окончательно съ крѣпостникомъ. Для послѣдняго же, особенно въ черноземной плодородной полосѣ, было прямою выгодою удержать за собою наибольшее количество чернозема, который можно было отдавать въ аренду тѣмъ болѣе выгодно, чѣмъ больше будутъ нуждаться въ немъ обездоленные нищенскимъ надѣломъ крестьяне, получавшіе въ черноземной полосѣ иногда по $^3/_4$ десятины на душу, при высшемъ нормальномъ надѣлѣ въ 3 десятины.

Но помимо этой, въ „Положеніи“ была продѣлана еще одна отдушина для дворянскихъ интересовъ въ ущербъ обдѣляемыхъ крестьянъ.

Редакціонныя комиссіи, „уступая одному лишь согласному требованію всѣхъ почти губернскихъ комитетовъ, въ соединеніи съ желаніемъ устранить, по возможности, разрывъ непосредственной связи помѣщика съ принадлежащею ему землею“, признали за помѣщиками право во всякомъ случаѣ сохранить за собою $^1/_3$ своей земли, хотя бы для этого пришлось урѣзать крестьянскіе надѣлы.

Изъ существующаго факта поземельныхъ отношеній исходили Редакціонныя комиссіи и тогда, когда опредѣляли размѣры повинностей крестьянъ помѣщику за отводимые имъ въ пользованіе или на выкупъ надѣлы.

Если существующій фактъ земельныхъ надѣловъ не могъ служить безобидной нормой, то тѣмъ болѣе наивно было считать оброки и барщины крѣпостныхъ за безобидное для крестьянина вознагражденіе помѣщику, который въ заурядныхъ случаяхъ, конечно, бралъ съ крѣпостныхъ все, что было у нихъ сверхъ „хлѣба насущнаго“. Либеральные члены комиссій сознавали это, но вынуждены были остановиться на принципѣ существующихъ повинностей, какъ наименьшемъ злѣ, которое, въ концѣ-концовъ, было превращено въ наибольшее, благодаря отступленіямъ и уступкамъ, сдѣланнымъ въ пользу крѣпостниковъ и въ этой части „Положенія“.

Исходя изъ существующихъ повинностей, какъ приближенной нормы вознагражденія крестьянами помѣщика за отводимый имъ надѣлъ, комиссіи

на основаніи собранныхъ свѣдѣній о повинностяхъ по всѣмъ губерніямъ, отбросивъ несообразности, установили для высшаго надѣла каждой изъ 4-хъ полосъ высшую норму оброка, который понижался при уменьшеніи числа десятинъ надѣла. „Положеніемъ“ было установлено четыре высшихъ нормы оброка съ высшаго душевого надѣла: 12, 10, 9 и 8 рублей; при чемъ, при оцѣнкѣ надѣла, принимались во вниманіе не только количество и качество земли, но и промысловыя выгоды мѣстности: этимъ только объясняется тотъ странный фактъ, что оброчные и выкупные платежи въ нечерноземныхъ и неплодородныхъ губерніяхъ были оцѣнены не ниже черноземныхъ надѣловъ. Но любопытнѣе всего было распредѣленіе этого высшаго платежа на отдѣльныя десятины надѣла въ томъ случаѣ, когда надѣлы крестьянъ не достигали высшей нормы. Повидимому, самое безхитростное распредѣленіе состояло бы въ дѣленіи цифры выкупного платежа на цифру десятинъ надѣла. Такъ, если полный надѣлъ въ данной мѣстности нечерноземной полосы равнялся 4 десятинамъ, а высшая плата за этотъ надѣлъ была установлена въ 12 рублей, то естественно, что получившій вмѣсто четырехъ—три десятины долженъ былъ бы платить за нихъ 9 руб., за 2 дес.—6 руб., за $1^1/_3$ (minimum) 4 рубля и т. п.; но „Положеніе“ не остановилось на этой естественной системѣ соотношенія платежей и надѣловъ, а создало своеобразную градацію, благодаря которой наибольшая часть платежа падала въ нечерноземной полосѣ на первыя двѣ, въ черноземной—на первую десятину надѣла; а именно, въ нечерноземной полосѣ на первую десятину надѣла падала половина полнаго выкупного платежа; на вторую—$^1/_4$; и, наконецъ, на всѣ послѣдующія — остальная четверть. Это значитъ, что при высшемъ четырехдесятинномъ надѣлѣ и при двѣнадцатирублевомъ платежѣ за него крестьянамъ приходилось платить:

За 1-ю десятину—6 руб., за 2-ю—3 руб., за 3-ю—$1^1/_2$ руб., за 4-ю—$1^1/_2$ руб.

Въ черноземныхъ губерніяхъ платежъ распредѣлялся нѣсколько проще: за 1-ю десятину платили 4 рубля, а остающуюся сумму платежа разлагали поровну на остальныя десятины. Напр., при четырехдесятинномъ высшемъ надѣлѣ и десятирублевой платѣ, за первую десятину—4 руб., за каждую изъ трехъ слѣдующихъ по 2 рубля.

Конечно, для того, кто получалъ полный надѣлъ, такое распредѣленіе ничего не значило; но иное дѣло было для получившихъ неполные надѣлы. Такъ, въ нечерноземной мѣстности, гдѣ при 12 рубляхъ съ полнаго надѣла въ 5 десятинъ получившій высшій надѣлъ платитъ среднимъ числомъ съ десятины 2 руб. 50 коп., получившій ниже 5 десятинъ будетъ за каждую десятину платить тѣмъ больше, чѣмъ меньше десятинъ войдетъ въ его надѣлъ. Такъ, получившій 4 десятины будетъ платить за первую—6 руб., за вторую—3 руб., за третью—1 руб., за четвертую — 1 руб. За всѣ четыре — 11 руб.

За каждую въ среднемъ—2 р. 75 коп. (вмѣсто 2 р. 50 коп.). Получившій въ той же мѣстности надѣлъ въ три десятины платитъ за первую—6 руб., за вторую—3 р., за третью—1 руб. За три—10 руб. Въ среднемъ съ каждой десятины 3 руб. $33^1/_3$ коп. (вмѣсто 2 р. 50 к.) и т. д. Отсюда вытекало слѣдующее противоестественное основаніе: чѣмъ меньше надѣлъ, тѣмъ тяжелѣе обложена каждая десятина. Эта экономическая несообразность имѣла свою сложную исторію. Она вытекала изъ желанія, при выкупѣ земли, скрыто оплатить помѣщику потерю крѣпостного труда; а потому въ плату за первую или за первыя двѣ десятины надѣла была вложена оцѣнка земли и крѣпостного труда крестьянина.

Въ другой части своей работы Редакціонныя комиссіи дальше всего вышли изъ рамокъ рескриптовъ, устанавливавшихъ, что „крестьяне должны быть распредѣлены на сельскія общества, помѣщикамъ же предоставляется вотчинная полиція“. Даже въ разгарѣ дѣятельности Губернскихъ комитетовъ правительство думало о созданіи въ лицѣ помѣщика „начальника общества“ и въ данной комитетомъ „Программѣ“ установила широкія рамки его компетенціи надъ сельскимъ обществомъ. Но агитація литературы и доводы многихъ проектовъ склонили правительство въ пользу уничтоженія вотчинной власти помѣщика, за которымъ „Редакціонныя комиссіи“ сохранили почетное право „предоставить крестьянамъ возможность находить въ помѣщикѣ, когда этотъ послѣдній изъявитъ на то свое согласіе, защиту отъ возможныхъ притѣсненій“. Вмѣстѣ съ тѣмъ комиссіи признали, что „замѣна прежней полицейской безотчетной власти и безотчетнаго суда помѣщика правильнымъ полицейскимъ и судебно-полицейскимъ устройствомъ крестьянъ представляется однимъ изъ важнѣйшихъ условій улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ и самого выхода ихъ изъ крѣпостной зависимости“. Для реализаціи этой задачи Редакціонныя комиссіи первоначально предполагали создать два крестьянскихъ учрежденія, совершенно независимыя одно отъ другого: 1) сельскія общества съ полицейско-административными функціями и 2) поземельныя общины для удовлетворенія хозяйственныхъ и бытовыхъ нуждъ сельскаго міра, съ возложеніемъ на нихъ круговой поруки въ отбываніи повинностей за мірскую землю. Но въ окончательной стадіи обсужденія внутренняго устройства крестьянскаго міра Редакціонныя комиссіи превратили эти два органа крестьянскаго самоуправленія въ подчиненныя одно другому учрежденія въ административно-полицейскомъ смыслѣ, переименовавъ сельское общество въ волость, а общину—въ сельское общество. Органомъ волостного управленія являются волостной сходъ и выборный послѣднимъ волостной старшина; органомъ сельскаго самоуправленія были опредѣлены сельскій сходъ и выбираемый имъ староста, сотскіе, десятскіе, сборщики податей и др. Сельское общество въ лицѣ своего старосты, сотскихъ и другихъ выборныхъ лицъ подчинялось

въ административномъ отношеніи волостному старшинѣ, который, въ свою очередь, вмѣстѣ съ сельскими выборными, долженъ былъ „исполнять безпрекословно всѣ законныя требованія мирового посредника, судебнаго слѣдователя, земской полиціи и всѣхъ установленныхъ властей, по предметамъ ихъ вѣдомства“. Такимъ образомъ, по справедливому замѣчанію А. А. Корнилова, Редакціонныя комиссіи, высказавъ первоначально мысль о необходимости учрежденія двухъ параллельныхъ, другъ отъ друга независимыхъ организацій,—одной для завѣдыванія поземельными общинными распорядками и другой—для правительственныхъ административныхъ цѣлей, въ концѣ-концовъ, незамѣтно пришли къ тому, чего сами опасались вначалѣ, — къ учрежденію двухъ инстанцій крестьянскихъ учрежденій, изъ которыхъ обѣ оказались учрежденіями административными, при чемъ въ обѣихъ принципъ самоуправленія парализовался подчиненностью ихъ общимъ бюрократическимъ полицейскимъ и административнымъ властямъ. Нѣкоторая самостоятельность предоставлена была сельскимъ сходамъ лишь по хозяйственнымъ дѣламъ; по дѣламъ же административнымъ подъ видомъ самоуправленія выработана была въ сущности система выборныхъ полицейскихъ должностныхъ лицъ, вполнѣ подчиненныхъ въ своихъ дѣйствіяхъ общей полиціи и администраціи“. Впослѣдствіи надъ этой административной и полицейской опекой крестьянскаго міра была сооружена реставрированная изъ обломковъ комитетскихъ работъ благожелательная и всеобъемлющая власть земскихъ начальниковъ (12 іюня 1889 г.), въ лицѣ которыхъ были слиты административная „полнота власти“ съ всеобъемлющею „благожелательностью“ вотчинника.

Имп. Марія Александровна.

IV.

При взглядѣ на реформу 19 февраля 1861 г. выносятся отъ нея неодинаковыя впечатлѣнія въ зависимости отъ того, разсматривать ли эту реформу съ точки зрѣнія послѣдствій ея для крестьянства, или въ связи съ тѣми правительственными началами, съ заявленными интересами и требованіями дворянства, какіе предшествовали, сопровождали и неотразимо вліяли на созданіе „Положенія“ 19 февраля. Настоящее значеніе этой реформы, заслуги и грѣхи ея дѣятелей, а также направленіе равнодѣйствующей боровшихся силъ опредѣленно выяснятся именно при взглядѣ на эту реформу одновременно съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія—съ точки зрѣнія: 1) современ-

ныхъ ей господствующихъ лозунговъ и 2) обнаружившихся за полувѣковой періодъ послѣдствій этой реформы, которыя въ своихъ положительныхъ и отрицательныхъ проявленіяхъ служатъ нелицепріятной и неумолимой оцѣнкой изложеннаго выше историческаго переворота.

Проектъ „Положенія“, какимъ онъ вышелъ изъ Редакціонныхъ комиссій, не совпадалъ въ значительной части своего объема съ интересами дворянства, или, лучше сказать, съ тѣми запросами большинства дворянъ, которые были высказаны ими въ проектахъ Губернскихъ комитетовъ и въ отзывахъ депутатовъ отъ Губернскихъ комитетовъ, которые были вызваны въ Петербургъ въ два пріема во время работъ Редакціонныхъ комиссій для разсмотрѣнія этихъ работъ съ точки зрѣнія примѣнимости ихъ на мѣстахъ.

Насколько „Положеніе“ 19 февраля даже въ его урѣзанномъ видѣ ушло далеко отъ проектовъ большинства комитетовъ, видно изъ краткаго сравненія цифръ и общихъ началъ реформы въ проектахъ комиссій и комитетовъ. Сравнивая нормы надѣловъ, какъ они даны въ проектѣ Редакціонныхъ комиссій даже послѣ урѣзокъ ихъ, съ размѣрами надѣловъ по проектамъ Губернскихъ комитетовъ, г. Корниловъ находитъ, что эти послѣдніе въ большинствѣ комитетовъ ниже нормъ Редакціонныхъ комиссій болѣе, чѣмъ на 100%; въ нѣкоторыхъ губерніяхъ на 175, на 200 и даже на 300%.

То же наблюдается и въ отношеніи платежей: въ большей части Губернскихъ комитетовъ повинности крестьянъ были опредѣлены на 100 и болѣе процентовъ выше, чѣмъ нормы Редакціонныхъ комиссій,—и въ этомъ нельзя не видѣть значительныхъ заслугъ дѣятелей Редакціонныхъ комиссій: будучи помѣщиками, они не забыли интересовъ другой стороны. Немудрено поэтому, что призванные въ Петербургъ депутаты отъ большинства и меньшинства Губернскихъ комитетовъ—особенно депутаты 2-го призыва—съ яростью обрушились и на проекты, и на дѣятелей Редакціонныхъ комиссій, обвиняя ихъ въ нарушеніи воли Государя, священныхъ правъ собственности помѣщиковъ, по вопросамъ о выкупѣ надѣловъ, о размѣрахъ послѣднихъ и платежей, критикуя въ то же время съ полною основательностью полицейско-административное устройство сельскихъ обществъ.

Все это, конечно, говоритъ за то, что составители „Положенія“ 19 февраля поднялись высоко надъ претензіями своего сословія и окружающей ихъ среды настолько, что во многомъ занятыя ими позиціи приходится вновь завоевывать чрезъ 50 лѣтъ послѣ ихъ работъ, и съ этой точки зрѣнія 19 февраля представляется намъ великимъ историческимъ событіемъ, отъ котораго ведутъ начало лозунги и традиціи, не потерявшіе своей жизненности и силы до нашего времени.

Но одно дѣло умѣрить чрезвычайныя требованія дворянства,—другое дѣло удовлетворить насущныя нужды освобожденнаго крестьянства, а съ

этой точки зрѣнія „великая реформа“ оставила великія и тяжелыя задачи, которыя не разрѣшены еще и въ наше время.

Насколько экономическое состояніе крестьянъ, устроенныхъ согласно Положенію 19 февраля, не отвѣчало ихъ рабочимъ силамъ, реальнымъ нуждамъ и возложеннымъ на нихъ повинностямъ, мы увидимъ изъ данныхъ и соображеній, указывающихъ на это несоотвѣтствіе; послѣднее еще ярче выясняется при сравненіи земельно-платежныхъ отношеній помѣщичьихъ крестьянъ съ соотвѣтственными отношеніями удѣльныхъ и государственныхъ. Но это обстоятельство вводитъ насъ въ необходимость хотя бы кратко разсказать объ устройствѣ послѣднихъ двухъ категорій крестьянства, которыхъ было около 11 милліоновъ душъ передъ освобожденіемъ. Удѣльныхъ крестьянъ, принадлежавшихъ Императорской Фамиліи, которая являлась въ отношеніи къ нимъ вотчинникомъ, получавшимъ съ нихъ оброки, насчитывалось передъ реформою круглымъ числомъ до 900 тыс. душъ. Свободное устройство свое эти крестьяне окончательно получили въ Положеніи 1863 г. для удѣльныхъ крестьянъ. Хотя это устройство основано на „Положеніи“ 19 февраля, но безъ тѣхъ урѣзокъ, переоцѣнокъ и компромиссовъ, которые были допущены въ устройствѣ помѣщичьихъ крестьянъ; при этомъ находившіяся въ ихъ пользованіи земли и угодья были оставлены за ними не въ постоянное пользованіе, а въ собственность, которая становилась для сельскихъ обществъ безусловною черезъ 49 лѣтъ; при этомъ вносимые до 1863 года оброки были превращены безъ увеличенія въ выкупные платежи. Для упрощенія дѣла выкупъ удѣльныхъ земель былъ произведенъ при посредствѣ казны, которая выплачивала удѣлу полностью выкупную сумму изъ государственнаго казначейства, а сама получала съ крестьянъ выкупные платежи, избавивши такимъ образомъ удѣлъ отъ недоимокъ. При опредѣленіи надѣловъ „Положеніе“ 1863 г. было очищено отъ оговорокъ „Положенія“ 19 февраля. Существующій надѣлъ былъ сохраненъ съ пополненіемъ его изъ запасныхъ земель въ томъ случаѣ, когда количество тягловой земли въ дѣйствительности не отвѣчало цифрѣ табели поземельнаго сбора, при чемъ въ составъ надѣла, выкупаемаго крестьянами, включались только удобныя земли; неудобныя въ расчетъ выкупной суммы не принимались. Л. В. Ходскій, обстоятельнымъ трудомъ котораго мы здѣсь пользуемся, на основаніи статистическихъ данныхъ 18 губерній находитъ, что „удѣльные крестьяне не только не потеряли „запасныхъ“ своихъ земель, но средній надѣлъ ихъ по всѣмъ губерніямъ увеличился (дойдя до 4,8 десятины вмѣсто 4,2 десятины дореформеннаго надѣла)“.

Государственные крестьяне получили еще лучшее устройство. Это отчасти вызывалось историческимъ прошлымъ этой категоріи крестьянъ. Главную массу крестьянъ, называемыхъ государственными, составляли на сѣверѣ — мелкіе землевладѣльцы (своеземцы, черносошные крестьяне), соста-

влявшіе свободные общинные міры, а на югѣ и юго-востокѣ—мелкіе служилые люди, получавшіе въ московскій періодъ на степныхъ окраинахъ земли въ качествѣ жалованья за охрану русскихъ границъ отъ набѣговъ сосѣднихъ народовъ и народцевъ. Но уже съ эпохи Петра Великаго этихъ свободныхъ земледѣльцевъ собственниковъ стали разсматривать, какъ земледѣльцевъ, живущихъ на государственныхъ земляхъ, а потому и обязанныхъ платить государству оброкъ, подобно тому, какъ это обязаны были дѣлать крѣпостные крестьяне по отношенію къ своимъ помѣщикамъ. Точка зрѣнія эта съ каждымъ послѣдующимъ царствованіемъ все болѣе укрѣплялась, пока, наконецъ, въ царствованіе Екатерины II и Павла I не стали раздавать государственныхъ крестьянъ, какъ свою личную собственность, въ награду за подлинныя заслуги, а чаще — за личныя услуги, доводя эти раздачи до сотенъ тысячъ. Впрочемъ, практика эта со времени Александра I была прекращена, благодаря чему цифра государственныхъ крестьянъ ко времени освобожденія простиралась до 10 милліоновъ ревизскихъ душъ.

Послѣ ряда благожелательныхъ, но палліативныхъ экспериментовъ по улучшенію быта этихъ крестьянъ въ Николаевское время, подъ руководствомъ гр. Киселева, рѣшено было только въ новое царствованіе приступить къ устройству ихъ свободнаго быта, при чемъ министръ госуд. имуществъ гр. Муравьевъ, завѣдомый крѣпостникъ, въ своихъ проектахъ по вопросу о земельно-платежномъ устройствѣ государственныхъ крестьянъ не прочь былъ и на этихъ крестьянъ возложить „бремена неудобоносимыя“. И если ему это не удалось, то немалая роль въ томъ принадлежала началамъ „Положенія“ 19 февраля, а также и прошлому государственныхъ крестьянъ, такъ какъ при уясненіи вопроса о характерѣ историческихъ правъ государственныхъ крестьянъ на надѣльныя земли въ Главномъ комитетѣ и въ Государственномъ Совѣтѣ выяснилось очень опредѣленно теченіе въ пользу того, что земли, находящіяся въ дачахъ казенныхъ селеній, являются „имуществомъ и собственностью общественною, владѣніе коими принадлежитъ крестьянамъ безъ ограниченія времени и срока“. И хотя въ концѣ-концовъ восторжествовало мнѣніе, признавшее надѣлы государственныхъ крестьянъ собственностью казны, а, слѣдовательно, на эту категорію крестьянъ можно было распространить начала освобожденія по „Положенію“ 19 февраля съ правомъ безсрочнаго пользованія и выкупа на надѣльныя земли, все же при окончательномъ устройствѣ государственныхъ крестьянъ Муравьевцы не осмѣлились вложить въ земельно-платежныя отношенія этихъ крестьянъ тѣ изъяны, которые столь вредно отразились на устройствѣ быта крестьянъ помѣщичьихъ.

Въ обнародованномъ въ 1866 году „Положеніи о бывшихъ государственныхъ крестьянахъ“ за послѣдними сохранены всѣ земли и угодья, состоявшія до этого времени въ ихъ пользованіи; за эти земли крестьяне

Мясоѣдовъ.

Чтеніе Положенія 19 февраля 1861 г.

Третьяковская галлерея.

Тремпяковская таллеръ.

Чтеніе Положенія 19 февраля 1861 г.

Мясоѣдова.

БИБЛІОТЕКА СЛУЖАЩИХЪ
№ 5
ж. д
17.

должны были вносить казнѣ опредѣленную закономъ на каждыя 20 лѣтъ, плату, называемую „государственной оброчной податью“. Отводимые государственнымъ крестьянамъ надѣлы и платежи укрѣплялись за ними въ пользованіе особыми „владѣльными записями“, которыя, впрочемъ, не исключали возможности для общества выкупить свои надѣлы; но воспользовались этою возможностью немногіе государственные крестьяне, пока въ 1886 году выкупъ для нихъ не сталъ обязательнымъ, а „оброчная государственная подать“ не была превращена для нихъ въ выкупные платежи, въ фискальныхъ цѣляхъ. Взносъ этихъ платежей въ теченіе 44 лѣтъ и долженъ былъ образовать капиталъ, потребный для выкупа своихъ же земель, превращенныхъ въ собственность казны.

Экономическое устройство государственныхъ крестьянъ оказалось вдвое и втрое лучше помѣщичьихъ не только въ силу началъ „Положенія“ 1866 г. но и вслѣдствіе лучшаго положенія государственныхъ крестьянъ до 1861 г. При устройствѣ быта этихъ крестьянъ въ Николаевское время имѣли въ виду раздѣленіе всѣхъ уѣздовъ: 1) на многоземельные, по преимуществу незаселенные, гдѣ отводилось на душу 15 десятинъ высшаго надѣла, и 2) малоземельные, гдѣ высшій надѣлъ равнялся 8 десятинамъ. Всѣ излишнія сверхъ этихъ надѣловъ земли обращались въ оброчныя статьи или раздавались крестьянамъ за особую сверхъ оброка плату. При 5-десятинномъ надѣлѣ государственнымъ крестьянамъ предоставлялось право переселяться въ многоземельные уѣзды. Такимъ образомъ въ 50-хъ годахъ XIX вѣка государственные крестьяне разселялись сообразно съ ихъ потребностями въ землѣ или другими выгодными для нихъ условіями. При выдачѣ „владѣльныхъ записей“ 1866 г. государственнымъ крестьянамъ предоставлялось заявлять о своемъ малоземельѣ, если гдѣ таковое обнаруживалось вслѣдствіе прироста населенія или другихъ причинъ, при чемъ переселенцы избавлялись на 3 года отъ платежа подушной и оброчной подати, а равно и отъ земскаго сбора, а въ теченіе слѣдующихъ затѣмъ 3-хъ лѣтъ платили ихъ въ половинномъ размѣрѣ.

Что касается „государственной оброчной подати“ и выкупныхъ платежей, то хотя она и была повышена въ общей сложности на 2.006.145 руб., противъ существующихъ оброковъ, но въ распредѣленіи ея сообразовались съ дѣйствительными средствами плательщиковъ. Основаніемъ для опредѣленія этихъ средствъ для каждаго общества было: 1) количество земли на душу (чѣмъ больше земли, тѣмъ больше и платежи); 2) ея качество и 3) доходность. Если оброчная подать и падала иногда на промыслы, а не на одинъ только доходъ съ земли, гдѣ она мало приносила пользы, то во всякомъ случаѣ плата соразмѣрялась съ самою доходностью промысловъ.

При выясненіи недоданныхъ помѣщичьимъ крестьянамъ земель нельзя упускать изъ виду и того, что надѣлы въ каждомъ обществѣ давались только

такъ называемымъ „ревизскимъ душамъ“, т.-е. крестьянамъ мужского пола, записаннымъ въ предпослѣднюю десятую ревизію, которая была за нѣсколько лѣтъ до 1861 г.

Всѣмъ должно быть извѣстно, что такое была ревизія того времени по степени ея точности: великая эпопея „Мертвыя души“ является лучшимъ отразителемъ явленій, возможныхъ при этихъ ревизіяхъ. Въ интересахъ помѣщика было не показывать всего числа принадлежавшихъ ему душъ для уплаты за нихъ меньшихъ повинностей, такъ что можно навѣрняка сказать, что въ послѣднюю предъ реформой ревизію многія души не попали въ ревизскія, слѣдовательно, не получили и надѣловъ; если къ нимъ присоединить еще народившіяся послѣ ревизіи души, тогда образуется изрядное количество обездоленныхъ душъ, рты которыхъ должны были получать пищу съ надѣловъ своихъ родичей и односельчанъ.

Правда, эта несправедливость къ нѣкоторымъ душамъ была послѣ исправлена уже самою крестьянскою общиной путемъ передѣловъ, но зато сама община въ лицѣ этихъ душъ не дополучила многихъ душевыхъ надѣловъ. Если ко всему этому присоединить около полумилліона крестьянъ, получившихъ „ницценскіе“ надѣлы, и болѣе 720 тысячъ душъ „дворовыхъ“, которые совсѣмъ никакихъ надѣловъ не получили, то намъ станетъ понятнымъ, почему уже въ 70-хъ годахъ обнаружились грозные симптомы малоземелья и безземелья, а проф. Янсонъ съ цифрами въ рукахъ, хотя и сгущая краски, доказывалъ, что существующихъ крестьянскихъ надѣловъ недостаточно даже для прокормленія крестьянской семьи и живого инвентаря, не говоря уже о всякаго рода платежахъ и повинностяхъ.

В. Улановъ.

Великая княжна Марія Николаевна.

Земскія учрежденія 1864 года.

I.

Крестьянская реформа, положившая начало всесословной Россіи, поставила на очередь цѣлый рядъ вопросовъ величайшей государственной важности, среди которыхъ едва ли не первое мѣсто занималъ вопросъ о новой организаціи мѣстнаго самоуправленія. Этотъ вопросъ не былъ новинкой ни для правительства, ни общества. Его уже касались въ эпоху разработки крестьянскаго вопроса въ Губернскихъ комитетахъ, гдѣ была впервые высказана мысль, что съ паденіемъ крѣпостного права радикальнымъ образомъ должна измѣниться и мѣстная власть: она должна быть организована на принципахъ самоуправленія, предоставляющаго общественнымъ силамъ широкое поле для проявленія самодѣятельности въ интересахъ мѣстныхъ провинціальныхъ земскихъ дѣлъ. Наиболѣе опредѣленно эта мысль была высказана А. Унковскимъ, не только предусмотрѣвшимъ необходимость реформированія мѣстнаго управленія, но и указавшимъ тотъ путь, по которому должна идти эта земская реформа. Развитіе мѣстнаго самоуправленія, по мысли Унковскаго, должно было содѣйствовать сближенію между собой сословій, до сихъ поръ разъединенныхъ крѣпостными узами. Общая работа должна была въ корнѣ уничтожить историческую ненависть крестьянина къ землевладѣльцу. Предполагаемая реформа должна быть построена на принципахъ всесословности и самаго широкаго самоуправленія. Мѣстное самоуправленіе должно выйти за предѣлы уѣзда и охватить территорію значи-

тельно меньшую, чѣмъ уѣздъ. Только такая реформа освободитъ общество отъ опеки бюрократіи и уничтожитъ „систему злоупотребленій, возведенную на степень государственнаго устройства“. Вопросъ, поднятый Унковскимъ, вообще не встрѣчалъ принципіальныхъ разногласій. Необходимость переорганизаціи мѣстнаго управленія сознавалась всѣми, и реформа считалась вполнѣ своевременной: всѣ были прекрасно знакомы съ тогдашнею бюрократіею, какъ высшей, такъ и низшей. Но разногласія сейчасъ же начинались, лишь только поднимался вопросъ о способахъ осуществленія данной реформы. Тогда и вскрылись сословные аппетиты дворянства, безусловно желавшаго занять доминирующее положеніе въ мѣстномъ управленіи и не допускавшаго даже мысли о возможности его организаціи на началахъ всесословности. Такія же были теченія и въ Редакціонныхъ комиссіяхъ, въ которыхъ дѣлались попытки сохранить за дворяниномъ командующее положеніе въ раскрѣпощенной деревнѣ, но меньшинство депутатовъ Губернскихъ комитетовъ, вызванныхъ въ Редакціонныя комиссіи въ качествѣ „свѣдущихъ“ людей, высказались категорически за реформу мѣстнаго управленія на началахъ, общихъ для всѣхъ сословій. О своевременности введенія выборнаго мѣстнаго самоуправленія говорили также и дворянскіе адреса, подаваемые съ 1861 года. Такимъ образомъ принципъ всесословности, какъ основной принципъ будущей реформы самоуправленія, раздѣлилъ господствующій классъ на два лагеря. Это дѣленіе на партіи впослѣдствіи окажетъ огромное вліяніе на ходъ земской реформы: оно не только заставитъ отказаться комитетъ, предварительно разрабатывавшій проектъ „Земскаго Положенія“, отъ идеи мелкой земской единицы, выдвинутой А. Унковскимъ, но задержитъ осуществленіе принципа всесословности и выдвинетъ на первое мѣсто принципъ ему противоположный—сословный. Съ другой стороны, эта борьба двухъ противоположныхъ теченій принесетъ огромную пользу бюрократіи. Она оправится отъ удара, нанесеннаго ей ликвидаціей крѣпостного права, придетъ въ себя отъ охватившаго ее смущенія благодаря новому правительственному курсу и попытается на молодое земское самоуправленіе положить свою тяжелую руку, которая въ первые года введенія земствъ не была особенно тяжелой, но зато стала слишкомъ тяжелой въ годы усилившейся правительственной реакціи, когда сама идея „самоуправленія“ была взята подъ подозрѣніе.

Неудовлетворительное состояніе Николаевскихъ хозяйственно-распорядительныхъ комитетовъ сознавалось даже самимъ правительствомъ. Уже въ 1859 году опубликовывается Высочайшее повелѣніе приступить къ выработкѣ проектовъ преобразованія губернскихъ и уѣздныхъ хозяйственно-распорядительныхъ учрежденій. Согласно послѣднему, предполагалось предоставить хозяйственному управленію въ уѣздѣ большую самостоятельность, причемъ на будущую комиссію возлагалась обязанность опредѣленія „степени

участія каждаго сословія въ хозяйственномъ управленіи уѣзда". Эти высочайшія указанія должны были лечь въ основу бюрократической комиссіи, спеціально образованной съ этою цѣлью при Министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Но занятія этой комиссіи оказались довольно безплодными. При существованіи крѣпостного права Высочайше преподанныя указанія никоимъ образомъ не могли быть осуществлены. Поэтому работа стояла на одномъ мѣстѣ, и только послѣ 19 февраля 1861 г. она пошла болѣе ускореннымъ темпомъ. Вырабатывая проектъ земскаго самоуправленія, комиссія считалась съ существовавшими тогда въ наукѣ теоріями самоуправленія: хозяйственной и общественной. Первая допускала существованіе общества съ его собственными хозяйственными нуждами, не имѣющими ничего общаго съ нуждами государства. Согласно этой теоріи — всякое „самоуправленіе является такой же самостоятельной, органически единой формой общежитія, какъ и само государство. Самоуправленіе и государство—два замкнутыхъ круга, двѣ самостоятельныхъ сферы общежитія, имѣющія особое специфическое содержаніе, мѣстные интересы, съ одной стороны, и національные, съ другой, и особую цѣль — попеченіе о тѣхъ и другихъ" [1]).

Гр. Д. А. Милютинъ.

Другая теорія не знаетъ никакихъ специфически мѣстныхъ интересовъ, отдѣльныхъ отъ интересовъ государства. Общество, въ завѣдываніи котораго находятся функціи чисто мѣстнаго характера, въ сущности беретъ на себя функціи правительственной власти.

Согласно этой теоріи, правительство поручаетъ обществу завѣдывать тѣми изъ государственныхъ интересовъ, съ которыми оно справится лучше, быстрѣе непосредственныхъ органовъ государства. Какъ бы то ни было, однако, и та и другая теорія выдѣляетъ самоуправляющееся общество изъ общаго состава правительственной администраціи, признавая тѣмъ самымъ самоуправляющееся общество независимымъ въ своихъ дѣйствіяхъ отъ администраціи. Поэтому, какъ государственное управленіе логически немыслимо безъ исполнительныхъ органовъ, такъ и самоуправленіе не должно быть

---

[1]) Гессенъ. „Вопросы мѣстнаго управленія", стр. 121.

лишено ихъ [1]). Правительству же принадлежитъ контроль надъ законностью дѣйствій самоуправляющагося общества.

Комиссія, образованная при Министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, была по своему составу чисто бюрократическая. Первымъ ея предсѣдателемъ былъ Н. А. Милютинъ, но скоро ему пришлось уйти въ отставку и уступить мѣсто Валуеву, крѣпостническіе взгляды котораго были хорошо извѣстны и не обѣщали ничего утѣшительнаго. Валуевъ рѣзко высказывался противъ всесословности будущаго земства и являлся сторонникомъ имущественнаго ценза, какъ условія пользованія активнымъ избирательнымъ правомъ. Конечно, комиссія была солидарна съ своимъ предсѣдателемъ. Далѣе, вслѣдъ за Валуевымъ, комиссія тоже предположила существованіе какихъ-то особенныхъ земскихъ дѣлъ, завѣдываніе которыми должно быть предоставлено мѣстному обществу, и въ то же время предполагала, что „земскимъ учрежденіямъ должна быть предоставлена дѣйствительная и самостоятельная власть въ завѣдываніи дѣлами мѣстнаго интереса, мѣстнаго хозяйства губерніи и уѣздовъ. Доколѣ дѣйствія земскихъ учрежденій касаются только мѣстнаго интереса, нѣтъ надобности въ участіи правительственной власти въ прямомъ ея вмѣшательствѣ и вліяніи на ходъ дѣлъ“. Итакъ, самостоятельность будущихъ земскихъ учрежденій, въ духѣ хозяйственной теоріи самоуправленія, считалась основнымъ факторомъ ихъ жизнеспособности.

При опредѣленіи компетенціи органовъ земскаго самоуправленія комиссія была поставлена въ затруднительное положеніе, такъ какъ не располагала достаточнымъ критеріемъ для того, чтобы разобраться въ томъ, какое дѣло надо признать мѣстнымъ или имѣющимъ государственный интересъ, да и руководящая теорія не давала на это никакого отвѣта.

Поэтому комиссіи оставалось придти къ не совсѣмъ опредѣленному рѣшенію, что „всякія дѣла, какія только касаются губерніи или уѣзда, всѣ факты, совершающіеся въ предѣлахъ административныхъ единицъ, относятся до извѣстной степени къ мѣстнымъ интересамъ. Общая государственная мѣра точно такъ же, какъ и отдѣльныя дѣйствія сельской и городской общины, имѣютъ прямое или косвенное вліяніе на интересы губерніи или уѣзды, въ предѣлахъ которыхъ онѣ приводятся въ исполненіе. Отнесеніе дѣла къ тому или другому разряду зависитъ отъ того, какой интересъ является въ дѣлѣ главнымъ, преобладающимъ, такъ сказать, характеристичнымъ. Во многихъ случаяхъ этотъ преобладающій интересъ виденъ съ перваго взгляда и не подлежитъ сомнѣнію или спору; въ другихъ разрѣшеніе подобнаго вопроса можетъ быть указано только практическими соображеніями и историческими данными“. Такимъ образомъ, члены комиссіи этимъ самымъ признаютъ, что на земство возлагаются дѣла чисто государственнаго харак-

---

[1]) Мелкая земская единица, т. I., стр. 54.

тера, порученныя государственной властью заботамъ союзовъ жителей той или другой мѣстности.

Затѣмъ комиссія отстаивала самостоятельность земскихъ учрежденій и независимость ихъ отъ администраціи, хотя впослѣдствіи сошла съ намѣченнаго курса. Въ концѣ-концовъ комиссія признала необходимымъ правительственный надзоръ за законностью дѣйствій земскихъ учрежденій для того, чтобы „были немыслимы нарушенія правъ частныхъ лицъ, общинъ и государствъ".

Первоначально комиссія предполагала организовать земское представительство на безсословномъ имущественномъ цензѣ, такъ какъ пришлось признать сословный принципъ дореформеннаго управленія не соотвѣтствующимъ требованіямъ жизни. Предполагалось, что имущественный цензъ долженъ равняться 15.000 руб., но духовенство и лица съ высшимъ образованіемъ пріобрѣтали активное избирательное право, владѣя значительно меньшимъ имущественнымъ цензомъ. Но противъ такого первоначальнаго предположенія комиссіи энергично протестовалъ Валуевъ, настаивавшій на томъ, что въ будущихъ земскихъ учрежденіяхъ число депутатовъ отъ дворянства должно быть больше въ сравненіи съ представителями другихъ сословій. Комиссіи пришлось согласиться съ предложеніемъ ея предсѣдателя, хотя ея послѣднее рѣшеніе рѣзко расходилось съ предыдущими ея заявленіями. Въ связи съ этимъ комиссія отказалась отъ всесословныхъ территоріальныхъ округовъ и остановилась на системѣ курій сословнаго оттѣнка. Немало спора возбудилъ вопросъ о предсѣдателѣ земскаго собранія. Сначала предполагалось предоставить земскому собранію изъ своей среды выбирать предсѣдателя, „довѣріемъ собранія облеченнаго", но, послѣ долгаго обсужденія, для поднятія престижа дворянства было рѣшено поручить предсѣдательство на собраніяхъ предводителямъ дворянства. Возбуждалъ большія разногласія также и вопросъ о составѣ земской управы. Между прочимъ, гр. Д. Толстой предложилъ ввести въ составъ земской управы одного члена отъ правительства, но это предложеніе было единогласно отвергнуто, такъ какъ „коронный членъ" или не будетъ имѣть существеннаго значенія, или это значеніе будетъ въ ущербъ самостоятельности представительнаго начала. Зато въ комиссіи прошелъ большинствомъ вопросъ о предсѣдательствованіи въ управѣ—предводителей дворянствъ.

Составленный проектъ „Земскаго положенія" былъ посланъ на заключеніе другихъ министровъ и главноуправляющихъ, высказавшихъ свои отдѣльныя замѣчанія.

Наиболѣе дѣльныя и серьезныя поправки были сдѣланы гр. М. А. Корфомъ, и кое-какія изъ нихъ были приняты къ свѣдѣнію при составленіи окончательной редакціи „Положенія". Отстаивая самостоятельность будущаго земства, гр. М. А. Корфъ былъ противъ предсѣдательствованія предводителя

дворянства въ земскихъ управахъ, указывая на затруднительное положеніе предводителя, избираемаго дворянскимъ собраніемъ, а обязаннаго нести отвѣтственность, какъ предсѣдателя управы, передъ другимъ собраніемъ. Кромѣ того, не всякій предводитель можетъ выполнять обязанности предсѣдателя управы. Государственный Совѣтъ, разсматривавшій проектъ Положенія, согласился съ замѣчаніями гр. Корфа. Къ сожалѣнію, рядъ другихъ замѣчаній гр. Корфа былъ оставленъ безъ вниманія, въ особенности, его указанія на необходимость имѣть земскому собранію предсѣдателемъ лицо, избранное самимъ собраніемъ, а не предсѣдателя по должности въ лицѣ предводителей дворянства. Послѣ критики проекта „Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ“ было утверждено, и перваго января 1864 года было опубликовано; его введеніемъ былъ нанесенъ первый, и притомъ сильный ударъ системѣ централизаціи въ мѣстномъ управленіи и всемогуществу бюрократіи.

II.

По положенію 1864 года земскія учрежденія дѣлятся на уѣздныя и губернскія. Лица, удовлетворяющія извѣстному цензу, выбираютъ гласныхъ, составляющихъ уѣздное собраніе. Это органъ распорядительный. Для веденія земскаго хозяйства избирается уѣздная земская управа, состоящая изъ предсѣдателя и нѣсколькихъ членовъ. Губернское собраніе составлялось изъ депутатовъ, избранныхъ уѣздными собраніями. Исполнительнымъ органомъ является губернская земская управа въ составѣ предсѣдателя и нѣсколькихъ членовъ. Предсѣдатель и члены управъ избираются на три года, при чемъ за администраціею оставалось право утвержденія избранныхъ предсѣдателей.

Избирательное право по положенію 1864 года было построено на принципѣ куріальной системы. Всѣ избиратели дѣлились на три куріи: 1) землевладѣльцевъ всѣхъ сословій, 2) городскихъ обществъ и 3) сельскихъ обществъ. Участіе въ первой куріи обусловливалось владѣніемъ недвижимымъ имуществомъ въ уѣздѣ стоимостью 15 т. рублей, или торгово-промышленнымъ предпріятіемъ съ 6000 годовымъ оборотомъ, или земельной собственностью въ размѣрѣ не менѣе 200 десятинъ. Помимо этого, въ составъ первой куріи входили уполномоченные отъ мелкихъ землевладѣльцевъ, владѣвшихъ цензомъ не ниже $^1/_{20}$ полнаго ценза. Правомъ голоса пользовались только мужчины. Правомъ голоса во второй куріи пользовались: a) имѣвшіе купеческія свидѣтельства, b) владѣльцы промышленныхъ заведеній съ годовымъ оборотомъ менѣе 6000 рублей, c) лица, владѣвшія недвижимостью въ городахъ—цѣною отъ 600 руб., въ городахъ, имѣвшихъ менѣе 2000 жителей, до 3600 руб., въ городахъ съ населеніемъ болѣе 10 т. человѣкъ. Кромѣ того, отъ всѣхъ переименованныхъ лицъ и учрежденій могли принимать участіе повѣренные. Что касается гласныхъ отъ сельскихъ

Великая Княгиня Елена Павловна.

К. П. Брюлловъ. Музей Александра III.

обществъ, то они избирались двухстепенной подачей голосовъ: сначала сходы избирали выборщиковъ; изъ числа послѣднихъ составлялся съѣздъ сельскихъ избирателей, которые и избирали гласнаго, при чемъ послѣдній могъ быть избранъ и не изъ среды крестьянъ. Помимо этого, чтобы быть избраннымъ въ гласные — необходимо, чтобы кандидатъ въ послѣдніе удовлетворялъ слѣдующимъ отрицательнымъ условіямъ, какъ-то: не состоялъ подъ надзоромъ полиціи, подъ судомъ и слѣдствіемъ и т. д. Всѣ земскіе гласные избираются на три года. Земскія собранія происходятъ ежегодно, но съ разрѣшенія администраціи можетъ быть созвано и неочередное земское собраніе. Для законности собранія требуется присутствіе не менѣе $^1/_3$ числа всѣхъ гласныхъ. Надзоръ за законностью дѣйствій земскихъ учрежденій принадлежитъ губернатору. Постановленія собранія, не опротестованныя въ семидневный срокъ, вступаютъ въ силу. Впрочемъ, за земскими учрежденіями остается право протеста на дѣйствія администраціи.

Великій кн. Константинъ Николаевичъ.

Въ завѣдываніи земскихъ учрежденій находятся: 1) земскія повинности денежныя и натуральныя, 2) земскія имущества, 3) дороги, больницы, дорожныя сооруженія, 4) земская почта, 5) лѣчебныя и благотворительныя заведенія, 6) народное продовольствіе, 7) земское страхованіе. Кромѣ того, земство должно заботиться объ охраненіи народнаго здравія, предупрежденіи скотскихъ падежей, содѣйствіи земледѣлію, промышленности и торговлѣ, народномъ образованіи. Кромѣ того, земскія учрежденія пользуются правомъ ходатайства передъ правительствомъ о мѣстныхъ нуждахъ и пользахъ.

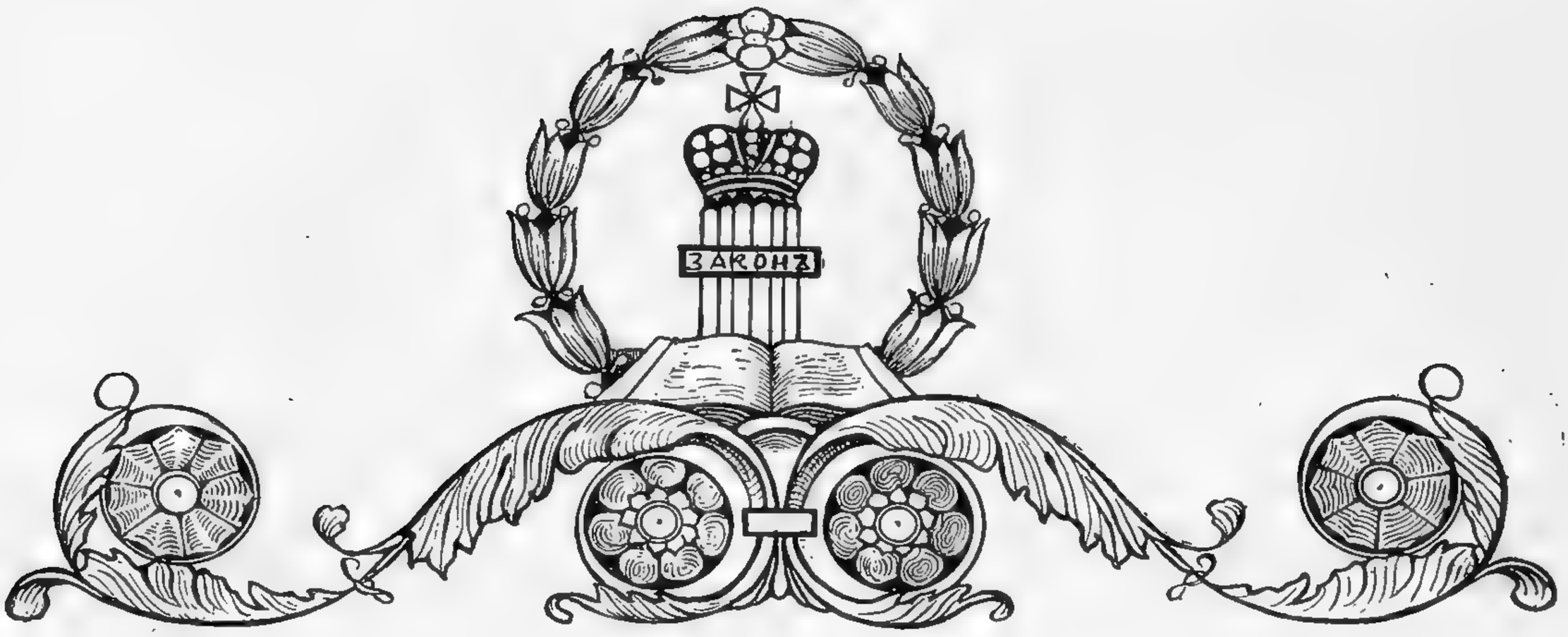
Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, конечно, имѣло существенные недостатки, которые рѣзко бросались въ глаза современникамъ, и которые правильно были поняты ими, какъ стремленіе со стороны правительства задержать демократизацію земскихъ учрежденій. Прежде всего въ Положеніи извращенъ принципъ всесословности. Принятая куріальная система была сословная по составу, благодаря чему гласный отъ каждой куріи являлся представителемъ только своей куріи и защитникомъ своихъ классовыхъ интересовъ. Затѣмъ распредѣленіе гласныхъ по куріямъ было такое, что землевладѣльцы имѣли въ собраніяхъ преобладающее мѣсто. Такъ, въ 33 губ., въ которыхъ было введено „Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ“, общее

число гласныхъ равнялось 13.024, изъ которыхъ на долю землевладѣльцевъ приходилось 6.204, сельскихъ обществъ 5.171 и городскихъ обществъ 1.649. Благодаря этому, за дворянствомъ было сохранено доминирующее положеніе на земскихъ собраніяхъ, которое стало еще замѣтнѣе благодаря вполнѣ возможному абсентеизму сельскихъ гласныхъ, часто лишенныхъ возможности присутствовать на земскихъ собраніяхъ благодаря тому, что это требовало дополнительныхъ расходовъ, сильно отягощавшихъ бюджетъ крестьянина.

Большимъ тормозомъ въ развитіи дѣятельности земскихъ учрежденій явился надзоръ администраціи за законностью постановленій земскихъ собраній. Сплошь и рядомъ губернаторскій протестъ парализовалъ дѣятельность земства, даже тогда, когда въ его дѣйствіяхъ не было ничего противозаконнаго. Правда, земства могли, въ свою очередь, признать дѣйствія администраціи незаконными и подать протестъ въ Сенатъ, но медленность дѣлопроизводства въ Сенатѣ дѣлала этотъ протестъ важнымъ въ принципіальномъ отношеніи и безцѣльнымъ въ практическомъ. Многія изъ земскихъ постановленій, опротестованныхъ губернаторомъ, должны были немедленно удовлетворить требованія жизни. Поэтому всякая задержка въ ихъ исполненіи сопровождалась не малымъ ущербомъ для интересовъ населенія. Если даже Сенатъ признавалъ губернаторскій протестъ неправильнымъ, то это обстоятельство не всегда могло удовлетворить запросы земствъ: весьма часто отмѣна Сенатомъ губернаторскаго протеста приходила слишкомъ поздно, и тогда сенатское постановленіе для земства не имѣло никакого практическаго значенія. Не совсѣмъ также удовлетворительно былъ рѣшенъ вопросъ о компетенціи земства, которая и не была точно формулирована. Нѣкоторая неясность давала возможность администраціи тормозить дѣятельность земскихъ учрежденій, считая тѣ или другіе вопросы не подлежащими компетенціи земства, на почвѣ чего возникало немало недоразумѣній между земствами и администраціей.

Таковы главные недостатки Положенія 1864 года. Несмотря на это, въ сравненіи съ дореформенными комитетами—это огромный шагъ впередъ по пути демократизаціи общественныхъ учрежденій и развитія децентрализаціи въ организаціи управленія.

В. Пичета.



Судебная реформа 1866 г.

Россійское государство за долгое свое существованіе пережило немало преобразовательныхъ начинаній правителей своихъ. Достаточно вспомнить сравнительно недавнюю реформаторскую дѣятельность Петра I, благодаря несокрушимой энергіи, желѣзной волѣ и выдающейся личной талантливости котораго Россія въ короткій срокъ, потерявъ внѣшній обликъ восточнаго государства, приблизилась къ Европѣ и стала могущественной военной державой, съ которой пришлось считаться всѣмъ ея сосѣдямъ.

Ломка, произведенная въ государственномъ и общественномъ организмѣ Россіи Петромъ, была радикальна, смѣла, не считалась съ настроеніемъ страны и ея прошлымъ. Реформы Петра, на много опередившія медленное, но самостоятельное, не предписанное сверху, эволюціонное движеніе тогдашняго общества, мало измѣнили, однако, не внѣшне, а дѣйствительно, политическое самосознаніе его, нравы и вѣрованія; онѣ не проникли въ глубь воззрѣній населенія, не были имъ „приняты“, и дали ощутительные результаты лишь въ той сферѣ государственной жизни, которая поддается внѣшней силѣ. Многія изъ законодательныхъ нововведеній Петра не привились вовсе, и цѣлый рядъ новеллъ, частью еще при немъ, а главнымъ образомъ, при его преемникахъ, былъ отмѣненъ или забытъ.

Полную противоположность, въ отношеніи дѣйствительнаго ихъ значенія и вліянія на жизнь общества, явили изъ себя государственныя реформы

императора Александра II—Царя-Освободителя. Едва ли мы ошибемся, сказавъ, что въ исторіи человѣчества рѣдко встрѣчаются столь величественныя картины коренного, но мирнаго преобразованія государства, въ смыслѣ движенія впередъ по пути гуманности, просвѣщенія и справедливости, чѣмъ та, какую явила изъ себя эпоха „великихъ реформъ“ царствованія Александра II. Никогда не повторится въ исторіи Россіи такое общественное движеніе, пересоздавшее въ короткій сравнительно срокъ, и не внѣшне только, не временно, нашу государственную и общественную жизнь.

Реформы, въ которыя вылилось это движеніе, не свершились неожиданно для общества, — онѣ подготовлялись въ немъ въ теченіе достаточно долгаго срока. Идеи, положенныя въ основу наиболѣе крупныхъ новеллъ Александра II, вырабатывались подъ вліяніемъ духовнаго сближенія съ Европой, знакомства съ ея политическими взглядами, съ ея обширной литературой и наукой въ средѣ небольшой сравнительно группы передовыхъ людей царствованія Александра I и Николая Павловича. Но выдающееся качество ихъ заключалось именно въ томъ, что положенія, о которыхъ мы говоримъ, не заимствовались механически изъ европейскихъ образцовъ, а перерабатывались въ согласіи съ ясно выраженными правовыми и другими взглядами общей массы населенія и условіями русской жизни, создавались, какъ результатъ отвлеченнаго спора между представителями чистаго западничества и славянофильства. Всѣ онѣ оказались жизнеспособными.

Дореформенное состояніе Россіи ко времени кончины императора Николая I, какъ то хорошо извѣстно по историческимъ матеріаламъ той эпохи, было болѣе чѣмъ печально, и не легка была государственная задача ликвидаціи наслѣдія, оставленнаго Николаемъ Павловичемъ, и оздоровленія государства и общества. Попытки въ послѣднемъ направленіи дѣлались и раньше, но онѣ оставались безрезультатными, являясь, говоря языкомъ криминалистовъ, „покушеніями съ негодными средствами“. Дѣло сводилось часто къ составленію особыми комиссіями того или другого количества томовъ ихъ „трудовъ“, которые сдавались затѣмъ въ архивъ, оставаясь даже неизвѣстными обществу. Въ лучшемъ случаѣ получались мелкія законодательныя поправки, ничего почти не мѣнявшія. Во всѣхъ подобныхъ начинаніяхъ не хватало одного, но самаго необходимаго условія успѣха,—живого и смѣлаго реформаторскаго духа, рѣшимости разстаться съ устарѣлыми правовыми и бытовыми воззрѣніями, казавшимися вѣрными и крѣпкими устоями государственнаго порядка, съ узкою сословностью. Всякое начинаніе тормозилось страхомъ и недовѣріемъ къ самостоятельной иниціативѣ общества, страхомъ предъ формальнымъ умаленіемъ произвольной власти начальства, и вѣрою въ спасительную мощь бюрократіи. Такъ было съ проектами уничтоженія крѣпостнаго права, съ пересмотромъ уложенія о наказаніяхъ, съ планомъ коренного переустройства суда и выработкою новыхъ процессуальныхъ уста-

вовъ — гражданскаго и уголовнаго. Уже съ 1843 года рядъ комитетовъ, а въ томъ числѣ созванная въ 1850 году извѣстная комиссія графа Блудова, работали надъ реформированіемъ суда, но работы эти не увѣнчались успѣхомъ и послужили лишь матеріаломъ для образованной въ 1861 году, подъ фактическимъ предсѣдательствомъ государственнаго секретаря Буткова, комиссіи, выработавшей, наконецъ, „основныя положенія“, а затѣмъ и понынѣ дѣйствующіе судебные уставы, получившіе высочайшую санкцію 20 ноября 1864 года.

Дореформенные суды наши — гражданскія и уголовныя палаты, магистраты, ратуши, надворные суды, уѣздные суды, создавшіеся на основахъ сословности, безусловной письменности и канцелярской тайны, строжайшаго формализма, большого количества инстанцій и ревизіоннаго восхожденія дѣлъ по этимъ инстанціямъ—представляли изъ себя учрежденія дѣйствительно ужасныя, внушавшія презрѣніе, но въ то же время и страхъ, правому и неправому. Подкупность и взяточничество судебныхъ органовъ были общеизвѣстны; эти жестокія, особенно въ судебномъ дѣлѣ, язвы даже не скрывались. Судейской самостоятельности не существовало, и суды, какъ низшіе, такъ и высшіе, находились почти въ полномъ подчиненіи общему начальству, и трепетали и низкопоклонствовали предъ знатными и власть имущими. Въ судахъ засѣдали, кромѣ назначаемыхъ правительствомъ судебныхъ чиновниковъ, представители сословій, дворянскаго, купеческаго и крестьянскаго, избиравшіеся сословными обществами, но они не вносили въ темное царство суда свѣтлаго луча правосудія. Они,—это относится, конечно, лишь къ болѣе интеллигентнымъ представителямъ общества, — или превращались въ такихъ же чиновниковъ, какъ и назначенные, съ тѣми же пріемами и наклонностями, или ограничивали свою дѣятельность послушнымъ, — по указанію секретаря—подписаніемъ бумагъ и полученіемъ жалованья и подлежавшей распредѣленію между всѣми членами коллегіи, мзды. Засѣдатели отъ крестьянъ въ уѣздныхъ судахъ нерѣдко несли обязанности разсыльнаго и ставили для судьи самовары. Даже внѣшній видъ судебныхъ помѣщеній былъ отталкивающій: въ пріемной, канцеляріяхъ, да и во всѣхъ вообще помѣщеніяхъ, кромѣ „присутствія“, царила совершеннѣйшая грязь, было темно, и воздухъ казался пропитаннымъ испареніями алкогольнаго свойства и нечистымъ дыханіемъ чиновниковъ, сидѣвшихъ въ тѣснотѣ за столами и являвшихъ очень невзрачный видъ; оборванные, грязные, плохо обритые, часто съ подвязанной почему-то щекой, съ алчными взглядами, они не внушали никакого довѣрія явившемуся въ судъ просителю и ужъ ни за что не выпускали его изъ своихъ рукъ безъ взятія съ него хотя бы и малаго денежнаго дара, который быстро прятался или въ карманъ получившаго его, или подъ сукно стола, а то подъ „дѣло“. Дары старшими чинами, обыкновенно секретаремъ, спеціализировавшимся на такого рода дѣ-

лахъ, брались въ болѣе тонкой формѣ и чаще всего на дому. Секретарь въ судѣ былъ въ сущности почти исключительнымъ вершителемъ дѣлъ, что и понятно, такъ какъ дѣла не читались въ подлинникѣ членами судебной коллегіи, а выслушивался, чаще же всего просто подписывался, докладъ секретаря; секретарь былъ, какъ тогда говорилось, „докой“ въ дѣлопроизводствѣ и подысканіи въ многочисленныхъ томахъ Свода законовъ подходящихъ къ данному дѣлу статей. Уже передъ самымъ введеніемъ судебной реформы предварительное изслѣдованіе крупныхъ уголовныхъ дѣлъ было возложено на судебныхъ слѣдователей, а также былъ введенъ въ „соединенныхъ палатахъ“ устный докладъ дѣлъ, до этого же уголовныя палаты произносили свои рѣшенія, не только не видя обвиняемаго и свидѣтелей, но по актамъ дознанія, производившагося самостоятельно чинами полиціи, стоявшей во всѣхъ отношеніяхъ неизмѣримо ниже теперешней, при чемъ и призывавшіеся къ дознанію тогдашніе судебные эксперты — уѣздные и городовые врачи, въ большинствѣ случаевъ, стояли не многимъ выше своихъ коллегъ.

Благодаря письменнымъ докладамъ, требовавшимся не только для рѣшенія судебнаго дѣла по существу, но и по разнымъ частнымъ процессуальнымъ поводамъ, какъ уголовныя, такъ и гражданскія дѣла страшно разрастались и распухали, формируясь иной разъ въ десятки толстыхъ томовъ исписанной бумаги, съ ненужными повтореніями (буквальными) обстоятельствъ разсматриваемаго спора или событія, съ выпискою массы статей закона, часто приводившихся лишь для устрашенія и пораженія сторонъ, и введеніемъ въ данное дѣло совершенно не относящихся къ его существу обстоятельствъ, значительно его затемнявшихъ, чѣмъ облегчалась возможность дать дѣлу то или другое, не считавшееся съ справедливостью и законностью, направленіе,—правило, которымъ руководствовался описанный Гоголемъ („Мертвыя души“, II часть) знаменитый юрисконсультъ, взявшійся „обѣлить“ Чичикова; правило это — перепутать всѣ обстоятельства дѣла до полной невозможности разобраться въ нихъ, благодаря вплетенію въ дѣло совершенно постороннихъ данныхъ, примѣнялось весьма часто и съ тѣмъ же успѣхомъ. Медленность производства была выдающаяся, и иные процессы длились не годами, а десятками лѣтъ и зачастую приводили обѣ стороны почти что къ разоренію.

Дореформенная адвокатура совершенно не походила на настоящую, правильно организованную, состоящую изъ юристовъ, исполняющую свои обязанности подъ надзоромъ своего выборнаго органа—Совѣта и знакомую съ тѣмъ, что носитъ названіе адвокатской этики. Но вотъ именно такихъ свѣдѣній, пониманія идеи правосудія и высокихъ обязанностей агентовъ суда у старинныхъ повѣренныхъ, вѣрнѣе „ходатаевъ по дѣламъ“, не было совершенно. Да и юридическими познаніями въ дѣйствительномъ значеніи этого слова повѣренные не обладали. Между ними были дѣльцы, хорошо

знавшіе процессуальныя правила и гражданскій и уголовный кодексы, бенно тонко знавшіе, какъ „обойти“ тотъ или другой законъ, опытные въ дѣлѣ веденія „неправыхъ дѣлъ“ неправымъ путемъ и въ томъ, что тогда носило названіе „крючкотворства“. Дѣльцы эти задавались лишь единственной цѣлью наживы, что ими и достигалось. Между ними бывали даже знаменитости, отличавшіяся дѣйствительно способностью къ анализу и юридической казуистикѣ, но всего чаще лишь общей ловкостью. Такіе повѣренные являли изъ себя по внѣшности приличный, даже элегантный видъ и показывались въ обществѣ, но уваженіемъ они все-таки не пользовались: ихъ боялись, къ нимъ обращались за помощью въ случаѣ гражданской или уголовной бѣды, но на всѣхъ лежало какъ бы клеймо непорядочности. Сказанное относится лишь къ избраннымъ, къ лучшимъ людямъ дореформенной адвокатуры, а заурядный мелкій стряпчій и „ходатаї“ не пользовались даже и тѣнью внѣшняго уваженія, да и не заслуживали его. Иные изъ нихъ обладали нѣкоторыми свѣдѣніями по судопроизводственной части, знали, напримѣръ, на какой бумагѣ и какъ написать безошибочно съ формальной стороны прошеніе по „титламъ“ и другіе пріемы, но и только. Для такихъ адвокатовъ всѣ средства защиты и обвиненія были хороши; они шли и на подкупъ свидѣтелей, и на фабрикацію подложныхъ документовъ. Съ ними ихъ кліэнты, сколько-нибудь состоятельные, не стѣснялись, говорили съ ними на „ты“, подпаивали и вышучивали ихъ, но платили иной разъ порядочныя деньги. Совсѣмъ опустившіеся отъ пьяной безалаберной жизни, они въ концѣ-концовъ превращались въ простыхъ сочинителей полубезсмысленныхъ прошеній и въ профессіональныхъ лжесвидѣтелей, имѣвшихъ въ Москвѣ обычный пріютъ около присутственныхъ мѣстъ, близъ часовни Иверской Божіей Матери и недалеко отъ знаменитой „ямы“, гдѣ содержались несостоятельные должники, пребывавшіе тамъ во множествѣ и даже въ такомъ мѣстѣ раздѣленные по сословіямъ и со-

Гр. К. И. Паленъ.

стоянію, и гдѣ зачастую царило великое веселіе и даже учинялись кутежи.

То было время господства въ уголовномъ процессѣ теоріи формальныхъ доказательствъ, обязательныхъ для суда, хотя бы вовсе для него въ данномъ дѣлѣ неубѣдительныхъ, сводившихъ отправленіе правосудія въ лучшемъ случаѣ къ почти механическому взвѣшиванію и перечисленію подводимыхъ подъ опредѣленныя формулы обстоятельствъ, признаваемыхъ закономъ за улики. Существовали доказательства полныя и неполныя, большая или меньшая достовѣрность показаній свидѣтелей зависѣла, между прочимъ, отъ того, давалъ ли показанія человѣкъ знатный или простолюдинъ, лицо мужского пола или женщина, при чемъ законъ довѣрялъ послѣдней въ меньшей степени; не допускались къ свидѣтельству „явные прелюбодѣи, тайные истребители межевыхъ знаковъ и иностранцы, поведеніе коихъ суду неизвѣстно“.

Суду разрѣшалось въ извѣстныхъ случаяхъ обойтись безъ рѣшенія вопроса о виновности или невинности обвиняемаго въ преступленіи лица, а именно, допускалось „оставленіе обвиняемаго въ подозрѣніи“, каковое состояніе было, однако, небезразличнымъ для подсудимаго. Формула эта открывала широкій путь къ злоупотребленіямъ.

И все это темное, грязное, лицепріятное, далекое отъ истиннаго правосудія, дѣло суда было кореннымъ образомъ преобразовано изданіемъ и введеніемъ Судебныхъ уставовъ 1864 года, не оставившихъ камня на камнѣ отъ прежняго судоустройства и судопроизводства и оживившихъ новымъ свѣтлымъ духомъ какъ лицъ, перешедшихъ изъ старыхъ въ новыя судебныя учрежденія, такъ и впервые поступившихъ въ радикально-реформированное судебное вѣдомство.

Уже въ самомъ началѣ царствованія Александра II, какъ только по волѣ Государя замолкъ въ Севастополѣ воинственный громъ пушекъ, имъ былъ изданъ манифестъ, въ которомъ было начертано: „Правда и милость да царствуютъ въ судахъ; да развиваются повсюду и съ новой силой стремленія къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности, и каждый подъ сѣнію законовъ, для всѣхъ равно справедливыхъ, равно покровительствующихъ, да наслаждается въ мирѣ плодами трудовъ невинныхъ“. Затѣмъ въ Высочайшемъ манифестѣ, изданномъ при опубликованіи новыхъ судебныхъ уставовъ, было сказано: „Мы находимъ, что они (уставы) вполнѣ соотвѣтствуютъ желанію нашему водворить въ Россіи судъ скорый, правый, милостивый, равный для всѣхъ подданныхъ Нашихъ, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить въ народѣ то уваженіе къ закону, безъ коего невозможно общественное благосостояніе и которое должно быть постояннымъ руководителемъ всѣхъ и каждаго, отъ высшаго до низшаго“.

Маковскій. Императоръ Александръ II на смертномъ одрѣ. Солдатенковская галлерея.

Императоръ Александръ II на смертномъ одрѣ.

Маковскій.

Солдатенковская галлерея.

БИБЛІОТЕКА СЛУЖАЩИХЪ
Управленія Ж. Д.
Фонтанка, 117.
№ 7

Въ приведенныхъ знаменательныхъ словахъ манифеста звучатъ тѣ главныя основы, на которыхъ былъ построенъ новый судъ. Въ созданіи его, а именно въ составленіи судебныхъ уставовъ, кромѣ уже упомянутаго Буткова, участвовали: Стояновскій, Ровинскій, Буцковскій, Побѣдоносцевъ, Зарудный, Плавскій и другіе чины государственной канцеляріи. Выработанные ими законопроекты были внесены въ декабрѣ 1862 года въ Государственный Совѣтъ, который 2 октября 1864 года окончилъ разсмотрѣніе ихъ; 20 ноября того же 1864 года Судебные уставы были Высочайше утверждены. Законодательный актъ этотъ былъ подписанъ предсѣдательствовавшимъ въ Государственномъ Совѣтѣ княземъ П. П. Гагаринымъ. Введеніе уставовъ въ дѣйствіе послѣдовало въ 1866 году при министрѣ юстиціи Д. Н. Замятнинѣ, но первоначально лишь въ округахъ судебныхъ палатъ петербургской и московской.

Кн. П. П. Гагаринъ.

Впечатлѣніе, произведенное на общество введеніемъ судебныхъ учрежденій, было громадно, тѣмъ болѣе, что оно охватило всѣ слои населенія. Новый судъ впервые предсталъ предъ населеніемъ не какъ пугало и орудіе возмездія сильнаго надъ слабымъ, а, напротивъ, какъ охранитель правъ личныхъ и имущественныхъ всѣхъ гражданъ, какъ знатныхъ, такъ и простолюдиновъ. Впервые понятіе о „правѣ“ въ примѣненіи его къ жизни каждаго независимо отъ его званія и состоянія, о правовомъ существованіи, совершенно недоступномъ произволу кого бы то ни было, зародилось, а затѣмъ и окрѣпло въ сознаніи простыхъ обывателей, искренно дотолѣ не считавшихъ себя обладателями какихъ-либо правъ. И это сознаніе, это преобразованіе вчерашняго раба въ свободнаго человѣка, въ гражданина, произошло подъ вліяніемъ новаго суда. Доступная каждому камера мирового судьи стала школой гражданственности, олицетвореніемъ въ глазахъ мѣщанина, ремесленника, мелкаго приказчика дѣйствительной идеи безусловной справедливости. „Мировой“, гласно творя судъ, относился совершенно одинаково къ обѣимъ сторонамъ, хотя бы дѣло шло между чи-

новнымъ или богатымъ человѣкомъ и крестьяниномъ. Дѣла рѣшались мировымъ судьею тотчасъ же по возникновеніи ихъ, разбирались публично, безъ какихъ-либо оттяжекъ, и рѣшеніе провозглашалось судьею тутъ же, не выходя изъ засѣданія, при томъ рѣшенія и приговоры явно справедливые и нелицепріятные. Такой же публичной школой общественности стали и засѣданія окружнаго суда, особенно по дѣламъ уголовнымъ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Каждому, присутствовавшему въ засѣданіяхъ,— а въ первое время по введеніи Судебныхъ уставовъ публика въ большомъ количествѣ ходила въ судъ,—было ясно, что о подкупѣ, о сокрытіи истины, о постороннемъ давленіи на судъ не можетъ быть и рѣчи, ибо наиболѣе сложныя и крупныя уголовныя дѣла не только разсматривались публично, но рѣшались не чиновниками, а присяжными засѣдателями — простыми обывателями, по жребію становившимися судьями. И у судебныхъ слѣдователей, хотя ихъ производство шло не гласно, какъ обвиняемые, такъ и потерпѣвшіе убѣждались воочію, что равенство всѣхъ предъ закономъ не пустая и пышная фраза, не только вывѣска, повѣшенная на фронтонѣ зданія суда, а дѣйствительный, живой, примѣняемый всѣми лицами судебнаго вѣдомства, принципъ.

Но, несомнѣнно, наибольшее впечатлѣніе въ указанномъ направленіи было произведено мировыми судьями. Мѣстный судъ, хотя онъ носитъ названіе суда для разбора „мелкихъ дѣлъ“, на самомъ дѣлѣ особенно важенъ для населенія, ибо именно онъ отвѣчаетъ ежедневнымъ запросамъ жизни громаднаго большинства общества, а для не развитыхъ классовъ, нужды которыхъ онъ именно обслуживаетъ, является школой законности и правомѣрности. Удовлетворяя въ то же время требующіе быстраго разрѣшенія спорные вопросы и пререканія имущественнаго и личнаго характера, московскіе мировые судьи перваго избранія и ихъ преемники выполнили безукоризненно предлежавшую имъ задачу. Они заслужили великую благодарность и добрую память не только москвичей, но всей преобразованной Россіи, для которой московскій мировой институтъ послужилъ образцомъ и руководителемъ.

Съ глубокимъ уваженіемъ — я охотно сказалъ бы умиленіемъ — надлежитъ вспоминать имена первыхъ московскихъ выборныхъ судей, создавшихъ и укрѣпившихъ существующую и до настоящаго времени традицію доступнаго всему населенію разбирательства повседневныхъ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ,—традицію, выразившуюся въ близости суда, въ отсутствіи лишней формальности, въ быстротѣ, въ авторитетномъ учительствѣ судьи во время разбирательства, вызывавшемъ сочувствіе присутствовавшей публики. Въ числѣ первыхъ московскихъ судей нельзя не отмѣтить гг. Багряновскаго, Грекова, Полянскаго, Лопухина, Печкина, Бородаевскаго, Давыдова и многихъ другихъ судей. Трудно себѣ представить болѣе добросовѣстное отношеніе къ дѣлу, чѣмъ проявленное мировыми судьями г. Москвы.

Они отдавали дѣйствительно взятому на себя большому, отвѣтственному дѣлу всю свою работоспособность, все свое время и—внѣ частной, семейной жизни—не имѣли уже другихъ интересовъ. И обыватели, какъ участвующіе въ разбирательствѣ, такъ и просто зрители, „валомъ-валили“ въ камеры мировыхъ судей, признавъ ихъ добровольно и искренно „учителями жизни“ и относясь къ нимъ съ глубокимъ уваженіемъ и сердечною благодарностью.

Существенно важно, говоря о введеніи въ дѣйствіе Судебныхъ уставовъ Александра II, наиболѣе крѣпко и органически проникшихъ въ сознаніе русскаго общества и ставшихъ ему необходимыми, указать на то, что вообще первые дѣятели реформированнаго судебнаго вѣдомства какъ въ Петербургѣ, Москвѣ, такъ и въ провинціи, оказались на высотѣ великой задачи — дать Россіи самостоятельный, нелицепріятный, строго законный, но въ то же время справедливый и милостивый, судъ. То была эпоха особеннаго подъема всѣхъ духовныхъ и умственныхъ силъ русскаго общества. На всѣхъ поприщахъ, впервые послѣ долгаго перерыва открывшейся самодѣятельности общества, выступали особенно одаренныя лица, какъ на верхахъ, указывавшихъ пути, такъ и на мѣстахъ въ лицѣ заурядныхъ исполнителей. Въ эту эпоху расцвѣта всѣхъ областей духовнаго творчества, давшую Россіи братьевъ Милютиныхъ, кн. Черкасскаго, Ю. Самарина, Заруднаго, Ровинскаго, Стояновскаго, Аксаковыхъ, Тургенева, Гончарова, Григоровича, Салтыкова, Некрасова, Достоевскаго, Толстого, нашлись повсемѣстно люди, сумѣвшіе воплотить въ жизнь новые законы, принципы и взгляды.

Нельзя въ этомъ отношеніи обойти молчаніемъ имена первыхъ дѣятелей московскихъ окружнаго суда, судебной палаты и состоявшей при нихъ прокуратуры, тѣмъ болѣе, что столичные новаторы стали, даже независимо отъ ихъ желанія, учителями членовъ судебнаго сословія въ провинціи. Первымъ старшимъ предсѣдателемъ московской судебной палаты былъ Полѣновъ, а прокуроромъ палаты Ровинскій, котораго вскорѣ замѣнилъ Мотовиловъ. Выдающимися качествами, особенно важными у судьи, — спокойствіемъ, безусловной объективностью, знаніемъ, самостоятельностью и энергіей отличались предсѣдатель окружнаго суда Люминарскій и прокуроръ суда Ланге. Вторымъ по очереди прокуроромъ суда былъ назначенъ Громницкій. Онъ былъ настоящимъ представителемъ идеи государственнаго обвиненія,—холоднымъ, спокойнымъ, логически и законно предъявляющимъ суду свои требованія—безстрастныя, убѣдительныя, но отнюдь не жестокія, а согласныя съ гуманностью и даннымъ свыше указаніемъ — „Правда и милость да царствуютъ въ судахъ“.

Создавшаяся въ 1866 году присяжная адвокатура сумѣла также положить глубокую грань между ея органами и прежними стряпчими. Она высоко подняла идею и значеніе „защиты на судѣ“, озаботясь съ первыхъ шаговъ

проявленіемъ этическихъ началъ, присущихъ идеѣ защиты и пониманіемъ значенія лежащихъ на адвокатурѣ обязанностей общественнаго характера.

Конечно, и въ первые годы существованія реформированнаго суда въ средѣ магистратуры, прокуратуры и адвокатуры встрѣчались лица, не заслуживавшія одобренія, но общее направленіе дѣятелей Судебныхъ уставовъ безусловно соотвѣтствовало духу ихъ.

Въ Москвѣ на поприщѣ адвокатской дѣятельности сразу выдѣлились талантливостью присяжные повѣренные Ѳ. Н. Плевако и князь А. И. Урусовъ. Оба они прославились наиболѣе, какъ защитники по уголовнымъ дѣламъ, но и сфера гражданскихъ дѣлъ была имъ не чужда. Оба они обладали прирожденнымъ даромъ краснорѣчія, искреннею пылкостью, серьезными познаніями при общемъ развитіи, и создали русскую школу послѣдовавшихъ за ними поколѣній адвокатовъ-ораторовъ.

Замятнина, вскорѣ же по введеніи Судебныхъ уставовъ, замѣнилъ на посту министра юстиціи графъ К. И. Паленъ. Графъ не былъ ученымъ юристомъ и убѣжденнымъ послѣдователемъ и блюстителемъ Судебныхъ уставовъ, многія основы которыхъ съ первыхъ же мѣсяцевъ введенія ихъ въ дѣйствіе, вызвавъ недовольство реакціонныхъ сферъ, стали подвергаться умаленію и урѣзыванію,—но онъ сталъ искреннимъ защитникомъ тѣхъ положеній уставовъ, которыя считалъ особенно важными и, будучи человѣкомъ независимыхъ взглядовъ и самостоятельнымъ, умѣлъ ихъ защищать отъ все усиливавшихся съ теченіемъ времени нападокъ на нихъ враговъ самостоятельности суда и участія въ отправленіи правосудія народнаго элемента. Въ 1878 году графу Палену пришлось оставить постъ министра юстиціи.

Н. Давыдовъ.

Герцогъ Максиміліанъ Лейхтенбергскій.

Городская реформа 1870 г.

За реформой земской и судебной послѣдовала реформа устройства управленія городами. Это была насущная реформа, необходимость которой уже чувствовалась въ моментъ ликвидаціи крѣпостного строя и образованія всесословнаго общества, съ идеей котораго въ рѣзкомъ противорѣчіи находилась дореформенная организація управленія городами, считавшаяся больше съ городомъ, какъ сословной единицей, и сводившая къ минимуму сословное городское самоуправленіе. Неудивительно, что города, придавленные сверху всеопекающей администраціей, лишенные самоуправленія, весьма мало походили на культурные центры, которые соотвѣтствующимъ образомъ удовлетворяли бы возникавшія нужды и потребности городского населенія. Бѣдность и некультурность городовъ приводили въ отчаяніе даже дореформенныхъ администраторовъ. Благодаря крѣпостному праву, ростъ городского населенія совершался очень медленно; пришлаго населенія почти не было, между городомъ и деревней еще не успѣли установиться отношенія, какъ между двумя хозяйственными категоріями, такъ какъ деревня пока продолжала жить, не употребляя городскихъ фабрикатовъ. Съ паденіемъ крѣпостного права всѣ эти отношенія должны были измѣниться радикальнымъ образомъ; населеніе городовъ увеличивается быстрѣе, пополняется раскрѣпощеннымъ крестьянствомъ, шедшимъ въ городъ искать добавочнаго занятія. Деревни быстро втягиваются въ кругъ болѣе оживленныхъ экономическихъ отношеній.

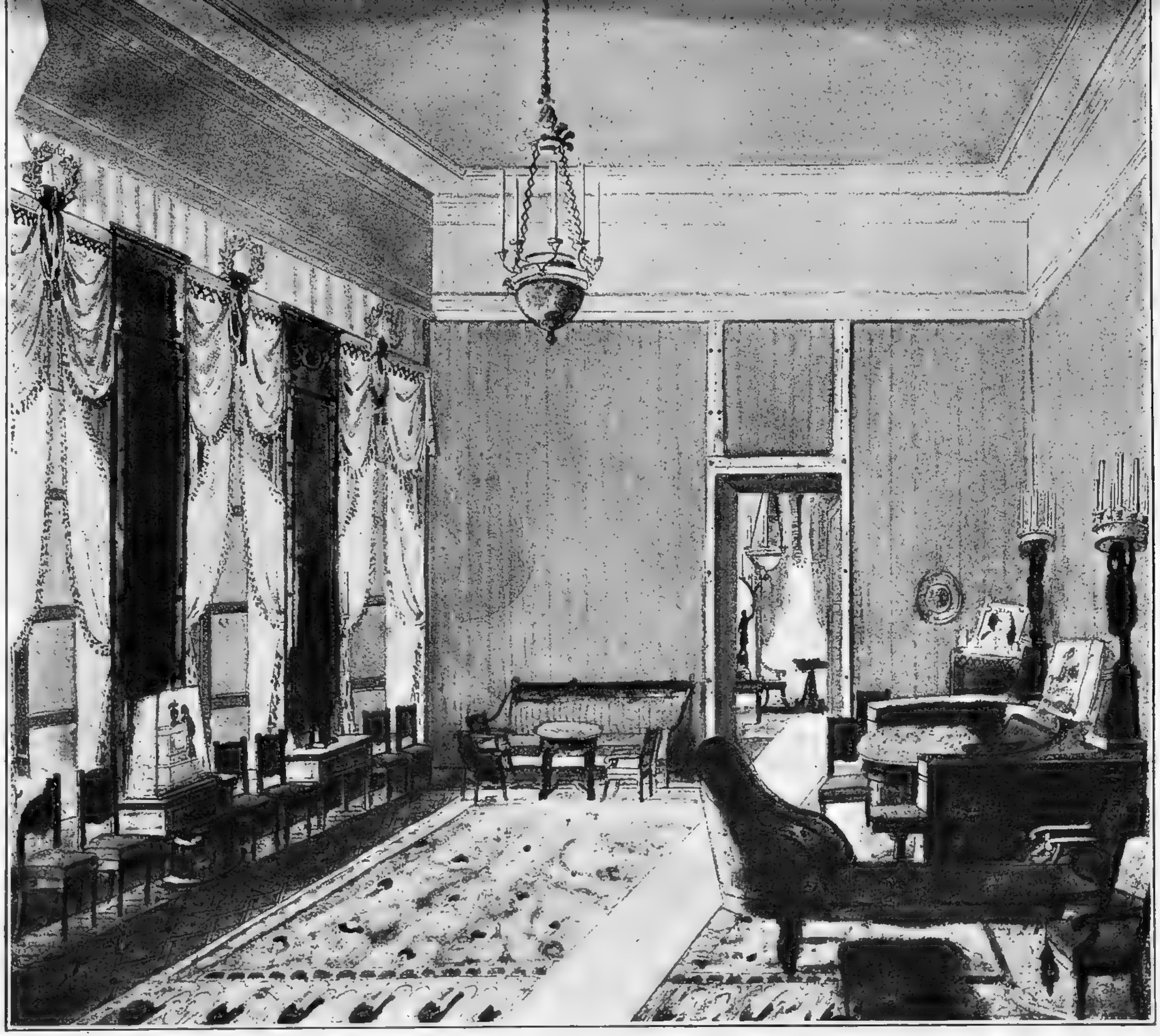
Города изъ резиденціи администраціи незамѣтно превращаются въ самодовлѣющіе экономическіе центры. И увеличеніе населенія, и новый составъ городского общества, и оживленіе экономической жизни города ставили на очередь реформу городского управленія. Несоотвѣтствіе старой организаціи городского управленія новымъ задачамъ города было ясно даже убѣжденнымъ противникамъ всякаго, даже незначительнаго преобразованія. Но жизнь оказывается сильнѣе желаній и настроеній даже вліятельныхъ сторонниковъ стараго, и правительство, заинтересованное въ поднятіи культурности города и расширеніи его хозяйства и предѣловъ его вѣдѣнія, задумываетъ городскую реформу съ начала 1862 года, когда 20 марта было опубликовано высочайшее повелѣніе о необходимости безотлагательно приступить къ улучшенію общественнаго управленія во всѣхъ городахъ имперіи,—повелѣніе, явившееся какъ бы отвѣтомъ на частныя ходатайства о томъ же, но съ указаніемъ своевременности реформы на всесословныхъ началахъ. Сейчасъ же начали собирать необходимые матеріалы для предстоящей реформы, разработка которой была сосредоточена въ Министерствѣ Внутреннихъ дѣлъ. Въ комиссію Министерства Внутреннихъ дѣлъ поступали самые разнообразные матеріалы, лишь бы только они имѣли отношеніе къ городу. Все это должно было быть систематизировано и разработано въ министерствѣ. Разработка новаго городского положенія началась въ то время, когда правительство еще не рѣшалось повернуть на старый реакціонный путь, а, подталкиваемое общественнымъ пробужденіемъ, держалось либеральнаго курса. Поэтому министръ Валуевъ, хотя былъ лично противникомъ проявленія всякой общественной иниціативы и самодѣятельности, однако не счелъ возможнымъ вырабатывать проектъ городской реформы исключительно бюрократическимъ путемъ, въ тайникахъ министерской канцеляріи. Убѣжденный противникъ всего, что носитъ на себѣ печать „общественнаго“, Валуевъ обратился за помощью и сотрудничеству къ обществу. Согласно циркуляру отъ 26 апрѣля 1862 года, въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ были организованы всесословныя комиссіи, труды которыхъ должны были поступить на разсмотрѣніе Министерства Внутреннихъ дѣлъ. Труды комиссіи заслуживаютъ большого по отношенію къ себѣ вниманія. Они являются превосходнымъ отраженіемъ того настроенія, которое охватило общество въ моментъ реформы 19 февраля 1861 г. Въ нихъ отразились и недовѣріе къ администраціи и ея опекѣ, и вѣра въ необходимость самодѣятельности и самостоятельности городского общества, и отрицательное отношеніе къ сословности и имущественному цензу, какъ источнику пріобрѣтенія городскихъ избирательныхъ правъ. Поэтому большинство комиссіи высказывалось только за необходимость приписки къ городу для отправленія повинностей, чтобы пользоваться городскими избирательными правами, другіе же настаивали на владѣніи въ городѣ недвижимой собственностью, какъ

условіи быть причисленнымъ къ полноправному гражданству, опредѣляя минимумъ стоимости имущества отъ 100 до 500 рублей.

Общіе принципы постановленій комиссіи первоначально не расходились съ взглядомъ самого министерства на городскую реформу. И министерство было сторонникомъ всесословнаго устройства управленія и предоставленія городамъ большей свободы и самодѣятельности съ освобожденіемъ ихъ отъ бдительной бюрократической опеки. Однако правительственный либерализмъ оказался весьма недостаточнымъ. Идея „всесословнаго общества“ была взята подъ подозрѣніе. По мнѣнію правительства, въ общественномъ управленіи могутъ принимать участіе только лица, заинтересованныя въ рѣшеніи городскихъ дѣлъ. Конечно, уже выдвиганіе „заинтересованности“ вмѣсто „всесословности“ указывало то направленіе, котораго намѣрено было держаться Министерство Внутреннихъ дѣлъ при разработкѣ новаго городового положенія. Когда министерство знакомилось съ трудами провинціальныхъ комиссій, оно уже въ 1864 г. составило проектъ новаго положенія о городскомъ устройствѣ, который въ 1866 г. поступилъ въ Государственный Совѣтъ. Внесеніе проекта въ Совѣтъ совпало съ отставкой Валуева, и его преемникъ взялъ проектъ обратно. Просмотрѣнный и профильтрованный въ комиссіи губернаторовъ, онъ снова поступилъ въ Государственный Совѣтъ, который, однако, не нашелъ возможнымъ его разсматривать, „пока съ нимъ не познакомятся лица, непосредственно стоящія къ городскому самоуправленію“. Противъ своего желанія Тимашевъ собралъ комиссію для пересмотра, въ которую изъ числа лицъ, стоящихъ близко къ городскому управленію, вошли столичные головы и 6 провинціальныхъ городскихъ головъ. Нельзя, конечно, сказать, чтобы она дѣйствительно была представлена лицами, стоящими близко къ городскому хозяйству и непосредственно участвовавшими въ завѣдываніи общественными дѣлами городовъ. Работы этого предварительнаго совѣщанія совпали съ охватившей правительственные круги реакціей. Отсюда недовѣріе большинства членовъ комиссіи къ всесословному принципу въ устройствѣ управленія городовъ. Въ концѣ-концовъ, комиссія пришла къ извѣстному компромиссу. Положивъ въ основу проекта новаго городового положенія принципъ все-

Великій князь Николай Николаевичъ.

сословности, комиссія постаралась его сузить настолько, что самый принципъ всесословности растворился среди стараго сословнаго начала. Поэтому новое городовое положеніе 1870 года, хотя было построено на принципѣ всесословности, на дѣлѣ же оказалось сословнымъ, такъ какъ элементы, не принадлежащіе къ торгово-промышленнымъ группамъ населенія, были или лишены совершенно всякаго представительства, или были представлены въ такомъ незначительномъ количествѣ, которое во всякомъ случаѣ не могло измѣнить доминирующій характеръ устройства управленія городами. И въ то же время, несмотря на значительно суженное представительство городскихъ элементовъ, новое городовое положеніе предоставляетъ городу значительное самоуправленіе, хотя въ то же время, не довѣряя самодѣятельности городского общества, ставитъ дѣятельность городского самоуправленія подъ бдительный контроль администраціи и въ нѣкоторыхъ вопросахъ дѣйствительно уменьшаетъ компетенцію городского самоуправленія. Не довѣряя демократической, всесословной организаціи общества, составители положенія 1870 года постарались такъ построить систему избирательнаго права, чтобы наиболѣе богатые и наименѣе численно представленные элементы имѣли въ Думѣ наибольшее количество представителей. Выдвигая на первый планъ интересы капитала, какъ наиболѣе консервативной группы населенія, правительство для этой цѣли заимствовало изъ Пруссіи такъ называемую трехклассную систему избирательнаго права, весьма чуждую демократическимъ принципамъ. Предоставляя избирательное право всѣмъ русскимъ подданнымъ, имѣвшимъ отроду не менѣе 25 лѣтъ, новое городовое положеніе въ то же время условіемъ пользованія активнымъ избирательнымъ правомъ дѣлало владѣніе въ предѣлахъ города какой бы то ни было недвижимой собственностью, подлежащей оцѣночному сбору, или же уплату въ пользу города сбора съ купеческихъ, промысловыхъ, приказчичьихъ свидѣтельствъ или съ билета, дающаго право содержать торгово-промышленное заведеніе. Такимъ образомъ, избирательными правами пользовались: a) собственники недвижимыхъ имуществъ, b) содержатели торговыхъ и промышленныхъ заведеній, c) обладатели купеческихъ, промысловыхъ и приказчичьихъ свидѣтельствъ. Такъ какъ при этомъ новое городовое положеніе не опредѣлило минимальной стоимости недвижимаго имущества и суммы взноса, собираемаго съ разнаго рода свидѣтельствъ, выдаваемыхъ городами, то теоретически весьма многочисленные круги городского общества пользовались избирательными правами. Но трехклассная система въ корнѣ уничтожала широкое представительство общественныхъ круговъ, которое и безъ того было сужено лишеніемъ избирательнаго права квартиронанимателей, куда входили представители либеральныхъ профессій, люди интеллигентнаго труда, чиновники, рабочіе. Въ большихъ городахъ эти элементы представляли весьма значительное количество, въ особенности въ обѣихъ столицахъ, гдѣ было очень много пришлаго насе-



Зайцевъ. Комната въ Московскомъ Кремлѣ, въ которой родился Александръ II. Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ.

БИБЛІОТЕКА СЛУЖАЩИХЪ
Управленія ж. д.
Фонтанка, 117.
№ 18

Bonus

ленія. Зато въ малыхъ городахъ это ограниченіе не имѣло большого значенія, такъ какъ въ нихъ представители интеллигенціи, чиновники, врачи, учителя и т. д. сплошь и рядомъ владѣли недвижимымъ имуществомъ, а потому и не были лишены избирательнаго права.

Согласно новому Городовому положенію, всѣ наличные избиратели дѣлятся на три куріи „соразмѣрно по отношенію къ отбываемымъ повинностямъ“, но при этомъ на каждую курію падаетъ совершенно одинаковое количество вносимыхъ населеніемъ налоговъ. Поэтому стоявшіе во главѣ налоговыхъ списковъ крупные плательщики налоговъ и составлявшіе первую курію были наименѣе численно представлены, но зато выбирали наибольшее количество гласныхъ. Вторая курія была болѣе многочисленна. Зато третья курія была самая многолюдная и наименѣе полно представленная въ думѣ. Въ нее входили мелкіе плательщики налоговъ и домовладѣльцы, не платившіе оцѣночнаго сбора. Насколько трехклассная избирательная система была благосклонна къ крупному капиталу, иллюстраціей этого могутъ служить слѣдующія цифры: въ Петербургѣ къ 1 разряду относилось 275 избирателей, ко 2-му 849 избирателей, а къ 3-му 16.355. Въ Москвѣ такая же картина — на 446 избирателей, записанныхъ въ списки первой куріи, приходилось 2.309 избирателей второй куріи и 17.913 избирателей, зачисленныхъ въ третью курію. Благодаря такому своеобразному распредѣленію избирателей по куріямъ, демократическіе элементы общества были въ наименѣе выгодномъ положеніи: въ Москвѣ на 1 гласнаго приходилось 298 избирателей, а въ первой куріи на 1 гласнаго — только 8 избирателей. Преобладаніе крупнаго капитала — существенный недостатокъ въ новомъ Городовомъ положеніи. Оно-то и превращало по принципу всесословное представительство въ представительство сословныхъ интересовъ, придавая городскому представительству прежній торгово-промышленный оттѣнокъ.

Великая княгиня Марія Александровна.

Что же касается новыхъ городскихъ учрежденій, то они были построены на совершенно правильномъ принципѣ отдѣленія власти распорядительной

отъ исполнительной. Распорядительная власть принадлежала городской думѣ — представительному собранію, состоявшему изъ всѣхъ избранныхъ гласныхъ, а исполнительная власть была вручена городской управѣ.

Послѣдняя состоитъ изъ городского головы, иногда его товарища и нѣсколькихъ членовъ управы, избираемыхъ на 4 года изъ общаго состава гласныхъ. Избранные кандидаты въ городскіе головы утверждались для столицъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, въ прочихъ городахъ—администраціею. Члены же управы не нуждались въ административномъ учрежденіи и могли быть думой въ любой моментъ отстранены отъ своихъ должностей и преданы суду.

Кругъ вѣдомства городскихъ учрежденій по новому положенію было довольно значителенъ. Въ ихъ завѣдываніи находились все городское хозяйство и мѣстныя дѣла. Городскія учрежденія заботятся о поднятіи культурнаго уровня города. На попеченіи города находятся также больницы, школы, странноприимные дома, попеченіе о бѣдныхъ. Засѣданія думы назначаются по мѣрѣ надобности. Для кворума требуется наличность половины или трети общаго числа гласныхъ, смотря по ихъ количеству.

Предоставляя городскому обществу довольно значительное самоуправленіе, составители положенія, тѣмъ не менѣе, сочли необходимымъ поставить дѣятельность городскихъ учрежденій подъ контроль правительства. Прежде всего цѣлый рядъ городскихъ постановленій до введенія ихъ въ дѣйствіе нуждался въ утвержденіи губернатора. Къ нимъ относились: заключеніе займа, отчужденіе городскихъ земель, повышеніе налоговъ и т. д. Остальныя же постановленія могли быть введены въ дѣйствіе и безъ губернаторской санкціи, но за губернской администраціей оставалось право контроля за дѣйствіями городской думы.

Законъ предоставлялъ губернатору право наложить «veto» на любое постановленіе думы или управы, если онъ находилъ ея дѣйствія противозаконными. Но «veto» губернатора не имѣло окончательнаго значенія. Губернаторскій протестъ разсматривался въ особомъ по городскимъ дѣламъ присутствіи, которое разсматривало вызвавшее губернаторскій протестъ постановленіе исключительно съ точки зрѣнія законности. Если даже вышеназванное присутствіе согласится съ дѣйствіями губернатора и признаетъ наложенное «veto» совершенно правильнымъ, то городскимъ учрежденіямъ предоставлялось право опротестованія передъ Сенатомъ рѣшенія присутствія по городскимъ дѣламъ. Если Сенатъ признавалъ дѣйствія городскихъ учрежденій соотвѣтствующими закону, то городскія постановленія немедленно вводились въ дѣйствіе. Тѣмъ не менѣе, губернаторское право надзора за законностью дѣйствій городскихъ учрежденій было очень опасно для самоуправленія. Губернаторъ могъ опротестовать любое постановленіе думы или управы. Сенатъ признавалъ его незаконнымъ, но отъ этого городскія учре-

жденія мало выигрывали: сенатскія рѣшенія сплошь и рядомъ запаздывали, и отъ губернаторскаго протеста иногда существенно страдали городскіе интересы. Впослѣдствіи же, когда сама идея самоуправленія была взята правительствомъ подъ подозрѣніе, когда было сочтено цѣлесообразнымъ поднять престижъ губернаторской власти посредствомъ ея усиленія, то опротестованіе постановленій городскихъ учрежденій съ точки зрѣнія законности явилось однимъ изъ способовъ проявленія силы губернаторской власти и средствомъ борьбы съ городскимъ самоуправленіемъ и его культурно-просвѣтительной дѣятельностью.

Несмотря на всѣ свои существенные недостатки, Городовое положеніе 1870 года имѣло огромное значеніе для хозяйства и культуры города. Несмотря на неравномѣрное распредѣленіе гласныхъ и привилегированное положеніе капитала, Городовое положеніе все-таки предоставляло городамъ учрежденіямъ бо́льшую самодѣятельность, результаты которой сказались къ концу 80 годовъ XIX вѣка, когда многіе изъ городовъ совершенно измѣнили свой внѣшній обликъ, улучшили городское хозяйство, существенно развили свою культурно-просвѣтительную дѣятельность въ интересахъ всего городского общества. Неудивительно, что города въ концѣ XIX вѣка совершенно не походили на города Николаевской эпохи, несмотря на то, что сохранили въ своей организаціи остатки сословности дореформенной эпохи.

В. Пичета.

Баронъ В. К. Ливенъ.

Печать и цензура въ царствованіе императора Александра II.

Свобода слова — необходимый постулатъ гражданской свободы. Эта элементарная истина въ одинаковой мѣрѣ признается какъ тѣми, кто требуетъ свободы слова, такъ и тѣми, кто борется съ нею. Естественно, что ни одно сколько-нибудь значительное общественное движеніе не обходится безъ попытокъ разбить цензурныя оковы и приблизиться къ идеалу свободнаго слова. Съ своей стороны, реакціонные факторы государственной жизни истощаютъ всѣ силы, чтобы создать „умственныя плотины“ и придать цензурно-административному аппарату такое техническое совершенство, чтобы „вредная“ мысль никоимъ образомъ не могла попасть на страницы печати.

Русское правительство издавна могло гордиться тѣмъ, что оно не оставляло безъ вниманія столь важнаго вопроса и сумѣло создать сложную систему колючихъ цензурныхъ заграждeній, сквозь которыя вольная идея могла пробраться лишь израненной, окровавленной, еле живой.

Тридцатилѣтіе царствованія императора Николая I даже въ официальной оцѣнкѣ 1862 г. заслужило наименованіе „эпохи цензурнаго террора“. Въ своихъ мѣропріятіхъ, достигшихъ послѣ 1848 г. апогея безпощадной строгости, цензурное вѣдомство руководилось твердымъ убѣжденіемъ о недопустимости свободы печати въ самодержавномъ государствѣ. Изъ много-

численныхъ сентенцій, которыя высказывались по цензурнымъ дѣламъ нашими государственными мужами, вспомнимъ хотя бы аргументацію князя А. Н. Голицына, обрушившагося въ 1841 г. на невинную статью академика Кеппена „О письменныхъ сношеніяхъ“. „Публичное порицаніе частнымъ человѣкомъ какой-либо отрасли государственнаго управленія, гдѣ всѣ законы истекаютъ отъ самодержавной власти,—писалъ онъ,—есть явленіе совершенно новое, несообразное съ духомъ нашего правленія. Это—попытка того либеральнаго духа Западной Европы, который стремится подвергать дѣйствія правительствъ контролю свободнаго книгопечатанія... Допустивъ первый шагъ въ этомъ открывающемся вновь поприщѣ публичнаго сужденія дѣйствій почтовой администраціи, можно ожидать затѣмъ осужденія системъ налоговъ, финансовъ, просвѣщенія, законовъ и всего... Ободрясь симъ примѣромъ, другой скажетъ, что крѣпостное или иное какое состояніе должно также измѣниться“. Русскій администраторъ, въ достаточной мѣрѣ искушенный опытомъ, зналъ, что говоритъ. Его разсужденіямъ во всякомъ случаѣ нельзя отказать въ логичности.

Нужно было пережить позорное униженіе передъ лицомъ всей Европы, чтобы бюрократія на время потеряла гордую самоувѣренность, и чтобы общество получило непререкаемое право пальцемъ указывать на прямыхъ виновниковъ позора. Тогда русскій бюрократъ, заикаясь, сталъ лепетать виноватымъ голосомъ какія-то слова о свободѣ печати, такъ какъ-де въ процессѣ обновленія Россіи „литература призвана играть немаловажную роль“ (слова А. С. Норова, сказанныя въ 1858 г.). Факты, характеризующіе цензурный режимъ въ первые годы новаго царствованія, достаточно свидѣтельствуютъ о растерянности власти и объ ея вынужденномъ либерализмѣ. Профессоръ А. В. Никитенко, близко стоявшій къ цензурному вѣдомству, искренно недоумѣвалъ, чего же, наконецъ, хотятъ. „Былъ у новаго министра“ (т.-е. у Евг. Петр. Ковалевскаго),—записываетъ Никитенко въ своемъ дневникѣ подъ 7 апрѣля 1858 г.:—рѣчь о цензурѣ. Государь сильно озабоченъ ею. Въ немъ поколебали расположеніе къ литературѣ и склонили его не въ пользу ея. Теперь онъ требуетъ со стороны цензуры ограниченій, хотя и не желаетъ стѣснить мысль. Какъ это согласить?“ Мучительный для цензора вопросъ, нѣчто въ родѣ квадратуры круга. Напрасно чины Министерства Народнаго Просвѣщенія напрягали свои стилистическія способности, чтобы заключить въ словесную формулу искомыя границы дозволеннаго въ печати: дѣло оставалось безнадежно запутаннымъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ, извлеченныхъ изъ поучительнаго „Сборника постановленій и распоряженій по цензурѣ съ 1720 по 1862 годъ“ (напечатаннаго „по распоряженію Министерства Народнаго Просвѣщенія“). „При выраженіи сочувствія къ правительственнымъ мѣрамъ, принимаемымъ нынѣшнимъ правительствомъ,—гласитъ распоряженіе отъ 15 августа 1857 г. (стр. 414),—

не должно быть дозволяемо къ печатанію порицаніе мѣръ прошедшаго царствованія, имѣвшихъ еще недавно законную силу“. Распоряженіе отъ 14 ноября 1857 г. обращало вниманіе цензоровъ, что съ нѣкотораго времени въ періодическихъ изданіяхъ начали появляться „сужденія слишкомъ смѣлыя, касающіяся вопросовъ государственныхъ и также стремящіяся къ нововведеніямъ“. „Эти сужденія весьма часто несогласны съ видами правительства. Конечно, не надлежитъ смѣшивать благородныя желанія улучшеній съ тенденціями къ политическимъ преобразованіямъ; но сіи послѣднія нерѣдко облекаются въ благовидныя наружныя формы, и потому гг. цензоры обязаны съ неослабною прозорливостію вникать въ духъ сочиненій и, покровительствуя науку, не давать хода вреднымъ умозрѣніямъ“ (418 стр.). Цензоры всячески изощряли свою „прозорливость“, но циркуляры продолжали сыпаться на ихъ голову одинъ за другимъ. Начальство силилось удержать въ бюрократическихъ берегахъ бурлившій потокъ общественной критики и неутомимо разъясняло, какъ слѣдуетъ освѣщать крестьянскій вопросъ, какъ слѣдуетъ разсуждать о вопросахъ государственныхъ, о финансахъ страны, о судѣ, о чиновникахъ, о положеніи отдѣльныхъ національностей, входящихъ въ составъ русскаго государства, объ откупахъ и проч. и проч. [1]) Совѣтъ министровъ въ 1859 г. пришелъ къ принципіальному заключенію, что гласность можетъ быть полезною правительству, но „можетъ быть и вредною, когда она касается важныхъ предметовъ управленія, правительствомъ окончательно не обсужденныхъ или не признанныхъ имъ заслуживающими вниманія“ (444). Обязанность цензора оказывалась, такимъ образомъ, головоломнѣе обязанностей гоголевскаго градоправителя.

---

[1]) Для иллюстраціи положенія вещей приведемъ нѣсколько фактовъ, касающихся крестьянскаго вопроса. Товарищъ министра народнаго просвѣщенія, кн. Вяземскій, который въ то время пользовался репутаціей либеральнаго человѣка, писалъ по этому вопросу въ 1856 г. предсѣдателю московскаго цензурнаго комитета слѣдующее: „Возбужденіе о немъ частныхъ сужденій и преній въ печати едва ли дѣло литературное и въ особенности журнальное, такъ какъ вопросъ сей и по сущности своей, и по своимъ послѣдствіямъ есть преимущественно вопросъ правительственный и подлежащій въ свое время рѣшенію верховной власти“ („Истор. свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи“, стр. 80). 30 декабря 1857 г. послѣдовало, по Высочайшему повелѣнію, распоряженіе не печатать въ русскихъ газетахъ и журналахъ „программу предложенной Императ. Академіей Наукъ на соисканіе особыхъ назначенныхъ ею премій задачи, относящейся къ историческимъ изслѣдованіямъ объ обмѣнѣ и выкупѣ помѣщичьихъ правъ въ разныхъ государствахъ Европы“. (Сборникъ постановленій и распоряженій по цензурѣ съ 1720 по 1862 годъ, стр. 421). Въ 1858 г. журналамъ все же была предоставлена возможность разсуждать о предполагаемой крестьянской реформѣ, но цензорамъ наистрожайше предписано запрещать „все, что переноситъ настоящій крестьянскій у насъ вопросъ на политическую почву, удерживая писателей по этому предмету въ тѣхъ границахъ, которыя Правительствомъ указаны“ (распоряженіе 28 февраля 1858 г. Сборникъ постановленій и распоряженій по цензурѣ съ 1720 по 1862 годъ, стр. 426). Извѣстно, какую тревогу вызвала статья Кавелина „О новыхъ условіяхъ сельскаго быта“ („Современникъ“, 1858 г., янв.). Съ 1859 г. по 19 февраля 1861 г. по одному крестьянскому вопросу было разослано 14 циркуляровъ. Свобода обсужденія была стѣснена до такой степени, что Катковъ въ апрѣлѣ 1858 г. прекратилъ спеціальный отдѣлъ въ „Русск. Вѣстникѣ“ подъ названіемъ „Крестьянскій вопросъ“, а Кошелевъ отказался отъ изданія „Сельскаго Благоустройства“.

Общее впечатлѣніе получалось то, что на первыхъ порахъ цензура была смята напоромъ общественнаго мнѣнія, и этотъ фактъ отмѣченъ людьми, чья компетенція лежитъ внѣ всякихъ сомнѣній. Берте, предсѣдатель комитета для пересмотра цензурнаго устава, въ своей запискѣ 1862 г. удостовѣрялъ, что „сначала, когда литературные органы гласности, пріобрѣвъ или придавъ себѣ большую свободу слова сравнительно съ прежнею, со всею пылкостью и страстностью ложно понятой свободы устремились къ обсужденію и обработкѣ такихъ предметовъ, которые прежде лежали внѣ литературной сферы, цензоры захвачены были такимъ порывомъ, такъ сказать, врасплохъ, переходъ отъ стараго строя словесности къ новому засталъ ихъ неприготовленными, недостаточно вразумленными". Отсюда— „не только шаткость, но и полное разнообразіе дѣйствій" [1]). „Цивилизація идетъ впередъ,— писалъ Головнинъ кн. Барятинскому въ 1860 г. [2]),—необходимость въ просвѣщеніи даетъ себя чувствовать, а извѣстныя идеи распространяются въ воздухѣ, несмотря на всѣ полиціи и всѣ цензуры". Баронъ М. А. Корфъ, съ своей стороны, полагалъ, что, когда появились „новыя условія жизни", они стали „смертнымъ приговоромъ цензуры". Духъ времени былъ таковъ, что имъ, по свидѣтельству Корфа, заражался и „официальный кругъ"; „цензоры, прежде пользовавшіеся репутаціею строгости, вдругъ стали на все смотрѣть сквозь пальцы". „Оказалось,— заключаетъ онъ,— что, когда въ обществѣ возникаетъ истинная потребность свободно высказываться, правительству дѣлается невозможнымъ противодѣйствовать сему" [3]).

Гр. М. Т. Лорисъ-Меликовъ.

Итакъ, жизнь неумолимо требовала новаго положенія для печати; бюрократія прекрасно сознавала это, и началась работа надъ созданіемъ новаго цензурнаго устава, представлявшая какую-то дипломатическую игру съ свободой слова.

---

1) „Очерки исторіи русской цензуры" А. М. Скабичевскаго. Спб. 1892 г., стр. 391.

2) Н. Барсуковъ. „Жизнь и труды М. П. Погодина", т. XVII, 195.

3) Матеріалы, собранные особою комиссіею, высочайше учрежденною 2 ноября 1869 г. для пересмотра дѣйствующихъ постановленій о цензурѣ и печати. Спб. 1870 г. I, 59. Цитируемъ по книгѣ М. К. Лемке. „Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—1865 годовъ". (Спб. 1904 г., стр. 11).

Заинтересованная въ этомъ дѣлѣ сторона, русскіе писатели нѣсколько разъ высказывали свои desiderata. Въ 1861 г. они выступили съ коллективной запиской, составленной Катковымъ и поданной Валуеву отъ имени русскихъ литераторовъ [1]).

Русскіе писатели съ довѣріемъ шли навстрѣчу правительственной власти. „Если есть страна, гдѣ свобода печати можетъ быть допущена съ полною безопасностію,—увѣряли они,—то страна эта есть по преимуществу наше отечество. Нѣтъ сомнѣнія, что правительство наше вполнѣ понимаетъ всѣ выгоды литературы свободной, т.-е. огражденной яснымъ и твердымъ закономъ и за свои злоупотребленія подлежащей не административной расправѣ, а разбирательству правильно устроеннаго суда. Видя, какъ неуклонно идетъ оно путемъ благотворныхъ преобразованій, мы убѣждены, что и для этого великаго общественнаго интереса наступитъ своя очередь“. Авторы записки настолько скромны, что не считаютъ себя въ правѣ „предлагать какія-либо органическія измѣненія“, а ходатайствуютъ лишь о временномъ улучшеніи положенія печати „при существующемъ порядкѣ административной расправы“, именно, во-первыхъ, о томъ, чтобы „правительство благоразсудило возложить на самихъ редакторовъ полную и серьезную отвѣтственность за собственное дѣло“, и чтобы „цензурная опека“ налагалась лишь въ видѣ наказанія на тѣхъ редакторовъ, которые не сумѣютъ оправдать оказаннаго имъ довѣрія; во-вторыхъ, о томъ, что, „если наша печать должна еще оставаться подъ административною расправою, то было бы, по крайней мѣрѣ, желательно, чтобъ Главное Управленіе Цензуры приняло въ нѣкоторой степени характеръ судебный“, и чтобы въ его засѣданіяхъ позволено было присутствовать съ правомъ только совѣщательнаго голоса „особымъ ходатаямъ за литературу, въ числѣ двухъ или трехъ выбранныхъ отъ всѣхъ періодическихъ изданій“; въ-третьихъ, чтобы въ отношеніяхъ правительства къ литературѣ соблюдалась „законность“ въ той же мѣрѣ, какъ въ другихъ сферахъ общественной жизни. Тѣ, кому то „вѣдать надлежитъ“, не придали запискѣ никакого значенія. Однако въ январѣ 1862 г. Головнинъ самъ предложилъ редакторамъ журналовъ и газетъ еще разъ высказаться по вопросу о желательныхъ преобразованіяхъ цензуры. Отвѣтовъ было получено немало [2]). Они прежде всего нарисовали картину фактическаго положенія русской литературы; сущность ихъ пожеланій сводилась все къ тому же умѣренному идеалу, чтобы была уничтожена предварительная цензура, и учрежденъ судъ по литературнымъ дѣламъ „на раціональныхъ началахъ“. Въ одной запискѣ категорически заявлено, что „основа-

[1]) Мих. Лемке. Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—1865 годовъ. Спб. 1904 г., стр. 57—82. По мнѣнію М. К. Лемке, кромѣ Каткова, Чернышевскаго и Елисеева, подъ запиской стояли имена: Благосвѣтлова, Краевскаго, В. Ѳ. Корша, В. М. Бѣлозерскаго, М. М. Достоевскаго, П. Г. Писаревскаго, Н. Ф. Павлова, В. А. Кремнина и И. С. Аксакова (58 стр.).

[2]) М. Лемке. Назв. сочиненіе, стр. 112 и сл.

тельное и справедливое измѣненіе въ положеніи литературы невозможно безъ измѣненія всего характера нашего законодательства и нашихъ учрежденій“ (122). Для лучшей части нашихъ писателей были очевидны два основныхъ положенія: во-первыхъ, что литературѣ нужна свобода печатнаго слова и, во-вторыхъ, что она немыслима безъ другихъ коренныхъ реформъ, особенно безъ преобразованія суда. „Свобода печатнаго слова есть неотъемлемое право каждаго подданнаго Россійской Имперіи, безъ различія званія и состоянія“, торжественно провозглашалъ въ 1862 г. И. С. Аксаковъ въ своей газетѣ „День“ (№ 32), и въ числѣ необходимыхъ гарантій считалъ „судъ присяжныхъ“, котораго еще не было, и который нужно было „создать вновь“. Задача, повидимому, была ясная и безспорная.

Время было такое, что оно обязывало къ нѣкоторому либерализму и само правительство. Но офиціальные реформаторы все же пошли весьма своеобразнымъ путемъ. Въ высшихъ сферахъ большую популярность пріобрѣла идея о возможности использовать литературу въ цѣляхъ правительства и, слѣдовательно, о необходимости давать ей планомѣрное направленіе свыше. По примѣру Пруссіи и Франціи, въ 1859 г. былъ образованъ особый „Комитетъ по дѣламъ книгопечатанія“ (гр. А. В. Адлербергъ, Н. А. Мухановъ, А. Е. Тимашевъ и проф. А. В. Никитенко). На него была возложена задача — направлять журналистику „къ общей государственной цѣли“. Никитенко, на первыхъ порахъ увлекшійся было этой идеей, высказывался въ томъ смыслѣ, что комитетъ долженъ быть „посредникомъ между литературой и государемъ и дѣйствовать на общественное мнѣніе, проводя въ него, путемъ печати, виды и намѣренія правительства, подобно тому, какъ дѣйствуетъ литература, проводя въ него свои идеи“ [1]). Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, однако, безъ труда убѣдились въ томъ, что комитетъ „сталъ въ какое-то странное положеніе въ средѣ, гдѣ ему надлежало дѣйствовать“, и сами же члены ходатайствовали объ его упраздненіи [2]). Снова приходилось рѣ-

Митрополитъ Филаретъ.

---

[1]) А. В. Никитенко. „Моя повѣсть о самомъ себѣ“, т. I, стр. 551.

[2]) Мих. Лемке. „Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики XIX столѣтія“. Спб. 1904. Глава: Русское „Bureau de la presse“.

шать вопросъ, какъ организовать цензурное дѣло соотвѣтственно новымъ условіямъ русской жизни, кому поручить высокую миссію блюсти литературу. Въ концѣ 1859 г. былъ выдвинутъ проектъ—образовать спеціальное Министерство цензуры. Но и эта идея оказалась неудачной [1]). Въ результатѣ дальнѣйшихъ совѣщаній Министерство Народнаго Просвѣщенія еще въ январѣ 1863 г. добилось возможности свои почетныя обязанности цензора передать Министерству Внутреннихъ дѣлъ. Своеобразная аргументація тогдашняго министра нар. просвѣщенія, А. В. Головнина, заслуживаетъ того, чтобы привести ее въ дословномъ текстѣ. „Министерство Народнаго Просвѣщенія,—писалъ онъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ,—имѣетъ обязанностью покровительствовать литературѣ, заботиться о ея развитіи, о преуспѣяніи оной. Посему оно находится къ литературѣ въ отношеніяхъ болѣе близкихъ, чѣмъ всякое другое вѣдомство, и весьма естественно, что, вслѣдствіе обязанности покровительствовать литературѣ, не можетъ быть ея строгимъ судьей.... Роль Министерства Внутреннихъ дѣлъ въ цензурѣ яснѣе, опредѣлительнѣе и проще, а потому и самая цѣль достижимѣе“. Правительство по достоинству оцѣнило это бюрократическое самозакланіе, и первая реформа совершилась: цензуру съ 1863 стало вѣдать Министерство Внутреннихъ дѣлъ, во главѣ котораго стоялъ П. А. Валуевъ. Онъ широко воспользовался своимъ положеньемъ [2]) и энергично повелъ реформу дальше въ желательномъ для него направленіи. Пройдя нѣсколько предварительныхъ стадій, цензурный уставъ былъ, наконецъ, изготовленъ, и 6 апрѣля 1865 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ обнародованіи закона, предназначеннаго „дать отечественной печати возможныя облегченія и удобства“. Эти „облегченія и удобства“ состояли въ слѣдующемъ: а) въ обѣихъ столицахъ были освобождены отъ предварительной цензуры 1) всѣ повременныя изданія, „коихъ издатели сами заявятъ на то желаніе“, 2) всѣ оригинальныя сочиненія объемомъ не менѣе 10-ти печатныхъ листовъ и 3) всѣ переводы объемомъ не менѣе 20-ти печатныхъ листовъ; б) повсемѣстно освобождены отъ предварительной цензуры всѣ изданія правительственныхъ учрежденій, академій, университетовъ и ученыхъ обществъ, всѣ изданія на древнихъ классическихъ языкахъ и переводы съ нихъ и, наконецъ, чертежи, планы и карты. Изданія, выходящія безъ предварительной цензуры, „въ случаѣ нарушенія въ нихъ законовъ, подвергаются судебному

---

[1]) Мих. Лемке. „Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—1865 г.“, стр. 14—27.

[2]) Изъ отдѣльныхъ распоряженій за это промежуточное время обращаетъ на себя вниманіе предписаніе министра внутр. дѣлъ отъ 1864 г., запрещающее печатаніе статей, „въ которыхъ вновь вводимымъ земскимъ учрежденіямъ стараются придавать политическое значеніе, обусловливающее самое широкое ихъ развитіе“, ибо „статьи подобнаго рода могутъ порождать въ умахъ несбыточныя ожиданія коренныхъ перемѣнъ въ нашемъ государственномъ строѣ и приводить публику къ празднымъ увлеченіямъ“. Сборникъ распоряженій по дѣламъ печати, 1865 г., стр. 29. Мих. Лемке. „Эпоха ценз. реформъ“, стр. 349—350.

преслѣдованію; повременныя же изданія, кромѣ того, въ случаѣ замѣченнаго въ нихъ вреднаго направленія, подлежатъ и дѣйствію административныхъ взысканій, по особо установленнымъ на то правиламъ“. Новый уставъ, кромѣ того, сохранялъ въ силѣ дѣйствіе духовной и иностранной цензуръ.

Вотъ каковы были плоды многолѣтняго бюрократическаго творчества, вдохновляемаго реакціоннымъ режимомъ Франціи въ періодъ Второй имперіи [1]).

Было ли 6-е апрѣля 1865 г. свѣтлымъ праздникомъ русской литературы или днемъ разбитыхъ надеждъ? Отзывы печати отличались довольно большимъ разнообразіемъ. Не было недостатка и въ оптимистическихъ сужденіяхъ: писателямъ хотѣлось вѣрить, что уничтоженіе предварительной цензуры, при условіи благожелательнаго отношенія административныхъ властей, послужитъ началомъ дѣйствительной эмансипаціи русскаго слова; эти надежды неизмѣнно связывались съ дѣйствіемъ новаго гласнаго суда [2]). Реакціонная часть общества, съ своей стороны, вопіяла противъ ожидаемыхъ ужасовъ отъ разнузданности печати (см. въ „Пѣсняхъ о свободномъ словѣ“ Некрасова главу „Публика“). Но опытные журналисты хорошо сознавали, что въ сущности не было повода для ликованій, что цензора только надѣли мундиры другого министерства, и что опека надъ литературой приняла лишь иныя формы. Будущее во всякомъ случаѣ было еще темно.

Къ сожалѣнію, литературѣ недолго пришлось ждать практическихъ коментаріевъ къ закону 6 апрѣля. Къ 1865 г. бюрократія снова гордо подняла голову; событія 1863 г. особенно укрѣпили ея положеніе, и Валуевъ не замедлилъ показать, какъ намѣренъ онъ воспользоваться своими правами шефа цензуры. Въ дополненіе къ цензурному уставу онъ издалъ такія правила о типографіяхъ, что, по справедливому замѣчанію М. К. Лемке, „напрасно бы стали предполагать, что въ 1865 г. у насъ была напечатана хоть одна строка безъ цензурнаго просмотра“ [3]). Кромѣ того, изъ обширной инструкціи, которая была разослана столичнымъ цензурнымъ комитетамъ въ августѣ 1865 г., явствуетъ, что границы дозволеннаго въ печати остались въ сущности прежнія. По мнѣнію министра, „никакого сомнѣнія не должны возбуждать тѣ нарушенія законовъ печати, которыя направлены: 1. Противъ истинъ христіанской вѣры

---

[1]) Послѣдовательный ходъ цензурной реформы излагается въ слѣдующихъ сочиненіяхъ общаго характера: 1) въ „Очеркахъ исторіи русской цензуры“. (1700—1863 г.) А. М. Скабичевскаго; 2) въ извѣстной книгѣ Гр. Джаншіева „Изъ эпохи великихъ реформъ“; 3) въ работѣ К. К. Арсеньева „Законодательство о печати“ (Спб. 1903); 4) въ „Очеркахъ по исторіи русской цензуры и журналистики XIX столѣтія“ М. К. Лемке (Спб. 1904); 5) въ его же книгѣ, которая въ данномъ случаѣ имѣетъ особенно важное значеніе, подъ заглавіемъ: „Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—1865 годовъ“ (Спб. 1904); 6) въ книгѣ Вл. Розенберга и В. Якушкина „Русская печать и цензура въ прошломъ и настоящемъ“ (М. 1905).

[2]) Сводъ отзывовъ прессы о законѣ 6 апрѣля можно найти въ книгѣ Джаншіева „Изъ эпохи великихъ реформъ“ и въ книгѣ М. К. Лемке „Эпоха цензурныхъ реформъ“ (стр. 417 и слл.).

[3]) Мих. Лемке. „Эпоха цензурныхъ реформъ“, стр. 393.

вообще и ученія и достоинства православной церкви въ особенности. 2. Противъ началъ монархической самодержавной власти. 3. Противъ коренныхъ началъ общественной и гражданской нравственности. 4. Противъ начала права собственности. 5. Къ возбужденію недовѣрія или неуваженія къ правительству. 6. Къ возбужденію вражды или ненависти одного сословія къ другому или одной части населенія къ другой“ [1]). Чтобы со стороны цензоровъ не произошло какого-нибудь недоразумѣнія въ квалификаціи общественныхъ и литературныхъ направленій, Валуевъ заказалъ гр. П. И. Капнисту, Болеславу Маркевичу и др. составить своего рода руководство, которое и вышло подъ заглавіемъ „Собраніе матеріаловъ о направленіи различныхъ отраслей русской словесности за послѣднее десятилѣтіе и отечественной журналистики за 1863 и 1864 годы“ [2]). Наконецъ, еще прежде чѣмъ цензурный уставъ вошелъ въ силу, Валуевъ обезопасилъ себя со стороны суда: въ августѣ 1865 г. онъ добился Высочайшаго повелѣнія, „чтобы главному управленію по дѣламъ печати всегда оказывалось надлежащее содѣйствіе со стороны чиновъ судебнаго управленія“. Въ первый же годъ примѣненія новаго устава Валуевъ оказался очень щедрымъ на административныя взысканія. Первыми получили предостереженіе „Петербургскія Вѣдомости“ (21 сент. 1865 г.—за статью объ одной мѣрѣ, принятой министромъ финансовъ); далѣе подобной участи подверглись „День“ И. С. Аксакова, „Современникъ“, „Вѣсть“, „Голосъ“, „Русское Слово“.

Неудивительно, что редакторы журналовъ готовы были вздыхать по предварительной цензурѣ, объ отмѣнѣ которой они такъ хлопотали. Въ недавно опубликованномъ стихотвореніи Н. А. Некрасовъ съ грустнымъ юморомъ жаловался: . . .

Но не знаю свободнаго часа
Съ той поры, какъ свободу узналъ!...

* *
*

Пусть цензуру мы сильно ругали,
Но при ней мы спокойно такъ спали,
На охотѣ бывать успѣвали
И немало въ картишки играли!..
А теперь не такая пора....
. . . . . .
. . . . . .
Потому что Валуевъ сердитъ;
Потому что законъ о печати
Запрещеньемъ журналу грозитъ,
Если слово обронишь некстати! [3])

---

[1]) Ibid., стр. 407.

[2]) Содержаніе этого любопытнаго документа подробно излагаетъ М. К. Лемке въ книгѣ „Эпоха ценз. реформъ“ (448—512).

[3]) „Р. Ст.“, 1913, февр., 463—464. Сообщилъ В. А. Алексѣевъ. Стихотвореніе адресовано къ Веніамину Иван. Асташову.—Ср. еще „Пѣсни о свободномъ словѣ“ Некрасова.

„Литературу нашу, кажется, ожидаетъ лютая судьба,—писалъ профессоръ и цензоръ Никитенко [1]):—Валуевъ достигъ своей цѣли. Онъ забралъ ее въ свои руки и сдѣлался полнымъ ея властелиномъ. Худшаго господина она не могла получить... Онъ, должно-быть, такъ же точно презираетъ всякое умственное движеніе, какъ презирали его въ предшествовавшее царствованіе, и думаетъ, что административныя мѣры выше и сильнѣе всякой мысли“ [2]). По мнѣнію И. С. Аксакова, „никогда цензура не доходила до такого безумія, какъ теперь, при Валуевѣ. Она получила характеръ чисто инквизиціонный“ [3]). „Неспособность администраторовъ,—разсуждалъ князь В. Ѳ. Одоевскій,—всегда имѣетъ слѣдствіемъ гоненіе на литературу вообще, на журналы въ особенности... Никогда не было такого гоненія на литературу, какъ во время нелѣпой администраціи Валуева“ [4]). И это говорилъ человѣкъ, самъ принадлежавшій къ русской бюрократіи, но убѣжденный сторонникъ законности и гласности [5]). Дамокловъ мечъ административныхъ каръ ежечасно угрожалъ русскому литератору, и трупы нѣсколькихъ газетъ и журналовъ („Современникъ“, „Русское Слово“, „Москва“ и др.) были побѣдными трофеями Валуева.

Великіе князь Александръ и Владиміръ Александровичи.

Законъ 6 апрѣля самимъ Высочайшимъ указомъ трактовался, какъ временный — „при настоящемъ переходномъ положеніи судебной у насъ части и впредь до дальнѣйшихъ указаній опыта“. Но, въ періодъ правительственной и частью общественной реакціи, трудно было ждать благопріятной для литературы переработки цензурнаго устава. И дѣйствительно, чѣмъ дальше, тѣмъ адми-

[1]) А. В. Никитенко. «Моя повѣсть о самомъ себѣ», т. II, 234 стр. (подъ 16 мая 1865 г.).

[2]) Характеристику личности П. А. Валуева даетъ М. К. Лемке въ книгѣ „Эпоха ценз. реформъ“ (стр. 41—51).

[3]) И. С. Аксаковъ въ его письмахъ; ч. II, т. IV, стр. 270.

[4]) Бумаги кн. В. Ѳ. Одоевскаго въ И. П. Библіотекѣ, переплетъ 22, л. 111, автографъ.

[5]) Въ одной рукописной замѣткѣ 60-хъ годовъ (переплетъ 22, л. 142, автографъ) Одоевскій развиваетъ мысль, что „гласность начата Іисусомъ Христомъ“; а въ другой (ibid., л. 481 об., автографъ) находимъ такіе афоризмы: „Корень гласности горекъ, но плоды его сладки. Корень безгласности сладокъ, но плоды его горьки“.

нистративный режимъ становился строже. Въ 60—70-хъ годахъ цензурный уставъ обогатился нѣсколькими новеллами, снова направленными къ обузданію печати.

Такъ, по закону 12 дек. 1866 г. литературныя дѣла передавались, въ качествѣ первой инстанціи, въ судебныя палаты, а не въ окружные суды; законъ 13 іюня 1867 г. установилъ, что печатать отчеты о засѣданіяхъ общественныхъ и сословныхъ собраній можно лишь съ разрѣшенія губернскаго начальства; законъ 7 іюня 1872 г. усиливалъ строгости по отношенію къ условіямъ ареста и преслѣдованія книгъ; по закону 12 іюля 1873 г. министръ внутреннихъ дѣлъ получалъ право воспрещать на любой срокъ обсужденіе въ печати „какого-либо вопроса внѣшней или внутренней политики, гласное обсужденіе котораго могло бы быть сопряжено со вредомъ для государства"; по правиламъ 5 апр. 1879 г. генералъ-губернаторы могли пріостанавливать или прекращать вовсе періодическія изданія, признанныя ими вредными. Послѣ марта 1881 г. подобныя мѣры воздѣйствія идутъ crescendo въ уровень съ общимъ ростомъ реакціи [1]).

Такова вкратцѣ исторія о томъ, какъ русская литература получала свободу слова. Въ итогѣ нашъ писатель, пережившій отрадное возбужденіе эпохи шестидесятыхъ годовъ, очутился передъ разбитымъ корытомъ и съ грустью могъ повторять слова, сказанныя въ одной анонимной запискѣ еще 1804 г.: „Истинные сыны отечества ждутъ уничтоженія цензуры, какъ послѣдняго оплота, удерживающаго ходъ просвѣщенія тяжкими оковами и связывающаго истину рабскими узами". Правъ былъ Н. И. Тургеневъ, доказывавшій „невозможность порядочнаго цензурнаго устава". „Идея цензуры,—говорилъ онъ [2]),—неразлучна съ идеею произвола; цензура всегда будетъ и останется произволомъ. Но есть ли какая-нибудь возможность обратить произволъ въ законъ?.. Произволъ долженъ быть замѣненъ законностію, цензурный уставъ-закономъ о печати".

П. Сакулинъ.

---

[1]) Интересную статистику административныхъ взысканій съ сентября 1865 г. по 1 дек. 1904 г. находимъ въ книгѣ Вл. Розенберга и В. Якушкина „Русская печать и цензура въ прошломъ и настоящемъ" (М. 1905), стр. 134 и слл.; см. также въ приложеніи: а) списокъ періодическихъ изданій, подвергшихся административнымъ взысканіямъ въ 1865—1904 гг., и б) сводъ данныхъ о мотивахъ предостереженій, полученныхъ журналами и газетами въ 1865—1904 гг.

[2]) Чего желать для Россіи? (Que faut — il désirer pour la Russie?) Лейпцигъ, 1868 стр. 30. Имя автора стоитъ подъ „Предувѣдомленіемъ", а предисловіе подписано 1864 годомъ.

Расколъ и сектантство въ XIX вѣкѣ.

Развитіе и направленіе религіозныхъ теченій въ XIX вѣкѣ опредѣлялось двумя основными фактами общественной эволюціи Россіи за этотъ періодъ: ростомъ капитализма и буржуазіи и эмансипаціей крестьянства 1861 года. Первый факторъ привелъ, съ одной стороны, къ окончательной кристаллизаціи старообрядческой буржуазной церкви, ставшей рядомъ съ официальной церковью и въ наши дни успѣшно съ нею конкурирующей; съ другой стороны, въ ходѣ процесса накопленія образовывались внутри буржуазіи преходящія религіозныя образованія, исчезавшія или приходившія въ упадокъ одновременно съ исчезновеніемъ тѣхъ преходящихъ условій, которыя вызвали ихъ къ жизни. Гораздо сложнѣе было дѣйствіе второго фактора. И ранѣе, при господствѣ крѣпостныхъ условій, сектантскія теченія были достаточно ярки и разнообразны; когда же эмансипація поставила косное дотолѣ крестьянство лицомъ къ лицу съ цѣлымъ рядомъ новыхъ и притомъ жизненныхъ вопросовъ, завертѣла элементы крестьянскаго міра въ быстромъ и мучительномъ процессѣ диференціаціи и сблизила его съ чуждымъ ему по строю и духу городомъ, твореніе новыхъ религіозныхъ системъ и формъ пошло въ средѣ крестьянства лихорадочнымъ темпомъ и приняло новый характеръ. Секты смѣняютъ одна другую, мѣняясь какъ въ калейдоскопѣ; совершенно одинаковыя секты появляются одновременно въ различныхъ мѣстахъ имперіи, однѣ быстро исчезаютъ, другія живутъ дольше, постоянно

преобразуясь и въ то же время ведя жестокую борьбу за существованіе. Этотъ потокъ реформаціи въ настоящее время еще мало поддается изученію, какъ вслѣдствіе скудости матеріала, остающагося по большей части неопубликованнымъ, такъ и вслѣдствіе страстной борьбы мнѣній и интересовъ, разыгрывающейся въ области народной религіи. Вливаясь бурной волною въ водоворотъ современной русской жизни, крестьянская реформація слишкомъ близко задѣваетъ современнаго русскаго человѣка, чтобы онъ могъ стать по отношенію къ ней на такую же безпристрастную почву холоднаго наблюдателя, какую онъ занимаетъ по отношенію къ явленіямъ XVII и XVIII вѣковъ. Поэтому, если по отношенію къ первому комплексу религіозныхъ теченій буржуазнаго характера возможно уже указать на нѣкоторые точные общіе выводы и дать болѣе или менѣе опредѣленную оцѣнку, то по отношенію ко второму комплексу, крестьянской реформаціи, приходится ограничиваться лишь частными характеристиками, соблюдая въ выводахъ извѣстную осторожность и всегда помня о ихъ гадательномъ характерѣ.

Въ XIX вѣкъ старообрядчество вступаетъ въ составѣ двухъ главныхъ организацій: рогожскаго поповщинскаго союза и поморскаго безпоповщинскаго согласія. Рогожскій союзъ былъ къ этому времени огромной экономической силой. Его заправилы, обитатели тихихъ особняковъ Таганки и Рогожской, владѣли милліонными капиталами, которые увеличились еще болѣе благодаря подрядамъ и поставкамъ въ Отечественную войну 1812 года. Церковныя связи чрезвычайно удобно и просто использовались для коммерческихъ цѣлей: общины центральныхъ и поволжскихъ черноземныхъ губерній представляли готовую агентуру для хлѣбной торговли, а донскія, уральскія и нижне-волжскія общины были такой же агентурой для рыбной торговли. Готовый аппаратъ для сношеній имѣлся въ лицѣ ямщиковъ московской Ямской слободы, которые были почти сплошь старообрядцы. Скопленные торговыми оборотами капиталы были въ началѣ XIX вѣка пущены въ промышленное дѣло. Въ самой Москвѣ и въ Гуслицкомъ районѣ (Богородскаго уѣзда) рогожскіе капиталисты основали первыя крупныя мануфактуры, зародыши будущей капиталистической промышленности. Основаніе мануфактуръ сопровождалось массовымъ переходомъ крестьянъ, работавшихъ на нихъ, въ старообрядчество, такъ какъ этотъ переходъ оплачивался со стороны работодателей ссудами на выкупъ изъ крѣпостного состоянія и на покупку зачетныхъ рекрутскихъ квитанцій. Одновременно съ этимъ въ Рябушинской слободѣ, Калужской губерніи, основывались также мануфактуры купеческой старообрядческой фамиліей, вышедшей изъ крестьянъ этой слободы и разнесшей потомъ ея названіе по всей Россіи своими учрежденіями (бр. Рябушинскіе). Было бы чрезвычайно интересно прослѣдить генеалогію крупнѣйшихъ купеческихъ и промышленныхъ фамилій современной Россіи; тогда, вѣроятно, оказалось бы, что не только Морозовы, Рахмановы

Великій князь Александръ Александровичъ.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

БИБЛІОТЕКА СЛУЖАЩИХЪ
Управленія ж. д.
Фонтанка, 117.
№9

Рябушинскіе, но и многіе другіе восходятъ къ предкамъ, такъ или иначе связаннымъ со старообрядческой организаціей.

Но, владѣя огромной экономической силой, рогожцы чувствовали, что церковная организація, служащая имъ столь вѣрную и полезную службу, стоитъ на очень шаткомъ основаніи. Исканія архіерейства въ XVIII в. окончились полной неудачей; рогожцамъ пришлось остаться съ крайне ненадежными во всѣхъ отношеніяхъ бѣглыми попами, а между тѣмъ на этомъ клирѣ держалась вся ихъ церковь. Съ другой стороны, правительство только терпѣло ихъ организаціи и всегда могло перемѣнить свою милость на сильнѣйшій пароксизмъ гнѣва. Начало вѣка было временемъ такой милости: въ купцахъ нуждались, какъ въ крупной финансовой силѣ, безъ которой невозможно обойтись въ тяжелое военное время; рогожцы постарались использовать милостивое настроеніе правительства возможно полнѣе въ свою пользу. Въ результатѣ ихъ хлопотъ явились правила о бѣглыхъ попахъ и молитвенныхъ домахъ старообрядцевъ, изданныя 26 марта 1822 г. Правила предписывали не разыскивать и оставлять у раскольниковъ бѣглыхъ поповъ, если они не скрываются у старообрядцевъ вслѣдствіе уголовнаго преступленія, и предписать такимъ попамъ вести метрики и представлять метрическія вѣдомости гражданскому начальству; новыхъ часовенъ и церквей строить не дозволялось, но старыя предписывалось оставить въ покоѣ.

Бѣлокриницкій митрополитъ Кириллъ.

Этотъ успѣхъ создавалъ нѣкоторое подобіе легальности для старообрядческихъ общинъ, но онъ оказался непрочнымъ. Не прошло и пяти лѣтъ, какъ общая реакція отразилась и на отношеніи правительства къ старообрядчеству. Съ 1826 года Николаевское правительство, какъ изъ рога изобилія, сыплетъ репрессіи на голову старообрядцевъ и сектантовъ; пришлось плохо и Рогожскому кладбищу. Завершился циклъ этихъ мѣръ отмѣной правилъ 1822 г. (въ 1832 г.) и разгромомъ Иргизскихъ монастырей, іерархическаго центра, гдѣ бѣглые попы получали „исправу“. Одинъ за другимъ эти монастыри были отняты у старообрядцевъ и превращены въ единовѣрческіе; земля и крестьяне были у нихъ отобраны. Этотъ ударъ больно отозвался на старообрядчествѣ. Мелкое мѣщанство и крестьянство, составлявшее массу старообрядческаго населенія на Иргизѣ, сразу ударилось въ эсхатологію и ушло или въ безпоповщину, или въ сектантство. Иргизская паства разсѣялась; тяжело было и на Рогожѣ.

Пришлось серьезно задуматься надъ будущностью старой вѣры: лишенная клира, старообрядческая церковь существовать не могла.

Выходъ былъ одинъ—найти архіерея. Совѣщанія по этому вопросу начались еще въ 1832 году, послѣ отмѣны правилъ 1822 года; разгромъ Иргиза показалъ, что медлить съ этимъ дѣломъ болѣе не приходится. Душою предпріятія стали богатѣйшіе московскіе купцы Рахмановы; они дали средства для осуществленія этого нелегкаго дѣла. Нашелся человѣкъ, до фанатизма преданный идеѣ отысканія архіерея и посвятившій ему всю свою энергію и жизнь. Это былъ Павелъ Великодворскій; онъ потратилъ цѣлые годы на объѣздъ турецкихъ провинцій въ поискахъ архіерейства, не зараженнаго „ересью", но безрезультатно. Главнымъ препятствіемъ было опасеніе дипломатическихъ осложненій; не будь этого, нашелся бы на востокѣ не одинъ покладистый архіерей, согласившійся бы признать истинность старой вѣры. Задача была разрѣшена только тогда, когда удалось сговориться съ одной легальной общиной зарубежныхъ старообрядцевъ, Бѣлой Криницей, уставъ которой еще въ 1783 году былъ утвержденъ австрійскимъ правительствомъ. Затрудненіе было только въ томъ, что Бѣлая Криница не пользовалась правомъ имѣть епископа; такое право можно было бы выхлопотать, но у бѣлокриницкихъ старообрядцевъ не хватало для этого средствъ. У москвичей средства были болѣе чѣмъ достаточныя, и въ 1844 году Великодворскій привезъ въ Бѣлую Криницу указъ австрійскаго императора, утверждавшій право общины имѣть своего епископа. Кандидатъ въ епископы былъ подысканъ заранѣе. Это былъ боснійскій епископъ Амвросій, который потерялъ епархію вслѣдствіе столкновенія съ турецкими властями; будучи не у дѣлъ и сильно нуждаясь въ средствахъ, этотъ, въ общемъ вполнѣ порядочный клирикъ, согласился пріѣхать въ Криницу и стать старообрядческимъ епископомъ. Въ Криницѣ онъ очутился, какъ въ тюрьмѣ, и въ довершеніе разочарованія долженъ былъ принять перемазаніе отъ старообрядческаго священника; но назадъ было уже поздно отступать, и 27 октября 1846 года старообрядцы имѣли, наконецъ, своего епископа. Тотчасъ послѣ перемазанія Амвросій посвятилъ себѣ преемника, бѣлокриницкаго монаха Кирилла; такъ было условлено на случай дипломатическихъ осложненій, которыя и произошли въ дѣйствительности. Чтобы дать удовлетвореніе русскому правительству, австрійское правительство арестовало Амвросія и заключило его въ Цилль, гдѣ онъ и умеръ.

Рахмановы давали свои средства на хлопоты, конечно, только съ тѣмъ, чтобы имѣть епископовъ въ Россіи, дабы не зависѣть отъ далекой зарубежной общины. Кандидатомъ въ московскіе митрополиты былъ выдвинутъ сначала одинъ изъ семьи Рахмановыхъ, Дмитрій Андреевичъ, который спеціально ради такой будущности принялъ заранѣе монашество, подъ именемъ Діонисія, въ одномъ изъ керженскихъ скитовъ. Но этотъ планъ былъ разстроенъ

Филипповъ. Крымская война. Музей Александра III.

правительствомъ, разгромившимъ скитъ, гдѣ находился Діонисій, и Діонисію пришлось скрыться за границу. Тогда Рахмановы выдвинули кандидатуру Степана Жарова, простого содержателя постоялаго двора въ Ямской слободѣ, ничтожнаго человѣка, обѣщавшаго быть ихъ вѣрнымъ слугою. Жаровъ былъ посвященъ въ московскіе архіепископы Кирилломъ въ 1847 году, а затѣмъ былъ посвящено еще 10 епископовъ. Такъ была устранена навсегда опасность прекращенія священства; напротивъ, теперь культъ старообрядчества могъ соперничать съ официальнымъ культомъ. Вслѣдъ за обезпеченіемъ клира, былъ разрѣшенъ вопросъ и о церковной организаціи. Распорядительнымъ органомъ стали смѣшанные съѣзды клириковъ и свѣтскихъ делегатовъ отъ старообрядческихъ общинъ, вѣдавшіе всѣ административные и хозяйственные вопросы и избиравшіе кандидатовъ на вакантныя каѳедры; для разрѣшенія спеціальныхъ вопросовъ вѣроученія и культа созывались „освященные соборы“ изъ епископовъ, но также съ участіемъ мірянъ. Такая организація ставила клиръ въ полную зависимость отъ свѣтскихъ руководителей церкви и навсегда исключала появленіе какихъ бы то ни было папистскихъ стремленій среди высшихъ представителей клира.

Бѣлокриницкій митрополитъ Аѳанасій.

Если легко было справиться съ организаціонными вопросами, то далеко не такъ легко было разрѣшить вѣроисповѣдный вопросъ. Мы знаемъ уже, что антихристова идеологія никогда не пользовалась особеннымъ авторитетомъ въ средѣ буржуазнаго старообрядчества; съ тѣхъ поръ, какъ она померкла, отличіемъ старообрядческой вѣры отъ синодальной остались только старыя книги и старыя формулы богослуженія. Преданность этимъ книгамъ и формуламъ вошла въ плоть и кровь старообрядчества; но съ теченіемъ времени и для косной толщи таганскихъ и рогожскихъ стѣнъ и кафтановъ стало становиться яснымъ сознаніе, что старые обряды, отличаясь отъ новыхъ обрядовъ, не обозначаютъ еще разницы въ теоретическомъ вѣроученіи. Писаніе одно и то же и у рогожцевъ, и у никоніанъ, одинъ и тотъ же основатель вѣры, одни и тѣ же святые. Все болѣе и болѣе крѣпла мысль, что основные пункты различія между синодской и старообрядческой церковью сводятся вовсе не къ вѣроученію и даже не къ обрядности (единовѣрческая церковь была лучшимъ доказательствомъ второстепеннаго значенія обрядности), но къ разницѣ взглядовъ на отношеніе церкви къ государству и къ организаціоннымъ вопросамъ. Когда это сознаніе окрѣпло,

оно нашло сейчасъ же себѣ выраженіе въ „Окружномъ посланіи единыя, святыя, соборныя, древле-православно-каѳолическія церкви“, появившемся въ 1862 году.

Этотъ замѣчательный документъ открыто и рѣшительно порвалъ со старой идеологіей XVIII вѣка, осудивъ десять „тетрадей“, въ которыхъ суммировалась вся антихристово-эсхатологическая идеологія. Взамѣнъ прежнихъ положеній, что священство и церковь прекратились, а цари и патріархи—антихристовы слуги, Окружное посланіе провозглашало новыя: императоръ есть лицо богохранимое и боговѣнчанное, а церковь истинная есть старообрядческая церковь, которая и будетъ существовать до скончанія вѣка. Эта истинная церковь отличается отъ официальной не вѣроученіемъ, ибо она вѣруетъ въ того же Самого Іисуса Христа, имѣетъ тѣ же таинства, праздники и святыхъ. Грѣхъ ея и не въ обрядовыхъ различіяхъ, а въ отношеніи къ старообрядцамъ: Никонъ, измѣнивъ древнецерковныя преданія, насильственно заставлялъ служить новымъ чиномъ, а соборъ 1667 г. положилъ окончательно пропасть между старообрядчествомъ и никоніанскою церковью, произнеся клятву и анаѳему на святое имя Іисуса и двуперстное сложеніе. Съ тѣхъ поръ господствующая церковь не перестаетъ мучить и гнать старообрядцевъ, невиновныхъ ни въ какой ереси, а только въ преданности старымъ обрядамъ. Антихристъ же еще не пришелъ, говоритъ въ заключеніе Окружное посланіе, и когда придетъ, неизвѣстно: о днѣ томъ и часѣ никто не знаетъ, кромѣ Самого Іисуса Христа.

Окружное посланіе было вполнѣ логическимъ слѣдствіемъ всего предшествующаго развитія; но не такимъ оно показалось части старообрядческой массы. Изданіе его повело къ тяжелому раздору, раздиравшему старообрядческую церковь въ теченіе почти 40 лѣтъ. Въ раздоръ ушла сначала сѣрая, крестьянская и рабочая масса, всегда тяготѣвшая въ эсхатологической идеологіи; этимъ обстоятельствомъ воспользовались капиталисты Гуслицкаго района, конкурировавшіе съ московскими промышленниками. Въ борьбу былъ втянутъ и бѣлокриницкій митрополитъ Кириллъ, проклинавшій то „окружниковъ“, то „раздорниковъ“, судя по тому, какая изъ враждующихъ сторонъ въ каждый данный моментъ умѣла его лучше одарить. Однако, на сторону Окружнаго посланія въ концѣ концовъ окончательно стали Москва и цѣлый рядъ наиболѣе богатыхъ и вліятельныхъ общинъ; постепенно къ нимъ переходили другія, мелкія общины. Раздорничество долго держалось еще въ тѣхъ общинахъ, гдѣ буржуазные верхи были слабы, и преобладало крестьянство; но и тамъ время сдѣлало свое дѣло, и въ 1906 году можно было созвать примирительный соборъ, на которомъ окружническое большинство великодушно согласилось объявить Окружное посланіе, къ тому времени ставшее мертвымъ документомъ, не имѣющимъ силы. Несмотря на раздоръ, поповщинская церковь быстро росла численно, въ особенности послѣ эман-

сипаціи, когда отпавшіе въ старообрядчество крестьяне насчитывались тысячами; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ обращеніе совершалось поголовно цѣлыми селами. Переходъ былъ очень легокъ, такъ какъ крестьянинъ не мѣнялъ вѣры; но зато изъ принудительнаго данника своего прихода онъ превращался въ вершителя его судебъ, участвовалъ въ выборахъ священника. Манифесты 17 апрѣля и 17 октября 1905 года дали возможность старообрядческой церкви легализоваться и открыто выступить съ своимъ культомъ. Она живетъ теперь правильной жизнью, имѣетъ свою прессу и заводитъ свои школы; буржуазная церковь стоитъ рядомъ съ официальной, успѣшно съ нею соперничая.

Бѣлокриницкій митрополитъ Амвросій.

Въ то время, какъ поповщинская церковь дѣлала такіе быстрые и прочные успѣхи, безпоповщинскія организаціи вели незамѣтное существованіе, приходя въ постепенный упадокъ. Будучи по самому существу своему организаціями накопленія, онѣ переживали постоянный процессъ диференціаціи и вслѣдствіе этого были пловучими, зыбкими образованіями; мы видѣли уже разительные примѣры этого въ исторіи Выговской и Преображенской общинъ. Раздробленность безпоповщинскихъ общинъ и отсутствіе единой прочно выработанной идеологіи еще болѣе ослабляли ихъ позицію среди враждебнаго къ нимъ государства; поэтому они не такъ легко могли оправиться отъ ударовъ правительственныхъ репрессій тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, какъ поповщинская организація.

Самая старинная изъ безпоповщинскихъ организацій, Выговская, была уничтожена цѣлымъ рядомъ мѣръ, относящихся къ тридцатымъ и сороковымъ годамъ XIX вѣка. Мѣры тридцатыхъ годовъ были направлены противъ культа: снимали съ часовенъ колокола, а затѣмъ одна за другою часовни были закрыты; иконы и церковная утварь отчасти была скитниками припрятаны, отчасти попали въ руки синодскаго духовенства. Вслѣдъ за этими мѣ-

рами послѣдовала конфискація имуществъ, принадлежавшихъ выговскимъ общежитіямъ. Въ 1848 году на Выгъ были переселены православные крестьяне изъ Псковской губерніи, и имъ были переданы всѣ пашенные дворы и подсѣки скитниковъ. Скитники разбѣжались; нѣкоторые, впрочемъ, были мѣрами правительства выселены „на родину“. Скиты запустѣли, а черезъ тринадцать лѣтъ по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ были сломаны тамъ и всѣ строенія. Такъ погибла эта любопытная колонія, столько сдѣлавшая для колонизаціи Поморья и свято охранявшая культурное наслѣдіе старины.

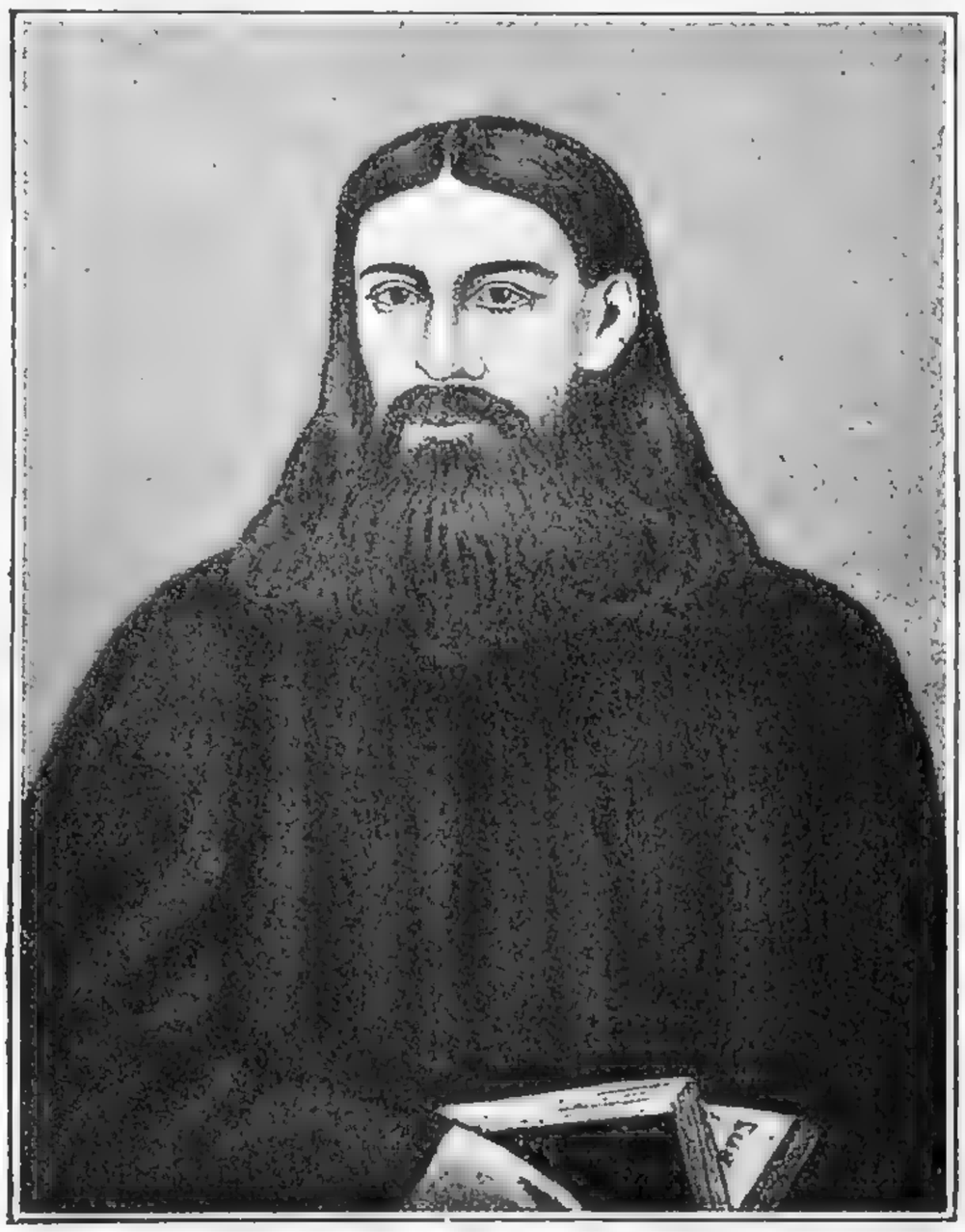
Послѣ гибели метрополіи, филіальныя поморскія общины быстро приходятъ въ упадокъ. Московская Монинская часовня раздиралась и внутренними противорѣчіями, и непосильной борьбой съ правительствомъ. Преслѣдованія Николаевской эпохи отразились на ней гибельнымъ образомъ. Часовня была запечатана, вскорѣ послѣ разгрома Преображенскаго кладбища, которое было сначала закрыто, а потомъ передано единовѣрцамъ. Лишенные общественныхъ мѣстъ культа, члены безпоповщинскихъ согласій принуждены были ютиться по домашнимъ молельнямъ, устраивавшимся въ домахъ богатыхъ купцовъ; въ эту тяжелую для старообрядчества эпоху къ домашнему культу приходилось прибѣгать и рогожцамъ, но типичнѣе всего были домашнія молельни безпоповцевъ. Фабриканты Морозовы устроили четыре домашнихъ часовни въ Москвѣ и одну въ Орѣховѣ-Зуевѣ; прихожанами были фабричные рабочіе, а богослуженіе въ орѣховской молельнѣ совершалъ самъ хозяинъ фабрики. Это былъ одинъ изъ разительныхъ примѣровъ роли религіи и церковной организаціи, какъ орудія господства и эксплуатаціи. Каждая молельня была связана съ „дѣломъ“ ея хозяина; культъ распылился по отдѣльнымъ группамъ, но зато окрѣпла связь между членами каждой отдѣльной группы. Однако, немногія изъ этихъ организацій дожили до 1905 года. Онѣ распадались, и чаще всего вслѣдствіе измѣны „старой вѣрѣ“ со стороны хозяевъ. За недостаткомъ документальныхъ данныхъ трудно сказать, какіе поводы побуждали верхи возвращаться въ православіе; основная же причина ясна. Роль безпоповщины, поскольку она была организаціей первоначальнаго накопленія, была сыграна еще въ первой четверти XIX вѣка; для превращенія же въ организацію властвующаго капитала у нея не было данныхъ, такъ какъ, не имѣя клира, она не могла имѣть ни правильнаго культа, ни постоянной церковной организаціи. Поэтому Гучковы, Морозовы и другіе крупные представители безпоповщины легко переходятъ сначала въ единовѣріе, а потомъ возвращаются въ лоно господствующей церкви.

Когда манифесты 17 апрѣля и 17 октября принесли относительную свободу и безпоповцамъ, отъ ихъ общинъ оставались жалкіе обломки съ преобладаніемъ мелко-буржуазныхъ элементовъ. Бѣдность безпоповщины

въ особенности ярко выдѣлилась на фонѣ тѣхъ грандіозныхъ выступленій, которыми сразу послѣ 1905 года заявила себя поповщинская церковь. Безпоповцы долгое время не могли собрать съѣзда; устроенный, наконецъ, поморцами съѣздъ оказался совсѣмъ неблестящимъ, а пренія на немъ по поводу куренія табака, брадобритія и другихъ „печатей діавола“ переносили сторонняго слушателя въ средневѣковую старину. Боевой духъ выдохся, да и воевать теперь, въ общемъ, не приходится; но для мирнаго житія у безпоповцевъ не оказывается внутренняго содержанія. Поэтому, безпоповщинская масса становится теперь легкой добычей для бѣлокриницкой старообрядческой церкви; судя по хроникѣ старообрядческой прессы, переходы безпоповцевъ къ бѣлокриницкой церкви стали обычнымъ явленіемъ въ провинціи.

* * *

Мы переходимъ теперь къ обзору сектантскаго движенія въ XIX вѣкѣ. Изъ массы различныхъ сектантскихъ организацій, возникавшихъ въ Россіи въ XIX вѣкѣ, легче всего поддается характеристикѣ одна своеобразная организація начала XIX вѣка, о которой мы уже упоминали въ предшествующей статьѣ (томъ V). Это — скопчество, вышедшее изъ нѣдръ хлыстовства. Первоначальная связь его съ хлыстовствомъ порвалась очень быстро. Хлысты не отдѣляли себя отъ міра, хотя и налагали на себя нѣкоторые обѣты, соблюдать которые было не легко, оставаясь въ мірѣ. Скопецъ, напротивъ, самымъ актомъ оскопленія уже отрѣзывалъ себя отъ міра и отъ всей предшествовавшей дѣятельности. Оскопленный, помимо того, что становился неспособнымъ къ семейной жизни, не могъ уже нести и земледѣльческій трудъ, становившійся для его ослабленнаго организма непосильнымъ. За разрывомъ всѣхъ прочихъ связей оставалась одна новая связь, связь по уродству, заставлявшая скопцовъ держаться ближе другъ къ другу и составлять тѣсныя общества. Изъ деревни скопцы тянулись въ городъ, гдѣ легче было найти занятіе, подходящее для ихъ новаго физическаго состоянія; такъ скопчество очень быстро стало городской сектой въ противоположность крестьянскому хлыстовству.



Свящ. Павелъ (Тульскій).

Скопческій христосъ, Кондратій Селивановъ, и его „предтеча“ Андрей Шиловъ, нашли первыхъ горячихъ адептовъ огненнаго крещенія въ домѣ алексинскаго фабриканта Лучинина. „Убѣливъ“ Лучинина, христосъ и предтеча убѣлили его фабричныхъ крестьянъ; затѣмъ произошли „убѣленія“ крестьянъ въ Тамбовской губ., а потомъ въ Тульской и въ Орловской. Къ этому времени Селивановъ и Шиловъ были сосланы, но дѣло было уже поставлено прочно. Всѣ „убѣленные“ потянулись въ Москву и въ Петербургъ; въ Москвѣ Лучининъ основалъ полотняную фабрику и „убѣлялъ“ своихъ рабочихъ; въ обѣихъ столицахъ усердными адептами секты стали богатые мѣстные купцы. Такой же купеческій или промышленный составъ имѣли скопческіе „корабли“, основывавшіеся въ большихъ провинціальныхъ городахъ; къ нимъ тянулись изъ деревень оскопленные крестьяне, предоставляя свою рабочую силу въ распоряженіе капиталистовъ-скопцовъ. Они основывали „корабли“, которые, кромѣ названія, не имѣли почти ничего общаго съ хлыстовскими кораблями. Скопческій корабль былъ общежитіемъ, въ которомъ жили скопцы, участвующіе въ „дѣлѣ“ кормщика корабля; одновременно они были и членами скопческой общины, и рабочими въ предпріятіи. Связь по уродству и по занятіямъ скрѣплялась еще связью взаимопомощи: при многихъ корабляхъ устраивались кассы, изъ которыхъ выдавались членамъ корабля ссуды. Кормщикъ корабля былъ его абсолютнымъ владыкой; никакихъ выборовъ, какъ въ хлыстовщинѣ, не было, но въ званіи кормщиковъ христосъ Селивановъ обычно утверждалъ основателей кораблей. Центромъ для всѣхъ кораблей былъ Петербургъ, гдѣ съ начала XIX вѣка поселился возвращенный изъ ссылки Селивановъ; между Петербургомъ и провинціальными кораблями была заведена правильная почта, передававшая, кромѣ чисто-сектантскихъ дѣлъ и извѣстій, также извѣстія и директивы финансоваго и политическаго характера. Благодаря такой организаціи, скопчество сдѣлалось такимъ же крупнымъ биржевымъ и торговымъ союзомъ, какимъ былъ Рогожскій союзъ; первый дирижировался изъ Петербурга, второй—изъ Москвы.

Относительной соціальной чертой скопческаго союза, отдѣлявшей его отъ рогожцевъ и сближавшей съ ѳедосеевщиной, была его тенденція накопленія. Рогожцы торговали и примѣняли капиталы въ промышленности; для нихъ въ началѣ XIX вѣка былъ уже періодъ промышленнаго накопленія. Скопцы торговали и были фабрикантами; но больше всего ихъ тянуло къ ростовщическимъ и спекулятивнымъ предпріятіямъ. Этотъ способъ накопленія какъ нельзя лучше подходилъ къ ихъ физическимъ качествамъ, не требуя особыхъ физическихъ напряженій, съ которыми связаны торговля и еще въ большей степени фабричная работа. Въ то же время онъ оказался и очень быстрымъ: въ какія-нибудь двадцать пять лѣтъ первые скромные адепты Селиванова превратились въ милліонеровъ, диктовавшихъ биржевыя

цѣны и мечтавшихъ о томъ, чтобы прибрать къ своимъ рукамъ все государственное управленіе Россіи. Въ 1774 г. Селиванова сѣкли батогами, а въ 1822 году онъ поучалъ уже императора Александра I и какъ живая реликвія показывался буржуазной и великосвѣтской публикѣ. Авторитетъ его, какъ святого и пророка, былъ настолько великъ, что въ 1809 году, передъ второй войной съ Наполеономъ, Александръ спрашивалъ у него пророчества о возможномъ исходѣ войны.

Такое положеніе, достигнутое скопчествомъ, опредѣлило и всю его идеологію. Первоначальный очень простой аскетическій моментъ отошелъ въ ней на второй планъ, и выдвинулись стремленія обнять скопческой идеологіей весь процессъ міровой жизни и исторіи. Тутъ, конечно, возможны были лишь книжное, ученое толкованіе и изложеніе; и скопчество создало свою ученую литературу, въ которой жизнь основателя и основныя идеи и цѣли секты получили обработку „отъ писанія“. Скопчество, по воззрѣнію этой обработки, опирается на актъ творенія и ведетъ свое начало отъ первыхъ дней міра. Первые люди были сотворены безполыми, и только тогда, когда они нарушили въ раю заповѣдь божію, у нихъ появились половые органы и половое влеченіе, положившее конецъ ихъ первобытному блаженству. Въ этомъ-то и заключался тотъ первородный грѣхъ, отъ котораго Іисусъ пришелъ искупить человѣчество. Искупленіе есть оскопленіе; самъ Іисусъ и апостолы были скопцы, они крестили людей—„духомъ святымъ и огнемъ“.

Свящ. о. І. М. Ястребовъ.

Но уже скоро послѣ вознесенія Іисуса „лѣпость“ опять стала поѣдать міръ, и скопцами были только отдѣльные святые люди, какъ, напр., Николай чудотворецъ. Понадобилось поэтому второе пришествіе Христа „въ славѣ“, для окончательнаго установленія „искупленія“. Этотъ христосъ, пришедшій въ славѣ, и есть Кондратій Селивановъ. Тутъ скопческая идеологія отъ церковной исторіи сразу переходитъ въ русскую исторію. „Слава“ Селиванова заключается въ томъ, что онъ есть не кто иной, какъ императоръ Петръ III, родившійся отъ пренепорочной дѣвы, Елисаветы Петровны. Она процарствовала будто бы только два года, а потомъ, получивъ благовѣщеніе о рожденіи отъ нея христа-Селиванова, передала бразды правленія любимой фрейлинѣ, а сама ушла къ людямъ божіимъ подъ именемъ Акулины Ивановны. „Разблажилась“ она святымъ духомъ, „утробушкой растворилася“,—и родила Петра-Селиванова; родивъ, отправила его на воспитаніе въ Голш-

тинію, гдѣ онъ и сдѣлался „бѣлымъ голубемъ“. Когда онъ вернулся въ Петербургъ и женился, какъ наслѣдникъ престола, то Екатерина, узнавъ, что онъ „убѣленъ“, возненавидѣла его и хотѣла убить; но онъ спасся, обмѣнявшись платьемъ съ караульнымъ солдатомъ, котораго убили и похоронили вмѣсто него. Убѣжавъ, „Петръ“ принялъ имя Кондратія Селиванова и проповѣдывалъ оскопленіе, былъ за это битъ батогами и сосланъ. Когда на престолъ вступилъ его „сынъ“, Павелъ, то онъ, узнавъ о дѣйствительномъ званіи Селиванова, возвратилъ его изъ ссылки, но не хотѣлъ „убѣлиться“. Тогда Кондратій проклялъ его: „о земная клеветина, вечеромъ твоя кончина“ и отдалъ „весь тронъ и дворцы“ кроткому царю Александру. Такъ скопческая обработка исторіи подошла къ современной ей эпохѣ. Исторія должна была завершиться изображеніемъ конца міра и суда надъ нимъ. Богатое событіями начало XIX вѣка дало благодарную для этого почву. Какъ и предсказано, передъ концомъ міра является антихристъ, конечно, Наполеонъ, вѣчный врагъ Россіи и Англіи, разорявшій своей политикой русскихъ дворянъ и купцовъ. Родился онъ отъ ненавистницы Петра III, Екатерины II (!); хитростью и лукавствомъ достигъ престола и заставилъ служить себѣ всѣ народы земные. Но съ помощью „христа“-Кондратія Александръ побѣдитъ его, и тогда произойдетъ страшный судъ. Ко времени суда число обратившихся въ скопчество, „запечатлѣнныхъ“, должно достигнуть 144.000; когда это число исполнится, Селивановъ на облакахъ небесныхъ явится въ Москву, соберетъ звономъ въ царь-колоколъ всѣхъ скопцовъ, живыхъ и мертвыхъ, и вмѣстѣ съ ними отправится въ Петербургъ, гдѣ и произойдетъ страшный судъ. Всѣ народы должны будутъ принять его ученіе объ оскопленіи, а всѣ цари сложатъ къ ногамъ его свои короны. Кто откажется увѣровать, пойдетъ въ муку вѣчную; скопцамъ же Кондратій отдастъ всю землю во владѣніе, и они будутъ на ней царствовать, самъ же онъ вознесется на седьмое небо и будетъ тамъ царить надъ всѣмъ міромъ.

Изображая скопческаго христа въ образѣ императора, земного царя и бога, скопческая идеологія обнаруживала понятный интересъ къ текущимъ политическимъ событіямъ. Въ этомъ отношеніи любопытны попытки скопческой организаціи взять въ свои руки руководство государственными дѣлами. Въ числѣ „убѣлившихся“ были нѣкоторые представители чиновнаго петербургскаго міра, въ томъ числѣ камергеръ Еленскій. Этотъ высокопоставленный скопецъ представилъ въ 1804 году императору Александру проектъ переустройства Россіи, рекомендовавшій государству подчиниться „церкви таинственной, управляемой святымъ духомъ“. Въ качествѣ секретныхъ совѣтниковъ и руководителей всего государственнаго управленія, военнаго и морского дѣла должны быть приглашены скопцы. При особѣ государя императора долженъ состоять самъ Селивановъ, который есть

„вся сила пророковъ“; онъ „всѣ тайные совѣты по волѣ премудрости небесной будетъ апробовать и намъ благословеніе и покровы небесные будетъ посылать“. Въ каждый городъ, въ каждый полкъ и на каждый корабль назначаются по одному іеромонаху и одному „пророку“ изъ скопцовъ; іеромонахъ и „пророкъ“ состоятъ при начальникѣ и даютъ, „занимаясь гласомъ небеснымъ“, секретные совѣты „какъ въ сраженіяхъ, такъ и во всѣхъ случаяхъ“. Отъ осуществленія этого проекта Еленскій сулилъ всяческія блага государству: „и ежели сіе таинство премудрое министерія россійская соблюдетъ и иностраннымъ землямъ не откроетъ, будетъ всѣхъ сильнѣйшею побѣдительницею всего міра“. Правительство, конечно, не вняло этому совѣту; Еленскій былъ объявленъ сумасшедшимъ и заключенъ въ Суздальскую монастырскую тюрьму. Однако проектъ Еленскаго вовсе не былъ безпочвенной утопіей: онъ опирался на огромную силу скопческаго капитала и ставилъ себѣ вполнѣ понятную цѣль—взять въ руки скопческой организаціи руководство военными операціями, такъ какъ для скопчества, какъ для буржуазной силы, далеко былъ не безразличенъ исходъ войны съ Наполеономъ.

Московскій митрополитъ Антоній.

Такова была эта своеобразная организація; намъ понятно теперь, почему митрополитъ Филаретъ считалъ скопцовъ лучше всѣхъ сектантовъ и раскольниковъ. Быстро распустившись, скопчество быстро и поблекло: съ двадцатыхъ годовъ отношеніе правительства къ нему рѣзко измѣняется, и противъ него начинается цѣлый походъ, завершившійся въ 1834 году объявленіемъ скопчества особо вредной сектой. Къ этому же времени подходитъ къ концу и соціальная роль скопчества; передаваться по наслѣдству оно не могло, и потому скопленные имъ капиталы по смерти руководителей скопчества переходили въ руки боковыхъ родственниковъ, для которыхъ „убѣленіе“ не представляло никакой приманки и не было уже вынуждаемо интересами дѣла. Постепенно скопчество становится удѣломъ отдѣльныхъ фанатиковъ-изувѣровъ, а его лѣтопись превращается въ уголовную хронику.

Остальныя многочисленныя секты XIX вѣка носятъ по преимуществу крестьянскій характеръ. По своему внутреннему содержанію онѣ рѣзко раздѣляются эпохой шестидесятыхъ годовъ на двѣ группы. Секты эпохи, предшествующей эмансипаціи, коренятся еще въ идеологіи XVIII вѣка, перерабатываютъ старые эсхатологическіе и утопистскіе мотивы. Секты эпохи, послѣдующей за эмансипаціей, обнаруживаютъ уже новыя черты, незнакомыя XVIII и началу XIX вѣка, черты раціоналистическаго евангелизма. Между тѣми и другими стоятъ быстро исчезнувшія, но очень характерныя секты эпохи эмансипаціи, возникшія на почвѣ земельнаго обдѣленія крестьянъ и имѣвшія мѣсто преимущественно среди уральскихъ поссессіонныхъ крестьянъ.

Въ двадцатыхъ годахъ XIX вѣка вновь возрождается типичная секта XVIII вѣка, бѣгунство, подъ вліяніемъ послѣднихъ усилій крѣпостнической реакціи. Но въ ея идеологіи и организаціи происходятъ въ это время нѣкоторыя характерныя перемѣны. Изъ автономныхъ и мало связанныхъ между собою „пристаней“, на которыя распадалась секта въ XVIII вѣкѣ, она становится единой организаціей съ центромъ въ селѣ Сопелкахъ, Ярославской губерніи. Тамъ происходили общіе бѣгунскіе съѣзды, и былъ постоянный совѣтъ, разрѣшавшій важнѣйшія дѣла, которыя переносились для рѣшенія изъ мѣстъ пристаней въ центръ. Въ пристаняхъ избирались наставники изъ грамотныхъ и начитанныхъ людей; нѣкоторые изъ нихъ составили сочиненія, изъ которыхъ мы и узнаемъ новыя теченія въ бѣгунской идеологіи. Главный вопросъ, около котораго вертится бѣгунская мысль, это вопросъ о томъ, когда же, наконецъ, прекратится „странство“, этотъ временный способъ борьбы съ антихристомъ, и когда начнется съ нимъ открытая брань. „Разглагольствіе тюменскаго странника“, одно изъ бѣгунскихъ сочиненій этой эпохи, отвѣчаетъ, что время уже близко. Авторъ „Разглагольствія“ разсказываетъ, что духомъ онъ уже видѣлъ искупителя, царя на бѣломъ конѣ, сходящаго съ неба. Всѣ бѣгуны соберутся вокругъ него и составятъ его воинство, которое онъ и поведетъ на брань съ антихристомъ; послѣ побѣды искупитель устроитъ у Каспійскаго моря царство бѣгуновъ и построитъ столицу Новый Іерусалимъ. Каковъ будетъ строй этого царства, „Разглагольствіе“ умалчивало; очевидно, что этотъ вопросъ мало интересовалъ бѣгуновъ. По самому существу своихъ принциповъ „странства“, бѣгуны не имѣли никакого имущества; поэтому естественно, что вопросъ о распредѣленіи и не могъ имѣть для нихъ особой остроты. Коммунистическія попытки, имѣвшія мѣсто въ ту же эпоху въ нѣкоторыхъ костромскихъ пристаняхъ, не имѣли успѣха.

Развитіе коммунистическихъ мотивовъ даетъ себя знать въ двухъ другихъ сектахъ, начало которыхъ относится къ послѣдней четверти XVIII вѣка, въ духоборствѣ и молоканствѣ, какъ названы эти секты официальны-

БИБЛІОТЕКА СЛУЖАЩИХЪ
Управленія ж. д.
Фонтанка, 117.

ми обличителями. Эти секты имѣютъ между собою довольно много общаго, почему ихъ удобно разсматривать въ связи другъ съ другомъ. Связь между ними устанавливается уже въ самомъ началѣ ихъ существованія: одинъ изъ основателей молоканской секты, возникшей въ Тамбовской губ., былъ Капустинъ, находившійся въ близкихъ отношеніяхъ съ екатеринославскими духоборцами. Многіе элементы молоканской идеологіи были заимствованы цѣликомъ изъ „Духоборческаго исповѣданія“, съ котораго и придется намъ начать знакомство съ этими сектами.

„Духоборческое исповѣданіе“—это ученое изложеніе духоборческой доктрины, поданное въ 1791 году екатеринославскому губернатору группой арестованныхъ духоборцевъ. Оно преслѣдуетъ въ значительной степени цѣли защиты и потому недостаточно полно излагаетъ духоборческую теорію; его приходится дополнять матеріаломъ изъ духоборческихъ псалмовъ и пѣсенъ. Чрезъ всю духоборческую идеологію проходитъ принципъ дуализма, принципъ противоположности между душою и плотью, противоположности сыновъ духа и сыновъ плоти, называемыхъ аллегорически сынами Авеля и сынами Каина. Вся исторія міра есть исторія борьбы этихъ двухъ началъ, приводящая къ окончательному какъ будто торжеству сыновъ Каина надъ сынами Авеля; и только вмѣшательство божества, установившаго власти, законы и внѣшнія церковныя формы, не допустило людей до того, чтобы они „загрызлись, какъ псы“. Несмотря на вмѣшательство божества, сынамъ Авеля, какъ видно изъ духоборческихъ пѣсенъ, „на землѣ тѣсно жить и охульно слыть“. Только на ихъ долю приходится нести тяжелый трудъ, который заповѣданъ всѣмъ людямъ; и трудясь неустанно на пользу зараженныхъ сребролюбіемъ сыновъ Каина, „возлюбившихъ пространно жить и похвально слыть“, сыны Авеля все-таки остаются обездоленными. Они — бѣдныя сироты, не каждый день обѣдаютъ, не каждый вечеръ вечеряютъ; неистовствуютъ надъ ними сыны Каина, поставившіе „рукотворныя церкви“ и нанявшіе „поповъ-наемниковъ“, взамѣнъ „праведныхъ свидѣтелей“. Однако, несмотря на всѣ

усилія сыновъ Каина „связать свѣтъ“ и „затоптать Христово ученіе“, это имъ не удалось сдѣлать. Сыны Авеля „возлюбили печать Господню“; духоборцы—тѣ же сыны Авеля; имъ Богъ „свѣтъ открылъ и черезъ нихъ свѣтъ сотворилъ“. Свѣтъ духоборцамъ дается „духомъ“, но духоборческій духъ не похожъ на хлыстовскій духъ. Духъ, который говоритъ духоборцамъ, это божественный разумъ, раскрывающій имъ точный смыслъ писанія. Оно должно пониматься аллегорически; аллегорія — не только сказаніе библіи, какъ сказаніе о Каинѣ и Авелѣ, но также и догматы вѣры. Что такое Троица? „Троица—существо непостижимое; отецъ-Богъ—память, сынъ-Богъ—разумъ, духъ-Богъ—воля, Богъ-Троица—единъ“. Такимъ же образомъ толковались и другія положенія вѣры и сказанія священнаго писанія.

Переходъ отъ теоріи къ практической морали представляла концепція Христа и его послѣдовательныхъ воплощеній. Христосъ — божественный разумъ, который постоянно воплощается. Первое его воплощеніе было въ Іисусѣ, затѣмъ въ первыхъ римскихъ папахъ и въ великихъ святыхъ, затѣмъ въ основателѣ секты Силуанѣ Колесниковѣ и, наконецъ, въ Капустинѣ; послѣ Капустина Христосъ будетъ жить въ его сынѣ. „Я, дѣйствительно, Христосъ, вашъ Господь, падите ницъ предо мною и обожайте меня!“ проповѣдывалъ о себѣ Капустинъ; и крестьянская духоборческая масса послушно стала призывать Капустина и его родственниковъ въ молитвахъ наравнѣ съ Господомъ и Богородицей. Капустинъ и сталъ практическимъ организаторомъ первой духоборческой общины, основанной въ такъ называемыхъ „Молочныхъ водахъ“, пустопорожнихъ мѣстахъ Мелитопольскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи. Туда духоборцы были переселены въ 1804 году, „въ видахъ разобщенія съ православными“ изъ Екатеринославской, Тамбовской, Харьковской и другихъ губерній. Переселеннымъ было дано по 15 десятинъ на душу, и на первое время они были освобождены отъ всякихъ податей.

Устройство духоборцевъ на Молочныхъ водахъ соотвѣтствовало ихъ пониманію „божіей правды“. Ея извращеніе „дѣтьми Каина“ заключалось въ установленіи собственности, неравенства, властей и внѣшняго культа. Всѣ эти учрежденія были изгнаны изъ Молочныхъ водъ. По примѣру первоначальныхъ христіанъ, духоборцы сложили всѣ имущества въ одну общую кассу, устроили общіе хлѣбные магазины и провели коммунизмъ производства и потребленія. Всякій культъ былъ отмѣненъ, замѣнился пѣніемъ псалмовъ хоромъ во время полевыхъ работъ; бракъ сталъ простымъ соглашеніемъ жениха и невѣсты. Въ этомъ миніатюрномъ мессіаническомъ царствѣ царилъ Капустинъ, которому воздавалось божественное поклоненіе; онъ жилъ въ „Сіонѣ“, т.-е. въ волостномъ домѣ, и былъ верховнымъ распорядителемъ въ общинѣ; судъ совершалъ онъ вмѣстѣ съ совѣтомъ тридцати. Судьба Молочноводской общины, конечно, была такая же,

какъ судьба всякаго утопическаго коммунистическаго предпріятія. Среди членовъ общины началась скоро диференціація, приведшая къ образованію класса богатеевъ; имъ покровительствовалъ и Капустинъ, и вскорѣ сдѣлался ихъ послушнымъ орудіемъ. Постановленія объ общности имущества постепенно были упразднены, и организація общины сдѣлалась удобнымъ орудіемъ эксплоатаціи въ рукахъ захватившихъ власть богатеевъ. Тогда въ общинѣ начались волненія и безпорядки; правительство воспользовалось ими и въ тридцатыхъ годахъ переселило духоборцевъ съ Молочныхъ водъ въ Ахалцыхскій округъ на Кавказъ. Тамъ духоборческая община еще два раза повторяла ту же самую исторію. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, благодаря участію въ казенныхъ подрядахъ и поставкахъ во время войны 1854—1856 гг., и въ кавказской общинѣ появилась олигархія богатеевъ, завладѣвшихъ капиталами и „Сіономъ“, находившимся въ селѣ Горѣломъ. Противъ „горѣловцевъ“ поднялась оппозиція „веригинцевъ“, во главѣ которой стоялъ „пророкъ“ Веригинъ, наслѣдникъ одной изъ недавно умершихъ „пророчицъ“, Лукерьи Калмыковой. Долгая борьба между ними, не обошедшаяся безъ правительственнаго вмѣшательства въ пользу горѣловцевъ, привела къ уходу горѣловцевъ со всѣми капиталами; послѣ этого краха веригинцы попробовали возстановить первоначальную коммунистическую организацію въ чистомъ видѣ, но сейчасъ же вступили въ конфликтъ съ правительствомъ. Въ результатѣ духоборцамъ пришлось совсѣмъ выселиться изъ предѣловъ Россіи въ Канаду при помощи средствъ, собранныхъ Львомъ Толстымъ среди либеральной буржуазіи.

Свящ. о. Е. П. Мельниковъ.

Очень сходны были ученіе и эволюція молоканства. Молоканство распространялось преимущественно на средней Волгѣ, среди готовой массы бѣглыхъ и бывшихъ людей, уже захваченныхъ различными религіозными теченіями, старообрядческими и сектантскими. Вслѣдствіе этого проповѣдникъ молоканства, Семенъ Уклеинъ, родственникъ и послѣдователь Капустина, нѣсколько видоизмѣнилъ его доктрину, смягчивъ отрицаніе таинствъ и обрядовъ и настаивая лишь на возстановленіи „чистаго“ христіанства по писанію. Но соціальная идеологія молоканства цѣликомъ сходится съ духоборческой, и такимъ же коммунистическимъ духомъ вѣетъ отъ молоканскихъ организацій. Первыя приволжскія общины молоканъ были еще скорѣе артелями, чѣмъ коммунами; но когда въ тридцатыхъ годахъ молокане, подобно духоборцамъ, принуждены были переселиться на Кавказъ, вслѣдъ за

сосланнымъ туда ихъ пророкомъ Михаиломъ Поповымъ, тамъ, въ Шемахинскомъ округѣ, была организована не менѣе строгая коммуна, чѣмъ духоборческія общины. Община была организована согласно „Уставу упованія общаго ученія“, составленнаго Поповымъ и опиравшагося на разсказъ Дѣяній о первоначальныхъ христіанскихъ общинахъ. Это была, конечно, чисто ученая привязка; на дѣлѣ община Попова представляла изъ себя настоящій фаланстеръ, съ общностью производства и потребленія, но съ правомъ выхода членовъ изъ него, при чемъ выдаются обратно внесенное уходящимъ имущество или его эквивалентъ. Эту общину также постигла неудача, вслѣдствіе диференціаціи среди членовъ общины; особенно быстрымъ темпомъ разложеніе пошло тогда, когда разрѣшены были ссуды изъ общей кассы, при чемъ въ случаѣ невозвращенія ссуды недоимщику грозила только эпитимія постомъ. Началось въ буквальномъ смыслѣ слова расхищеніе капиталовъ общины; къ концу сороковыхъ годовъ она окончательно разорилась и распалась, не оставивъ по себѣ никакихъ воспоминаній. Передъ эмансипаціей замѣчалось вновь значительное оживленіе молоканства на Волгѣ, но уже съ эсхатологическими тенденціями: являлись пророки, которые проповѣдывали наступленіе въ 1836 году второго пришествія и установленія мессіаническаго царства на Араратскихъ горахъ въ Закавказьѣ. Теченіе это было недолговѣчно и одновременно съ эмансипаціей оно исчезаетъ, уступая мѣсто новымъ формамъ сектантства.

Эмансипація произвела огромный сдвигъ въ крестьянскомъ быту и внесла величайшее броженіе въ его міросозерцаніе. Первоначально, въ первую минуту, когда шло проведеніе реформы, практическіе вопросы объ уставныхъ граматахъ, о новомъ устройствѣ крестьянскаго управленія, и многіе другіе практическіе вопросы оторвали большинство крестьянства отъ идеологическихъ и религіозныхъ настроеній, и новыя стойкія формы сектантства появляются только въ концѣ шестидесятыхъ годовъ. Но такъ было не вездѣ. Былъ одинъ уголокъ, въ которомъ именно расхищеніе крестьянскихъ земель во время эмансипаціи вызвало къ жизни эфемерныя, но весьма своеобразныя организаціи. Это было на Уралѣ, среди поссессіонныхъ крестьянъ. Условія ихъ земельнаго надѣленія нѣсколько отличались отъ условій надѣленія другихъ казенныхъ крестьянъ: въ то время, какъ другіе казенные крестьяне получали, по общему правилу, надѣлы въ томъ размѣрѣ, въ какомъ они ихъ имѣли до эмансипаціи, уральскіе крестьяне получили надѣлъ съ большими отрѣзками въ пользу заводовъ. Составленіе уставныхъ граматъ не обошлось тамъ безъ волненій, во время которыхъ приходское духовенство открыто стало на сторону правительства. Это обстоятельство сейчасъ же преломилось въ умахъ крестьянъ въ такой формѣ: разъ правительство, отрѣзывая земли, нарушаетъ крестьянскія права, освященныя вѣковою давностью, то нечего признавать его, нечего молиться въ храмахъ, гдѣ служитъ

Великій Князь Михаилъ Николаевичъ.

Postcard

защищающій правительство клиръ. Такъ появилась секта немоляковъ: „мы никого не признаемъ, кромѣ Отца нашего небеснаго, никому изъ васъ не вѣримъ, кромѣ Его, никто за насъ не заступится“, говорили немоляки. Одновременно съ сектой немоляковъ образовалась на Уралѣ другая секта, неплательщиковъ, не желавшая платить податей, введенныхъ съ 1861 года; затѣмъ, въ началѣ семидесятыхъ годовъ появилась секта лучинковцевъ, уже принципіально отвергавшая деньги, какъ антихристову печать, и всѣ способы освѣщенія, кромѣ чистой березовой лучины, ибо всѣ они такъ или иначе запятнаны соприкосновеніемъ съ деньгами. Въ лицѣ этихъ двухъ сектъ мы встрѣчаемся съ чисто реакціоннымъ протестомъ крестьянства, привыкшаго къ патріархальнымъ натурально-хозяйственнымъ отношеніямъ, противъ вдвинувшагося клиномъ въ его среду денежнаго хозяйства въ видѣ требованія денегъ и денежныхъ податей.

Л. Е. Пичугинъ.

Уральскія секты, порожденныя непосредственно условіями эмансипаціи, были немногочисленными и недолговѣчными; гораздо больше значенія имѣютъ тѣ секты, которыя образовались на почвѣ новыхъ условій крестьянскаго быта послѣ эмансипаціи. Въ образованіи ихъ сказалось, главнымъ образомъ, два момента. Во-первыхъ, земельное обдѣленіе крестьянъ въ черноземныхъ губерніяхъ породило острую нужду: „отъ безземелья житья не стало“ — этимъ продиктованы были коммунистическія тенденціи новаго сектантства. Во-вторыхъ, знакомство съ городомъ и проникновеніе въ крестьянскую среду первыхъ проблесковъ грамотности дали почву для созданія религіозной формы новаго сектантства. Оно является по преимуществу евангельскимъ направленіемъ, въ протестантскомъ стилѣ; нѣкоторые сектанты называютъ себя прямо „библейскими христіанами“. Въ официальныхъ отчетахъ и изданіяхъ новые сектанты чаще всего называются штундистами, штундо-баптистами, просто баптистами. Употребляемое чаще всего названіе штунда заимствовано отъ нѣмецкаго термина Stunde, какъ назывались въ XVIII вѣкѣ нѣмецкіе евангелическіе кружки въ нѣмецкихъ колоніяхъ южныхъ губерній. Исторія и сущность штунды до сихъ поръ мало изучены; на статьи, печатаемыя въ миссіонерскихъ и богословскихъ журналахъ, полагаться очень трудно, документальный же матеріалъ очень скуденъ; до сихъ поръ огромная его часть лежитъ въ судебныхъ архивахъ и врядъ ли скоро выйдетъ на свѣтъ Божій. Сами же сектанты, по понятнымъ соображеніямъ, неохотно заявляли о себѣ

въ печати. Однако, несмотря на эти недостатки, можно уловить два основныхъ теченія въ общемъ комплексѣ сектъ, обнимаемыхъ терминомъ штунды.

Секта „библейскихъ христіанъ“, возникшая первоначально въ селѣ Любцахъ, Трубчевскаго уѣзда, Орловской губерніи, является образцомъ евангельскаго направленія штунды. Любцовскіе сектанты, страдавшіе отъ малоземелья, въ особенности тяжело чувствовали на себѣ поборы духовенства за требы; въ ихъ селѣ былъ священникъ, не стѣснявшійся попросту вымогать съ крестьянъ деньги. Столкновенія со священникомъ на этой почвѣ побудили любцовцевъ обратиться за провѣркой правъ священника къ Библіи; въ ней любцовцы нашли, что клирики должны быть честны, благочинны, трезвы, не сребролюбивы и не корыстолюбивы, если же клирикъ этимъ требованіямъ не удовлетворяетъ, то прихожане могутъ удалить его. За провѣркой правильности притязаній священника послѣдовала провѣрка Библіей всей обрядности и вѣроученія. Эта провѣрка привела къ отрицанію доброй половины таинствъ и обрядовъ, иконъ и мощей. Такъ была выработана очень простая идеологія, сходная съ протестантской; одинъ изъ малорусскихъ сектантовъ того же направленія, Зайцъ, выразилъ эту идеологію въ такихъ выраженіяхъ: „знать одного Бога, дѣлать правду, горилки не пить, люльки не курить, не ругатися, не битися, не красть, а жинки держаться одной“. По отношенію къ культу взгляды Зайца были столь же просты: „по правдѣ не нужно ни вѣнчанія, ни крещенія; и не будетъ стоить ни одной копейки, а попамъ надо бы 100 рублей“. Столь же простъ сталъ и культъ у библейскихъ христіанъ.

Ѳ. Е. Мельниковъ.

Ихъ молитвенныя собранія происходили въ просторной комнатѣ подъ руководствомъ выборнаго проповѣдника и состояли въ чтеніи Писанія, пѣніи псалмовъ и духовныхъ стиховъ и въ поученіи проповѣдника.

Практическій характеръ идеологіи „библейскихъ христіанъ“ отразился и на организаціи ихъ общиннаго устройства. Библейскіе христіане и не думали осуждать то общество и государство, внутри которыхъ они жили, и уходить оттуда. Они признавали правительство и молились за царя, исправно несли всѣ повинности, считали существованіе сословій вполнѣ естественнымъ и законнымъ явленіемъ. Общій тонъ ихъ жизни былъ тонъ благопристойнаго лояльнаго мѣщанства; солидарность между ними выражалась не въ коммунистическихъ попыткахъ, а въ устройствѣ общинныхъ кассъ взаимопомощи. Эти кассы платили за недостаточныхъ собратьевъ казенные налоги, выдавали ссуды на продовольствіе и обсѣмененіе, спасая сектантовъ отъ цѣпкихъ

БИБЛІОТЕКА СЛУЖАЩИХЪ
Управленія ж. д.
Фонтанка, 117.

лапъ деревенскихъ кулаковъ и кабатчиковъ. Послѣдніе повели противъ сектантовъ ожесточенную кампанію, прикрываясь ролью защитниковъ православія; имъ ничего не стоило привлечь на свою сторону міръ, поставивъ ему приличное количество водки, и вызвать столкновеніе между сектантами и православными во время сектантскихъ молитвенныхъ собраній. Въ концѣ-концовъ любцовскіе сектанты были отданы подъ судъ; по приговору суда въ 1883 году они были переселены на Кавказъ. Такія же общины появлялись одновременно въ малорусскихъ губерніяхъ, тамъ, гдѣ условія землепользованія и вымогательства клира были одинаковы съ любцовскими. Исторія обращенія упомянутаго уже Зайца есть почти буквальное повтореніе исторіи обращенія любцовцевъ. Среди городского мѣщанства также распространялось это евангельское направленіе; городскіе сектанты больше извѣстны подъ названіемъ баптистовъ, о которыхъ еще придется говорить.

Архимандритъ Михаилъ.

Другое направленіе штунды, съ коммунистическимъ направленіемъ, представлено „духовными христіанами“ Херсонской губ., сектой, возникшей въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, и сютаевщиной, сектой, возникшей въ семидесятыхъ годахъ въ Новоторжскомъ уѣздѣ, Тверской губерніи. Условія и тутъ, и тамъ были одинаковыя: энергичное проникновеніе капитализма въ промышленность и сельское хозяйство, сопровождавшееся усиленной пролетаризаціей крестьянства. Цѣны на рабочія руки были низкія, охраны труда не существовало, и безнадежно бившійся между заводомъ и экономіей батракъ силой обстоятельствъ былъ приведенъ къ коммунистической идеологіи. Слѣдуя духоборческой традиціи, не исчезнувшей на югѣ, духовные христіане путемъ аллегорическаго толкованія Писанія пришли къ выводу, что краеугольный камень, на которомъ зиждется міръ, есть любовь. Любовь — это Самъ Богъ; любовь заповѣдана людямъ, и лишь при соблюденіи этой заповѣди могутъ люди пользоваться землею. Но заповѣдь любви не соблюдается въ мірѣ, и потому на землѣ воцарилось зло. Рабство евреевъ у египетскаго фараона есть аллегорическое изображеніе строя, господствующаго теперь въ мірѣ. Люди должны стремиться къ тому, чтобы воскресить на землѣ любовь и возстановить добро и правду. Возстановленіе правды будетъ заключаться въ томъ, что земля и всѣ прочія орудія производства перестанутъ быть предметами нечестиваго торга, царящаго въ мірѣ; богопротивная торговля прекра-

тится, деньги исчезнутъ. Земля и право пользованія ею будутъ переданы тѣмъ, кто на ней трудится: „трудивыйся да ястъ“. Люди раздѣлятся на коммуны, съ раздѣленіемъ труда и обмѣномъ продуктами натурой; все будетъ общее. По вопросу о практическомъ осуществленіи этой доктрины въ общинахъ духовныхъ христіанъ скоро начались разногласія между болѣе состоятельными и пролетаріями. Первые довольствовались проведеніемъ евангелической системы, наподобіе общины библейскихъ христіанъ, откладывая осуществленіе заповѣди любви до второго пришествія. Но пролетаріи не хотѣли ждать; они требовали немедленнаго проведенія коммунизма, наподобіе духоборческихъ общинъ. Вслѣдствіе этого во многихъ общинахъ появился расколъ, на почвѣ котораго сталъ распространяться баптизмъ, готовое ученіе, занесенное въ Россію нѣмецкими баптистами. Это ученіе, внѣшнимъ признакомъ котораго является требованіе крещенія въ зрѣломъ возрастѣ и чрезъ погруженіе, очень легко слилось съ умѣреннымъ направленіемъ штундизма и преимущественно среди штундистовъ навербовало себѣ послѣдователей. Аналогичнымъ явленіемъ духовнымъ христіанамъ юга явилась сютаевщина, секта, основанная въ тверскомъ фабричномъ районѣ Васильемъ Сютаевымъ. Въ его идеологіи также центральное мѣсто занимаютъ заповѣдь любви и осужденіе купли и продажи; въ тѣхъ же чертахъ, какъ и духовные христіане, представлялъ себѣ Сютаевъ воцареніе Божіей правды на землѣ. Но онъ гораздо рѣшительнѣе, чѣмъ его южно-русскіе единомышленники, высказывался противъ властей, охраняющихъ современный строй, противный божественной правдѣ, и не обинуясь называлъ власть „злыми властями“.

Таковы самыя общія черты развитія сектантскаго движенія послѣ эмансипаціи. Кромѣ указанныхъ, существуетъ огромное количество другихъ сектъ, съ самыми разнообразными названіями; но всѣ онѣ представляютъ лишь разновидности описанныхъ выше сектъ. Всѣ эти секты имѣютъ, какъ и штундизмъ, одну общую характерную черту, существенно отдѣляющую ихъ отъ сектъ XVIII и начала XIX вѣка: онѣ опираются не на духовное откровеніе, а на такъ или иначе понимаемую Библію; и въ то же время имъ почти чужды эсхатологическія тенденціи. Въ этомъ нельзя не видѣть прямого результата развитія капитализма и просвѣщенія; благодаря пріобщенію крестьянскихъ массъ къ общей культурной жизни исчезаютъ шаманскія традиціи, блекнетъ эсхатологическій и утопическій коммунизмъ; возстановленіе „Божіей правды“ мыслится все болѣе и болѣе, какъ дѣло самихъ людей, какъ будущее преобразованіе общества. Революція произвела новый сдвигъ въ деревнѣ и еще болѣе ускорила процессъ ликвидаціи старыхъ формъ сектантства; новыя его линіи опредѣленно намѣчены, и по нимъ неудержимо пойдетъ будущее развитіе.

Н. Никольскій.

Университетскій вопросъ во вторую половину XIX вѣка.

Эпоха общественнаго перелома, съ ея рѣзкою критикой изжитаго строя и ожиданіями лучшаго будущаго, не могла не отразиться на судьбахъ нашего просвѣщенія. Тѣ реакціонныя формы, какими опутала школу Николаевская „система“, перестали удовлетворять и самое правительство, и мы видимъ, что вскорѣ послѣ Севастопольскаго разгрома, не дожидаясь новыхъ реформъ, стоявшихъ на очереди, быстро начинаютъ отмѣняться всѣ тѣ стѣсненія, которыя, казалось, совсѣмъ должны были парализовать всякое проявленіе общественности и личности. Инымъ духомъ повѣяло сверху. Общество пробуждалось къ новой жизни

Первою должна была ожить высшая школа. Университеты приковали къ себѣ исключительное вниманіе реакціонныхъ властей; уставъ 1835 года всецѣло отдавалъ ихъ подъ полицейскую опеку попечителя, усмотрѣніе котораго замѣняло законъ. Войдя въ свою роль, министръ Уваровъ не скрывалъ новыхъ полномочій попечителя: „онъ обращаетъ вниманіе на способности, прилежаніе и благонравіе профессоровъ, адъюнктовъ, учителей и чиновниковъ университета, исправляетъ нерадивыхъ замѣчаніями и принимаетъ мѣры къ удаленію неблагонадежныхъ“. Это была пора, когда „все движеніе управленія внутренняго приспособлено къ видамъ правительства о

точнѣйшемъ и неразрывномъ наблюденіи за духомъ и ходомъ высшихъ учебныхъ заведеній". Виды правительства шли дальше устава, и къ концу Николаевской эпохи стѣсненія академической жизни достигли крайнихъ границъ. Теперь эти ограниченія какъ-то вдругъ утратили свою силу.

Въ концѣ 1855 г. отмѣняется ограничительная норма, и цифра слушателей университета сразу же повышается. Въ этомъ же году два университета — харьковскій и кіевскій — подчиненные въ концѣ сороковыхъ годовъ власти генералъ-губернатора, снова поступаютъ въ вѣдѣніе учебнаго округа; возстановляются въ своихъ выборныхъ правахъ ректоръ, проректоръ и деканы факультетовъ; въ слѣдующемъ году разрѣшается заграничная командировка молодыхъ ученыхъ, дозволяется выписка книгъ изъ-за границы безъ цензуры, возстанавливаются каѳедры философіи и государственнаго права, раньше признававшіяся вредными и ненужными. Характерны и частные факты: избранный деканомъ историко-филологическаго факультета Грановскій, вмѣсто забаллотированнаго Шевырева, въ 1851 г. не былъ утвержденъ попечителемъ, а теперь, всего за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти популярнаго профессора, вновь избраннаго деканомъ, это утвержденіе властью санкціонируется.

Самая разработка новаго устава происходитъ при участіи академическихъ силъ. Исключительный интересъ къ судьбамъ университетовъ проявляется въ это время со стороны многихъ русскихъ профессоровъ. Рѣдкимъ изъ нихъ не составляется особая записка, разсматривающая съ разныхъ сторонъ университетскій вопросъ. На защиту автономіи высшей школы поднимаются авторитетные голоса Пирогова, Андреевскаго, Чичерина, Пыпина, Спасовича и др. „Замѣчанія на проектъ общаго устава Императорскихъ Россійскихъ Университетовъ" официально издаются въ 1862 году въ двухъ томахъ. Эти документы остаются до сихъ поръ отнюдь не только историческими воспоминаніями: въ нихъ содержится часто глубоко-продуманный взглядъ на основныя задачи высшей школы. Многія изъ этихъ „замѣчаній" кладутся въ основу новаго проекта, который опять разсылается на разсмотрѣніе университетскихъ совѣтовъ и отдѣльныхъ лицъ, и, наконецъ, послѣ всяческихъ дополненій и измѣненій, утверждается въ качествѣ закона 18 іюня 1863 года.

Новый уставъ разсматриваетъ университетъ, какъ самоуправляющуюся единицу, и потому власть попечителя сводится лишь къ общему контролю, безъ посягательствъ на постоянное вмѣшательство въ его внутреннюю жизнь. Отвѣтственность за послѣднюю возлагается на совѣтъ профессоровъ, который и становится теперь центральной направляющей силой. Факультеты оказываются его учебнымъ органомъ, избранный ректоръ—исполнительнымъ, правленіе — хозяйственнымъ и административнымъ, инспекторъ — полицейскимъ, наконецъ, особо избираемая комиссія профессоровъ—судебнымъ. По

прежнему уставу всякія взысканія на студентовъ налагались исключительно властью инспектора и попечителя и, конечно, безъ всякаго суда. Теперь, невзирая на начавшееся среди студентовъ движеніе и серьезныя волненія, власть готова была отказаться отъ прежнихъ мѣръ. Любопытна и та мотивировка, какую по этому поводу находимъ въ одномъ изъ проектовъ новаго устава: „Требовать отъ студентовъ безпрекословнаго повиновенія одной внѣшней власти не только не возможно, но даже и вредно: съ одной стороны, нельзя надѣяться, что когда-нибудь студенты подчинятся добровольно и на долгое время власти безъ нравственнаго авторитета, а съ другой—желать этого можетъ только человѣкъ, совершенно незнакомый съ педагогикой и характеромъ юношества. Стремленіе достигнуть нравственнаго авторитета силою поведетъ только къ тяжелымъ столкновеніямъ и жертвамъ, и каждая новая жертва лишь усложнитъ трудность задачи... При отсутствіи нравственнаго авторитета управленіе становится невозможнымъ и превращается въ непрерывную экзекуцію“. Профессорскій гласный судъ и могъ опираться на моральные мотивы. Но безъ жертвъ, какъ со стороны студентовъ, такъ и профессоровъ, русская жизнь не могла обойтись. И поэтому глубоко вдумчивые умы, ставя діагнозъ современности, тревожно всматривались въ будущее нашей высшей школы. Такимъ былъ, напримѣръ, Пироговъ. Продумавъ до конца университетскій вопросъ, онъ понималъ, что „коренное преобразованіе нашего университета безъ рѣшенія о свободѣ мысли и слова невозможно“. Какъ „лучшій барометръ общества“, университетъ не можетъ спокойно уйти въ свою науку въ то время, когда въ странѣ судорожно рѣшаются волнующіе всѣхъ вопросы. „У насъ едва повѣяло новою жизнью,—замѣчаетъ онъ,—едва общество почувствовало новыя стремленія,—и тотчасъ же появились рефлективныя движенія въ университетѣ... Шумныя сходки и сужденія о дѣлахъ, касающихся до интересовъ студенческаго быта, имѣли своимъ началомъ также вопросы объ общественныхъ интересахъ, возбужденные въ наше время новыми потребностями и реформами“. „Автономія и чиновничество не идутъ вмѣстѣ“, утверждалъ тотъ же Пироговъ. А между тѣмъ русская жизнь уже къ концу шестидесятыхъ годовъ повернулась въ иную сторону, когда независимая профессура не соотвѣтствовала видамъ правительства, и о морали въ толкованіяхъ новаго устава перестаютъ говорить. Борьба стала принимать обостренныя формы, студенчество все рѣшительнѣе вовлекалось въ нее, и это его выступленіе судорожно отражалось на жизни университетовъ. Герценъ глубоко понималъ этотъ трагизмъ русской жизни, еще въ 1861 году набрасывая въ „Колоколѣ“ горячія строки: „къ польской, къ крестьянской крови прибавилась кровь лучшихъ юношей въ Петербургѣ и Москвѣ... Не жалѣйте вашей крови. Раны ваши святы, вы открываете новую эру нашей исторіи, вами Россія выходитъ во второе тысячелѣтіе“.

Восьмидесятые годы уже опредѣленно вводятъ академическую жизнь въ прежнія поднадзорныя формы. Автономный университетъ пересталъ существовать. Уставъ 23 августа 1884 г. снова расширяетъ полномочія попечителя: онъ „заботится о благосостояніи университета“, наблюдаетъ за ходомъ университетскаго преподаванія (§ 6), всячески охраняетъ порядокъ и дисциплину въ университетѣ, даетъ ректору „обязательныя для него предложенія о надзорѣ за студентами“ (§ 8). Ректоръ избирается на четыре года министромъ (§ 10), инспекторъ, по представленію попечителя, также (§ 46). Въ своихъ, независимыхъ отъ совѣта, дѣйствіяхъ по отношенію къ студенчеству инспекторъ и его помощники руководятся особою инструкціей министра (§ 52). Отмѣняется профессорскій судъ надъ студентами, и дѣла о нарушеніи студентами правилъ рѣшаются инспекторомъ, ректоромъ или правленіемъ, опять согласно особой министерской инструкціи (§ 125). А студенты, разсматриваемые, какъ отдѣльные посѣтители университета, лишаются всякихъ корпоративныхъ правъ, и ихъ собранія комментируются, какъ незаконныя сборища, подлежащія расправѣ внѣуниверситетскихъ властей. Дальнѣйшая исторія нашихъ университетовъ ясно показала, что такой уставъ не могъ содѣйствовать нормальной жизни университетовъ: съ конца девяностыхъ годовъ эта жизнь вступаетъ въ хроническую полосу студенческихъ волненій, а въ иные годы и совсѣмъ замираетъ.

Именной Высочайшій указъ, данный Сенату 24 августа 1905 года „о введеніи въ дѣйствіе временныхъ правилъ объ управленіи высшими учебными заведеніями“, казалось бы, снова возвращается къ уставу 1863 года: ректоръ и его помощникъ избираются совѣтомъ, на обязанность и отвѣтственность совѣта возлагается забота о поддержаніи правильнаго хода учебной жизни, начальство надъ инспекціей ввѣряется ректору, возстановляется и профессорскій дисциплинарный судъ для разбирательства по студенческимъ дѣламъ.

Жизнь нашихъ университетовъ давно уже органически переплелась съ исторіей русской общественности. Вмѣстѣ съ русскимъ обществомъ университеты такъ давно ждутъ своего возрожденія. Достоинство русскаго народа и давно уже признанной на Западѣ русской науки требуютъ этого. А между тѣмъ событія послѣднихъ лѣтъ и политика Министерства Народнаго Просвѣщенія приводятъ къ инымъ, печальнымъ думамъ. Въ загадочный вопросъ превращается вся русская жизнь, а вмѣстѣ съ нею и „университетскій вопросъ“ такъ далекъ отъ своего нормальнаго разрѣшенія.

И. Соловьевъ.

Судьба реформъ имп. Александра II.

Когда кончается „эпоха великихъ реформъ“ имп. Александра II и начинается періодъ реакціи? Отвѣтить на этотъ вопросъ въ такой его формулировкѣ нѣтъ возможности, такъ какъ нельзя указать хронологической грани, которая отдѣляла бы эпоху реформъ имп. Александра II отъ періода реакціи. Конечно, можно сказать, что послѣ Каракозовскаго выстрѣла 5 апрѣля 1866 года реакція усиливается и достигаетъ наибольшей силы къ концу семидесятыхъ годовъ, но сказать, когда она начинается, указать точно какую-нибудь хронологическую дату ея зарожденія нѣтъ возможности, вполнѣ же объективные факты опредѣленно указываютъ, что реакція существовала и ранѣе 5 апрѣля 1866 года. Съ другой стороны, послѣ этого событія были проведены такія реформы, какъ городовое положеніе 1870 года и уставъ о всесословной воинской повинности 1874 года. Такимъ образомъ приходится признать, что, ограничиваясь рамками царствованія имп. Александра II, мы не можемъ говорить о двухъ періодахъ — реформъ и реакціи, смѣнившихъ одинъ другой: оба процесса шли и развивались параллельно; въ то время, какъ шла ликвидація одной какой-либо только что проведенной реформы, подготовлялась другая, которая по мысли законодателя должна была развивать и дополнять первую, такъ какъ обѣ онѣ имѣли источникомъ тѣ „основныя начала“, которыя были провозглашены въ началѣ царствованія. Затѣмъ

то же происходило и со второй реформой, хотя и ей на смѣну приходила третья реформа, имѣющая въ основѣ тѣ же „начала“. Ни одна изъ реформъ имп. Александра II, кромѣ финансовой, не только не развивалась послѣдовательно послѣ своего проведенія, но даже не осталась въ предѣлахъ тѣхъ основныхъ началъ, изъ которыхъ она исходила; всѣ реформы претерпѣли измѣненія въ сторону именно суженія и ослабленія тѣхъ началъ, которыя лежали въ ихъ основѣ. Разсмотрѣніе судьбы отдѣльныхъ реформъ имп. Александра II наглядно это доказываетъ.

Крестьянская реформа 19 февраля 1861 года была тѣмъ фундаментомъ, на которомъ должно было строиться зданіе всѣхъ послѣдующихъ реформъ, и безъ котораго всѣ онѣ оказались бы висящими въ воздухѣ. Реформа 19 февраля была проведена съ ожесточенной борьбой и явилась компромиссомъ противоположныхъ теченій. Въ Положеніи 1861 года было немало недостатковъ, касающихся и экономическаго, и правового положенія крестьянъ, которые сторонники этого акта думали исправить въ самомъ ходѣ проведенія реформы въ жизнь, развивая тѣ начала, на которыхъ была построена эта реформа. Дѣйствительность не только не оправдала этихъ надеждъ, но привела къ прямо противоположнымъ результатамъ. Началось съ того, что проводить реформу въ жизнь пришлось не тѣмъ людямъ, которые вызвали ее къ жизни, а тѣмъ, которые были въ лагерѣ ея противниковъ: уже черезъ 2 мѣсяца послѣ 19 февраля Ланской и Милютинъ должны были уйти въ отставку, а министромъ внутреннихъ дѣлъ сталъ Валуевъ, который по заказу М. Н. Муравьева писалъ критику на труды редакціонныхъ комиссій.

Валуевъ началъ свою дѣятельность съ увольненія нѣсколькихъ провинціальныхъ губернаторовъ, довольно либерально настроенныхъ и сочувствовавшихъ дѣлу реформы, какъ Арцимовичъ (калужскій), Муравьевъ (нижегородскій) и проч. Затѣмъ онъ принялся за мировыхъ посредниковъ, первоначальный составъ которыхъ стоялъ на высокомъ уровнѣ; многіе изъ нихъ дѣйствовали очень самостоятельно и рѣшительно отстаивали начала Положенія 19 февраля. Такъ какъ они были подчинены прямо Сенату, и уволить ихъ можно было только по суду, то Валуевъ обратился къ такому средству: послѣ того какъ въ главномъ комитетѣ по дѣламъ сельскаго состоянія не прошелъ его проектъ объ измѣненіи порядка увольненія мировыхъ посредниковъ, онъ сталъ сокращать число мировыхъ участковъ, оставляя „лишнихъ“ посредниковъ за штатомъ, при чемъ въ это число обычно попадали тѣ, которые отличались особой независимостью и неподатливостью внушеніямъ министра. Въ это же время печати было воспрещено критиковать Положеніе 19 февраля и систему его осуществленія. Не сразу, косвеннымъ путемъ, Валуевъ добился того, что дѣло реформы ушло изъ рукъ людей, ей наиболѣе сочувствовавшихъ, хотя во многихъ мѣстахъ уставныя граматы успѣли уже составить и утвердить до осуществленія этой мѣры во всемъ ея

объемѣ. Но зато благодаря этой мѣрѣ Валуеву удалось очень существенно повліять на духъ и весь ходъ дѣлъ только что тогда созданныхъ волостныхъ правленій и судовъ, подчинивъ ихъ администраціи и лишивъ тѣхъ свойствъ, которыя присущи органамъ самоуправленія.

Когда Валуева смѣнилъ на посту министра внутреннихъ дѣлъ Тимашевъ, то вопросъ о мировыхъ посредникахъ опять былъ поставленъ на очередь. Новый министръ потребовалъ, чтобы мировые посредники были замѣнены особыми должностными лицами, подчиненными министру внутреннихъ дѣлъ и обязанными имѣть наблюденіе за общественнымъ крестьянскимъ управленіемъ и за исполненіемъ крестьянами тѣхъ обязанностей, которыя на нихъ лежали. Вслѣдствіе оппозиціи министра государственныхъ имуществъ Тимашевъ взялъ свой проектъ назадъ и попытался добиться только измѣненія порядка назначенія мировыхъ посредниковъ и привлеченія ихъ къ дисциплинарной отвѣтственности передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Такъ какъ и этотъ проектъ не имѣлъ успѣха, то Тимашевъ черезъ нѣсколько лѣтъ, въ 1873 г., представилъ еще новый проектъ реформы мирового института, который съ нѣкоторыми измѣненіями получилъ 27 іюня 1874 года силу закона подъ наименованіемъ „Положенія объ измѣненіяхъ въ устройствѣ мѣстныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ“. По этому закону были созданы уѣздныя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства и въ составѣ предсѣдателя уѣздной земской управы, одного почетнаго мирового судьи, уѣзднаго исправника и непремѣннаго члена, избираемаго на 3 года уѣзднымъ земскимъ собраніемъ изъ лицъ, имѣющихъ право по Положенію 19 февраля 1861 года занимать должность мировыхъ посредниковъ, и утверждаемаго министромъ внутреннихъ дѣлъ. Эти присутствія получили право издавать съ утвержденія губернскаго присутствія особыя инструкціи должностнымъ лицамъ и учрежденіямъ крестьянскаго управленія. Взысканіе податей и денежныхъ сборовъ

Н. Н. Муравьевъ-Карскій.

было возложено на исправника, которому была предоставлена дисциплинарная власть надъ должностными лицами крестьянскаго управленія

Такъ отошли практика и законодательство годовъ, слѣдовавшихъ за реформой 19 февраля, отъ тѣхъ началъ, которыя лежали въ ея основѣ. Крестьянство стало въ обособленное положеніе по отношенію къ другимъ сословіямъ со своимъ особымъ судомъ и управленіемъ, оно осталось податнымъ сословіемъ, платящимъ подушную подать за круговой порукой всѣхъ членовъ даннаго крестьянскаго общества; для него была обязательна приписка къ крестьянскому обществу, но невозможенъ выходъ изъ него; на немъ лежали натуральныя повинности, отъ которыхъ были свободны другія сословія и т. д.

Поземельное устройство крестьянъ послѣ 1861 года пошло медленно и тоже не развивалось органически изъ тѣхъ началъ, которыя лежали въ основѣ реформы. Правительство, какъ бы охладѣвшее къ крестьянскому вопросу, механически распространяло Положеніе 19 февраля на всѣ разряды крестьянъ, мало приноровляясь къ особенностямъ ихъ быта, и не спѣшило съ выкупной операціей, такъ что состояніе временно обязанныхъ крестьянъ для многихъ изъ нихъ грозило стать вѣчнымъ; выкупъ былъ сдѣланъ обязательнымъ лишь въ слѣдующее царствованіе (въ 1881 году). „Съ половины 1860-хъ годовъ,—говоритъ одинъ историкъ,—крестьянское дѣло считалось въ официальныхъ сферахъ вполнѣ законченнымъ и не требующимъ дальнѣйшей заботливости со стороны государства“. Этимъ и объясняется, что правительство имп. Александра II не только не развивало основныхъ началъ Положенія 1861 года въ послѣдующее время, но даже не сдѣлало изъ него простыхъ логическихъ выводовъ.

Такую же судьбу имѣло Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 1 января 1864 года. Реакція правительства по отношенію къ вопросу о земствѣ началась раньше, чѣмъ было издано самое Положеніе: комиссія, вырабатывавшая земскую реформу подъ предсѣдательствомъ Н. А. Милютина, перешла потомъ подъ руководство Валуева, который заигрывалъ и съ либералами, и съ консерваторами, а при выработкѣ Положенія всячески старался вопреки первоначальнымъ предположеніямъ ограничить власть земскихъ учрежденій и поставить ихъ подъ строгую административную опеку. Какъ ни неудачно и въ то же время скромно вышло Положеніе 1864 г., оно вызвало сейчасъ же рядъ правительственныхъ ограниченій и нажимовъ. Если уже самое Положеніе отошло отъ тѣхъ началъ, которыя были провозглашены въ Высочайшемъ повелѣніи 25 марта 1859 г., предписывавшемъ „предоставить хозяйственному управленію въ уѣздѣ большую самостоятельность, большее единство и большее довѣріе“, то еще дальше ушла отъ нихъ законодательная и административная практика послѣдующихъ годовъ.

Разъясненіемъ Сената отъ 16 декабря 1866 года было дано расширительное толкованіе ст. 69 Положенія, и соотвѣтственно этому губернаторы

получили право отказывать въ утвержденіи всякаго избраннаго земскимъ собраніемъ лица, признаваемаго ими неблагонадежнымъ, а по закону 1879 г. они могли увольнять уже состоящихъ на службѣ земства лицъ. Закономъ 13 іюня 1867 года предсѣдателямъ земскихъ собраній предоставлена весьма широкая власть,—включительно до права закрывать собранія; допущеніе предсѣдателемъ къ обсужденію вопросовъ, несогласныхъ съ законами, грозило ему привлеченіемъ къ отвѣтственности по ст. 64 Уложенія о наказаніяхъ. Тогда же печатаніе постановленій и отчетовъ о засѣданіяхъ земскихъ, дворянскихъ и другихъ собраній запрещено безъ разрѣшенія мѣстнаго губернскаго начальства. Циркулярами 1866—70 гг. всѣ земскіе служащіе были поставлены въ полную зависимость отъ правительственныхъ учрежденій. Параллельно съ этимъ шло ограниченіе компетенціи земства. По закону 21 ноября 1866 г. было ограничено право земствъ облагать сборами торговыя и промышленныя заведенія, а законами и инструкціями 1869—74 гг. земство было сильно ограничено въ своихъ правахъ по завѣдыванію народнымъ образованіемъ, которое почти всецѣло попало въ руки правительственныхъ чиновниковъ — инспекторовъ и директоровъ народныхъ училищъ. Между мѣстной администраціей и земскими учрежденіями съ самаго начала установились очень обостренныя отношенія, причиной которыхъ, по словамъ гр. Витте (въ его запискѣ „Земство и самодержавіе“), было то, что „мѣстная администрація видѣла въ земствѣ противоположное ей начало, къ которому сама центральная власть относится съ недовѣріемъ“, что выражалось, между прочимъ, въ систематическомъ отклоненіи земскихъ ходатайствъ, даже самыхъ лояльныхъ и чуждыхъ всякой политики.

Ограничивая и „разъясняя“ права земскихъ учрежденій, правительство въ то же время разрабатывало городскую реформу, которая стала совершившимся фактомъ въ 1870 г. Городовое положеніе этого года стало, однако, потомъ подвергаться тѣмъ же урѣзкамъ и стѣсненіямъ, которыя падали на земство, пока, наконецъ, оба эти положенія, и земское и городовое, не подверглись въ 1890 и 1892 г.г. коренной реформѣ, поставившей ихъ на совершенно иныя основы.

Ту же судьбу, что реформы крестьянская, земская и городская, имѣла и реформа судебная 20 ноября 1864 года. Указъ, помѣченный этой датой, гласилъ, что утвержденные государемъ Судебные уставы соотвѣтствуютъ его желанію „водворить въ Россіи судъ скорый, правый, милостивый и равный для всѣхъ подданныхъ Нашихъ, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить въ народѣ Нашемъ то уваженіе къ закону, безъ коего невозможно общественное благосостояніе и которое должно быть постояннымъ руководителемъ дѣйствій всѣхъ и каждаго, отъ высшаго до низшаго“. А уже 8 января 1866 г. извѣстный цензоръ Никитенко занесъ въ свой дневникъ слѣдующее: „говорятъ, что шеп-

нуто, кому подобаетъ, чтобы здѣшнему суду было внушено, да не придерживается онъ очень строго закона въ оправданіи проступковъ по дѣламъ печати". Въ этомъ же 1866 году министрами внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ и шефомъ жандармовъ была составлена записка объ усиленіи губернаторской власти и о предоставленіи губернаторамъ „права требовать въ свое присутствіе, для личныхъ объясненій, должностныхъ лицъ всѣхъ вѣдомствъ, не исключая и судебныхъ, а равно всякое частное лицо". Проектъ этотъ (не осуществленный, впрочемъ) имѣлъ цѣлью поставить судебную власть въ зависимость отъ администраціи. Затѣмъ „стали сомнѣваться въ пользѣ одновременнаго введенія Судебныхъ уставовъ во всей Имперіи",—въ виду новизны дѣла; потомъ возникли „финансовыя затрудненія" и затрудненія по пріисканію зданій для Петербургскихъ судебныхъ установленій, и т. п. 17 и 23 апрѣля 1866 года новые суды были открыты только въ Петербургѣ и Москвѣ, а затѣмъ началось страшно медленное распространеніе реформы по отдѣльнымъ губерніямъ имперіи; напримѣръ, въ Кіевской, Волынской и Подольской губерніяхъ реформа была проведена лишь въ 1881 году, на всемъ же пространствѣ государства она во всемъ своемъ объемѣ не осуществлена и до сихъ поръ, когда уже выработанъ (но тоже все еще не введенъ) новый законъ о мѣстномъ судѣ.

Едва новые суды начали функціонировать, какъ начались ограниченія ихъ компетенціи и попытки измѣнить самыя основы Судебныхъ уставовъ 1864 года. Когда въ 1866 году Петербургскій окружный судъ оправдалъ сотрудника и редактора „Современника", Ю. Жуковскаго и А. Н. Пыпина, привлеченныхъ къ суду за статью въ № 3 „Вопросъ молодого поколѣнія", такъ какъ не нашелъ въ ней состава преступленія, то Валуевъ вошелъ къ государю съ докладомъ о необходимости смѣстить съ должности предсѣдателя суда Мотовилова, хотя по уставамъ 1864 г. должность предсѣдателя суда несмѣняема, а къ тому же Мотовиловъ былъ въ это время въ отпуску и въ разборѣ дѣла не принималъ участія. Министру юстиціи Замятнину съ большимъ трудомъ удалось добиться оставленія Мотовилова въ должности...

Дѣло Жуковскаго и Пыпина (оно перешло въ палату, которая признала ихъ виновными въ приведеніи бранныхъ выраженій въ печати) вызвало внесеніе Валуевымъ въ Государственный Совѣтъ проекта измѣненія правилъ о судопроизводствѣ по дѣламъ печати. 12 декабря 1866 г. этотъ проектъ сталъ закономъ; у окружныхъ судовъ было почти совсѣмъ отнято право разсматривать литературныя дѣла, и первой инстанціей для нихъ сдѣлалась судебная палата; прокуратуру этотъ законъ обязалъ возбуждать преслѣдованіе, если того требуютъ главное управленіе по дѣламъ печати или цензурный комитетъ, а суду онъ предоставилъ право налагать на изданіе арестъ прежде постановленія окончательнаго приговора.

Министръ юстиціи Замятнинъ, сторонникъ уставовъ 1864 года, недолго послѣ этого удержался на своемъ посту. Послѣ оправдательнаго приговора петербургскихъ присяжныхъ по дѣлу мелкаго чиновника мин. внутр. дѣлъ Протопопова, обвинявшагося въ оскорбленіи дѣйствіемъ своего начальника (присяжные признали его дѣйствовавшимъ въ припадкѣ умоизступленія), противъ новыхъ судовъ началась ожесточенная кампанія. Въ началѣ 1867 г. Замятнинъ и его товарищъ Стояновскій, одинъ изъ самыхъ преданныхъ уставамъ 1864 г. дѣятелей, должны были уйти въ отставку, а министромъ юстиціи былъ назначенъ графъ Паленъ, про котораго одинъ современникъ писалъ, что о немъ только и было извѣстно, что онъ никогда по министерству юстиціи не служилъ. Такимъ образомъ и судебную реформу, какъ крестьянскую и земскую, должны были осуществлять не тѣ лица, которыя ее создали, а тѣ, которыя или не имѣли къ ней никакого отношенія, или были ей прямо враждебны.

Великій князь Константинъ Николаевичъ.

Первой мѣрой гр. Палена была замѣна судебныхъ слѣдователей, несмѣняемыхъ по уставамъ 1864 г., исправляющими должность судебнаго слѣдователя. Мотивировалась эта мѣра тѣмъ, чтобы Министерство Юстиціи могло во всякое время, въ случаѣ неудачнаго выбора, удалить отъ должности лицъ, недостаточно опытныхъ или благонадежныхъ. Затѣмъ принципъ несмѣняемости сталъ ограничиваться и въ примѣненіи къ другимъ категоріямъ судебныхъ дѣятелей. Такъ постепенно сводилось нанѣтъ одно изъ основныхъ положеній уставовъ 1864 года, и судъ попалъ въ зависимость отъ администраціи.

Изъятія изъ общаго порядка судопроизводства не ограничились литературными дѣлами — они очень скоро были распространены и на другія категоріи дѣлъ. 5 августа 1866 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе „о порядкѣ исполненія судебными мѣстами, образованными по уставамъ 20 ноября 1864 года, рѣшеній, коимъ отчуждается въ чье-либо владѣніе имѣніе, состоящее въ завѣдываніи департамента удѣловъ и другихъ установленій Министерства Императорскаго Двора“, а черезъ 3 года окончательныя судебныя рѣшенія по этимъ дѣламъ повелѣно было представлять на Высочайшее благоусмотрѣніе. Затѣмъ, начиная съ 1870 г., изъятія изъ общаго порядка подсудности стали въ большомъ количествѣ распространяться на политическія преступленія; послѣ оправданія судомъ присяжныхъ въ мартѣ 1878 г. Вѣры Засуличъ въ покушеніи на убійство петербургскаго градоначальника Трепова, изъ компетенціи суда присяжныхъ были изъяты дѣла о явномъ

возстаніи противъ установленныхъ правительствомъ властей, противодѣйствіи или сопротивленіи исполненію судебныхъ опредѣленій или распоряженій вышеупомянутыхъ властей, а также дѣла объ убійствѣ или покушеніи на убійство должностныхъ лицъ, о нанесеніи имъ ранъ и увѣчій при исполненіи или вслѣдствіе исполненія ими служебныхъ обязанностей; эти дѣла были переданы судебнымъ палатамъ, а вскорѣ послѣ этого—даже военнымъ судамъ для сужденія по законамъ военнаго времени. Затѣмъ все чаще и чаще стали закрываться двери судебныхъ засѣданій, чѣмъ нарушался одинъ изъ устоевъ уставовъ 1864 года,—гласность новаго суда; другой его устой—равенство всѣхъ передъ закономъ, былъ нарушенъ закономъ 29 мая 1869 года, по которому высшимъ чинамъ администраціи было предоставлено право, въ случаѣ вызова ихъ въ качествѣ свидѣтелей по дѣлу, требовать допроса ихъ на дому.

Подобными, какъ принято выражаться, „новеллами“ Судебные уставы 1864 года были доведены почти до неузнаваемости.

Если мы обратимся къ реформамъ законовъ о печати и народномъ просвѣщеніи въ царствованіе Александра II, то встрѣтимся съ картинами, аналогичными предшествующимъ. Законъ 6 апрѣля 1865 года относительно печати носилъ характеръ временныхъ правилъ и имѣлъ цѣлью „дать отечественной печати возможныя облегченія и удобства“. Какъ же онъ примѣнялся и въ какомъ направленіи развивался?

Предварительный арестъ произведеній печати, предусматривавшійся закономъ 1865 года, какъ исключеніе, на практикѣ сталъ общимъ правиломъ. Изъятіе книгъ изъ обращенія стало производиться безъ судебнаго приговора на основаніи особыхъ повелѣній (такъ былъ запрещенъ „Москвичъ“ Аксакова), и вообще судебныя преслѣдованія стали сокращаться, а дѣла разрѣшались въ административномъ порядкѣ — оправданный въ 1869 г. судомъ издатель Ф. Ф. Павленковъ за изданіе сочиненій Писарева былъ высланъ административнымъ порядкомъ изъ Петербурга (о судебныхъ изъятіяхъ по дѣламъ печати см. выше). 14 іюля 1868 года, вскорѣ же послѣ вступленія въ Министерство Внутреннихъ дѣлъ Тимашева, былъ изданъ законъ, предоставившій министру внутреннихъ дѣлъ право запрещать, по его усмотрѣнію, розничную продажу газетъ, что наносило газетамъ громадные убытки. Въ 1869 году на очередь была поставлена выработка новаго закона о печати взамѣнъ временнаго закона 1865 года; была образована комиссія, которая послѣ двухлѣтнихъ работъ выработала проектъ закона, но онъ не былъ введенъ въ дѣйствіе, а печать вмѣсто „удобствъ и облегченій“ получила въ 1870—71 г.г. 23 предостереженія, шесть изданій было пріостановлено, а 9 — запрещена розничная продажа; въ 1872 и 1873 г.г., вмѣсто новаго устава о цензурѣ, были изданы частные законы, сильно стѣснившіе печать,—о порядкѣ задержанія безцензурныхъ изданій и о запрещеніи огла-

БИБЛІОТЕКА СЛУЖАЩИХЪ
Управленія ж. д.
№ 90 Фонтанка, 117.

Императоръ Александръ II.

шать или обсуждать въ печати вопросы государственной важности, признанные для этого неудобными. На основаніи перваго закона были, напримѣръ, уничтожены статья журнала „Бесѣда“ о настоящемъ положеніи женскихъ закрытыхъ учебныхъ заведеній, романъ Данилевскаго „Мировичъ“, сочиненія Радищева, 2-е изданіе нѣкоторыхъ томовъ сочиненій Писарева и т. д. На основаніи второго закона было запрещено, напримѣръ, критиковать гимназическій уставъ 1871 года. Въ широкихъ размѣрахъ практиковались по отношенію къ печати вплоть до 1880 года и всѣ прежнія административныя взысканія. Нѣкоторое облегченіе печать почувствовала лишь во второй половинѣ 1880 года и въ началѣ 1881 года.

Что касается просвѣщенія, то тутъ факты были таковы. Въ 1863 году университеты получили либеральный уставъ, давшій имъ нѣкоторую автономію. Послѣ выстрѣла Каракозова 4 апрѣля 1866 г. министръ народнаго просвѣщенія Головнинъ, проведшій уставъ 1863 года, подвергся ожесточеннымъ нападкамъ со стороны реакціонной партіи съ оберъ-прокуроромъ Синода гр. Д. А. Толстымъ во главѣ за якобы неблагонамѣренное настроеніе умовъ учащейся молодежи, и долженъ былъ уйти въ отставку. Мѣсто Головнина занялъ гр. Толстой (оставшійся и оберъ-прокуроромъ Синода). Уставъ 1863 года не былъ отмѣненъ, но въ 1867 г. изданы правила для подавленія безпорядковъ въ университетахъ, шедшія въ разрѣзъ съ духомъ устава 1863 г. Въ цѣляхъ созданія болѣе благонадежнаго въ политическомъ отношеніи студенчества въ 1871 г. изданъ уставъ классическихъ гимназій, который шелъ назадъ по сравненіи съ уставомъ ихъ 1864 года. Въ 1872 г. былъ поднятъ вопросъ о пересмотрѣ устава 1863 года, при чемъ предполагалось „стѣснить дальнѣйшій притокъ учащихся, не обезпеченныхъ матеріально“ и „уменьшить число льготъ отъ учебной платы“; что касается автономіи, то разсчитывали, что „она можетъ быть ограничена, какъ путемъ изъятія изъ вѣдѣнія профессоровъ дѣлъ административно-полицейскаго свойства, такъ и установленіемъ другого порядка назначенія профессоровъ и прочихъ должностныхъ лицъ“; въ 1879 г. особой „инструкціей“ были осуществлены мѣры, отмѣнявшія уставъ 1863 г., но новый уставъ былъ выработанъ только въ 1884 году.

Не менѣе замѣтна была реакція въ области низшаго образованія; школы продолжали открываться, но, какъ уже указано выше, народное образованіе послѣдовательно отбиралось изъ рукъ земства и передавалось органамъ Министерства Народнаго Просвѣщенія; всѣ отдѣльныя мѣры въ этомъ направленіи были завершены положеніемъ о начальныхъ народныхъ училищахъ 1875 г., замѣнившимъ положеніе 1864 г.

Такова была судьба важнѣйшихъ преобразованій имп. Александра II.

К. Сивковъ.

Внѣшняя политика Россіи въ царствованіе императора Александра II.

I.

Въ первые годы царствованія императора Александра II внѣшняя политика была опредѣленно отодвинута на вторую очередь государственныхъ заботъ. Вся дѣятельность правительства, всѣ желанія государя были направлены на внутреннюю реформу. Но этотъ сознательный отказъ отъ активнаго проявленія и отстаиванія внѣшнихъ интересовъ Россіи былъ вынужденнымъ и временнымъ. Жестокій ударъ, разбившій въ срединѣ 50-хъ г. всѣ иллюзіи императора Николая и его сотрудниковъ-единомышленниковъ, открылъ и обществу, и правительству глаза на истинныя причины слабости Россіи и на нѣкоторое время убѣдилъ русскихъ государственныхъ людей въ невозможности вести энергичную внѣшнюю политику при застоѣ внутри страны. „La Russie ne boude pas, elle se récueille“—эти слова, написанныя кн. А. М. Горчаковымъ осенью 1856 г., очень точно опредѣляютъ характеръ русской внѣшней политики въ первое десятилѣтіе послѣ Крымской войны. Россія собиралась, однако, съ силами не только для того, чтобы оправиться отъ матеріальныхъ послѣдствій понесеннаго удара; Александръ II и его приближенные сотрудники не скрывали отъ себя, что результатомъ ошибокъ предыдущей эпохи было тяжкое униженіе государственнаго достоин-

ства Россіи. Въ 1863 г., предсѣдательствуя въ одномъ засѣданіи высшихъ чиновъ, государь сказалъ: „Семь лѣтъ тому назадъ я совершилъ за этимъ столомъ одинъ поступокъ, который я могу опредѣлить, такъ какъ совершилъ его я: я подписалъ Парижскій договоръ, и это было трусостью“. И, ударивъ рукой по столу, повторилъ: „Да, это было трусостью, и я этого не повторю“. Этотъ эпизодъ рѣзко характеризуетъ остроту затаеннаго государемъ горькаго чувства. Однако, Александръ Николаевичъ впадалъ, конечно, въ преувеличеніе, когда называлъ Парижскій договоръ актомъ своего личнаго малодушія: подпись русскаго императора подъ этимъ документомъ, опредѣлявшимъ униженіе Россіи, была вынуждена необходимостью.

Крымская война выяснила не только внутреннія язвы Россіи; она дала рядъ доказательствъ шаткости ея международнаго положенія. Незадолго до смерти императора Николая ему были предложены условія мира, по которымъ Россія должна была отречься отъ протектората надъ придунайскими княжествами и Сербіей и отъ покровительства православнымъ подданнымъ Порты. Эти права, пріобрѣтенныя Россіей путемъ почти вѣковыхъ усилій, предполагалось перенести на всю Европу. Затѣмъ ограничивались право распоряженія Россіи въ устьяхъ Дуная и русское могущество на Черномъ морѣ. Уже въ этихъ предварительныхъ условіяхъ выказывались основные интересы великихъ державъ: Австрія черезъ 50 лѣтъ послѣ Наполеоновской эпохи возвращалась къ планамъ удаленія Россіи отъ Дуная, Англія наносила ударъ морскимъ силамъ Россіи на Ближнемъ Востокѣ и тѣмъ обезпечивала свое собственное укрѣпленіе на восточныхъ морскихъ путяхъ, для Франціи, наконецъ, униженіе Россіи было путемъ къ ликвидаціи вѣнскихъ трактатовъ 1815 года. Присоединившаяся въ январѣ 1856 г. къ коалиціи Сардинія искала, участвуя въ войнѣ, новыхъ опоръ своему вліянію въ пробудившейся Италіи. Даже шведско-норвежское королевство, давно отошед-

Кн. А. М. Горчаковъ. (Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ.)

шее отъ активной роли въ европейскихъ дѣлахъ, приступило къ коалиціи. Императоръ Николай передъ своей кончиной былъ такъ же оставленъ всѣми, какъ Наполеонъ въ 1814 году. Александръ Николаевичъ унаслѣдовалъ это одиночество. Первымъ движеніемъ его, однако, было рѣшеніе энергично продолжать войну. Пораженія при Альмѣ и Инкерманѣ не рѣшали, казалось ему, ея исхода. Севастополь еще держался. Но вскорѣ новое тяжелое пораженіе при Черной рѣчкѣ и занятіе англичанами Керчи и Еникале на Азовскомъ морѣ сдѣлали положеніе осажденной крѣпости безнадежнымъ. 12 сентября Севастополь палъ. Къ этому времени выяснилось, что русскія неудачи ведутъ къ повышенію требованій коалиціи. Противъ Россіи были, по мнѣнію русскихъ дипломатовъ, „соперничество Англіи, личныя страсти Наполеона и безпомощный эгоизмъ Австріи“. Особенно остро чувствовалось послѣднее: чтобы хотя бы частью спасти положеніе Россіи на Востокѣ, русская дипломатія долго пыталась опереться на лично обѣщанную Горчакову императоромъ Францемъ Іосифомъ поддержку, но встрѣчала, вмѣсто нея, еле прикрытыя вожделѣнія. Австрія, оказалось, не только не отклонила, но поддерживала требованіе объ ограниченіи морскихъ силъ Россіи на Черномъ морѣ, требованіе, которое Горчаковъ долго считалъ настолько невѣроятнымъ, что называлъ его еще въ началѣ 55 г. „дѣтскимъ“ и „безсмысленнымъ“,—требованіе, въ которомъ государь видѣлъ ограниченіе своего суверенитета. „Буоль дѣйствуетъ, какъ плутъ!—доносилъ Горчаковъ.—Императоръ не подаетъ признаковъ жизни“, съ горечью писалъ онъ, сообщая о своихъ безплодныхъ попыткахъ добиться аудіенціи у Франца-Іосифа. Въ апрѣлѣ 55 г. Австрія выдвинула новый проектъ ограниченія развитія Россіи на Востокѣ, вызвавшій негодующій отзывъ государя: „Я напередъ заявляю, что никогда не соглашусь на такія предложенія“. За нѣсколько мѣсяцевъ до паденія Севастополя выяснилось, такимъ образомъ, что поддержки искать негдѣ. Австрія въ стремленіи отодвинуть Россію отъ Дуная шла навстрѣчу планамъ Франціи и Англіи. Ея посредничество было корыстнымъ и предательскимъ. „Они мнѣ заплатятъ за это когда-нибудь, они мнѣ за это заплатятъ“, задыхаясь отъ гнѣва, громко говорилъ Горчаковъ, выйдя разъ отъ гр. Буоля во время вѣнскихъ переговоровъ 1855 г. Паденіе Севастополя скрѣпило и расширило коалицію. 2 ноября представители Франціи, Англіи и Австріи подписали одобренный императоромъ Францемъ-Іосифомъ меморандумъ объ основныхъ условіяхъ мира. Въ случаѣ ихъ непринятія Россіей, Австрія должна была отозвать своего посла изъ Петербурга и принять участіе въ войнѣ. Предполагалось также предложить присоединиться къ коалиціи и Пруссіи. Австрійскій посолъ гр. Эстергази предъявилъ въ Петербургѣ ультиматумъ, опредѣлявшій условіями мира отказъ Россіи отъ протектората надъ Молдавіей и Валахіей, признаніе свободы плаванія по Дунаю, уступку части Бессарабіи, т.-е. удаленіе русской границы отъ

устьевъ Дуная и, наконецъ, ограниченіе русскаго морского могущества на Черномъ морѣ. Прусскій король, единственный изъ великихъ монарховъ Европы, отъ котораго новый русскій императоръ могъ ждать если не помощи, то хотя бы моральной поддержки, совѣтовалъ подчиниться необходимости. Въ Парижѣ былъ созванъ союзниками военный совѣтъ по вопросу объ усиленіи ихъ войскъ въ Крыму. Императоръ согласился начать переговоры о мирѣ на основаніи предъявленныхъ гр. Эстергази условій. 18 марта въ Парижѣ представителями Россіи, Турціи, Франціи, Англіи, Сардиніи, Австріи и Пруссіи (послѣдней, какъ участницы конвенціи 13 іюля 1841 г.) былъ подписанъ трактатъ, въ силу котораго, во-первыхъ, устанавливался нейтралитетъ Чернаго моря, запрещалось возводить на его берегахъ арсеналы и содержать въ его водахъ военный флотъ; во-вторыхъ, плаваніе по Дунаю объявлялось свободнымъ, и отъ Россіи отходила въ пользу Молдавіи прилегающая къ сѣверному дунайскому устью часть Бессарабіи; въ-третьихъ, княжества Молдавія, Валахія и Сербія выходили изъ-подъ русскаго протектората и ставились подъ покровительство державъ; далѣе—протекторатъ надъ христіанами въ Турціи признавался умаленіемъ суверенныхъ правъ султана и принципіально уничтожался; наконецъ, Турція принималась въ концертъ европейскихъ державъ, какъ равноправный его членъ, и державы гарантировали неприкосновенность ея территоріи. 3 апрѣля Англія, Франція и Австрія подписали конвенцію, по которой приняли на себя гарантію независимости и цѣлости Оттоманской имперіи на основаніяхъ, установленныхъ трактатомъ 18 марта, и обязались считать всякое его нарушеніе за поводъ къ войнѣ.

Пораженіе Россіи мѣняло политическую обстановку Европы. Нетрудно было предвидѣть главное послѣдствіе перемѣны: надо было ждать, что Франція обратится къ своей основной цѣли—уничтоженію вѣнскихъ договоровъ 1815 г. Въ связи съ этимъ предположеніемъ гр. Нессельроде въ своей послѣдней передъ уходомъ въ отставку нотѣ (31 января 1856 г.) такъ очертилъ новыя задачи русской внѣшней политики. „Россія должна отнынѣ избѣгать новыхъ международныхъ обязательствъ,—совѣтовалъ онъ.—Этотъ принципъ особенно слѣдуетъ прилагать къ нашимъ будущимъ отношеніямъ съ Франціей. Наполеонъ,—предсказывалъ министръ,—возбудитъ войны, въ которыхъ призоветъ къ себѣ на помощь или революціонныя страсти, или угнетенныя народности. Во всякомъ такомъ случаѣ, „наша политика, въ истинныхъ интересахъ Россіи и династіи должна, какъ и прежде, быть монархической и антипольской“. „Мы не должны идти вмѣстѣ съ Наполеономъ и въ томъ случаѣ, если онъ пожелаетъ завоевать лѣвый берегъ Рейна; ибо мы не должны забывать, что въ минувшемъ кризисѣ одна только Пруссія изъ всѣхъ державъ твердо уклонилась отъ враждебныхъ намъ дѣйствій“. Это политическое завѣщаніе былого руководителя русской внѣшней политики очень близко опредѣляло

внутреннія основы курса, принятаго Александромъ II,—онѣ остались глубоко консервативными, и польскій вопросъ ставился въ прежней плоскости; если по отношенію къ Франціи и были допущены нѣкоторыя отступленія отъ программы Нессельроде, то лишь частичныя и временныя. Ни Александръ II, ни кн. Горчаковъ не забыли униженія 1855 г. Цѣлью русской политики было уничтоженіе Парижскаго договора. Средствомъ—возобновленіе разрушенной военной мощи. Врагами—при всѣхъ обстоятельствахъ — Англія, Франція и Австрія. Единственнымъ дѣйствительнымъ другомъ—Пруссія. Франція заплатила за Парижскій договоръ Седаномъ, Австрія—Садовой. Пруссія получила русскую поддержку въ рѣшающій моментъ своей исторіи. Но эта расплата была дѣломъ будущаго, а пока шла „подготовка“. „Россія не будировала, а собиралась съ силами“. Впрочемъ, очень скоро тѣ, кому разгромъ 1855 г. могъ казаться крушеніемъ политической мощи Россіи, могли убѣдиться въ своей ошибкѣ.

Въ русской политикѣ было два внутреннихъ, съ точки зрѣнія Россіи, однако близко связанныхъ съ ея международными отношеніями вопроса, въ которыхъ русское правительство проявило вскорѣ послѣ Крымскаго погрома неожиданную для Европы энергію. Въ двухъ пограничныхъ областяхъ, у порога Азіи и на западной европейской границѣ, официальная Россія развернула внушительную военную мощь и политическую устойчивость—на Кавказѣ и въ Польшѣ.

II [1]).

Съ конца XVIII вѣка, когда Грузія, вырываясь изъ-подъ персидскаго владычества, добровольно перешла подъ русскую власть, Россія въ рядѣ военныхъ столкновеній съ Персіей, а съ 1807 г. и съ сосѣдствующей въ Малой Азіи Турціей, почти непрерывно раздвигала область своего владычества на Кавказѣ и въ Закавказьѣ. Завоеваніе этихъ обширныхъ территорій, не являясь непосредственной цѣлью войнъ съ Персіей, было результатомъ наступательной позиціи, занятой Россіей на Среднемъ Востокѣ подъ вліяніемъ тѣхъ же основныхъ причинъ, которыя опредѣляли ея ближне-восточную политику. Русская дипломатія боролась за полное политическое вліяніе въ Персіи; неудачи имѣли слѣдствіемъ войны. Здѣсь Россія встрѣчалась съ тѣми же главными соперниками своими: въ первые годы вѣка съ Наполеономъ, позже съ Англіей. До Тильзитскаго мира Наполеонъ поддерживалъ Персію противъ Россіи и хлопоталъ о союзѣ шаха съ султаномъ. Послѣ Тильзита Англія субсидировала правительство шаха и побудила его къ союзу съ Турціей. Послѣ 12 года, Англія и Турція покинули Персію, и она принуждена была

[1]) Въ цѣляхъ большей сжатости и связности изложенія, мы сводимъ въ этой главѣ воедино опущенную ранѣе исторію русско-персидскихъ отношеній и кавказской войны.

заключить Гюлистанскій миръ, отдававшій Россіи обширныя области. Періодъ отъ 1813 г. до 1826 г., когда вновь возникла война между Россіей и Персіей, былъ временемъ диктатуры въ Закавказьѣ „Сардаря-Ермулу“, генерала А. П. Ермолова. Глухое противодѣйствіе Англіи не останавливало „мирнаго“ захвата персидскихъ ханствъ. Англійская дипломатія усиленно работала въ Персіи, но ея успѣхи не имѣли видимыхъ политическихъ послѣдствій; они пока подготовляли экономическое вліяніе Англіи въ особенно важныхъ для нея областяхъ. Остъ-индская компанія субсидировала правительство шаха. Англичане выжидали случая, чтобы возобновить попытку 1810 года. Этотъ случай дало имъ, казалось, событіе 14 декабря. Совѣтники шаха были убѣждены, что въ Россіи начинается междоусобная война. Въ бывшихъ персидскихъ ханствахъ Закавказья вспыхнуло возстаніе, и персидскія войска перешли русскую границу (въ іюлѣ 1826 года). Двухлѣтняя война 1826 — 7 гг. была осложнена раздорами между Паскевичемъ и впавшимъ въ немилость по подозрѣнію въ неблагонадежности Ермоловымъ. Пораженія персовъ долго не использовывались поэтому до конца. Лишъ въ концѣ 1827 г. Паскевичъ быстро продвинулся въ глубь Персіи до Тавриза. Сближеніе Николая Павловича съ Англіей и неизбѣжность войны съ Турціей подсказывали необходимость поспѣшить съ окончаніемъ войны. Поэтому Николай Павловичъ выказалъ большую умѣренность въ условіяхъ мира (Туркманчайскаго, 10 февраля 1828 г.). Онъ оберегалъ свои отношенія съ Англіей и готовился обратить войска Паскевича противъ малоазіатскихъ владѣній Турціи, что вскорѣ и исполнилъ. Въ послѣдующемъ измѣнявшіяся отношенія между Россіей и Англіей съ той же опредѣленностью направляли политику Николая въ персидскомъ вопросѣ.

П. С. Нахимовъ (раненый).

Русское вліяніе въ Тегеранѣ послѣ Туркманчайскаго мира быстро вытѣсняло престижъ Англіи, дважды обманувшей шаха обѣщаніемъ легкой побѣды надъ русскими войсками. Уже въ концѣ 1828 года А. С. Грибоѣдовъ доносилъ объ этой перемѣнѣ. Наслѣдникъ шейха Фетхъ-Али, принцъ Аббасъ-Мирза, недавно водившій персидскую армію на борьбу съ Россіей, теперь

искалъ у Николая Павловича поддержки на случай осложненій при своемъ будущемъ вступленіи на персидскій престолъ. Убійство фанатизированной тегеранской чернью А. С. Грибоѣдова (30 января 1829 года), которое, при иныхъ обстоятельствахъ, вызвало бы самыя суровыя репрессіи, было очень легко прощено императоромъ, удовлетворившимся, по отзыву Паскевича о непричастности къ этому дѣлу шаха, торжественнымъ извиненіемъ. Въ Персію былъ посланъ ген.-м. кн. Долгорукій для „содѣйствія персидскому правительству во всѣхъ случаяхъ“. Между Россіей и Персіей налаживались сношенія, имѣвшія въ основѣ желаніе русской дипломатіи отвлечь вниманіе шахскаго правительства отъ западной границы и бросить персидскія войска на Афганистанъ. Это вполнѣ удалось. Къ 1834 г. сынъ Аббаса-Мирзы, Мохаммедъ, будущій шахъ, уже дѣйствовалъ въ Гератѣ. До 40 гг. Персія была авангардомъ русской политики въ Азіи. Новый шахъ Мохаммедъ почти открыто разорвалъ съ Англіей передъ новой экспедиціей на востокъ въ 1837 г., предпринятой имъ, несмотря на протесты англичанъ. Осадой Герата руководили гр. Симоничъ и русскіе инструкторы. Въ апрѣлѣ 1839 г. англійскій посланникъ Макъ-Ниль предъявилъ Персіи ультиматумъ; указывая, что движеніе персовъ противъ Герата направлено противъ англійскихъ владѣній въ Индіи, онъ требовалъ снятія осады, грозя въ противномъ случаѣ оккупаціей портовъ въ Персидскомъ заливѣ, куда уже прибылъ англо-индійскій флотъ. Намѣтившееся къ этому времени новое сближеніе Николая Павловича съ Англіей усиливало грозный смыслъ ультиматума. Персы отошли отъ Герата. Русское вліяніе начало падать. Въ 1841 г. Персіей былъ заключенъ выгодный для Англіи торговый договоръ. Черезъ нѣсколько лѣтъ Англія еще болѣе укрѣпила свое вліяніе въ Персіи, оказавъ помощь преемнику Мохаммеда Насръ-Эддину при его восшествіи на престолъ. Въ 1853 г. была заключена англо-персидская конвенція. Стѣсненный ею въ движеніи на востокъ, честолюбивый молодой шахъ при возникновеніи Крымской войны предлагалъ императору Николаю союзъ. Увѣренный въ побѣдѣ Россіи, онъ разсчитывалъ увеличить свои владѣнія за счетъ Турціи. Но русскому правительству не могла быть пріятной перспектива перехода Персіи къ наступленію на малоазіатской границѣ, ибо это слишкомъ близко привело бы персовъ къ театру кавказской войны. Вскорѣ, однако, неудачи наши въ Европѣ заставили русское правительство иначе отнестись къ предложенію Персіи; но персидское правительство уже само колебалось въ выборѣ союзныхъ отношеній. Очень сложное положеніе было удачно разрѣшено заключенной русскимъ уполномоченнымъ Н. А. Аничковымъ конвенціей о нейтралитетѣ Персіи. Съ тѣхъ поръ до самаго конца царствованія Александра II отношенія съ Персіей были „очень дружественныя“; говоря точнѣе, Россія отказывалась отъ наступленія въ Азію черезъ Персію. Она пошла обходомъ. Но будущій базисъ наступленія остался въ русскихъ рукахъ.

Форпостъ Россіи на путяхъ въ Малую и Среднюю Азіи, Кавказъ и Закавказье, не замиренные, были постоянной опасностью, всегда осложнявшей русскую азіатскую политику въ первую половину XIX вѣка. Это обстоятельство прежде всего столкнуло русскую политику съ горскими племенами, живо чувствовавшими свою связь съ сосѣдними мусульманскими государствами. Неудобство и иногда даже серьезная опасность имѣть въ тылу всѣхъ русскихъ движеній въ Персію и Турцію владѣнія глухо или открыто враждебныхъ горцевъ очень рано придали кавказскому вопросу особенный характеръ, поставивъ покореніе горскихъ племенъ въ связь съ общей политикой Россіи на Ближнемъ и Среднемъ Востокѣ. Очень долгое время отношеніе русскаго правительства къ горскимъ племенамъ опредѣлялось только въ этой связи. Покореніе Кавказа не было самодовлѣющей задачей, потому, можетъ-быть, что само по себѣ казалось дѣломъ не столько труднымъ, сколько хлопотливымъ и неудобнымъ въ виду безпрестанныхъ войнъ съ Персіей и Турціей. По отношенію къ кавказскимъ горцамъ примѣняли почти оборонительную политику; ихъ стремились изолировать, выдвигая противъ нихъ казачьи поселенія, такъ называемую „линію“. Но такой ходъ дѣлъ на Кавказѣ самъ въ себѣ носилъ причины коренного перелома. Сдержанность русскаго правительства по существу могла быть только временной; полное покореніе Кавказа только отсрочивалось въ виду болѣе важныхъ предметовъ государственныхъ заботъ. Съ другой стороны, номинальное властвованіе, которымъ такъ долго готово было удовлетворяться правительство, неизбѣжно вело къ столкновеніямъ съ горскими племенами. Оборонительная система „линій“ облекалась въ глазахъ горцевъ всѣми признаками завоеванія и захвата. Несомнѣнно, это такъ и было, независимо отъ официальнаго курса политики. Военное заселеніе предгорій и рѣчныхъ долинъ приводило мощную государственную организацію съ ея полицейскими и правовыми институтами, съ ея рѣзко выраженными политическими и экономическими интересами въ ближайшее соприкосновеніе и въ неизбѣжный конфликтъ съ иноплеменнымъ, иновѣрнымъ и консервативнымъ въ своемъ первобытномъ строѣ населеніемъ горъ. Развивался натискъ на его владѣнія, ширилось вмѣшательство въ его внутреннюю жизнь. Естественныя опасенія горцевъ порождали въ нихъ непримиримую вражду къ русскимъ. Ихъ противодѣйствіе русскому натиску усиливалось, что, въ свою очередь, ускоряло перемѣну въ правительственной политикѣ, быстро переходившей отъ обороны къ наступленію. Такъ опредѣлилось положеніе уже въ началѣ царствованія императора Николая. Мирное сожительство стало невозможнымъ. Одно за другимъ вспыхивали возстанія. Съ 1832 г. возникла настоящая война.

Возстаніе горцевъ противъ русскихъ завоевателей не могло быть остановлено обычными методами усмиренія, потому что, сильно окрашенное религіозными мотивами, оно соединилось съ широко охватившимъ горскія

племена внутреннимъ политическимъ и соціальнымъ движеніемъ. Въ осложнившихся и все болѣе тягостныхъ условіяхъ жизни, тѣснимые русскимъ натискомъ горцы опрокидывали тиранію наслѣдственныхъ князьковъ и объединялись въ демократическую теократію, имаматъ, основанный на избраніи и признаніи имама народной волей. Апогеемъ этого движенія было начало сороковыхъ годовъ, когда имамъ Шамиль властвовалъ надъ всѣмъ восточнымъ Кавказомъ. Быстро развивъ военно-государственную организацію имамата, Шамиль создалъ такое обширное и грозное сопротивленіе русскому натиску, обосновалъ его на такомъ прочномъ политическомъ базисѣ, что кавказская война сдѣлалась одной изъ первыхъ заботъ правительства, и, самое главное, покореніе Кавказа выдвигалось уже самодовлѣющей цѣлью. Несомнѣнно, опасность отъ упроченія горскаго государства вблизи турецкой и персидской границъ была очень велика. Двадцать лѣтъ длилась война при императорѣ Николаѣ. Какъ военное предпріятіе, она была очень мало успѣшна. Очень медленно, вырубая лѣса, занимая долину за долиной, гору за горой, русскія наступательныя линіи тѣснили дагестанскихъ, чеченскихъ и лезгинскихъ горцевъ. Экспедиціи кончались, большею частью, отступленіями. При почти полномъ равенствѣ тактическихъ и стратегическихъ пріемовъ, горцы имѣли даже преимущество, употребляя нарѣзное оружіе противъ гладкоствольныхъ ружей николаевскихъ солдатъ. Но въ послѣднее десятилѣтіе Николаевскаго царствованія въ государствѣ Шамиля быстро развилось внутреннее разложеніе. Его наибы усвоили себѣ деспотическіе пріемы управленія низложенныхъ хановъ, что возбудило противъ самого имама демократическія массы. Доходы имамата по мѣрѣ наступленія русскихъ войскъ уменьшались. Учащались случаи неповиновенія, вмѣстѣ съ тѣмъ росли требовательность и суровость имама. Полунищее, терзаемое внутренними раздорами, государство мюридовъ быстро клонилось къ упадку. Наибы Шамиля начинали уже измѣнять ему. Послѣдній разъ имамъ занялъ угрожающее для Россіи положеніе въ 1854 г. Когда турецкія войска предприняли походъ къ Кутаису, онъ двинулся въ Кахетію. Пораженіе турокъ предрѣшило неудачу и его плана. Война Россіи съ морскими державами на три года прервала борьбу съ горцами. Но это только отсрочило гибель имамата. Однимъ изъ первыхъ дѣйствій Александра II было возобновленіе войны.

На Кавказъ былъ назначенъ главнокомандующимъ кн. Барятинскій, быстро потѣснившій Шамиля въ глубь Чечни. Ослабленная организація мюридовъ уже не могла оказать серьезнаго сопротивленія. Три года длилась ея агонія. Въ августѣ 1859 года въ аулѣ Гунибъ Шамиль былъ взятъ въ плѣнъ, а остальныя непокорныя еще части Кавказа были скоро заняты русскими войсками. Въ 1864 г. покореніе Кавказа было завершено. Для внимательныхъ наблюдателей выказанная въ завершеніи кавказской войны энергія русскаго правительства должна была показать, что Крымская война

и Парижскій миръ — только преходящій эпизодъ въ исторіи Россіи, толчокъ къ благотворному перелому въ ея внутреннемъ развитіи, но не грань развитія ея государственной мощи.

III.

Если немедленное возобновленіе кавказской войны послѣ Парижскаго мира доказывало, что источники русской силы не исчерпаны, польское возстаніе 1863 г. показало Европѣ, что Россія въ основныхъ вопросахъ своей политики не намѣрена считаться съ ея волей. Наполеонъ III во время переговоровъ о мирѣ поднималъ рѣчь о польскихъ дѣлахъ, и нѣкоторыя обѣщанія реформъ были тогда даны. Но послѣ заключенія мира иностранное вмѣшательство въ этотъ вопросъ рѣзко отвергалось. Въ 1857 г. при свиданіи въ Штутгартѣ французскій императоръ вызвалъ крайнее недовольство Александра Николаевича, затронувъ польскія дѣла и вопросъ объ обѣщанныхъ реформахъ. Нѣсколько смягчивъ пріемы управленія Польшей, государь съ первыхъ дней своего царствованія выказалъ рѣшительную враждебность всѣмъ планамъ возвращенія Польшѣ не только независимости, но и правовыхъ гарантій, дарованныхъ ей нѣкогда Вѣнскимъ конгрессомъ и Александромъ I. „Все, что дѣлалъ мой отецъ, было хорошо сдѣлано; мое царствованіе будетъ продолженіемъ его“, заявилъ онъ полякамъ. Во вспыхнувшемъ въ 1863 г. возстаніи въ русской Польшѣ Англія и Франція думали найти прекрасный предлогъ для вмѣшательства въ русскія дѣла. Извѣстно, какъ надѣялся на это вмѣшательство польскій революціонный ржондъ. Въ расчетѣ на него, надо было предупредить возможность коалиціи трехъ державъ, подѣлившихъ Польшу, и революціонное правительство потребовало сохраненія полнаго спокойствія отъ поляковъ Познани и Галиціи. Дѣйствительно, Австрія присоединилась къ Франціи и Англіи, и эти три державы въ апрѣлѣ, іюнѣ и августѣ 1863 г. дѣлали представленія русскому правительству, настаивая на программѣ реформъ въ Польшѣ въ духѣ вѣнскихъ постановленій 1815 г. Это вмѣшательство вызвало только раздраженіе въ русскомъ обществѣ и рѣзкій отказъ со стороны русскаго правительства. Въ области международныхъ отношеній этотъ эпизодъ имѣлъ результатомъ укрѣпленіе международныхъ симпатій и антипатій, возникшихъ во время Крымской войны: возстаніе 1863 г., отдаливъ правительство Александра II отъ Франціи, Англіи и Австріи, еще болѣе сблизило его съ Пруссіей, новый глава правительства которой заключилъ съ Горчаковымъ тайный договоръ, обезпечивавшій Россіи въ случаѣ расширенія польскаго возстанія содѣйствіе Пруссіи. На тѣсное сближеніе Россіи съ Пруссіей вліяло еще одно важное обстоятельство, отмѣчавшееся современниками уже въ 1855 г. (напр., кн. В. Черкасскимъ). Блокада русскихъ прибалтійскихъ портовъ имѣла результатомъ направленіе русскаго

вывоза на западъ черезъ прусскую границу, что послужило началомъ прочной и съ тѣхъ поръ все развивавшейся экономической связи между Россіей и Германіей. Въ началѣ XIX вѣка подобная связь съ Англіей вліяла на политику Россіи въ англо-французской борьбѣ; послѣ Крымской войны выгоды этого положенія перешли къ Пруссіи. Впослѣдствіи обстоятельства уменьшили вліяніе этого фактора, но никогда не могли и не могутъ парализовать его, пока онъ существуетъ.

Вліяніе затаенной вражды противъ виновниковъ Парижскаго трактата на европейскую политику Россіи сказалось очень скоро, хотя русская дипломатія работала съ большой осторожностью; уклоняясь отъ всякихъ обязательствъ, отвѣтственныхъ выступленій, она ограничивалась поддержкой совпадавшихъ съ нашими цѣлями и интересами дѣйствій державъ.

Такъ, на Ближнемъ Востокѣ Россія почти немедленно послѣ Парижскаго мира вступила въ нѣкоторое сотрудничество съ Франціей, развивавшей въ Турціи энергическую дѣятельность въ противовѣсъ англійскому вліянію. Изданный 9 февраля 1856 г. султанскій фирманъ (хатъ-и-гамаюнъ) уравнивалъ христіанскую райю въ правахъ съ мусульманами. Примѣненіе этой коренной реформы, измѣнявшей основы турецкой государственности, встрѣтило сильное противодѣйствіе со стороны мусульманъ. Не считаясь съ оговоркой Парижскаго трактата о томъ, что нарушеніе этого фирмана державы не признаютъ поводомъ къ вмѣшательству во внутреннія дѣла Турціи, Наполеонъ III выступилъ энергичнымъ покровителемъ турецкихъ христіанъ во всѣхъ ихъ столкновеніяхъ съ правительствомъ и мусульманскимъ населеніемъ. Такъ поступилъ онъ по отношенію къ турецко-черногорскому столкновенію въ 1858 г., къ герцоговинскому возстанію 1860 г., къ погромамъ христіанъ-маронитовъ въ Дамаскѣ и Ливанѣ въ томъ же году. Той же политики держался онъ въ дѣлѣ сліянія Молдавіи и Валахіи путемъ личной уніи (1859 г., кн. Александръ Куза), а затѣмъ національнаго объединенія ихъ въ румынское государство (1862 г.). Сверженіе въ Сербіи угоднаго Австріи кн. Александра Карагеоргіевича и выборъ княземъ Милоша Обреновича (1858 г.) свершились при непосредственной поддержкѣ французской дипломатіи. Во всѣхъ этихъ эпизодахъ Франція сталкивалась съ видами и дѣйствіями Англіи и Австріи. Русская дипломатія не могла оставаться вполнѣ пассивной. Престижъ Наполеона III, какъ государя покровителя и освободителя, быстро росъ на Балканахъ; необходимо было хотя бы уравновѣсить французское вліяніе, распространявшееся въ областяхъ исконной дѣятельности Россіи на Ближнемъ Востокѣ и примѣнявшееся въ тѣхъ же формахъ и въ томъ же направленіи, въ которыхъ традиціонно дѣйствовала Россія. Единственнымъ путемъ, который представлялся руководителямъ русской политики, было содѣйствіе ближневосточной политикѣ Франціи. Но это не предрѣшало никакого сближенія между обѣими державами. Всѣмъ, кому во Франціи и въ Россіи такое сбли-

женіе казалось возможнымъ, пришлось скоро разочароваться. Наканунѣ войны съ Австріей (1859 г.), Наполеонъ, желая обезпечить себѣ активную поддержку Россіи, хотѣлъ использовать франко-русское сотрудничество на Ближнемъ Востокѣ, сталкивавшее неоднократно обѣ державы съ Австріей; онъ предложилъ Александру II такую основу союза, отъ которой тотъ, по его мнѣнію, никакъ не могъ отказаться: пересмотръ Парижскаго трактата. Но цѣлью гото-

вившейся войны была отмѣна постановленій Вѣнскаго конгресса, ея вѣроятнымъ исходомъ — униженіе Австріи. Ни содѣйствовать первому, ни мѣшать второму русскій императоръ не былъ намѣренъ. Какъ ни стремился онъ къ уничтоженію Парижскаго договора, онъ не хотѣлъ купить его цѣной союза съ Наполеономъ III, стремленія и планы котораго глубоко противорѣчили консервативнымъ основамъ русской политики. Развитіе освободительнаго

движенія въ Италіи послѣ пораженія Австріи и Вилла-франкскаго мира вызвало такіе шаги со стороны русскаго правительства, которые не оставляли сомнѣнія, что общій характеръ политическихъ взглядовъ ея руководителей не измѣнился послѣ Крымской войны. Князь А. М. Горчаковъ ставилъ вопросъ о соглашеніи великихъ державъ для „противодѣйствія злу“, иначе говоря, о возобновленіи Священнаго Союза. Присоединеніе къ Франціи Савойи и Ниццы (1860 г.) разсматривалось какъ посягательство на Вѣнскій трактатъ. Было очевидно, что Россія будетъ противиться политикѣ Наполеона, стремившейся расширить территорію и вліяніе Франціи за границы, начертанныя въ 1815 г., и примѣнявшей съ этой цѣлью испытанный методъ покровительства угнетеннымъ народностямъ. Такъ, въ томъ же 60-мъ г. Александръ II убѣждалъ Наполеона остановить дѣйствія Гарибальди въ Сициліи.

Пересмотръ Парижскаго трактата, какъ средство привлечь къ себѣ Россію, былъ дважды использованъ и Австріей. Въ 1859 г., послѣ пораженія, Австрія предприняла переговоры о пересмотрѣ. Но противодѣйствіе Англіи обрекло эту попытку на полную неудачу. Однако, въ этомъ эпизодѣ выяснилось, что даже „удивившая міръ неблагодарность Австріи“ не сдѣлала ее столь же ненавистной русскому правительству, какъ Францію. Австрійское правительство, даже вынужденное на уступки „духу времени“, оставалось по духу строго консервативнымъ, а это въ Петербургѣ очень сильно учитывали. Но это обстоятельство, устанавливая только нѣкоторое различіе въ отношеніи къ Франціи и Австріи, не могло серьезно сблизить Россію съ имперіей Габсбурговъ. Въ развертывавшейся борьбѣ за преобладаніе въ Германіи дружественный нейтралитетъ Россіи былъ обезпеченъ Пруссіи. Во всѣхъ оживленныхъ дипломатическихъ переговорахъ, предшествовавшихъ австро-прусской войнѣ 1866 г., русская дипломатія дѣйствовала съ большой осмотрительностью, не обязываясь ни къ какому активному вмѣшательству, но въ то же время недвусмысленно поддерживала комбинаціи, согласныя съ видами Пруссіи. Такая политика согласовалась и съ симпатіями, и съ цѣлями русской дипломатіи. Наполеонъ III разсчитывалъ на побѣду Австріи. По его плану, побѣжденная Пруссія должна была отдать Силезію Австріи взамѣнъ уступки Италіи венеціанской области; далѣе онъ имѣлъ въ виду настоять на томъ, чтобы побѣжденное государство отказалось отъ Рейнской области взамѣнъ Шлезвига, Гольштейна, Саксоніи и нѣсколькихъ мелкихъ княжествъ. Въ Рейнской области онъ предполагалъ возстановить низложенныхъ государей или образовать изъ нея нейтральное государство по образцу Бельгіи. Наконецъ, южно-германскія государства онъ думалъ организовать въ особый союзъ. Такимъ образомъ, онъ разсчитывалъ, что въ результатѣ войны и пораженія Пруссіи вліяніе Франціи въ Германіи и Италіи увеличится въ значительной степени. Съ точки зрѣнія русскаго правительства содѣйствіе Пруссіи совпадало поэтому съ борьбой противъ Наполеона. Однако, по окончаніи войны

между Пруссіей и Россіей возникли мимолетныя, но очень характерныя для русской политики тренія. Россія, выдвинувшая до войны, съ полнаго согласія Пруссіи, мысль о созывѣ европейскаго конгресса, возобновила теперь это предложеніе, заявивъ, что она не можетъ признать совершившихся въ Германіи перемѣнъ, если онѣ не будутъ утверждены державами. Эта попытка воззванія къ принципамъ международнаго права была въ духѣ консервативной тенденціи русской политики; по существу же въ ней выражалась тревога правительству въ виду громадности совершавшейся въ центральной Европѣ перемѣны и невозможности оцѣнить ея послѣдствія. Будущее показало, что тревога эта была вполнѣ законна. Однако, русское вмѣшательство было только эпизодичнымъ и привело лишь къ тому, что Бисмаркъ поспѣшилъ заключеніемъ мира.

Уже съ этого момента отношеніе русскаго правительства къ Австріи начало какъ будто измѣняться. „Реваншъ“ за Крымскую войну и Парижскій трактатъ былъ полученъ. Австрія жестоко расплатилась за свою предательскую политику средины 50-хъ гг. Уже въ 1867 г., когда въ стремленіи сблизиться съ Россіей гр. Бейстъ снова, хотя опять безуспѣшно, поднялъ вопросъ о пересмотрѣ Парижскаго договора, въ Петербургѣ выказывали бо́льшую склонность сойтись съ Австріей, чѣмъ въ предшествовавшій войнѣ періодъ. Но австрійская политика и въ это время не была искренней. Поискъ связей былъ ею направленъ въ двѣ стороны. Это было облегчено для австрійской дипломатіи тѣмъ, что Наполеонъ III, убѣдившійся послѣ 1863 г. въ невозможности сблизиться съ Россіей, старался теперь создать почву для сближенія съ Австріей. Это удалось ему въ августѣ 1867 г. при свиданіи съ императоромъ Францемъ-Іосифомъ въ Зальцбургѣ. Соглашеніе имѣло два острея: противъ Пруссіи и противъ Россіи. Въ виду возникшихъ въ это время осложненій на Критѣ, можно было опасаться, что вновь поднимется восточный вопросъ. Въ Зальцбургѣ было рѣшено, что, если русскія войска перейдутъ Прутъ, Австрія займетъ Валахію. Въ этомъ фактѣ для русскихъ государственныхъ дѣятелей еще разъ вскрывались давнія противорѣчія русской и австрійской политики. Офиціальная восточная программа гр. Бейста опредѣлялась, какъ „стремленіе покровительствовать развитію автономіи восточныхъ христіанъ на основахъ вассальной зависимости отъ Турціи“ (рѣчь 16 ноября 1867 г.), что еще могло быть согласовано съ видами и интересами Россіи, но дѣйствительнымъ планомъ его было: настоять на дополненіи Парижскаго договора правомъ контроля за внутренними дѣлами Турціи; основываясь на этомъ правѣ, бороться съ преобладающимъ вліяніемъ Россіи на балканскихъ славянъ, покровительствуя ихъ національнымъ стремленіямъ; возможное противодѣйствіе Россіи устранить, освободивъ ее отъ ограниченій ея морского могущества на Черномъ морѣ взамѣнъ отреченія отъ агитаціи среди славянъ. Очевидно, сближенія между Россіей и Австріей при

этихъ условіяхъ не могло послѣдовать: русское правительство готовилось уже инымъ способомъ освободиться отъ унизительныхъ послѣдствій Крымской войны. Россія уже „собралась съ силами“ и ждала лишь развитія намѣчавшагося новаго крупнаго столкновенія въ Европѣ, чтобы въ моментъ общаго замѣшательства разорвать Парижскій договоръ. Этимъ столкновеніемъ была Франко-прусская война. Въ 1870 году Россія въ полной мѣрѣ разсчиталась и съ Наполеономъ III, и съ Пруссіей, и съ виновникомъ крымскаго позора и съ единственнымъ своимъ другомъ въ ту тяжелую годину. Только дружественный русскій нейтралитетъ далъ Бисмарку возможность бросить на западъ всѣ прусскія силы и увлечь въ борьбу противъ Франціи германскія государства. Тьеръ могъ убѣдиться, пріѣхавъ въ Петербургъ просить поддержки, что въ „пораженіи Франціи царь видитъ только случай разорвать Парижскій договоръ“ и не хочетъ слышать ни о соглашеніи противъ Пруссіи, ни о какой либо иной формѣ поддержки Франціи. „Война 1854 г. и договоръ 1856 г.,—писалъ кн. Горчаковъ русскому уполномоченному при Турской делегаціи, — были первопричинами политическихъ потрясеній, которыя имѣютъ такой гибельный (для Франціи) исходъ“. Въ 1866 г. немедленно послѣ пораженія Австріи, Александръ Николаевичъ говорилъ съ генералъ-адъютантомъ прусскаго короля гр. Мантейфелемъ объ отмѣнѣ Парижскаго договора, какъ о своей завѣтной мысли. Ссылаясь на эту бесѣду, императоръ предупредилъ въ 1870 г. Вильгельма, что теперь онъ рѣшился предпринять этотъ шагъ и просилъ его содѣйствія. 9 сентября 1870 г. гр. Бисмаркъ телеграфировалъ прусскому посланнику въ Петербургѣ кн. Рейсу, что Россія можетъ въ этомъ вопросѣ разсчитывать на Пруссію. Оставалось выбрать моментъ. Бисмаркъ, какъ было извѣстно въ Петербургѣ, желалъ, чтобы вопросъ о пересмотрѣ Парижскаго договора былъ поднятъ не ранѣе окончанія войны. Можно было съ большой вѣроятностью предположить, что прусскій министръ опасается возбужденія восточнаго вопроса въ моментъ такого серьезнаго общаго замѣшательства. Но кн. А. М. Горчаковъ полагалъ, наоборотъ, что никогда не встрѣтится болѣе благопріятнаго, съ точки зрѣнія Россіи, момента. Теперь державамъ трудно будетъ воспротивиться твердо выраженной волѣ Россіи; послѣ войны положеніе было бы уже инымъ. Поэтому онъ рѣшилъ дѣйствовать самостоятельно и немедленно. Необходимо отмѣтить, что онъ въ значительной степени дѣйствовалъ на свой страхъ. У него были основанія думать, что государь не раздѣляетъ его рѣшимости и можетъ отказаться отъ предпринятаго имъ шага. 19 октября 1870 г. канцлеръ циркулярной депешей заявилъ правительствамъ державъ, подписавшихъ Парижскій договоръ, что Россія не находитъ далѣе возможнымъ подчиняться установленнымъ договоромъ ограниченіямъ и потому требуетъ отмѣны постановленій о нейтралитетѣ Чернаго моря. Этотъ шагъ безусловно являлся нарушеніемъ юридической неприкосновенности международныхъ дого-

Императоръ Александръ III.

ΝΜΠΕΡΔΜΟΒΡ · ΑΛΕΚΣΑΗΔΡ : III.

БИБЛІОТЕКА СЛУЖАЩИХЪ
Управ
№ Д.
17.

воровъ, которые по принципу могутъ быть измѣнены или отмѣнены только съ согласія всѣхъ участвующихъ державъ. Но въ дипломатическихъ сношеніяхъ право только до тѣхъ поръ первенствуетъ надъ силой, пока кто-либо не прибѣгаетъ къ аргументу силы. Какъ ни хрупка была юридическая конструкція циркуляра Горчакова, это не ослабляло бы его значенія. Освобожденіе Россіи отъ унизительнаго и ослаблявшаго ея безопасность договора путемъ односторонняго волеизъявленія прежде всего должно было явиться актомъ силы. Казалось бы, что, предпринявъ такой шагъ, канцлеръ какъ бы заявлялъ, что Россія теперь готова нести всѣ его послѣдствія. Но въ дѣйствительности это было не такъ, и прежде всего это отразилось на отношеніи Бисмарка къ русскому выступленію. Теперь было ясно, что намѣренія Горчакова расходились съ предположеніями Бисмарка. Прусскій дипломатъ думалъ о коллективномъ дѣйствіи державъ, русскій канцлеръ поставилъ Европу передъ fait accompli; онъ повторилъ то, что первый сдѣлалъ въ 1866 г., сломавъ въ Германіи созданное вѣнскими трактатами положеніе безъ предварительнаго согласія Европы. Бисмаркъ скрылъ свое недовольство въ двусмысленной формѣ отвѣта на личное письмо къ нему канцлера: онъ выразилъ сожалѣніе, что теперь нельзя уже отложить дѣло до болѣе удобнаго момента. Но, вникнувъ въ содержаніе циркуляра Горчакова, великій дипломатъ совсѣмъ успокоился. Русскій канцлеръ, правда, ставилъ Европу передъ fait accompli, но въ очень скромной и уязвимой формѣ. Самъ Бисмаркъ поступилъ бы иначе;

Берлинскій конгрессъ.

онъ находилъ, что Россіи надо было просто начать строить военныя суда на Черномъ морѣ, а въ этотъ моментъ отказаться отъ Парижскаго трактата въ цѣломъ. Тогда она была бы на высотѣ положенія, и ей не приходилось бы „требовать“ отмѣны части договора; у нея бы искали согласія на частичное его возстановленіе. Былъ еще исходъ, который предлагалъ нашъ посолъ въ Константинополѣ гр. Н. П. Игнатьевъ: непосредственное соглашеніе съ Турціей въ обходъ Европы. Но кн. А. М. Горчаковъ и вмѣстѣ съ нимъ государь, дѣйствуя подъ сильнѣйшимъ дѣйствіемъ застарѣлой горечи униженія, вмѣстѣ съ тѣмъ оставались подъ вліяніемъ пятнадцатилѣтней оборонительной позиціи Россіи. Они выбрали тотъ путь, ту форму и тѣ предѣлы выступленія, которые диктовались желаніемъ отбросить самое унизительное изъ парижскихъ постановленій и не оставлявшей ихъ при внѣшней рѣшительности шага неувѣренностью въ своихъ силахъ. Изъ указанныхъ выше признаній Горчакова можно заключить, что этой неувѣренностью особенно страдалъ государь. Циркуляръ Горчакова, если и былъ актомъ силы, то силы нерѣшительной, впередъ готовой на уступки и компромиссы. Русское выступленіе было подобно первымъ шагамъ человѣка, долго остававшагося связаннымъ и потомъ съ трудомъ возстановляющаго свободу своихъ движеній. Бисмаркъ былъ поэтому не совсѣмъ правъ, назвавъ это выступленіе „наивнымъ“; онъ судилъ съ своей точки зрѣнія, забывая тяжелое прошлое Россіи.

Такой характеръ русскаго выступленія предрѣшалъ его судьбу. Правильно разсчитанное по моменту, оно не могло остаться совершенно безуспѣшнымъ; но не основанное на рѣшимости поддержать его всѣми средствами, должно было закончиться компромиссомъ. Англія, невзирая на форму циркуляра,—одностороннее волеизъявленіе Россіи,—настояла на конференціи, и русское правительство подчинилось этому. Кн. Горчаковъ, обманывая себя и другихъ, говорилъ, что онъ доволенъ такимъ исходомъ, что это значитъ „открыть дверь для соглашенія“. Положеніе мѣнялось по существу, что и сказалось на исходѣ лондонскихъ переговоровъ. Представитель Россіи, старый николаевскій дипломатъ бар. Брунновъ не оказывалъ сколько-нибудь существеннаго сопротивленія намѣренію Англіи и Австріи запереть будущій русскій флотъ въ Черномъ морѣ. Онъ уже согласился было на то, чтобы султанъ имѣлъ право открывать проливы „для военныхъ судовъ неприбрежныхъ государствъ“, т.-е. всѣхъ, за исключеніемъ Россіи. Противъ такой редакціи, лишавшей русскій флотъ права проходить черезъ проливы даже съ согласія султана, возстали сами турецкіе представители. Принятъ былъ компромиссный текстъ, закрывавшій проливы для всѣхъ военныхъ судовъ, кромѣ того случая, если открытіе ихъ потребуется для сохраненія Парижскаго трактата. Это странная формула прежде всего подтверждала, что, за исключеніемъ нейтралитета Чернаго моря, всѣ постановленія,

принятыя державами въ Парижѣ, остаются въ силѣ. Выступленіе 19 марта надѣлало, такимъ образомъ, много шума, но, въ конечномъ счетѣ, не прибавило лавровъ кн. Горчакову. Болѣе того, русскому правительству пришлось дать удовлетвореніе Европѣ за октябрьскую тревогу, подписавъ формулированную самимъ Брунновымъ декларацію, что державы признаютъ основнымъ и существеннымъ принципомъ международнаго права правило, по которому международные договоры могутъ быть измѣнены или отмѣнены только по общему соглашенію участвующихъ въ нихъ державъ.

IV.

Прусскія побѣды и объединеніе Германіи подъ скипетромъ Гогенцоллерновъ такъ рѣзко измѣняли соотношеніе силъ и интересовъ въ Европѣ, что всѣмъ европейскимъ дипломатамъ въ первые годы послѣ Франко-прусской войны приходилось больше всего заботиться о томъ, чтобы примѣниться къ этой разительной перемѣнѣ. Въ объединенной Германіи выросталъ могущественнѣйшій политическій факторъ. Можно было бы думать, что первой и важнѣйшею обязанностью дипломатіи другихъ державъ, въ томъ числѣ и русской, являлось стремленіе оцѣнить и изучить эту новую силу и постараться уравновѣсить ее. Въ русской политикѣ, связанной укоренившейся династической дружбой съ прусскимъ домомъ, это стремленіе проявлялось,— и въ рѣзкой иногда даже формѣ — но не планомѣрно, въ видѣ отдѣльныхъ эпизодовъ. Происходило это потому, что иниціативу въ направленіи европейскихъ дѣлъ взялъ въ свои руки германскій канцлеръ, а кн. А. М. Горчаковъ не умѣлъ противопоставить ему сколько-нибудь самостоятельнаго, соображеннаго съ особыми интересами Россіи курса.

Изъ войнъ 1866 и 70 гг. Германія вышла объединенной. Но тѣ же прусскія побѣды—это было ясно для Бисмарка—могли повести къ соглашенію противъ новой имперіи. Элементы коалиціи были налицо. Бисмаркъ поэтому направилъ всѣ свои усилія, чтобы предотвратить тѣ двѣ наиболѣе вѣроятныхъ комбинаціи, къ которымъ могъ бы привести поискъ Франціей союзниковъ противъ Германіи: австро-французскій союзъ и союзъ Франціи съ Россіей. Сближеніе съ Австріей было намѣчено Бисмаркомъ еще въ 1866 г. Онъ умолялъ тогда короля Вильгельма не требовать отъ побѣжденныхъ ничего, чтобы вырыло пропасть между ними и Пруссіей. Для него въ будущемъ рисовалась та „организація Австріи для не австрійскихъ цѣлей“, австрійская задача „цивилизаціи Востока“, формулу которыхъ дали еще дѣятели 48 г., фонъ-Гагернъ и другіе. Средство для осуществленія этого плана совпадало съ путемъ отвлеченія Австріи отъ идеи реванша: оріентируя австрійскую политику на Востокъ, Бисмаркъ давалъ Вѣнѣ надежду на компенсацію и въ то же время будилъ въ австрійскихъ политикахъ вожделѣнія, для удовлетворенія

которыхъ имъ представлялась бы особо цѣнной и необходимой поддержка Германіи. Уже въ 1871 г. при свиданіи императоровъ Вильгельма и Франца-Іосифа былъ поднятъ вопросъ о Босніи и Герцеговинѣ, какъ ближайшихъ объектахъ австрійскаго движенія на Востокѣ. Руководитель австрійской внѣшней политики гр. Андраши, идя навстрѣчу этой заманчивой цѣли, однако не вполнѣ входилъ въ виды канцлера. Ему, какъ Меттерниху, какъ Буолю, какъ Бейсту, восточные планы Австріи представлялись не иначе, какъ антагонистичными Россіи. Но Бисмаркъ задумалъ уже дипломатичный tour de main: оріентируя Австрію на Востокъ, сблизить ее въ тоже время съ Россіей. Онъ дѣйствовалъ такъ потому, что предвидѣлъ серьезную возможность сближенія между Россіей и Франціей; въ эпоху самаго остраго расхожденія между этими двумя державами, послѣ Крымской войны, онъ уже думалъ объ этомъ, считая, что „франко-русскій союзъ вытекаетъ изъ природы вещей“. Съ объединеніемъ Германіи эта оцѣнка будущихъ возможностей получала еще бо́льшую достовѣрность; только франко-русскій союзъ удовлетворительно разрѣшалъ проблему европейскаго равновѣсія. Слова, нѣкогда сказанныя Петромъ I регенту Филиппу Орлеанскому, — „я замѣщу вамъ Польшу, Турцію и Швецію“—пріобрѣтали теперь болѣе, чѣмъ когда-либо глубокій смыслъ. Не могло быть сомнѣнія, что Франція будетъ искать опоры въ Россіи, и это слѣдовало предупредить. Съ цѣлью совершенно изолировать Францію, Бисмаркъ намѣтилъ тройственное русско-австро-прусское соглашеніе—союзъ трехъ императоровъ. Твердо основываясь на прочной еще дружбѣ императора Вильгельма съ Александромъ II и установивъ базисъ сближенія съ Австріей, канцлеръ имѣлъ передъ собой одно препятствіе для осуществленія этого союза: соперничество Россіи и Австріи на Балканахъ. Очевидно, надо было найти пріемлемый для обѣихъ сторонъ компромиссъ. И онъ его нашелъ, использовавъ прозорливость и гибкость гр. Андраши и непредусмотрительность кн. А. М. Горчакова. Австрійскій дипломатъ, наконецъ, понялъ, что имперія Габсбурговъ ничѣмъ не рискуетъ и все можетъ выиграть, давъ опору планамъ Бисмарка. Онъ вступилъ въ переговоры съ Горчаковымъ, закончившіеся соглашеніемъ о невмѣшательствѣ во внутреннія дѣла христіанскихъ областей Турціи. Андраши завѣрилъ при этомъ Горчакова, что слухи о планахъ Австріи насчетъ Босніи и Герцеговины ложны. Въ 1873 г., разъ двинувшись въ этомъ направленіи, кн. А. М. уже не оправдывалъ своей политики даже этимъ успокоительнымъ отрицаніемъ австрійскихъ замысловъ; онъ уже говорилъ о присоединеніи Босніи и Герцеговины къ Австріи въ случаѣ паденія Турціи, какъ о предвидимой возможности. Онъ уже признавалъ за Австріей право на вліяніе на Балканахъ и на распоряженіе судьбой „пограничныхъ“ ей христіанскихъ народовъ. Очевидно, въ его представленіи о будущемъ ходѣ дѣлъ намѣчался планъ раздѣла, по которому сербскія земли признавались законной добычей

Австріи. Такой переломъ во взглядахъ и намѣреніяхъ канцлера объяснялся тѣмъ, что въ новой обширной системѣ соглашеній онъ думалъ найти опору въ борьбѣ за вліяніе на Востокѣ съ Англіей. Бисмаркъ поощрялъ его на этомъ пути, не упуская случаевъ заявить о томъ, что „Пруссія предоставитъ все свое вліяніе на Востокѣ въ распоряженіе Россіи“.

Германскій канцлеръ былъ, можетъ-быть, однимъ изъ очень немногихъ въ Европѣ людей, которые ясно сознавали непрочность созданной имъ комбинаціи. Онъ продолжалъ считать франко-русское сближеніе естественнымъ и неизбѣжнымъ. Въ 1875 г. онъ могъ убѣдиться, насколько перспектива окончательнаго разгрома Франціи пугаетъ даже дружественныхъ Пруссіи, предубѣжденныхъ въ ея пользу русскихъ дѣятелей. Несмотря на все это, сознаніе громадной опасности, которая неизбѣжно возникла бы для Россіи съ потерей Франціей политическаго вѣса, всплывало надъ всѣми другими соображеніями и симпатіями всякій разъ, какъ казалось, что Германія готовитъ новый натискъ на нее. Въ 1873 г., когда Бисмаркъ занялъ угрожающее положеніе по отношенію къ Франціи, французское правительство освѣдомилось у кн. А. М. Горчакова, не выступитъ ли Россія въ случаѣ развитія конфликта посредницей; канцлеръ отвѣтилъ: „мы желаемъ, чтобы Франція была такъ же сильна, какъ въ прошломъ“. Въ 1875 г. военныя приготовленія Германіи заставляли считать войну почти несомнѣнной; берлинскія газеты открыто говорили объ этомъ; въ Европѣ господствовало убѣжденіе, что Бисмаркъ рѣшилъ „начисто выпустить изъ Франціи кровь“. Въ Петербургѣ почувствовали сильнѣйшую тревогу и не остановились передъ вмѣшательствомъ. Русскій посолъ въ Парижѣ кн. Орловъ ободрялъ французскаго министра иностранныхъ дѣлъ: „будьте тверды, будьте очень тверды!“ Императоръ Александръ лично заявилъ французскому послу ген. Ле-Фло: „если вамъ, дѣйствительно, будетъ грозить опасность, вы это узнаете отъ меня“. Въ то же время онъ отклонилъ предложеніе Бисмарка, сдѣланное черезъ посла гр. Радовица, войти въ переговоры относительно возможности новаго столкновенія Германіи съ Франціей; наконецъ черезъ кн. А. М. Горчакова официально сообщилъ ген. Ле-Фло, что „Франціи нечего бояться“. Въ концѣ апрѣля государь прибылъ въ Берлинъ и, послѣ „энергичнаго“, какъ разсказываетъ французскій историкъ (Ганото), разговора съ Бисмаркомъ, окончательно устранилъ опасность столкновенія. „Я надѣюсь, что наши отношенія будутъ дѣлаться все сердечнѣе. У насъ имѣются общіе интересы. Мы должны быть друзьями“— такъ резюмировалъ самъ государь французскому послу въ Берлинѣ смыслъ роли Россіи въ этомъ инцидентѣ.

Кн. Бисмаркъ, описывая впослѣдствіи тревогу 1875 г., далъ твердое основаніе полагать, что въ дѣйствительности цѣлью его дѣйствій было не намѣреніе напасть на Францію: онъ хотѣлъ „пощупать пульсъ у Европы“. На Востокѣ надвигались событія, которыя неизбѣжно должны были расшатать

съ такимъ трудомъ воздвигнутое имъ искусственное сооруженіе: союзъ трехъ императоровъ. Приближался моментъ, когда интересы Россіи и Австріи должны были разойтись такъ, что не удалось бы сохранить въ силѣ компромиссъ, и Германіи предстояло бы опредѣлить свою позицію между ними. Опытъ 1875 г. доказалъ Бисмарку, что его прежнія предположенія правильны, что прочной опорой для Германіи можетъ быть соглашеніе съ Австріей, а не съ Россіей. Въ Черногоріи и въ Сербіи начиналось сильное броженіе; въ Герцеговинѣ вспыхнуло возстаніе. Можно было бы направить германское вліяніе на то, чтобы пріостановить развитіе событій на Востокѣ, оказавъ поддержку англійской политикѣ, стремившейся въ цѣляхъ сохраненія Турціи убѣдить Порту успокоить своихъ христіанскихъ подданныхъ широкими либеральными реформами. Но главная трудность положенія и заключалась въ томъ, что, если съ 1870 г. Бисмаркъ заботился о томъ, чтобы Россія была занята на Востокѣ, то теперь, послѣ 1875 г., это казалось ему еще болѣе необходимымъ. Поэтому германскій канцлеръ, предрѣшая тѣсное сближеніе съ Австріей за счетъ дружбы съ Россіей, занялъ выжидательное положеніе, временно продолжая по возможности поддерживать рушившійся союзъ трехъ императоровъ.

Въ послѣдніе два года передъ русско-турецкой войной во всѣхъ заинтересованныхъ на Ближнемъ Востокѣ державахъ проявилось отсутствіе внутренняго единства взглядовъ на восточный вопросъ, что объяснялось чрезвычайнымъ усложненіемъ его въ виду общей перемѣны въ европейской политикѣ, вызванной уже вполнѣ подготовившимъ имперіалистическую окраску ея развитіемъ промышленности на Западѣ. Въ Англіи боролись торійская программа сохраненія Турціи, представленная Дизраэли, и либеральная—вмѣшательства въ пользу турецкихъ христіанъ, отстаивавшаяся Гладстономъ. Въ Россіи славянофилы разсматривали восточный вопросъ въ плоскости славянскаго объединенія, такого, какимъ они его понимали, т.-е. въ тѣсной связи съ ихъ реакціонной идеологіей; поверхъ балканскихъ событій они, не обинуясь, предполагали, между прочимъ, „оккупацію Галиціи“ и возстаніе въ славянскихъ областяхъ Австріи; правительство же, имѣя въ виду возможность двойного направленія перспективъ экономическаго развитія на Ближнемъ Востокѣ, для Россіи черезъ господство на проливахъ, для Австріи—пріобрѣтеніемъ выхода къ Салоникамъ, хотѣло найти въ такомъ компромиссѣ гарантію отъ опасности новой коалиціи. Наконецъ въ Австріи больше всего боялись образованія сильнаго славянскаго государства у австрійской границы въ случаѣ сліянія Сербіи и Черногоріи съ Босніей и Герцеговиной и поэтому, поддерживая одной рукой возстаніе, другой старались ограничить его результаты и были очень склонны использовать тревогу русскаго правительства, чтобы войти въ соглашеніе съ нимъ. Всѣ эти внутреннія противорѣчія отразились на ходѣ событій.

Періодъ съ конца 1875 г. до лѣта 1876 г. характеризовался поэтому манифестаціями прочности союза трехъ императоровъ. 18 декабря 1875 года Россія, Австрія и Германія потребовали у Порты принятія программы частичныхъ реформъ, выработанныхъ Андраши въ противовѣсъ англійской программѣ широкаго общаго преобразованія на основѣ централизаціи власти. Австрійскій проектъ имѣлъ опредѣленный характеръ компромисснаго разрѣшенія вопроса; самъ Андраши называлъ предложенныя имъ реформы „replâtrage“. Но возставшіе славяне не примирились съ этой программой. Подъ непосредственнымъ вліяніемъ развившагося въ русскомъ обществѣ славянофильскаго движенія, возстаніе развивалось, переходя въ организованную борьбу. Официальная русская дипломатія, боясь и избѣгая войны, готова была на значительные компромиссы, скрывая, однако, это отъ общества. Въ то же время, предвидя возможность крупныхъ осложненій въ виду рѣшительнаго противодѣйствія со стороны Англіи самымъ умѣреннымъ требованіямъ Россіи въ пользу славянъ, правительство зондировало настроеніе своихъ союзниковъ. Спрошенный по этому вопросу въ мартѣ 1876 г., Бисмаркъ заявилъ „не какъ канцлеръ, а какъ прусскій дворянинъ“, что Пруссія не забудетъ долга благодарности за 1870 г. Въ связи съ этимъ фактомъ и зная, что еще въ концѣ 1875 г. Бисмаркъ говорилъ нашему берлинскому посланнику о размѣнѣ компенсаціями между Россіей и Австріей въ Бессарабіи и Босніи, очень долго полагали, что послѣдовавшая лѣтомъ 1876 г. попытка дѣлового русско-австрійскаго соглашенія была подготовлена и устроена имъ. Но изъ мемуаровъ канцлера извѣстна истинная исторія этой любопытной попытки, получившей названіе рейхштадтскаго соглашенія. Между русскимъ и австрійскимъ дворами, въ строгой тайнѣ, завязались—первоначально черезъ посредство принца Александра Гессенскаго, брата супруги Александра II—переговоры о сближеніи помимо германскаго воздѣйствія. Андраши очень подробно и весьма конфиденціально повѣствовалъ нашему вѣнскому послу Новикову, какъ давленіе Германіи принудило Австрію обратиться къ Востоку, какъ связана вся политика имперіи этимъ давленіемъ,—словомъ, съ австрійской стороны выражалась готовность пойти на соглашеніе въ обходъ Германіи. Въ результатѣ завязавшихся на этой почвѣ переговоровъ государь Александръ Николаевичъ поѣхалъ на свиданіе съ императоромъ Францемъ-Іосифомъ, и въ концѣ іюня въ Рейхштадтѣ было заключено австро-русское соглашеніе о размѣнѣ компенсаціями въ случаѣ войны съ Турціей. Для Россіи была выговорена часть Бессарабіи, потерянная послѣ Крымской войны, и Батумъ; Австріи обѣщана была часть Босніи и турецкая Хорватія. Условлены были увеличеніе Сербіи нѣсколькими боснійскими областями и присоединеніе Герцеговины къ Черногоріи; но взамѣнъ Россія давала важнѣйшее съ австрійской точки зрѣнія обѣщаніе: не допускать возникновенія на полуостровѣ крупной славянской державы. На случай ликвидаціи Европейской

Турціи рѣшено было образовать изъ Болгаріи и Восточной Румеліи два отдѣльныхъ княжества; Эпиръ и Ѳессалію присоединить къ Греціи; Константинополь предполагалось сдѣлать вольнымъ городомъ. Рейхштадтскія рѣшенія такъ рѣзко противорѣчили желаніямъ и надеждамъ славянофиловъ, что, въ виду громаднаго вліянія ихъ въ обществѣ, правительство сочло необходимымъ скрыть не только подробности рейхштадтскаго соглашенія, но и самый фактъ сдѣлки съ Австріей. Но то, что удалось сохранить втайнѣ даже отъ многихъ русскихъ дипломатовъ, даже отъ Константинопольскаго посла Россіи, недолго оставалось неизвѣстнымъ Бисмарку. Узнавъ о русско-австрійскомъ соглашеніи, онъ окончательно сдѣлалъ выборъ между этими державами и началъ энергично налаживать австро-германскій союзъ, использовывая съ этой цѣлью обостреніе восточнаго вопроса.

На Востокѣ, Ближнемъ и Среднемъ, въ это время разыгрывалась въ широкихъ размѣрахъ борьба за преобладаніе между Россіей и Англіей. Какъ ни осторожна, какъ ни осмотрительна была еще русская политика въ началѣ 70-хъ годовъ, столкновенія русскихъ и англійскихъ интересовъ учащались и казались непримиримыми. Англія ревниво слѣдила за каждымъ движеніемъ Россіи на Востокѣ. Экспедиціи русскихъ войскъ въ Средней Азіи (хивинская—1873 г., кокандская—1876 г.) тревожили англичанъ призракомъ русскаго нашествія на Индію. Вліяніе русскаго посла въ Константинополѣ, генерала Н. П. Игнатьева, „вице-султана“, всесильнаго въ послѣдніе годы царствованія Абдулъ-Азиса, было съ англійской точки зрѣнія всецѣло направлено противъ интересовъ Великобританіи. Славянское движеніе, которое прямо или косвенно поддерживалось изъ Россіи, грозило цѣлости и существованію Оттоманской имперіи, и поэтому англійская дипломатія была ему враждебна, несмотря на отдѣльныя выступленія нѣкоторыхъ популярныхъ либераловъ, указывавшихъ на человѣко-ненавистническую и хищную политику Турціи. Между Россіей и Англіей возникалъ вновь старый конфликтъ, неразрѣшимый и неизбѣжный потому, что ни та, ни другая держава не могли быть свободными въ опредѣленіи своихъ интересовъ на Востокѣ; здѣсь ихъ интересы не зависѣли отъ международнаго ихъ положенія, а вытекали изъ самыхъ существенныхъ политическихъ и экономическихъ условій ихъ развитія. Австрія такъ же, какъ Франція, какъ Германія, какъ Италія, могла оріентировать въ 1876 г. свою политику на Востокъ, но могла и пойти на иную оріентацію; для Россіи и для Англіи это было невозможно. Поэтому, сдѣлавъ выборъ между Австріей и Россіей наканунѣ Русско-турецкой войны, Бисмаркъ, по существу, долженъ былъ направить германскую мощь навстрѣчу видамъ британской политики. Въ Петербургѣ этого не учли въ достаточной мѣрѣ. Когда Австрія черезъ нѣкоторое время, пользуясь затрудненіями и колебаніями русскаго правительства, начала повышать свои требованія, князь Горчаковъ обратился въ Берлинъ съ вопросомъ, какую

позицію займетъ Германія въ случаѣ столкновенія. Отвѣтъ былъ таковъ, что предупредить возможность новой коалиціи оставалось только уступчивостью. 6 марта 77 года была подписана въ Пештѣ новая тайная конвенція, по которой русское правительство соглашалось уже на присоединеніе къ Австріи всей Босніи и Герцеговины, обязывалось не переносить военныхъ дѣйствій въ Сербію и Черногорію и довольствовалось компенсаціями въ Азіатской Турціи. Россія съ этого времени, писалъ позже Бисмаркъ, отвернулась отъ Германіи. Было бы правильнѣе сказать: Россія узнала въ это время, что Германія отвернулась отъ нея. Даже обезпеченіе германскаго нейтралитета не прошло безъ чувствительной заминки. Князь Бисмаркъ уже перестраивалъ европейскую систему; изолировавъ Францію, онъ теперь создавалъ пустоту вокругъ Россіи. Въ февралѣ 77 г. онъ предлагалъ лорду Дерби наступательный и оборонительный союзъ, прямо направленный, правда, противъ Франціи, но который для англійскаго правительства, конечно, имѣлъ бы цѣну только въ качествѣ орудія противъ Россіи. Неудача этой попытки зависѣла не отъ Бисмарка и не отъ прусскихъ государственныхъ людей вообще. Предложеніе Бисмарка отклонилъ гр. Дерби, какъ непріемлемое для англійскаго общественнаго мнѣнія. Въ руководящихъ же германскихъ кругахъ мысль воспользоваться затрудненіями Россіи, чтобы тѣсно сблизиться съ Англіей, была популярна. Бисмаркъ самъ говорилъ нашему посланнику, что ему де съ трудомъ удалось убѣдить императора Вильгельма поддержать Россію, пригрозивъ даже уходомъ въ отставку; императоръ подъ вліяніемъ императрицы Августы былъ склоненъ поддерживать требованія Англіи и вступить съ нею въ тѣсное соглашеніе.

Такъ передъ войной, Россія, выставивъ главнымъ мотивомъ и главной цѣлью своихъ дѣйствій помощь балканскимъ славянамъ, оказывалась съ двумя фиктивными союзниками, Австріей и Германіей, передъ явно враждебной Англіей. Если не создавалось военной коалиціи, то возможность дипломатическаго соглашенія, враждебнаго Россіи сговора, была налицо. Это сказалось очень скоро, еще до начала военныхъ дѣйствій. Хронологически событія развертывались такъ. Въ срединѣ лѣта 1876 года Сербія и Черногорія объявили войну Турціи. Цѣлью сербовъ было присоединеніе Босніи; князь Николай черногорскій провозглашенъ былъ повелителемъ Герцеговины. Въ Сербію направились тысячи русскихъ добровольцевъ; сербской арміей начальствовалъ ген. Черняевъ; деньги и всевозможныя пожертвованія широкой рѣкой текли изъ Россіи. Князь А. М. Горчаковъ велъ въ то же время переговоры съ гр. Андраши, стараясь обезпечить австрійскій нейтралитетъ. Его усилія были почти безплодны. Австрія выражала явное недовольство славянофильскимъ движеніемъ. Группируясь вокругъ двора наслѣдника цесаревича, въ Петербургѣ въ этомъ направленіи энергично работала такъ называемая „партія дѣйствія“, поддерживавшая славянофиловъ и выдвигавшая въ противо-

вѣсъ осторожной и медлительной политикѣ Горчакова планы непосредственнаго и рѣшительнаго натиска на Турцію. Противъ воли русскаго правительства, но въ согласіи съ видами этой вліятельной военно-придворной группы Миланъ сербскій даже провозгласилъ себя княземъ боснійскимъ. Но 17 октября подъ Дьюкишемъ сербская армія была разбита, и турки начали движеніе вдоль Моравы къ Бѣлграду. Князь Миланъ просилъ помощи. Даже „партія дѣйствія“, однако, разувѣрилась въ возможности легко справиться съ Турціей. Князь Горчаковъ нашелъ выходъ въ двойномъ обращеніи: къ Турціи и къ Англіи. Турціи былъ предъявленъ ультиматумъ съ требованіемъ прекращенія военныхъ дѣйствій, а англійскому послу были даны рѣшительныя завѣренія въ полномъ отсутствіи у русскаго правительства какихъ-либо завоевательныхъ замысловъ и даже солидарности съ славянофилами. Въ Англіи боялись войны между Россіей и Турціей, такъ какъ считали и себя, и турокъ недостаточно подготовленными. Поэтому англійскій кабинетъ пошелъ навстрѣчу желанію Александра Николаевича. Для ликвидаціи кризиса 23 декабря 1876 года была созвана въ Константинополѣ конференція, предъявившая въ январѣ Портѣ обще-европейскія требованія реформъ. Новый султанъ Абдулъ Гамидъ, демонстративно даровавшій въ день открытія занятій конференціи своимъ подданнымъ конституцію, шедшую значительно дальше этихъ реформъ, отказался принять ультиматумъ державъ, какъ нарушающій его суверенитетъ. Послы державъ выѣхали изъ Константинополя, оставивъ тамъ уполномоченныхъ въ дѣлахъ. Однако эта демонстрація солидарности Европы была мнимой. Австрія именно въ этотъ моментъ подняла свои требованія, но въ то же время Россіи пришлось разочароваться въ надеждѣ на помощь Германіи. Но были и другіе, не менѣе явные признаки одиночества Россіи. Англія назначила посла въ Константинополь; этого можно было и слѣдовало ждать. Но то же сдѣлали Германія и Австрія. Бюловъ, сообщая Убри о такомъ шагѣ Бисмарка, „покраснѣлъ“, доносилъ посланникъ. „Я прихожу къ убѣжденію, что Вашему Величеству приходится разсчитывать только на Бога и на свою шпагу“, докладывалъ государю по этому поводу Горчаковъ. „Никто въ этомъ не увѣренъ болѣе меня“, отвѣтилъ государь. Была сдѣлана еще одна попытка избѣжать войны. Н. П. Игнатьевъ былъ посланъ лично переговорить съ руководителями политики великихъ державъ. Результатъ этой поѣздки былъ ничтоженъ: это былъ лондонскій протоколъ о реформахъ, который Порта подъ англійскимъ вліяніемъ отвергла такъ же рѣшительно, какъ ультиматумъ константинопольской конференціи. 1 апрѣля въ Петербургѣ былъ созванъ военный совѣтъ, рѣшившій объявить мобилизацію, 12 апрѣля государь подписалъ въ Кишиневѣ манифестъ о вступленіи русскихъ войскъ въ Турцію. 5-го была заключена конвенція съ Румыніей о свободномъ переходѣ русскихъ войскъ черезъ ея территорію. 7 апрѣля князь Горчаковъ циркулярно объявилъ державамъ, что

интересы Россіи требуютъ ея вмѣшательства въ турецкую смуту. Война началась.

Императоръ Александръ Николаевичъ не съ легкимъ сердцемъ подписалъ манифестъ. Въ немъ не было ни увѣренности въ побѣдѣ, ни сознанія необходимости для Россіи этой войны, объявленію которой онъ противился до послѣдней возможности. Онъ былъ полонъ воспоминаній о Крымской кампаніи и тягостныхъ поэтому предчувствій. Имъ и его канцлеромъ владѣлъ „кошмаръ коалицій“, политическая болѣзнь, которую съ меньшей достовѣрностью приписывали Бисмарку. Дѣйствительно, на переходъ русскихъ войскъ черезъ Дунай Англія отвѣтила движеніемъ своего флота къ Дарданелламъ. Гр. П. А. Шуваловъ доносилъ изъ Лондона, что возможность разрыва существуетъ, что придется, можетъ-быть, вести двѣ кампаніи вмѣсто одной. „Въ состояніи ли мы выдержать ихъ?“ спрашивалъ онъ. Для Англіи, какъ явствовало изъ опредѣленныхъ заявленій гр. Дерби, вопросъ сводился къ судьбѣ Константинополя и проливовъ. На полуостровѣ, въ противовѣсъ усиленію и независимости славянъ, Англія готова была выдвинуть притязанія Греціи. Шуваловъ совѣтовалъ поэтому не переходить Балканы. Горчаковъ предложилъ тайное соглашеніе съ Англіей и Австріей о ликвидаціи будущихъ военныхъ успѣховъ Россіи; взамѣнъ нейтралитета этихъ державъ Россія согласилась бы остановиться передъ Балканами, но съ тѣмъ, чтобы Турція дала автономію Болгаріи и увеличила бы Сербію и Черногорію; противъ перехода къ Австріи Босніи и Герцеговины русское правительство не возражало бы; себѣ Россія выговаривала Батумъ и часть Бессарабіи; но Горчаковъ оговаривалъ, что, если Турція не подпишетъ въ этотъ моментъ мира, военныя дѣйствія должны продолжаться. Очевидно, канцлеръ надѣялся такимъ образомъ обезпечить и нейтралитетъ, и давленіе на Турцію со стороны Англіи и Австріи ихъ собственными интересами. Но Англія уже готовила на Мальтѣ десантъ, и возникала опасность занятія ея войсками Галлипольскаго полуострова; разрывъ былъ близокъ. Горчаковъ тогда пошелъ на новыя уступки. Онъ уже готовъ былъ принципіально признать, что вопросы о судьбѣ Константинополя и проливовъ могутъ быть рѣшены только съ согласія державъ, если онѣ останутся нейтральными. Такія же требованія предъявлялись Австріей. Гр. Андраши, уже не отъ Россіи ждавшій Босніи и Герцеговины, опредѣленно видѣвшій въ этомъ богатомъ приращеніи цѣну союза съ Германіей, требовалъ, чтобы послѣдствія войны были обсуждены всѣми державами. Горчаковъ пытался опереться на союзъ трехъ императоровъ, указывая, что къ обсужденію условій мира будутъ привлечены Австрія и Германія. Но Бисмаркъ отвѣтилъ страннымъ совѣтомъ сблизиться съ Англіей, такъ какъ для Россіи соглашеніе съ Австріей затруднено польскимъ вопросомъ. Одиночество Россіи становилось тревожнымъ. Андраши, не соглашаясь прямо и немедленно содѣйствовать Англіи, заявилъ, однако,

британскому правительству, что Австрія не допуститъ образованія на своей границѣ независимыхъ государствъ; въ случаѣ необходимости морская демонстрація англійскаго флота и сухопутная австрійской арміи сдѣлали бы, писалъ онъ, положеніе русскихъ за Балканами невыносимымъ.

Всѣ эти переговоры основывались на общемъ убѣжденіи въ легкой и скорой побѣдѣ русскихъ войскъ. Событія въ началѣ войны оправдывали такую увѣренность. Казалось, что Турція парализована. Но въ іюлѣ на театрѣ военныхъ дѣйствій намѣтилась разительная перемѣна. Турки какъ будто ожили. Паши Мехметъ-Али, Сулейманъ и Османъ организовали дѣятельное и успѣшное сопротивленіе. Мгновенно измѣнилась и дипломатическая обстановка. До конца осени державы оставались въ выжидательномъ положеніи. Неудачные и кровопролитные штурмы центральной турецкой позиціи Плевны оставляли судьбу войны невыясненной. Но въ ноябрѣ въ Арменіи палъ Карсъ, на европейскомъ театрѣ войны всѣ попытки Сулеймана паши прорваться сквозь линію арміи наслѣдника цесаревича кончились неудачей; 12 октября ген. Гурко, взявъ Горный Дубнякъ, отрѣзалъ сообщенія Османа-паши; 28 октября Плевна сдалась. Судьба войны была рѣшена: русскія войска двинулись черезъ Балканы.

Передъ паденіемъ Плевны русская дипломатія разрабатывала вопросъ объ условіяхъ мира, все еще основываясь на „союзѣ трехъ императоровъ“. Въ сообщенной императорамъ Вильгельму и Францу-Іосифу запискѣ, составленной А. И. Нелидовымъ, русское правительство, кромѣ автономіи Болгаріи, присоединенія къ Россіи Карса и Батума и возвращенія части Бессарабіи, ставило вопросъ о „достиженіи свободнаго сообщенія съ Средиземнымъ моремъ и недопущеніи того, чтобы непріятельскій флотъ могъ угрожать нашимъ берегамъ Чернаго моря“, указывая на это, какъ на „главную цѣль нашей морской политики въ Турціи“. Боснія и Герцеговина въ этомъ проектѣ опять предназначались въ вознагражденіе Австріи. Когда Англія протестовала противъ движенія русскихъ войскъ къ Константинополю, условія мира были сообщены Шувалову. Онъ телеграфировалъ Горчакову, что не рѣшается даже сообщить ихъ англійскому правительству, такъ какъ это рѣзко ухудшило бы отношенія. Но побѣда измѣнила настроеніе правящихъ круговъ къ Россіи. Турція просила посредничества. Англія согласилась. На представленіе англійскаго посла, Горчаковъ отвѣтилъ, что Порта должна обратиться непосредственно къ русскимъ главнокомандующимъ въ Европѣ и Азіи. „Значитъ, вы намѣрены заключить миръ черезъ голову Европы!“ сказалъ гр. Дерби Шувалову. Дѣйствительно, существовало намѣреніе обойтись безъ посредничества и согласія Англіи. Вліяніе на ходъ событій перешло въ руки великаго князя Николая Николаевича и его штаба, мечтавшихъ не только о занятіи Константинополя, но и о захватѣ азіатскаго берега проливовъ. Но гр. Андраши теперь раскрылъ свою игру. Онъ требовалъ, чтобы англійскій

флотъ шелъ къ Константинополю, и обѣщалъ двинуть австрійскую армію къ русской границѣ. 2 февраля эскадра адм. Горнби вошла въ Дарданеллы и стала у Принцевыхъ острововъ. Государь въ отвѣтъ на это приказалъ ускорить движеніе войскъ „какъ на Галлиполи, такъ и на Константинополь“. Но это было послѣдней попыткой форсировать сопротивленіе Европы. Въ отвѣтъ на поздравленіе съ санъ-стефанскими прелиминаріями, основанными на указанной выше программѣ мира, государь отвѣтилъ главнокомандующему сомнѣніемъ, чтобы ихъ удалось провести въ жизнь. Дѣйствительно, угрожающая позиція Австріи и открытая готовность Англіи начать войну при враждебности обиженной въ Санъ-Стефано Румыніи, лежавшей на линіи отступленія русской арміи, заставили русскую дипломатію сдаться и согласиться на предложеніе Андраши перенести вопросъ на европейскій конгрессъ. Въ этотъ моментъ выступилъ, наконецъ, Бисмаркъ. Онъ предложилъ посредничество Германіи между Англіей и Россіей и, предотвративъ войну, добился предварительнаго соглашенія между ними, подписаннаго 18 мая 1878 г. въ Лондонѣ. Громадное различіе между надеждами и чаяніями государя и его приближенныхъ, русскаго общества и балканскихъ славянъ и тѣмъ, что было достигнуто, кратко и ясно выражается изъ сравненія санъ-стефанскихъ условій съ тайной лондонской конвенціей. Въ Санъ-Стефано Болгарію предполагалось создать въ предѣлахъ отъ Дуная до Эгейскаго моря, отъ Охридскаго озера до Чернаго моря, Сербіи и Черногоріи дать сильно увеличенныя территоріи. Такимъ образомъ, Россія пріобрѣтала преобладающее вліяніе на полуостровѣ и возможность экономическаго выхода на Эгейское море. Слабымъ мѣстомъ прелиминарій было то, что Россія создала себѣ врага въ Румыніи, такъ какъ рѣшенный тамъ обмѣнъ Бессарабіи на болгарскую Добруджу рѣзко задѣлъ ея интересы. Въ Лондонѣ Болгарія была расчленена, вопросъ о проливахъ былъ рѣшенъ согласно желаніямъ Англіи. И, конечно, причина рѣзкаго расхожденія между Россіей и Румыніей оставлена была неприкосновенной. Въ іюнѣ „по просьбѣ русскаго правительства“ Бисмаркъ созвалъ въ Берлинѣ европейскій конгрессъ, который внѣшне только оформилъ лондонскія постановленія. Но на этомъ конгрессѣ германскій канцлеръ положилъ основы европейской политики на будущія десятилѣтія. Тамъ Австрія пріобрѣла изъ его рукъ Боснію и Герцеговину—цѣну будущаго союза. Тамъ Франціи и Италіи были открыты новыя возможности расширенія въ Африкѣ, обострявшія ихъ взаимное недовольство и подготовившія вступленіе Италіи въ союзъ съ Германіей. Тамъ Бисмаркъ, поддерживая Англію, воспользовался ея враждебностью къ Россіи и положилъ начало движенію на Востокъ третьей новой силы, германскаго промышленнаго имперіализма.

При дружественномъ посредничествѣ Германіи Россія отказалась отъ созданія Великой Болгаріи, отъ трапезунтской дороги въ Персію, отъ урегулированія вопроса о проливахъ. Война закончилась моральной побѣдой

Англіи, заключившей 23 мая тайный союзъ съ Турціей и получившей за это Кипръ. Но все же на полуостровѣ получили новую жизнь или окончательную самостоятельность Болгарія, Румынія, Сербія и Черногорія. Основы будущаго развитія были заложены и здѣсь,—правда, искаженныя волей Европы.

Въ Россіи такое окончаніе войны вызвало взрывъ негодованія, направившагося противъ Германіи и Австріи. Кн. Горчаковъ, по странной аберраціи, не видѣлъ въ событіяхъ логическаго вывода изъ ряда неустранимыхъ предпосылокъ и винилъ Бисмарка въ личной мести къ нему, русскому канцлеру, за эпизодъ 1875 г. Государь говорилъ, что Бисмаркъ „забылъ обязательства 1870 г.“. Между тѣмъ Австрія открыто выступила въ роли соперницы Россіи. Германія поддержала ее при оккупаціи Новобазарскаго Санджака, отрѣзывавшей Сербію отъ Черногоріи и открывавшей путь на Салоники. Въ русской Польшѣ сосредоточивались войска. При этихъ условіяхъ Бисмарку, столкнувшему на Востокѣ Россію съ Австріей, оставалось только снять дозрѣвшій плодъ. Въ сентябрѣ Францъ-Іосифъ самъ просилъ помощи Германіи противъ Россіи. 25 сентября 1879 г. былъ подписанъ австро-германскій союзъ, прямо направленный противъ Россіи и условно противъ Франціи.

Этотъ эпизодъ по существу заканчиваетъ исторію русской внѣшней политики въ царствованіе Александра II, опредѣляемую въ основной своей окраскѣ нерѣшительностью правительственной дипломатіи, отсутствіемъ у нея ясно сознанныхъ и твердо проводимыхъ государственныхъ заданій, а, съ другой стороны, ростомъ внѣшнихъ вліяній, какъ чисто общественныхъ, такъ и придворно-бюрократическихъ. Между этими теченіями колебалась политика государя, не вложившаго, однако, въ эту область государственной дѣятельности достаточно личнаго воздѣйствія, чтобы періодъ съ Крымской кампаніи до Берлинскаго конгресса не было справедливо въ исторіи русской внѣшней политики назвать эпохой кн. А. М. Горчакова, возложивъ на него отвѣтственность за ея темныя стороны и отдавъ ему же честь ея немногихъ удачъ.

Л. Гальберштадтъ.

1881—1905.

I.

Внѣшняя политика.

Почившему государю Александру Александровичу тысячи эпитафій присвоили имя Царя-Миротворца. Трудно теперь проникнуть въ мысль перваго, давшаго императору этотъ посмертный титулъ; но если имѣлось въ виду лишь то, что во время недолгаго царствованія Александра III Россія не вела сколько-нибудь крупныхъ войнъ, то характеристика эта грѣшитъ противъ истины. Мира императоръ не ставилъ цѣлью своихъ дѣйствій; наоборотъ, съ 50-хъ гг. русская внѣшняя политика никогда не носила такъ рѣзко выраженнаго наступательнаго характера. На Ближнемъ, на Среднемъ, на Дальнемъ Востокѣ, въ Европѣ и Азіи,—вездѣ работа русской дипломатіи направлена была рѣшительной и твердой рукой на осуществленіе тѣхъ задачъ, которыя—правильно или ошибочно — признавались вытекающими изъ государственныхъ интересовъ. Осмотрительную, осторожную оборону Россіи отъ внѣшнихъ потрясеній, составлявшую сущность внѣшней политики Александра II и его безсмѣннаго канцлера, смѣнило импульсивное наступленіе, мѣнявшее свои объекты, но не свой характеръ. Какъ стратегія является проекціей внѣшней политики государства, какъ неуспѣхи и успѣхи дипломатіи преду-

казываютъ удачу или неудачу войны, ибо психическая основа въ обоихъ случаяхъ едина, такъ, въ свою очередь, и внѣшняя дѣятельность государства вполнѣ отражаетъ внутреннюю политику даннаго момента. Царствованіе Александра III не является исключеніемъ изъ этого правила. И внѣ страны, какъ и внутри ея, оно было боевымъ царствованіемъ.

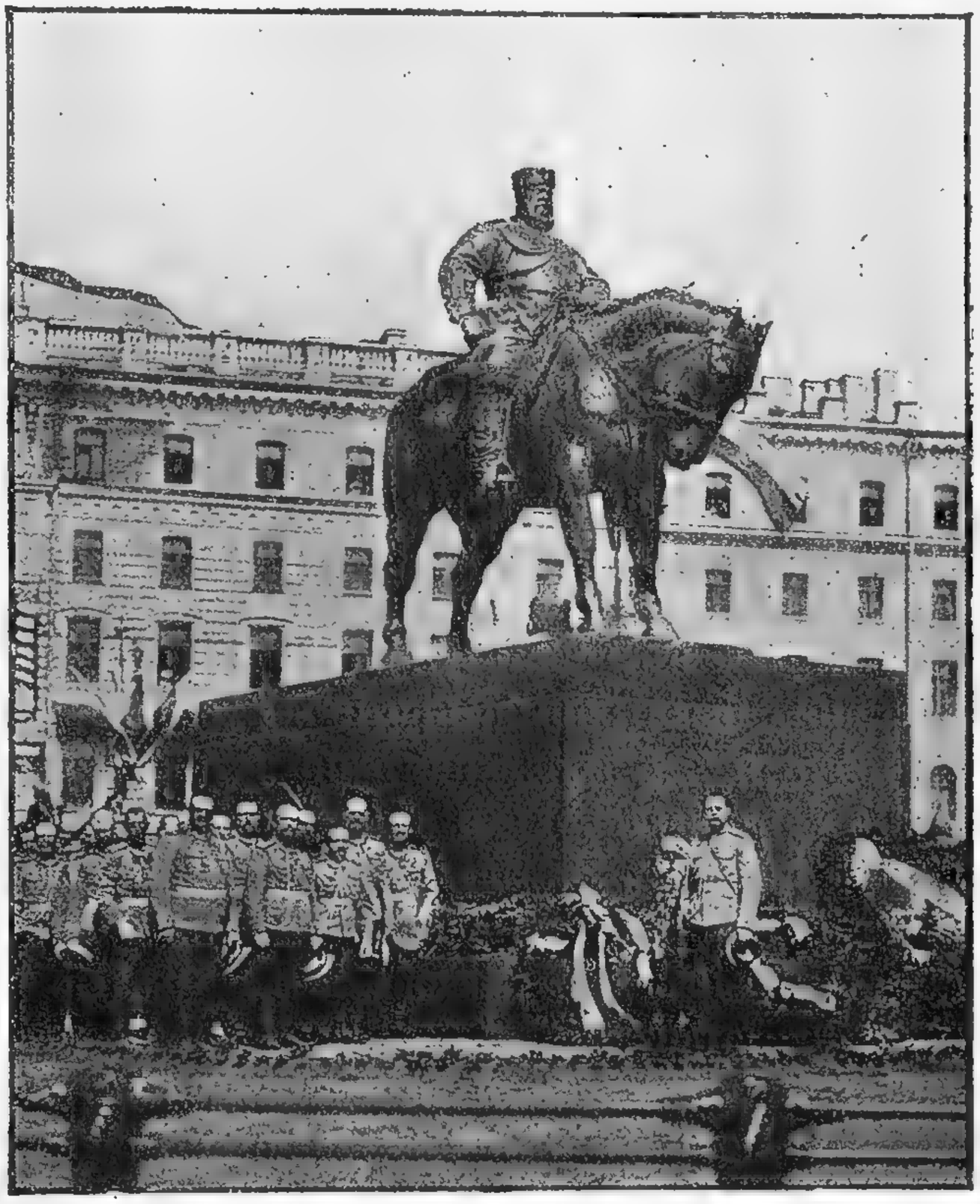
Такимъ новый государь показалъ себя еще за нѣсколько лѣтъ до вступленія на престолъ. Въ 1876 и 77 г. онъ былъ въ центрѣ того внѣправительственнаго воздѣйствія на русскую политику, которое боролось съ нежеланіемъ Александра II вести войну и съ колебаніями кн. А. М. Горчакова. Онъ подалъ одно изъ самыхъ опредѣленныхъ мнѣній за разрывъ съ Турціей въ послѣдній рѣшающій моментъ. Въ 78 г. онъ стоялъ за движеніе къ Константинополю. Послѣ Берлинскаго конгресса, когда Александръ II еще находилъ возможнымъ (черезъ два года) поднять бокалъ за императора Вильгельма, какъ за своего „лучшаго друга“, наслѣдникъ пріобрѣлъ извѣстность человѣка, который „не любитъ нѣмцевъ“. Съ точки зрѣнія европейской дипломатіи, въ лицѣ его на русскій престолъ вступалъ дѣятель съ очень опредѣленными симпатіями и антипатіями, желаніями и идеями.

Ближайшимъ и непосредственнымъ полемъ дѣйствія для русской дипломатіи оставалось въ началѣ новаго царствованія Балканскій полуостровъ и, главнымъ образомъ, Болгарія. По окончаніи войны новое княжество нѣкоторое время находилось подъ непосредственнымъ русскимъ управленіемъ. Въ апрѣлѣ 1879 г. Дондуковъ-Корсаковъ открылъ въ историческомъ Тырновѣ учредительное собраніе для выработки конституціи. Уже самое это дѣйствіе, введеніе въ Болгаріи „великой лжи нашего времени“, по выраженію К. П. Побѣдоносцева, было вынужденнымъ отказомъ отъ иллюзій вліятельныхъ русскихъ славянофиловъ. Въ апрѣлѣ же „великое собраніе“ избрало болгарскимъ княземъ указаннаго Россіей племянника императрицы Маріи Александровны, принца Александра Баттенбергскаго. Среди политическихъ дѣятелей новаго государства скоро образовались двѣ партіи, отразившія въ своемъ составѣ классовыя противорѣчія развившагося подъ турецкимъ владычествомъ общественнаго строя. Буржуазные элементы населенія, примѣнившіеся къ турецкому игу и умѣвшіе благоденствовать при немъ, т. н. чорбаджіи, образовали консервативную группу во главѣ съ митрополитомъ Климентомъ, Стоиловымъ, Грековымъ, Качевичемъ. Сельская демократія, крестьяне и народные учителя, выдвинули либеральную партію, во главѣ которой стали популярные дѣятели Цанковъ, Каравеловъ (Петко) и Славейковъ. Разногласія между партіями выразились уже при обсужденіи конституціи. Либералы провели демократическую конституцію по образцу сербской. При поддержкѣ русскихъ офицеровъ, состоявшихъ на болгарской службѣ, консерваторы настаивали на усиленіи центральной власти и на двух-

БИБЛІОТЕКА СЛУЖАЩИХЪ
Управленія ж. д.
№ 91
а, 117.

Кн. А. М. Горчаковъ.

палатной системѣ. По вопросу о Восточной Румеліи, организованной русскими военными властями въ административномъ отношеніи аналогично съ княжествомъ, либералы сразу заявили себя рѣшительными сторонниками объединенія. Новый князь призвалъ къ власти консерваторовъ; въ составъ кабинета вошли два русскихъ генерала. Выборы въ собраніе дали большинство либераловъ. Въ ноябрѣ 1879 г. оно было распущено; новые выборы опять дали подавляющее либеральное большинство. Между либералами, съ одной стороны, княземъ, консерваторами и русскими военными бюрократами, съ другой, возникъ острый конфликтъ. Либеральное министерство Цанкова - Каравелова и собраніе тщетно боролись съ безотвѣтственными вліяніями, подготовлявшими съ одобренія Россіи государственный переворотъ. Въ маѣ 1881 г. дѣйствіе конституціи было пріостановлено; указомъ князя были усилены права центральной власти; во главѣ правительства былъ поставленъ русскій генералъ Эрнротъ; выборы въ новое собраніе, произведенные съ неслыханнымъ давленіемъ на избирателей при непосредственномъ участіи русскихъ агентовъ, дали, наконецъ, консервативное большинство. Петербургская дипломатія въ этотъ моментъ вполнѣ благоволила къ кн. Александру. Ему было даже пожаловано ежегодное пособіе изъ удѣльныхъ суммъ въ 100 тыс. р. Но вскорѣ между русскимъ правительствомъ и болгарскими консерваторами, дѣйствовавшими съ вѣдома и согласія князя, возникли серьезныя тренія. Причиной раздора былъ вопросъ о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ. Борьба велась между двумя группами предпринимателей, одной русской и покровительствуемой русской дипломатіей, другой—болгарской, тѣсно связанной съ консерваторами. Политическое значеніе конфликта было не только въ сопротивленіи болгаръ



Кн. П. Трубецкой. Памятникъ императору Александру III въ Петербургѣ.

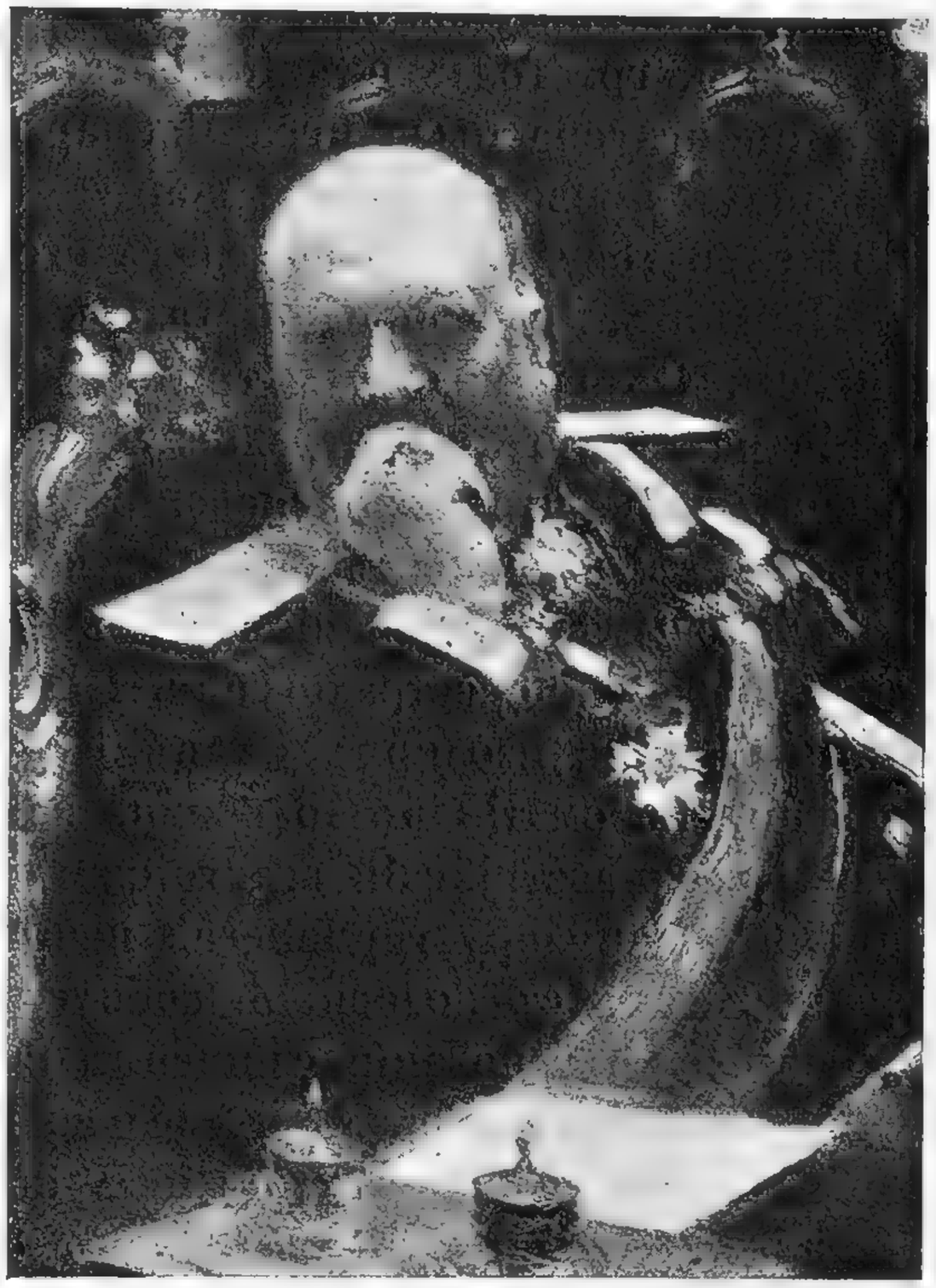
насажденію русскаго экономическаго вліянія. Россія хотѣла проведенія стратегической линіи къ Систову; болгарское правительство настаивало на западномъ, „австрійскомъ“ направленіи. Кн. Александръ былъ заподозрѣнъ въ „предательствѣ“. Для наведенія порядка въ княжествѣ изъ Петербурга прислали двухъ новыхъ генераловъ, Соболева и Каульбарса. Ген. Соболевъ сталъ во главѣ правительства, въ званіи министра внутреннихъ дѣлъ, ген. Каульбарсъ занялъ постъ военнаго министра. Главной своей задачей они поставили рѣшеніе желѣзнодорожнаго вопроса въ желательномъ для Россіи смыслѣ. Энергичная дѣятельность ихъ привела къ совершенно неожиданнымъ результатамъ. Ставъ въ рѣшительную оппозицію къ князю и консерваторамъ, они дѣйствовали, какъ хозяева страны, чѣмъ вызвали стойкое сопротивленіе. Князь просилъ отозвать ихъ, но изъ Петербурга отвѣтили, что ихъ миссія еще не окончена. Уйти изъ министерства пришлось не имъ, а Начевичу и Грекову. Разорвавъ съ представителями болгарской реакціи, ген. Соболевъ, чтобы спасти русское вліяніе, сдѣлалъ попытку опереться на либераловъ. Подъ непосредственнымъ давленіемъ русскаго агента Іонина князь былъ принужденъ возстановить тырновскую конституцію. Но консерваторы сами начали искать сближенія съ либералами; соглашеніе состоялось на основѣ признанія либералами нѣкоторыхъ измѣненій, внесенныхъ въ конституцію въ 1881 г. Главнымъ стимуломъ къ ихъ объединенію была борьба противъ русской опеки, формулированная Цанковымъ въ извѣстной фразѣ: „намъ не нужно отъ Россіи ни меда, ни бича“. Сближеніе консерваторовъ и либераловъ вызвало появленіе радикальной оппозиціи во главѣ съ Каравеловымъ и Стамбуловымъ, но опереться на нее русскимъ министрамъ уже не удалось. Они покинули Болгарію. Изъ Петербурга было выражено рѣзкое неудовольствіе поведеніемъ князя; два его русскихъ адъютанта были, безъ увѣдомленія его о томъ, отозваны. Онъ отвѣтилъ увольненіемъ другихъ русскихъ офицеровъ изъ своей свиты. Отношенія между княжествомъ и Россіей были, очевидно, испорчены. Въ Петербургѣ негодовали на болгарскую неблагодарность, въ Болгаріи упрекали русскую власть въ стремленіи къ политической и экономической эксплуатаціи страны. На этой почвѣ вскорѣ разыгрался эпизодъ, имѣвшій первостепенное значеніе какъ для русской, такъ и для болгарской и вообще балканской политики. Съ мая 1879 г. Восточной Румеліей правилъ назначенный по желанію Россіи генералъ-губернаторъ Алеко-паша, болгаринъ, явно поощрявшій подготовку соединенія съ княжествомъ. Разорвавъ съ Болгаріей, русская дипломатія, съ характерной для нея съ 1881 г. импульсивностью, охладѣла къ этому давнему своему плану, имѣвшему, очевидно, особую съ ея точки зрѣнія цѣнность лишь при условіи безраздѣльнаго вліянія Россіи на освобожденное государство. Въ 1884 г. съ соизволенія русскаго правительства генералъ-губернаторомъ Восточной Румеліи былъ назначенъ нѣкій Хресто-

вичъ, съ первыхъ же дней своего правленія начавшій бороться съ болгарской агитаціей. Кн. Александръ Баттенбергскій, испуганный враждебной позиціей Россіи, самъ старался предотвратить переворотъ. Но въ этотъ моментъ на судьбу румелійскаго вопроса оказала рѣшающее вліяніе знаменательная перемѣна въ англійской политикѣ. Для англійскихъ государственныхъ людей начали уже выясняться результаты берлинскаго конгресса: уже германскій имперіализмъ, использовывая Австрію для „не-австрійскихъ цѣлей“, обнаруживалъ тяготѣніе къ Ближнему Востоку; русское правительство, обманувшись въ своемъ разсчетѣ на преданность Болгаріи, съ 1883 г. сближалось въ своихъ воззрѣніяхъ на балканскія дѣла съ Портой, и прежнія опасенія, что черезъ болгарскія области на Эгейское море выйдетъ русская мощь, теперь оказывались ложными. Болгары правильно поэтому выбрали осенью 1885 г. моментъ для переворота въ Восточной Румеліи. Въ ночь съ 5 на 6 сентября въ Филиппополѣ было провозглашено соединеніе съ княжествомъ; временное правительство призвало кн. Александра. Принужденный общимъ энтузіазмомъ, онъ отправился туда и принялъ титулъ князя обѣихъ Болгарій. Русское правительство, послѣдовательное въ своихъ взглядахъ и дѣйствіяхъ, сдѣлало ту непоправимую ошибку, которую уже предвидѣли въ Лондонѣ. Отъ имени государя предсѣдателю собранія было выражено рѣзкое осужденіе за то, что „правительство князя, не посовѣтовавшись съ Россіей, рѣшило дѣйствовать самостоятельно и вопреки желанію Императорскаго кабинета“. Русскіе офицеры были отозваны изъ Болгаріи. Увѣренность болгарскаго правительства въ своихъ силахъ окрѣпла послѣ побѣды надъ сербскими войсками, брошенными Миланомъ въ этотъ моментъ на Болгарію въ разсчетѣ, что лишенная русскаго руководительства болгарская армія окажется безсильной. Въ послѣдовавшихъ за этими событіями дипломатическихъ переговорахъ ярко сказались новыя теченія въ русской внѣшней политикѣ. Защитницей неприкосновенности берлинскаго трактата, суверенитета султана, цѣлости и неприкосновенности Оттоманской имперіи выступила Россія, а представитель Англіи на конференціи пословъ въ Константинополѣ просилъ даже какъ можно меньше ссылаться на Берлинскій трактатъ, чтобы не толковать его постановленій „въ ограничительномъ смыслѣ для тѣхъ народовъ, участь которыхъ надлежитъ улучшить“. Въ результатѣ между Болгаріей и Портой состоялось компромиссное соглашеніе; вопреки волѣ государя, державы признали князя Александра генералъ-губернаторомъ Восточной Румеліи. Гнѣвъ Александра III теперь обрушился лично на князя; государь считалъ его первымъ виновникомъ болгарской неблагодарности и болгарскаго ослушанія. Онъ опредѣленно высказалъ это болгарской депутаціи. Не только Англія, но и Австрія использовала такое настроеніе русскаго правительства. Австрійская дипломатія начала открыто покровительствовать кн. Александру и поддерживавшему его ради-

кальному правительству Стамбулова. Въ партійной борьбѣ приверженцы Цанкова, очень многочисленные въ арміи, выставили своимъ основнымъ политическимъ лозунгомъ примиреніе съ Россіей, а средствомъ—удаленіе кн. Александра. Въ августѣ 1886 г. офицеры софійскаго гарнизона свергли князя и передали его въ руки русскихъ властей въ Рени. Государь повелѣлъ предоставить ему свободный выѣздъ изъ Россіи; онъ удалился въ Галицію. Но въ Болгаріи готовился уже новый переворотъ. Стамбуловъ съ большей частью болгарской арміи и со всѣми румелійскими войсками двинулся на Софію и вновь провозгласилъ княземъ Александра. Но принцъ Баттенбергскій не рѣшился, однако, царствовать вопреки волѣ русскаго императора. „Россія дала мнѣ корону; я готовъ передать ее въ руки русскаго монарха“, телеграфировалъ онъ государю изъ Рущука. Отвѣтъ былъ: „Я воздержусь отъ всякаго вмѣшательства въ печальное положеніе, до котораго доведена Болгарія, пока Вы тамъ останетесь“. Александръ отказался отъ престола. За этимъ послѣдовала еще одна попытка провести въ Болгаріи непосредственное русское вліяніе. Генералъ Каульбарсъ, братъ бывшаго болгарскаго военнаго министра, пытался отстоять кандидатуру свѣтл. кн. Мингрельскаго, опираясь при этомъ на весь престижъ Россіи. Но избранъ былъ принцъ Вольдемаръ Датскій, который, однако, отказался. Поведеніе диктатора Стамбулова показывало, что всѣ дальнѣйшія попытки насажденія прежнихъ пріемовъ русскаго вліянія безполезны. Подавивъ кровавыми репрессіями сопротивленіе сторонниковъ Россіи, онъ провелъ покровительствуемую Австріей кандидатуру Фердинанда Саксенъ-Кобургъ-Готскаго. Поставивъ основой своей дѣятельности формулу „Болгарія для болгаръ“, Стамбуловъ направилъ политику княжества въ враждебную Россіи сторону, найдя ей опору въ тройственномъ союзѣ. Князь Фердинандъ былъ избранъ въ іюлѣ 1887 г. Съ этого времени Россія надолго отвернулась отъ балканскихъ государствъ. Румынія, обиженная въ Санъ-Стефано и въ Берлинѣ, Сербія, съ Рейхштадта еще обреченная на экономическую зависимость отъ Австріи, раздраженная и отвергнутая Болгарія открывали дорогу на полуостровъ враждебнымъ Россіи вліяніямъ. Александръ III былъ правъ, называя въ 1889 г. князя Черногорскаго единственнымъ вѣрнымъ другомъ Россіи. Но не на его дружбѣ можно было, конечно, основывать русскую политику на Ближнемъ Востокѣ; всѣ другія, болѣе стойкія и серьезныя основы ея были разрушены. Оставалось два выхода: исправлять ошибки или отвернуться отъ балканскихъ славянъ. Сдѣлано было послѣднее.

Крахъ русскаго вліянія въ Болгаріи весьма существенно отразился на общемъ ходѣ русской политики. Со вступленіемъ на престолъ Александра III вѣроятность сближенія Россіи съ Франціей значительно возросла. Рѣзко враждебное Германіи послѣ 1878 г. настроеніе широкихъ круговъ русскаго

общества, извѣстныя антипатіи самого государя и, съ другой стороны, стремленіе правительства третьей республики найти въ союзѣ съ Россіей противовѣсъ такъ невыгодно измѣнившемуся съ 1870 г. стратегическому положенію Франціи заставляли предвидѣть скорое и тѣсное сближеніе обѣихъ державъ. Но Бисмаркъ сумѣлъ найти почву, на которой взгляды русскаго монарха близко единили его съ Германіей. Уже къ началу 80-хъ гг. выяснилась роль Германіи, какъ оплота консервативныхъ элементовъ въ Европѣ. Бисмаркъ чрезвычайно искусно игралъ на этой особо чувствительной въ тѣ годы струнѣ. Онъ умѣло эксплоатировалъ всѣ случаи, всѣ поводы къ сближенію. Французское правительство отказалось выдать Россіи политическаго эмигранта, Л. Гартмана; русскій посолъ кн. Орловъ демонстративно уѣхалъ изъ Парижа; руководимая Бисмаркомъ пресса раздула этотъ случай, приписывая Франціи покровительство русскимъ „нигилистамъ“. Назначеніе кн. Орлова въ Берлинъ германская печать привѣтствовала, какъ „симптомъ сближенія“. Ту же окраску придала она визиту великаго князя Михаила Николаевича въ Берлинъ и поѣздкѣ принца Вильгельма въ Петербургъ. Дѣйствительно, сближеніе подготовлялось. Въ іюнѣ 1884 г. русскіе и германскіе офицеры обмѣнялись на границѣ демонстративно дружескими посѣщеніями. Въ іюлѣ изъ Берлина были высланы всѣ „неблагонадежные“ русскіе. Наконецъ, 2 сентября въ Скерневицахъ состоялось свиданіе трехъ императоровъ, и міръ узналъ, что еще въ мартѣ соглашеніе между Россіей, Германіей и Австріей состоялось. Тройственный, съ присоединеніемъ къ нему въ 1881 г. Италіи, союзъ былъ дополненъ „перестраховкой“ на основѣ защиты монархическаго принципа, и Франція была вновь изолирована. Это соглашеніе справедливо считается самымъ изумительнымъ изъ дипломатическихъ подвиговъ канцлера; какъ Россія, такъ и Австрія съ крайней неохотой вступали въ комбинацію, противорѣчившую ихъ главнымъ задачамъ и за-



Гр. А. П. Игнатьевъ. Рѣпина. (Музей Александра III.)

ставлявшую смирять глубокія взаимныя антипатіи. Бисмаркъ ухаживалъ за своимъ созданіемъ, какъ за тепличнымъ растеніемъ, старательно поддерживая тѣсную связь съ русской дипломатіей. Произошелъ рядъ торжественныхъ встрѣчъ и бесѣдъ, скрѣпившихъ, казалось, соглашеніе. Самымъ любопытнымъ по внѣшней обстановкѣ было свиданіе Бисмарка лѣтомъ 1886 г. съ русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ въ Франценсбадѣ, гдѣ германскій канцлеръ какъ бы предсѣдательствовалъ въ ареопагѣ русскихъ дипломатовъ; туда прибыли, кромѣ министра и посла при германскомъ дворѣ, бар. Стааль изъ Лондона, бар. Моренгеймъ изъ Парижа, кн. Кантакузенъ изъ Вѣны, гр. Толль изъ Копенгагена и Струве изъ Вашингтона. Однако, какъ ни искусна была игра Бисмарка, столкновеніе Россіи съ Австріей на Балканахъ привело ее къ концу. Срокъ соглашенія истекалъ въ мартѣ 1887 г., и государь не пожелалъ его возобновить. Въ ноябрѣ онъ прибылъ въ Берлинъ, гдѣ предполагалось выяснить наиболѣе острые спорные вопросы. Съ громаднымъ трудомъ Бисмарку удалось получить его соглашеніе на новую „перестраховку“, но безъ участія Австріи. Канцлеръ твердо разсчитывалъ, что возникновеніе двойственнаго союза устранено надолго, вопреки всѣмъ усиліямъ французскаго правительства сблизиться съ Россіей. Этимъ новымъ соглашеніемъ онъ имѣлъ причины еще болѣе гордиться, чѣмъ первой „перестраховкой“. Направленное въ значительной степени противъ Франціи, изолируя ее въ случаѣ войны, оно было исторгнуто отъ русской дипломатіи въ то время, когда болгарскія событія рѣзко подчеркнули русско-австрійскій антагонизмъ, когда, проводя новый септеннатъ, подчиненная канцлеру германская печать травила Францію, и Россія мобилизовала восемь съ половиной корпусовъ въ Польшѣ. Но перестраховка, построенная на основаніи слишкомъ шаткомъ сравнительно съ серьезностью момента, рухнула черезъ нѣсколько недѣль. Немедленно послѣ ноябрьскаго свиданія съ государемъ канцлеръ потребовалъ отъ рейхстага новаго увеличенія кадровъ ландвера и ландштурма, что вызвало бурю въ русской и французской печати. Отношенія рѣзко измѣнялись къ худшему. Тогда канцлеръ рѣшилъ устрашить противниковъ Германіи. 22 января 1888 г. онъ опубликовалъ текстъ договора австро-германскаго союза. Второй параграфъ содержалъ прямую угрозу Россіи. Черезъ пять дней канцлеръ произнесъ въ рейстагѣ рѣчь, подчеркнувшую значеніе этого шага. Онъ перечислилъ свои услуги Россіи, между прочимъ, свою роль на Берлинскомъ конгрессѣ, когда онъ якобы былъ, по его выраженію, „какъ бы четвертымъ русскимъ уполномоченнымъ“. И закончилъ грозными словами, ставшими потомъ патріотической формулой: „мы, нѣмцы, не боимся никого, кромѣ Бога!“ 27 января 1888 г. кн. Бисмаркъ, отбросивъ всякое стѣсненіе, обратился къ Европѣ, какъ ея хозяинъ.

Въ эти тревожные для европейскаго мира, а въ особенности для Франціи, годы правительство третьей республики старательно подготовляло почву

для прочнаго и длительнаго сближенія съ Россіей и тщательно устраняло все, что бы могло этому помѣшать. Въ политическомъ и военномъ отношеніи Франція столько выигрывала отъ союза, что для русскаго правительства возможныя выгоды этого рода не уравновѣшивали результатовъ сближенія. Поэтому самыя упорныя и серьезныя старанія французскихъ государственныхъ людей были направлены на то, чтобы создать между обѣими державами связь въ той области, гдѣ русское правительство нуждалось въ опорѣ и искало ея.

Россіи нуженъ былъ постоянный и обширный рынокъ для размѣщенія ея займовъ. До сихъ поръ русскіе займы реализовались въ Германіи. Но съ ростомъ германской промышленности и съ развитіемъ экстенсивной торговой политики, германскій капиталъ устремился на завоеваніе заокеанскихъ рынковъ и на питаніе широко развивавшагося производства. Кромѣ того, правительству пришлось очень болѣзненно почувствовать свою финансовую зависимость отъ германскаго рынка; въ моменты острыхъ кризисовъ имперскій и частные банки начали суживать или совершенно закрывать кредитъ подъ русскія государственныя бумаги. При посредствѣ двухъ дѣльцовъ, датчанина банкира Госкье и извѣстнаго Ціона были налажены переговоры о перенесеніи русскихъ займовъ во Францію,—переговоры, сразу встрѣтившіе очень благопріятный пріемъ въ Петербургѣ. Подъ покровомъ строжайшей тайны министръ финансовъ Вышнеградскій подготовилъ выпускъ русскихъ бумагъ на французскомъ рынкѣ. Первый заемъ въ номинальной суммѣ въ 500 милл. франковъ былъ выпущенъ въ іюнѣ 1888 г. Это былъ рѣшительный и рѣшающій шагъ. Громадная взаимная зависимость между русскимъ и германскимъ товарными рынками, не допускающая ни со стороны Германіи, ни со стороны Россіи длительнаго серьезнаго политическаго антагонизма, невыгодно усугублялась для русскаго правительства зависимостью финансовой. Теперь отношенія уравновѣшивались; наступала эпоха финансовой независимости, позволявшая развертывать политическую дѣятельность государства съ большей самостоятельностью. Разъ Россія находила во Франціи финансовую опору, давая ей взамѣнъ опору политическую, экономическая связь ея съ Германіей обезпечивала европейскій миръ лучше, чѣмъ какіе-либо писанные договоры или личныя желанія благомыслящихъ людей. Постановленное на эту основу, русско-французское сближеніе быстро развивалось; русское правительство, встрѣчая во Франціи неутомимую готовность покрывать его денежныя нужды, все шире и шире начало пользоваться французскимъ рынкомъ. До момента заключенія союза (10 августа 1891 г.) были реализованы: въ 1888 г. упомянутый заемъ въ 500 милл. фр., въ 1889 г. два займа—въ 700 и 1.200 милл. фр., въ 1890 г. три на сумму въ 700 милл. фр., въ 1891 г. два въ 820 милл. фр. Вступая въ союзъ, Франція была уже кредиторомъ Россіи почти на 4 милліарда фр.

Въ слѣдующія затѣмъ 15 лѣтъ (включая заемъ 1906 г. въ 1.200 милл. фр.) на французскомъ рынкѣ было непосредственно помѣщено русскихъ займовъ на 4.022 милл. фр. [1]). Отсюда видно, какой щедрый золотой дождь проливала Франція въ Россіи въ годы сближенія. Она покупала союзъ суммой, почти равной контрибуціи 1870 г., которая дала такой мощный толчокъ промышленному развитію Германіи; но эту сумму третья республика помѣщала на прочный денежный и высокій политическій процентъ. Одновременно съ этой финансово-политической операціей французское правительство старалось сгладить „предразсудки“, отталкивавшіе руководящіе петербургскіе круги отъ сближенія съ республиканцами. Съ этой цѣлью былъ оказанъ рядъ нарочитыхъ любезностей и услугъ. Флокэ, крикнувшій въ 1867 г. Александру II „да здравствуетъ Польша!“—въ 1887 г. устранился въ угоду русскому правительству отъ премьерства, а въ 1889 г.—отъ завѣдыванія министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Въ январѣ 1887 г. Флурансъ демонстративно заявилъ болгарской депутаціи, что ей надлежитъ прежде всего обратиться въ Петербургъ. Наконецъ, въ маѣ 1890 г. правительство республики пошло навстрѣчу всѣмъ желаніямъ русскаго правительства въ дѣлѣ „русскихъ нигилистовъ“, связанномъ съ именемъ и дѣятельностью разоблаченнаго впослѣдствіи Гартинга-Ландезена; съ 1890 г. русской политической полиціи предоставлено было во Франціи широкое покровительство. Такова была внѣшняя и внутренняя исторія франко-русскаго сближенія, завершившагося послѣ ряда манифестацій и визитовъ подписаніемъ союзнаго договора и военной конвенціи.

Неудавшаяся поправка къ дипломатическому пораженію 1877—8 г.—закончившійся крахомъ русскаго вліянія протекторатъ надъ Болгаріей—вызвала въ императорѣ Александрѣ Александровичѣ чрезвычайное личное раздраженіе противъ этой страны; австрофильство Милана и колеблющаяся политика его преемниковъ-регентовъ не располагали разсчитывать и на Сербію; Румынія вошла въ сферу вліянія, интересовъ и плановъ тройственнаго союза. Съ этой трудной политической ситуаціей на Балканахъ можно было бороться, но такимъ оружіемъ, которое для русской дипломатіи съ двадцатыхъ годовъ XIX вѣка стало недоступнымъ: отреченіемъ отъ славянофильства съ его реакціоннымъ идейнымъ содержаніемъ и переходомъ къ широко либеральной славянской политикѣ. Но всѣ пути этого перехода ведутъ черезъ польскій вопросъ. Въ этой очевидности, можетъ-быть, больше, чѣмъ въ личномъ раздраженіи, крылась разгадка рѣшительнаго „ухода“ Россіи съ Ближняго

---

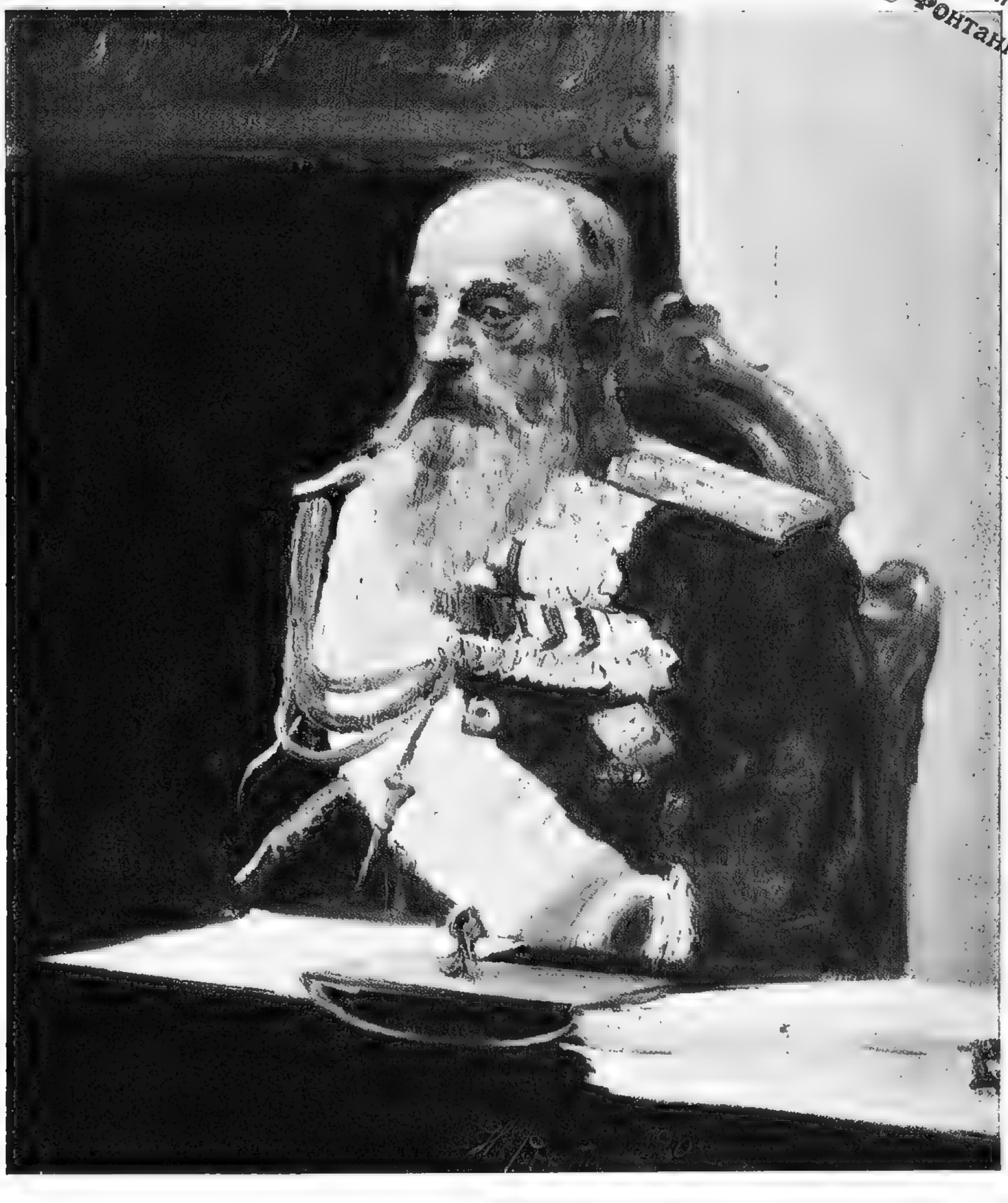
[1]) Около 4 милл. фр. французскаго капитала было, кромѣ того, вложено въ промышленныя предпріятія и городскіе займы. Весь французскій капиталъ, помѣщенный въ русскія бумаги и предпріятія, оцѣнивается въ 12—13 милліардовъ фр.

Рѣпинъ. Великій князь Михаилъ Николаевичъ.

Музей Александра III.

Ғарышқа. ВСАНКИН ХИЗЗ МАКСИМ НИКОЛАЕВИЧ. Жүзін ақтөбеліктер ІІІ.

БИБЛІОТЕКА СЛУЖАЩИХЪ
Управленія ж. д.
Фонтанка, 117.

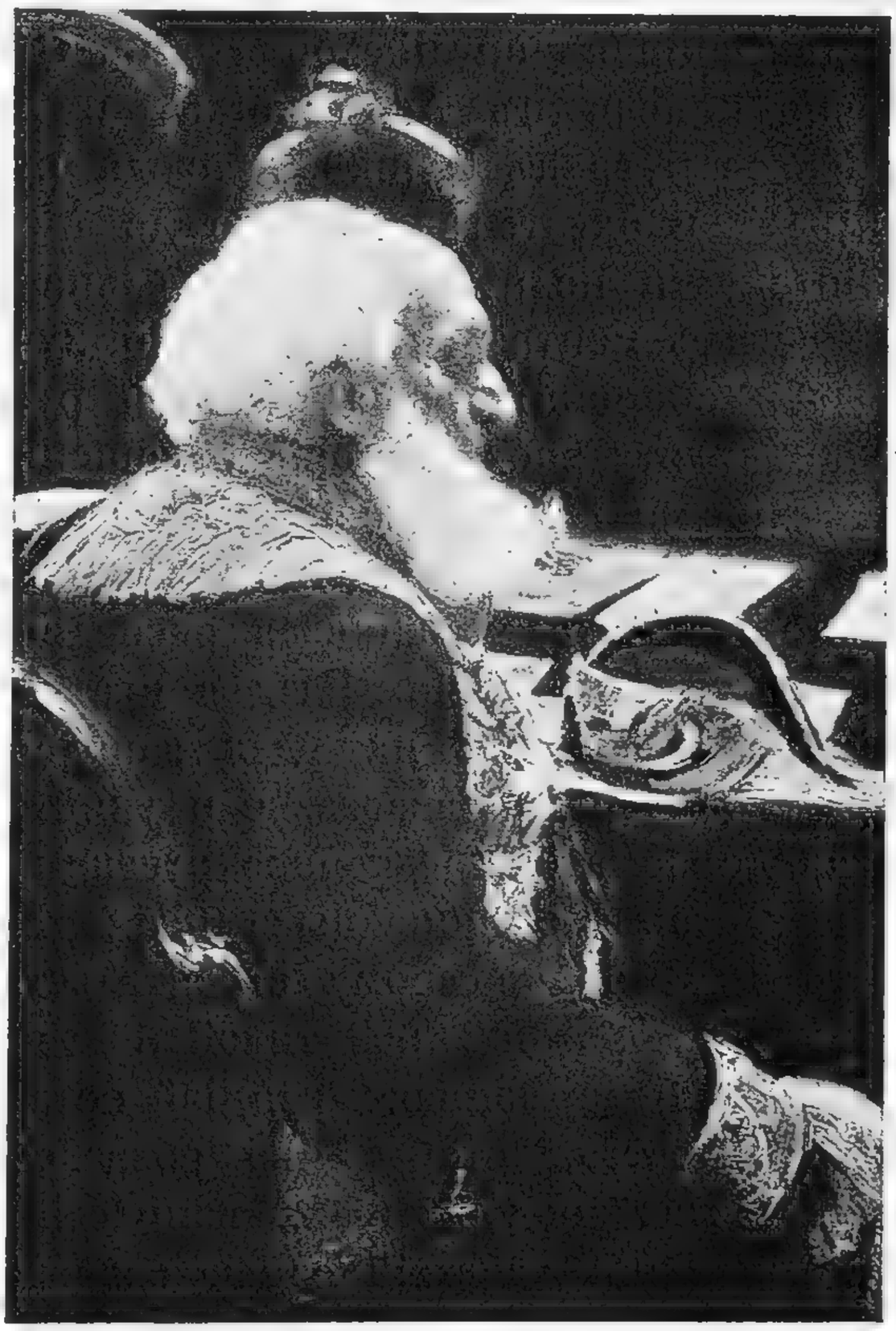


Post-Processing

Востока, намѣтившагося въ 1887 г. и послѣдовательно осуществлявшагося почти двадцать лѣтъ. Внѣшняя политика государства была обращена на иныя задачи, которыя, по мнѣнію ея руководителей, не стоятъ въ прямой связи съ тѣмъ или инымъ разрѣшеніемъ острыхъ внутреннихъ проблемъ. Именно въ эпоху мира, вѣрнѣе затишья европейскихъ затрудненій, наконецъ, устраненныхъ русскимъ „уходомъ“ съ Балканъ и образованіемъ уравновѣшивающаго германскую гегемонію двой-

ственнаго союза, была развита энергичная имперіалистическая политика въ Азіи, столкнувшая Россію съ Англіей въ рѣшительной борьбѣ.

Громадный приливъ иностраннаго капитала далъ правительству возможность перестроить денежное обращеніе, расширить и усилить источники обыкновенныхъ доходовъ и поднять до исключительной высоты смѣту чрезвычайныхъ государственныхъ расходовъ. Однимъ изъ важнѣйшихъ въ политическомъ отношеніи послѣдствій вновь пріобрѣтенной правительствомъ почти безпредѣльной расширяемости бюджета былъ переходъ отъ частнаго къ государственному желѣзнодорожному строительству. Привлекая иностранный, главнымъ образомъ, французскій и бельгійскій капиталъ высокой доходностью питаемыхъ казенными заказами металлургическихъ и сопредѣльныхъ съ ними предпріятій, правительство одновременно создало видимость высокаго промышленнаго расцвѣта. Въ странѣ наступила эпоха очень высокой экономической конъюнктуры, несмотря на повторявшіеся грозные симптомы обнищанія внутренняго рынка. Въ области внѣшней политики такое направленіе дѣятельности государства выразилось въ поискѣ внѣшнихъ рынковъ, въ имперіалистическомъ натискѣ по линіи наименьшаго, казалось, сопротивленія въ Азію. Щедро питаемый французской биржей, русскій имперіализмъ нашелъ здѣсь новую форму политическаго и экономическаго проникновенія, форму,—если не вполнѣ оригинальную,



П. П. Семеновъ. Рѣпина. (Музей Александра III.)

то лишь въ русской практикѣ получившую впервые широкое и послѣдовательное развитіе. По всѣмъ линіямъ русскаго движенія на азіатскій Востокъ русская политика выдвинула желѣзнодорожную политику въ качествѣ могущественнаго орудія наступленія и обороны.

Получившая полное развитіе въ слѣдующемъ царствованіи, политика эта въ основныхъ своихъ чертахъ была разработана и намѣчена при императорѣ Александрѣ III. Такъ, средне-азіатская желѣзная дорога явилась какъ бы культурнымъ и усовершенствованнымъ воплощеніемъ идей М. Д. Скобелева о движеніи къ англійской Индіи. Отъ этой дороги, какъ отъ базиса, исходили поиски къ Афганистану и Хорассану; какъ щупальца, протягивались ея пути къ Кушкѣ, приводя русское оружіе и русскіе товары къ Памирамъ и охватывая Персію до Мешхеда, почти до Сеистана, гдѣ великобританская политика чувствительна такъ же, какъ въ высокихъ нагорныхъ областяхъ центральной Азіи. Но лучше всего характеризуетъ наступательныя и оборонительныя функціи русской азіатской желѣзнодорожной политики въ эту эпоху исторія отношеній съ Персіей.

Послѣ Берлинскаго конгресса Англія пыталась получить у шаха желѣзнодорожныя концессіи на востокѣ и югѣ Персіи. Но Россія рѣзко протестовала. Ахалъ-текинская экспедиція имѣла результатомъ ростъ русскаго престижа въ Персіи. Владѣя кратчайшими торговыми путями въ сѣверную Персію и закрывъ ихъ для западно-европейскихъ товаровъ запрещеніемъ транзита черезъ Закавказье и уничтоженіемъ порто-франко въ Батумѣ, русская дипломатія обезпечила русскимъ товарамъ монопольный рынокъ и поэтому скорѣе склонна была поддерживать бездорожье, чѣмъ благопріятствовать желѣзнодорожному строительству. Между оборонительной и наступательной дорожной политикой и колебались ея планы. Выраженіемъ первой явилась поддержанная Франціей нота 1888 г., потребовавшая отъ персидскаго правительства, чтобы оно обязалось втеченіе 15 лѣтъ никому не выдавать желѣзнодорожныхъ концессій безъ согласія русскаго правительства. Вторая линія дѣйствій нашла свое выраженіе въ проектѣ Хомякова, Третьякова, Корфа и Палашковскаго (1889 г.) постройки чисто наступательной желѣзной дороги отъ Решта до бухты Чахбаръ на Индійскомъ океанѣ; за предпринимателями стояли французскіе банки. Проектъ пользовался поддержкой придворныхъ сферъ, и во время путешествія шаха Насръ-Эддина получилъ его санкцію. Онъ не осуществился только вслѣдствіе протеста министра иностранныхъ дѣлъ Гирса, указавшаго, что эта постройка неминуемо приведетъ къ столкновенію съ Англіей.

Русское проникновеніе въ Азію не ограничивалось натискомъ съ этой стороны. Выдвинуты были подходы къ Монголіи, къ китайскому Туркестану. Все это въ частности и вмѣстѣ взятое развивалось въ обширную картину политической и экономической борьбы съ Англіей, вліяя на всю систему между-

народныхъ отношеній въ Европѣ. Франція находилась въ такомъ же рѣзкомъ конфликтѣ съ британской политикой изъ-за колоніальнаго расширенія въ Африкѣ. Англія, тяжело уже чувствуя повсемѣстное промышленное соперничество Германіи, боровшейся съ нею на ея исконныхъ рынкахъ и въ ея монопольной области, морской торговлѣ, не имѣла поэтому возможности сдѣлать политическихъ выводовъ изъ этого антагонизма. Острая борьба съ державами двойственнаго союза заставляла ее вести компромиссную политику въ Европѣ, гдѣ для нея, несомнѣнно, уже намѣчалась новая политическая оріентація.

Новое царствованіе въ Россіи приняло, такимъ образомъ, отъ эпохи Александра III развитую уже и твердо намѣченную имперіалистическую тенденцію. Начатая постройка Сибирской магистрали дала лишь возможность развернуть въ болѣе широкомъ масштабѣ и въ новой области выработанные ранѣе пріемы и методы. Важнѣйшіе факты внѣшней политики до японской войны вполнѣ согласовались съ этимъ унаслѣдованнымъ курсомъ.

Возбудившее много надеждъ примиреніе съ Болгаріей отнюдь не измѣнило основной окраски дѣйствій русской дипломатіи на Балканахъ. Развившееся въ Македоніи революціонное движеніе не позволяло Россіи оставаться вполнѣ инертной. Но всѣ старанія нашей дипломатіи свелись къ тому, чтобы избѣгнуть всякихъ осложненій изъ-за балканскихъ дѣлъ и обезпечить себѣ свободу дѣйствій на азіатскомъ Востокѣ. Рядъ соглашеній съ Австріей далъ Россіи эту свободу за счетъ ея вліянія и престижа среди славянскихъ народностей полуострова. Главнымъ выигрышемъ было то, что эти соглашенія создавали особенно дружественныя и мирныя связи съ Германіей, уже всемѣрно поддерживавшей Австрію въ ея балканской политикѣ. Германскій имперіализмъ захватилъ въ Турціи то мѣсто, за которое боролись нѣкогда Россія и Англія. Уже Германія выступала защитникомъ суверенитета султана противъ Англіи, защищавшей интересы христіанскихъ народностей имперіи. Но близость съ Германіей облегчала возможность движенія въ Азію, и Россія молчаливо попускала такую перемѣну на Ближнемъ Востокѣ.

Въ началѣ новаго царствованія значительно усилились старанія развить наступательную политику въ Персіи. Были сдѣланы даже попытки проникнуть въ главную область англійскихъ интересовъ и англійскаго вліянія, въ Персидскій заливъ. Русская дипломатія одно время мечтала даже о захватѣ выходовъ къ персидскому заливу и интриговала съ этой цѣлью въ Ковейтѣ. Но персидскія дѣла скоро отошли на задній планъ. Первое мѣсто заняли дѣла Дальняго Востока.

Во время японско-китайской войны Россія выступила въ роли покровительницы имперіи богдыхана. Остановивъ натискъ Японіи и лишивъ ее

плодовъ ея побѣдъ, Россія быстро установила своего рода протекторатъ надъ смятеннымъ своимъ пораженіемъ китайскимъ правительствомъ. Протекторатъ былъ далеко не безкорыстнымъ. Въ это именно время русскій телеграфъ былъ соединенъ съ китайскимъ и былъ учрежденъ русско-китайскій банкъ, вскорѣ получившій концессію на постройку желѣзныхъ дорогъ въ Манчжуріи. Въ русской политикѣ уже намѣтился планъ лучшаго выхода къ Тихому Океану, чѣмъ весьма сомнительный по своимъ торговымъ качествамъ выходъ, осуществленный окончаніемъ Сибирской магистрали въ Владивостокѣ. Толчокъ къ дальнѣйшей реализаціи этого плана далъ захватъ Германіей намѣченнаго уже русской дипломатіей порта Кіао-чао на Шандунскомъ полуостровѣ. 15 марта 1897 г. былъ подписанъ договоръ объ арендѣ Россіею Ляодунскаго полуострова съ портами Артуромъ и Таліенваномъ (Дальнимъ). Россія вышла на Печилійскій заливъ. Стратегическое значеніе этого пріобрѣтенія по отношенію къ Пекину было парализовано Англіей, захватившей черезъ мѣсяцъ портъ Вей-хай-вей. Но оба эти захвата привели къ раздѣлу сферъ вліянія: въ апрѣлѣ 1899 г. состоялось англо-русское соглашеніе, по которому Англія признала за Россіей исключительное право постройки желѣзныхъ дорогъ въ застѣнномъ Китаѣ взамѣнъ такого же признанія ея правъ на постройки въ долинѣ Янъ-цзы-цзяна. Такимъ образомъ, устранивъ изъ соперничества за китайскую добычу Японію, Россія безъ конкурентовъ, казалось, пріобрѣтала новую область расширенія въ Манчжуріи. Корея, относительно которой между Россіей и Японіей въ 1896 г. была заключена своеобразная сдѣлка на основѣ признанія равенства особыхъ правъ и преимуществъ обѣихъ державъ, предназначена была теперь служить компенсаціей Японіи за русское водвореніе въ Манчжуріи: въ 1898 г. было заключено въ этомъ смыслѣ соглашеніе, обезпечивавшее японцамъ преимущественное экономическое использованіе Кореи. Боксерское возстаніе 1900 г. дало Россіи возможность завершить начатое дѣло: Манчжурія была занята подъ предлогомъ охраны сооруженій Восточно-Китайской желѣзной дороги.

Между тѣмъ Японія, развивавшая энергичную промышленную и политическую работу въ Кореѣ, была встревожена явными поползновеніями со стороны Россіи на эту страну, въ которой японцы видѣли свою непререкаемую долю послѣ раздѣла 1897—8 гг. Несомнѣнный поводъ къ такой тревогѣ давала лѣсная концессія на пограничной съ Манчжуріей рѣкѣ Ялу, полученная частной компаніей во главѣ съ статсъ-секретаремъ Безобразовымъ, но пользовавшаяся дипломатической поддержкой со стороны Россіи и даже Франціи, нѣкоторые вліятельные дѣятели которой были въ ней заинтересованы. Японія выступила тогда, обмѣнявшись традиціоннымъ дипломатическимъ пріемомъ ролями съ Россіей, защитницей неприкосновенности и цѣлости Китая. Ей удалось обезпечить себѣ поддержку Соединенныхъ

Штатовъ, съ неудовольствіемъ смотрѣвшихъ на появленіе новаго конкурента на тихоокеанскомъ торговомъ просторѣ, и Англіи, крайне раздраженной русскими интригами въ Тибетѣ. Послѣ ряда настойчивыхъ представленій со стороны этихъ державъ Россія согласилась очистить Манчжурію и назначила даже срокъ эвакуаціи—3 октября 1903 г.

Съ 1901 г. подъ вліяніемъ дальневосточныхъ дѣлъ, съ одной стороны, и намѣтившагося, наконецъ, сближенія Франціи съ Англіей, съ другой, въ русской политикѣ впервые ставится вопросъ о прочномъ соглашеніи, которое бы расширило систему двойственнаго союза. Острый поводъ къ такой постановкѣ вопроса далъ германскій проектъ Багдадской желѣзной дороги. Въ руководящихъ сферахъ боролись два теченія: одно, которое почти единолично представлялъ Витте, стояло за сближеніе съ Англіей, другое, гонявшееся, по мѣткому выраженію Драгомирова, за „манчжурскимъ, корейскимъ, монгольскимъ, тибетскимъ и персидскимъ зайцами“, прислушивалось къ внушеніямъ изъ Берлина, толкавшимъ Россію на азіатскій Востокъ, на повсемѣстное столкновеніе съ англійскими интересами. Къ этой же эпохѣ принадлежитъ и рѣшающій эпизодъ въ русскихъ отношеніяхъ съ Японіей. Тамъ также боролись двѣ партіи, одна, стоявшая за войну, другая—за соглашеніе съ Россіей. Главный сторонникъ примирительной политики, маркизъ Ито въ ноябрѣ 1901 г. предлагалъ мирный раздѣлъ сферъ вліянія; великолѣпнымъ поводомъ къ соглашенію и сближенію съ Японіей была въ этотъ моментъ нужда японскаго правительства въ займѣ. Но въ Петербургѣ наши имперіалисты затянули дѣло; Ито послѣ безплодныхъ переговоровъ уѣхалъ въ Лондонъ. Тамъ заемъ былъ немедленно заключенъ, 15 января Англія заявила въ Пекинѣ совмѣстно съ Японіей протестъ противъ русской оккупаціи Манчжуріи, а 30 января былъ подписанъ англо-японскій союзъ. 20 марта 1902 г. Франція дала вмѣстѣ съ Россіей отвѣтъ на англо-японскую ноту, который, къ несчастью, давалъ поводъ думать, что въ случаѣ войны Россія можетъ разсчитывать на свою союзницу. Весь 1903 годъ, то замирая, то обостряясь, шли между Россіей и Японіей переговоры объ эвакуаціи Манчжуріи. До послѣдняго момента возможно было покончить дѣло миромъ, истолковавъ въ смыслѣ желаній Японіи соглашеніе 1898 г. о Кореѣ. Но этого не допустили закулисныя англійскія биржевыя и политическія вліянія, дѣйствовавшія заодно съ японскимъ посломъ виконтомъ Гайаши. 19 января французскому и лондонскому кабинетамъ было сообщено, что Россія предоставляетъ Японіи всю Корею и открываетъ всю Манчжурію для международной торговли, но съ условіемъ, чтобы японцы не возводили укрѣпленій на Ялу и на корейскомъ побережьи. На слѣдующій день при открытіи парламента въ тронной рѣчи было дано понять, что англійское правительство считаетъ невозможнымъ не принять русскаго предложенія. Война казалась предотвращенной. Донесеніе вик. Гайаши было получено въ Токіо

21 января. Было очевидно, что въ теченіе нѣсколькихъ дней политическое положеніе можетъ измѣниться; англійское правительство будетъ поставлено въ необходимость поддерживать мирное разрѣшеніе конфликта. На это настойчиво указывали изъ Лондона. Стоявшая у власти военная партія вняла этимъ указаніямъ. 22 января императорскій совѣтъ рѣшилъ прервать переговоры, ссылаясь на затяжки со стороны Россіи. Это было формально исполнено 24 января, за нѣсколько часовъ до полученія русской ноты, о скоромъ прибытіи которой знали. 27 января 1904 г. началась война.

Исторія русско-японской войны и ея политическихъ послѣдствій — это исторія текущаго момента. Она еще внѣ предѣловъ историческаго опредѣленія; она вся еще въ дѣйствіи.

Заключая этотъ краткій очеркъ послѣдняго періода русской внѣшней политики, мы должны только отмѣтить, что пораженіе Россіи было учтено для перестройки европейскихъ международныхъ отношеній на основѣ уже ранѣе выяснившихся реальныхъ данныхъ. Въ центрѣ политической ситуаціи сталъ въ полной силѣ англо-германскій антагонизмъ. Отсюда вытекли соглашеніе Англіи съ Франціей объ ихъ африканскихъ спорахъ и сближеніе ея съ двойственнымъ союзомъ послѣ войны, когда Россія съ готовностью пошла на миролюбивый раздѣлъ сферъ вліянія въ Азіи. Дальнѣйшимъ послѣдствіемъ было возвращеніе Россіи въ Европу, т.-е. на Ближній Востокъ, и возрожденіе русскаго имперіализма въ Персіи. Первое — въ связи съ турецкой революціей — привело Россію къ неудачному столкновенію съ Австріей. Второе — закончилось соглашеніемъ съ Германіей, предоставившей Россіи взамѣнъ торговыхъ выгодъ въ Персіи и согласія на достройку багдадской линіи свободу политическаго воздѣйствія на сѣверную Персію. На Дальнемъ Востокѣ передъ Россіей стояла альтернатива: занять вмѣстѣ съ Соединенными Штатами роль покровительницы Китая противъ Японіи, или вмѣстѣ съ Японіей ждать развитія событій въ Китаѣ, чтобы закрѣпить и расширить оставшіяся послѣ войны свои пріобрѣтенія. Избранъ былъ второй путь. Отличительной чертой русской внѣшней политики этого новѣйшаго періода является стремленіе вернуться на старые историческіе пути, но стремленіе колеблющееся, лишенное увѣренности, прочности и послѣдовательности. Между тѣмъ исторія не подвела итога еще ни одной изъ основныхъ задачъ русской внѣшней политики. На Ближнемъ Востокѣ не дано даже послѣдней войной рѣшенія славянскаго вопроса, и то, что Россія могла бы сдѣлать для славянскаго міра, остается не сдѣланнымъ, потому что основа исторической роли Россіи въ дѣлѣ славянскаго объединенія все еще не заложена. На Среднемъ Востокѣ позиціи Россіи далеко выдвинуты впередъ и какъ будто прочно обезпечены, но что онѣ дадутъ Россіи и

чего будутъ ей стоить, скажетъ только будущее, зависящее не отъ дипломатовъ, а отъ промышленнаго и, слѣдовательно, общаго прогресса страны. На Дальнемъ Востокѣ подъ русскимъ покровительствомъ создалось новое государство, новая область вліянія — Монголія; и тамъ, и въ Манчжуріи каждое движеніе Россіи сторожитъ пробудившійся къ новой жизни и накопляющій силы Китай.

Проблемы будущаго поставлены и въ Европѣ, и въ Азіи; но рѣшенія ихъ темны. Можетъ быть, Россіи предстоятъ великія испытанія, великія усилія. Готова ли будетъ громадная страна, лежащая между Европой и Азіей, къ полному напряженію всѣхъ силъ своихъ и средствъ, когда пробьетъ его часъ? Все кругомъ ея кипитъ лихорадочной жизнью, воля народовъ въ поискѣ лучшаго будущаго устремлена къ развитію, къ самоопредѣленію, къ мощи. Россія идетъ впередъ, но достаточно ли скоро, не обгонятъ ли ее даже въ Азіи? Тревожные вопросы, поставленные на исходѣ третьяго столѣтія взятаго нами періода, глубоко смущаютъ тѣхъ, кому ясны предстоящія Россіи испытанія. Но какъ ни законна тревога—ей есть предѣлъ. Въ жизни великаго народа всегда дремлетъ рядомъ съ бодрствующей, дѣйствующей, успѣвающей и ошибающейся дипломатіей возможность великихъ проявленій. 1612 и 1812 годъ доказали это для Россіи. Тяжкій млатъ исторіи, можетъ-быть, не разъ еще раздробитъ стекло дипломатическихъ построеній и чаяній, но его удары, какъ бы грозны они ни были, падутъ на булатъ.

Л. Гальберштадтъ.

II.

Внутренняя политика.

Роковой гранью между свѣтлой эпохой реформъ и долгими сумерками реакціи остался въ памяти русскаго общества день 1 марта 1881 года. Это давно разъясненное искаженіе исторической перспективы упорно живетъ въ массовомъ сознаніи, потому что имѣетъ подъ собою прочную психическую основу. Какъ сужденіе, оно невѣрно. Какъ впечатлѣніе — безспорно. До 1 марта въ правительственной политикѣ были явныя для всѣхъ колебанія, и въ обществѣ не угасали надежды на близость „коренной реформы“, на неизбѣжность скораго „увѣнчанія зданія“; этихъ ожиданій не смущали самыя явныя реакціонныя мѣры. Послѣ 1 марта надежды угасли. Очень скоро въ дѣйствіяхъ правительства обнаружилась такая неуклонная послѣдовательность въ проведеніи разъ принятаго имъ курса, что для громаднаго большинства эпоха реформъ сразу отодвинулась въ историческую даль, осіянную романтическими огнями благодарной памяти и скорбныхъ сожалѣній. И границей между прошлымъ и настоящимъ въ сознаніи общества стало событіе 1 марта.

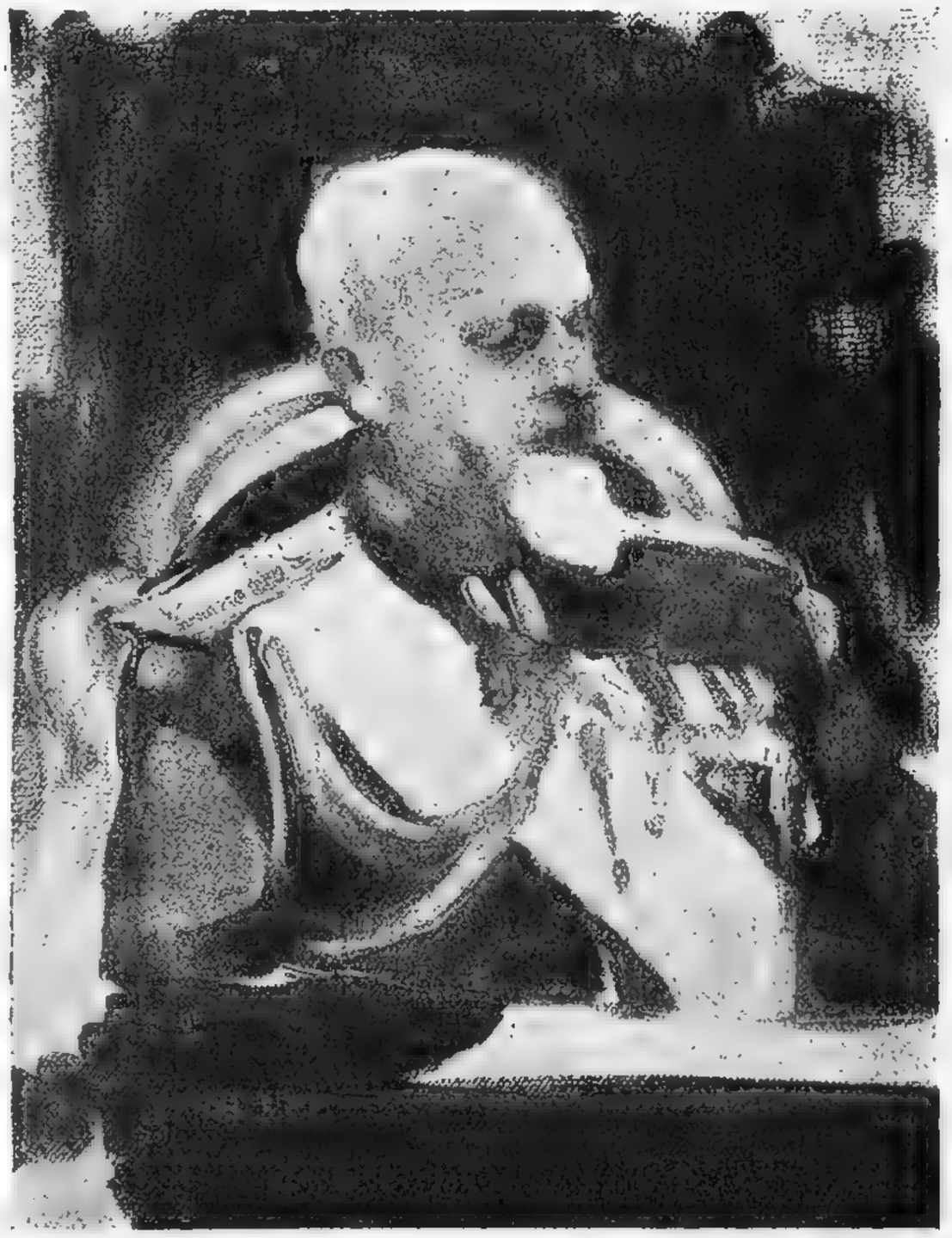
Новое царствованіе, дѣйствительно, скоро отвѣтило знаменитому призыву М. Н. Каткова: „правительство вернулось“. Отличительной чертой правительственной политики сдѣлались связность и послѣдовательность основныхъ мѣропріятій и твердое проведеніе ихъ въ жизнь. Къ правленію императора Александра Александровича современники примѣнили, какъ извѣстно, двѣ радикально противоположныхъ оцѣнки, не допускающихъ, повидимому, средняго сужденія. Это происходитъ потому, что его царствованіе было, дѣйствительно, яркимъ, выразительнымъ; оно производило и оставило впечатлѣніе. И эта черта, выдѣляющая эпоху Александра III изъ русской исторіи второй половины XIX вѣка, не ослабляется даже точнымъ установленіемъ того факта, что имъ и его помощниками не было задумано и проведено ни одной почти ликвидаціонной мѣры, не намѣченной уже въ предшествовавшее царствованіе. Въ исторіи народовъ, какъ и въ дѣятельности отдѣльныхъ людей, важно не только „что“, но и „какъ“.

Въ первое время новаго царствованія былъ недолгій періодъ, когда возможны еще были нѣкоторыя сомнѣнія въ будущемъ курсѣ правительства. И не только для широкихъ круговъ общества. Гр. М. Т. Лорисъ-Меликовъ имѣлъ основаніе не считать своего „конституціоннаго“ проекта погребеннымъ. Новый государь сдѣлалъ на его докладѣ одобрительную помѣтку. Нѣкоторые изъ основателей „Священной Дружины“, тайнаго охранительнаго общества для борьбы съ тайными революціонными организаціями, смутно намѣчали идею созыва Земскаго Собора, съ очень примѣчательнымъ опозданіемъ предложенную гр. Н. П. Игнатьевымъ въ 1882 г. Между тѣмъ политическое міровоззрѣніе Александра Александровича было хорошо извѣстно въ придворно-бюрократическихъ кругахъ. Еще до январской комиссіи 1881 г. Валуевъ, напримѣръ, имѣлъ случай убѣдиться, что наслѣдникъ относится рѣзко отрицательно къ „конституціонализму“. Въ комиссіи онъ занялъ непримиримо оппозиціонную позицію по отношенію ко всѣмъ проектамъ „коренного преобразованія“, какъ бы умѣренны они ни были, какимъ бы мнимымъ ни намѣчалось ими „преобразованіе“. Теперь почти неопровержимо ясно, что съ марта 1881 г. по апрѣль 1882 г. государь, имѣя совершенно опредѣленные взгляды на то, что бы надлежало дѣлать, занималъ выжидательное положеніе, желая установить, насколько возможно провести въ жизнь отвѣчающую его политическому міросозерцанію программу. Въ такомъ, очевидно, настроеніи выслушивалъ онъ въ историческомъ тайномъ совѣщаніи 8 марта и защитниковъ „преобразованія“, великаго князя Константина Николаевича, Абазу, Валуева, Милютина и др., и рѣшительныхъ его противниковъ, Строгонова и Побѣдоносцева. Наконецъ, рѣшеніе его было принято. Императоръ убѣдился, что возможное общественное противодѣйствіе не такъ прочно орга-

БИБЛІОТЕКА СЛУЖАЩИХЪ
Управленія ж. д.
С126 Фонд. №
117.

Рѣпинъ. Гр. С. Ю. Витте. Музей Александра III.

низовано, какъ могло казаться и казалось многимъ, въ событіи 1 марта видѣвшимъ новое доказательство необходимости „уступки“. 29 апрѣля 1882 г. былъ опубликованъ манифестъ, возвѣстившій о намѣреніи государя утверждать и охранять для блага народнаго истину самодержавной власти отъ всякихъ на нее поползновеній. Манифестъ былъ написанъ Катковымъ и Побѣдоносцевымъ, идеологами твердой власти и тріединой основы русской самобытности: „самодержавія, православія, народности“. Лорисъ-Меликовъ, Абаза и Милютинъ вышли въ отставку. Смѣнившій Лорисъ-Меликова на посту министра внутреннихъ дѣлъ гр. Игнатьевъ удержался очень недолго; не понявъ духа новаго царствованія, онъ предложилъ обратиться въ борьбѣ съ революціей къ обществу путемъ созыва совѣщательнаго Земскаго Собора. На его мѣсто назначенъ былъ гр. Д. А. Толстой. Дѣйствительная исторія новаго царствованія началась съ этого момента.



П. С. Ванновскій. Рѣпина. (Музей Александра III.)

Впрочемъ, первая рѣшительная и многое опредѣляющая мѣра была принята еще раньше. 14 августа 1881 г. было издано „положеніе о мѣрахъ по охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія“. Но эти „временныя“ правила, пережившія своихъ творцовъ, являлись непосредственнымъ отзвукомъ на событія, почти физической реакціей, почти непроизвольнымъ жестомъ самообороны. Затѣмъ послѣдовалъ еще рядъ мѣръ, имѣвшихъ цѣлью устранить непосредственныя причины, вызывавшія недовольство и броженіе въ широкихъ массахъ, въ крестьянствѣ и среди фабрично-заводскихъ рабочихъ. Всѣ эти выступленія правительства достаточно ярко опредѣляли характеръ его политики, но еще не выдвигали его программы. Съ 1882 же г. начинается рядъ программныхъ дѣйствій, рядъ послѣдовательныхъ и систематическихъ мѣропріятій, имѣвшихъ цѣлью какъ „исправить ошибки прошлаго“, такъ и „упрочить будущее“. Новаго, не намѣченнаго и не высказаннаго раньше, въ нихъ не было ничего. Легко прослѣдить органическую связь всего охранительнаго и ликвидаціоннаго за-

конодательства императора Александра III съ сужденіями Валуевскаго „особаго совѣщанія“ 1879 года. Тогда говорилось и о необходимости поддержать экономическими мѣрами помѣстное дворянство, и объ усиленіи административнаго воздѣйствія на земское и городское самоуправленія, и о вредности мирового суда и института присяжныхъ засѣдателей, и о вредѣ дешевой платы за ученье, и о пользѣ передачи народнаго образованія въ руки духовенства, объ отмѣнѣ университетской автономіи, объ обузданіи печати, и т. п. Основная тенденція совѣщанія выдвинула и тотъ принципъ, который былъ потомъ положенъ въ основу политики новаго царствованія: охранительныя мѣропріятія должны быть обоснованы на защитѣ экономическихъ интересовъ тѣхъ общественныхъ группъ, которыя являются естественной опорой порядка. Традиціонная идеологія монархической государственности не могла не постановить во главѣ владѣльческаго класса помѣстнаго дворянства. Поэтому политика новаго царствованія была не только консервативной, но и опредѣленно сословной.

Вытекавшія отсюда мѣропріятія проведены были въ слѣдующемъ порядкѣ. За изданіемъ положенія 14 августа послѣдовали мѣры того же предохранительнаго характера. 28 декабря 1881 г. переходъ крестьянъ на выкупъ былъ сдѣланъ обязательнымъ, и выкупные платежи были понижены. Эта мѣра въ значительной степени была продиктована глухимъ броженіемъ въ крестьянскихъ массахъ, волновавшихся—особенно послѣ войны—ожиданіемъ „прирѣзки“. Независимо отъ его мотивовъ, законъ 28 декабря, дѣйствительно, немало давалъ крестьянству, такъ какъ пониженіе выкупныхъ платежей превышало въ среднемъ ихъ четвертую часть. Въ маѣ 1882 же г. была понижена подушная подать, а въ 1885 г. совершенно отмѣнена. Очень опредѣленной въ томъ же направленіи мѣрой было учрежденіе Крестьянскаго банка (18 мая 1882 г.), открывшее болѣе или менѣе состоятельной части крестьянства возможность удовлетворять потребность въ землѣ, чѣмъ она отдалялась отъ мятежныхъ мечтаній о „прирѣзкѣ“ и въ то же время, отслаиваясь отъ неимущей массы, должна была составить консервативный слой сельской буржуазіи. Но эта первая попытка „ставки на сильныхъ“ на „хозяйственныхъ мужичковъ“ крыла въ себѣ скоро обнаружившуюся опасность. Къ содѣйствію банка стали обращаться не только наиболѣе состоятельные и устойчивые въ политическомъ отношеніи элементы деревни; крестьянство въ массѣ ринулось къ новой возможности раздобыть землю. Съ другой стороны, зарвавшееся въ частномъ поземельномъ кредитѣ и ослабленное неумѣлымъ и неудачнымъ примѣненіемъ своего хозяйства къ развившимся послѣ отмѣны крѣпостного права новымъ экономическимъ условіямъ, помѣстное дворянство широко воспользовалось вновь открывшимся обширнымъ спросомъ на землю, быстро къ тому же поднявшимъ среднія на нее цѣны. Результатомъ явилась такая усиленная ликвидація дворянскаго

землевладѣнія, что ей вскорѣ начали ставить препоны, и дѣятельность Крестьянскаго банка была сокращена. На смѣну этой попыткѣ явилась переселенческая политика.

Охранительными же мотивами были продиктованы и мѣры къ улучшенію быта фабрично-заводскихъ рабочихъ, главной изъ которыхъ было учрежденіе фабричной инспекціи. Это совершенно откровенно было высказано въ 1886 г. гр. Д. А. Толстымъ.

Въ полномъ соотвѣтствіи съ высказанными въ 1879 г. взглядами на причины общественнаго броженія было парализовано „вредное вліяніе печати“. Временныя правила 1882 г., дѣйствовавшія до 1905 г., не только чрезвычайно усилили надзоръ за печатью и до крайности сузили возможность легальнаго выраженія нежелательныхъ съ правительственной точки зрѣнія взглядовъ, но были сильно ограничены и предѣлы распространенія книгъ. Съ этой цѣлью заведены были запретительные каталоги книгъ для публичныхъ и народныхъ библіотекъ, уничтожена торговля книгами въ разносъ (запрещеніе промысла офеней) и тому подобное.

Въ области народнаго просвѣщенія были приняты мѣры, чтобы школа прежде всего служила видамъ правительства. Съ этой цѣлью въ 1884 г. былъ изданъ новый университетскій уставъ; сущность реформы заключалась въ уничтоженіи автономіи университетской коллегіи и въ подчиненіи профессуры административному надзору и воздѣйствію, какъ въ отношеніи личнаго ея состава, такъ и программы, объема и характера преподаванія. Очень опредѣлительной для духа новаго устава была его тенденція поставить студентовъ въ положеніе не членовъ университетской корпораціи, какъ нѣкоего органическаго цѣлаго, а лишь „слушателей“ и „посѣтителей“, ничѣмъ, кромѣ слушанія и посѣщенія лекцій, съ университетомъ и другъ съ другомъ не связанныхъ. Съ этой цѣлью строжайше запрещались всякія студенческія организаціи, не исключая научныхъ и благотворительныхъ. Тѣмъ же духомъ цѣлесообразности были внушены циркуляры министра народнаго просвѣщенія объ ограниченіи доступа въ среднюю школу для дѣтей малоимущихъ родителей. Совершенно послѣдовательно правительство такимъ путемъ препятствовало количественному росту необезпеченной интеллигенціи, видя въ ней по опыту кадры броженія и оппозиціи. Предметомъ специфической заботы была и народная школа. Уже въ 1879 г., какъ мы указывали, была намѣчена передача ея въ духовное вѣдомство, какъ средство заставить народную школу больше „воспитывать“, чѣмъ „учить“, воспитывать въ духѣ порядка и послушанія. На пути къ осуществленію этой задачи стояла, однако, не только министерская школа, которую легко было перечислить въ другое вѣдомство; за земской и городской школой, созданной и содержимой самоуправленіями, были обширные круги общества, которые не отдали бы ея безъ борьбы. Правительство пошло поэтому сначала обходнымъ путемъ,

увеличивая число церковно-приходскихъ школъ и ставя разнообразныя финансовыя и административныя препятствія расширенію сѣти школъ другихъ типовъ. Это дѣлалось въ очень обширныхъ размѣрахъ; ассигновка на церковно-приходскія школы съ $55^1/_2$ тысячъ въ 1882 г. дошла къ 1895 г. до 3.700.000 р. Но вмѣстѣ съ тѣмъ правительство не отказывалось и отъ радикальной реформы. Въ 1887 г. было утверждено мнѣніе Государственнаго Совѣта о порученіи министру народнаго просвѣщенія разработать вопросъ о сосредоточеніи „дѣла развитія первоначальнаго образованія въ одномъ вѣдомствѣ“ съ цѣлью изданія соотвѣтствующаго закона. Въ 1893 г. вопросъ этотъ снова былъ поднятъ въ той же формѣ. Но, если до полнаго осуществленія эта мысль не дошла, все же было сдѣлано очень многое, чтобы ввести въ народной школѣ желательный духъ. Къ этой цѣли была направлена дѣятельность административнаго контроля за употребляемыми при преподаваніи учебниками и пособіями (одобренія ученаго комитета министерства), за духомъ преподаванія вообще и за „направленіемъ“ преподавателей (надзоръ инспекторовъ народныхъ училищъ). Съ 1895 г. этотъ надзоръ былъ усиленъ введеніемъ въ училищные совѣты земскихъ начальниковъ.

Значительное мѣсто въ законодательствѣ этого періода занимаютъ мѣры по судебному вѣдомству. Онѣ коснулись, главнымъ образомъ, компетенціи суда присяжныхъ и мирового суда, гласности суда, несмѣняемости и самостоятельности судей. Дѣла политическія были къ 1886 году окончательно изъяты изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ, и даже отъ слѣдствія по нимъ были устранены судебные слѣдователи. Законъ 7 іюля 1889 г. еще болѣе сузилъ компетенцію суда присяжныхъ, передалъ рядъ дѣлъ въ вѣдѣніе кореннаго суда съ участіемъ сословныхъ представителей. Сужденіе административное, внѣ опредѣленныхъ правилъ и гарантій, было въ самыхъ широкихъ размѣрахъ выдвинуто на охрану государственнаго порядка и общественнаго спокойствія. „Положеніе“ 14 августа 1881 г. дало неограниченный просторъ внѣсудебному воздѣйствію и административной иниціативѣ въ борьбѣ съ „неблагонадежными“ элементами. Законъ 28 апрѣля 1887 г. повысилъ имущественный цензъ для присяжныхъ засѣдателей. Въ февралѣ того же года была ограничена гласность суда. Рядъ законовъ и циркуляровъ былъ затѣмъ направленъ къ усиленію надзора министра юстиціи за судебными мѣстами и судьями. Съ той же цѣлью на практикѣ почти прекратилось утвержденіе судебныхъ слѣдователей въ должности, дающее имъ по закону несмѣняемость. Наконецъ, дѣятельность мировыхъ судей была территоріально сужена до минимальныхъ размѣровъ учрежденіемъ института земскихъ начальниковъ.

Но всѣ эти мѣры, какъ ни были онѣ важны и съ точки зрѣнія правительства цѣлесообразны, играютъ второстепенную роль сравнительно съ реформами крестьянскаго управленія и земскаго и городского самоуправленій. Эти преобразованія коснулись главныхъ основаній государственнаго

строя и привели ихъ во внѣшне и внутренне стройную и связанную систему.

Относящіяся сюда мѣры преслѣдовали, при всемъ своемъ разнообразіи, одну цѣль: упроченіе строго сословнаго строя, основаннаго на консерватизмѣ матеріально заинтересованныхъ въ сохраненіи его слоевъ населенія съ помѣстнымъ дворянствомъ во главѣ. Нѣсколько односторонне, но все же очень близко къ истинѣ политику 80-хъ годовъ называютъ поэтому дворянской.

Въ самомъ началѣ царствованія, въ періодъ ознакомленія съ реальной силой охранительныхъ и оппозиціонныхъ элементовъ, была по иниціативѣ гр. Н. П. Игнатьева созвана подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря М. С. Каханова внѣвѣдомственная комиссія для составленія проекта реформы губернскаго и уѣзднаго управленія. Въ комиссію были приглашены нѣкоторые „представители общества“, свѣдущія лица изъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Несмотря на значительныя противорѣчія въ сужденіяхъ комиссіи, несмотря даже на то, что выводамъ и рѣшеніямъ, къ которымъ она пришла, не дано было официальнаго хода, она сильно повліяла на законодательство слѣдующихъ лѣтъ. Такое вліяніе оказала рѣзко выдвигавшаяся въ комиссіи, именно этими „мѣстными дѣятелями“—очень опредѣленная по духу, не новая, правда, но пришедшаяся ко времени программа созданія на мѣстахъ твердой власти путемъ обширнаго привлеченія къ ней дворянства. Изъ этой программы вытекли три главныхъ реформы или, какъ ихъ иначе называютъ, контръ-реформы царствованія: законъ 12 іюля 1889 г. о преобразованіи мѣстныхъ крестьянскихъ учрежденій и судебной части въ имперіи, положеніе 12 іюня 1890 г. о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ и городовое положеніе 11 іюня 1892 года.

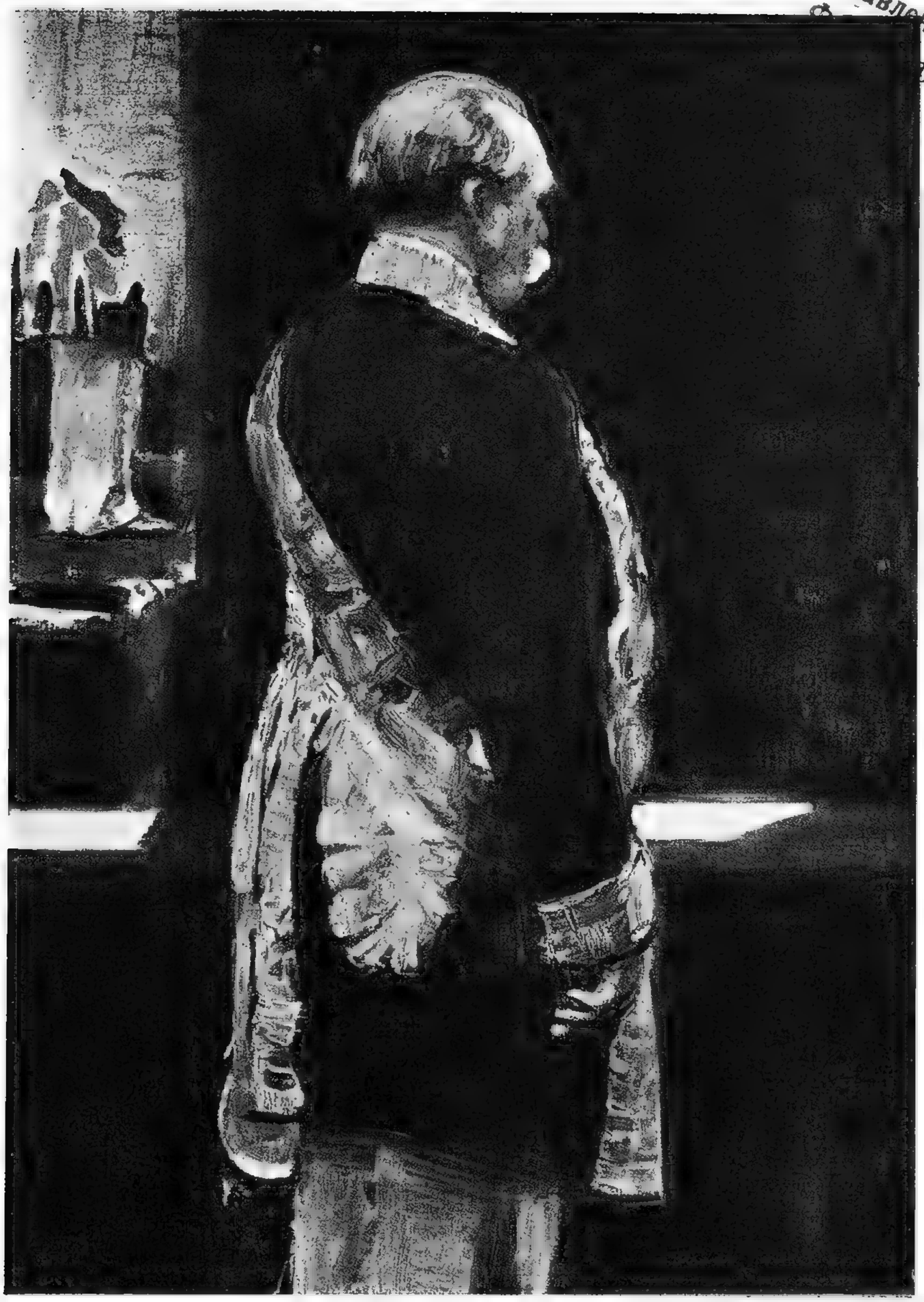
Законъ 12 іюля 1889 г., имѣвшій, какъ официально объяснялось, цѣлью „приблизить власть къ населенію“, передалъ въ руки помѣстнаго дворянства опеку надъ крестьянами. При изданіи этого закона рѣшительно и всесторонне была проведена сословная точка зрѣнія. Правовое обособленіе крестьянства было систематизировано, подтверждено и закрѣплено. Смѣнявшій мировыхъ судей институтъ земскихъ начальниковъ создавался на строго сословныхъ началахъ. Земскій начальникъ не только долженъ былъ быть потомственнымъ дворяниномъ, но и на утвержденіе министра внутреннихъ дѣлъ кандидаты на эту должность по закону представлялись предводителемъ дворянства. Въ рукахъ дворянъ-помѣщиковъ, призванныхъ реформой къ осуществленію въ сельскихъ мѣстностяхъ твердой власти, сосредоточивались обширнѣйшія функціи административныя и судебныя. Въ практикѣ это привело къ переносу на земскаго начальника значительнѣйшихъ правъ крестьянскаго самоуправленія. Фиктивныя въ рукахъ схода, эти права перешли въ полномочія земскаго начальника, осуществлявшаго ихъ путемъ контроля и надзора, утвержденій, запрещеній и каръ. Въ органической связи съ за-

комомъ 12 іюля 1889 г. стоятъ предшествовавшіе ему законы 1886 г., одинъ стѣснившій семейные раздѣлы съ цѣлью „борьбы съ духомъ своеволія и распущенности“, и другой „о наймѣ на сельскія работы“, въ значительной степени продиктованный интересами помѣщичьяго хозяйства. Положенный въ основу реформы сословный принципъ вызвалъ еще одну важнѣйшую мѣру: прикрѣпленіе крестьянъ къ надѣлу, къ общинѣ. Разсматривая крестьянство какъ отдѣльное, строго отграниченное отъ всего остальнаго населенія сословіе, долженствующее служить опредѣленнымъ государственнымъ цѣлямъ, быть фундаментомъ зиждущагося на немъ сословно-бюрократическаго строя, правительство послѣдовательно признавало за крестьянами только ограниченное право собственности на ихъ надѣлы, какъ вытекшее изъ прежняго ихъ крѣпостного состоянія и измѣнившее свою юридическую структуру только перенесеніемъ основного права съ помѣщика на государство. Крестьянство есть сословіе, прикрѣпленное къ землѣ, къ надѣлу въ общинѣ — эта формула, обезпечивавшая всю зиждившуюся на ней административно-сословную надстройку, была проведена въ жизнь рядомъ мѣропріятій, закрѣпившихъ неполную правоспособность крестьянъ, какъ таковыхъ, прежде всего въ правѣ собственности на надѣлъ. Полное затрудненіе выхода изъ общины было дальнѣйшимъ развитіемъ этого курса. Съ своей основной точки зрѣнія, правительство соглашалось съ тѣми идеологами существующаго порядка, которые, видя въ общинѣ предохранительный аппаратъ противъ пролетаризаціи крестьянства и очевидныхъ, по западнымъ примѣрамъ ея послѣдствій, ходатайствовали объ ея всемѣрномъ и принудительномъ сохраненіи. Тѣ же взгляды вызвали изданіе закона 3 іюня 1894 г., ограничившаго свободу передвиженія крестьянъ выдачей домохозяевамъ временныхъ паспортовъ только „съ согласія схода, подчиненнаго земскому начальнику, а членамъ крестьянскаго двора—съ согласія земскаго начальника“

Земская контръ-реформа 1890 г. имѣла цѣлью уничтоженіе введеннаго положеніемъ 1864 г. порядка, при которомъ земское дѣло было передано въ вѣдѣніе безсословнаго контингента плательщиковъ земскихъ сборовъ. Въ этомъ характерѣ земскаго устройства, вытекавшемъ изъ взгляда законодателя на земство, какъ на чисто-хозяйственную мѣстную организацію, авторы контръ-реформы усматривали не менѣе важную причину „оппозиціонности“ земства, чѣмъ въ его излишней, по ихъ мнѣнію, самостоятельности, не отвѣчающей общему духу русской государственности. Отсюда вытекали два основныхъ заданія: сдѣлать земство сословнымъ и усилить его зависимость отъ администраціи. И то, и другое было осуществлено положеніемъ 12 іюня 1890 года. Новымъ закономъ было приведено строго сословное представительство въ земствѣ. При этомъ въ соотвѣтствіи съ общимъ направленіемъ правительственной политики дворянству было обезпечено первенствующее мѣсто, а крестьянское представительство поставлено въ особо ограниченныя

Рѣпинъ. В. К. Плеве. Музей Александра III.

БИБЛІОТЕКА СЛУЖАЩИХЪ
Управленія ж. д.
№ 117.



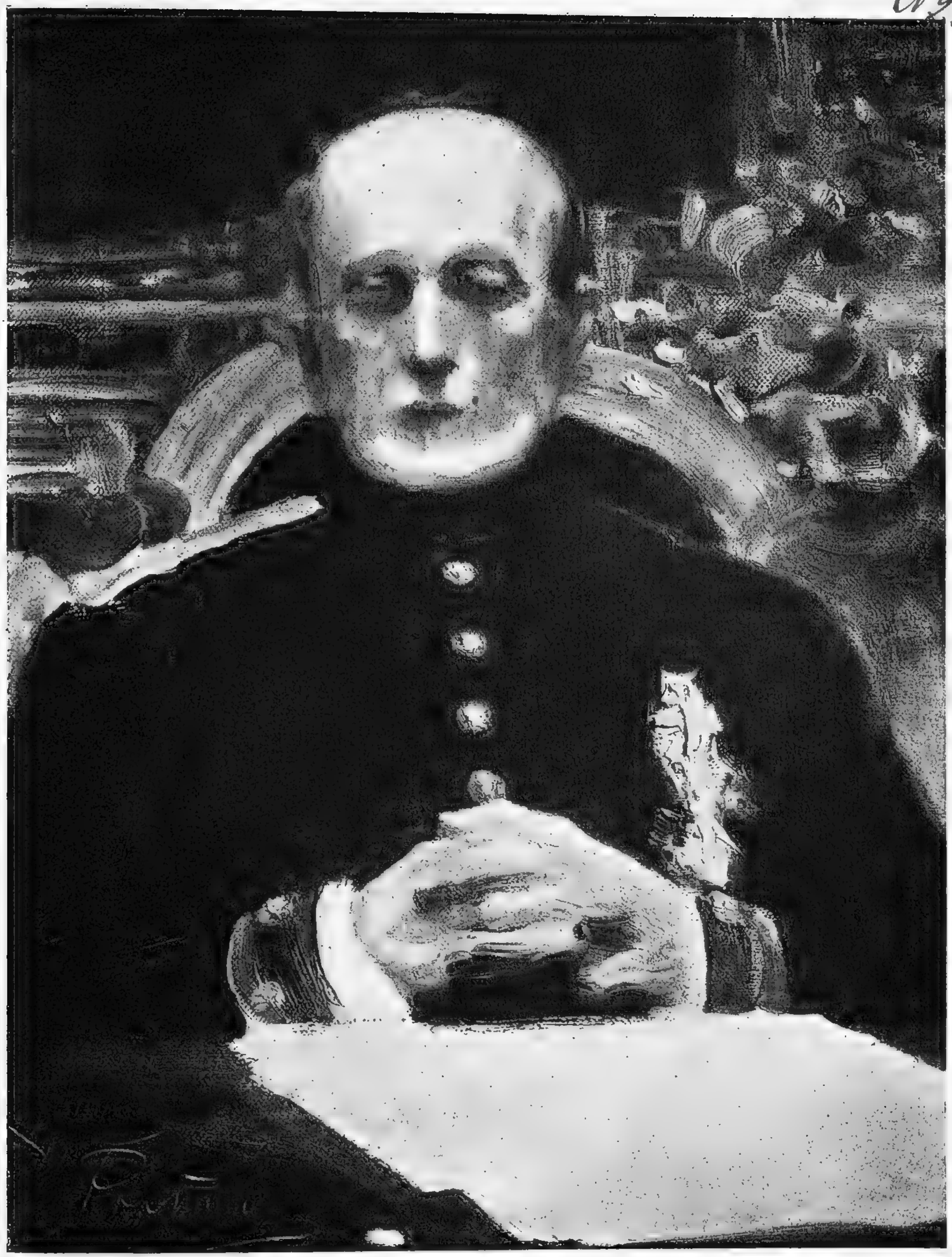
рамки. Изъ весьма сокращеннаго новымъ закономъ числа гласныхъ (уѣздныхъ гласныхъ въ 30 земскихъ губерніяхъ съ 13418 по положенію 1864 г. до 9374, губернскихъ—съ 2290 до 1222) первому избирательному собранію, дворянскому, предоставлено было избирать 57, 1% уѣздныхъ гласныхъ, второму—городскихъ и уѣздныхъ собственниковъ другихъ сословій, въ томъ числѣ крестьянъ — частныхъ собственниковъ — 13,3%; остальные 29,6%. оставлены были крестьянамъ-общинникамъ. При этомъ волостнымъ сходамъ предоставлено было только право выбора кандидатовъ; гласные же изъ ихъ числа должны назначаться губернаторомъ. Хотя предшествовавшее этой реформѣ созданіе института земскихъ начальниковъ обезпечивало желательное направленіе этихъ выборовъ, все же установлено было обязательное избраніе не одного, а двухъ и до трехъ кандидатовъ отъ волости, съ цѣлью предоставленія администраціи большого простора выбора. Чрезвычайно усилены были права администраціи по надзору за дѣятельностью земскихъ собраній и ихъ исполнительныхъ органовъ. Съ этой цѣлью были учреждены губернскія по земскимъ дѣламъ присутствія для охраненія „законнаго порядка въ земскихъ дѣлахъ“ и разрѣшенія разногласій между земствомъ и мѣстной администраціей. Въ составъ этихъ присутствій вошли губернаторъ, вице-губернаторъ, губернскій предводитель дворянства, управляющій казенной палатой, прокуроръ окружнаго суда и одинъ лишь представитель земства—предсѣдатель губернской земской управы. Исполнительные земскіе органы были и въ другомъ отношеніи подчинены административному воздѣйствію. Предсѣдатели и члены управъ, избранные земскими собраніями, утверждаются въ должности администраціей. Существенную и получившую впослѣдствіи широкое примѣненіе возможность воздѣйствія на земства власть пріобрѣла въ предоставленномъ ей правѣ назначать предсѣдателей и членовъ управъ въ случаѣ неутвержденія ихъ.

Реформой 12 іюня 1890 г. былъ, такимъ образомъ, завершенъ рядъ мѣръ, направленныхъ къ возстановленію сословной государственности. Къ этому же времени получило полное развитіе учрежденіе, призванное упрочить и сохранить главный дѣйствующій факторъ этой системы: помѣстное дворянство. Дворянскій банкъ былъ основанъ 21 апрѣля 1885 г. Цѣль его была ясно выражена въ Высочайшемъ рескриптѣ: учрежденіемъ облегченнаго поземельнаго кредита для дворянъ имѣлось въ виду привлечь ихъ „къ постоянному пребыванію“ въ ихъ помѣстьяхъ, гдѣ бы они прилагали „свои силы къ дѣятельности, требуемой отъ нихъ долгомъ ихъ званія“. Дѣйствительно, быстро возраставшая съ начала 80-хъ годовъ ликвидація дворянскаго землевладѣнія и поголовный почти отъѣздъ дворянъ въ города грозили свести на нѣтъ или, во всякомъ случаѣ, подорвать значеніе реформъ 12 іюля 1889 г. и 12 іюня 1890 г. Политическая роль Дворянскаго банка въ полной мѣрѣ выражалась въ дальнѣйшемъ его развитіи. Проценты на ссуды подъ

залогъ дворянскихъ имѣній понижались независимо отъ стоимости государственнаго кредита. До 1889 г. банкъ взималъ 5%, съ 1889 до 1894 г.— $4^1/_2$%, съ 1894 по 1897 г. — 4%, въ 1897 г. % былъ еще пониженъ — до $3^1/_2$%; закономъ 1889 г. накопившіяся за дворянами недоимки банку были частью снесены со счетовъ, частью причислены къ капитальному долгу; въ 1890 г. въ Дворянскій банкъ были переведены долги его заемщиковъ бывшему „обществу взаимнаго поземельнаго кредита“ съ пониженіемъ % (съ 7 до $4^1/_2$, позже до 4 и $3^1/_2$%) и т. д. Въ дальнѣйшемъ разнаго рода покровительственныя и вспомогательныя мѣры въ пользу дворянства получили еще болѣе широкое развитіе, вполнѣ послѣдовательно отвѣчая общему духу и направленію правительственной политики.

Третья крупная контръ-реформа царствованія—новое Городовое Положеніе 1892 г.—имѣла дѣло съ областью, гдѣ невозможно было провести сословный принципъ въ его элементарной формѣ. Здѣсь законодательству пришлось нѣсколько отойти отъ унаслѣдованной отъ прошлаго сословной концепціи раздѣленія общества и ближе подойти къ его современному пониманію, классовому. Въ основѣ Городовое Положеніе, какъ то и значилось въ именномъ указѣ Правительствующему Сенату, было согласовано съ „началами, преподанными для дѣятельности земскихъ учрежденій“, но на первенствующее сословіе здѣсь опереться было невозможно, и къ первенству призванъ былъ наиболѣе состоятельный слой городского населенія. Съ этой цѣлью былъ введенъ высокій избирательный цензъ, отстранившій отъ участія въ городскомъ самоуправленіи весь многочисленный такъ называемый третій разрядъ избирателей, т.-е. значительнѣйшую часть мѣщанъ и ремесленниковъ. Изъ состава избирателей, въ противоположность проекту Кахановской комиссіи, были совершенно исключены квартиронаниматели. Пассивное и активное избирательное право было предоставлено только домовладѣльцамъ и владѣльцамъ торговыхъ и промышленныхъ заведеній, выбирающимъ купеческія свидѣтельства. Эта мѣра была очень дѣйствительной; она чрезвычайно понизила число избирателей, въ Петербургѣ, напримѣръ, съ 21 тысячи до 8 тысячъ, въ Москвѣ съ 20 тысячъ до 7 тысячъ и т. д. Съ другой стороны, закономъ былъ допущенъ недовыборъ гласныхъ до одной трети состава. Абсентеизмъ предвидѣлся и какъ бы впередъ поощрялся. Городскія думы были въ значительной мѣрѣ подчинены административному контролю и воздѣйствію правомъ губернатора или министра внутреннихъ дѣлъ утверждать и пріостанавливать болѣе или менѣе важныя думскія рѣшенія. Исполнительные органы городского самоуправленія были зато поставлены въ особо преимущественное положеніе: ихъ компетенція и права были расширены за счетъ городскихъ думъ, но сдѣлано это было вмѣстѣ съ почти непосредственнымъ подчиненіемъ ихъ администраціи, утверждающей головъ и членовъ управъ, контролирующей ихъ дѣйствія и налагающей на

W28



Репинъ. К. П. Побѣдоносцевъ. Музей Александра III.

нихъ взысканія за упущенія и преступленія по городской службѣ. Существенно ограничены были и бюджетныя права городскихъ самоуправленій.

Но въ городской и земской реформѣ была еще одна сторона, неизбѣжная при новой постановкѣ и роли земства и муниципалитета въ стройной государственной схемѣ этой эпохи. Изъ чисто хозяйственныхъ мѣстныхъ самоуправленій, какими создали ихъ реформы 60-хъ годовъ, муниципалитетъ и земство были преобразованы въ учрежденія государственныя. Выразилось это въ ихъ подчиненіи сугубому административному надзору и воздѣйствію, въ бюрократизаціи ихъ, въ связывающей регламентаціи ихъ дѣятельности, но въ то же время положило основу ихъ развитія съ теченіемъ времени въ болѣе чѣмъ когда-либо вліятельныя и могущественныя учрежденія, въ неотъемлемыя, неуничтожимыя почеркомъ пера части государственнаго организма. Чѣмъ обширнѣе и серьезнѣе была та политическая охранительная роль, которая ввѣрялась крупному землевладѣнію въ земствахъ и крупному капиталу въ муниципалитетахъ, тѣмъ больше было данныхъ для роста въ этой средѣ вкуса и воли къ власти, къ самостоятельности, къ требовательности, иначе говоря, къ „коренному преобразованію“, которымъ и завершился этотъ періодъ.

П. Н. Дурново. Рѣпина. (Музей Александра III.)

Со смертью императора Александра III очерченное нами выше направленіе правительственной дѣятельности не измѣнилось. Во всѣхъ существенныхъ чертахъ сословная бюрократическая политика предшествовавшаго царствованія осуществлялась тѣми же дѣятелями и въ томъ же духѣ. Не перечисляя въ подробности подтверждающихъ это мѣръ, можно остановиться для примѣра на земствѣ. 12 іюня 1900 года былъ изданъ намѣченный еще въ началѣ 80-хъ годовъ законъ „объ установленіи предѣльности земскаго обложенія“, вмѣстѣ съ фиксаціей земскихъ сборовъ установившій и границы для роста земскаго дѣла. 2 апрѣля 1903 года введено было для западныхъ губерній

земство новаго образца, основаннаго болѣе на первоначальномъ проектѣ гр. Д. А. Толстого, чѣмъ даже на законѣ 1890 г. Изъ этого земства былъ изъятъ главный принципъ самоуправленія — выборность. Этотъ образецъ чиновничьяго земства былъ опытомъ дальнѣйшаго согласованія земскаго дѣла съ общей государственной системой. Къ бюрократизаціи и полному подчиненію земства административному контролю вели и массовыя неутвержденія предсѣдателей и членовъ управъ и такъ называемая „зиновьевская“ ревизія. Все это было послѣдовательной и естественной реакціей противъ „уклоненій“ въ земской дѣятельности, неизбѣжнаго слѣдствія существованія при абсолютистскомъ режимѣ выборнаго самоуправленія, хотя бы укороченнаго и ограниченнаго въ правахъ. Въ этомъ отношеніи С. Ю. Витте былъ совершенно правъ въ своей знаменитой запискѣ о „Самодержавіи и земствѣ“, гдѣ онъ указывалъ на несовмѣстимость ихъ и неизбѣжность развитія мѣстнаго самоуправленія, если оно будетъ сохранено, въ конституціонный строй.

Возвѣщенный манифестомъ 29 апрѣля 1882 г. правительственный курсъ не могъ, конечно, ограничиться одной реставраціей сословныхъ основъ государственности. Самыя серьезныя заботы правительства были обращены на экономическую и финансовую политику. Новая эра, сущность которой, въ значительной степени, выразилась въ стремленіи къ централизаціи экономической власти въ рукахъ правительства, началась, собственно, съ 90-хъ годовъ. Къ концу 80-хъ годовъ въ Россіи завершался зачинательный періодъ капиталистическаго денежнаго хозяйства, смѣнившаго въ 60-хъ годахъ хозяйство крѣпостническое, именно, періодъ первоначальнаго накопленія. Конецъ этого процесса ознаменовался для русскаго народнаго хозяйства серьезными потрясеніями. Крестьянство, пережившее 60-е, 70-е и 80-е годы въ тяжелыхъ условіяхъ труда, еще не вполнѣ освобожденнаго отъ пережитковъ крѣпостного строя, но уже вовлеченнаго въ круговой капиталистическій оборотъ, было сильно надломлено массовыми неурожаями 1891 и 1892 годовъ. Фабрично-заводскіе рабочіе, плохо защищенные законодательствомъ и еще хуже административной практикой, подвергались обычной въ періодъ первоначальнаго накопленія хищнической эксплуатаціи предпринимателей. Самое положеніе промышленности было еще очень шаткимъ, что выражалось въ частыхъ кризисахъ. Грюндерство, пышно расцвѣтшее за это тридцатилѣтіе со всѣми своими отличительными отъ нормальнаго экономическаго развитія отрицательными сторонами, создало лишь видимость промышленнаго процвѣтанія: большинство возникшихъ предпріятій существовало лишь благодаря правительственной поддержкѣ, неизбѣжно выражавшейся, главнымъ образомъ, въ широкомъ примѣненіи покровительственной таможенной политики. Послѣ ряда подготовительныхъ мѣропріятій, поднимавшихъ таможенныя ставки на от-

дѣльныя группы товаровъ, въ 1891 г. былъ введенъ новый тарифъ, уже послѣдовательно и въ цѣломъ чрезвычайно повысившій таможенное обложеніе. Крайности протекціонизма въ результатѣ очень вредно отозвались на интересахъ русскаго сельскаго хозяйства и—отраженно—на финансахъ государства. Русская таможенная политика вызвала противодѣйствіе на Западѣ, особенно въ Германіи, выразившееся въ повышеніи пошлинъ на русскій хлѣбъ; вмѣстѣ съ американской конкуренціей это обстоятельство сильно понизило хлѣбныя цѣны. Въ свою очередь, пониженіе стоимости русскаго хлѣбнаго вывоза отразилось на торговомъ балансѣ. Неблагопріятныя условія осуществленія доходной смѣты отнюдь не уравновѣшивались экономнымъ составленіемъ смѣты расходовъ. Наоборотъ, именно этотъ періодъ ознаменовался большимъ ростомъ чрезвычайныхъ расходовъ. Смѣты тѣхъ трехъ министерствъ, которыя обычно получали львиную долю государственныхъ доходовъ, т.-е. военнаго, морского и внутреннихъ дѣлъ, возросли чрезвычайно и обнаруживали въ связи съ общей правительственной политикой тенденцію къ еще болѣе быстрому и крупному росту.

При этихъ обстоятельствахъ и условіяхъ въ должность министра финансовъ вступилъ въ 1892 г. С. Ю. Витте, сразу направившій экономическую политику правительства по тому курсу, при которомъ финансы государства могли бы получить новый базисъ, возможно болѣе устойчивый и возможно менѣе связанный съ реальной платежеспособностью населенія. Возможность расширять государственный бюджетъ и вести независимую финансовую политику С. Ю. Витте нашелъ въ систематическомъ увеличеніи косвенныхъ налоговъ. Уже въ концѣ 1892 г. былъ поднятъ акцизъ на многіе предметы массоваго потребленія: спички, керосинъ, вино, пиво, табакъ. Хотя одновременно понижались нѣкоторые прямые налоги, но въ общемъ широкое развертываніе косвеннаго обложенія дало предвидѣнную возможность заключать смѣты не только безъ дефицита, но и съ значительнымъ излишкомъ. Эти излишки, обращавшіеся въ „свободную наличность“ государственнаго казначейства, и превышали въ среднемъ 100 милліоновъ рублей въ годъ. Однако, они не шли въ „запасный капиталъ“, какъ указывалъ министръ въ оправдываніе такой избыточной перекачки средствъ изъ рукъ населенія въ распоряженіе казны. За счетъ свободной наличности производились громадные сверхсмѣтные расходы, поглотившіе свыше милліарда руб., накопленныхъ, такимъ образомъ, въ видѣ этого запаса. При помощи свободной наличности была впослѣдствіи произведена С. Ю. Витте и реформа денежнаго обращенія, необходимая въ интересахъ назрѣвшаго капиталистическаго развитія. Дальнѣйшее движеніе, вѣрнѣе сказать, увѣнчаніе свое финансовая система, введенная министромъ, получила въ питейной монополіи. Ею завершились основныя мѣропріятія, переложившія главную тяжесть бюджета на косвенные налоги, взимаемые безъ затрудненій и перелагаемые на массы

безъ прямого административнаго воздѣйствія. Результатомъ этой системы былъ непрерывный и громадный ростъ бюджета при постепенномъ пониженіи дѣйствительной платежеспособности, дѣйствительнаго благосостоянія населенія. Тѣмъ не менѣе, непосредственная цѣль была достигнута: созданы были фактическая расширяемость и прочность бюджета и, попутно, удобныя условія для широкаго пользованія государственнымъ кредитомъ. Этимъ достигалась и основная цѣль: громаднѣйшая доля всего народнаго дохода сосредоточивалась въ рукахъ правительства, соотвѣтственно увеличивая его власть и вліяніе.

Сознавая, что такая система государственнаго хозяйства является жизнью за счетъ будущаго и въ свое время должна повести къ большимъ затрудненіямъ, правительство приложило очень много стараній для дальнѣйшаго развитія промышленности. Немало было предпринято и еще болѣе проектировано мѣръ для поднятія производительности крестьянскаго хозяйства. При этомъ въ обоснованіи многихъ проектовъ обнаруживались значительныя колебанія въ пониманіи основныхъ формъ поднятіи производительности крестьянскаго труда. Было испробовано и намѣчено много способовъ улучшить экономическое положеніе деревни и ослабить развитіе и послѣдствія нараставшаго аграрнаго кризиса. Но общей чертой всѣхъ этихъ мѣръ и способовъ было то, что они, по большей части, шли мимо цѣли, въ лучшемъ случаѣ являясь палліативами, такъ какъ реальныя условія, въ которыхъ они проводились или намѣчались, противорѣчили ихъ основной тенденціи: поднять доходность крестьянскаго хозяйства, оставляя неприкосновенными традиціонные принципы правительственной сословной и земельной политики. Обширнѣе и удачнѣе была работа надъ развитіемъ промышленности. Протекціонизмъ, постройка желѣзныхъ дорогъ, обильные казенные заказы, наконецъ, освобожденіе громадныхъ капиталовъ, занятыхъ въ питейномъ дѣлѣ, создали во многомъ искусственныя, но весьма благопріятныя условія для капиталистическаго развитія.

Таковы въ общихъ чертахъ были заданія и достиженія правительственной экономической политики. Однимъ изъ слѣдствій ея было, какъ мы уже указали, сосредоточеніе въ рукахъ правительства экономической власти; другимъ—пониженіе благосостоянія массъ; третьимъ—ростъ и организація рабочаго пролетаріата.

Въ внутренней политикѣ конца XIX и начала XX вѣка сильно проявлялся еще одинъ мотивъ, прямо вытекавшій изъ третьяго элемента формулы: „православіе, самодержавіе, народность“. Одной изъ основныхъ опоръ самобытной русской государственности было признано преобладаніе „господствующей народности“, т.-е. великороссовъ. Съ характерной для царствованія императора Александра III послѣдовательностью практическіе выводы

изъ этого принципа были сдѣланы и примѣнены по отношенію и къ прибалтійскимъ нѣмцамъ, и къ малороссамъ, и къ полякамъ, и къ финляндцамъ, и, болѣе всего, къ евреямъ. Позже мѣры противъ нѣмецкой культуры въ Прибалтійскомъ краѣ были смягчены; въ остальномъ же поддерживался прежній курсъ, съ добавленіемъ ряда мѣропріятій, примѣненныхъ къ армянамъ.

Таковы были въ сжатой схемѣ общія черты и тенденціи періода, закончившагося Высочайшимъ манифестомъ 17 октября 1905 года,—періода, цѣлостнаго въ своей послѣдовательности, ясности принциповъ и намѣреній. Здѣсь мы и остановимъ свое изложеніе. То, что находится за этой гранью, принадлежитъ злобѣ дня и неотдѣлимо отъ споровъ и столкновеній текущаго момента, т.-е. недоступно еще для объективнаго историческаго изложенія.

Великій князь Алексѣй Александровичъ.

Итоги экономическаго развитія Россіи.

Для развитія промышленности той или другой страны нужны: 1) естественныя богатства, 2) благопріятныя условія для ея развитія, заключающіяся въ коллективной работѣ цѣлаго, и 3) благопріятный человѣческій матеріалъ, который могъ бы пробудить эти богатства и обратить ихъ на потребу человѣка (индивидуальныя условія).

Что касается перваго условія, то оно у насъ имѣется: Россія чрезвычайно богата естественными богатствами, и на этомъ нѣтъ основанія останавливаться.

Что же касается коллективной работы цѣлаго въ цѣляхъ облегченія развитія промышленной жизни, то въ этомъ отношеніи мы находимся въ весьма неблагопріятныхъ условіяхъ: такъ, прежде всего народное образованіе стоитъ въ Россіи весьма низко: учащихся на 100 человѣкъ въ культурныхъ странахъ приходится: 20,6 — въ Соединенныхъ Штатахъ, 19,3 — въ Швейцаріи, 17,6— въ Англіи, 3,7—въ Россіи (по даннымъ 1904 г.).

Теперь этотъ коэффиціентъ нѣсколько поднялся и возможно, что онъ достигаетъ 5, но ясно, что темному человѣку не овладѣть и не подчинить себѣ естественныхъ богатствъ страны.

Расходы на народное образованіе (элементарное) въ Швейцаріи достигаютъ 6 р. на душу населенія, въ Великобританіи—5 р. 71 коп., въ Нидерландахъ—4 р. 38 коп., въ Германіи—4 р. 10 коп., въ Россіи—56 к. (по послѣдней американской сводкѣ).

По исчисленіямъ г. Куломзина на все наше народное образованіе по всѣмъ вѣдомствамъ (высшее, среднее и низшее, и на ученыя учрежденія и т. п.) расходуется за послѣднее время 321 м. р., что даетъ около 2 р. на душу населенія.

Конечно, нельзя этимъ успокаиваться, такъ какъ въ другихъ странахъ лишь на начальное образованіе расходуется по 5—6 р., и даже дѣло доходитъ иногда до 14 р. на душу населенія (въ счастливой Манитобѣ).

Итакъ, съ точки зрѣнія народнаго образованія условія у насъ неблагопріятны для развитія промышленности и правильной постановки сельскаго хозяйства.

Чтобы использовать естественныя богатства, нужны пути сообщенія; опять и съ этой стороны Россія стоитъ неблагополучно: если на 1.000 кв. километровъ пространства (данныя 1903 г.) въ Бельгіи приходится 155,5 километровъ жел. дорогъ, въ Великобританіи — 114,8, въ Германіи — 102,1, въ Японіи—20,3, то въ Россіи только—9,3.

Точно такъ же мы очень плохо оборудованы и шоссейными путями сообщенія.

Наши водные пути находятся въ забросѣ.

Какъ мало обращалось вниманія на наши водные пути, видно изъ того, что за 50-лѣтній промежутокъ времени на всѣ работы, произведенныя по всей водной сѣти, израсходовано лишь около 80 милліон. р., тогда какъ на желѣзныя дороги затрачено около 6 милліардовъ (Чубинскій, „Водные пути Россіи и отношеніе къ нимъ порайонныхъ комитетовъ по урегулированію массовыхъ перевозокъ грузовъ“), а, между тѣмъ, по имѣющимся даннымъ послѣдней переписи рѣчного флота, въ настоящее время по рѣкамъ Россійской имперіи плаваетъ болѣе 3.600 пароходовъ и не менѣе 25.000 непаровыхъ судовъ съ общей подъемной силой до 800.000 тыс. п. По своей вмѣстимости рѣчной флотъ Россіи поднимаетъ болѣе всего флота Великобританіи и стоитъ на первомъ мѣстѣ среди всѣхъ государствъ міра. Онъ превышаетъ почти въ 3 раза вмѣстимость всего подвижного состава всѣхъ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ (тамъ же).

Относительно оборудованія Россіи почтой и телеграфомъ дѣло также обстоитъ плохо: если взять данныя 1905 г., то на каждыя 10 тыс. жителей въ Соединенныхъ Штатахъ приходится 8,33 почтовыхъ учрежденія, въ Германіи—6,48, въ Великобританіи—5,37 и въ Россіи—0,96 (см. по этому вопросу мой „Атласъ діаграммъ по экономическимъ вопросамъ“, вып. I—VIII), а безъ путей сообщенія, при недостаточномъ оборудованіи страны почтой и телеграфомъ невозможно побѣдить пространство.

Люди побѣждаютъ природу культурой своей головы, т.-е. народнымъ образованіемъ, а мы видѣли, какъ слабо пока, къ сожалѣнію, оно поставлено въ Россіи, хотя Государственная Дума за послѣднее время и прини-

маетъ мѣры къ поднятію народнаго образованія. Еще важнымъ орудіемъ въ борьбѣ съ природой является единеніе людей, т.-е. кооперація и другія формы совмѣстнаго дѣйствованія. Россія въ этомъ отношеніи весьма отстала отъ другихъ странъ, и это малое развитіе единенія среди людей налагаетъ особый отпечатокъ на самый характеръ населенія,—отпечатокъ, неблагопріятный въ смыслѣ развитія промышленности.

Посмотрите хотя бы на наши сѣверные лѣса: мы ихъ используемъ лишь въ весьма небольшой долѣ, а огромная масса древесины гніетъ, и совершенно справедливо говорятъ, что лѣсное хозяйство у насъ ведется на валежникъ. По исчисленіямъ извѣстнаго спеціалиста Е. Давыдова, у насъ ежегодно на сѣверѣ, по самымъ умѣреннымъ исчисленіямъ, гибнетъ лѣса на 60 слишкомъ милліон. р., и это потому, что нѣтъ путей сообщенія: мы не удосужились провести тамъ желѣзныя дороги, не удосужились расчистить водные пути, нужные для сплава лѣса, и на огромныхъ пространствахъ лѣса нельзя взять. И вотъ цѣннѣйшіе лѣса гніютъ.

Или приведу еще примѣръ: и по настоящее время Россія половину нужнаго ей хлопка, а то и больше, получаетъ изъ-за границы, главнымъ образомъ, изъ Соединенныхъ Штатовъ, а, между тѣмъ, у насъ имѣются огромныя пространства въ нашихъ Средне-Азіатскихъ владѣніяхъ, съ прекрасной богатѣйшей лесовой почвой, но эти пространства нужно оросить, и при правильной постановкѣ этого дѣла мы могли бы такъ поставить хлопководство, что не только можно было бы всецѣло себя снабжать имъ, но и вывозить въ Европу.

Но опять препятствіемъ является наша экономическая политика: на все у насъ имѣлись средства, но только ихъ не было на поднятіе производительныхъ силъ страны, предоставлять же орошеніе частнымъ лицамъ на концессіонныхъ началахъ мы не желали, вотъ почему и по настоящее время эти пустынныя пространства остаются неорошенными, и мы снабжаемся иностраннымъ хлопкомъ.

А, между тѣмъ, орошеніе этихъ земель было бы чрезвычайно выгодно, еслибы и сама казна принялась за это, заключивъ для этой цѣли заемъ; вѣдь цѣнность орошенной земли сильно поднялась бы: доходность земли, находящейся подъ хлопкомъ, весьма высока.

Вотъ что по этому поводу пишетъ одинъ авторъ, наудачу взятый, такъ какъ по этому вопросу нѣтъ разногласій.

„Что касается финансовой стороны дѣла для реализаціи предполагаемаго орошенія, то мнѣ не подъ силу его рѣшеніе,—пишетъ г. Верховскій;—но я полагаю, что на дѣло, которое нулевую стоимость земли при затратѣ 61 р. на десятину обращаетъ въ стоящую 300—400 р., легко достать деньги, подъ гарантію доходности этой же земли, которая не можетъ быть ниже 20—25 р. ежегодной арендной платы, что составитъ до 6 милл. р., съ

избыткомъ оплачивающихъ проценты на затраченный капиталъ и на амортизацію его. Для такого дѣла не грѣхъ занять деньги, выпустивъ спеціальный ирригаціонный заемъ. Чѣмъ скорѣе это сдѣлается, тѣмъ лучше". (Верховскій, „Туркестанъ въ районѣ Ташкентской желѣзной дороги и грузы этой дороги", стр. 305—6).

Та же скупая политика ведетъ въ Россіи къ сильному развитію овраговъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, особенно на югѣ Россіи, это бѣдствіе приняло колоссальные размѣры, и опять надо было принять серьезныя мѣры въ борьбѣ съ этимъ зломъ. У насъ ассигнуются на это гроши, и процессъ роста овраговъ идетъ все интенсивнѣе и интенсивнѣе.

Если въ культурныхъ странахъ—въ Соединенныхъ Штатахъ и въ другихъ—неудобныя земли все болѣе и болѣе, благодаря человѣческому генію, превращаются въ земли, годныя для культуры, пустыни орошаются, болота осушаются, то въ Россіи, къ сожалѣнію, и удобныя то земли на нашихъ глазахъ превращаются въ неудобныя. Я не буду приводить цифръ, ихъ можно найти въ моей книжкѣ „Оборотная сторона нашего бюджета".

Нельзя не отмѣтить нашей аграрной реформы, по ея возможному вліянію на развитіе промышленности въ Россіи. Своей задачей эта реформа имѣетъ въ виду дать возможность сильнымъ хозяйственнымъ элементамъ развить свою энергію и иниціативу. Я, конечно, имѣю въ виду іюньскій законъ 1910 г. о выходѣ изъ общины. Но эта реформа—однобока.

Представьте себѣ лицо, вышедшее изъ общины и поселившееся на хуторѣ: ему нужны средства, чтобы встать на ноги, а мелкій кредитъ недостаточно организованъ: если въ Германіи на душу населенія приходится въ среднемъ 35—36 р. въ учрежденіяхъ мелкаго кредита, то въ Россіи—1 р. 20 к.—1 р. 30 к. (см. мою брошюру „Земельный вопросъ въ Россіи"). Многаго на эти гроши не сдѣлаешь.

Опять и здѣсь мы сталкиваемся съ вопросомъ необходимости измѣненія нашей экономической политики, только при этихъ условіяхъ аграрная реформа достигнетъ своей цѣли. Затѣмъ эта реформа поведетъ къ обезземеленію большихъ группъ деревенскаго населенія, и опять крайне необходимо принять энергичныя мѣры къ развитію промышленности, чтобы это избыточное населеніе, потерявши землю, могло разсасываться въ промышленности.

Какъ бы то ни было, русская деревня, хотя и понемногу, но начинаетъ просыпаться: объ этомъ свидѣтельствуютъ ввозъ къ намъ сельско-хозяйственныхъ машинъ изъ-за границы, усилившееся распространеніе ихъ вообще въ деревнѣ за послѣдніе годы и ростъ сельско-хозяйственной кооперація.

Авторъ этихъ строкъ не вѣритъ въ творческую силу даннаго режима, но вѣритъ глубоко въ русскій народъ, который и не то видѣлъ и сумѣлъ все пережить, хотя это и задержало его поступательный ходъ. Переживетъ,

конечно, онъ и этотъ тяжелый періодъ непониманія великихъ творческихъ задачъ, выдвигаемыхъ въ настоящій моментъ, и, въ концѣ-концовъ, онъ сдѣлается сильнымъ экономически и культурно могучимъ.

Россіи при ея богатствахъ нужна другая экономическая политика, нужны государственные дѣятели съ широкимъ кругозоромъ, съ пониманіемъ великихъ задачъ и той великой роли, которую Россіи суждено играть, если только правильно будутъ поняты ея задачи и будутъ найдены нужные исполнители.

Нашему населенію нужно привить другой характеръ—характеръ промышленной страны.

Для развитія промышленности нуженъ хорошій внутренній рынокъ, между тѣмъ емкость его у насъ весьма невелика, возьмите хотя бы потребленіе чая, сахара въ разныхъ странахъ, и вы увидите, насколько ничтожно потребленіе въ Россіи сравнительно съ другими странами. Или потребленіе каменнаго угля, этого хлѣба промышленности: если въ Соединенныхъ Штатахъ оно достигаетъ 216 пуд., то въ Россіи—11 (данныя 1906 г.); чугуна, желѣза и стали въ Соед. Штатахъ—18,2, а въ Россіи—1,14 (1907). Слѣдовательно, нѣтъ широкаго базиса, на которомъ могло бы раскинуться великое зданіе промышленнаго развитія; промышленности не на чемъ базироваться, притомъ и этотъ рынокъ представляетъ весьма колеблющуюся почву, зависящую отъ урожаевъ: будетъ урожай, рынокъ расширяется, нѣтъ его—онъ сжимается, и этотъ фактъ—чрезвычайной важности.

Нельзя не замѣтить, что съ точки зрѣнія правовыхъ условій привлеченіе капиталовъ для развитія нашей промышленности и торговли поставлено въ неблагопріятныя условія.

Наше устарѣлое законодательство объ акціонерныхъ обществахъ, нашъ торговый уставъ и т. д.—все это налагаетъ свою тяжелую руку на притокъ капиталовъ и ихъ приложеніе къ русской промышленности.

При старомъ режимѣ боялись имѣть самостоятельную промышленность, могущую стоять на своихъ собственныхъ ногахъ. Старому режиму желательно было всѣ нити экономическаго существованія сильныхъ группъ имѣть въ своихъ рукахъ. Это создавало родъ экономическаго закрѣпощенія сильныхъ группъ центральной властью. И вотъ почему и по настоящее время надо испрашивать разрѣшеніе на разнаго рода дѣйствія, относительно которыхъ промышленникъ совершенно свободенъ въ любой другой культурной странѣ.

Да, на всемъ лежитъ у насъ отпечатокъ отсталости, печать рутины, на всемъ длань ограниченій. Курьезно, дѣло доходитъ до того, что представители торговли и промышленности на совѣщаніи объ измѣненіи акціонернаго законодательства отказываются даже отъ явочной системы открытія акціонерныхъ предпріятій, мотивируя это тѣмъ: „Мы-де жили лишь хода-

тайствами объ исключеніяхъ и изъятіяхъ, только такимъ путемъ могли дышать; при явочной же системѣ открытія акціонерныхъ предпріятій не будетъ возможности получать тѣ или другія изъятія, и, слѣдовательно, само открытіе предпріятія поставлено будетъ въ столь узкія рамки, что во многихъ случаяхъ невозможно будетъ заниматься торговлей и промышленностью".

Экономическая политика, которая проводилась въ Россіи, особенно при старомъ режимѣ, не ставила своей задачей прочнаго развитія производительныхъ силъ страны; здѣсь гнались больше за эффектомъ, думали создать промышленность, безъ созданія твердаго фундамента, на которомъ могла бы она развиться. Для деревни дѣлалось очень мало, мелкій кредитъ существовалъ въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ, агрономическая помощь отсутствовала, община держала въ тискахъ своихъ членовъ, и сельско-хозяйственная культура при этихъ условіяхъ была почти невозможна. Единеніе людей стѣснялось: старый режимъ относился подозрительно ко всякому единенію людей, въ какихъ бы цѣляхъ это ни дѣлалось.

И уже все это не могло развивать творческихъ силъ деревенскихъ массъ населенія, не могло расширять и емкости рынка.

Весьма мало отпускалось средствъ изъ государственнаго казначейства на поднятіе производительныхъ силъ страны; вотъ отчего Россія такъ отстала въ оборудованіи себя путями сообщенія, такъ отстала въ народномъ образованіи; эта ложная экономическая политика наложила свою тяжелую руку на промышленное развитіе въ Россіи, и наши естественныя богатства остаются неиспользованными.

Узелъ нашей экономической жизни находится въ деревнѣ, и всѣ усилія должны быть направлены на поднятіе сельскаго хозяйства; пока же мы наблюдаемъ грозныя явленія: паденіе нашего скотоводства, паденіе рыболовства, пчеловодства, низкую урожайность, огромное, избыточное населеніе, которому негдѣ приложить своего труда, низкую покупательную способность,— доходъ на душу населенія представителями торговли и промышленности у насъ всего исчисляется въ 63 руб., и, конечно, при этихъ условіяхъ трудно создавать промышленность.

Слѣдовало бы привлечь крупные капиталы на улучшеніе путей сообщенія въ Россіи, на поднятіе сельскаго хозяйства и т. д.,—только это создало бы благопріятныя условія для развитія промышленности въ Россіи.

Я уже не говорю о деталяхъ, о созданіи другихъ формъ кредита, напримѣръ, промышленнаго кредита для долгосрочнаго финансированія промышленныхъ предпріятій: въ этой кредитной формѣ наша промышленность весьма нуждается.

Но, тѣмъ не менѣе, въ извѣстныя отрасли и теперь могутъ приливать иностранные капиталы, напримѣръ, въ горнопромышленное дѣло, въ лѣсное

на сѣверѣ, на Кавказѣ, но, повторяю, правовыя условія нерѣдко являются тормозомъ.

Въ настоящее время иностранный капиталъ можетъ найти для себя хорошее приложеніе въ сооруженіи желѣзныхъ дорогъ (хотя и здѣсь полученіе концессій сопряжено съ большой волокитой, въ руководящихъ сферахъ, повидимому, важность оборудованія Россіи желѣзными дорогами и до сихъ поръ недостаточно сознана), трамваевъ въ городахъ, въ производствѣ сельскохозяйственныхъ орудій, спросъ на которыя въ Россіи все растетъ и растетъ, въ сооруженіи вагоновъ-ледниковъ, холодильниковъ, въ чемъ чувствуется настоятельная потребность.

Иностранный капиталъ могъ бы найти себѣ хорошую работу въ финансированіи предпріятій, и можно было бы указать цѣлый рядъ отраслей, гдѣ это финансированіе было бы очень выгодно.

Выходъ изъ общины на отруба и развитіе частной собственности открываютъ еще обширное поле для дѣятельности, — это меліораціи, и созданіе особыхъ меліоративныхъ банковъ имѣло бы серьезное значеніе въ настоящее время въ Россіи.

Что же касается индивидуальныхъ условій нашего населенія, то-есть его характера, то и здѣсь пока условія неблагопріятны.

Характеръ нашего населенія пока не есть характеръ промышленной страны: русскій предприниматель по своему характеру далеко отстоитъ отъ американскаго предпринимателя.

Послѣдній работаетъ въ области промышленности, какъ художникъ надъ своей картиной. У насъ—не то: иногда самыя элементарныя опытныя правила, выработанныя въ промышленныхъ странахъ, у насъ не примѣняются. Такъ, при сдѣльной работѣ, если рабочій начинаетъ вырабатывать значительно больше, предприниматель зачастую стремится понизить заработную плату, и это, конечно, среди русскаго трудящагося населенія не создаетъ стимула къ усиленной работѣ.

Алкоголизмъ также оказываетъ свое понижающее вліяніе на результаты работы, на ея качества, и опять въ развитіи алкоголизма грѣшенъ старый режимъ: при старомъ режимѣ боялись культурнаго единенія людей, культурныхъ формъ проведенія досуга, распространенія печати среди населенія, и населенію ничего не оставалось, какъ проводить свой досугъ, отправляясь въ трактиръ.

И здѣсь другая политика могла бы въ сильной степени улучшить создавшееся положеніе.

Нельзя не замѣтить, что, къ сожалѣнію, русскій предприниматель недостаточно изучаетъ внутренній рынокъ въ Россіи, а, между тѣмъ, это изученіе крайне необходимо и тамъ, гдѣ предприниматели стали изучать рынокъ и попробовали опереться непосредственно на самого потребителя, тамъ этотъ

трудъ прекрасно былъ вознагражденъ. Въ качествѣ примѣра можно привести фирму Зингера, торгующую швейными машинами, или одну чайную фирму, въ короткое время сильно развившую свои операціи вслѣдствіе того, что она своими новыми пріемами проникла до самого потребителя. Или я могъ бы привести еще примѣръ одного металлургическаго завода, изучившаго деревенскій рынокъ и занявшагося изготовленіемъ предметовъ, нужныхъ для незатѣйливаго деревенскаго обихода.

Русскій же предприниматель пока въ общемъ недостаточно изучаетъ рынокъ, даже сравнительно недавно развился среди московскихъ предпринимателей институтъ комми-вояжеровъ, а, между тѣмъ, кому, какъ не этой арміи комми-вояжеровъ, обязана своимъ развитіемъ американская промышленность эта армія побѣдоносно внѣдряетъ американскіе товары по всѣмъ угламъ всего земного шара.

Русскій предприниматель иногда даже не отвѣчаетъ на письма съ предлагаемыми заказами или при открытіи новыхъ рынковъ не берется поставить партіи тѣхъ или другихъ предметовъ, если заказъ не будетъ обезпеченъ въ опредѣленномъ размѣрѣ.

Такъ, когда монгольскіе купцы сдѣлали заказъ одной русской фирмѣ на партію мѣдныхъ чайниковъ, то фирма отказалась отъ заказа, требуя непремѣнно обезпеченія заказа въ большомъ количествѣ, такъ какъ-де требовалось для выполненія его поставить новую машину.

И здѣсь, не говоря уже о расширеніи внутренняго рынка, но даже при существующихъ размѣрахъ его, просто вслѣдствіе примѣненія другихъ пріемовъ отношенія къ рынку, могло бы быть немало сдѣлано.

Старый режимъ, опутывая все запретами, ставилъ осуществленіе всякой иниціативы въ зависимость отъ разрѣшенія сверху, подавлялъ энергію среди широкихъ массъ населенія, и хотя промышленныя силы есть въ Россіи, но онѣ остаются безъ дѣла, неиспользованными, такъ же неиспользованными, какъ наши лѣса, наши горныя богатства.

И съ этой стороны необходимо было бы индустріализировать характеръ русскаго населенія, воскресить въ немъ былую энергію и иниціативу, а въ этой энергіи не было нехватки у русскаго человѣка въ былыя времена: вѣдь шелъ же онъ и колонизовалъ огромныя пространства въ Европейской Россіи, въ Сибири, но старый режимъ внесъ разлагающее начало въ эту былую энергію.

Итакъ, въ общемъ, нельзя не сказать, что природа щедро надѣлила Россію, и что небо дало, то хорошо, а то, что оно предоставило людямъ у насъ самимъ сдѣлать, чтобы обратить эти богатства себѣ на потребу, то пока нехорошо.

Недаромъ говорятъ, что еслибы американцевъ, съ ихъ нравами и учрежденіями, съ ихъ духомъ и творчествомъ, съ ихъ энергіей и психологіей

переселить въ Россію, Россіи цѣны бы не было, и она въ самое короткое время сдѣлалась бы неузнаваемой.

Хочется, однако, думать, что идея о первенствующемъ значеніи развитія производительныхъ силъ нашей страны проложитъ, наконецъ, себѣ русло и въ массы населенія, и руководители нашей экономической политики не въ состояніи будутъ отмахиваться отъ этой идеи и отъ ея конкретнаго воплощенія въ жизни; и тогда русскій человѣкъ, въ концѣ-концовъ, получитъ ту правовую обстановку и ту свободу, при которой возможно будетъ сильное и яркое экономическое творчество, и, при обширности своей территоріи, фигурально выражаясь, при богатствѣ красокъ, онъ въ состояніи будетъ нарисовать новыя великія картины, въ которыхъ проявятся былая, но теперь пока дремлющая смѣлость и отвага.

Нашъ основной промыселъ—сельское хозяйство—находится въ весьма тяжелыхъ условіяхъ сравнительно съ другими странами.

Такъ, если по даннымъ 1909 г. урожайность въ Канадѣ пшеницы съ десятины достигаетъ 96 пуд., а въ 1906 г.—даже 100 пуд., то у насъ урожайность пшеницы въ 1906 г. была 36 п., а въ 1909 г.—54 п.

Въ Японіи эта урожайность съ 1905 по 1909 г. колеблется отъ 75 до 90 п., въ Новой Зеландіи—отъ 112 до 165, въ Даніи—отъ 183 до 197 п., и въ Германіи—отъ 128 до 137.

Притомъ нельзя не замѣтить, что 1909 г. былъ у насъ рекорднымъ годомъ по урожаю.

Урожай ржи въ Японіи колеблется за тѣ же годы отъ 81 п. до 96 п., въ Даніи—отъ 107 до 131 п., въ Германіи—отъ 104 до 123 п., въ Швеціи—отъ 83 до 106 п., а въ Россіи эта урожайность колеблется отъ 37 до 52 п. (37—въ 1906 г., 52 п.—въ 1909 г.). (См. діагр. № 1).

Всѣ эти свѣдѣнія взяты изъ сборника статистико-экономическихъ свѣдѣній по сельскому хозяйству Россіи и иностранныхъ государствъ (г. 4-й).

Лучше всего это иллюстрируется прилагаемыми при семъ діаграммами.

Причинъ такого положенія вещей весьма много: и наша община затрудняла примѣненіе сельско-хозяйственныхъ улучшеній, и мало средствъ удѣлялось на поднятіе сельско-хозяйственной культуры; такъ, по даннымъ самого главнаго управленія земледѣлія и землеустройства (законопроектъ о преобразованіи центральныхъ и мѣстныхъ установленій главнаго управленія земледѣлія и землеустройства, № 7690), расходы на улучшеніе сельскаго хозяйства, по разсчету на 1 десятину посѣвной площади, въ Норвегіи достигаютъ 2 р., въ Венгріи—2 р., въ Пруссіи—1 р. 33 к., въ Бельгіи—1 р., въ Швеціи—52 к., въ Сѣверо-Ам. Соед. Штатахъ—42 к., въ Россіи всего расходовалось въ 1908 г. 6 коп., а въ 1909 г.—9 коп. (діаграмма № 2).

Очевидно, при этихъ условіяхъ не поднимешь высоко сельско-хозяйственной культуры.

Нельзя также не принять во вниманіе роста нашего бюджета, который все больше и больше средствъ бралъ у нашего населенія, и общей умственной темноты этого послѣдняго, и малаго развитія кооперацiи въ Россіи: единенію людей у насъ, при старомъ режимѣ, ставились преграды, а вслѣдствіе этого крестьянину приходилось переплачивать и на предметахъ потребленія, такъ какъ мало у насъ было потребительныхъ обществъ, и получать нужныя ему средства взаймы на ростовщическихъ условіяхъ, и годовые проценты здѣсь достигали 30, 40, 60 и даже больше.

Но стоило ослабить этотъ прессъ, который лежалъ на массахъ русскаго населенія, и кооперація стала пускать свои корни и у насъ; такъ, если кредитныхъ товариществъ въ 1904 г. въ Россіи всего числилось 378, то къ 1912 г. ихъ стало 7.200, потребительныхъ обществъ въ 1904 г. было 930, а къ 1912 г.—5.500, ссудосберегательныхъ товариществъ въ 1904 г.—852, а къ 1912 г.—3.800, сельско-хозяйственныхъ обществъ было 700, а къ 1912 г. ихъ количество поднялось до 3.500; количество маслодѣльныхъ артелей увеличилось съ 80 до 1.500, а сельско-хозяйственныхъ товариществъ съ 75 до 400, трудовыхъ артелей—съ 70 до 340 (см. діаграмму № 3).

Итакъ, деревня ищетъ въ настоящее время новыхъ путей хозяйственной жизни, объ этомъ же свидѣтельствуетъ и усиленный ввозъ къ намъ и сельско-хозяйственныхъ машинъ.

Но если сельское хозяйство находится у насъ въ печальномъ положеніи, то и съ животноводствомъ дѣло обстоитъ не лучше. Я приведу здѣсь цифры нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ, но картина была бы той же, еслибы я привелъ данныя за болѣе продолжительный періодъ времени: такъ, количество лошадей, по разсчету на 100 жителей, въ 1905 году у насъ было 22 а въ 1908 г.—21,4, количество крупнаго рогатаго скота за этотъ срокъ упало, съ 33,8 до 32,5, количество свиней съ 10,1 до 9,5, а количество овецъ, козъ и барановъ—съ 62,6 до 60,3 (см. діаграмму № 4).

Съ овцами обстоитъ дѣло совсѣмъ плохо: распашки въ Россіи Европейской увеличиваются, и приходится овецъ переселять въ Сибирь.

Для поднятія сельскаго хозяйства нужно принять самыя энергичныя мѣры, не останавливаться передъ затратами крупныхъ средствъ, нужно дать больше средствъ нашимъ учрежденіямъ мелкаго кредита, озаботиться распространеніемъ сельско-хозяйственныхъ знаній въ населеніи, и такъ далѣе.

Посмотримъ теперь на развитіе русской промышленности.

Первое мѣсто по обрабатывающей промышленности у насъ занимаетъ обработка хлопка (общая сумма производства къ началу 1909 г. достигла 28 милл. р.); обработка питательныхъ веществъ, не обложенныхъ акцизомъ, оцѣнивается въ 675 милл. р., обработка питательныхъ веществъ, обложенныхъ акцизомъ,—въ 542 милл. р., обработка металла—въ 427 милл. р., обработка шерсти—въ 225 милл. р. (см. діаграмму № 5).

Если мы возьмемъ ростъ промышленности въ Россіи съ 1887 г. по 1908 г., то за это время количество рабочихъ у насъ успѣло вырасти (въ круглыхъ цифрахъ) съ 1 м. 300 тыс. до 2.660 тыс., а сумма производствъ съ 1.334 милл. р. до 4.906 милл. р., число отдѣльныхъ заведеній промышленныхъ съ 30.888 до 39.494.

Средняя производительность одного заведенія также сильно поднялась—съ 440 тыс. р. до 1.270 т. р. (см. д. № 6).

Но если промышленность въ Россіи и растетъ, то все-таки въ ряду другихъ странъ Россія занимаетъ мѣсто, далеко не соотвѣтствующее ея территоріи и количеству населенія.

Это объясняется малой покупательной способностью нашего населенія: промышленности трудно при этихъ условіяхъ развернуться у насъ.

И наша бѣда состоитъ не въ томъ, что у насъ промышленность мало развивается, а въ томъ, что мы въ своемъ промышленномъ ростѣ все больше и больше отстаемъ отъ другихъ странъ (см. мою книгу „Оборотная сторона бюджета“, гдѣ приведены діаграммы, иллюстрирующія это положеніе).

Посмотрите хотя бы на характерную діаграмму по добычѣ нефти въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Россіи за годы 1884—1908 гг. (д. № 7): какъ Россія успѣла отстать отъ Соединенныхъ Штатовъ за это время!

И въ этомъ отношеніи опять повинна въ извѣстной степени наша политика: мы не пускаемъ въ обработку новыхъ нефтяныхъ участковъ за послѣдніе годы.

Еще въ 1901 году Россія занимала первое мѣсто по добычѣ нефти (на ея долю выпадало тогда 681 милл. пуд., или 50,6% всего мірового производства). На Соединенные Штаты въ 1901 году приходилось добытой нефти 555 м. пуд., т.-е. 41,2%. Въ 1911 г. добыча Соединенныхъ Штатовъ поднялась до 1.794 м. п., что составило 63,1% всей міровой добычи, а на Россію выпало 559 м. п. (19,6%). Въ 1912 г. по приблизительнымъ даннымъ добыча Соединенныхъ Штатовъ должна составить 1.760 м. п. (если судить по результатамъ добычи за первые 9 мѣс. 1912 г.), а на Россію — 560 м. п., т.-е. только уже 19,7% всей міровой добычи. Итакъ, роль Россіи сильно упала: съ 50,6% до 19,7% за эти 10—11 лѣтъ. Эти цифры взяты изъ „Краткаго очерка состоянія нефтяной промышленности въ 1912 г.“ (изд. Совѣта Съѣздовъ нефтепромышленниковъ).

У насъ наблюдается истощеніе нефтеносности эксплуатируемыхъ площадей; такъ, если на Балаханской площади въ 1906 г. средняя суточная добыча нефти изъ скважинъ составляла 348 п., въ 1907 г.—301, въ 1908 году—281, въ 1909 г.—274, въ 1910 г.—246, въ 1911 г.—230, а въ 1912 уже только 220.

На Сабунчакской площади средняя суточная добыча упала за это время съ 900 п. до 474 п., на Раманинской площади—съ 1.739 п. до 832 п., а на Биби-Эйбатской—съ 2.167 п. до 932 п.

Давно пора было предоставить для эксплоатаціи новыя нефтяныя площади, но, къ сожалѣнію, у насъ не торопились съ этимъ, и этимъ въ значительной степени объясняется у насъ паденіе добычи нефти и поднятіе цѣнъ на нее, что такъ тяжело отражается на нашей промышленности, особенно въ настоящее время, когда поднялись цѣны и на уголь.

Наша желѣзодѣлательная промышленность въ 1910 г. опредѣляется въ 185,6 милл. п., при чемъ львиная доля — 126,4 милл. п. выпадаетъ на югъ Россіи, а 39 милл. п.—на Уралъ, 15,3 милл. п.—на Царство Польское. Югъ Россіи забилъ Уралъ, хотя за послѣднее время и наблюдаются признаки оживленія этого послѣдняго, но въ общемъ укладъ жизни сложился на Уралѣ весьма неблагопріятно для развитія тамъ желѣзодѣлательной промышленности (см. д. № 8).

Каменнаго угля добыто въ 1910 г.—1 милліардъ 510 милл. п., львиная доля выпадаетъ на Донецкій бассейнъ — свыше 1 милліарда пудовъ (см. д. № 9).

Изъ общей массы производимаго у насъ каменноугольнаго топлива на потребленіе въ промышленности идетъ (данныя 1908 г.) 767 милл. п., на желѣзныя дороги—380 милл. п. (см. д. № 10).

Россія весьма богата своими естественными богатствами, а, между тѣмъ, посмотрите, хотя бы по добычѣ золота въ общей міровой добычѣ Россія составляетъ всего 7,21%, тогда какъ на Африку выпадаетъ 41,4%, на Соед. Штаты — 20,58%, на Австралію — 12,74%. („Вѣстникъ Фин.“ 1912 г., № 8.) (См. д. № 11.)

За послѣдніе годы добыча золота и мѣди у насъ довольно сильно поднялась: такъ, еще въ 1906 году выплавлено было мѣди 600 тыс. пуд., а въ 1911 г.—уже 1.423 тыс. пуд. Золота было добыто въ 1907 году—2.725 пуд., а въ 1911 г.—3.584 пуд. (въ 1910 г. даже—3.885 пуд.).

Но эта добыча могла бы значительно подняться, еслибы у насъ были пути сообщенія.

Даже въ смѣтѣ Горнаго департамента на 1913 г. мы читаемъ, что золотыя розсыпи въ нѣкоторыхъ районахъ Западной Сибири остаются безъ разработки, исключительно изъ-за отсутствія дорогъ, связывающихъ эти районы съ населенными пунктами, и изъ-за невозможности вслѣдствіе этого доставить на мѣсто необходимыя устройства и предметы продовольствія...

Съ другой стороны, мы слишкомъ мало расходуемъ средствъ на геологическія изслѣдованія, и „значительная часть Восточной Сибири въ настоящее время остается совершенно неизслѣдованной въ отношеніи золотоносности“.

„Между тѣмъ случайныя открытія указываютъ на существованіе внѣ пріисковыхъ районовъ богатыхъ залежей золота“. А далѣе особенно сложнымъ тормозомъ къ развитію золотопромышленности въ Восточной Сибири служитъ опять отсутствіе здѣсь путей сообщенія. „Нѣкоторые пріисковые районы

являются настолько трудно доступными, что доставка туда пуда груза обходится до 4 р. и болѣе, при чемъ большую часть года районъ является совершенно закрытымъ для грузового движенія.

И проведеніе дорогъ является здѣсь одной изъ самыхъ насущныхъ нуждъ, если только мы хотимъ развить нашу золотопромышленность.

А между тѣмъ вѣдь золото намъ нужно: у насъ огромная заграничная задолженность.

Этому же использованію нашихъ ископаемыхъ препятствуетъ и то обстоятельство, что мы не знаемъ нашихъ богатствъ: мы слишкомъ мало расходуемъ средствъ на геологическія изслѣдованія; такъ, на 1 кв. километръ пространства Гессенъ расходуетъ 456 пфен., Эльзасъ-Лотарингія — 199 п., Бельгія—185, Пруссія—180, Баденъ—166, Великобританія—116, Данія—95, даже наша сосѣдка Финляндія—15, а Россія—всего 3 пфеннига. (См. д. № 12.)

Мы, голодные и холодные, ходимъ по нашей территоріи, не зная, какія богатства находятся въ нѣдрахъ нашей земли, и въ этомъ повинны наша экономическая политика, малое развитіе нашей культуры.

Въ самомъ дѣлѣ, уже раньше упоминалось о маломъ развитіи у насъ путей сообщенія, почты, а вотъ возьмите, хотя бы такое важное орудіе общенія людей, какъ телефонъ; опять, какъ мало развито пользованіе имъ у насъ: по даннымъ 1909 г. на каждые 100 жителей приходилось абонентовъ въ Соединенныхъ Штатахъ 7,6, въ Даніи—3,3, въ Швеціи—3,1, въ Норвегіи—2,3, въ Швейцаріи — 2, въ Германіи — 1,5, въ Англіи — 1,3, а въ Россіи — 0,1. („Вѣстникъ Финансовъ“, 1911 г., № 23.)

Всего телефоновъ за послѣднее время въ мірѣ исчисляется почти 11.236 тыс., и изъ этого количества 68,2%, т.-е. 7.660 тыс., приходится на Соединен. Штаты, 8,9%—на Германію, 5,7%—на Англію и 1,5%, т.-е. 172.900, на Россію. (См. д. № 13.)

Возьмите хотя бы далѣе распространеніе газетъ: по даннымъ 1908 г. на каждые 100 жителей въ Соед. Штатахъ приходится 10.700 экз., на Германію—4.183, на Норвегію—3.642, на Данію—3.282, на Нидерланды—2,435, а на Россію только—300. (См. д. № 14.)

При такой умственной тьмѣ и маломъ распространеніи печатнаго слова естественно, что мы не можемъ использовать нашихъ богатствъ.

Какъ можетъ использовать богатства, посланныя намъ небомъ, темный человѣкъ, умственно неразвитой, ходящій по міру съ завязанными глазами?

Но и помимо того, чтобы использовать богатства, нужно расходовать средства, возьмите хотя бы лѣсное дѣло: нужно проводить дороги, расчищать рѣки, и т. д.

Мы отъ нашихъ сѣверныхъ лѣсовъ получаемъ дохода 5—6 коп. съ десятины въ годъ, тогда какъ Пруссія со своихъ лѣсовъ имѣетъ дохода

свыше 20 р., но зато Пруссія и расходуетъ на десятину лѣсной площади—3 р. 75 коп., Франція—2 р. 25 коп., а Россія—2,5 коп. (Діагр. № 15.)

Россіи нужно золото: значительная часть нашего долга находится за границей, и хотя за послѣднее время этотъ долгъ начинаетъ понемножку перекочевывать къ намъ, тѣмъ не менѣе, намъ много приходится уплачивать по нашему долгу, и мы стремимся сжимать привозъ въ Россію иностранныхъ товаровъ высокими таможенными ставками, и, наоборотъ, расширять нашъ вывозъ, чтобы получить такимъ путемъ нужное намъ золото.

Картина нашего привоза и вывоза наводитъ на грустныя мысли.

Мы ввозимъ къ себѣ такіе продукты, безъ которыхъ мы легко могли бы обходиться, будь только у насъ иная экономическая политика; такъ, въ 1911 г. мы ввезли хлопка-сырца къ себѣ почти на 106 милл. р., а, между тѣмъ, у насъ имѣются огромныя пространства въ нашихъ Среднеазіатскихъ владѣніяхъ, которыя, будучи орошены, дали бы возможность покрывать намъ весь спросъ хлопка (см. мои книжки „Оборотная сторона нашего бюджета“ и „На темы дня“).

Впрочемъ, нѣкоторый прогрессъ и здѣсь за послѣднее время имѣетъ мѣсто: такъ, если въ 1900 г. изъ общей массы переработаннаго хлопка въ 16 милл. п. на долю иностраннаго хлопка выпадало 9,9 милл. п., а на русскій хлопокъ—6,1, то въ 1910 г. было переработано 22 милл. п., и въ то время какъ на долю иностраннаго хлопка выпало 10,8 м. п., на долю русскаго—11,2 м. п. (см. д. № 16).

Вообще же изъ общаго количества веретенъ (данныя 1911 г.) въ 139,3 милл. на Великобританію выпадаетъ 55 милл., на Германію—10,6 м., на Францію—7,4 м., а на Россію—8,8 м., на Соед. Штаты—29,5 м. (см. Іоксимовичъ „Прибыли и дивиденды мануфактурныхъ предпріятій за 1902—1911 г.“) (см. д. № 17).

Нельзя не отмѣтить здѣсь великой назрѣвающей опасности: хлопкомъ снабжаютъ въ настоящее время другія страны Соед. Штаты, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ приводимая здѣсь діаграмма.

А, между тѣмъ, за послѣднее время Соед. Штаты начинаютъ все больше и больше развивать у себя хлопчатобумажную промышленность, и съ дальнѣйшимъ ея развитіемъ они будутъ все меньше и меньше вывозить въ другія страны хлопка-сырца. Такъ, еще въ 1890 г. количество веретенъ въ Соед. Штатахъ составляло 14,6 милл., а въ 1910 г.—уже 28 милл., количество же веретенъ Великобританіи за это время поднялось лишь съ 44,8 до 53,7 милл. (см. д. № 18).

Уже въ виду этого нужно озаботиться объ эмансипаціи себя отъ снабженія хлопкомъ со стороны Соед. Штатовъ.

Печа́льно, что мы въ 1911 г. ввезли шерсти на 68 милл. Казалось бы, Россія—сельско-хозяйственная страна—должна была бы располагать своей собственной шерстью, а, между тѣмъ, вслѣдствіе паденія овцеводства, мы ее ввозимъ на очень крупную сумму.

Мы ввезли каменнаго угля на 33 милл., и особенно этотъ ввозъ имѣетъ мѣсто въ нашъ Прибалтійскій районъ, и, слѣдовательно, въ случаѣ какого-либо осложненія съ другими странами можетъ остановиться вся промышленность въ этомъ районѣ вслѣдствіе прекращенія подвоза каменнаго угля.

Писчебумажнаго товара мы ввезли на 24,4 м. р. Казалось бы, самимъ небомъ назначено намъ снабжать не только себя, но и другія страны бумагой, такъ какъ у насъ много лѣсовъ, но опять мы не умѣемъ производить и бумаги; даже воску пчелинаго мы ввезли на 5 милл.: опять сельско-хозяйственной странѣ не къ лицу, казалось бы, ввозить воскъ изъ-за границы (см. по этому поводу мою книгу „На темы дня“).

Даже селедокъ, соленыхъ и копченыхъ, мы ввезли на 21 м.: у насъ наблюдается паденіе рыболовства...

Сала и масла ввезли на 14 милл. р. Опять, казалось бы, разъ мы—страна сельско-хозяйственная, должны были бы снабжать себя своимъ саломъ.

Кожъ ввезено нами на 36,5 м. р. (см. подробнѣе мой атласъ діаграммъ „Наша торговля“).

Эта печальная картина привоза лучше всего характеризуется приводимою здѣсь діаграммой (см. № 19).

Наша вывозная торговля, главнымъ образомъ, покоится на вывозѣ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, вывозъ продуктовъ животноводства играетъ сравнительно небольшую роль. За послѣднее время подъ вліяніемъ урожайныхъ лѣтъ вывозъ хлѣба очень увеличился, растетъ вывозъ яицъ и масла (діаграммы по этому вопросу можно найти въ моемъ атласѣ діаграммъ „Наша торговля“).

Еще въ 1895 г. сельско-хозяйственныхъ продуктовъ отъ насъ было вывезено на 608 милл. р., а въ 1911 г.—на 1 милліардъ 365 милл. р.

Главнымъ образомъ, обороты по внѣшней торговлѣ мы совершаемъ съ Германіей; такъ, вывозъ въ 1911 г. въ Германію составилъ 490 милл. р., въ Великобританію—336 м. р., въ Голландію—188 м. р., и такъ далѣе, а привозъ въ томъ же году изъ Германіи составилъ 476 м. р., изъ Великобританіи—154 м. р. (см. діаграмму № 20).

Балансъ по внѣшней торговлѣ достигаетъ у насъ весьма крупной цифры—нѣсколько сотъ милл. рублей, и это-то даетъ намъ возможность покрывать проценты по нашему долгу, находящемуся въ значительной своей части за границей, оплачивать расходы нашихъ путешественниковъ и т. д.

Наша внѣшняя торговля зависитъ, главнымъ образомъ, отъ урожая: есть урожай, наблюдается большой притокъ золота изъ-за границы, нѣтъ

его, и притокъ золота сокращается, но и въ области внѣшней торговли нужно обратить самое серьезное вниманіе на вывозъ продуктовъ животноводства, для чего необходимо использовать примѣненіе холода.

Россія все-таки экономически растетъ. Нельзя этотъ фактъ обойти молчаніемъ.

Правда, при другой политикѣ она могла расти еще быстрѣе.

Въ настоящее время хотя Россія и растетъ экономически, но все же она отстаетъ отъ другихъ странъ въ этомъ ростѣ.

За послѣднее время угольный голодъ охватилъ Россію, и нѣкоторымъ заводамъ это чуть ли не грозитъ пріостановкой работъ.

По газетнымъ свѣдѣніямъ, не хватаетъ бумаги, ощущается недостатокъ въ нефти, цементѣ, кирпичѣ и т. д.

Да, Россіи нужно иное промышленное оборудованіе...

Правда, нѣкоторыя отрасли испытываютъ затрудненія въ сбытѣ, возьмите хотя бы мануфактурный рынокъ, но это объясняется недостаточнымъ урожаемъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, а, съ другой стороны, быть-можетъ, и тѣмъ, что мануфактурный товаръ разсчитанъ, главнымъ образомъ, на деревенскій рынокъ, а деревня за послѣднее время стремится обзавестись побольше землей, и въ землю она вкладываетъ все, что у нея есть, сокращая свое потребленіе; съ другой стороны, деревня переходитъ къ инымъ формамъ хозяйственной жизни, и ей для этого нужны сельско-хозяйственныя машины, улучшенное удобреніе, и опять это поглощаетъ свободныя средства деревни.

Въ самомъ дѣлѣ, если на мануфактурный товаръ деревенскій рынокъ сжимается, то онъ поглощаетъ все больше и больше сельско-хозяйственныхъ машинъ.

Кооперативныя учрежденія въ деревнѣ растутъ, и все это говоритъ объ интенсивной работѣ въ нашей деревнѣ, и, принимаясь за работу, деревня сокращаетъ свои чисто потребительскіе расходы.

Конечно, еслибы мы въ нашей политикѣ больше шли навстрѣчу нашей деревнѣ въ ея созидательной работѣ, эта работа приняла бы болѣе яркія формы...

Но мы, къ сожалѣнію, предоставляемъ деревнѣ самой своими силами выходить изъ этого тупика, въ которомъ она сейчасъ находится, и все-таки, несмотря на все это, она карабкается и тянется къ свѣту, къ работѣ...

Этимъ моментомъ мы должны воспользоваться и постараться ввести другіе пріемы хозяйственной жизни въ нашъ обиходъ.

Чтобы дать представленіе о русскомъ доходномъ и расходномъ бюджетѣ, я прилагаю здѣсь 2 діаграммы бюджета Россіи по проекту росписи

на 1912 г. (измѣненія, произведенныя законодательными учрежденіями, не велики).

Такъ, обыкновенный доходный бюджетъ по проекту росписи составлялъ 2.855 милліон. р., а по утвержденному бюджету—2.896 милліон. р., а съ чрезвычайными рессурсами почти—3.002 милліон. р.

Расходный бюджетъ по проекту (обыкновенные расходы)—2.686 м. р., а по бюджету, прошедшему всѣ стадіи, почти 2.670 м. р., а съ чрезвычайными расходами опять почти 3.002 м. р.

Въ нашемъ доходномъ бюджетѣ главную роль играетъ доходъ отъ казенной винной операціи—751,8 милліон. р., а если присоединить сюда сборы съ питей (45 милліон. р.), то доходъ отъ обложенія спиртныхъ напитковъ составляетъ почти 800 милліон. р. Доходъ отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ числится въ суммѣ 634 милліон. р., таможенный доходъ—328,6 м. р. сахарный доходъ—128 м. р., табачный—66 м. р., нефтяной—46 м. р., почтовый доходъ—72 м. р., доходъ съ телеграфовъ и съ телефоновъ—около 35. Государственный промысловый налогъ—119 м. р., налоги поземельный и съ недвижимыхъ имуществъ—77,5 (см. діаграмму № 21).

Нельзя не замѣтить, что у насъ доходы исчисляются весьма преуменьшенно, и дѣйствительныя поступленія превышаютъ предположительныя исчисленія.

Такъ, по бюджету на 1911 г. обыкновенные доходы были исчислены въ 2.707 м. р., а поступило 2.951 м. р.

Такой пріемъ исчисленія налагаетъ тяжелую руку на удовлетвореніе нашихъ культурныхъ потребностей.

Доходъ отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ на 1911 г. былъ исчисленъ въ 601,3 м. р., а получилось 708 м. р.

Бѣглый брошенный взглядъ на нашъ доходный бюджетъ показываетъ, что у насъ весьма ничтожную роль играетъ прямое обложеніе, а, главнымъ образомъ, бюджетъ питается налогами отъ потребленія.

Стоитъ сравнить нашъ русскій доходный бюджетъ съ англійскимъ доходнымъ бюджетомъ: тамъ подоходное обложеніе играетъ очень крупную роль (свыше 400 м. р.), а у насъ его вовсе нѣтъ. Тамъ далѣе весьма крупную роль играетъ обложеніе наслѣдственныхъ массъ, а у насъ оно ничтожно.

Вслѣдствіе соціальнаго состава нашего населенія и того, что массы населенія у насъ пока еще не оказываютъ своего вліянія на государственное хозяйство, у насъ въ бюджетѣ не проявляется демократическихъ тенденцій.

Это антидемократическое строеніе нашего бюджета еще нагляднѣе обнаруживается, если мы посмотримъ на обложеніе у насъ земли; такъ, по даннымъ 1909 г. крестьяне со своей земли уплачиваютъ всѣхъ окладныхъ

сборовъ—1 р. 13,3 к., а частные владѣльцы—только 40 коп. Это, главнымъ образомъ, объясняется тѣмъ, что помѣщики не участвуютъ въ мірскихъ сборахъ.

У насъ здѣсь въ сферѣ обложенія разною мѣрою мѣряютъ...

За послѣднее время у насъ приняты мѣры для развитія сельско-хозяйственнаго винокуренія, и эти мѣры въ извѣстной степени увѣнчались успѣхомъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ прилагаемая діаграмма.

Эти мѣры сводятся къ поощренію вообще сельско-хозяйственнаго винокуренія путемъ установленія безакцизныхъ отчисленій, а затѣмъ къ нѣкоторымъ преимуществамъ для мелкихъ винокуренъ въ правѣ поставки спирта въ казну. За десятилѣтіе съ 1895—96 по 1905—6 г. количество сельскохозяйственныхъ винокуренныхъ заводовъ увеличилось съ 1.463 до 2.080, а общее количество заводовъ поднялось съ 2112 до 2552. (См. д. № 22).

Винокуреніе у насъ пользуется, какъ матеріаломъ для производства, главнымъ образомъ, картофелемъ (см. діаграмму № 23).

Продажа спиртныхъ напитковъ у насъ совершается, главнымъ образомъ, въ сороковкахъ (37,3% всего проданнаго вина) и въ двадцаткахъ, (30,4%), сотками же продается только 10, 8%, и уже совсѣмъ немного отпускается въ двухсоткахъ. Этимъ и объясняется, что когда въ Государственной Думѣ былъ поднятъ вопросъ объ изъятіи сотокъ, двухсотокъ и сороковокъ, то Министерство Финансовъ выразило согласіе на изъятіе сотокъ и двухсотокъ, но категорически высказалось противъ изъятія посуды бо̀льшихъ размѣровъ, начиная съ сороковокъ, такъ какъ это поставило бы на карту значительную долю потребленія спиртныхъ напитковъ. Приведенныя данныя относятся къ 1908 г. (см. д. № 24).

Въ расходномъ бюджетѣ крупнѣйшую роль играютъ расходы на казенныя ж. д.—523,4 милліон. р., и расходы по государственному кредиту—404,5 м. р.

На 1913 г. платежи по государственнымъ займамъ понижаются до 402,9 м. р., такъ какъ за послѣднее время изъ бюджетныхъ остатковъ начали погашать нашъ государственный долгъ, и если онъ у насъ недавно превышалъ 9 милліард. рубл., то на 1 января 1913 г. онъ составилъ уже 8.845,7 м. р.

Изъ 402,9 м. р., ассигнуемыхъ на платежи по государственному долгу, 371 м. р. приходится на уплату процентовъ по нашему долгу, а 30,7 м. р.—на уплату капитала.

По даннымъ 1905 г. государственнаго долга на голову населенія во Франціи приходилось 285,5 р., въ Италіи—141 руб., въ Великобританіи—122,2, въ Германіи—117,2, въ Россіи—56,9, въ Соед. Штатахъ—57,6 (см. д. № 25). А, между тѣмъ, доходъ на голову населенія въ Соед. Штатахъ въ нѣсколько разъ больше дохода у насъ...

Казенная винная операція требуетъ по проекту росписи на 1912 г. 193 м. р., оборона государства—581,6 м. р., гражданское управленіе (въ томъ числѣ общіе расходы по управленію, судъ и тюрьмы, полиція, почта, землеустройство, сельское хозяйство и т. д).—508,2 м. р., просвѣщеніе, науки и искусства—141,7 м. р. (см. подробнѣе діаграмму № 26).

По проекту росписи на 1913 г. обыкновенные доходы исчислены въ суммѣ 3.169 м. р.

Доходъ отъ казенной винной монополіи на 1913 г. опредѣленъ по проекту росписи въ 800 т. р. (дѣйствительное поступленіе за 1911 г.—783 м. р.) Лѣсной доходъ исчисленъ въ 89 м. р. (а за 1911 г. онъ далъ 80 м. р.). Доходъ отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ исчисленъ въ суммѣ 782 м. р.

По предположенію министра финансовъ за 1912 г. общая сумма обыкновенныхъ доходовъ можетъ составить 3.072 м. р. Въ росписи на 1913 г. увеличиваются и расходы на культурныя потребности, такъ, кредиты по Министерству Народнаго Просвѣщенія увеличиваются на 19,4 м. р., по Главному Управленію Земледѣлія и Землеустройства — на 19 м. р. Сильно увеличивается и расходъ по государственной оборонѣ.

Въ нашемъ расходномъ бюджетѣ расходы культурнаго порядка играютъ сравнительно небольшую роль; правда, и въ другихъ бюджетахъ не Богъ знаетъ какую роль они играютъ, такъ какъ въ государственныхъ бюджетахъ крупныя средства поглощаетъ государственная оборона, но тамъ бюджеты самоуправленій значительно больше бюджетовъ нашихъ самоуправленій, и культурные расходы, главнымъ образомъ, относятся на нихъ.

Возьмите хотя бы Англію, тамъ иначе сложились отношенія центральной правительственной власти къ самоуправленіямъ, и правительственная власть передаетъ имъ много функцій, снабжая ихъ притомъ крупными средствами; тамъ полное довѣріе центральной власти къ самоуправленіямъ, и правительственная власть дружески кооперируетъ въ культурной работѣ съ ними: она имъ какъ бы говоритъ: вамъ виднѣе мѣстныя культурныя потребности, осуществляйте же ихъ, а мы вамъ дадимъ для того средства.

У насъ исторически не сложилось этого довѣрія, и наши самоуправленія располагаютъ ничтожными средствами. Такъ, возьмите хотя бы всѣ наши земства, по предварительнымъ даннымъ (напечатаннымъ въ „Вѣстникѣ Финансовъ“), въ 1910 г. они располагали средствами въ суммѣ около 170 м. р., и львиная доля получаемыхъ ими доходовъ собиралась съ земель и лѣсовъ — 86,5 милл. руб., а затѣмъ съ фабрично-заводскихъ и торгово-промышленныхъ помѣщеній—около 20,5 милліон. р., съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ—12,4 милл. руб. и т. д. (Діаграмма № 27). За подробностями я отсылаю къ моей книжкѣ „Земское обложеніе и въ чемъ должна состоять его реформа“.

Полѣновъ. Великій князь Александръ Александровичъ во время Русско-Турецкой войны.

Музей Александра III.

Полный Александр Сергеевич Пушкин

Адрес: г. Москва, Тверской бульвар, дом Арбатско-Пресненской

Место рождения: г. Москва

Место работы: Университет Российской Академии Образования

Место учебы: Университет Российской Академии Образования

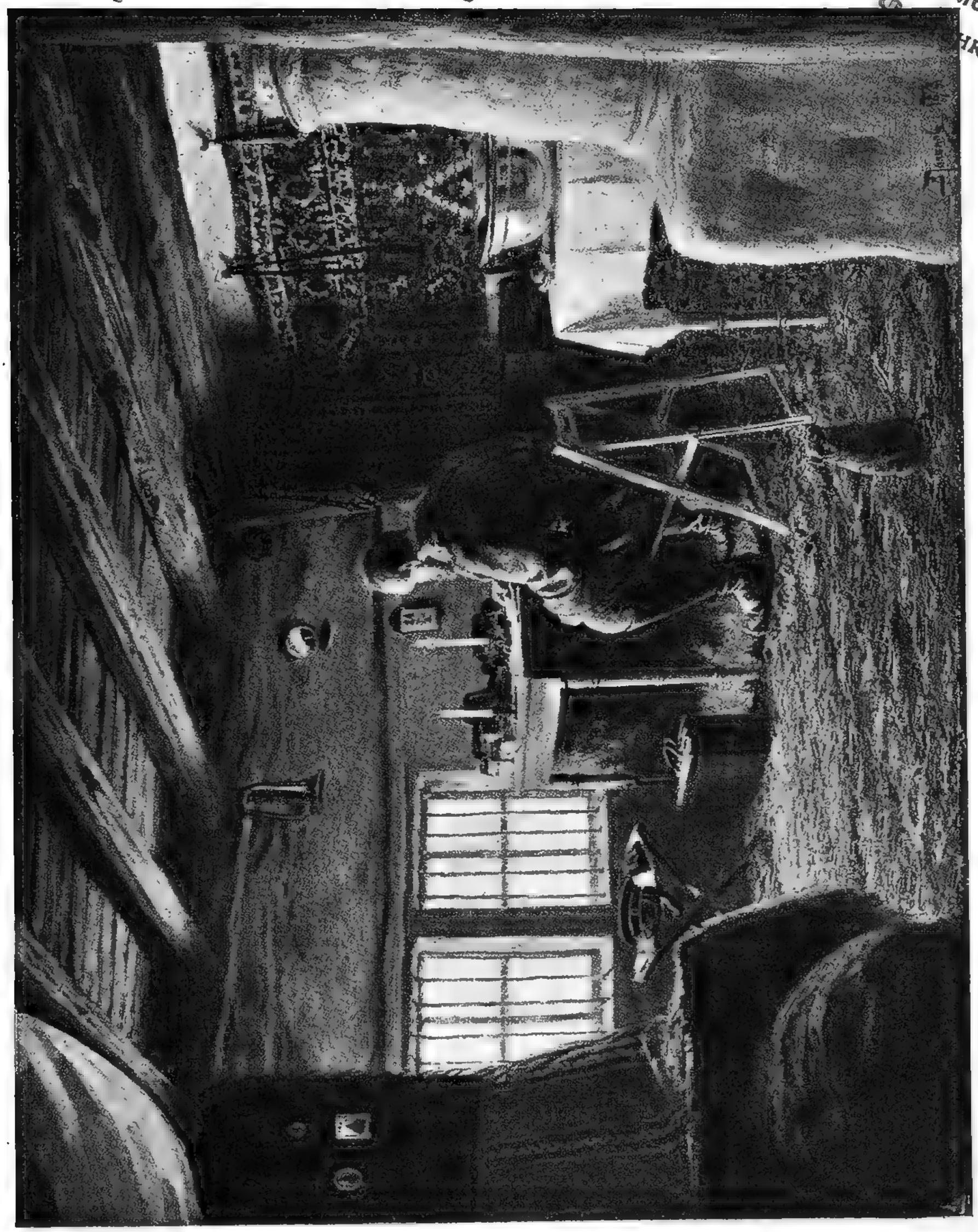
Место жительства: г. Москва, Тверской бульвар, дом Арбатско-Пресненской

Место регистрации: г. Москва, Тверской бульвар, дом Арбатско-Пресненской

Место работы: Университет Российской Академии Образования

Место учебы: Университет Российской Академии Образования

БИБЛІОТЕКА СЛУЖАЩИХЪ
Управленія ж. д.
№29 ка, 117.



При такомъ бюджетѣ, конечно, далеко не уѣдешь. Дѣло не лучше обстоитъ и съ нашими городами. (См. мою книжку. „Большіе города, ихъ задачи и средства управленія“.)

Избирательная система, существующая въ настоящее время въ нашихъ земствахъ и городахъ, также налагаетъ свой особый отпечатокъ на направленіе дѣятельности и, въ частности, на финансовую политику нашихъ земствъ и городовъ.

Въ земствахъ избирательное право отдаетъ всю власть въ руки землевладѣльцевъ (см. мой атласъ діаграммъ „Наше земство“), а въ городахъ—въ руки домовладѣльцевъ, притомъ крупныхъ.

Какой незначительный процентъ городского населенія пользуется у насъ избирательными правами, видно изъ официальныхъ данныхъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Такъ, на 1000 человѣкъ населенія въ городѣ Вяткѣ приходится лишь 18 избирателей, въ Ярославлѣ—14, въ Симбирскѣ—12, въ Орлѣ — 11, въ Казани — 10, въ Москвѣ — 9, въ Одессѣ — 5 (см. д. № 28).

Этотъ фактъ объясняетъ, между прочимъ, у насъ нежеланіе нашихъ городовъ переоцѣнивать недвижимое имущество, и стремленіе за послѣднее время использовать въ фискальномъ отношеніи городскія предпріятія.

Итакъ, наши земства и города не располагаютъ крупными средствами, и недавнія проведенныя реформы увеличиваютъ ихъ средства на весьма незначительную сумму.

Не располагаютъ они и кредитомъ въ должныхъ размѣрахъ.

Посмотрите, какъ велика задолженность самоуправленій хотя бы въ Англіи, и сколько культурной работы выполнено на эти средства англійскими самоуправленіями, и въ то же время какъ ничтожна задолженность нашихъ городовъ и земствъ: бюджетъ всѣхъ нашихъ городовъ въ 1910 г. по даннымъ Мин. Фин., приложенный къ его представленію объ устройствѣ кредита для городовъ и земствъ, составлялъ 176,7 м. р. въ 1910 г., а вся задолженность нашихъ городовъ 322,8 м. р. Задолженность же нашихъ земствъ по тѣмъ же даннымъ достигаетъ всего 152 милл. руб. (См. діаграмму № 29).

Уже это намъ говоритъ, какъ скудно обставлены наши города и земства въ финансовомъ отношеніи, и какъ мало могутъ выполнять они вслѣдствіе этого культурную работу.

Правда, недавно создана особая касса для обслуживанія кредитомъ нашихъ самоуправленій, но она далеко не щедро снабжена средствами. Въ настоящее же время многія земства и города совершенно лишены возможности пользоваться кредитомъ.

Просыпаются Китай, Персія, Турція...

Вездѣ кипитъ работа, кипитъ она въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Аргентинѣ...

Африка все болѣе и болѣе втягивается въ международный оборотъ.

Въ культурныхъ странахъ колоссальныя средства начинаютъ расходоваться на школы, и здѣсь прививаются другіе навыки, вырабатывается иная воля, и на смѣну человѣка-раба встаетъ человѣкъ-творецъ новыхъ формъ хозяйственной жизни, и властнымъ своимъ словомъ этотъ новый человѣкъ вызоветъ спящія богатства.

Растетъ единеніе людей.

Посмотрите на колоссальный ростъ за послѣднее время всякихъ формъ единенія: растутъ потребительная кооперація, кредитные кооперативы, дружескія общества, и опять это единеніе людей обезпечиваетъ человѣку побѣду надъ природой и ея богатствами.

Накопляются матеріальныя средства, которыя находятся въ распоряженіи людей, и это поднимаетъ возможность у человѣка бороться за лучшее будущее, облегчаетъ ему овладѣваніе тайнами природы.

Самая жизнь человѣка удлиняется, и, несомнѣнно, у людей становится больше силъ и средствъ, чтобы прокладывать дорогу къ лучшему будущему.

Растетъ обезпеченность людей.

Посмотрите, какъ за послѣднее время все больше и больше распространяются всѣ виды страхованія, даже Англія, которая недавно вѣрила только въ принципъ самопомощи, и та переходитъ къ государственному страхованію обширныхъ массъ населенія. У насъ, въ Россіи, также выдвинутъ этотъ вопросъ, и въ настоящее время онъ доведенъ до благополучнаго конца. Все болѣе и болѣе разнообразныя нити начинаютъ связывать людей въ одно цѣлое: капиталы переходятъ для работы изъ одной страны въ другую, самъ человѣкъ сдѣлался чрезвычайно подвижнымъ, распространеніе цѣнныхъ бумагъ, ихъ эмиграція изъ одной страны въ другую, — все это связываетъ людей въ одно цѣлое, и люди, неустанно работая день изо дня надъ подчиненіемъ себѣ міровыхъ богатствъ, работаютъ въ то же время надъ сцементированіемъ себя въ одно органическое цѣлое...

И вслѣдствіе этого мы въ настоящее время кровно заинтересованы въ условіяхъ существованія вездѣ, гдѣ-бы ни находился человѣкъ; мы кровно заинтересованы въ созданіи вездѣ условій, благопріятныхъ для всесторонняго развитія у человѣка силъ, заложенныхъ въ немъ Небомъ, такъ какъ, вслѣдствіе этой нашей связанности другъ съ другомъ, эти условія не могутъ не сказываться на всѣхъ насъ.

И если гдѣ-либо правовыя условія ставятъ какой-нибудь народъ или часть населенія въ положеніе изгоевъ, и, слѣдовательно, тѣмъ самымъ куль-

тивируется населеніе озлобленное, не могущее развивать своихъ творческихъ силъ, то весь міръ въ настоящее время заинтересованъ въ измѣненіи этихъ условій, и, несомнѣнно, наступаетъ время, когда холодный суверенитетъ въ такихъ вопросахъ долженъ будетъ уступать свое мѣсто нарастающей общечеловѣческой солидарности, и первые признаки этого мы уже видимъ; конечно, пока люди еще слѣпо поклоняются старымъ нормамъ, освященнымъ вѣками, мысль ихъ плохо мирится съ вѣяніями новаго духа, идущими изъза океана.

Кредитныя отношенія, эти тонкія нити, которыя раскидываются въ настоящее время по всему свѣту, новой цѣпью крѣпко соединяютъ людей, а, съ созданіемъ прочныхъ правовыхъ условій повсемѣстно на земномъ шарѣ, эти кредитныя отношенія превратятся въ толстую паутину—крѣпкую, прочную, соединяющую весь міръ въ одну семью, и совершенно правъ Уэльсъ въ своей книгѣ „Великія иллюзіи“, гдѣ онъ, между прочимъ, предсказываетъ, что эти кредитныя отношенія самую войну даже для страны-побѣдительницы сдѣлаютъ невыгодной, такъ какъ война будетъ разрушать богатства, покоящіяся въ значительной степени въ настоящее время на кредитныхъ отношеніяхъ, и вести войну равносильно будетъ бить себя же самого.

Итакъ, подъемъ матеріальной культуры дастъ новыя громадныя средства людямъ для работы надъ покореніемъ себѣ природы, а экономическія нити тѣснымъ образомъ объединятъ человѣчество въ одно цѣлое.

Правда, милитаризмъ еще покажетъ себя, но современная техника въ концѣ-концовъ вмѣстѣ съ ростомъ международной солидарности сдѣлаетъ самую войну невозможной.

Вотъ какія перспективы открываются передъ нами, если мы будемъ вглядываться внимательно въ поступательный ходъ человѣчества.

И въ настоящее время позоромъ покрываютъ себя тѣ страны, которыя при современныхъ условіяхъ не могутъ справиться у себя съ голодовками, и гдѣ люди, несмотря на кипящую вокругъ нихъ работу, умираютъ съ голода.

Пройдетъ немного десятковъ лѣтъ, и люди съ изумленіемъ будутъ читать, какъ руководители внутренней политики какой-либо великой страны, при колоссальномъ бюджетѣ въ три милліарда, торгуются изъ-за 2 лишнихъ милліоновъ рублей, ассигнуемыхъ на народное образованіе, и въ глазахъ будущихъ поколѣній это, вѣроятно, сдѣлается классическимъ примѣромъ варварства начала XX вѣка...

Проф. И. Озеровъ.

Текущій моментъ.

Россія стоитъ въ настоящее время предъ исторической задачей укрѣпленія у себя правового строя.

Но какими реальными силами располагаетъ для этого страна, и имѣетъ ли она ихъ вообще?

Крестьянскія массы пока еще живутъ во тьмѣ и едва ли представляютъ изъ себя достаточную силу для закрѣпленія этого строя въ Россіи: у нихъ не выработалось навыка къ организованной, продолжительной дѣятельности. Подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ условій онѣ загораются, но этотъ пылъ скоро и тухнетъ.

Въ такомъ же положеніи находится и русскій рабочій классъ.

Русскій промышленный классъ, по выраженію одного русскаго экономиста, находится и въ настоящее время въ крѣпостныхъ тискахъ, представителямъ его постоянно приходится ходить съ поклономъ и бить челомъ по правительственнымъ канцеляріямъ, притомъ и нашъ бюджетъ такъ устроенъ, что промышленный классъ пока не является самостоятельнымъ факторомъ свободнаго политическаго развитія въ Россіи: столько у насъ путъ для промышленной дѣятельности, на все нужно получать разрѣшеніе сверху, а, чтобы получить это разрѣшеніе, нужно кланяться.

Какъ иллюстрацію этого положенія, я приведу общеизвѣстный за послѣднее время фактъ, что масса русскихъ предпріятій начинаетъ основываться у насъ за границей, по иностраннымъ законамъ. Это избавляетъ

отъ той волокиты, съ которой связано у насъ учрежденіе новыхъ предпріятій, и то, что у насъ можно сдѣлать, и то съ трудомъ, въ полгода, тамъ за границей можно сдѣлать въ нѣсколько дней, притомъ предпріятіе, учрежденное по иностраннымъ законамъ, получаетъ могущественную защиту въ лицѣ посланника соотвѣтствующей державы.

И такихъ предпріятій у насъ за послѣднее время немало.

Казалось бы, давно пора снять эти путы, но дѣло въ томъ, что при посредствѣ ихъ промышленный классъ держится у насъ въ обузданіи...

Бѣглый взглядъ, брошенный на нашъ доходный бюджетъ, вскрываетъ намъ картину закрѣпощенія промышленнаго класса; такъ, система казенныхъ желѣзныхъ дорогъ ставитъ въ зависимость отъ правительства весь промышленный классъ, такъ какъ, путемъ установленія тарифовъ въ томъ или другомъ размѣрѣ, извѣстные рынки могутъ быть закрыты или открыты.

Покровительственная политика также ставитъ въ зависимость отъ центральной власти промышленный классъ: всѣ нити экономическаго благосостоянія промышленнаго класса находятся въ рукахъ правительственной власти, а сахарная нормировка развѣ не ставитъ въ зависимость отъ правительственной власти всю группу сахаропромышленниковъ?

Винная монополія устанавливаетъ эту зависимость и для земледѣльцевъ, имѣющихъ свои винокуренные заводы, такъ какъ правительство опредѣляетъ цѣны на поставляемый въ казну спиртъ. А нашъ государственный банкъ и т. д.

При этихъ условіяхъ промышленному классу, которому приходится постоянно просить и кланяться, трудно сдѣлаться самостоятельнымъ факторомъ политическаго развитія.

Итакъ, соціальный составъ нашей страны пока неблагопріятенъ для закрѣпленія новаго строя, и реальныя силы у насъ еще недостаточно выращены, или онѣ находятся въ кабалѣ у администраціи.

Наша избирательная система передаетъ опредѣленіе воли Государственной Думы въ руки извѣстныхъ элементовъ, и главнымъ образомъ, въ руки землевладѣльцевъ: административное давленіе при выборахъ оказываетъ сильное вліяніе на подборъ членовъ Государственной Думы [1]). Но еслибы Государственная Дума что-нибудь и сдѣлала, то надъ ней стоитъ Государственный Совѣтъ (о чемъ рѣчь будетъ далѣе).

При такихъ условіяхъ, при отсутствіи прочныхъ реальныхъ силъ правительственная власть можетъ игнорировать Государственную Думу: она тогда только съ ней считается, когда это соотвѣтствуетъ ея видамъ.

Массы населенія нуждаются въ реформахъ, онѣ задыхаются въ атмосферѣ административной опеки и административнаго произвола, но пока нѣтъ силъ, которыя могли бы вывести изъ этого положенія Россію.

---

[1]) Это давленіе на выборы, повидимому, оказало вліяніе даже на нѣкоторое полѣвѣніе въ странѣ.

Своеобразный составъ Государственной Думы сказывается, конечно, и на характерѣ работы этой послѣдней: самые насущные интересы населенія оставляются безъ вниманія; такъ, приведу хотя бы одну иллюстрацію. Налоговое бремя распредѣляется у насъ неравномѣрно среди отдѣльныхъ группъ населенія, а, между тѣмъ, всѣ вопросы объ этомъ остались похороненными въ III-й Государственной Думѣ. Припомните хотя бы судьбы введенія подоходнаго налога въ Россіи, реформу наслѣдственнаго обложенія, или измѣненіе организаціи нашихъ мірскихъ сборовъ.

Государственная Дума III-го состава въ теченіе цѣлыхъ 5 лѣтъ не удосужилась разсмотрѣть эти вопросы, да еслибы даже она удѣлила этимъ вопросамъ достаточно вниманія, доведя ихъ до общаго собранія, то все равно составъ нашей Государственной Думы былъ бы весьма неблагопріятенъ для разрѣшенія этихъ вопросовъ въ интересахъ большихъ массъ населенія.

Затѣмъ, развѣ въ Государственной Думѣ были достаточно затронуты и освѣщены наша экономическая политика или вопросы объ отмѣнѣ исключительныхъ положеній, о созданіи свободы печати?

Это создаетъ оторванность нашихъ законодательныхъ учрежденій отъ реальной жизни массъ населенія. Вотъ почему такъ мала творческая роль Государственной Думы, и понятно, почему въ массахъ населенія развивается апатія и глохнетъ интересъ къ политической жизни страны.

Роль Государственной Думы вмѣсто творческаго значенія получаетъ характеръ лишь большой всероссійской говорильни, гдѣ и оппозиція, находящаяся въ меньшинствѣ, можетъ съ извѣстной степенью свободы высказывать свое мнѣніе о существующемъ положеніи вещей въ Россіи.

Съ контролирующей функціей Государственной Думы дѣло обстоитъ еще хуже. Запросы хотя и вносятся въ Государственную Думу по поводу тѣхъ или другихъ неправильныхъ дѣйствій администраціи, но послушное большинство въ Думѣ обычно склоняется на сторону правительства, и эти запросы сводятся въ ничью.

Государственная Дума ничего не могла сдѣлать съ провѣркой отчетовъ по исполненію росписи: представители правительства или не давали документовъ, или затягивали дѣло, и такимъ образомъ получается картина, что хотя бюджетъ и проходитъ черезъ законодательныя учрежденія, но исполненіе его остается внѣ контроля законодательныхъ учрежденій.

Я уже здѣсь не говорю о нашихъ бюджетныхъ правилахъ, которыя даютъ легкую возможность расходовать средства безъ санкціи законодательныхъ учрежденій (хотя бы знаменитая статья 17-я).

Конечно, нельзя не признать, что новыя формы политической жизни у насъ должны прививаться въ старой атмосферѣ, гдѣ наше чиновничество не привыкло считаться съ законностью. При старомъ порядкѣ у насъ лозунгомъ было: „законъ, что дышло, куда повернешь, то и вышло“, и въ

прежнее время было легко незаконныя дѣянія покрывать повелѣніями свыше, такъ что задача не легкая перевоспитать нашу бюрократію: это, конечно, потребуетъ немало времени. И при оцѣнкѣ существующаго положенія вещей надо смотрѣть на событія, проходящія передъ нами, съ исторической точки зрѣнія: это ослабляетъ горечь переживаемаго момента.

Въ настоящее же время мы находимся въ тупикѣ, и чтобы выйти изъ него, надо вырастить новыя силы, надо создать классы, свободные отъ административной власти. Вотъ почему авторъ этихъ строкъ думаетъ, что реформа о выходѣ изъ общины въ смыслѣ созданія правоваго уклада въ Россіи можетъ сыграть крупную роль, и, быть-можетъ, правъ въ этомъ отношеніи покойный Столыпинъ, который въ кругу своихъ близкихъ приближенныхъ говорилъ: „Революціонеры играютъ въ маленькую революцію, а я аграрной реформой сдѣлаю большую революцію“...

На слѣпомъ, темномъ крестьянинѣ-общинникѣ ничего нельзя построить: это — плохой матеріалъ для политическаго творчества. Но крестьянинъ, вышедшій изъ общины и обладающій извѣстной зажиточностью, не захочетъ покупать себѣ свободу трехрублевками у мѣстнаго урядника; у него дѣти будутъ учиться въ среднихъ или высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и онъ не будетъ склонять своей головы передъ полицейскими агентами, въ немъ будетъ развиваться личное достоинство.

Правда, эта аграрная реформа у насъ недодѣлана: чтобы хуторянинъ могъ поставить правильно свое хозяйство, ему нужно дать средства, нужно для него организовать кредитъ; все это не сдѣлано въ достаточныхъ размѣрахъ.

Съ другой стороны, аграрная реформа поведетъ у насъ къ образованію большихъ кадровъ пролетаріата, а это опять чревато большими послѣдствіями.

Не имѣя возможности, за недостаткомъ мѣста, входить въ оцѣнку значенія этой реформы, я сошлюсь только на книгу Лосицкаго („Распаденіе общины“ въ „Труд. Вольнаго Экон. Общества“, 1912, № 1—2).

Но работы по проведенію этой реформы идутъ: я сдѣлаю одну ссылку на смѣту доходовъ и расходовъ по департаменту государственныхъ земельныхъ имуществъ на 1913 г.: „Къ концу текущаго 1912 г. законченныя землеустроительныя работы, считая въ томъ числѣ работы на банковскихъ и казенныхъ земляхъ, охватятъ громадную даже среди необъятныхъ пространствъ нашего отечества площадь въ 20.000.000 десятинъ, или 191.000 квадратныхъ верстъ, что составитъ, при сопоставленіи этихъ цифръ съ территоріей наиболѣе крупныхъ европейскихъ государствъ: 0.32 площади Австро-Венгріи, 0.39 — Германіи, 0.40 — Франціи, 0.42 — Испаніи, 0.48 — Швеціи, 0.67 — Норвегіи, 0.69 — Англіи и 0.76 — Италіи. Территоріи же прочихъ европейскихъ государствъ, каждая въ отдѣльности, уже меньше площади нашего землеустройства“ (стр. XVIII).

Помимо выращиванія силъ въ деревнѣ, которыя могли бы быть самостоятельнымъ факторомъ политическаго творчества, надо вырастить силы торгово-промышленнаго класса: надо сдѣлать этотъ классъ свободнымъ, освободить его отъ путъ, которыя на немъ лежатъ и о которыхъ была рѣчь выше. Вотъ почему разъ у насъ соотношеніе силъ въ настоящее время неблагопріятно для упроченія правоваго строя на нашей родинѣ, надо прежде всего заняться подведеніемъ фундамента подъ новое зданіе, надо направить всѣ усилія къ тому, чтобы измѣнить русло нашей экономической политики, разорвать тѣ крѣпостныя цѣпи, въ которыхъ находится у насъ торгово-промышленный классъ, вступить на путь развитія производительныхъ силъ Россіи въ широкомъ масштабѣ.

Это послѣднее, въ свою очередь, вольетъ новую жизнь въ ряды трудящихся. Высокая промышленная конъюнктура оживитъ работу среди трудящихся, и это выдвинетъ на арену новыя силы, при посредствѣ которыхъ энергично пойдетъ работа по закрѣпленію правовыхъ устоевъ въ Россіи. Безъ этого будутъ только разговоры о новомъ строѣ.

Конечно, созданіе благопріятныхъ условій для развитія производительныхъ силъ страны также затруднено безъ предварительнаго проведенія элементарныхъ гарантій свободы, но вода и камень долбитъ, и развитіе производительныхъ силъ страны и созданіе независимыхъ, сильныхъ классовъ въ Россіи будутъ оказывать вліяніе на расширеніе и закрѣпленіе этихъ свободъ, а затѣмъ при существующемъ неблагопріятномъ соціальномъ составѣ и тѣхъ бюрократическихъ привычкахъ, которыя отъ прошлаго свили себѣ прочное гнѣздо у насъ, приходится идти по линіи наименьшаго сопротивленія, ища себѣ по дорогѣ, быть-можетъ, и случайныхъ союзниковъ.

Этихъ же союзниковъ скорѣе можно найти, если идти въ сторону развитія производительныхъ силъ Россіи, такъ какъ промышленное развитіе Россіи вовлекаетъ въ свой круговоротъ все большее и большее количество лицъ и изъ другихъ слоевъ населенія, лицъ сильныхъ и вліятельныхъ. Возьмите хотя бы за послѣднее время, какіе широкіе слои населенія привлекла къ себѣ биржа, и эти слои всѣ заинтересованы, и заинтересованы кровно, въ промышленномъ развитіи Россіи, и эти силы можно использовать.

Въ Государственной Думѣ нынѣшняго состава больше представителей торгово-промышленныхъ интересовъ, чѣмъ въ предшествовавшихъ, и это налагаетъ на представителей торговли и промышленности обязанности.

Торгово-промышленный классъ долженъ сознать свою отвѣтственность передъ страной: вѣдь какъ-никакъ, а онъ пріобрѣлъ свою денежную мощь при содѣйствіи всего населенія страны, и его дальнѣйшій ростъ тѣсно связанъ съ экономическимъ и духовнымъ ростомъ всей страны.

Къ сожалѣнію, торгово-промышленный классъ у насъ не привыкъ къ яркимъ выступленіямъ, когда это грозитъ столкновеніемъ съ правительственными органами.

Но время *создастъ обязанности,* надо имѣть *мужество сказать* свое вѣское слово, сказать открыто съ трибуны Государственной Думы.

По мнѣнію автора этихъ строкъ, нужно отрѣшиться только отъ хорошихъ словъ и вступить на путь реальнаго творчества, опираясь на существующія уже силы, укрѣпляя ихъ и выращивая новыя, иначе русское общество будетъ говорить одно, а лица, имѣющія власть, будутъ дѣлать другое, по пословицѣ: „Котъ Васька слушаетъ да ѣстъ“.

Нельзя не отмѣтить еще и слѣдующаго психологическаго положенія: наша деревня думаетъ и мыслитъ конкретно, ей нужны конкретныя реформы, ей хочется лучше жить, теплѣе, сытнѣе, ей особенно близка и понятна работа законодательныхъ учрежденій именно въ этомъ направленіи, и когда она видитъ, что ей нужна земля, нужно облегченіе отъ налоговаго бремени, нужна организація мелкаго кредита, агрономическая помощь, а законодательныя учрежденія при настоящемъ своемъ составѣ мало или лишь поверхностно касаются этихъ вопросовъ, то естественно, что деревня разувѣривается въ благотворной дѣятельности представительныхъ учрежденій, и при недостаточномъ своемъ умственномъ развитіи она не можетъ не разувѣриваться даже въ самомъ принципѣ представительныхъ учрежденій.

Это должно быть усвоено лицами, играющими роль въ нашей политической жизни. На этой почвѣ происходитъ какъ бы разъединеніе массъ населенія съ нашими представительными учрежденіями, и это чревато большими послѣдствіями, которыя трудно даже учесть въ настоящій моментъ: при этихъ условіяхъ можетъ зародиться отчаяніе въ массахъ населенія...

Государственный Совѣтъ въ нашемъ государственномъ устройствѣ занялъ своеобразное положеніе. По идеѣ онъ долженъ играть лишь сдерживающую роль въ рѣшеніи наиболѣе важныхъ вопросахъ государственной жизни.

Это и имѣетъ мѣсто въ другихъ конституціонныхъ странахъ, гдѣ верхняя палата не утверждаетъ или видоизмѣняетъ проекты, вышедшіе изъ нижней, лишь въ болѣе или менѣе исключительныхъ случаяхъ.

У насъ же исключительными случаями является согласіе верхней палаты съ нижней.

Сидятъ тамъ тѣ, кто стояли у кормила старой Россіи. Но оказалось, что вести Россію по старому руслу нельзя, нужны новые кормчіе: прежніе лоцманы довели Россію до позора и униженія.

Призвали новыхъ людей (Государственную Думу) и сказали имъ: „теперь вы ведите Россію“.

Но, тѣмъ не менѣе, оставили всѣхъ старыхъ вожаковъ и даже новымъ лоцманамъ сказали: „вы направляйте корабль Россіи, но, направляя, вы должны спрашивать согласія старыхъ лоцмановъ, сидящихъ въ верхней палатѣ, и безъ ихъ согласія вы ни на іоту отступать не должны. Вы должны точно направлять путь корабля по указаніямъ верхней палаты“.

Это похоже на то, какъ еслибы у какого-либо владѣльца имѣнія управляющій дурно управлялъ имѣніемъ, владѣлецъ позвалъ бы новаго управляющаго, чтобы онъ поправилъ дѣла, но при этомъ оставилъ бы и стараго, и новому предписалъ ничего, ни одного шага, не дѣлать безъ полнаго согласія съ первымъ.

Что же могло бы выйти изъ такого управленія?

Новое вино требуетъ и новыхъ мѣховъ.

Прежній Государственный Совѣтъ, пожалуй, пользовался большей самостоятельностью.

Теперь упрочилась у насъ система назначенія членовъ (по назначенію) къ присутствованію 1-го января каждаго года, слѣдовательно, каждый членъ по назначенію съ трепетомъ долженъ ждать рокового для него 1-го января—назначатъ его или оставятъ за бортомъ?

И каждый назначенный членъ знаетъ, что при этомъ назначеніи или неназначеніи могутъ освѣдомляться объ его поведеніи въ Государственномъ Совѣтѣ въ теченіе года, и, слѣдовательно, членъ Государственнаго Совѣта долженъ очень согласовать выраженіе своихъ мнѣній нерѣдко не со своей совѣстью, а съ взглядами правительства, т.-е. того или иного вліятельнаго министра. Это превращаетъ Государственный Совѣтъ въ канцелярію министерства, гдѣ чиновники должны выполнять волю своего начальства: правда, строптивые, у которыхъ при томъ же есть хорошія связи, будутъ и здѣсь будировать. Но тогда они получаютъ неожиданно для себя отпускъ, какъ это и было съ П. Н. Дурново.

Сами члены по назначенію иногда въ откровенной, дружеской бесѣдѣ съ членами по выборамъ говорятъ, обращаясь къ какому-нибудь выборному члену: „Вы здѣсь—счастливый человѣкъ“.

— „А почему?“—„Вы можете говорить, что вамъ угодно“.—„А вы развѣ нѣтъ?“—„А какъ же, вѣдь если я часто буду въ разногласіи съ правительствомъ, то меня на слѣдующій годъ и не назначатъ къ присутствованію въ Совѣтъ (а вѣдь сидѣть здѣсь для него—все). У васъ есть еще другая жизнь, а моя жизнь вся прошла здѣсь; здѣсь всѣ мои сослуживцы. Я прихожу сюда, всѣхъ вижу, а если двери Маріинскаго дворца для меня закроются, то для меня остается одинъ исходъ: ложись въ гробъ и умирай“.

И дѣйствительно, этотъ обычай назначенія членовъ къ присутствованію каждаго 1-го января является истиннымъ дамокловымъ мечомъ надъ головами строптивыхъ членовъ по назначенію. Они и спятъ, и видятъ его.

И старые лоцмана стремятся въ настоящее время направить россійскій корабль на старое русло.

Они свои привычки обнаруживаютъ всюду. Вездѣ видятъ они умаленіе Верховной власти. Такъ, по поводу упраздненія кіевскаго генералъ-губернаторства одинъ изъ членовъ по назначенію высказывалъ свое удивленіе, что такой проектъ находится на разсмотрѣніи Государственнаго Совѣта, что правительство-де можетъ создавать генералъ-губернаторства, можетъ и упразднять ихъ, и что это не дѣло Государственнаго Совѣта, и онъ удивлялся, что правительство, повидимому, держится другой точки зрѣнія.

Онъ забылъ одно, что вѣдь здѣсь имѣется и денежная сторона, разрѣшеніе которой зависитъ отъ Государственной Думы.

Въ финансовой комиссіи Государственнаго Совѣта, какъ намъ передавали, разыгрался такой инцидентъ. Рѣчь шла о превращеніи екатеринославскаго горнаго училища въ высшее. Одинъ изъ членовъ по выборамъ заявилъ, что къ нему обращались преподаватели училища съ просьбой поддержать это ходатайство, и изложилъ мотивы его.

Тогда одинъ изъ членовъ по назначенію заявилъ: „И что же, эти профессора занимаютъ свои мѣста? Да министръ знаетъ ли, что они, минуя свое начальство, обращались съ ходатайствомъ къ вамъ? Это — нарушеніе всякой служебной дисциплины. Да еслибы я былъ министромъ, я бы этихъ ходатаевъ уволилъ въ 24 часа. Это не можетъ быть терпимо“.

Нельзя не пожалѣть, что комиссіи Государственнаго Совѣта, гдѣ члены болѣе откровенны, чѣмъ въ общихъ собраніяхъ, не ведутъ стенографическихъ отчетовъ. Эти отчеты представляли бы драгоцѣнный матеріалъ для будущаго историка, для характеристики борьбы стараго режима съ новымъ.

Здѣсь не только обнаружилась бы со всей ясностью вражда хотя бы и къ слабымъ вѣяніямъ новаго строя, но и та ихъ пресловутая „государственная опытность“, „умудренность въ государственныхъ дѣлахъ“, о которой такъ любятъ говорить представители стараго режима.

Разсказываютъ нѣсколько примѣровъ этой опытности и знанія. Одинъ изъ членовъ по выборамъ въ финансовой комиссіи Государственнаго Совѣта выразилъ пожеланіе, чтобы главное управленіе почтъ и телеграфовъ сдѣлало подсчетъ тѣхъ прибылей, которыя оно имѣетъ отъ почты, принявъ во вниманіе то обстоятельство, что почта пользуется правомъ безплатной перевозки по желѣзнымъ дорогамъ, что правительственныя учрежденія пользуются правомъ вообще безплатной пересылки своей корреспонденціи и т. д.

Тогда одинъ изъ назначенныхъ членовъ, обращаясь къ этому члену, говоритъ: „Это невозможно, такого учета невозможно сдѣлать; я самъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и завѣдывалъ почтой, и я знаю, что такая работа потребуетъ огромной затраты силъ и средствъ. И для чего это нужно?“

Членъ по выборамъ: „но вѣдь этотъ учетъ имѣется. Стоитъ только льготную корреспонденцію тарифицировать по обыкновенному тарифу — и подсчетъ легко получится“.

„Этого не можетъ быть, я самъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, и я это дѣло знаю“.

Тогда членъ по выборамъ обращается къ главному начальнику почтъ и телеграфовъ г. Савостьянову и проситъ подтвердить, кто правъ въ этомъ спорѣ. Главный начальникъ, обращаясь къ члену по назначенію, говоритъ:

„Ваше высокопревосходительство, вѣдь членъ Государственнаго Совѣта, утверждающій это, правъ, мы этотъ учетъ имѣемъ“.

„Да, если это такъ, я этого не зналъ“.

Бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ не знаетъ порядка, принятаго почтовымъ управленіемъ!

Или разсказываютъ слѣдующій эпизодъ.

Обсуждается проектъ о созданіи павильона при Таврическомъ дворцѣ и при немъ лица въ должности V-го класса. Это было уже въ декабрѣ. Одинъ изъ членовъ по назначенію, Д., протестуетъ, говоря: „Поздно разослано дѣло, я не успѣлъ познакомиться съ нимъ“, и дѣло рѣшаютъ въ комиссіи отложить.

Но кто-то заявляетъ, что предсѣдатель совѣта министровъ, П. А. Столыпинъ, очень проситъ пропустить это дѣло,—и „намъ надо жить въ мирѣ съ министерствомъ, тутъ, видите ли, создается должность V-го класса, и, быть можетъ, мѣсто уже обѣщано, и это лицо будетъ тщетно ожидать своего назначенія“.

И картина мѣняется. Г-нъ Д. прямо заявляетъ: „Ну, если такъ, то я согласенъ“. И какъ бы въ свое оправданіе говоритъ: „Я самъ былъ министромъ, и мнѣ очень протестовать неудобно,—какъ будто я оппозицію веду“.

Надо только пожалѣть, что комиссіи Государственнаго Совѣта не послѣдовали примѣру Государственной Думы и не ведутъ стенографическихъ отчетовъ. Вѣдь здѣсь отвергаются проекты, прошедшіе въ Думѣ, они видоизмѣняются до неузнаваемости, и русскому обществу было бы въ высшей степени важно знать въ точности все, что происходитъ въ комиссіяхъ. И оппозиція тогда могла бы играть нѣкоторую роль въ комиссіяхъ, потому что въ настоящее время положеніе ея прямо жалкое. Оппозиція можетъ говорить, а объ этомъ даже никакихъ слѣдовъ въ журналѣ комиссіи не останется, и, конечно, при такихъ условіяхъ не могутъ не опускаться руки.

Нашей печати слѣдовало бы удѣлять больше мѣста этой внутренней борьбѣ и работѣ въ Государственномъ Совѣтѣ. Вѣдь въ сущности въ Россіи теперь законодательствуетъ не Государственная Дума съ Государственнымъ Совѣтомъ, а одинъ Государственный Совѣтъ...

Дума можетъ что ей угодно постановить, а Государственный Совѣтъ просто это игнорируетъ и рѣшаетъ по-своему...

* * *

1859

Перечень иллюстрацій VI тома.

А) На отдѣльныхъ листахъ.

а) Геліогравюры:

		Стр.
1.	Императоръ Николай I, Сверчкова	16
2.	Императоръ Николай I, барона Клодта	32
3.	Великій князь Александръ Николаевичъ	64
4.	Императоръ Александръ II	112
5.	Великій князь Александръ Александровичъ	192
6.	Императоръ Александръ III	240
7.	Его Императорское Величество Государь Императоръ Николай II	288
8.	Императоръ Александръ II на смертномъ одрѣ, Маковскаго	168
9.	Великій князь Михаилъ Николаевичъ, Рѣпина	264
10.	В. К. Плеве, Рѣпина	280
11.	Великій князь Александръ Александровичъ во время Русско-Турецкой войны, Полѣнова	304

б) Цвѣтныя и дуплексъ:

		Стр.
1.	Гр. А. Х. Бенкендорфъ, Соколова	8
2.	Гр. И. И. Дибичъ-Забалканскій	24
3.	Таврическій дворецъ въ началѣ XIX в.	80
4.	Гатчинскій дворецъ въ началѣ XIX в.	96
5.	Аничковскій дворецъ въ началѣ XIX в.	136
6.	Петровскій бульваръ въ Москвѣ въ началѣ XIX в.	144
7.	Чтеніе Положенія 19 февраля 1861 г., Мясоѣдова	152

в) Черныя:

		Стр.
1.	Императоръ Николай I, И. Ѳ. Паскевичъ и И. И. Дибичъ	40
2.	Императоръ Николай I, великіе князья Александръ Николаевичъ, Константинъ и Михаилъ Павловичи	48
3.	Императоръ Николай I	56
4.	Пластуны, Перова	128
5.	Великая княгиня Елена Павловна, Брюллова	160
6.	Комната въ Московскомъ Кремлѣ, въ которой родился императоръ Александръ II, Зайцева	176
7.	Крымская война, Филиппова	192
8.	Великій князь Михаилъ Николаевичъ	208
9.	Императоръ Александръ II	224
10.	Кн. А. М. Горчаковъ	256
11.	Гр. С. Ю. Витте, Рѣпина	272
12.	К. П. Побѣдоносцевъ, Рѣпина	280

г) Діаграммы въ статьѣ проф. И. Х. Озерова. Въ концѣ тома.

а) Черныя:

1. Количество избирателей на 1.000 человѣкъ, расходы на геологическія изслѣдованія, потребленіе русскаго и иностраннаго хлопка въ Россіи, расходы казны на лѣса.

2. Вывозъ и привозъ по государствамъ въ 1911 г.

3. Урожай пшеницы и ржи, бюджетъ и долги городовъ и земствъ, ростъ количества веретенъ.

4. Привозъ въ Россію въ 1912 году иностранныхъ товаровъ.

5. Количество веретенъ въ 1911 году, количество государственнаго долга въ главныхъ странахъ, ростъ кооперації въ Россіи.

6. Количество домашнихъ животныхъ.

7. Развитіе промышленности въ Россіи съ 1887 по 1908 г., добыча нефти въ Соедин. Штатахъ и Россіи съ 1884 по 1908 г.

8. Обрабатывающая фабрично-заводская промышленность имперіи къ началу 1909 г. (сумма производства), расходы на улучшеніе сельскаго хозяйства, количество экземпляровъ газетъ.

б) Цвѣтныя:

1. Желѣзодѣлательн. промышленность, добыча твердаго минер. топлива.

2. Годовая добыча золота, потребленіе каменноугольнаго топлива.

3. Доходный и расходный бюджетъ Россіи.

4. Распредѣленіе винокур. и дрож. винокур. заводовъ.

5. Количество матеріаловъ, изъ которыхъ выкуривался спиртъ; продажа спиртныхъ напитковъ.

6. Земскій доходный бюджетъ, сколько въ мірѣ телефоновъ.

Б) въ текстѣ.

	Стр.
1. Гр. А. Х. Бенкендорфъ	3
2. Гр. А. А. Закревскій.	9
3. Гр. В. А. Перовскій	13
4. Гр. П. Д. Киселевъ	19
5. Д. Г. Бибиковъ	23
6. Кн. И. Ѳ. Паскевичъ	25
7. А. И. Чернышевъ	29
8. Гр. Е. Ф. Канкринъ	33
9. Гр. М. С. Воронцовъ	37
10. Великая княгиня Елена Павловна.	39
11. Гр. К. В. Нессельроде.	49
12. Гр. С. С. Уваровъ.	53
13. Кн. А. С. Меншиковъ	57
14. Гр. К. В. Нессельроде	61
15. Гр. И. И. Дибичъ-Забалканскій.	73
16. Н. Н. Муравьевъ	81
17. Великій князь Михаилъ Павловичъ	87
18. Великая княгиня Марія Павловна.	93
19. Императоръ Александръ II.	99
20. Великая княгиня Марія Александровна	101
21. Императрица Марія Александровна	105
22. Г. П. Павскій	107
23. Императоръ Александръ II.	113
24. Императрица Марія Александровна	117
25. Великій князь Константинъ Николаевичъ.	121
26. Великій князь Николай Александровичъ.	127
27. Кн. П. Д. Горчаковъ	128
28. Н. А. Милютинъ	133
29. Великая княгиня Елена Павловна.	137
30. Великая княгиня Елена Павловна.	142
31. С. С. Ланской	145
32. Императрица Марія Александровна	149
33. Великая княжна Марія Николаевна.	154

БИБЛІОТЕКА СЛУЖАЩИХЪ
Управленія ж д.
Фонтанка, 117.

		Стр.
34.	Гр. Д. А. Милютинъ.	157
35.	Великій князь Константинъ Николаевичъ.	161
36.	Гр. К. И. Паленъ.	167
37.	Кн. П. П. Гагаринъ.	169
38.	Герцогъ Максимиліанъ Лейхтенбергскій.	172
39.	Великій князь Николай Николаевичъ.	175
40.	Великая княгиня Марія Александровна.	177
41.	Баронъ В. К. Ливенъ.	179
42.	Гр. М. Т. Лорисъ-Меликовъ .	183
43.	Митрополитъ Филаретъ. . . .	185
44.	Великіе князья Александръ и Владиміръ Александровичи . .	189
45.	Митрополитъ Кириллъ.	193
46.	Митрополитъ Аѳанасій.	195
47.	Митрополитъ Амвросій	197
48.	Св. Павелъ.	199
49.	Св. Ястребовъ	201
50.	Митрополитъ Антоній.	203
51.	Рогожское кладбище	205
52.	Св. Мельниковъ.	207
53.	Л. Ч. Пичугинъ.	209
54.	Ѳ. Е. Мельниковъ.	210
55.	Архимандритъ Михаилъ. . . .	211
56.	Н. Н. Муравьевъ-Карскій . . .	219
57.	Великій князь Константинъ Николаевичъ.	223
58.	Кн. А. М. Горчаковъ	227
59.	П. С. Нахимовъ.	231
60.	В. А. Корниловъ	237
61.	Берлинскій конгрессъ.	241
62.	Памятникъ императору Александру III, кн. П. Трубецкого.	257
63.	Гр. А. П. Игнатьевъ, Рѣпина .	261
64.	П. П. Семеновъ, Рѣпина. . . .	265
65.	П. С. Ванновскій, Рѣпина . . .	273
66.	П. Н. Дурново, Рѣпина. . . .	281
67.	Великій князь Алексѣй Александровичъ	285

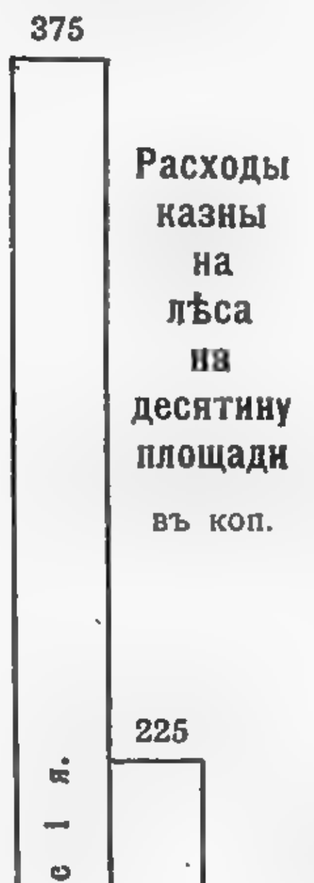
ОГЛАВЛЕНІЕ VI ТОМА.

	Стр.
Политическіе процессы Николаевской эпохи. *В. Я. Уланова.*	1
Дворянство и крестьянскій вопросъ при Николаѣ I. *Д. А. Жаринова.*	17
Экономическая и финансовая политика императора Николая I. *К. В. Сивкова.*	30
Внѣшняя политика Россіи въ царствованіе императора Николая I. *Л. И. Гальберштадта.*	41
Законодательство императора Николая I. *Б. И. Сыромятникова.*	65
Императоръ Александръ II. *К. В. Сивкова.*	97
Общественное движеніе въ царствованіе Александра II. *В. Е. Чешихина-Вѣтринскаго.*	109
Крестьянская реформа. *В. Я. Уланова.*	129
Земскія учрежденія 1864 года. *В. И. Пичета.*	155
Судебныя реформы 1866 года. *Н. В. Давыдова*	163
Городская реформа 1870 года. *В. И. Пичета*	173
Печать и цензура въ царствованіе императора Александра II. *П. Н. Сакулина*	180
Расколъ и сектанство въ XIX вѣкѣ. *Н. М. Никольскаго.*	191
Университетскій вопросъ во вторую половину XIX в. *И. М. Соловьева*	213
Судьба реформъ имп. Александра II. *К. В. Сивкова.*	217
Внѣшняя политика Россіи въ царствованіе императора Александра II. *Л. И. Гальберштадта.*	226
1881—1905:	
I. Внѣшняя политика. *Л. И. Гальберштадта*	255
II. Внутренняя политика. ⁂	271
Итоги экономическаго развитія Россіи. Проф. *И. Х. Озерова.*	286
Текущій моментъ. ⁂	308

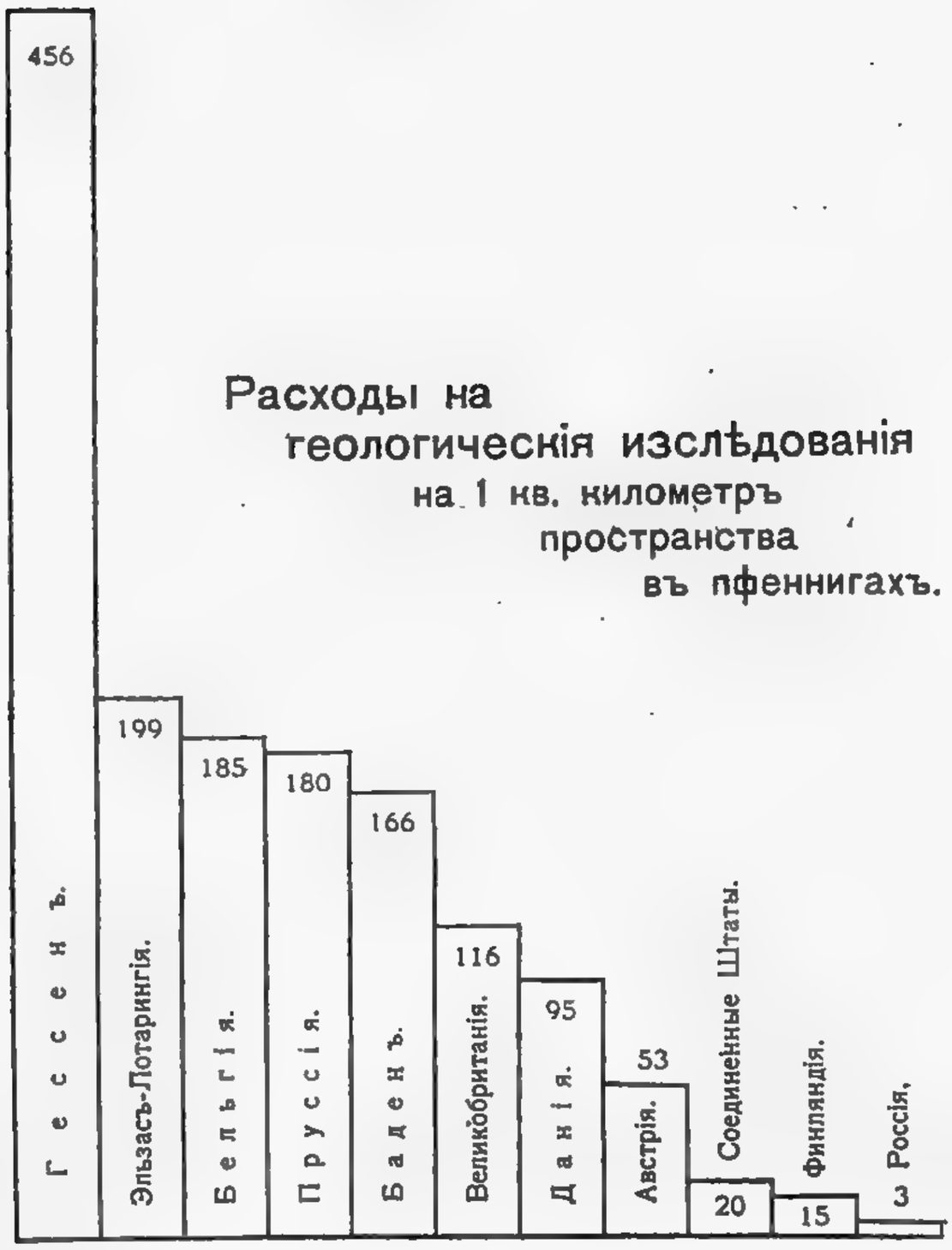
Діагр. № 28.

На 1000 человѣкъ приходится избирателей.

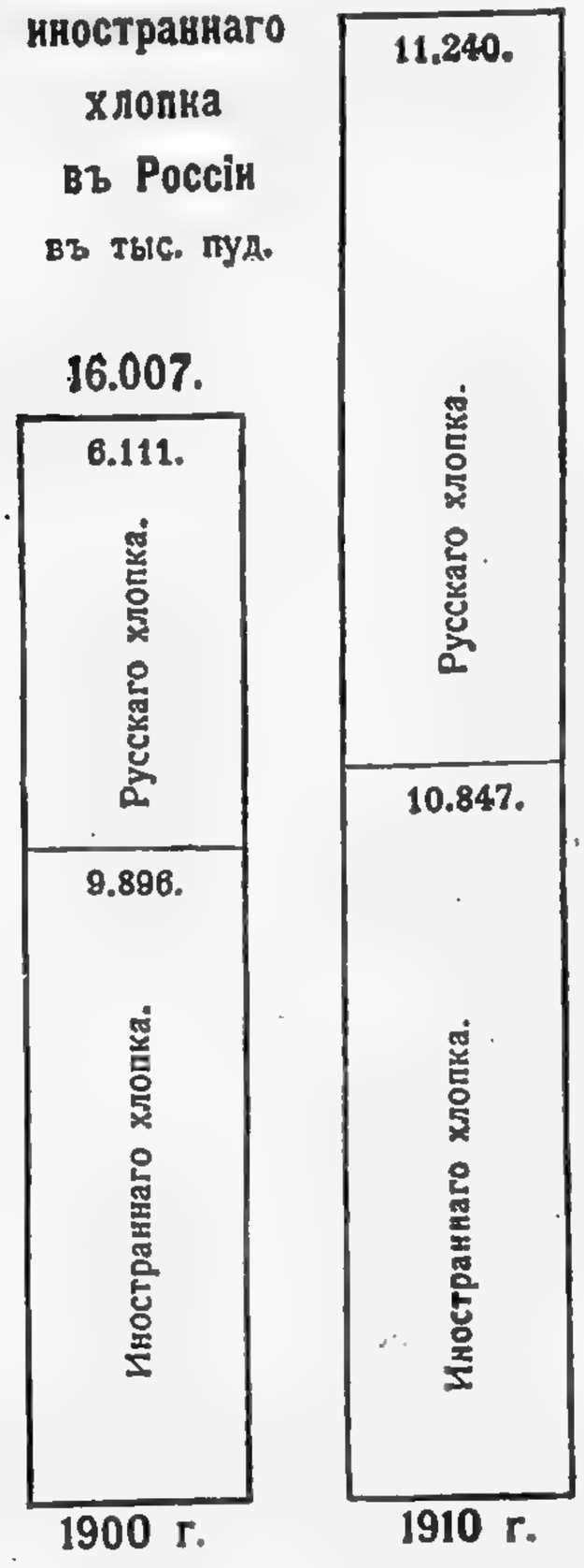
Діагр. № 15.

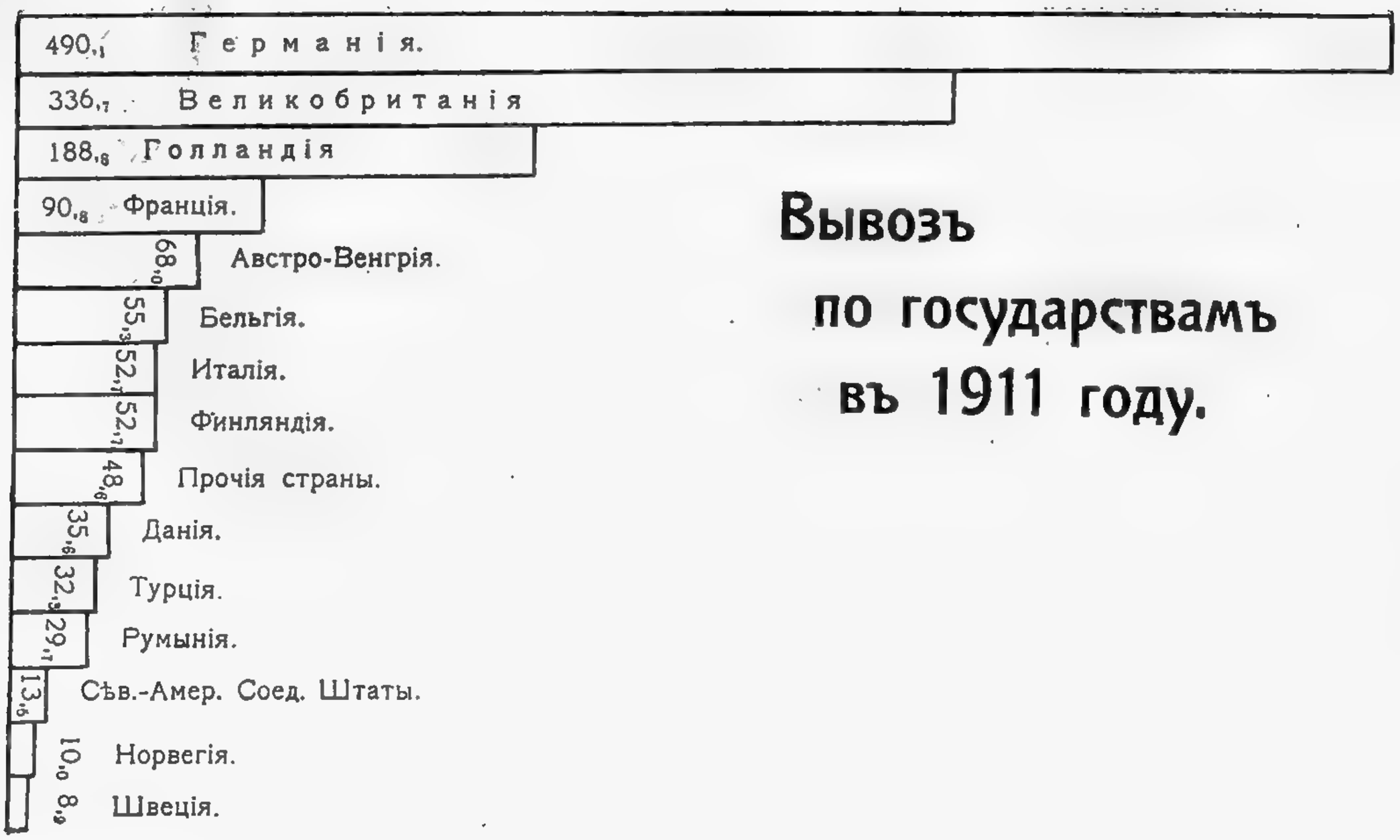


Діагр. № 12.



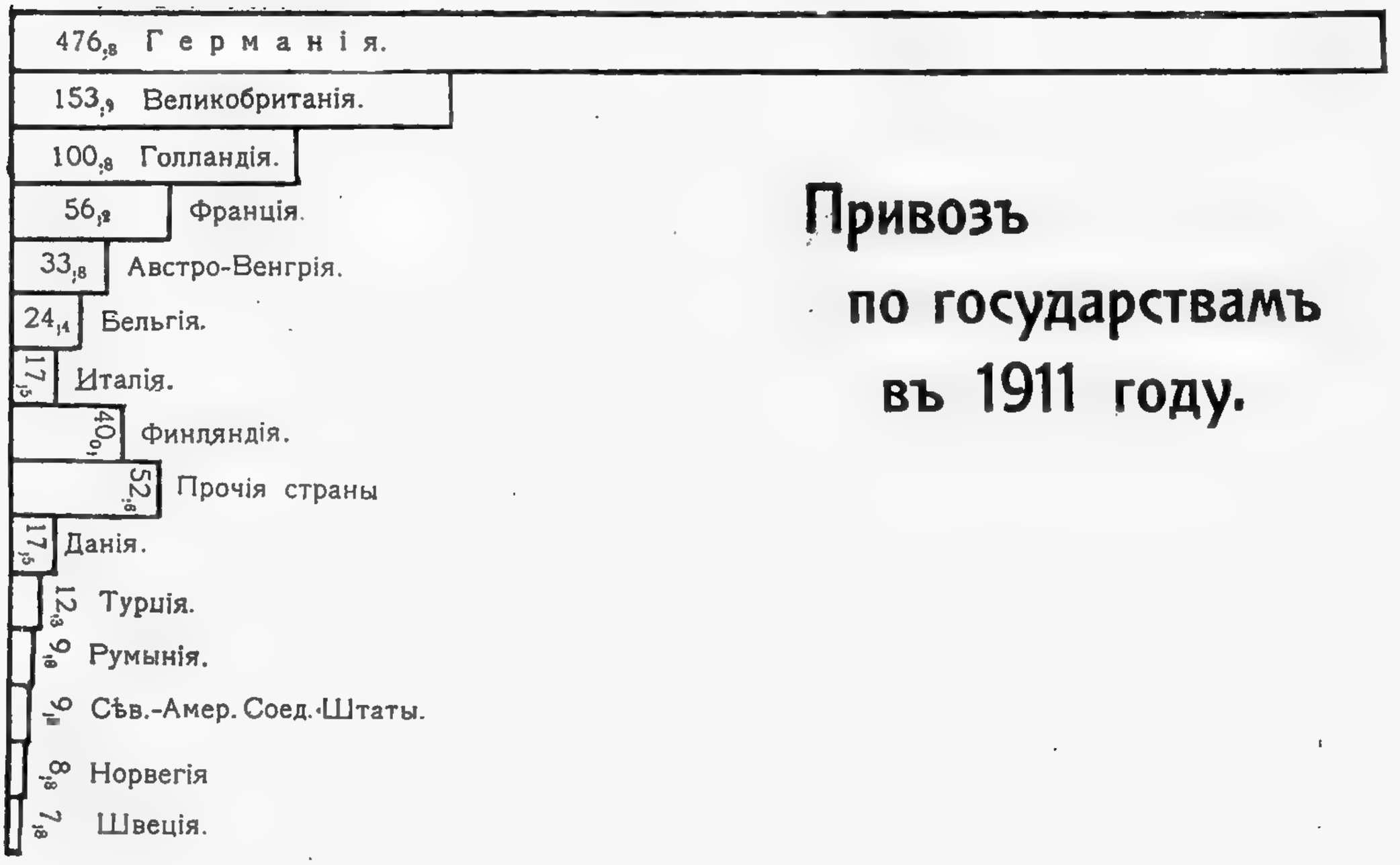
Діагр. № 16.



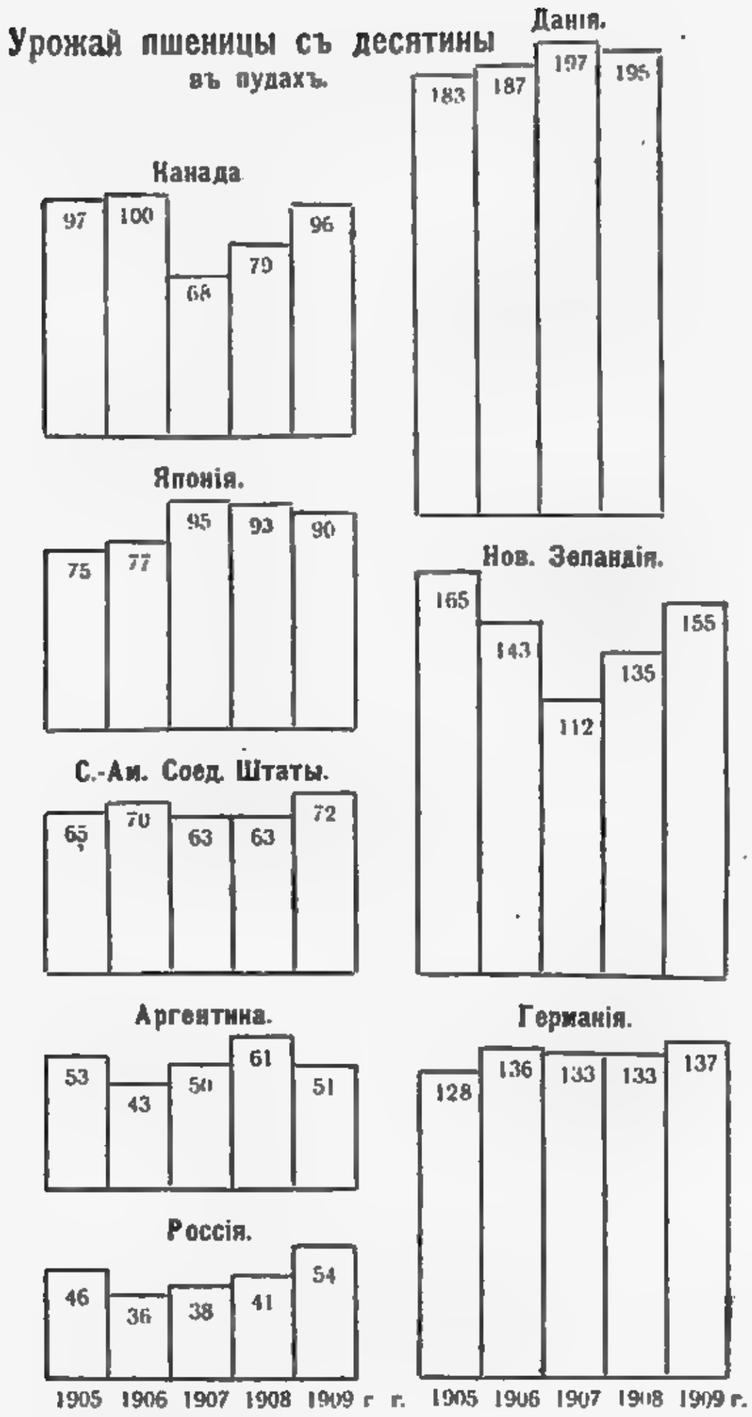


Вывозъ по государствамъ въ 1911 году.

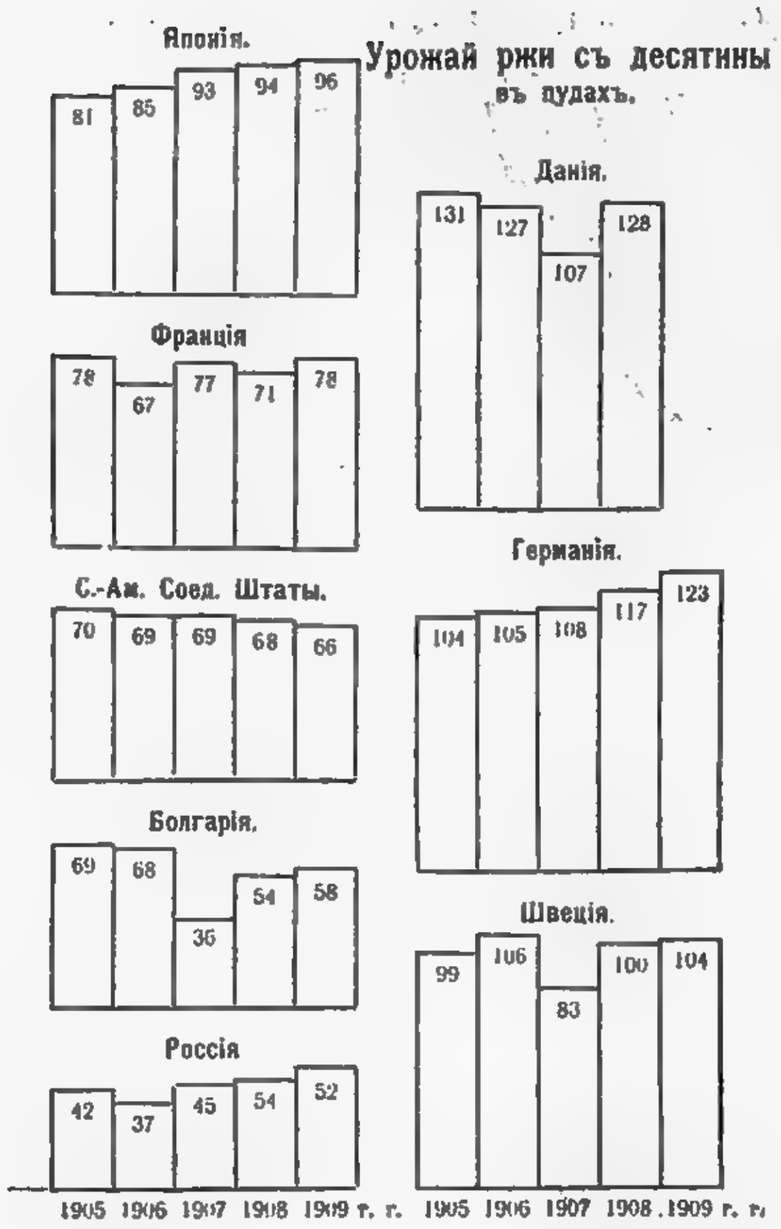
Діагр. № 20.



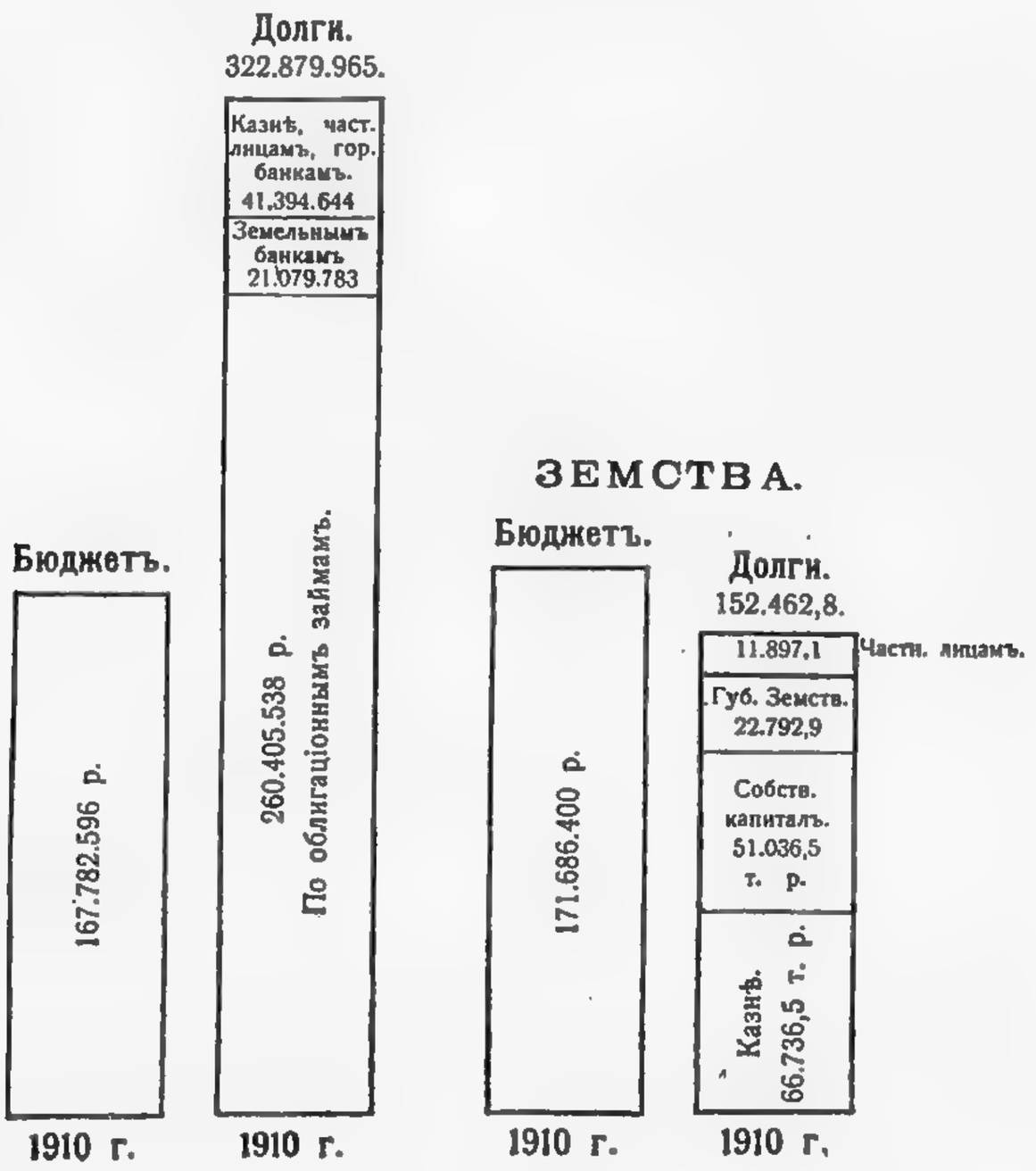
Привозъ по государствамъ въ 1911 году.



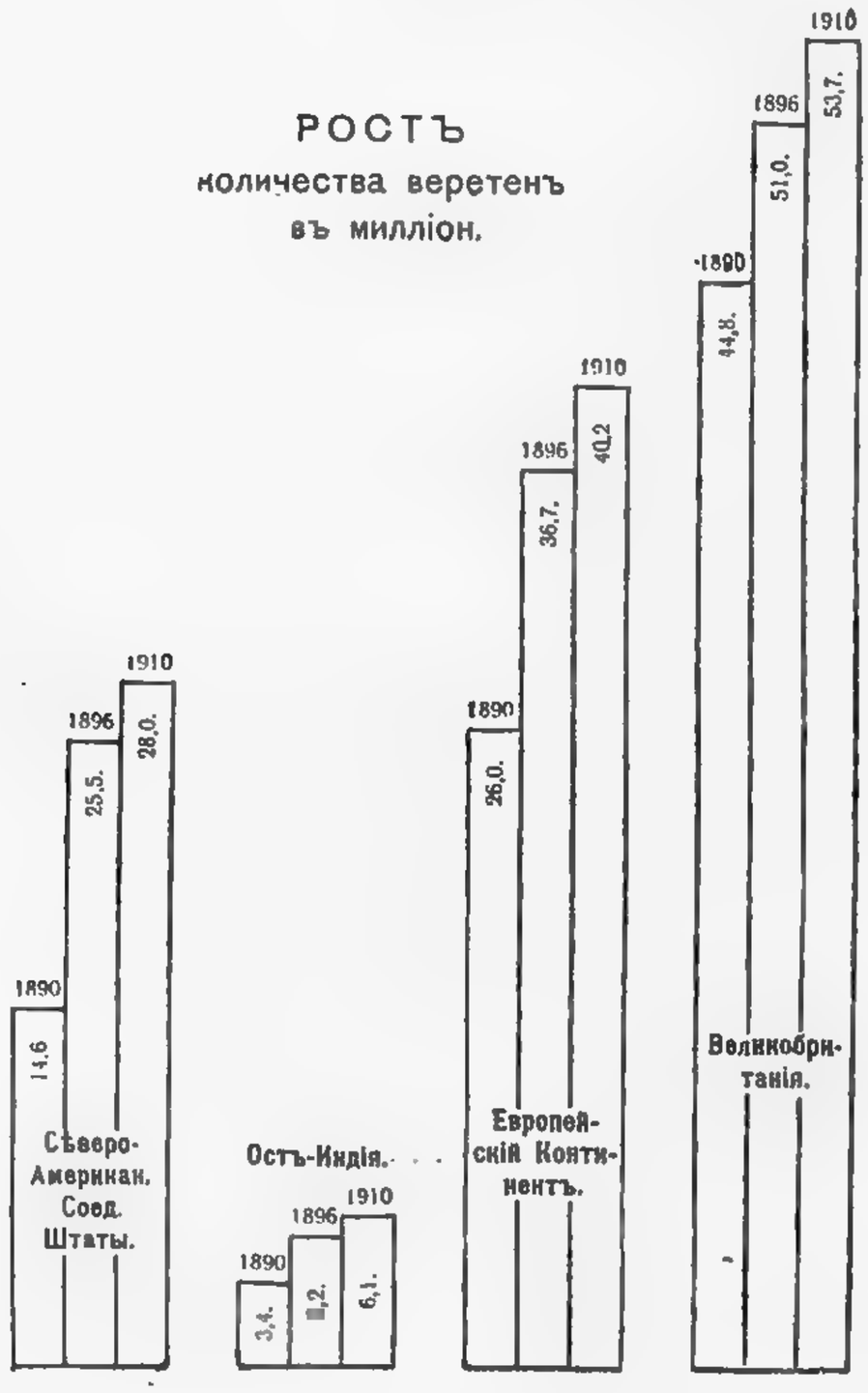
Діагр. № 1.



Діагр. № 29.

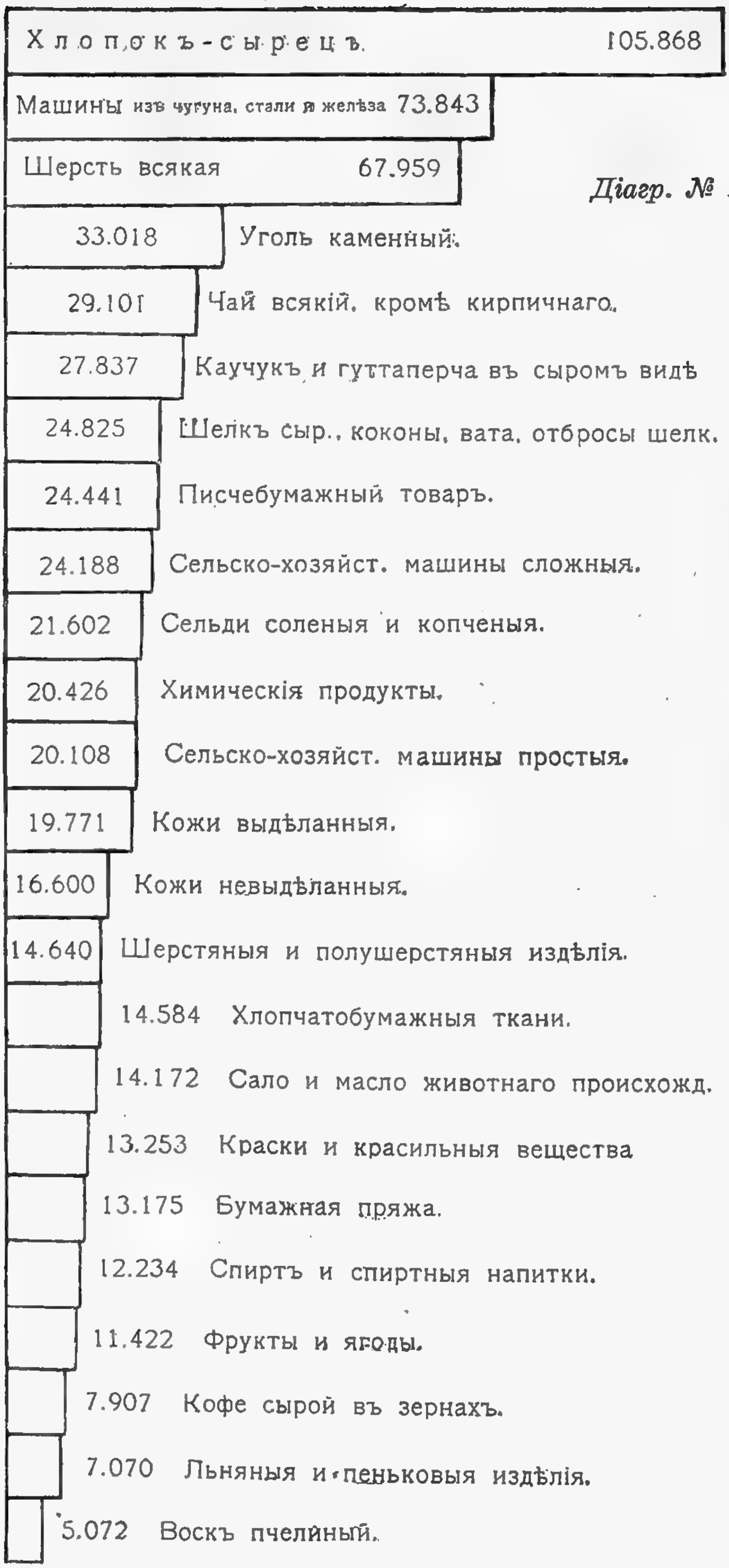


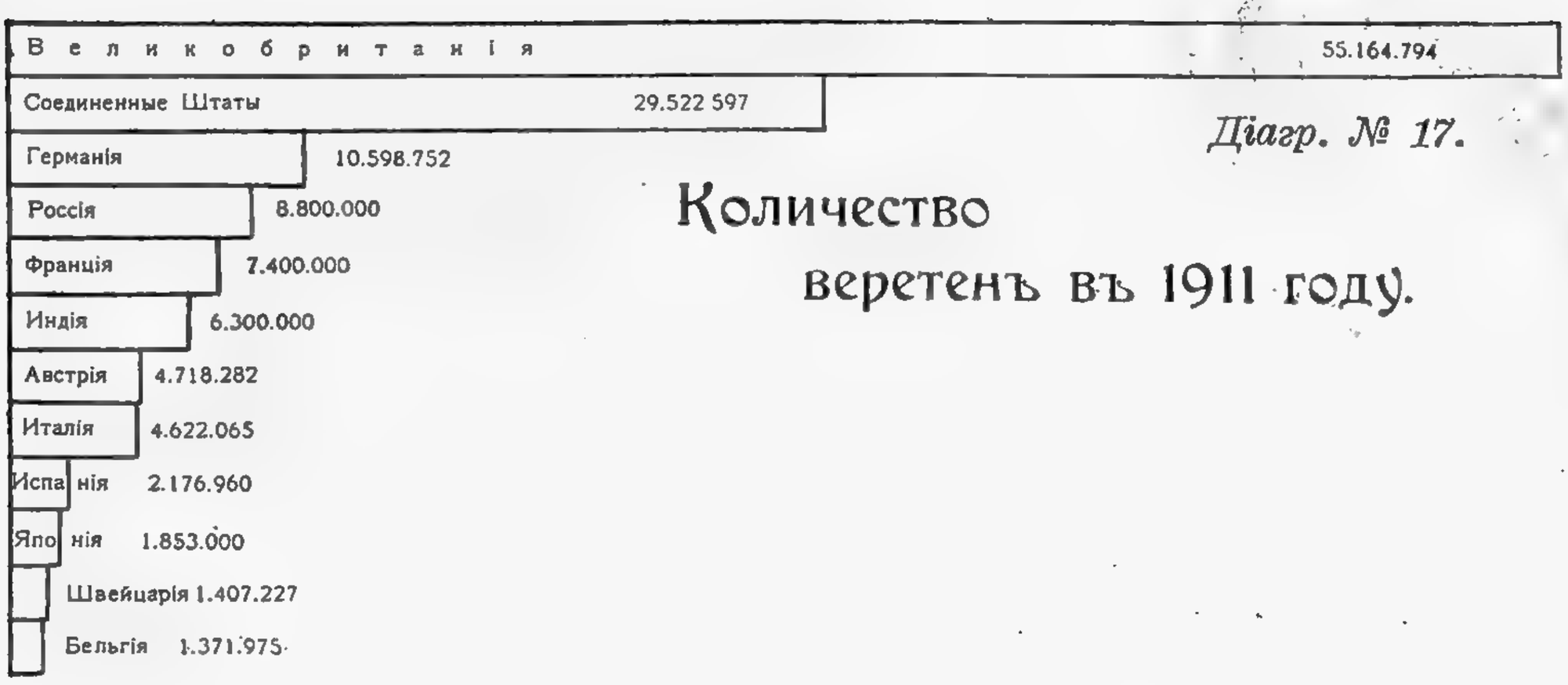
Діагр. № 18.



Привозъ въ Россію иностранныхъ товаровъ въ 1912 году

Діагр. № 19.





Діагр. № 17.

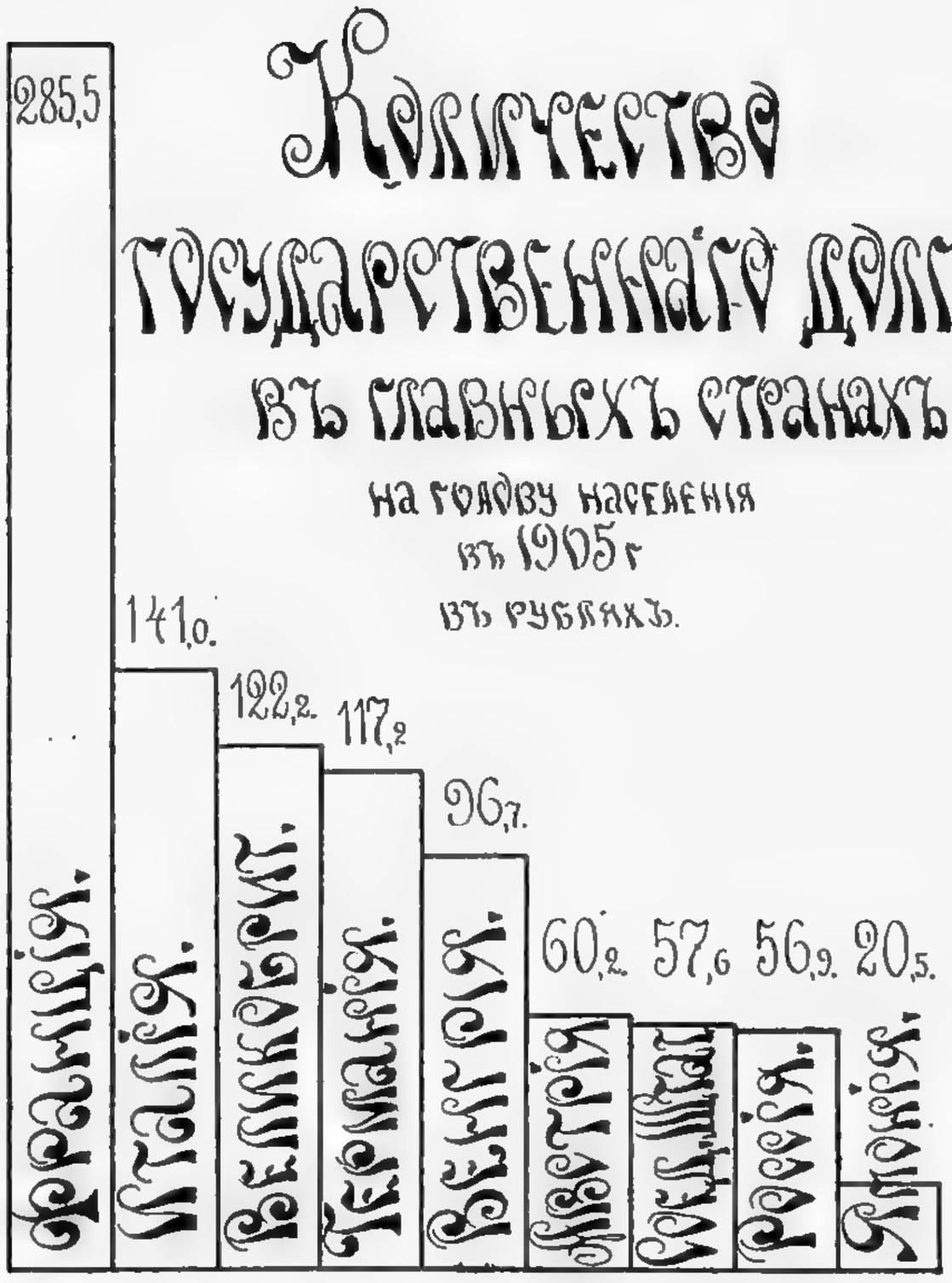
Количество веретенъ въ 1911 году.

Діагр. № 25.

Количество государственнаго долга въ главныхъ странахъ

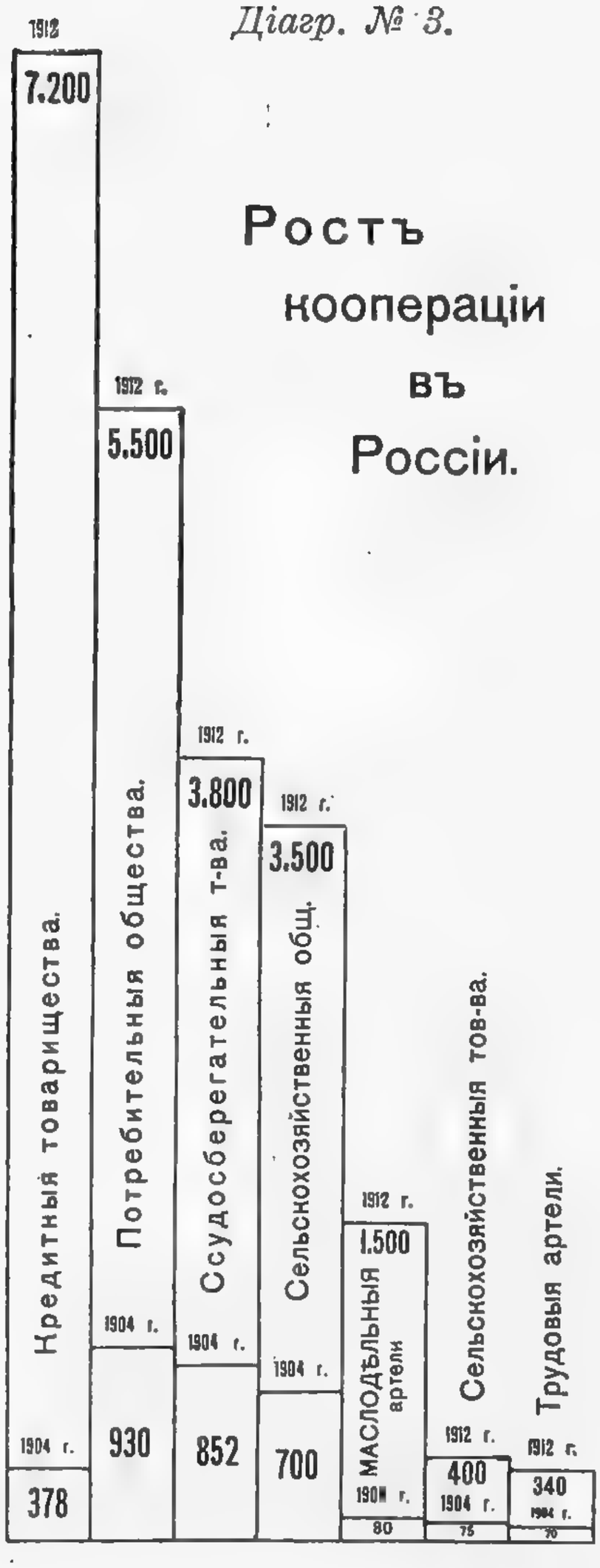
на голову населенія въ 1905 г.

въ рубляхъ.



Діагр. № 3.

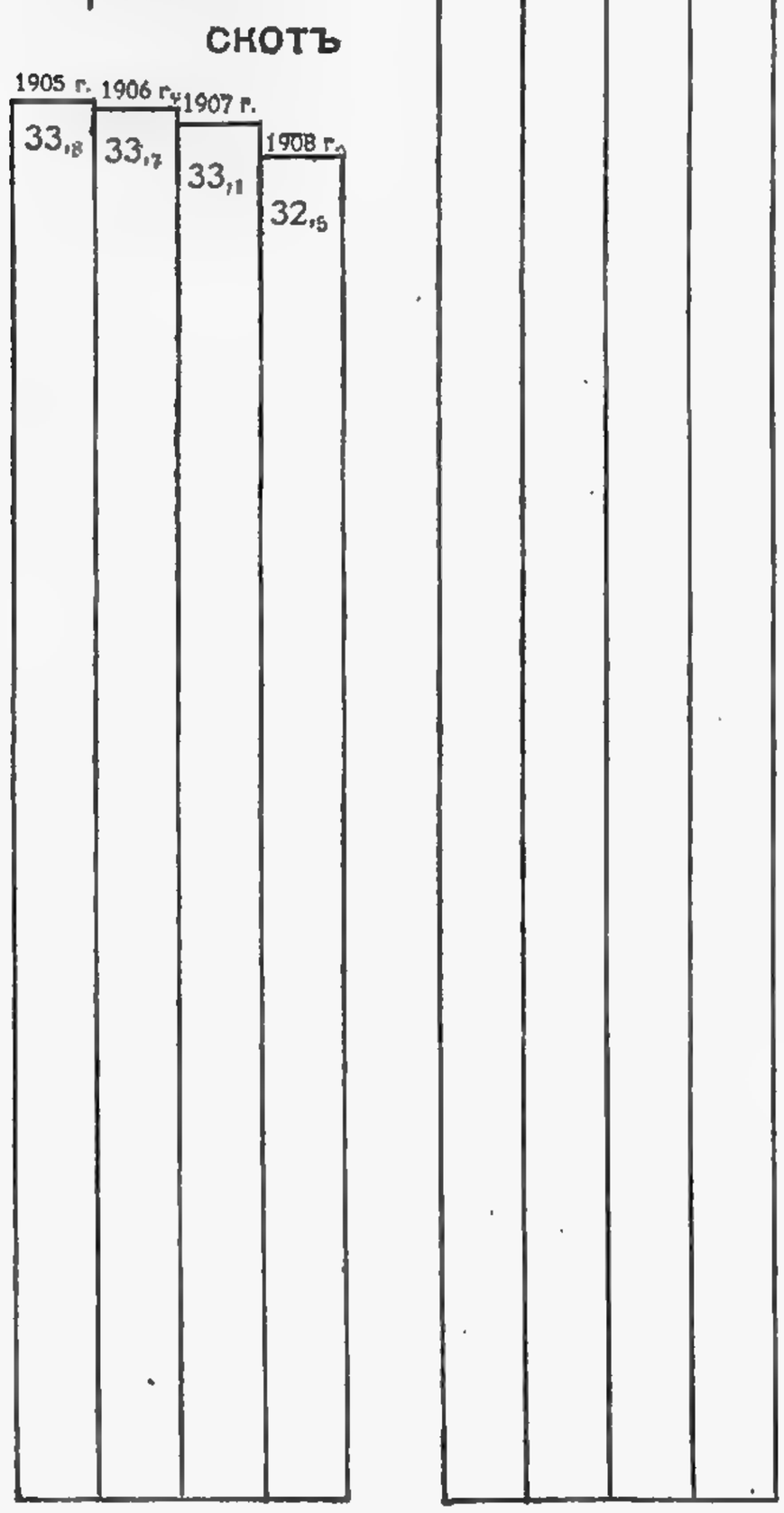
Ростъ кооперации въ Россіи.



Діагр. № 4.

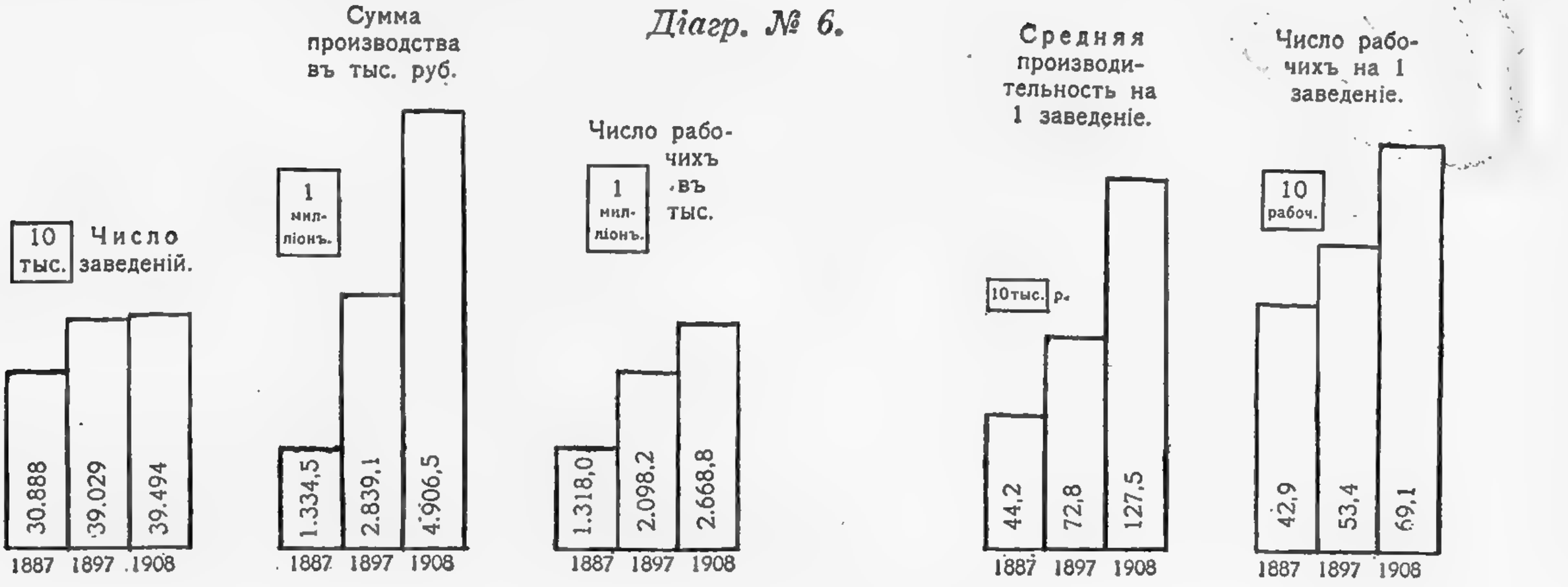
КОЛИЧЕСТВО ДОМАШНИХЪ ЖИВОТНЫХЪ.

На 100 жителей.



Развитіе промышленности въ Россіи съ 1887 по 1908 г.

Діагр. № 6.

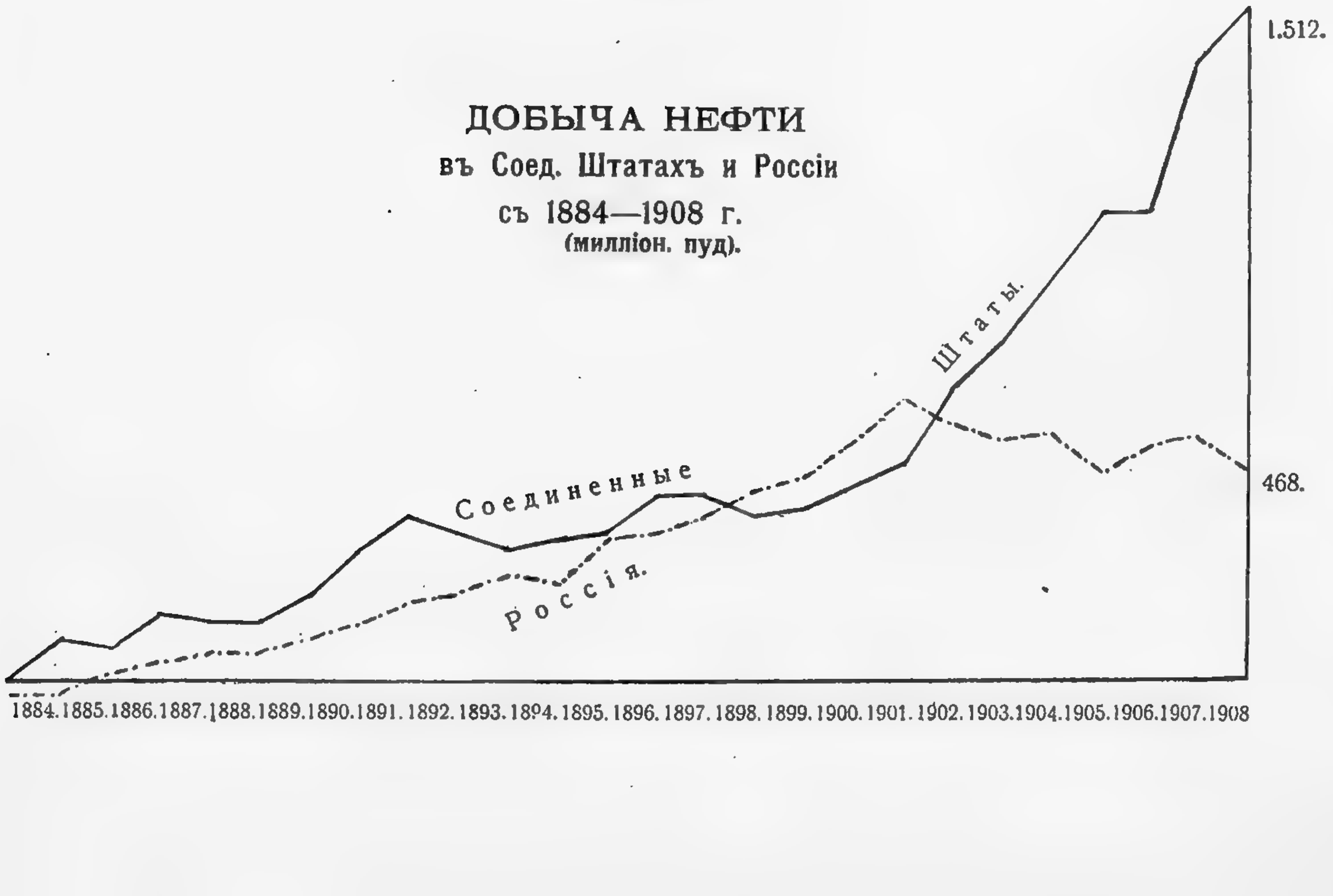


Діагр. № 7.

ДОБЫЧА НЕФТИ

въ Соед. Штатахъ и Россіи съ 1884—1908 г.

(милліон. пуд).

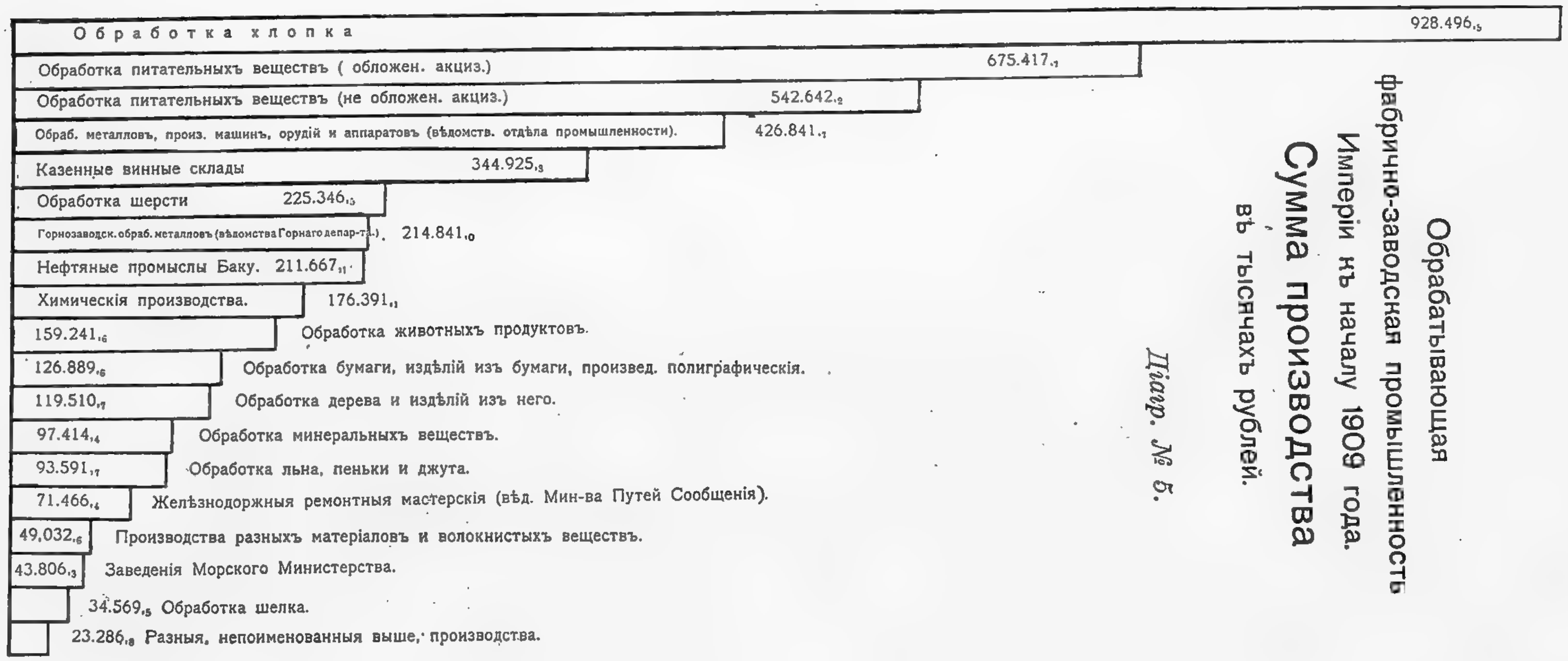


Обрабатывающая фабрично-заводская промышленность Имперіи къ началу 1909 года.

Сумма производства

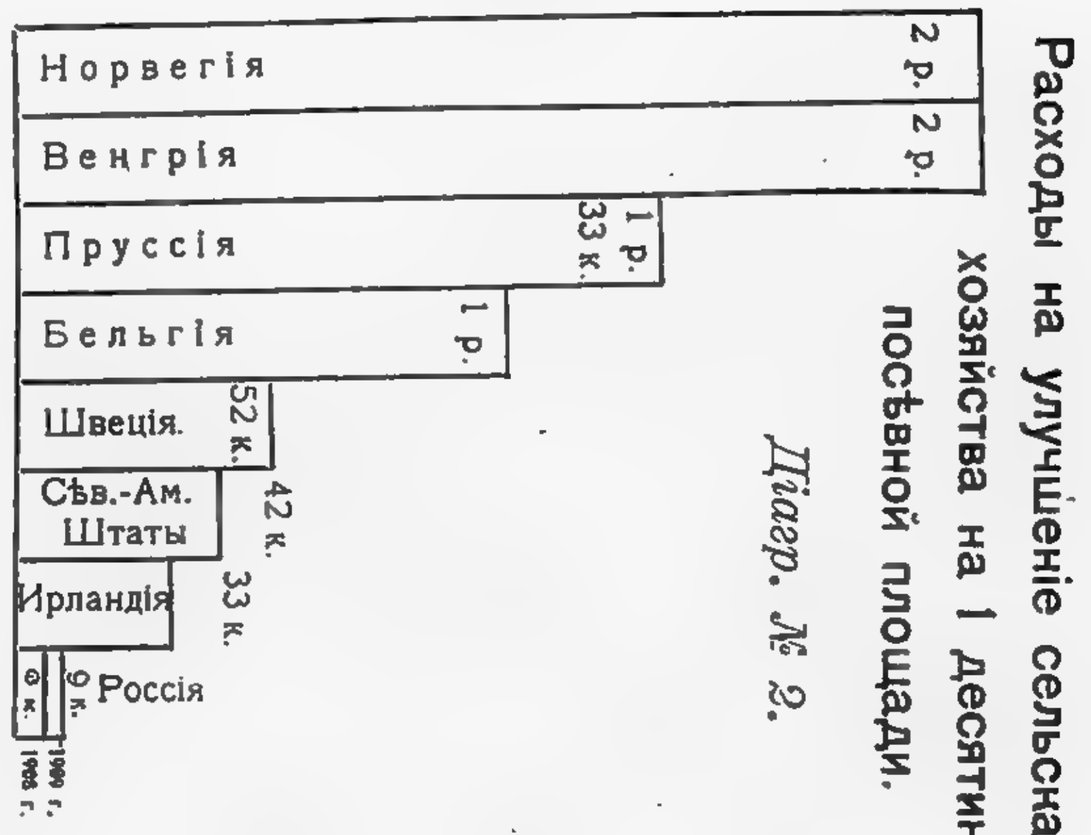
въ тысячахъ рублей.

Діагр. № 5.



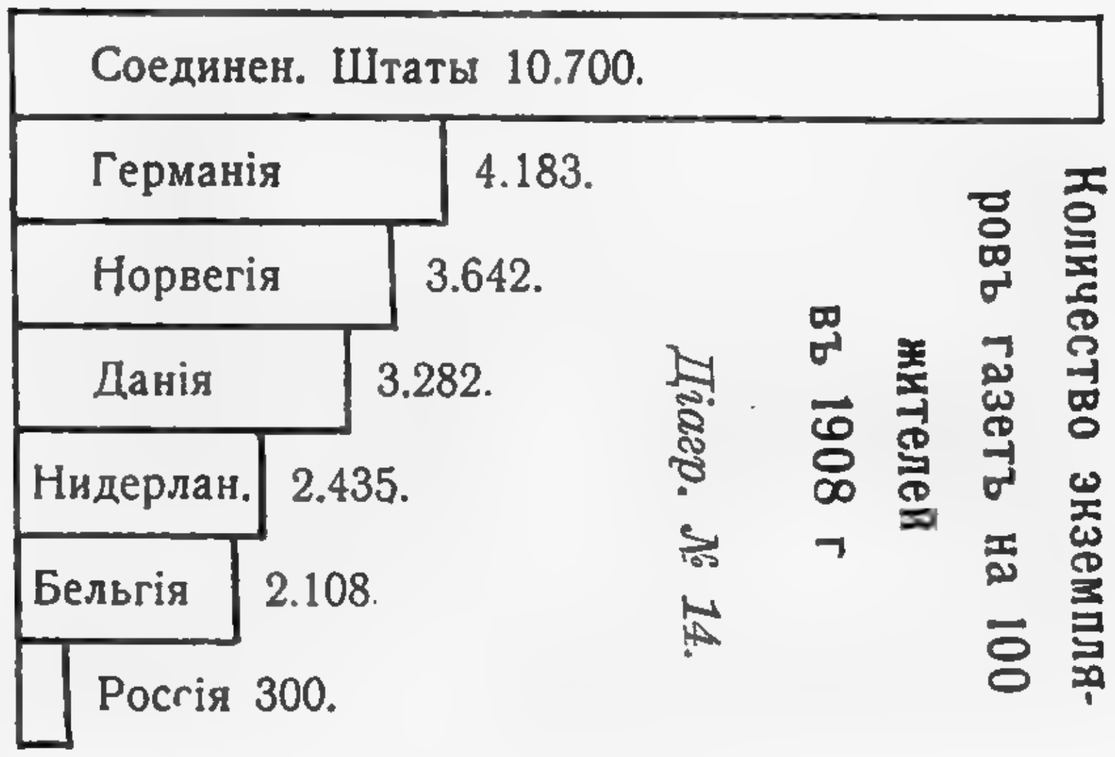
Расходы на улучшеніе сельскаго хозяйства на 1 десятину посѣвной площади.

Діагр. № 2.



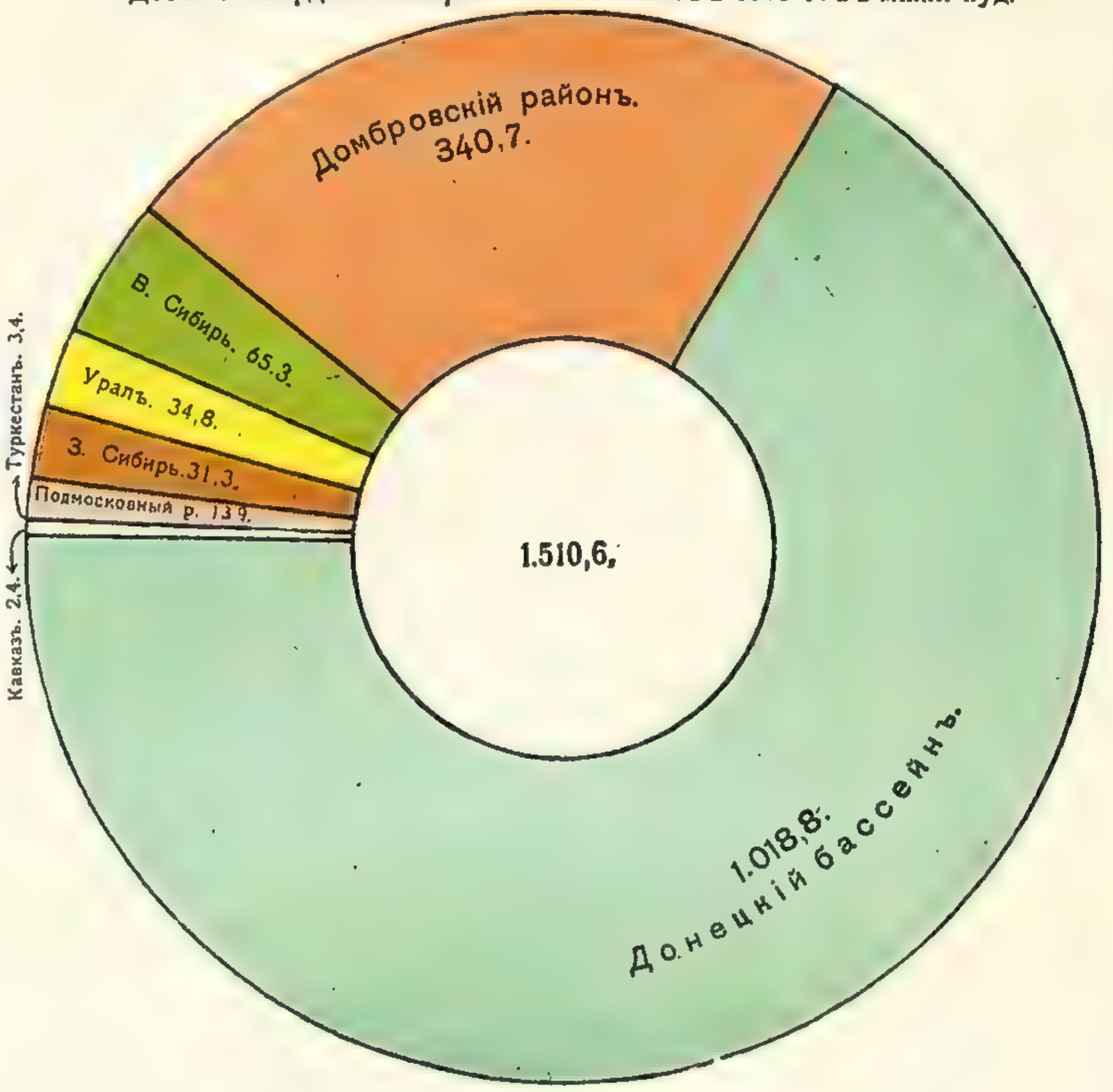
Количество экземпляровъ газетъ на 100 жителей въ 1908 г

Діагр. № 14.



Діагр. № 8.

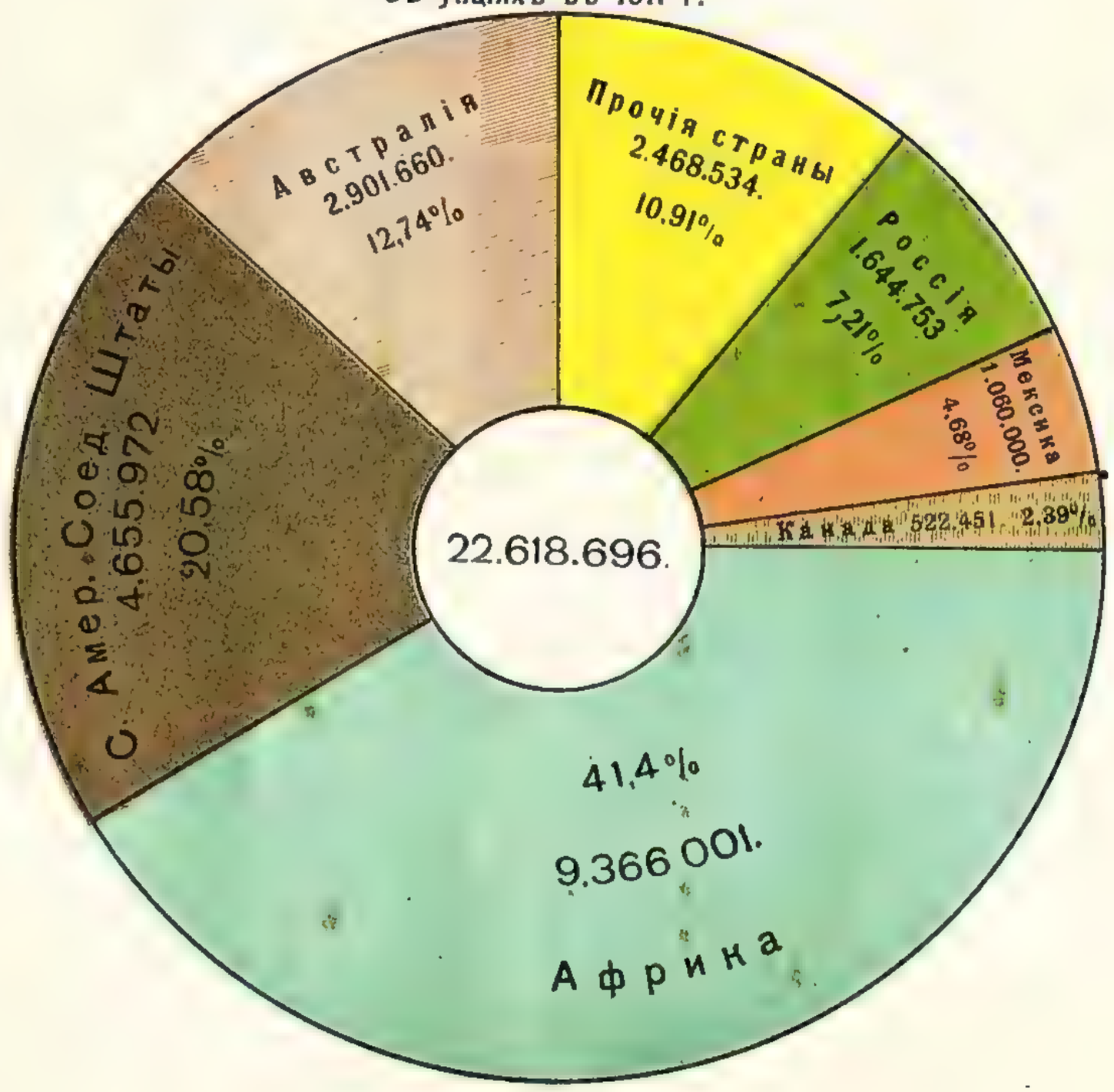
Діагр. № 9.



Діагр. № 11.

Годовая добыча золота по странамъ

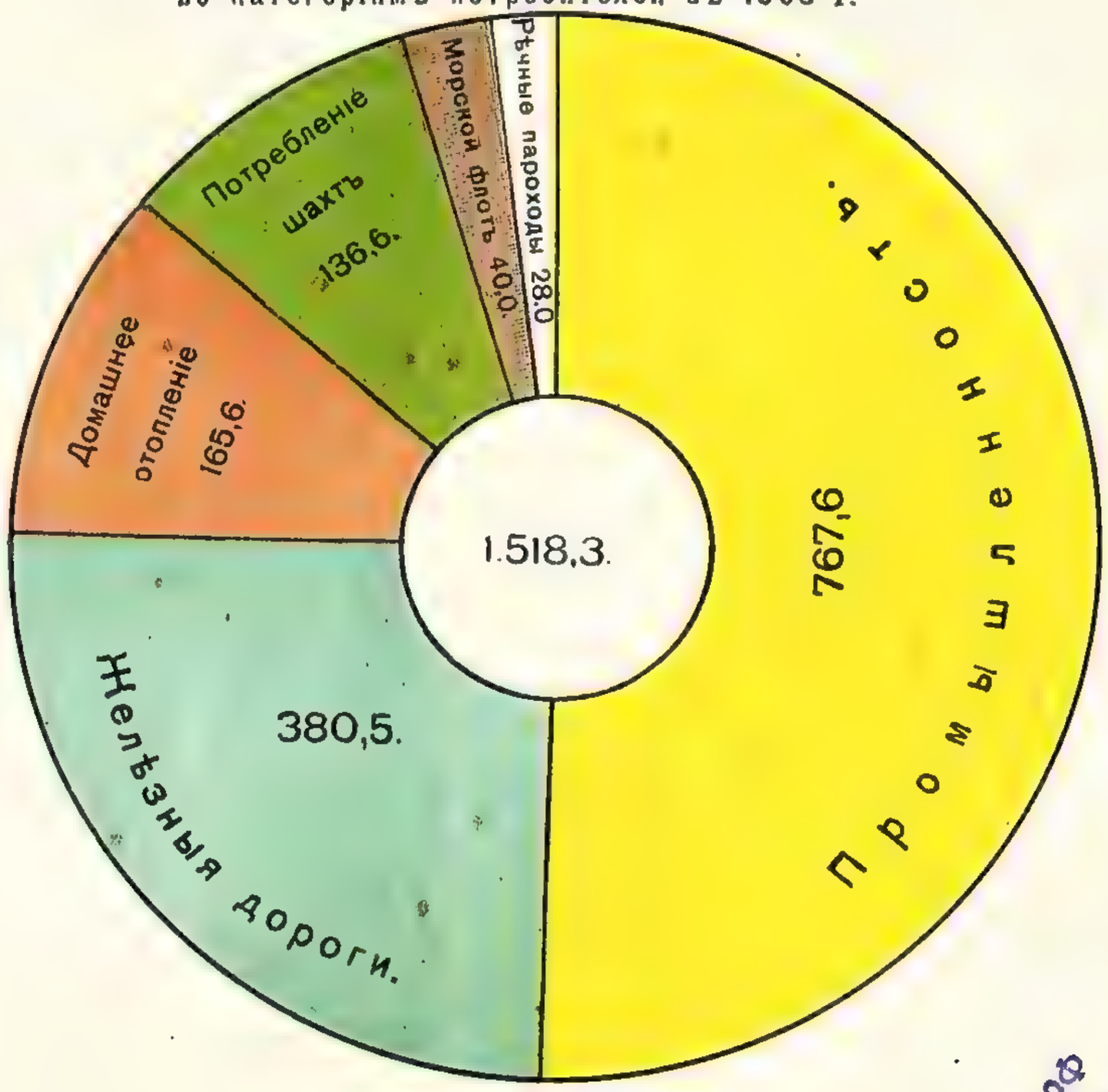
въ унціяхъ въ 1911 г.



Діагр. № 10.

Потребленіе каменноугольнаго топлива

по категоріямъ потребителей въ 1908 г.

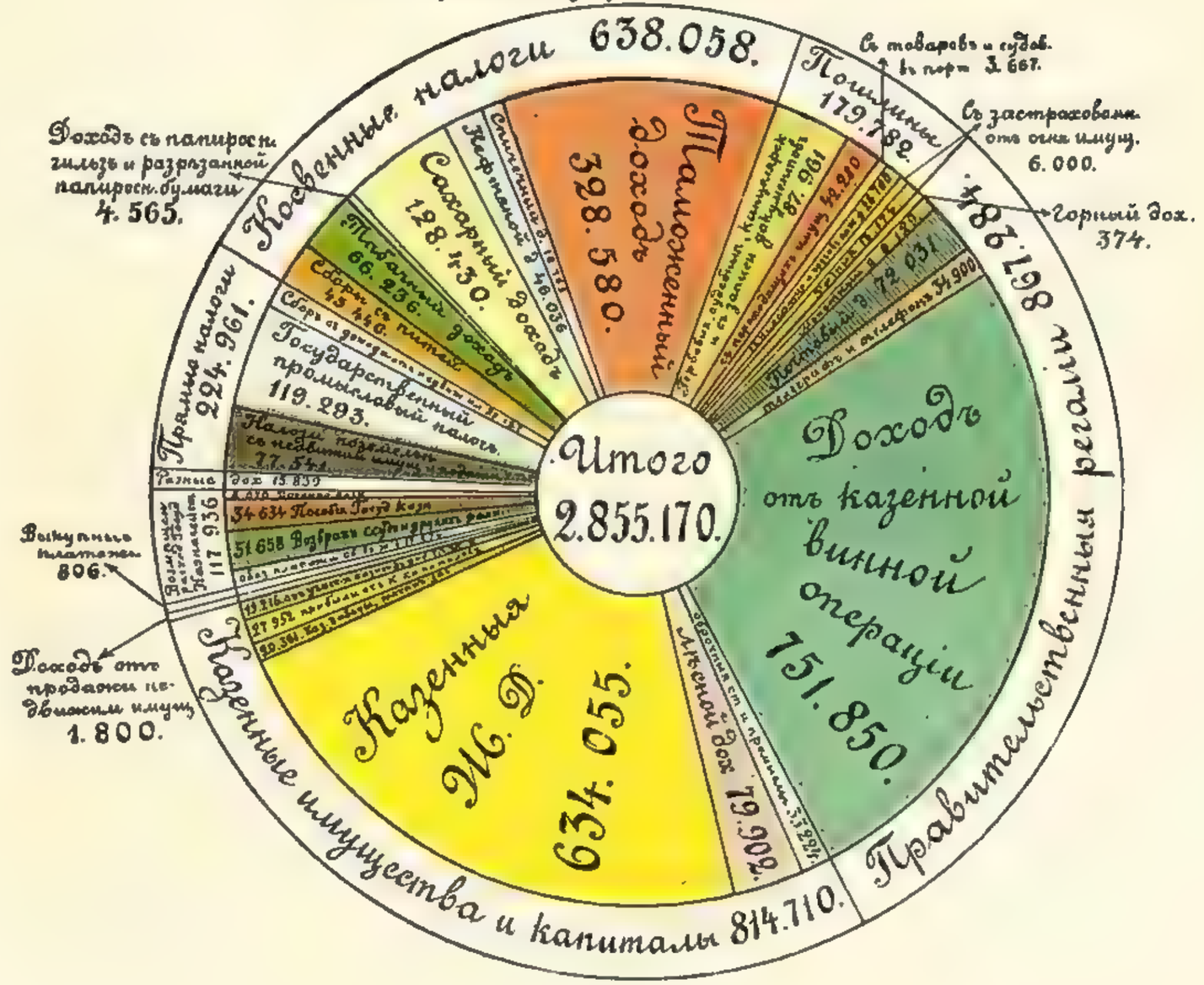


БИБЛІОТЕКА СЛУЖАЩИХЪ
Управленія ж. д.
Фонтанка, 117.

Діагр. № 21.

Доходный бюджетъ Россіи

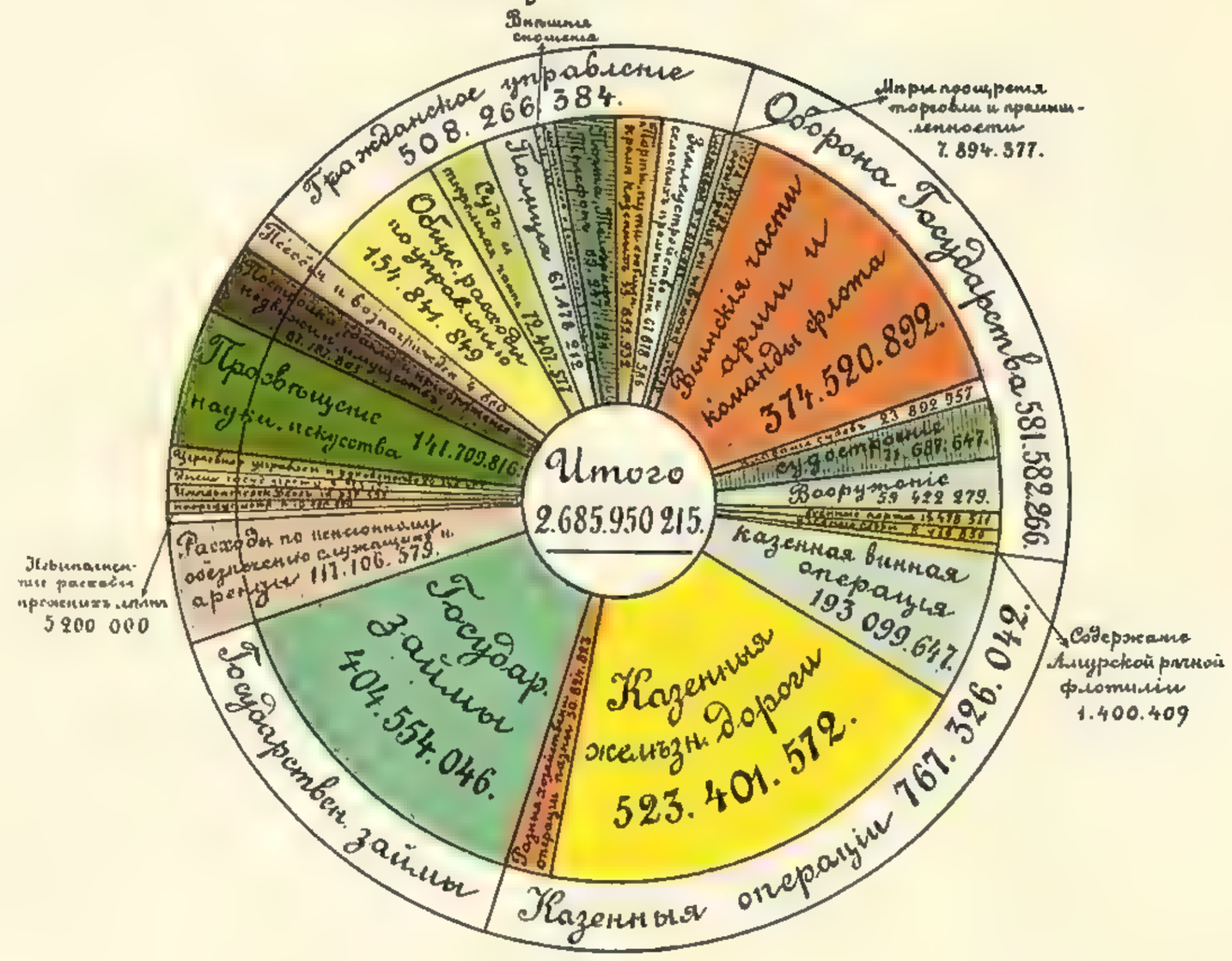
по проекту росписи на 1912 г.



Діагр. № 21.

Расходный бюджетъ Россіи

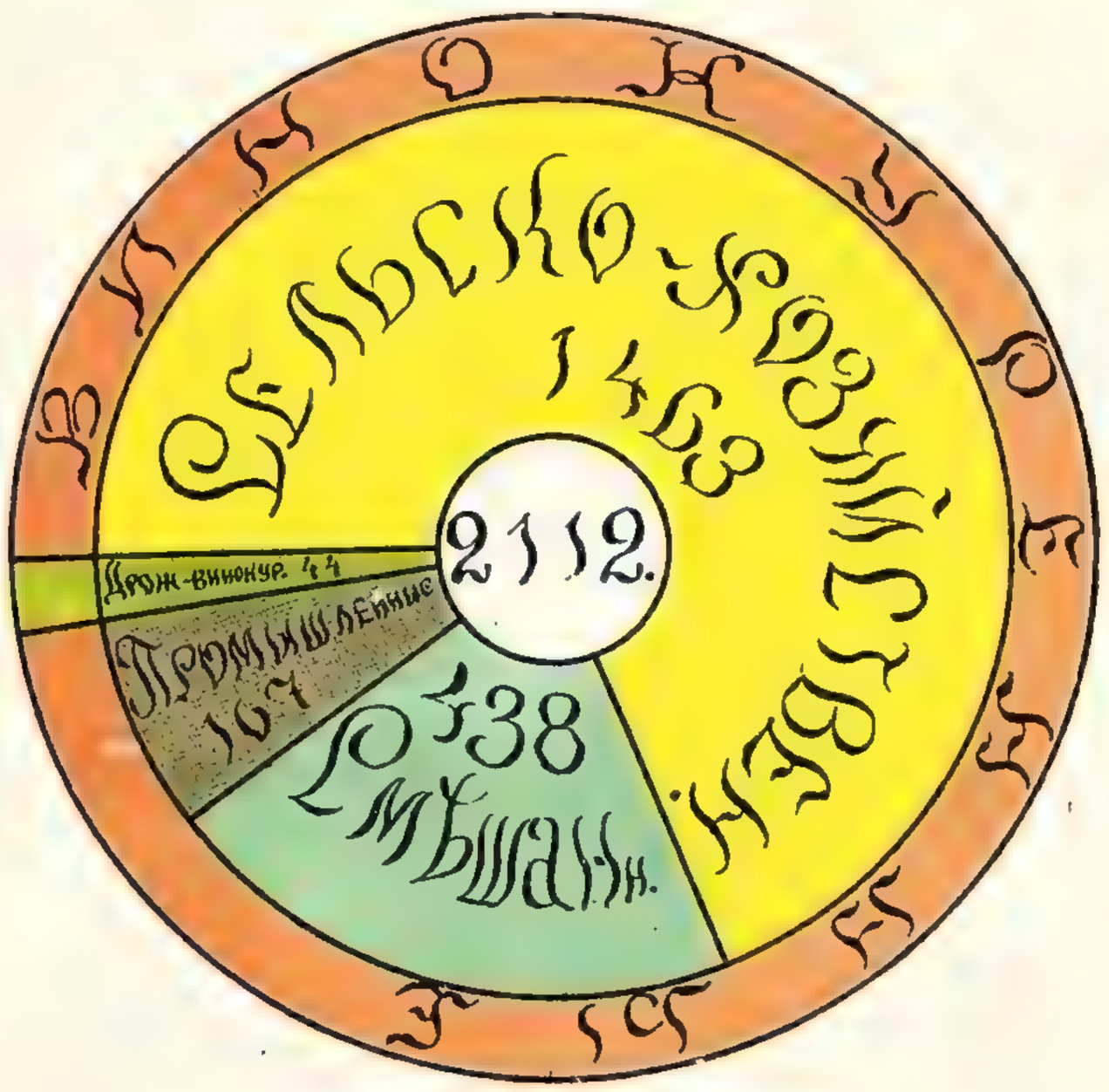
по проекту росписи на 1912 г.



Діагр. № 22.

Распредѣл. винокур. и дрож.-винокур. заводовъ по район. и категоріямъ въ

1895-1896 г.

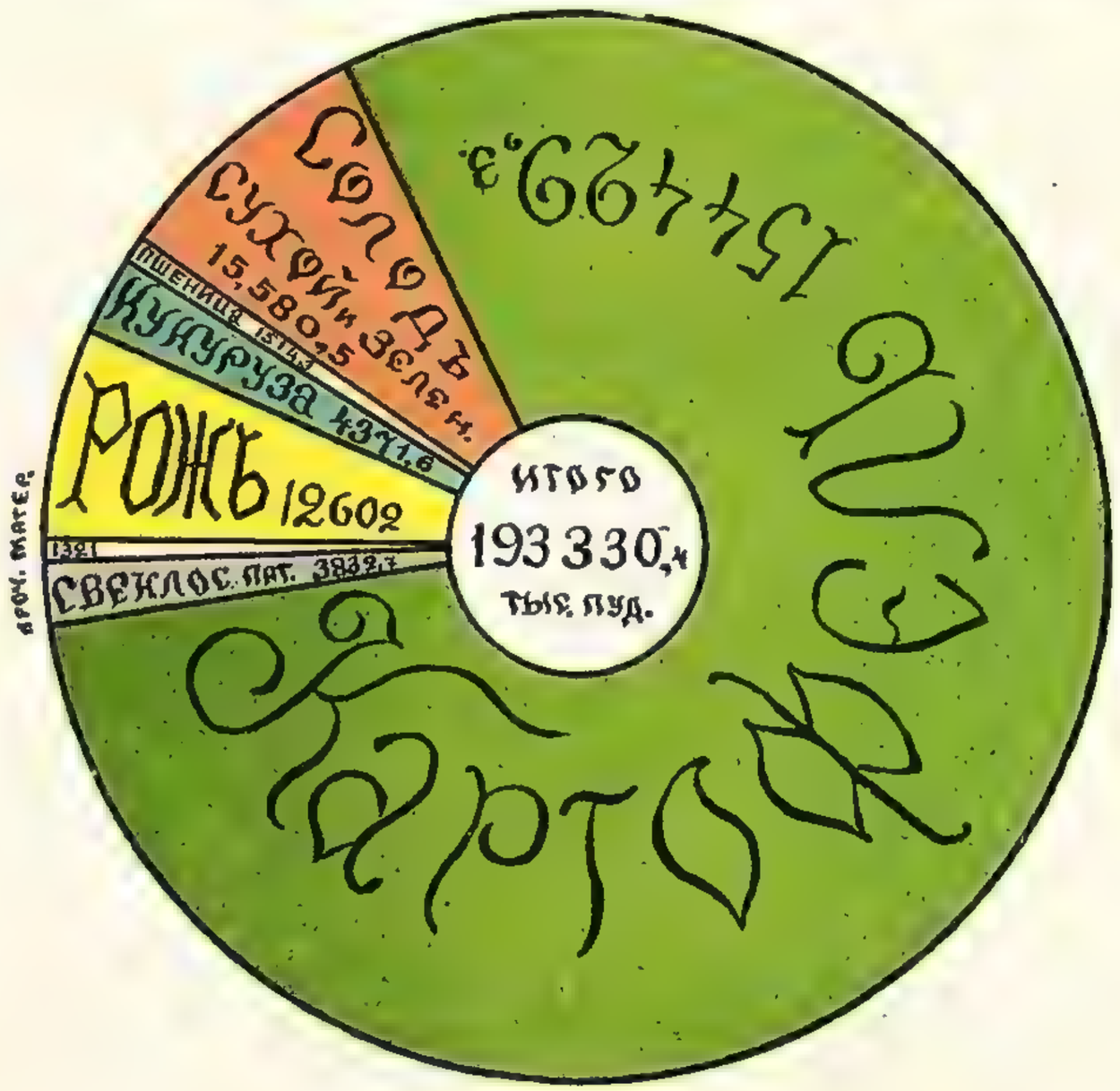


1905-1906 г.

Библіотека служащихъ
Управленія ж. д.
Фонтанка, 117.

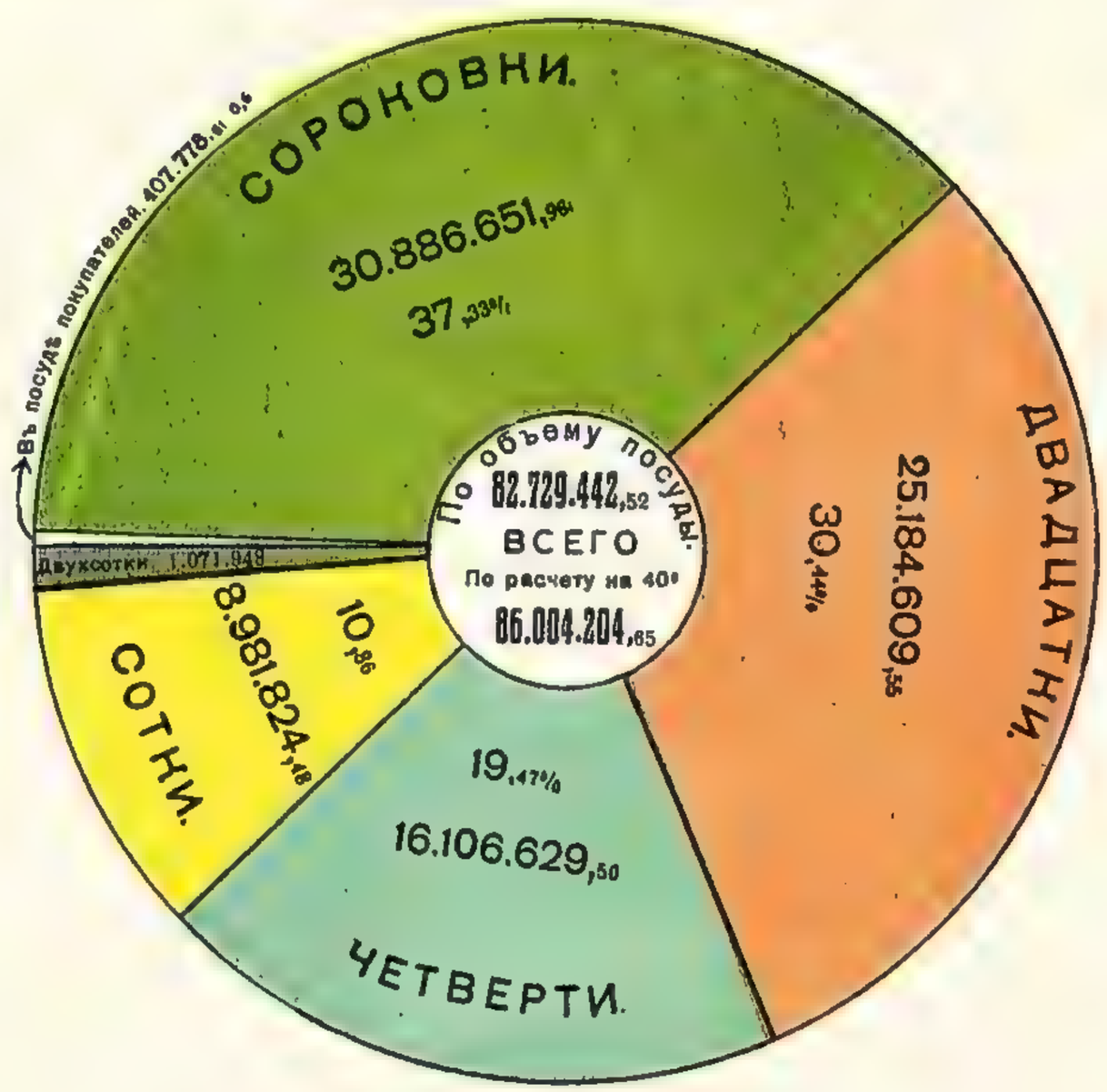
Діагр. № 23.

Колич. матеріаловъ изъ которыхъ выкуривался спиртъ въ Имперіи въ 1905-6 г.



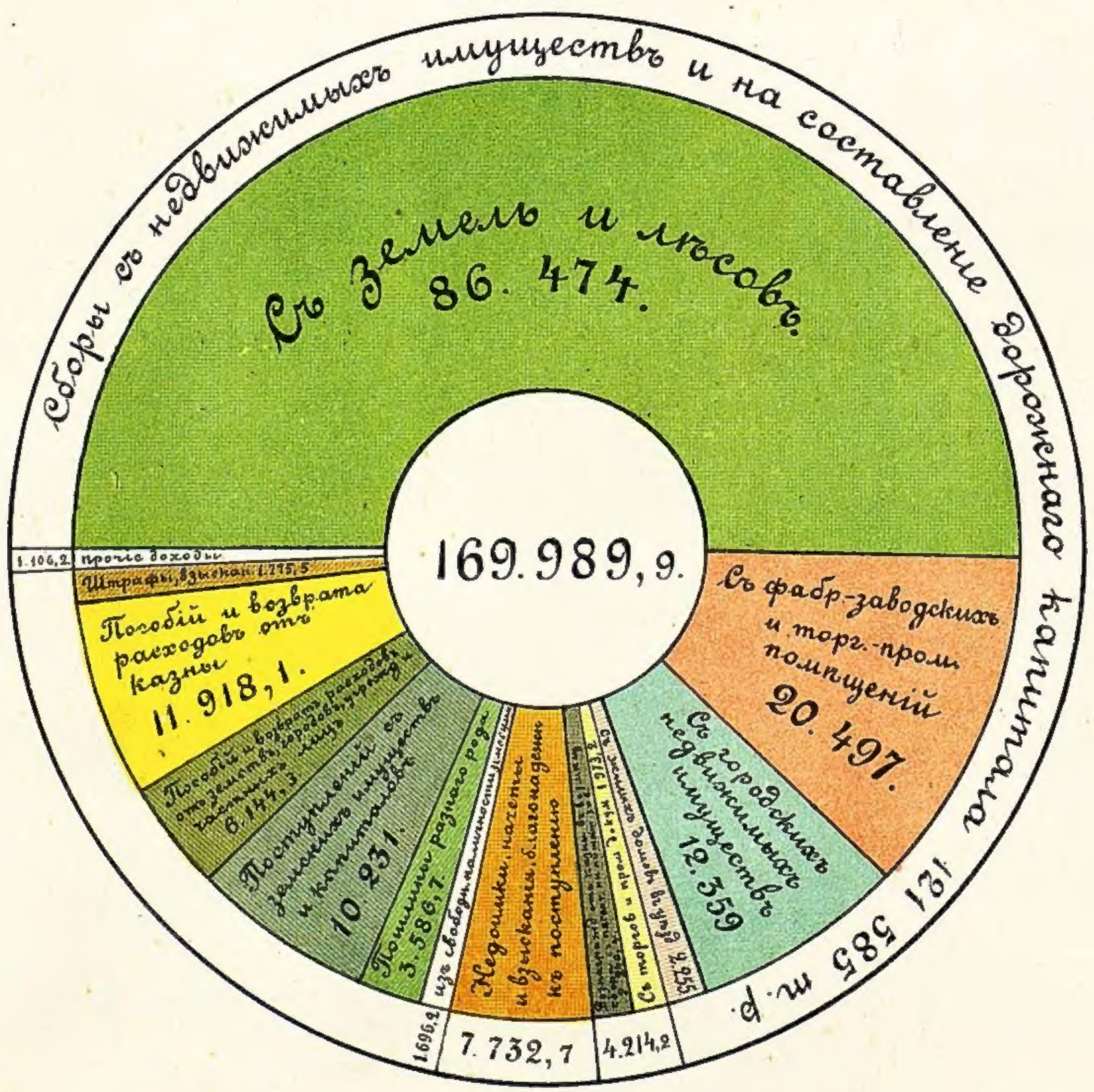
Діагр. № 24.

Продажа спиртныхъ напитковъ по размѣрамъ посуды.



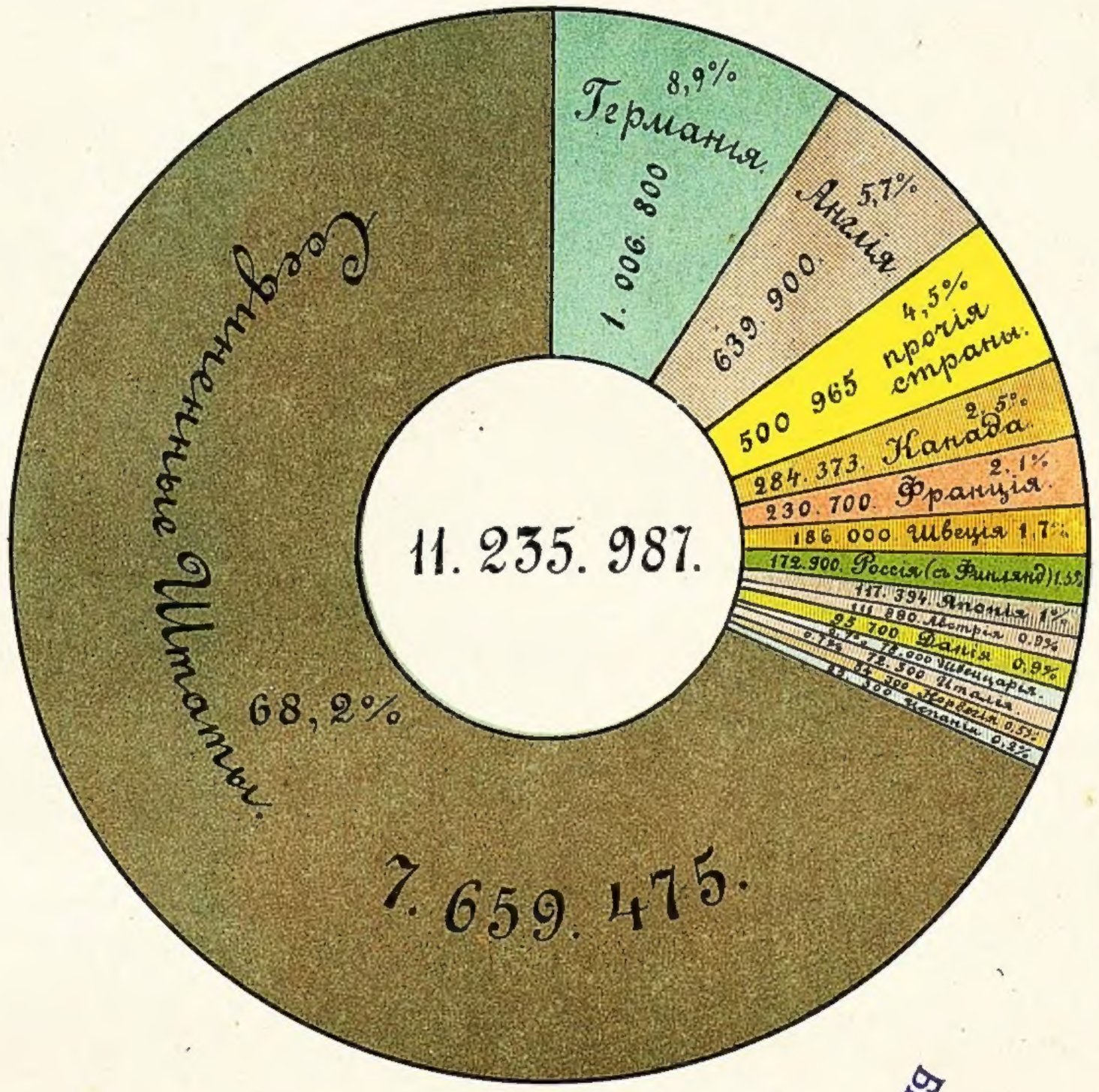
Діагр. № 27.

Земскій доходный бюджетъ
на 1910 годъ
въ тысячахъ.



Діагр. № 13.

Сколько въ мірѣ телефоновъ.



БИБЛІОТЕКА СЛУЖАЩИХЪ
Управленія ж. д.
Фонтанка 117.